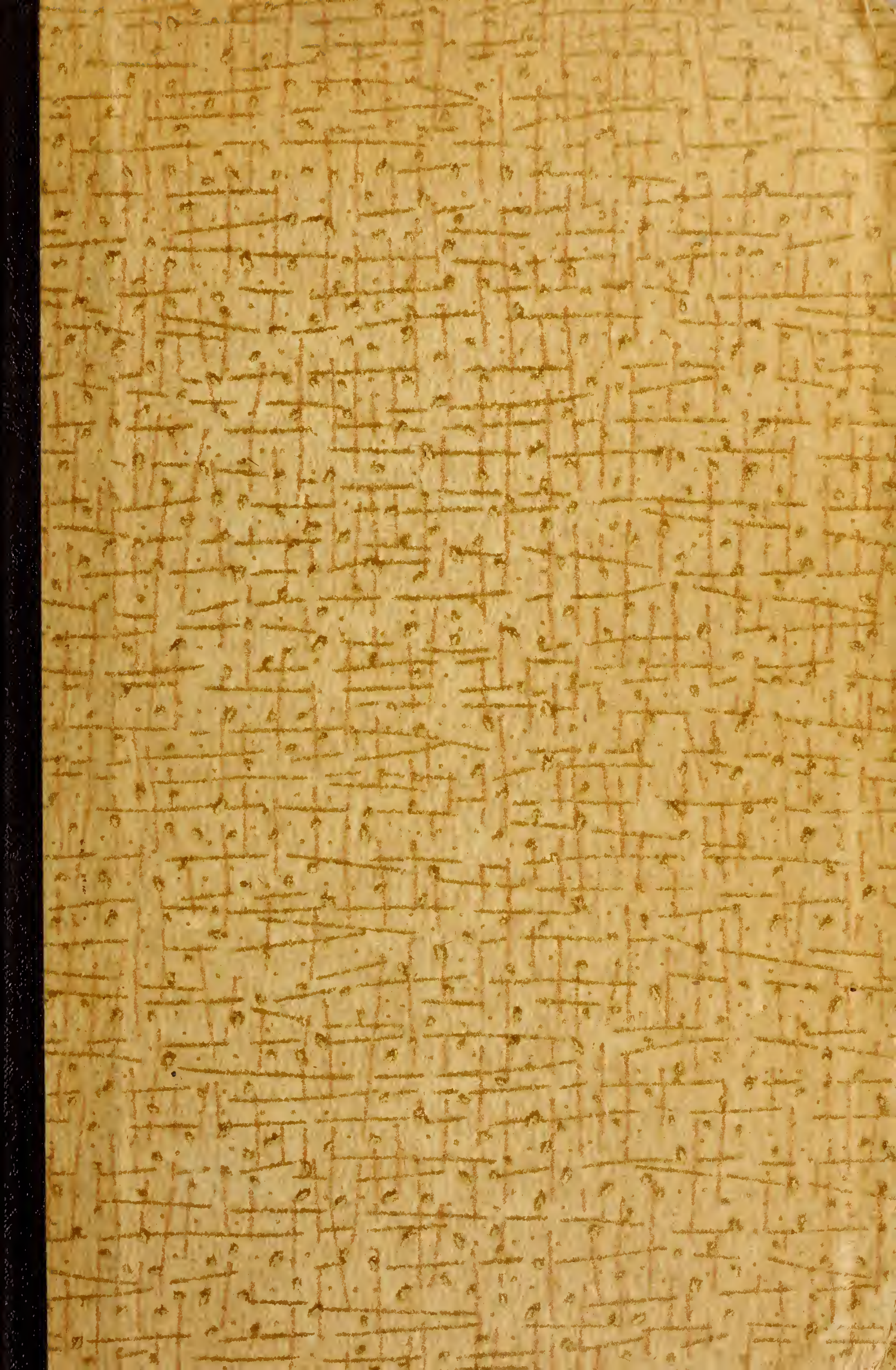
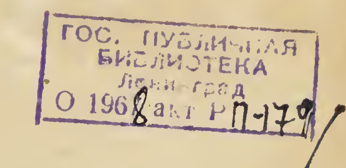

ОГЛАВЛЕНІЕ ВОСЬМОЙ КНИЖКИ.

АВГУСТЪ.

I. Словесность.

II. Науки и Художества.

III. Критика.

IV. Библіографическая Хроника.

НОВЫЯ СОЧИНЕНІЯ.

стр.

ПЕТЕРБУРГСКІЯ ЗАМѢТКИ.

ПРИЧУДНИЦА.

КОМЕДІЯ ВЪ ТРЕХЪ ДѢЙСТВІЯХЪ.

Соч. Лопе де-Веги (*).

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Тиберіо.
Лисарда.
Элисо.
Фабіо.
Альгвазилъ.
Нотаріусъ.
Белиса.
Целія.
Пруденціо.
Фелисардо.
Каррильйо.
Дон-Хуанъ.
Флора.
Четверо лакеевъ.

Дѣйствіе происходитъ въ Мадридѣ.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Комната.

Тиберіо и Лисарда.

Тиберіо. — Снятъ ли у васъ наконецъ трауръ?

Лисарда. — Вотъ ужь болѣе года, какъ отецъ ихъ умеръ.

Тиберіо. — Стало-быть, мы можемъ сказать, что удовольствіе — плодъ печали.

(*) Мы чрезвычайно сожалѣемъ, что Лопе де-Вега еще не изданъ въ Риваденейровой «Библіотекѣ испанскихъ писателей» (¹) и что мы принуж-

(¹) *Biblioteca de autores españoles*, Madrid, 1846—51.
Мы имѣемъ у себя только XVII томовъ. Въ XVII-мъ обѣщано, что скоро выйдутъ:
1) Novelistas posteriores à Cervantes; 2) Comedias de Don Juan de Alarcon и 3) Obras de Don Francisco de Quevedo Villegas. — Рекомендуемъ это изданіе любителямъ испанской литературы: оно несравненно-лучше изданій Бодри во всѣхъ отношеніяхъ.

Лисарда. — Можетъ-быть—удовольствіе, но только не для меня: я въ немъ лишилась такого примѣрнаго мужа.

Тиберіо. — О, какое безполезное чувство!

Лисарда. — Безполезное? Не-уже-ли не должна оплакивать своего спутника въ жизни та женщина, которая страстно его любила и столькимъ ему обязана? Развѣ не знаешь ты, что даже самыя птицы подаютъ намъ въ томъ примѣръ? Такъ горлинка, потерявъ голубя, переходитъ отъ обычной пѣсни своей къ тихимъ, жалобнымъ стонамъ и, лишившись супруга, не беретъ себѣ другаго и не садится ужь болѣе на зеленую вѣтку?

Тиберіо. — Такъ гдѣ жь садится она?

Лисарда. — На терновомъ кусту, на сухомъ сучкѣ.

дены пока довольствоваться изданіемъ Бодри, въ которое не вошли многія изъ его лучшихъ пьесъ. Вотъ что говоритъ объ изданіяхъ испанскихъ авторовъ Бодри, рецензентъ I-го тома дорновыхъ «Spanische Dramen» докторъ Карлъ Штаръ (Stahr) (²): «Въ Германіи для испанской литературы дѣлается мало, и ея любитель, если ему нѣтъ доступа къ сокровищамъ богатыхъ библіотекъ, долженъ нуждаться въ самомъ необходимомъ, а потому, по нашему мнѣнію, тѣмъ большей похвалы заслуживаетъ огромное предпріятіе французскаго книгопродавца Бодри, который, въ своей «Европейской Библіотекѣ», какъ кажется, назначилъ и испанцамъ довольно-большое мѣсто. «Испанскаго Театра» ужь вышло теперь въ его изданіи пять толстыхъ томовъ; и хотя выборъ пьесъ, вошедшихъ въ его составъ, сравнительно, очень-невеликъ, эстетическая критика—старинная французская, слѣдовательно односторонняя; самое изданіе текстовъ далеко несоотвѣтствуетъ требованіямъ германской науки, за-всѣмъ-тѣмъ изданія эти, печатавшіяся подъ надзоромъ испанцевъ Очоа, Наваррете, Кинтаны, Моратина и другихъ, составляютъ единственный источникъ, изъ котораго мы должны почерпать наши свѣдѣнія о богатой испанской литературѣ». Далѣе Штаръ продолжаетъ: «Изъ свѣтилъ первой величины Сервантесъ, Лопе и Кальдеронъ едва у насъ извѣстны: полное собраніе сочиненій Сервантеса издано прекрасно, тщательно и вѣрно г-мъ Бодри; этимъ изданіемъ занимался Наваррете; Кальдеронъ прекрасно изданъ Кейлемъ на иждивеніи книгопродавца Флейшера. Оба эти изданія, равно какъ и грамматика романскихъ языковъ Дица (Diez) и также, можетъ-быть, большой испанско-нѣмецкій словарь графа фон-Секендорфа (³) — явленія замѣчательныя по этой части. Но когда получимъ мы наконецъ возможно-полнаго (издать его совершенно-вполнѣ теперь ужь невозможно), критически и тщательно-изданнаго Лопе?»

Строки эти писаны въ 1842 году, слѣдовательно, назадъ тому двѣнадцать лѣтъ; но мы можемъ и теперь повторить послѣднія слова Штара. Лопе до-сихъ-поръ вполнѣ не изданъ; въ изданіе Бодри вошло только

(²) Jahrbücher für Wissenschaft. Kritik Berlin 1842, № 21.
(³) Слѣдовало бы сказать: барона фон-Секендорфа. *Прим. перевод.*

Тиберіо. — Горлинкамъ подражаютъ и тѣ, которыхъ я зову этимъ именемъ: пошли мнѣ судьба здоровье, не вру — вмѣсто того, чтобъ въ гостиныхъ спокойно сидѣть на дамской эстрадѣ, онѣ садятся тамъ словно на колючіе кусты: безпокойство ихъ такъ велико, что во весь день не посидятъ на мѣстѣ.

Лисарда. — Это ко мнѣ не относится, Тиберіо, я никогда не искала себѣ другаго спутника въ жизни.

Тиберіо. — А по всѣмъ правамъ могла бы: ты овдовѣла еще очень-молодою и съ такимъ богатымъ имѣніемъ, еслибъ только захотѣла, могла бы имѣть еще полдюжины жениховъ.

Лисарда. — Съ двумя-то дѣтьми?

Тиберіо. — Хотя бъ дѣтей была у тебя цѣлая дюжина.

двадцать пьесъ; старинное 25-томное изданіе драматическихъ произведеній Лопе чрезвычайно-рѣдко. Въ Россіи, сколько намъ извѣстно, у одного только С. А. Соболевскаго находится экземпляръ этого изданія, который почти полонъ: въ немъ недостаетъ только томовъ V-го, XIII-го и двухъ XXIV-хъ.

Въ испанскомъ текстѣ предлагаемой пьесы мы замѣтили слѣдующія опечатки:

1) Acto I, escena VIII, p. 446, c. 2 v. 18, напечатано *Elisa*, а слѣдовало бы быть: *Felisardo* и тамъ же v. 20 напечат. *Felis* вмѣсто *Eliso*.

2) Acto II, escena VII. p. 458, c. 1, v. 17, слово *Tiberio* пропущено и тамъ же v. 18 слово *Lis* совершенно-лишнее.

3) Acto II, escena XVII, p. 464, c. 1, v. 24, вмѣсто: *Belisa* напечатано *Celia*.

Для того, чтобъ сдѣлать понятнѣе читателю неожиданную развязку пьесы и характеръ Дон-Хуана, приводимъ слова Шака, знатока испанской литературы вообще и особенно драматической. Онъ говоритъ (⁴): «Упрекъ, дѣлаемый обрисовкѣ нѣкоторыхъ характеровъ въ пьесахъ Лопе, повидимому основательный, состоитъ въ томъ, что у него часто нѣкоторые характеры, особенно въ концѣ пьесы, вдругъ измѣняются безъ всякой видимой причины. Конечно, нельзя совершенно отрицать, что иногда тому причиною самая поспѣшность, съ какою пьеса писана авторомъ; но примѣры такой неожиданной перемѣны въ мысляхъ даже у лицъ, которыя, во всѣхъ остальныхъ частяхъ обрисованы чрезвычайно-тщательно и отчетливо, такъ часто попадаются въ испанскихъ пьесахъ, романахъ и повѣстяхъ, что мы принуждены искать объясненій этому явленію въ самой особенности народа, служившаго прототипомъ этимъ характерамъ. Испанцы одарены такою быстротою, раздражительностью и подвижностью душевныхъ ощущеній, какой житель Сѣвера и не подозрѣваетъ; ихъ стремленія и желанія, во всѣхъ обстоятельствахъ жизни, въ высочайшей степени рѣшительны; ихъ страсти также преслѣдуютъ цѣль свою стремительно и настой

(⁴) Geschichte der dramatischen Litteratur und Kunst in Spanien. Berlin, 1845—1846 B-de. B. II. S. 245 и 246.

Лисарда. — Плохо же ты меня знаешь.

Тиберіо. — Если станешь запираться въ томъ, что̀ чувствуешь.

Лисарда. — Въ чемъ мнѣ запираться? Мужъ мой оставилъ мнѣ сто тысячъ червонцевъ да двухъ дѣтей, которыхъ надѣюсь увидѣть въ скоромъ времени — одного женатымъ, другую замужемъ, а сама удалюсь въ деревню съ одною только горничною и лакеемъ.

Тиберіо. — Ты разсуждаетъ прекрасно о томъ, что̀ слѣдуетъ сдѣлать; отчего жь на самомъ-то дѣлѣ не позаботишься, чтобъ отдать Белису зàмужъ? Она ужь въ такомъ возрастѣ, что пора объ этомъ подумать; притомъ тысячи человѣкъ ищутъ ея руки; что жь касается до Дона-Хуана, то онъ мужчина.

Лисарда. — Какъ я могу отдать зàмужъ Белису и гдѣ найдти мнѣ

чиво, но вмѣстѣ съ тѣмъ готовы, въ случаѣ, если эта цѣль окажется недосягаемой, подчиниться голосу разсудка. У нихъ самыя противоположныя чувства смѣняются мгновенно, не проходя, какъ у насъ, длиннаго ряда постепенности: у нихъ всепожирающій огонь ощущеній находится рядомъ съ ледяною холодностью. Испанецъ способенъ чрезвычайно-быстро переходить отъ самой пламенной любви, къ самой ужасной ненависти: думаешь, что онъ утолилъ свою жажду изъ того источника, о которомъ разсказываетъ Аріосто. Раздражительность чувства чести можетъ его заставить поднять смертоносное оружіе даже на тѣхъ, которые до этой поры были существами самыми дорогими его сердцу; но, вслѣдствіе того же самаго побужденія, онъ способенъ затаить въ груди волненія страсти, или даже казаться совершенно-равнодушнымъ. Разсматривая съ этой стороны произведенія испанскихъ драматурговъ, мы увидимъ естественность многихъ развязокъ въ ихъ драмахъ, которыя, при поверхностномъ разсматриваніи, могли бы показаться необъяснимыми, и нѣкоторыя неожиданныя перемѣны въ образѣ мыслей дѣйствующихъ лицъ, которыя съ перваго взгляда готовъ принять за сумасбродство поэта, теперь являются намъ совершенно въ иномъ видѣ: мы видимъ, что все это черты, подмѣченныя въ самой натурѣ Испанца». — «Настоящая пьеса», какъ замѣчаетъ Тикноръ (5) «напечатана въ IX-мъ томѣ драматическихъ произведеній Лопе де-Веги (стр. 277 и слѣд.), вышедшемъ въ Барселонѣ въ 1618 году. Послѣ того она часто перепечатывалась подъ названіемъ: «La Melindrosa».

Шакъ говоритъ (6), что IX томъ Лопе де-Веговыхъ драматическихъ произведеній напечатанъ не въ Барселонѣ, а Мадридѣ, въ 1617 и 1618 годахъ, и что пьеса эта тамъ называется: *Los melindres de Belisa*.

У Очоа (7) она названа: *La Dama melindrosa*».

Въ экземплярѣ, принадлежащемъ С. А. Соболевскому, напечатано: *Barcelona, 1618, Sebast. de Cormellas*.

Въ подлинникѣ примѣчаній нѣтъ; они составлены переводчикомъ.

(5) History of Spanish Literature, т. II стр. 180, замѣч. 33.

(6) Т. II, стр. 693.

(7) Teatro escogido de Lope de Vega. Paris, 1838, стр. 440—478.

для нея человѣка такого знатнаго происхожденія и съ такими прекрасными качествами, какія создала она себѣ въ своемъ воображеніи?

Тиберіо. —Вѣроятно, она шутитъ, если говоритъ, что такъ думаетъ.

Лисарда. — Есть женщины, которыя не могутъ выйдти замужъ: ведутъ онѣ себя такъ странно, что вся жизнь ихъ проходитъ въ томъ, что гоняются за суетой и наконецъ надоѣдаютъ цѣлому свѣту. Медля сдѣлать выборъ, лучшее, обыкновенно, пропускаютъ, а потомъ сами всѣмъ навязываются.

Тиберіо. — Стало-быть ты полагаешь, что Белиса изъ числа ихъ?

Лисарда. — Есть ли на свѣтѣ что-нибудь несноснѣй и причудливѣй ея? Есть ли такой мужчина, котораго бы она страстно любила изъ алчности къ деньгамъ, или за его умъ и наружность? Она похожа на улицу, гдѣ биржа: туда сходятся и генуэзскій рыцарь, и возвратившійся изъ Индіи португалецъ, и дѣловой человѣкъ, и адвокатъ, и богатый старикъ, и воинъ и щеголь; но ей никто изъ нихъ не нравится, во всѣхъ находитъ она недостатки.

Тиберіо. — Да проститъ меня Белиса: скромности и красоты у ней не отнимаю, но не должна она ни заноситься высоко, ни предаваться пустымъ мечтамъ.

Лисарда. — Тиберіо, если ты хочешь поговорить съ нею и растолковать ей, что она забрала себѣ въ голову глупость, она сегодня ожидаетъ какихъ-то посѣтителей, а потому чрезвычайно-мила и весела: поговори съ нею.

Тиберіо. — Я разсерженъ и клянусь честью, что она выйдетъ замужъ по моему выбору, хотя бы этого и не желала.

Лисарда. — Сегодня ждетъ она четырехъ жениховъ, не знаю, понравятся ли ей они?

Тиберіо.—Не представляются ли они ей, обыкновенно, четверо вмѣстѣ?

Лисарда. — Тиберіо, подстрекаютъ-то ихъ деньги.

Тиберіо. — Деньги не должны ихъ подстрекать: онѣ кладутся въ монастырь (1).

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Комната.

Входятъ Белиса и Флора, ея горничная.

Флора. — Видно, жалюзи мѣшаютъ вамъ видѣть, какъ слѣдуетъ, улицу, сеньйора, если вы говорите, что кавалеръ на чалой лошади не статенъ, не молодцоватъ и не красивъ собою.

---

(1) Въ Мехикѣ монастыри до-сихъ-поръ служатъ банками.

Белиса. — Флора, эти жалюзи испортили-было глаза мои.

Флора. — Какъ это?

Белиса. — Ударили меня своими палками въ самые зрачки.

Флора. — Какія пустяки!

Белиса. — Какъ только подвинула я къ нимъ глаза свои, они возьми да и стукни меня; я тотчасъ отплатила имъ за это.

Флора. — Какимъ же образомъ?

Белиса. — Я выхватила изъ ноженъ ножъ и давай колоть имъ то мѣсто, о которое ушиблась.

Флора. — Богатая выдумка! Слыхалъ ли кто, чтобъ ножомъ наказывали жалюзи?

Белиса. — По-крайней-мѣрѣ я сдѣлала отверстіе, сквозь которое можно теперь смотрѣть на проходящихъ по улицѣ. Но скоро послѣдовало за это наказаніе: вмѣсто кавалера, мимо оконъ моихъ прошелъ...

Флора. — Кто жь?

Белиса. — Продавецъ оливковаго масла.

Флора. — И вы на него смотрѣли?

Белиса. — Признаюсь, смотрѣла; да только случилась бѣда: онъ замаралъ мнѣ платье.

Флора. — Вы стояли за рѣшоткой, а онъ шелъ по улицѣ: какъ могъ онъ васъ замарать?

Белиса. — А ты скажешь, что не могъ? Взгляни-ка на меня хорошенько.

Флора. — Глядѣть, замаралъ ли васъ масломъ тотъ, кто продавалъ его?

Белиса. — По-крайней-мѣрѣ я думаю, что замаралъ; подай мнѣ другое платье, а это сейчасъ же вели продать.

Флора. — Посмотрите: оно совершенно-чисто.

Белиса. — Глупенькая! не говорила ли я тебѣ много разъ, что мнѣ вредно, когда противорѣчатъ? Господи! Какой ужасный случай!

Флора. — Что съ вами?

Белиса. — Попробуй мой пульсъ, посмотри на мой лобъ: я совершенно умираю. Какая страшная лихорадка.

Флора. — Въ жизнь свою не стану поперечить вамъ, сеньйора: я такъ люблю васъ и такъ вамъ предана, что всегда стараюсь дѣлать вамъ угодное. На колѣняхъ васъ умоляю: простите меня.

Белиса. — Теперь лихорадка перестала.

Флора. — Остался ли жаръ?

Белиса. — Маленькій, но и тотъ проходитъ.

Флора. — Сюда идутъ ваша маменька и дядюшка.

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

Тѣ же; входятъ Тиберіо съ Лисардой.

Белиса. — Сейчасъ принеси мнѣ сюда работу : не хочу, чтобъ они застали меня безъ дѣла.

Флора. — Не прикажете ли принести кружевную сѣтку ?

Белиса. — Это работа утомительная и требуетъ большаго искусства ; изъ такого множества коклюшекъ, одна мнѣ совершенно отвертѣла руки, а отъ другихъ, Флора, у меня сдѣлалась жестокая, нестерпимая боль въ пальцахъ.

Флора. — Вспомните, что работы я вамъ еще не приносила.

Белиса. — Или ты не слыхала, что не должна мнѣ поперечить? Сейчасъ же принеси мнѣ шарфъ : за этой работой отдыхаютъ руки.

(Флора уходитъ).

Лисарда. — Увѣрять ее было бы напрасно.

Тиберіо. — Не-уже-ли такъ трудно исполнить мое намѣреніе, племянница?

Белиса. — Сеньйоръ ?...

Тиберіо. — Клянусь честью! снимаешь трауръ, а сама все хорошѣешь.

Белиса. — По-крайней-мѣрѣ, дядюшка, отъ души желаю дѣлать вамъ угодное.

Тиберіо. — Одѣвшись по-свадебному, ты доказываешь это на дѣлѣ.

Лисарда. — Эй, Флора, креселъ сюда и двѣ подушки.

(Входитъ Флора).

Флора. — Вотъ и шарфъ вамъ.

Белиса. — Головные уборы дѣлаются ныньче претяжелые. Прибери мой; онъ не столько украшаетъ, сколько утомляетъ меня.

Флора. — Вотъ и кресла (2), сеньйора.

Белиса. —Подозрѣваю, ужь не пришли ли вы читать мнѣ проповѣди?

Тиберіо. — Если хочешь меня выслушать, возьми подушку.

Флора. — Сейчасъ за ней сбѣгаю *(уходитъ).*

Тиберіо. — Вѣдь я замѣняю тебѣ отца.

Белиса *(кричитъ вслѣдъ Флорѣ).*—Не приноси только подушки съ зеленью: вчера я на ней посидѣла и у меня сдѣлалась боль въ желудкѣ.

Тиберіо. — Не простудилась ли ты отъ зелени ?

Белиса. — Мнѣ вредны травы, вышитыя на подушкѣ.

(Входитъ Флора).

---

(2) *Silla* — значитъ и кресло и каѳедру.

Флора. — Вотъ и подушка здѣсь.

Тиберіо. — Садись здѣсь, Лисарда; а ты, племянница, сядь подлѣ меня.

Белиса. — Мнѣ надоѣдаетъ сидѣть среди разноцвѣтныхъ кистей.

Тиберіо. — Надѣюсь услышать отъ тебя причину.

Белиса. — Причина та, что мнѣ кажется, будто сижу среди четырехъ докторовъ.

Тиберіо. — Ка̀къ идетъ дѣло о замужствѣ?

Белиса. — Дурно, дядюшка; никто мнѣ не нравится.

Тиберіо. — Что̀ жь тебѣ въ нихъ не нравится?

Белиса. — Недостатковъ у нихъ бездна.

Тиберіо. — Какіе же у нихъ недостатки?

Белиса. — Между-прочимъ, предлагаютъ мнѣ одного лысаго адвоката.

Тиберіо. — Какое дѣло тебѣ до его лысины?

Белиса. — Когда-бъ я хотѣла владѣть черепомъ вмѣсто мужа, въ такомъ случаѣ, конечно, подъ бокомъ человѣкъ съ лысиной былъ бы для меня сущею находкой.

Лисарда.—Притомъ онъ очень-богатъ?

Белиса.—Онъ хотѣлъ-было разбогатѣть, воспользовавшись этимъ случаемъ, да у случая не было хохолка на лбу, а потому онъ спиной и повернулся ко мнѣ.

Лисарда.—Зачѣмъ же отказала ты полковнику?

Белиса.—Развѣ это пустяки, что нѣтъ у него одного глаза?

Лисарда.—Какое дѣло до этого, если онъ вставляетъ себѣ другой, изъ серебра.

Белиса.—Позвольте , я сейчасъ вамъ все растолкую.

Лисарда.—Растолкуй пожалуйста.

Белиса.—Начнетъ человѣкъ этотъ клясться и говорить: «люблю тебя какъ глаза свои», а я знаю, что серебряный глазъ стоилъ ему два реала, стало-быть всю любовь свою ко мнѣ, и меня, которую называетъ онъ жизнью своею, цѣнитъ онъ всего только въ четыре реала. Кромѣ того, онъ не могъ бы никогда назвать меня «глазками своими».

Лисарда.—Замолчи пожалуйста.

Белиса.—Мнѣ же звать его «глазкомъ своимъ» значило бы надъ нимъ издѣваться.

Тиберіо.—О, какъ это остро и мило!

Лисарда.—А что̀ ты скажешь о португальцѣ?

Белиса.—Что на мою грудь и плечи онъ надѣлъ бы власяницу.

Лисарда.—Не понимаю тебя.

Белиса.—Касаться меня черною, мохнатою и густою бородою то же, что власяницу надѣвать на мое лицо и зажимать ею мнѣ ротъ.

Лисарда.—А тотъ богатый кабальеро, изъ того мѣстечка, что̀ въ Манчѣ?

Белиса.—Ноги у него велики.

Лисарда.—Развѣ это важный недостатокъ?

Белиса.—Неважный, маменька, если бъ ужь ноги у него не были такъ уродливо-длинны. Я испугалась ихъ длинноты и подумала просебя: если онъ разсердится, укрыться отъ его пинка тоже, что̀ зарыть себя въ землю (3). Притомъ я замѣтила, что ногти у него нѣсколько-черны, между-тѣмъ, какъ я нисколько не располагаю держать въ домѣ своемъ пустельги съ черными когтями.

Лисарда.—Не бѣлые ли были ногти у французскаго рыцаря?

Белиса.—Не хочу я быть «madame» и мужа своего звать «monsieur».

Лисарда.—Теперь скажи мнѣ: какой недостатокъ отыскала ты въ донѣ Луисѣ? человѣкъ онъ, кажется, молодой и хорошъ собою, притомъ грудь его украшаетъ ящерица св. Іакова?

Белиса.—Замолчите, маменька, не пугайте меня, скажите: вѣдь говорятъ, что женщины обнимаютъ своихъ мужей? Если у моего на груди будетъ ящерица, ни за что̀ никогда не обниму его.

Тиберіо.—Племянница, ящерицею только называется тотъ красный орденъ; имѣетъ онъ видъ меча, а не ящерицы.

Белиса.—Довольно одного съ нею сходства, чтобъ заставить меня умереть со страха.

Тиберіо. — Что̀ это значитъ: съ тобою дѣлается дурно? Племянница, тебѣ никто не нравится, а года̀ проходятъ такъ же скоро, какъ и цвѣты; прійдетъ время, когда ты раскаешься, но ужь будетъ поздно.

Лисарда. — Къ намъ стучатся.

Флора. — Точно стучатся.

Лисарда. — Посмотри, кто это.

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Тѣ же, входятъ Альгвазилъ съ Нотаріусомъ.

Альгвазилъ. — Мы всегда и повсюду входимъ безъ позволенія.

Тиберіо. — Жезлы правосудія всегда имѣютъ это право.

---

(3) Буквально: покрыться пинкомъ то же, что̀ похорониться подъ гробовой плитой. Не хотѣлъ ли Лопе де-Вега сказать: «ноги его такъ длинны, что вездѣ достанутъ и укрыться отъ нихъ можно только подъ гробовой плитой?»

Альгвазилъ. — Сроки прошли: подумайте Лисарда, не угодно ли вамъ будетъ взять обезпеченіе у Элисо?

Тиберіо. — Развѣ у тебя процесъ съ Элисомъ?

Лисарда. — Нѣтъ никакого средства получить съ него двѣ тысячи червонцевъ.

Тиберіо. — Какъ не прибѣгнуть къ понудительнымъ мѣрамъ! довольно того, что онъ забываетъ про свое обязательство и обходится съ тобою какъ съ женщиною.

Лисарда. — Будетъ годъ, какъ померъ мой мужъ, а Элисъ все еще денегъ мнѣ не выплачиваетъ; я до-сихъ-поръ молчала по прежней дружбѣ нашей къ нему и потому еще, что онъ хорошъ съ сыномъ моимъ, дономъ Хуаномъ.

Тиберіо. — Ступайте, господа, возьмите у него залогъ.

Альгвазилъ. — Пойдемте, онъ живетъ недалеко отсюда.

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

Лисарда, Белиса, Тиберіо и Флора.

Тиберіо. — Я также хочу идти.

Лисарда. — Съ Белисой обморокъ.

Тиберіо. — Что̀ съ нею?

Белиса. — Мнѣ показалось, когда я увидѣла его съ жезломъ, что онъ выколетъ мнѣ глаза.

Тиберіо. — Жезломъ глазъ не выкалываютъ, а съ помощью его берутъ залогъ (4).

Флора. — Васъ ждутъ по-крайней-мѣрѣ четыре жениха.

Лисарда. — Гдѣ они?

Флора. — Въ залѣ.

Лисарда. — Кто жъ это?

Флора. — Фабриціо.

Белиса. — Фабриціо я ужь видѣла.

Тиберіо. — Чѣмъ же не нравится тебѣ Фабриціо?

Белиса. — Въ бородѣ и головѣ у него много снѣжныхъ хлопьевъ; а когда бываетъ такое множество этихъ бѣлыхъ мушекъ, значитъ лѣто проходитъ.

Флора. — Другой изъ дожидающихся—врачъ.

Белиса. — Вотъ прекрасно! Жить вѣчно съ медикомъ! Я тотчасъ себѣ представлю, что нездорова; ужь отъ одной мысли меня

---

(4) Въ подлинникѣ: *Sacar osos* — выкалывать глаза и *sacar prendas* — брать залогъ, собственно: извлекать залогъ.

бросаетъ въ ознобъ, точно въ четырехдневной лихорадкѣ, я вся дрожу... ти, ти, ти... Эй! несите меня въ постель.

Тиберіо. — Не будь это моя племянница, далъ-бы я ей пару пощечинъ.

Лисарда. — Бѣда моя, если она это услышитъ! Пойдемъ къ обѣднѣ, дитя мое, а жениховъ этихъ надобно выслать отсюда.

Тиберіо. — Куда пойдешь ты такъ рано?

Лисарда. — Пойду къ святому Іерониму.

Белиса. — Ахъ, нѣтъ, матушка, это слишкомъ-далеко.

Лисарда. — Не будемъ закладывать кареты и пойдемъ пѣшкомъ къ Сан-Мигэлю.

Белиса. — Развѣ тягость въ ногахъ съ тяжестью душъ, вы ни во что считаете?

Тиберіо. — Въ жизнь свою не прійду къ тебѣ въ другой разъ.

Флора. — Сеньйора, васъ дожидаются женихи.

Белиса. — Господи, сколько хлопотъ! Эй, дай мнѣ стаканъ воды.

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТОЕ.

Комната Элисо.

Входятъ Элисо и Фабіо, его слуга.

Фабіо. — Умоляю васъ, постарайтесь жениться: она богата, роду благороднаго и собой чрезвычайно-хороша.

Элисо. — У Белисы странныя мысли; ей ничто не нравится. Каждый день ходитъ по городу какой-нибудь новый анекдотъ объ этой несносной и нестерпимой дѣвушкѣ; и новыя и старыя причуды ея служатъ отдохновеніемъ усталымъ путешественникамъ (5). Правда и то, что многое на нее выдумываютъ; обыкновенно анекдоты растутъ по мѣрѣ того, какъ ихъ разсказываютъ: всякій, кто только ихъ разсказываетъ, прибавляетъ къ нимъ свое красное словцо. Она говоритъ, что всѣ мужчины внушаютъ ей одно только отвращеніе; что она не желаетъ себѣ ни глупаго, ни умнаго; если кто высокъ, она жалѣетъ, зачѣмъ онъ не средняго роста; если не высокъ — зачѣмъ въ немъ этотъ недостатокъ.

---

(5) *Тимонедо*, тогдашній писатель, назвалъ свое собраніе анекдотовъ «Отдохновеніемъ путешественниковъ» вѣроятно потому, что подобнаго рода книги можно читать и дорогой и на станціяхъ. Элисо хочетъ сказать, что анекдоты о Белисѣ разсказываются всѣмъ новопріѣзжающимъ какъ вещи интересныя, служащія имъ развлеченіемъ, отдохновеніемъ отъ безпокойствъ дороги.

Фабіо. — Прекрасный вкусъ!

Элисо. — Одного человѣка отвергла за то, что у него была на лицѣ родинка, а другаго кабальеро за то, что онъ рыжій.

Фабіо. — Послѣдняго-то за дѣло.

Элисо. — Почему это?

Фабіо. — Потому-что рыжіе не пользуются хорошей славой (6).

Элисо. — Однажды, смотря на какого-то чрезвычайно-изящнаго жениха, она сказала, что онъ чистъ, какъ зеркало: чѣмъ жить съ этимъ безумцемъ, мнѣ лучше съѣсть его: онъ будетъ хорошъ на блюдѣ.

Фабіо. — Въ Алькорконѣ Белиса могла бы слѣпить себѣ жениха: тамъ славная глина (7).

Элисо. — Она издѣвается и насмѣхается надъ людьми самыми прекрасными, самыми достойными.

ЯВЛЕНІЕ СЕДЬМОЕ.

Тѣ же и вбѣгаетъ Фелисардо *съ обнаженною шпагою въ рукахъ.*

Фелисардо. — Здѣсь ли Элисо?

Элисо. — О, Фелисардо!..

Фелисардо. — Ступай сюда поскорѣй, полагаю, что убилъ...

Элисо. — Чтò говоришь ты?

Фелисардо. — Одного наварскаго рыцаря, провожая Целію, которая шла изъ Герадо съ Ауреліею. Вышли онѣ прогуляться поутру, вышелъ и я; за ними шолъ этотъ кабальеро; повернули онѣ назадъ— и онъ за ними, не отставая ни на шагъ до самаго фонтана: наконецъ это надоѣло не на шутку ихъ прислугѣ, вышелъ изъ терпѣнія и я, заговорилъ съ нимъ, онъ мнѣ отвѣчалъ и продолжалъ идти все прямо; я посмотрѣлъ на него пристально; онъ самъ выпрямился; тутъ вмѣшался я въ это дѣло и теперь... все ужь кончено. Женщины разбѣжались, я подалъ руку Целіи и она теперь осталась...

---

(6) Испанская пословица говоритъ: «Hombre rajo y hembra barbada de lejos los saluda» то-есть человѣку красноволосому и женщинѣ съ волосами на бородѣ кланяйся издали.

(7) Чтобъ въ Алькорконѣ была какая-нибудь особенная глина, объ этомъ Паскуаль Мадосъ ничего не упоминаетъ въ своемъ: «Diccionario geografico-estadistico-historico de España y sus posesiones de Ultramar. Madrid. 1848—50 in 4°, XVI томовъ см. t. 1 p. 198 y 199. Изъ лопе де-веговой же комедіи *Al pasar del arroyo* (Lopé de-Vega, изд. Бодри. стр. 207, столб. 2-й), видно, что въ Алькорконѣ были фабрики глиняныхъ издѣлій.

Элисо. — Гдѣ же?

Фелисардо. — У вашей двери.

Элисо. — Введите ее скорѣй сюда.

Фелисардо. — Целія, Целія!

ЯВЛЕНІЕ ОСЬМОЕ.

Тѣ же, входитъ сперва Целія, а потомъ Фабіо.

Целія. — Братецъ!

Фелисардо. — Ты можешь теперь здѣсь укрыться и опасаться тебѣ тутъ нѣчего.

Целія. — Куда жь идешь ты самъ теперь?

Фелисардо. — Бѣгу въ Карменъ.

Целія. — Безъ тебя мнѣ здѣсь оставаться нѣчего: я умру. Если оставаться здѣсь нѣтъ опасности, зачѣмъ ты уходишь? а если есть опасность, зачѣмъ покидаешь меня?

Элисо. — Она говоритъ дѣло, Фабіо, запри нашу дверь; дѣлая эти отводы, вы только себя подвергаете большой опасности.

Фабіо. — Сейчасъ бѣгу исполнить ваше приказаніе. *(Уходитъ).*

Элисо. — Целія, здѣсь ты можешь скрыться, пока ты, Фелисардо, найдешь средство доставить ей убѣжище поудобнѣе.

Целія. — Онъ говоритъ дѣло, я здѣсь останусь пока мы не придумаемъ чего-нибудь лучшаго: я увѣрена, что двое молодыхъ людей, прекрасной наружности, видѣвшихъ какъ я сюда вошла, никому о томъ не проговорятся.

Элисо. — Не бойтесь, они этого не сдѣлаютъ, если только они народъ порядочный. *(Входитъ Фабіо).*

Фабіо. — Бѣда-то какая!

Элисо. — Что̀ ты говоришь?

Фабіо. — Только-что я затворилъ обѣ двери на улицу, какъ вижу, что сюда идутъ полицейскіе; они-было и мнѣ кричали, но я, притворившись, что не слыхалъ, захлопнулъ двери и стремглавъ побѣжалъ вамъ это объявить.

Фелисардо. — Что̀ намъ дѣлать?

Элисо. — Въ этомъ домѣ нѣтъ никакого потайнаго мѣста и никакихъ другихъ выходовъ, кромѣ окошекъ и дверей.

Фабіо. — Сеньйоръ, они могутъ побыть пока въ моей комнатѣ.

Элисо. — Когда полиція отыскиваетъ человѣка за убійство, она не оставитъ и уголка, въ который бы не заглянула, тѣмъ болѣе, что мы не отворили ей дверей нашихъ тотчасъ.

Целія. — Ахъ, я бѣдная!

Фелисардо. — Не огорчайтесь, сеньйора, можетъ-быть мы еще придумаемъ ка̀къ вывернуться.

Элисо. — У меня въ домѣ были невольникъ и невольница; невольника звали Педро; онъ былъ крещеный христіанинъ, ходилъ за лошадьми; невольница Зара была родомъ изъ Гранады; теперь они въ моемъ помѣстьѣ, а потому вы можете взять на себя ихъ роли: ты, Фелисардо, ступай въ конюшню и тамъ, на веревкѣ, протянутой съ одного конца на другой, найдешь платье, которое по праздникамъ надѣваетъ на себя мой невольникъ; а вы, сеньйора, найдете въ кухнѣ платье Зары; ты возьми скребницу, а вы возьмите блюда — и тогда васъ никто не узнаетъ.

Фелисардо. — Я иду.

Целія. — И я также. *(Уходятъ).*

Фабіо. — Ужь начинаютъ ломать дверь.

Элисо. — Я удивляюсь ихъ неповоротливости. Такъ ли стучатся въ дверь, когда отъискиваютъ преступника? Сойди внизъ и скажи имъ, что я былъ въ своемъ кабинетѣ занятъ бумагами и счетами, и что досихъ-поръ ихъ никто не слыхалъ; займи ихъ какими-нибудь разговорами, чтобъ Фелисардо съ Целіею имѣли время переодѣться.

Фабіо. — Сейчасъ иду. Дай Богъ, чтобъ все кончилось благополучно и объискивающіе остались бы въ дуракахъ.

ЯВЛЕНІЕ ДЕВЯТОЕ.

Элисо. — Они могутъ узнать ихъ только по горести.

Тиранка любовь—своенравное мнѣніе ея намъ ясно доказывается собраніемъ книгъ всѣхъ временъ—ты наука темная, писанная языкомъ метафорическимъ, языкомъ загадочнаго сфинкса ѳивскаго !

Блаженъ тотъ, кто останавливается на твоей грамматикѣ, а не доходитъ до логики и реторики: болѣе-знакомый съ твоею теоріею, меньше показываетъ знанія на практикѣ.

Записывая насъ въ свой списокъ, ты, любовь, равняешь мудрыхъ съ дикими варварами, море съ огнемъ, зиму съ каникулами.

Я буду Улисомъ къ твоимъ волшебнымъ пѣснопѣніямъ: въ твоихъ приключеніяхъ, достойныхъ посмѣянія, мы видимъ только одни сладкія начала трагическихъ концовъ.

ЯВЛЕНІЕ ДЕСЯТОЕ.

Тѣ же, входятъ Альгвазилъ, Нотаріусъ и Фабіо.

Альгвазилъ. — Милостивый государь, съ такими людьми, какъ мы, казалось бы, вы могли вести себя ка̀къ слѣдуетъ.

Элисо. — Я не зналъ ничего и, повѣрьте, умѣю держать себя. Меня развлекли счеты по запутанному имѣнію, притомъ же я не привратникъ въ своемъ домѣ.

Альгвазилъ. — Вотъ ужь цѣлые два часа стою у дверей вашихъ, изъ уваженія къ дому—и чтожь? Выходитъ вашъ слуга, весь заспанный и сердитый.

Элисо. — Видно, каналья только-что сейчасъ проснулся; изволите видѣть, встаетъ онъ неслишкомъ-рано. Клянусь вамъ жизнью, что эта неумышленная невѣжливость къ особѣ вашей нисколько не мѣшаетъ мнѣ быть съ вами вѣжливымъ, какъ это у насъ водится въ столицѣ; вы этого достойны. Скажите что̀ вамъ угодно?

Альгвазилъ. — Вы произнесли бы слова эти такъ же ловко и тогда, когда знали бы зачѣмъ я къ вамъ прихожу—такъ ужь водится у насъ, въ Мадридѣ! Не припомните ли, что, по прошенію Лисарды, наложенъ былъ арестъ на движимое имѣніе ваше?

Элисо. — Точно-такъ! вы совершенно-правы. Что жь наконецъ она, видно, несогласна ни на какую сдѣлку?

Альгвазилъ. — Какъ видите несогласна, сроковъ вамъ не осталось: они всѣ прошли. Прихожу взять у васъ обезпеченіе.

Элисо. — Отвѣчать мнѣ нечего, Лисарда имѣетъ теперь полное право дѣйствовать.

Нотаріусъ. — Стало-быть вы даете намъ позволеніе приступить къ дѣлу?

Элисо. — Войдите, Фабіо отдастъ вамъ мое серебро; а если этого будетъ недостаточно, что̀ легко можетъ случиться, васъ удовлетворятъ другими вещами.

Нотаріусъ. — Очень-хорошо: идемте жь.

ЯВЛЕНІЕ ОДИННАДЦАТОЕ.

Элисо. — Ошибся я, полагая, что дѣло шло о Фелисардо, тогда-какъ меня также ищутъ, также преслѣдуютъ какъ и его; впрочемъ, это хорошо, что они переодѣлись; будь они узнаны — бѣда. Что же касается до моего долга, надѣюсь въ скоромъ времени его заплатитъ: въ концѣ этого мѣсяца жду денегъ. Теперь разсуждаю, какъ и должно, да послѣ времени, а слѣдовало бы подумать объ этомъ прежде. Посватайся я за Белису, полагаю, былъ бы теперь ужь мужемъ причудъ ея. Причиной нерѣшительности моей ея характеръ. Пойдти посмотрѣть, что̀-то дѣлается тамъ съ имуществомъ моимъ; нельзя не приглядѣть... Сдѣлать же предложеніе Белисѣ время еще не

ушло; успѣемъ еще вымѣнять долгъ на родство ([8]) и заплатить его, получивъ жену съ деньгами: имѣніе у нея огромное; впрочемъ, только при богатствѣ и можно сносить капризы и имѣть жену-причудницу.

ЯВЛЕНІЕ ДВѢНАДЦАТОЕ.

Покои Лисарды.

Лисарда, Белиса и Флора.

Лисарда. — Этотъ человѣкъ прекрасно рисуетъ, почему это онъ тебѣ не нравится?

Белиса. — Если вамъ хочется выйдти замужъ, выберите себѣ такого человѣка, который бы на него былъ похожъ; моимъ требованіямъ онъ не удовлетворяетъ.

Лисарда. — Почему же не удовлетворяетъ?

Белиса. — Потому-что, разсказывая про одну ссору, показалъ...

Лисарда. — Что̀ показалъ?

Белиса. — Кулакъ ([9]) съ фальшивыми маншетами.

Лисарда. — Велика важность!

Белиса. — Стало-быть, сеньйора, человѣку, который долженъ любить меня, дозволяется носить у рукавовъ рубашекъ фальшивыя маншеты? И, нося ихъ, держать себя такимъ разгильдяемъ, что онъ будетъ ронять ихъ съ рукъ, когда, желая показаться храбрымъ, начнетъ разсказывать про шпажные тычки свои , и когда за рукоятью шпаги начнутъ соскакивать и маншеты.

Лисарда. — Причуды эти, Белиса мнѣ ужь чрезвычайно надоѣли: не знаю право, въ кого ты такая. Я причудницей не была.

Белиса. — Скажи, что̀ же такое было, какъ не твои причуды, когда ты не захотѣла полюбить кавалера Толедскаго?

Белиса. — Дѣйствія свои въ этомъ случаѣ я могу оправдать достаточной причиной.

Лисарда. — Мнѣ она по-крайней-мѣрѣ неизвѣстна.

Белиса. — Глаза у него были огромные, а взглядъ страшный: если теперь онъ такъ смотритъ, будучи влюбленнымъ, каковъ же взглядъ долженъ быть у него, когда онъ разсердится? Очень-хоро-

---

([8]) Въ Испан. *deuda* — долгъ, *deudo* — родство, родня, родственникъ.

([9]) Испанское слово *puno* значитъ кулакъ, маншеты и рукоять шпаги. Передать порусски всю игру словъ подлинника — рѣшительно невозможно.

шо сдѣлали, что ему отказали: я видѣла въ немъ образъ Д. Педра-Жестокаго: такъ похожъ онъ на его изображеніе.

Лисарда — А что скажешь о томъ, котораго предлагала я тебѣ третьягодня?

Белиса. — Я замѣтила, что у него усы слишкомъ нависли на ротъ, а потому представила себѣ, что онъ или пудель, или дикій, или что это сочится какая-нибудь жидкость сквозь оконную рѣшетку. Ему прекрасно пить молоко: можетъ его цѣдить сквозь свои усы...

Лисарда. — Какого же тебѣ надобно?

Флора. — Ей надобно мужа маринованнаго ([10]).

ЯВЛЕНІЕ ТРИНАДЦАТОЕ.

Тѣ же, входятъ Альгвазилъ и Нотаріусъ.

Нотаріусъ. — Все обдѣлано чудесно.

Альгвазилъ. — Правда, что сдѣлано хорошо.

Лисарда. — Какъ же вы сдѣлали?

Альгвазилъ. — Все ужь привезено и сложено: онъ просилъ меня чтобъ мы вамъ передали два живые заклада, которые я взялъ у него силою.

Лисарда. — Живые заклады?

Альгвазилъ. — Клянусь честью, въ жизнь свою не видывалъ я такихъ прекрасныхъ невольниковъ.

Лисарда. — Вы мнѣ этимъ доставите большое удовольствіе.

Альгвазилъ. — Изъ нихъ одна — женщина.

Лисарда. — Женщина съ клеймами на лицѣ?

Альгвазилъ. — Клеймъ нѣтъ; но вы всегда властны ихъ положить. Эй, Педро и Зара, войдите сюда!

Лисарда. — Прекрасны — смотрѣть больше нечего.

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТЫРНАДЦАТОЕ.

Тѣ же, входитъ Фелисардо съ Целіею (*одѣтые невольниками*).

Альгвазилъ. — Я взялъ ихъ у него потому, что полагалъ оказать вамъ этимъ большую услугу.

Лисарда. — На мои глаза эти мавры такъ хороши, что я готова выдать ему расписку въ полученіи двухъ тысячъ, а вамъ, сверхъ-того, сдѣлать подарокъ, если онъ уступитъ мнѣ ихъ.

Альгвазилъ. — Этого ужь много, сеньйора; я знаю онъ и такъ,

([10]) То-есть изъ живыхъ людей никто не понравится ей.

это сдѣлаетъ для васъ и для меня, а въ случаѣ ихъ продажи, ему будетъ пріятно доставить вамъ это удовольствіе.

Лисарда. — Всякая цѣна за нихъ — недорога, какъ бы ни была она высока.

Альгвазилъ. — У меня есть еще дѣло; да сохранитъ васъ небо!

Лисарда. — Заходите ко мнѣ послѣ; мой домъ всегда къ вашимъ услугамъ.

Альгвазилъ. — Безпокоиться нечего, намъ не будетъ надобности продавать залоги.

Лисарда. — Полагаю, что такъ.

Альгвазилъ. — Прощайте.

ЯВЛЕНІЕ ПЯТНАДЦАТОЕ.

Тѣ же, кромѣ Альгвазила и Нотаріуса.

Фелисардо *(всторону)*. — Какой странный путь несчастья, хоть бы даже и обратился онъ въ мою пользу! Полагаю, что въ этомъ домѣ и нарядѣ, пока пройдетъ та буря, я могу быть совершенно-безопаснымъ. Бывало ли когда, чтобъ по началу исторіи, сколько ихъ ни было на свѣтѣ, можно было заключать о второй главѣ книги счастія? Можетъ ли быть что-нибудь удивительнѣе настоящаго случая со мною? Еще сегодня человѣкъ въ Мадридѣ былъ благороднѣе Сида, свободнѣе Бернардо, а теперь онъ невольникъ, который обезпечиваетъ взысканіе; притомъ насъ съ Целіею схватили такъ проворно, что не дали намъ времени хорошенько переодѣться; мы не могли даже и отвѣчать этимъ людямъ ни *да*, ни *нѣтъ*. До-сихъ-поръ не могу опомниться, какъ слѣдуетъ, и самъ еще не знаю, что̀ со мною будетъ далѣе.

Целія *(всторону)*. — О! еслибъ могла я сѣтовать на васъ, враждебныя небеса, за тотъ нарядъ, въ которомъ теперь себя вижу: онъ даетъ мнѣ полное право выходить изъ терпѣнія, котораго въ настоящее время и желаю и прошу у васъ. Нечего мнѣ на себя пенять: то, что̀ случилось со мною, случилось не отъ моей вины: меня обманули. Чѣмъ же наконецъ можетъ все это кончиться для меня? Какой вредъ могу я потерпѣть отъ этого? Полагаю, прійдется всего какую-нибудь недѣлю послужить здѣсь.

Белиса. — Разумѣется не болѣе; притомъ ты можешь разговаривать вотъ съ нимъ.

Лисарда. — Если онъ сохранитъ свою твердость, я сдѣлаю своими деньгами, что Элисо ихъ у меня оставитъ, хотя бы самъ того не желалъ. Новольникъ?

Фелисардо. — Сеньйора?

Лисарда. — Надѣйся.

Фелисардо. — На что̀ я могу надѣяться, слыша ваши слова?

Лисарда. — Имя твое?

Фелисардо. — Зовутъ меня Педро.

Лисарда. — Такъ ты христіанинъ?

Фелисардо. — Христіанинъ по милости Божіей, а по моему собственному несчастью, вы моя госпожа.

Лисарда. — Стало быть тебѣ тяжело здѣсь?

Фелисардо. — Нѣтъ, нетяжело; мнѣ было бы еще тяжеле сидѣть въ тюрьмѣ за долги, которые вовсе не мои.

Лисарда. — Откуда ты родомъ?

Фелисардо. — Изъ Гренады, хотя самъ я родился въ Мадридѣ отъ невольницы; но я родился совершенно-отличнымъ отъ альпухарскихъ мавровъ, отъ которыхъ происходила моя родительница; отцомъ же моимъ былъ одинъ испанскій рыцарь, свѣтлый и прекрасный, какъ солнце.

Лисарда. — Какая жалость! слыхано ли, что̀ подобное? А ты невольница?

Целія. — Зовутъ меня Зарой и я желала бы креститься; я родомъ изъ Орана и надѣюсь быть христіанкой, сеньйора, если ворочусь къ моему прежнему господину до истеченія мѣсяца.

Белиса. — Если хочешь, можешь креститься и здѣсь. Надобно признаться, женщины въ Оранѣ красавицы.

Лисарда. — Да̀, она хороша собою. Флора, укажи кухню Зарѣ и объясни, что̀ должна она дѣлать; а ты, Белиса, пошла бы взглянуть на новаго жениха.

Белиса. — Какая скука!

ЯВЛЕНІЕ СЕМНАДЦАТОЕ.

Флора, Фелисардо и Целія.

Флора. — Если такъ, иди со мной, Зара; а ты, Педро, пройдешь въ конюшню.

Фелисардо. — Я спрашиваю тебя не потому, что не хочу служить.

Флора. — Лакей сына госпожи моей ходитъ теперь и за каретными лошадьми ея, и за его гнѣдой лошадью.

Фелисардо. — У ней есть сынъ?

Флора. — Да еще прехорошенькій.

Фелисардо. — Его нѣтъ теперь дома?

Флора. — Онъ еще въ постели; по ночамъ Дон-Хуанъ ухаживаетъ за какою-то дамою, а потому не можетъ вставать съ разсвѣтомъ: большею частью онъ ложится спать не ранѣе двѣнадцати. Если останешься при немъ, господиномъ твоимъ будетъ братъ этой барышни, ангельскаго характера, а я, между-тѣмъ тебя угощу: къ довѣрчивости и обходительности располагаетъ наружность твоя. У меня отъ всего ключи. Пьёшь ли ты вино? Скажи, ѣшь ли свинину?

Фелисардо. — Кажется, что ѣмъ; вѣдь ты знаешь, гдѣ я родился; только, я думаю, что со вчерашняго ужина, не разучился я ѣсть.

Флора. — О, какъ же я тебя угощу!

— Целія. — Педро, благодари жь небеса за то, что тебя такъ будутъ угощать.

Фелисардо. — Выслушай, Целія.

Целія. — Что̀ тутъ слушать.

Фелисардо. — Я все могу вынести, но не могу сносить твоей ревности.

ЯВЛЕНІЕ СЕМНАДЦАТОЕ.

Входитъ на сцену Дон-Хуанъ; за нимъ идетъ Каррильйо, его лакей.

Хуанъ. — Осѣдлалъ ли ты лошадь?

Каррильйо. — Лошадь осѣдлана, но время бы обѣдать.

Хуанъ. — Какъ я усталъ вчера, воротившись домой!

Каррильйо. — Устаете-то вы не безъ причины.

Хуанъ. — Какъ только она у меня попросила денегъ, я впалъ въ изнеможеніе и теперь совсѣмъ умираю.

Каррильйо. — Много лекарства предписывается отъ любви; полагаютъ, что разлука изъ всѣхъ средствъ самое легкое; забвеніе вѣчный его спутникъ. Другіе предписываютъ заниматься книгами, охотой, тяжбами, веселыми играми, а всѣ согласны въ томъ, что надобно занимать сердца. Иной старается избавиться отъ любви колдовствомъ, а иной, сеньйоръ, прогоняетъ задумчивость свою, дѣлая напряженныя усилія въ другомъ вкусѣ. Плиній говоритъ, что одинъ любовникъ бросился... срамъ-то какой! на то мѣсто, гдѣ валялась лошачиха и что такимъ-образомъ одно животное взяло примѣръ съ другаго; сказалъ онъ это потому, чтобъ показать, что влюбленный человѣкъ походитъ на животное, а не потому, чтобъ ложе того животнаго имѣло силу прекращать болѣзнь любви. Я жь говорю, что посвататься — лучшее лекарство отъ любви.

Хуанъ. — Гдѣ это слыхалъ ты разсказъ о Плиніи?

Каррильйо. — Много есть людей, сеньйоръ, у которыхъ нѣтъ самостоятельнаго дарованія; они посвятили себя переводамъ, и мы, глупые, стали знать теперь то, что̀ высоко цѣнится умными, и сами стараемся заслужить ихъ славу. У меня не одинъ Плиній есть въ переводѣ, есть Горацій и Луканъ.

Хуанъ. — Читалъ ли ты этихъ господъ?

Каррильйо. — Что̀ жь тутъ мудренаго, коли переведены они на испанскій? Даже моя рыжая лошадь бормочетъ полатини: «тамъ они».

Хуанъ. — Радуюсь этому отъ души: люди, которые желаютъ пріобрѣсти себѣ безсмертное имя въ мірѣ, ищутъ Горація въ латинскихъ книгахъ, а онъ — въ конюшнѣ. Вотъ дожили мы до-чего, несравненный Горацій, что даже лакей тебя читаетъ!

Каррильйо. — Мнѣ слѣдовало бы еще болѣе дивиться тому, что вы такъ высоко себя цѣните за ваше знаніе латинскаго языка, тогда-какъ всякій, кто видалъ вашу латинствующую особу, вѣчно-роющуюся въ книгахъ, въ плащѣ и при шпагѣ, не скажетъ, что вы знаете только одинъ латинскій языкъ.

Хуанъ. — Стало-быть умъ и знаніе составляютъ только принадлежность четыреугольныхъ шапокъ и ученыхъ степеней, раздаваемыхъ Сигуэнсой и Валенсіей.

Каррильйо. — По-крайней-мѣрѣ, по народному понятію, можетъ-быть и ошибочному, вотъ въ чемъ состоитъ разница: человѣкъ съ шпагой слыветъ за невѣжу, а въ баретѣ за ученаго.

Хуанъ. — Какой прекрасный силлогизмъ!

Каррильйо. — Какъ бы то ни было, а этотъ силлогизмъ укорененъ въ народѣ.

Хуанъ. — О, какой скучный предразсудокъ въ Испаніи! Липсій въ плащѣ и со шпагою пріобрѣлъ себѣ безсмертную славу и теперь ею пользуется; дон-Иньиго де-Мендоза былъ знаменитый человѣкъ, оставилъ по себѣ много славы въ Испаніи. Я могъ бы привести тебѣ тысячи примѣровъ, которые были бы понятны народу, когда бы здѣсь говорилъ я съ нимъ.

Каррильйо. — Пора вамъ умываться.

Хуанъ. — Позови Флору.

Каррильйо. — Подождите немного, сейчасъ за нею схожу.

(*Уходитъ*).

Хуанъ. — Надобно знать, что не всякій талантливый человѣкъ достигаетъ длиннаго плаща и четырехугольной шляпы; еслибъ наука всегда одѣвалась въ длиннополыя платья, то и мулы принимали бы въ ней участіе. Цезарь шелъ съ мечомъ на-голо за Марсомъ; «Записки»

его не покрыла Лета; у кого на рукахъ дважды тридцать-семь, кто мѣшаетъ тому скинуть половину?

Я видѣлъ и Цицерона въ шляпѣ, и Ксенофонта вооруженнымъ: науки и искусства, почему жь рыцарю не заниматься вами?

О ты, который опережаешь глазами самое дѣло; если перо въ рукахъ у Аполлона, а сталь у Марса, соедини въ себѣ одномъ ихъ различныя искусства!

ЯВЛЕНІЕ ВОСЬМНАДЦАТОЕ.

Дон-Хуанъ; входятъ Целія, неся кувшинъ и тазъ, Флора несетъ полотенцо.

Целія. — Вотъ здѣсь вода и тазъ.

Флора. — А вотъ и полотенцо.

Хуанъ. — Флора?

Флора. — Къ чему такая осторожность?

Хуанъ. — Этой служанки я никогда прежде не видывалъ. Такъ вы находитесь въ услуженіи? О, неблагодарныя времена!

Флора. — Вы еще больше удивитесь, сеньйоръ, узнавъ, что она невольница.

Хуанъ. — Она невольница! Флора, этого только не доставало.

Флора. — Жила она у Элисо, или вы ее никогда тамъ не видывали?

Хуанъ. — Никогда не видывалъ.

Флора. — Ее сюда привели въ обезпеченіе его долга.

Хуанъ. — Понудительныя мѣры, принятыя противъ него, можно извинить только тѣмъ, что намъ ею заплатили. Прелестная невольница!

Целія. — Скажите лучше несчастная, пока вамъ служу.

Хуанъ.—Какъ прекрасно платите вы долгъ! Налейте воды, сеньйора.

Флора. — Не-уже-ли эта невольница вамъ такъ нравится?

Хуанъ. — Видѣла ли ты другую, въ жизнь свою, лучше ея? Лейте больше воды, прошу васъ, лейте больше, пусть въ горнѣ уменьшится огонь, вами разведенный! Есть ли такіе глаза?

Целія. — Они могли бы брызнуть водою, когдабъ ея здѣсь недоставало.

Хуанъ. — Чьи руки были бы достойны ею умываться? Когда бъ умывалась душа, вода изъ глазъ была бъ очень-кстати. Подай мнѣ это полотенцо, Флора: нѣтъ нужды, что не сотретъ оно того впечатлѣнія, которое произвела на меня эта невольница — она можетъ сдѣ-

лать честь своимъ присутствіемъ самой знатной госпожѣ. Сходите за брыжами.

Целія. — Сейчасъ схожу.

Хуанъ. — Ступай, Флора, дай ихъ ей.

Флора. — Иду.

Хуанъ. — Пожалуйста не приходи сюда назадъ.

Флора. — Не прійду, будьте покойны!

Хуанъ. — Смотрѣть на нее мнѣ чрезвычайно-пріятно; скажу ей что-нибубь наединѣ. Я никогда не видалъ этой невольницы у Элисо; онъ ее отъ меня скрывалъ, значитъ могъ судить по себѣ о томъ, ка̀къ влюбятся въ нее другіе: ка̀къ же должно было огорчить его это происшествіе, особенно если онъ чувствуетъ къ ней любовь! Это ужасное несчастіе!

Целія. — Вотъ и брыжи, сеньйоръ. *(Входитъ Целія, неся въ корзинѣ брыжи).*

Хуанъ. — А здѣсь, сеньйора, и повинная вамъ голова моя. Это брыжи, а вы можете ихъ на меня надѣть вмѣсто толстаго желѣзнаго полоза, хотя и одного волоска было бъ довольно, чтобъ удержать меня въ повиновеніи.

Целія. — Вы шутите? Надѣвайте брыжи. (*Надѣваетъ ихъ ему*).

Хуанъ. — Воротничокъ самъ по себѣ не желѣзо, но я ужь чувствую — виноваты въ томъ вы — что въ тесьмахъ есть цѣпи.

Целія. — А я полагала, что это камбрейское полотно.

Хуанъ. — Какое заблужденіе!

Целія — Если эти тесемки — цѣпи ваши, вы легко могли бъ разорвать оковы.

Хуанъ. — Добровольныхъ оковъ мѣсто — въ воображеніи. Никакъ не поймаю руками тесьмы, чтобъ завязать самому себѣ брыжи: завяжите ее мнѣ вы, подойдите сюда, подойдите ближе, не стыдитесь, свяжите мою свободу, которая ужь съ-этихъ-поръ, начинаетъ вамъ принадлежать, подойдите сюда, завяжите мнѣ брыжи.

Целія — Я исполню это — это долгъ мой, того требуетъ моя служба. Но кто вамъ скажетъ, положимъ, что и удалось бы мнѣ ихъ надѣть какъ слѣдуетъ, хорошо или дурно сидятъ они на васъ? Иду за зеркаломъ.

Хуанъ. — Оно вовсе не нужно; зеркала, равнаго вашему лицу, не найдете; въ него смотрюсь я, какъ въ самое чистое стекло. Въ вашихъ прелестныхъ глазахъ вижу образъ свой; посмотрѣвъ въ нихъ, буду имѣть полное право сказать, что себя видѣлъ въ солнцѣ. Завязывайте жь!

Целія. — Ну, хорошо ли теперь?

— Хуанъ. — Мнѣ хотѣлосъ бы спросить это у вашихъ блестящихъ звѣздъ?

ЯВЛЕНІЕ ДЕВЯТНАДЦАТОЕ.

Тѣ же и Фелисардо.

Фелисардо. — Клянусь, было бы прекрасно, если бы я теперь могъ прервать ихъ бесѣду; этотъ перерывъ обратился бы въ полный разрывъ между ними.

Хуанъ. — Кто это тамъ?

Фелисардо. — Я, сеньйоръ.

Хуанъ. — Кто жь ты такой?

Фелисардо. — Невольникъ, служу сегодня вамъ, по милости счастія, за которую его благодарю: эта милость доставляетъ мнѣ случай узнать васъ ближе. Прежде я принадлежалъ Элисо, а теперь — вамъ, собственно же говоря я ни вашъ, ни его, не знаю кому долженъ служить, пока могу говорить: «я невольникъ», но чей — право не знаю. Поступилъ я сюда, въ видѣ обезпеченія, за неплатежъ долга, по этому же обстоятельству поступилъ сюда и другой залогъ, который также въ закладѣ со мной; быть можетъ, закладъ тотъ самъ еще васъ арестуетъ (11). Господинъ мой любилъ эту невольницу; я видѣлъ какъ она касалась вашей груди; неприлично ей съ вами связываться; впрочемъ, если станетъ онъ меня спрашивать про это, я не скажу ему ни слова.

— Хуанъ. — На видъ ты славный невольникъ, а защищая такъ ревностно интересы господина своего, ты мнѣ показалъ, что ты еще человѣкъ преданный.

Фелисардо. — Прекрасное начало, Зара; славно прогоняешь ты свое горе!

Целія. — Ты бранишь меня?

Фелисардо. — Почему жь мнѣ тебя не бранить? Господинъ мой приказалъ мнѣ бранить тебя, и я имѣю полное право это дѣлать. Поступая такимъ образомъ, исполняю только приказанія того, кому принадлежу.

Хуанъ. — Прошу тебя, невольникъ, не брани ея, она не виновата; и то время, которое пробудетъ здѣсь, считай ее будто проданной, нѣтъ нужды, что куплена она Элисо. Господинъ ея теперь я.

---

(11) *Prenda* значитъ закладъ, залогъ любви и сослагат. написан. отъ глагола *prender* — брать, арестовать, плѣнять. Нѣтъ средствъ передать всѣхъ этихъ тонкостей въ переводѣ.

Фелисардо. — Чей же я?

Хуанъ. — Также мой.

Фелисардо. — Теперь-то я вашъ, но долженъ опасаться, сеньйоръ, своего прежняго владѣльца, какъ бы не сказалъ онъ, что я его. Зарѣ гораздо бы лучше быть въ кухнѣ, чѣмъ здѣсь

Целія. — А тебѣ также слѣдовало бы находиться при лошадяхъ.

Фелисардо. — Онѣ и то, по милости твоей, видятъ меня въ своихъ ясляхъ.

Целія. — А я, по твоей же милости, сижу за кухонною посудою, между-тѣмъ, какъ низкій образецъ неблагодарности, твоя Флора, и не думаетъ меня угощать.

Хуанъ. — Бога ради не ссорьтесь теперь больше; вы оба образцы преданности благородной и высокой, служйте весело, вѣрьте въ мое особенное къ вамъ расположеніе и будьте увѣрены, что не отпущу васъ, не наградивъ.

Фелисардо. — Пусть ведетъ себя Зара ка́къ слѣдуетъ и я стану обходиться съ ней ка́къ должно.

Хуанъ. — Иду къ обѣднѣ — пора.

ЯВЛЕНІЕ ДВАДЦАТОЕ.

Тѣ же, кромѣ Дон-Хуана.

Фелисардо. — Скоро жь измѣнился твой вкусъ.

Целія. — Или изъ-за этого сердишься ты на-самомъ-дѣлѣ? Сохрани тебя Боже!

Фелисардо. — Развѣ я камень? алмазъ я или любовникъ? звѣрь или человѣкъ? идальго или самый низкій рабъ? Развѣ въ двухъ тысячахъ легахъ (12) стояла ты отъ мужчины? Нѣтъ — кто бы этому повѣрилъ! разстояніе межь тобою и имъ было не шире тесьмы. Ты тамъ завязывала петли и узлы на шеѣ чужой головы, не длятого ли, чтобъ повѣсить ихъ веревками на мое горло? Ахъ, прекрасная Целія, видно, нельзя полагаться ни на увѣренія моря, ни на женское постоянство. Ты пришла сюда недавно, чтобъ представить въ этомъ ужасномъ несчастіи, достойномъ вѣчной славы, послѣднее доказательство любви, и ужь въ объятіяхъ?

Целія. — Въ какихъ объятіяхъ?

Фелисардо. — Пусти меня, не удерживай!

---

(12) *Legua* — испанское льё; 8000 испанскихъ ярдовъ составляютъ одну испанскую легу, или около четырехъ англійскихъ миль: $17\frac{1}{2}$ испанскихъ легъ равны одному географическому градусу.

Целія. — Стало-быть надо проводить въ шуткахъ такое серьёзное время? Образумься и осмотрись только, гдѣ мы находимся: въ собственной землѣ нашей — ты невольникъ, а я невольница. Если подозрѣваешь честь мою, ревновать тебѣ глупо: этимъ только оскорбляешь меня; для тебя, мой Фелисардо, стала я теперь невольницей, твоя же ссора заставила меня служить: коли служу, на что̀ жь тебѣ жаловаться? Вышла я вмѣстѣ съ другой служанкой подать умыться тому, кому желала бы дать яду: онъ мужчина, притомъ еще молодой, наговорилъ мнѣ разныхъ нѣжностей — случай это самый обыкновенный: мужчина — порохъ, женщина — искра; приказалъ мнѣ принесть свои брыжи — принесла брыжи, завязала тесьмы; сдѣлалъ меня зеркаломъ — была зеркаломъ.

Фелисардо. — И требуешь еще, чтобъ я смотрѣлъ на это равнодушно?

Целія. — Требую. Когда ты вышелъ, я была стекломъ, оно разбилось и зеркала не стало.

Фелисардо — Целія, лучше бы сказала ты мнѣ въ отвѣтъ, что женщина — зеркало, которое, въ отсутствіе хозяина, одинаково льститъ всякому лицу, какое бы къ нему ни подходило.

Целія. — Брось эту несправедливую ревность, брось ради глазъ моихъ! Велика бѣда наша, оставь эти пустяки!

Фелисардо. — Понимаю, Целія: это пустяки, что отражаются въ глазахъ твоихъ чужія прелести! Но это такіе пустяки, которые могутъ произвесть огромныя оскорбленія ([13]). Намъ не пристало, находясь въ такой бѣдѣ, проводить время въ жалобахъ. Скажи мнѣ, мое сокровище, что̀ дѣлать мнѣ съ остальнымъ нашимъ горемъ, котораго у насъ еще такъ много? Скажи мнѣ: хочешь ли, чтобъ мы нынѣшнею же ночью отправились въ такое мѣсто, гдѣ фортуна не имѣетъ силы играть съ нами такія штуки? Желаешь ли, чтобъ вырвалъ я тебя отсюда?

Целія. — Богу извѣстно была ли бы я противъ этого; но бѣгствомъ нашимъ мы поставимъ Элисо въ самое непріятное положеніе: мы живемъ здѣсь подъ именемъ его невольниковъ, а потому Лисарда не преминетъ сказать, что онъ насъ скрываетъ и его будутъ объискивать. Гораздо-лучше остаться здѣсь, пока пройдетъ гроза: нигдѣ такъ удобно отъ нея не скроешься, какъ въ этомъ домѣ. Сверхъ-того, мои родные станутъ меня искать и едва покажусь на улицу, въ своемъ настоящемъ платьѣ, узнаютъ тотчасъ. Для меня же, что̀ можетъ быть

([13]) Ninneria — пустяки, nina — зрачокъ.

теперь славнѣе, какъ находиться въ такомъ мѣстѣ, гдѣ могу заслужить названіе твоей невольницы?

Фелисардо. — Сеньйора, ты мнѣ даешь прекрасный совѣтъ; я видѣлъ слугъ, накрывавшихъ на столъ. Целія, ступай на кухню, быть-можетъ они видятъ, что мы здѣсь.

Целія. — Удастся мнѣ унести кусочекъ для тебя, я заверну его въ полотенцо; но нѣтъ, я вспомнила, что Флора сдѣлаетъ это лучше меня.

Фелисардо. — Никогда не видалъ я, чтобъ вела ты себя такъ глупо.

Целія. — Кто любитъ — боится.

Фелисардо. — Кто любитъ — вѣритъ.

Целія. — Чему же я должна вѣрить, по-твоему?

Фелисардо. — Что обожаю тебя, моя Целія: вѣдь отъ несчастій вѣрность усиливается.

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Покои Лисарды.

Белиса и Флора.

Флора. — Чѣмъ могутъ покончиться эта печаль и это неудовольствіе?

Белиса. — Теперь, Флора, всѣ удовольствія мои превратились въ слезы. Теперь мои причуды прекратились и надменность моя упала: небо ниспослало на меня наказаніе и въ настоящее время мнѣ вполнѣ отомстили за себя мужчины. Сжалься надо мной, я готова умертвить себя.

Флора. — Не говорите этихъ глупостей.

Белиса. — Другъ мой, я иду такими печальными путями, что мнѣ невозможно жить: въ такомъ несчастіи молчать мнѣ про свое безуміе то же, что рѣшиться умереть. Зачѣмъ же медлю? Что̀ удерживаетъ меня отъ смерти?

Флора. — Такъ вы хотите...

Белиса. — Да̀, Флора, хочу умертвить себя: когда свѣтъ узнаетъ причину моей смерти, скажетъ, что я права. Убью себя непремѣнно;

а ты, Флора, когда я умру, можешь обнажить мою грудь и узнаешь причину, которую я теперь скрываю. Она будетъ написана на бумажкѣ такъ точно, какъ у человѣка, умирающаго по судебному приговору; бумажка та будетъ у меня на груди, когда погибну отъ желѣза, или веревки. Бѣдная жизнь моя! я думаю о томъ, какъ бы мнѣ тебя пресѣчь. Если заколюсь шпагой — изойду кровью, поблѣднѣю и могу принять безобразное положеніе. Если удавлюсь веревкой — сдѣлаюсь сама безобразной, языкъ нальется кровью, ротъ перекосится... нѣтъ, нехороша смерть безъ раны!.. Отъ яда — почернѣю и распухну. Развѣ изъ жилъ открыть мнѣ кровь? Этотъ родъ смерти взятъ изъ Сенеки — сладостно умру тогда и славно будетъ умереть смертью философа, притомъ, умирая отъ кровопусканія, сохраню красоту свою. Итакъ позови ко мнѣ цирюльника; скажу, что хочу пускать кровь себѣ, а потомъ могу сорвать повязку и не надѣвать ея до самаго конца. Ступай, Флора, приведи его ко мнѣ.

Флора. — Что̀ вы это говорите? Въ умѣ ли вы?

Белиса. — Мнѣ хочется умертвить себя.

Флора. — Ахъ, я несча̀стная!

Белиса. — Если медлишь, умерщвлю себя веревкой или, какъ Порція, какими-нибудь горящими угольями...

Флора. — Если моя вамъ преданность, моя любовь и то, что я родилась въ вашемъ домѣ, даютъ мнѣ право узнать причину вашего волненія, то все это вмѣстѣ и мои заплаканные глаза заставятъ васъ открыться мнѣ.

Белиса. — Это невозможно.

Флора. — А если сдѣлать этого нельзя, соединимъ вмѣстѣ нашу жизнь и умремъ одной смертью.

Белиса. — Если ты мнѣ обѣщаешь, что одна и та-же участь, для уравненія насъ, постигнетъ обѣ наши раны, въ такомъ случаѣ, такъ и быть, открою тебѣ свое горе.

Флора. — Обѣщаю вамъ это.

Белиса. — Такъ слушай-же: ты увидишь, что причинъ этому много и всѣ онѣ равны моему несчастью. Тебѣ извѣстно, Флора, что я родилась въ Мадридѣ, на утѣшеніе и удовольствіе моихъ богатыхъ родителей и почти выросла на ихъ рукахъ, взлелѣянная ихъ нѣжностью: могла бъ ужь выйдти за мужъ, а еще говорила какъ ребенокъ. Изъ Индіи, Восточной Индіи, гдѣ было у моего отца двойное зло ([14]) —

([14]) *Двойное зло*, то-есть, съ одной стороны, жемчугъ и алмазы, съ другой — золото и серебро.

лились въ его домъ и сундуки жемчугъ и алмазы, серебро на расходы и золото на оправы ([15]). Бо̀льшую часть времени родные мои проводили въ собиранiи сокровищъ и, любя меня страстно, тратили ихъ на меня: то сдѣлаютъ, бывало, новыя праздничныя платья, то богатые наряды. Братъ мой Дон-Хуанъ, бывъ тогда студентомъ, не истрачивалъ столько на книги, лакеевъ и пажей, сколько издерживала я на зеркала, курительныя свѣчки ([16]) и перчатки; притомъ, дѣлая эти глупости, держала себя такъ надменно, что родные мои никакъ не могли меня выдать замужъ: тридцать тысячъ червонцевъ, которые изъ этого огромнаго имѣнiя достаются на мою часть, болѣе нежели мои собственныя качества заставляютъ мужчинъ толпами приходить на меня глядѣть: они смотрятъ, желая прiобрѣсти мое расположенiе. Я, чрезвычайно-много думая о своемъ огромномъ имѣнiи — быть-можетъ ввели меня въ заблужденiе мой умъ и моя наружность— сдѣлалась такой причудницей, что стала главнымъ предметомъ всѣхъ столичныхъ разговоровъ. Одно время я говорила, что руки и лицо у меня изъ мяса, а все остальное какъ у рѣзныхъ фигуръ: ихъ одѣваютъ сверху только для вида, а нѣтъ у нихъ ни ногъ, ни тѣла— вездѣ одинаковая толщина; я никогда не выходила со двора, если шумѣлъ вѣтеръ; а если заставалъ онъ меня на улицѣ, кричала во все горло, что вѣтеръ меня уноситъ. Я никогда не видала боя быковъ, боялась, чтобъ они ко мнѣ не перескочили, хотя передо мною и находились тысячи желѣзныхъ рѣшотокъ. Я никогда не дозволяла перевозить себя по каменному мосту чрезъ Мансанаресъ, несмотря на то, что это — маленькая рѣчка. Въ жизнь свою я не ѣдала монашескихъ сливъ ([17]), потому-что многiе говорятъ, будто-бы онѣ родятся голыми; также я никогда не ѣла улитокъ, потому-что онѣ никогда не выметаютъ своей комнатки. Никогда не соглашалась, чтобъ съ меня портной снималъ мѣрку: боялась, чтобъ онъ меня не обнялъ; я никогда не хотѣла, чтобъ башмачникъ зналъ мой нумеръ· онъ дѣлалъ мнѣ башмаки и перваго нумера, и втораго, и даже шестнадцатаго: я не желала, чтобъ мои любопытные обожатели хвалились тѣмъ, что имъ извѣстны мои нумера ([18]). Въ жизнь свою не хотѣла я

([15]) *Gastos* — расходы, издержки; *engastes* — оправы. Корень одинъ: gastar.

([16]) Полагаю, что здѣсь идетъ рѣчь о *postillas de olor*, а не о *pastillas de boca.*

([17]) *Ciruelas de frailes* — такъ называются въ Испанiи большiя, длинныя, зеленыя сливы.

([18]) *Punto* значитъ, между прочимъ, стежокъ, дырочка на чулкѣ, отъ распустившейся петли, и во множественномъ числѣ вообще чулочныя петли.

играть въ карты: отъ пиковой масти ([19]) застывала во мнѣ кровь. Но къ-чему разсказываю вещи, тебѣ извѣстныя, и можетъ ли языкъ все пересказать? Да̀, Флора, съ такими-то причудами я отказала многимъ: и знатнымъ рыцарямъ, и богатымъ, и дворянамъ, и благороднымъ, и вельможамъ; многіе изъ нихъ были орденскими кавалерами, многіе занимали довольно-значительныя мѣста въ войскахъ, другіе состояли на службѣ гражданской, а я всегда находила тысячу недостатковъ во всѣхъ тѣхъ, которые за меня сватались. Не знаю, сказать ли мнѣ тебѣ прежде чѣмъ себя убью — боюсь, какъ-бы ты не оскорбила меня за мои безразсудства—но, видно, дѣлать нечего, должна тебѣ открыться. Чего же трушу я? Страстно люблю я раба — онъ драгоцѣнный залогъ; Альгвазилъ привелъ его моей матери: видно такъ угодно судьбѣ! Безъ шутокъ, Флора, вначалѣ-было старалась я всячески беречься, но безполезно: въ этихъ темницахъ, тюремщикомъ—любовь([20]), она наказываетъ смертью подобное сопротивленіе; не сплю, не ѣмъ, сама не знаю къ добру ли, къ худу ли ведутъ эти мысли. Издѣвалась я прежде надъ людьми мнѣ равными, а теперь люблю ничтожнаго невольника. Не говори никто: воды этой пить не стану: времена переходчивы—унижаютъ гордость, возвышаютъ смиреніе, превращаютъ причуды въ дѣла важныя, обогащаютъ людей мелкихъ, дѣлаютъ нищими людей богатыхъ. Грѣшитъ прихоть, а честь изволь за нее расплачиваться.

Флора. — Что̀ могу я отвѣчать вамъ? За васъ мнѣ самой стыдно, и молчу только потому, чтобъ не оскорбить васъ; но не могу отъ васъ скрыть, что это странное безумство съ вашей стороны.

Белиса. — Перестаетъ ли быть красота красотой гдѣ бы то ни было? Камень, родившійся алмазомъ въ рудникѣ, перестаетъ ли быть алмазомъ оттого, что его носитъ недостойная рука, или потому, что его покрываетъ перчатка? Поэтому неудивительно, что съ тобой случилось то же, что и со мной. Не хочу тебя въ томъ обвинять, чтобъ оправдать себя передъ самой-собою, а себя я умерщвлю.

Флора. — Лучше поискать другаго средства.

Белиса. — Кромѣ смерти, есть ли другое какое средство, которымъ можно было бы помочь мнѣ?

Флора. — Надобно немедленно выгнать его изъ дому.

Белиса. — Моя мать къ нему привыкла и его полюбила, а его отсутствіе можетъ только усилить мою страсть.

([19]) *Espadas* — пики (собственно мечи, шпаги: у испанцевъ онѣ соотвѣтствовали французскимъ пикамъ).

([20]) Можно перевести и такъ: «въ этихъ дѣлахъ судья — любовь» и проч.

Флора. — Такъ заставьте положить ему клеймы на лицо, или прикажите его высѣчь; сдѣлайте его такимъ безобразнымъ, чтобъ почувствовать къ нему отвращеніе.

Белиса. — Можетъ ли даже звѣрь въ одно время и ненавидѣть и любить?

Флора. — Если ревность прогоняетъ любовь, то подумайте: не влюблена ли въ него эта невольница?

Белиса. — Не создана-ли небесами ревность приправою къ любви, Флора?

Флора. — Должны же вы на что-нибудь рѣшиться.

Белиса. — Я рѣшилась умереть.

Флора. — Подумайте...

Белиса. — Думая, я только борюсь съ страстью своею, междутѣмъ, какъ страстно пренебрегаю самую жизнь. Хочу принять твой совѣтъ и заставить положить клеймы на этого невольника: я теперь поступаю какъ человѣкъ, который хочетъ разбить зеркало длятого, чтобъ въ него не глятѣться.

Флора. — Ваша матушка...

Белиса. — Ступай теперь въ ту комнату.

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Входятъ Элисо съ Лисардой.

Лисарда. — Нечего вамъ возражать мнѣ; сердитесь на меня, а невольниковъ мнѣ уступите.

Элисо. — Взявъ у меня обезпеченіе и сдѣлавъ мнѣ эту непріятность, не отнимаете ли вы у меня теперь то, въ чемъ нахожу я свое удовольствіе?

Лисарда. — Вы — рыцарь честный, а я — женщина.

Элисо. — У меня также есть до васъ просьба, а потому, желая услужить, дѣлаю вамъ это удовольствіе; но замѣтьте, что отдаю я вамъ трехъ невольниковъ.

Лисарда. — Какъ это?

Элисо. — Третій невольникъ я; а какимъ это образомъ — узнаете послѣ.

Лисарда. — Если, быть можетъ, думаете жениться на Белисѣ, то ея характеръ вамъ извѣстенъ.

Элисо. — Знаю, что замышляю невозможное, но все-таки прошу васъ, переговорите съ ней объ этомъ наединѣ.

Лисарда. — Хорошо, я это сдѣлаю. Она была здѣсь сейчасъ, а ужь ушла.

Элисо. — Поговорите ей только объ этомъ. Мой родъ вамъ извѣстенъ, а свадебные подарки вы ужь получили.

Лисарда. — Теперь Педро и Зара мои; пойду поговорить съ Белисой. (*уходитъ*).

Элисо. — Теперь я твердо рѣшился терпѣливо сносить всѣ удивительныя ея сумасбродства.

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТІЕ.

Элисо. Входитъ Фелисардо *въ одеждѣ невольника.*

Фелисардо. — Элисо! душа моя...

Элисо. — Любезный мой Фелисардо! какъ поживаешь здѣсь?

Фелисардо. — Въ этой мрачной тюрьмѣ съ такимъ же нетерпѣніемъ ожидалъ тебя видѣть, съ какимъ птицы ожидаютъ появленія дня.

Элисо. — Ты вмѣстѣ съ Целіею: можетъ ли гдѣ-нибудь быть для тебя тюрьма?

Фелисардо. — Это правда; но я не имѣю свободнаго времени сказать ей и одного словечка. — Ну, что̀ новенькаго насчетъ раны? Не могу ли отсюда выйдти? Не проболтался ли онъ, что я ранилъ его?

Элисо. — Идальго хотя еще живъ, но очень-труденъ; не выходи изъ своего убѣжища, иначе, подвергнешь свою жизнь опасности!

Фелисардо. — Удивительный случай!

Элисо. — Это мѣсто лучшее убѣжище.

Фелисардо. — А ищутъ ли Целію?

Элисо. — Тоже ищутъ. Ну, какъ она здѣсь поживаетъ?

Фелисардо. — Хорошо, хотя и безпокоитъ ее нѣсколько здѣшняя служанка, которая всѣ силы свои употребляетъ на то, чтобъ какъ можно лучше угостить.

Элисо. — Ревность?

Фелисардо. — Сегодня чуть-было меня не убила. Если увидятъ, что я съ тобой такъ разговариваю, мы можемъ возбудить подозрѣніе.

Элисо. — Ходишь-ли ты со двора?

Фелисардо. — Очень-рѣдко.

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Фелисардо. Входитъ Лисарда.

Лисарда — Если это такъ огорчаетъ тебя, Белиса, не бойся, въ жизнь свою не стану говорить тебѣ о замужествѣ. Педро?...

Фелисардо. — Сеньйора?...

Лисарда. — Я всегда имѣла намѣреніе тебя купить; только не пріими моего къ тебѣ расположенія за другое чувство.

Фелисардо. — Вы изволили меня купить?

Лисарда. — Элисо мнѣ уступилъ тебя сегодня и ты теперь принадлежишь мнѣ. Развѣ онъ тебѣ этого не говорилъ?

Фелисардо. — Вѣрно боялся, чтобъ я не расчувствовался.

Лисарда. — Развѣ тебѣ не нравится быть у меня?

Фелисардо. — Нахожу большое удовольствіе служить вамъ, сеньйора; но Элисо все-таки мой первый господинъ.

Лисарда. — Дурно платишь ты мнѣ за любовь мою.

Фелисардо. — Докладываю вамъ, что благодаренъ за милость и ваше особенное ко мнѣ благоволеніе.

Лисарда. — Ты мнѣ обязанъ болѣе нежели полагаешь.

Фелисардо. — Отрывистыя слова — признаки любви.

Лисарда. — Люблю тебя какъ самоё-себя.

Фелисардо. — Тысячу разъ цалую ваши ноги.

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

Тѣ же и Целія.

Лисарда. — Не Зара ли это?

Фелисардо. — Она.

Лисарда. — Зара, что тебѣ здѣсь надобно?

Целія. — Я пришла за Педро: его зоветъ къ себѣ Дон-Хуанъ, господинъ мой.

Лисарда. — Иди скорѣй.

Целія. — Не начинаетъ ли также тебя потчивать и госпожа моя?

Фелисардо. — Опять ревность?

Целія. — Что̀ жь прикажешь ты мнѣ дѣлать, когда самъ подаешь къ тому поводъ?

Лисарда. — Прекрасно! поди, пожалуй, вздумали здѣсь разговаривать!

Фелисардо. — О, Целія, какая ты странная! *(Уходитъ).*

Целія. — Я только спросила у Педро, не возьмется ли онъ сегодня меня выучить молитву на завтрашній день.

Лисарда. — Развѣ ты ея не знаешь?

Целія. — Не знаю.

Лисарда. — Выучить тебя можетъ Флора. Ступай на кухню!

Целія. — И этой женщинѣ также начинаетъ нравиться Фелисардо; но погодите, я съумѣю отомстить за себя. *(Уходитъ).*

Лисарда. — Что это, въ-самомъ-дѣлѣ, не могу я выбить изъ головы своей мысли о невольникѣ? Думать о немъ мнѣ вовсе не пристало, да и самыя мысли какъ-будто несовсѣмъ-чисты. Нравятся мнѣ до чрезвычайности его станъ, разговоръ и лицо. Какое легкомысліе! Остановись любовь, стой: боюсь погубить себя.

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТОЕ.

Лисарда. Входитъ Белиса.

Белиса. — Узнавъ, что Педро вашъ, что вы купили его у Элисо, я пришла вамъ кое-что посовѣтовать насчетъ его.

Лисарда. — Ужь вѣрно опять какая-нибудь прихоть.

Белиса. — Говорятъ мнѣ, что онъ бѣглый, а потому сегодня приказали бы вы его заклеймить.

Лисарда. — Не-уже-ли, Белиса, класть клейма на такомъ прекрасномъ лицѣ?

Белиса. — Какое до этого дѣло? онъ не плѣнникъ.

Лисарда. — Мнѣ жаль его лица, оно не заслуживаетъ, чтобъ касалось его желѣзо.

Белиса. — Или вы находите, что лицо его такъ прекрасно?

Лисарда *(всторону)*. — Совсѣмъ-было высказала свои чувства.— Что̀ могу я находить въ лицѣ невольника?

Белиса. — Такъ согласитесь его заклеймить.

Лисарда. — Это неприлично: вѣдь, можетъ-быть, опять случится его продать; въ такомъ случаѣ мы будемъ похожи на тѣхъ, которые дѣлаютъ съ гербомъ свои шпалеры.

Белиса. — Такъ потеряете невольника.

Лисарда. — Ужь лучше его потерять, нежели клеймить по твоему совѣту. Умоляю тебя, не причудничай, не требуй, чтобъ клеймили прекрасное лицо.

Белиса. — Что жь, если оно мнѣ не нравится? Еслибъ я васъ попросила, чтобъ вы меня возненавидѣли, а полюбили вашего Дон-Хуана, ваши глаза тотчасъ бы сказали: такъ ли я родилась, какъ Дон-Хуанъ? — Отдерни занавѣски у этой кровати, Флора, ступай скорѣй, позови цирюльника: я тотчасъ стану пускать себѣ кровь, я сегодня умираю. Зовите ко мнѣ доктора! Вы тотчасъ же увидите, оканчиваю ли я сегодня жизнь, которую отъ васъ получила; вы увидите, что̀ лучше: меня потерять, или заклеймить лицо мавру.

ЯВЛЕНІЕ СЕДЬМОЕ.

Лисарда, а потомъ Тиберіо.

Лисарда. — Бываетъ ли на свѣтѣ такая странная перемѣна? Та, которая прежде боялась, бывало, одного крика, теперь доходитъ до такой дерзости, что желаетъ положить клейма самому прекрасному на свѣтѣ невольнику; или измѣнился ея характеръ, или она находитъ въ этомъ свою выгоду? Слыханы ли такія сумасбродства и жестокость!

(Входитъ Тиберіо).

Тиберіо. — Пусть обмороки эти не предсмертные признаки, а все-таки, Лисарда, нельзя смотрѣть на нихъ безъ состраданія. Я никогда не видывалъ въ такомъ изнеможеніи Белисы. Что̀ такое съ ней сдѣлалось?

Лисарда. — По обыкновенію дуритъ: забрала себѣ въ голову, что надобно заклеймить Педро.

Тиберіо. — Да развѣ онъ вашъ?

Лисарда. — Не успѣла еще его купить, а ужь должна поступить съ нимъ такъ жестоко!

Тиберіо. — Ея нравъ вамъ извѣстенъ; но поступать такъ жестоко было бы неблагоразумно. Вы можете сказать, что его заклеймили, между-тѣмъ, наложивъ фальшивыя клейма, пощадите ихъ обоихъ и никого не оскорбите: недолжно также и ее приводить въ такое сильное огорченіе: вѣдь она свѣтъ вашихъ глазъ.

Лисарда. — Можно ли устроить такъ, чтобъ клейма казались настоящими?

Тиберіо. — Можно и очень-легко.

Лисарда. — Вотъ до-чего меня доводятъ угрозы Белисы! Теперь тебѣ остается, Тиберіо, придумать клейма.

Тиберіо. — Охотно беру это на себя, только бъ эта сумасшедшая не надѣлала намъ бѣдъ. Кажется, она сюда идетъ, или это Педро?

ЯВЛЕНІЕ ВОСЬМОЕ.

Тиберіо. Входитъ Фелисардо.

Фелисардо. — Ахъ, сеньйоръ?

Тиберіо. — Какъ поживаешь въ новомъ-то домѣ?

Фелисардо. — Все идетъ хорошо, благодаря Бога; любятъ меня здѣсь всѣ.

Тиберіо. — За Лисарду я ручаюсь, а за Белису нѣтъ; она при-

*

казываетъ положить тебѣ клейма, и я, для ея прихоти, хлопочу здѣсь объ этомъ, хотя самому мнѣ и жаль тебя чрезвычайно.

Фелисардо. — Какъ положить мнѣ клейма? Только попробуйте вы это сдѣлать, нѣтъ нужды, что я вѣренъ — за себя не отвѣчаю — готовъ васъ обоихъ лишить жизни.

Тиберіо. — То же велѣно сдѣлать и съ невольницей.

Фелисардо. — Нѣтъ силъ притворяться больше: я убійца наварскаго рыцаря. Ступайте сюда, я здѣсь скрываюсь.

Тиберіо. — Что̀ говоришь ты?

Фелисардо. — Что я тотъ самый человѣкъ, который своею обнаженною шпагой нанесъ смерть тому идальго.

Тиберіо. — Отъ горя, что его будутъ клеймить, онъ начинаетъ заговариваться. Успокойся! клеймить тебя не станутъ.

Фелисардо. — Подождите, я сейчасъ выйду туда, гдѣ могу поплатиться жизнью за это открытіе.

Тиберіо. — Разсуди, что, для исполненія ея воли и съ тѣмъ вмѣстѣ для избѣжанія этой непріятной операціи, знаки будутъ фальшивые: мнѣ хочется обоимъ вамъ нарисовать клейма такою краскою, которая тотчасъ бы отстала.

Фелисардо. — Такъ расписывайте же насъ такимъ составомъ, который могъ бы стираться, а потомъ ужь зовите меня вашимъ невольникомъ.

Тиберіо. — Педро, подожди меня здѣсь *(уходитъ)*.

ЯВЛЕНІЕ ДЕВЯТОЕ.

Фелисардо. Входитъ Целія.

Целія. — Ушелъ ли Тиберіо?

Фелисардо. — Ушелъ.

Целія. — Что̀ скажешъ о Лисардѣ?

Фелисардо. — Что убѣгаю ея, не желая тебя огорчить.

Целія. — А о Белисѣ?

Фелисардо. — У ней родилась совершенно-новая прихоть, которую привести въ исполненіе чрезвычайно-затруднительно.

Целія. — Разсказывай же поскорѣй.

Фелисардо. — Подожди; несчастіе насъ преслѣдуетъ и дѣлаетъ навсегда невольниками здѣсь.

Целія. — Какъ это такъ?

Фелисардо. — Сегодня намъ кладутъ клейма.

Целія. — Чѣмъ вызвано такое безуміе?

Фелисардо. — Белисѣ этого захотѣлось.

Целія. — Такъ объяви имъ кто ты.

Фелисардо. — Теперь это ненужно: насъ обоихъ заклеймятъ фальшивыми клеймами, и они въ настоящую минуту, ей-Богу, будутъ намъ очень-кстати: никто насъ не узнаетъ, между-тѣмъ, какъ Элисо, когда былъ здѣсь, сказывалъ мнѣ, что насъ ищутъ.

Целія. — Случись, что стали бы насъ клеймить на самомъ-дѣлѣ, кто сталъ бы класть клейма тебѣ, клеймилъ бы съ тѣмъ вмѣстѣ и меня: отпечатокъ твоего лица у меня въ душѣ и клейма на немъ тамъ.

ЯВЛЕНІЕ ДЕСЯТОЕ.

Тѣ же, Дон-Хуанъ и Каррильйо.

Хуанъ. — Удивительно! Эти невольники никогда не разстаются!

Каррильйо. — Это буква съ своей черточкой, подпись съ своими росчерками.

Хуанъ. — Держитъ онъ себя точно дворянинъ.

Каррильйо. — Притомъ какъ уменъ.

Хуанъ. — А! я этого не зналъ.

Каррильйо. — Не угодно ли вамъ съ нимъ поговорить?

Хуанъ. — Поговорить я съ нимъ готовъ, но не могу, если онъ уменъ и хорошъ, радоваться тому, что разговариваетъ такъ часто съ Зарой.

Фелисардо. — Никто насъ здѣсь не видитъ (*обнимаются*), ты можешь меня обнять, ничего не опасаясь.

Целія. — Ты всегда предупреждаешь мои желанія.

Хуанъ. — Что̀ это такое?

Каррильйо. — Мнѣ кажется, у насъ покастильски это значитъ, что они обнимались.

Хуанъ. — Зачѣмъ это ты ее обнимаешь, олухъ?

Целіо. — Видѣлъ ли насъ Дон-Хуанъ?

Фелисардо. — Разумѣется, что видѣлъ.

Хуанъ. — Собака, какъ осмѣливаешься ты это дѣлать въ такомъ знатномъ домѣ?

Фелисардо. — Сеньйоръ, если полагаете, что это — любовь, ваша любовь напрасно такъ думаетъ…

Хуанъ. — Ступай въ конюшню, собака.

Фелисардо. — Извините, сеньйоръ, какая я собака? развѣ я не христіанинъ?

Каррильйо. — Однако, названіе это его пугаетъ. Эй, Педро!

Фелисардо. — Что тебѣ надобно?

Каррильйо. — Быть христіаниномъ прекрасно; но замѣть, что здѣсь невольницъ не обнимаютъ.

Фелисардо. — А водится ли здѣсь, чтобъ господинъ съ лакеемъ до нихъ добирались?

Каррильо. — Водится.

Фелисардо. — Водится? Такъ погоди жь *(уходитъ).*

Каррильйо. — Пожалуй, эта собака что-нибудь накуролеситъ.

Хуанъ. — Замѣть, Зара, что напрасно ты стараешься сводить меня съ ума своимъ пренебреженіемъ.

Целія. — Я вѣтренницей быть несогласна.

Хуанъ. — Такъ что жь ты для меня сдѣлаешь?

Целія. — Быть вашей женой готова.

Хуанъ. — Рыцарю взять тебя безчестно.

Целія. — А требуете вы отъ меня развѣ дѣла честнаго?

Хуанъ. — Вѣдь ты невольница.

Целія. — Вы также были бы невольникомъ въ Алжирѣ.

Хуанъ. — Я и то невольникомъ въ твоемъ Алжирѣ.

Целія. — Когда бъ это было такъ, вы не имѣли бы права преслѣдовать меня.

Хуанъ. — Любовь меня заставляетъ это дѣлать.

Целія. — А меня моя кровь и честность: тамъ я въ бо̀льшей чести, чѣмъ вы здѣсь.

Хуанъ. — Постой, не уходи.

Целія. — Стараться побѣдить меня — напрасно, развѣ возьмете меня за себя замужъ.

ЯВЛЕНІЕ ОДИННАДЦАТОЕ.

Тѣ же и Лисарда.

Каррильйо. — Матушка ваша.

Лисарда. — И въ шутку мнѣ даже жалко заставить заклеймить ихъ обоихъ. Дон-Хуанъ, это ты?

Хуанъ. — Позвольте мнѣ поцаловать эти ноги.

Лисарда. — Что̀ дѣлалъ ты сегодня?

Хуанъ. — Прошелся немножко по прадо.

Лисарда. — А ты здѣсь?

Каррильйо. — Вы сильно меня пугаетесь.

Лисарда. — Какъ же мнѣ не бояться сумасшедшаго?

Хуанъ. — Оставьте Каррильйо, сеньйора, мнѣ нужно съ вами поговорить.

Лисарда. — Говори.

Каррильо. — Никогда не былъ такимъ миленькимъ (21) въ глазахъ вашихъ, какъ теперь.

Хуанъ. — Этотъ невольникъ, котораго вы держите въ вашемъ домѣ, красивѣе и щеголеватѣе, чѣмъ слѣдуетъ быть невольнику; недостатокъ этотъ важнѣе пьянства: страсть къ вину побѣждается любовью; это хуже, чѣмъ воровство: любовь похищаетъ души, а это значитъ похищать достояніе у небесъ; это хуже, чѣмъ побѣгъ: онъ могъ бы бѣжать, но, надѣясь погубить и мужество и нѣжность, не дорожитъ тѣмъ, что потерялъ свою свободу, а выжидаетъ, пока удастся ему погубить здѣсь честь и жизнь. Сужу по этому, что вамъ слѣдовало бы его продать: въ немъ много такихъ качествъ, которыя невольнику совершенно-лишни.

Лисарда. Продать его, Дон-Хуанъ!

Хуанъ. — Дà, продайте его тотчасъ, безотлагательно. Довольно того, что я вамъ это совѣтую; не спрашивайте меня больше, возвратите его Элисо, если не хотите продать куда-нибудь въ другое мѣсто, и скажите ему, что желаете оставить у себя одну эту невольницу.

Лисарда. — Хорошо жь, если слѣдуетъ мнѣ продать или возвратить его Элисо, пусть удалятся отсюда вмѣстѣ и невольникъ и невольница; не хочу держать у себя въ невольницахъ такой восхитительной красавицы: вѣдь любовь сильнѣй вина покоряетъ своей власти и людей пристрастныхъ къ вину; сильнѣе обыкновеннаго воровства, если похищаетъ души; хуже побѣга: не бѣжитъ, а ожидаетъ, чтобъ погибли жизнь, имущество и честь.

Хуанъ. — Невольница не сердитъ васъ и не безчеститъ.

Лисарда. — Чѣмъ же безчеститъ меня невольникъ?

Хуанъ. — Ужь однимъ тѣмъ, что обнимаетъ невольницу.

Лисарда. — Видѣлъ ли ты это самъ?

Хуанъ. — Я самъ видѣлъ, какъ они обнимались, видѣлъ это и Каррильйо.

Лисарда. — Нашелъ свидѣтеля!

Каррильйо. — Я видѣлъ, какъ они скрещивали руки и, словно палочками, колотили другъ-друга въ спину; имъ только не доставало

---

(21) Лопе, какъ и вообще всѣ испанцы, никогда не пропуститъ случая съострить. *Carrillo* (собств. carillo) уменьшительное отъ *caro* — милый, дорогой, драгоцѣнный. *Carrillo* (съ двумя r) значитъ щека, дѣтская тележка, свитокъ; слѣдственно ясно, что рѣчь идетъ сдѣсь о *carillo*, а не о *carrillo*.

вскрикивать, обнимаясь: «froleque, froleque» ([22]), подобно фламандцамъ, которые дѣлали это всякій разъ, когда заключали выгодный миръ съ Франціею, или какъ, порою, дѣлаютъ то же ручные голуби: уткнуться носиками другъ въ друга и шепчутъ себѣ въ шейки слова любви.

Лисарда. — Это, должно быть, говоритъ у тебя ревность, Донъ-Хуанъ. Или нѣтъ у тебя тамъ женщинъ прекрасныхъ и свободныхъ? Оставь эту мавританку, она настоящая магометанка, не старайся ее побѣдить: это преступленіе, которое можетъ намъ стоить и состоянія и чести. Педро, за его проступокъ, можно побранить, запретить ему приходить наверхъ и переступать черту этихъ корридоровъ.

(Уходитъ)

Хуанъ. — Ушла ль сеньйора?

Каррильйо. — Унесла съ собой и свои обѣ ноги и надѣтые на нихъ чапины.

Хуанъ. — Вотъ какое удовольствіе доставляетъ мнѣ моя матушка!

Каррильйо. — Молчите, вы также ужасны съ вашей стороны: зачѣмъ желаете, чтобъ продала она Педро? Онъ человѣкъ умный, смирный и держитъ себя какъ дворянинъ.

ЯВЛЕНІЕ ДВѢНАДЦАТОЕ.

Тѣ же. Входитъ Целія *съ клеймами на лицѣ.*

Целія. — Приношу мои жалобы на эту жестокость Небу: на землѣ же нѣтъ ни средства противъ этого, ни состраданія ко мнѣ.

Хуанъ. — Что̀ это значитъ? Можетъ ли быть что̀ хуже этой злобной шутки? Вѣрно подозрѣвали, что я люблю Зару, а потому и испортили ей лицо, чтобъ я чувствовалъ отвращеніе къ тому, что̀ всегда мнѣ въ ней такъ нравилось. Не правда ли это?

Целія. — Правда.

Хуанъ. — Каррильйо, разсмотри это хорошенько.

Каррильйо. — Иль еще вы въ этомъ сомнѣваетесь? Отчего же вы остолбенѣли и такъ измѣнились въ лицѣ? Довольно, вы видите, что лицо ея испорчено; сдѣлано это длятого, чтобъ любовь ваша утихла и чтобъ ваша честь какъ-нибудь не подверглась большой опасности. Вы ждали отъ нея взаимности, а ей обезобразили лицо.

Хуанъ. — Дай мнѣ взглянуть, Каррильйо, на эти щечки! безжалостныя руки запятнали ихъ розы. Я имѣю полное право говорить, что жестокій ножъ рѣзалъ ихъ. Или это розовое небо, держалъ въ

([22]) Тоже, что нѣмецкое: froh, fröhlich.

невольничествѣ алжирскій мавръ? Какія черныя кометы затмѣваютъ такъ несправедливо твои золотистые лучи? Эти пунцовыя розы принесли такой черный плодъ, что видѣть ихъ подернутыми чернымъ, тоже, что смотрѣть на затмѣніе солнца. Эти розы покрыты мракомъ; меркнетъ свѣтъ, который-было показывался съ ея востока: настаетъ ночь и смерть, и одна судьба постигаетъ и ея свѣтъ и мою жизнь. Тотъ, кто на такой бѣлой бумагѣ написалъ эти буквы, не воображалъ, что стану къ ней прикладывать свою душу длятого, чтобъ на ней вышли желѣзомъ сдѣланныя клейма. Подойди сюда, не огорчайся, печатай меня своими клеймами.

Целія. — Зачѣмъ вы подходите ко мнѣ такъ близко?

Хуанъ. — Любовь дала мнѣ это позволеніе.

Целія. — А мнѣ не позволяетъ этого жестокость моихъ враговъ.

Хуанъ. — Ты совершенно-права и теперь меня поставила въ такое положеніе, что я вынужденъ сдѣлать глупость. Погодите розы чистыя, я пойду и сдѣлаю, чтобъ это оскорбленіе, нанесенное вашей красотѣ, почувствовали тѣ, которыя заставляютъ ихъ тускнѣть и блёкнуть. Пойдемъ, Каррильйо.

Каррильйо. — Куда вы идете?

Хуанъ. — Я намѣренъ на ней жениться. Прежде была она хороша, а теперь, съ клеймами, стала еще лучше.

Каррильйо. — Вы не можете этого сдѣлать: она не христіанка.

Хуанъ. — Но Лисарду огорчить я могу.

Каррильйо. — И не боитесь вы оскорбленія?

Хуанъ. — У безумнаго не бываетъ страха.

Каррильйо. — Послушайте, замѣтьте, подождите немножко.

Хуанъ. — Любовь съ гнѣвомъ не ждутъ. *(Уходятъ).*

Целія. — Дон-Хуанъ принялъ эти фальшивыя клейма за настоящія, между-тѣмъ, какъ всему этому виной ревность. Фелисардо такъ милъ и хорошъ, что какой бы нарядъ ни надѣлъ на себя, во всякомъ нравится всѣмъ: Белиса, Лисарда и Флора любятъ его одинаково. Кто бъ подумалъ, что въ причудницѣ можетъ произойдти такая большая перемѣна?

ЯВЛЕНІЕ ТРИНАДЦАТОЕ.

Целія. Входитъ Фелисардо *(съ клеймами на лицѣ).*

Фелисардо. — Ты здѣсь?

Целія. — Или ты меня не видишь? Какъ это ты сюда зашелъ?

Фелисардо. — Любовь дала мнѣ позволеніе, свои крылья подвязала къ ногамъ моимъ. Какъ идутъ къ тебѣ эти клейма!

Целія. — Они лежатъ на моей чести, сокровище мое, несмотря на то, что Донъ-Хуанъ, увидѣвъ меня заклейменною, надѣлалъ ужь много безумствъ.

Фелисардо. — Какъ это?

Целія. — Мнѣ кажется, онъ теперь находится въ такомъ сильномъ раздраженіи, что готовъ умертвить самого-себя.

Фелисардо. — Ахъ, я несчастный! вотъ въ какое запутанное положеніе завела насъ жестокая любовь! Но, погоди, мы выйдемъ изъ этихъ затрудненій: одно только, что здѣсь мы безопасны, заставляетъ меня переносить оскорбленія, наносимыя твоему прекрасному личику.

Целія. — Какія оскорбленія, мое сокровище? Еще ныньче я получила отъ любви эту подпись и ливрею. Что сегодня принадлежу тебѣ, тому свидѣтели всѣ пять чувствъ моихъ: радуется слухъ, также радуются руки и уста. Длятого, чтобъ ни забвеніе, ни изгнаніе не могли обмануться, что я твоя, глаза мои уставились на клейма, словно пушки съ бойницъ. Что̀ думаешь ты о своихъ клеймахъ?

Фелисардо. — Мнѣ досадно, если они, будучи своего собственнаго оттиска, не будутъ такими, какими желаютъ ихъ твои клейма. Мои глаза ихъ также видятъ, а мои уста ихъ хвалятъ, и даже сильный споръ завязывается у глазъ съ устами: клеймами, которыя принадлежатъ тебѣ, глаза цѣнятся такъ высоко, что, будучи у нихъ въ такомъ почтеніи, желаютъ ихъ себѣ присвоить. Уста же говорятъ, что къ нимъ клейма ближе и придлежатъ имъ; но въ такомъ деликатномъ вопросѣ ихъ примирить могутъ только сами клейма, если мы ихъ соединимъ. Обними меня и я уйду.

Целія. — Любовь подходитъ, душа робѣетъ. *(Обнимаются).*

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТЫРНАДЦАТОЕ.

Тѣ же. Входятъ Белиса и Флора.

Белиса. — Мы приходимъ сюда въ самое время. Не говорила ли я тебѣ, собака, чтобъ ты шагу не переступалъ дальше лѣстницы?

Фелисардо. — Я сюда пришелъ не безъ причины: я вошелъ спросить тѣ вещи, которыя выдаются мнѣ здѣсь.

Белиса. — А зачѣмъ тебѣ было ее обнимать?

Фелисардо. — Я все-равно, что мужъ ей, а она мнѣ жена.

Белиса. — Съ какихъ это поръ?

Фелисардо. — Съ той самой минуты, въ которую насъ заклеймили, мы соединили наши клейма и съ-тѣхъ-поръ у насъ все вмѣстѣ.

Белиса. — Развѣ можетъ христіанинъ жениться на мавританкѣ?

Фелисардо. — Въ душѣ она ужь христіанка, а совершить надъ ней христіанскіе обряды зависитъ отъ васъ: окрестить ее и выдать замужъ вы можете въ одинъ день.

Белиса. — Желаешь ли ты этого?

Целія. — Очень бы желала. Мое благородное происхожденіе вполнѣ достойно Педро: по отцѣ онъ рыцарь, а по матери, нѣтъ нужды, что она мавританка, онъ также благородный.

Белиса. — Ступай, безстыдница, во внутренніе покои, а ты, собака, ступай внизъ!

Целія. — Развѣ это васъ сердитъ?

Белиса. — Грубіянка! ступай туда, куда тебѣ велятъ.

Целія. — Иду.

ЯВЛЕНІЕ ПЯТНАДЦАТОЕ.

Тѣ же, кромѣ Целіи.

Белиса. — А ты чего здѣсь дожидаешься?

Фелисардо. — Смотрю, не смягчится ли ваша жестокость.

Белиса. — Любовь могла бы смягчиться, когда бъ ты былъ способенъ ее чувствовать. Поди сюда, Педро!

Фелисардо — Сеньйора...

Белиса. — Жалѣлъ ли ты себя, когда тебя клеймили?

Фелисардо. — Жалѣлъ ли о томъ — это извѣстно одному Богу. Лицо такая часть тѣла, которая всегда въ большой чести и уважается зрѣніемъ предпочтительнѣе предъ прочими; притомъ я зналъ, что чрезъ лицо я всегда могъ бы находиться въ почетѣ.

Белиса. — Такъ ты полагаешь теперь, что виной всему этому я?

Фелисардо. — А кто жь другой?

Белиса. — Дон-Хуанъ.

Фелисардо. — Стало-быть онъ сдѣлалъ это изъ ревности.

Белиса. — Прошла ль теперь боль твоя?

Фелисардо. — Дай-то, Богъ, чтобъ также прошло и самое чувство оскорбленія!

Флора. — Остановитесь, вы себя губите!

Белиса. — Меня приводитъ въ восторгъ, Флора, красота его лица.

Флора. — Какъ, и теперь вы еще находите его прекраснымъ?

Белиса. Клейма такого рода пятна, которыя красавцамъ придаютъ бо̀льшую красоту, тогда-какъ безобразятъ лица другихъ менѣе-прекрасныхъ невольниковъ. Это наказаніе мнѣ отъ небесъ за мои причуды! Невольникъ причиною моей смерти, а невольница возбуждаетъ

во мнѣ ревность! Ахъ, Флора, какой дурной совѣтъ ты мнѣ подала: онъ заклейменъ, а я заперла къ себѣ двери благоразумію.

Флора. — Я вамъ это присовѣтовала длятого, чтобъ вы, как-нибудь не нанесли оскорбленія вашей чести.

Белиса. — Такъ ты замѣчаешь, что моя любовь, для смягченія этихъ ужасныхъ страданій, готова на что-нибудь рѣшиться? Какъ бы коснуться мнѣ руки этого невольника?

Флора. — Очень-легко. Развѣ вы не причудница?

Белиса. — Тутъ не могутъ помочь никакія причуды; любовь вторгается къ намъ силою. Придумай, Флора, какъ бы коснуться мнѣ его руки; случая этого упускать не надобно.

Флора. — Васъ обуреваетъ ужасное безуміе. Притворитесь, что вы пàдаете въ обморокъ, а я устою: пусть онъ васъ отнесетъ на своихъ рукахъ.

Белиса. — Это будетъ отличная выдумка. Ахъ, Боже, Боже!

Флора. — Что такое?

Белиса. — Комаръ укусилъ мнѣ палецъ и обжегъ меня, словно молнія; я умираю и вся изнемогаю.

Фелисардо. — Отъ комара?

Флора. — Зачѣмъ ее раздражать? Чего тебѣ хочется? или ты не знаешь причудъ ея? ты видишь, что она лишилась чувствъ.

Фелисардо. — Лишилась чувствъ?

Флора. — Ожидай навѣрное, что она не очнется въ четверо сутокъ. Возьми ее на руки, у меня нѣтъ силъ ее поднять.

Фелисардо. — Такъ мнѣ надобно нести ее на рукахъ?

Флора. — А почему жь тебѣ ее не нести?

Фелисардо. — Такъ и быть, исполню твое приказаніе.

Флора. — А я пойду поглядѣть: нейдетъ ли кто.

Фелисардо. — Удивительный у ней обморокъ! дѣлать нечего, буду носилками, понесу эту покойницу.

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТНАДЦАТОЕ.

Тѣ же и Целія.

Целія. — Куда это ты идешь съ этою ношею?

Фелисардо *(держа на рукахъ Белису)*.—Этотъ образъ смерти, лишенный дыханія и жизни, несу я положить его постель: Флора велѣла мнѣ отнести Белису, которая упала здѣсь въ обморокъ; притомъ она госпожа моя.

Целія. — По-крайней-мѣрѣ ужь говорилъ бы мнѣ, что ее чрезвычайно любишь.

Фелисардо. — Пусть бы небеса перемѣнили мою настоящую жизнь на лучшую! Развѣ не видишь ты въ какомъ она положеніи?

Целія. — Ахъ ты жестокій Фелисардо! самъ ты ревнуешь меня сильно, а я вѣрна тебѣ, неблагодарнѣйшее созданье! Если я тебя прежде ревновала, то имѣла на то полное право: зачѣмъ же ты такъ меня оскорбляешь теперь?

Фелисардо. — Въ этомъ нарядѣ, мнѣ непринадлежащемъ, я только исполняю мою обязанность, Целія, и ничѣмъ не оскорблю тебя: эта глупая причудница, какъ только комаръ укусилъ ее, закричала, что она умираетъ, а мнѣ приказали нести ее.

Целія. — Запрещаю тебѣ даже дотрогиваться до нея.

Фелисардо. — Развѣ ты не видишь въ какомъ она положеніи? Не бросить-же мнѣ ее здѣсь?

Целія. — Брось, если желаешь доставить мнѣ удовольствіе; а если тебѣ пріятно держать ее на рукахъ, не бросай. Могу ли видѣть тебя я съ другою женщиною на рукахъ?

Фелисардо. — Она безъ чувствъ.

Целія. — Безъ чувствъ?

Фелисардо. — Развѣ это не правда?

Целія. — Неси ее, сбрось съ этой галереи, пусть ее разобьется!

Фелисардо. — Это было бы прекрасно, потому-что она столько же меня ненавидитъ, сколько мать ея меня превозноситъ; притомъ, еслибъ я только захотѣлъ, ныньче, полагаю, могъ бы быть казначеемъ всего ея имущества, и теперь еще надѣюсь ее обмануть.

Целія. — Ахъ, Фелисардо, дурно устроиваются дѣла наши: мы ужь и такъ сбились съ настоящей дороги. Куда жь можемъ попасть наконецъ? Какой конецъ можетъ принести время этимъ несчастнымъ приключеніямъ?

Фелисардо. — Теперь-то ты и нашла время разсуждать объ этомъ. Не видишь ли ты, что я устаю?

Целія. — Положи ее здѣсь и пройдемъ тихонько въ мою комнату, поговоримъ тамъ о нашемъ дѣлѣ; теперь тебя здѣсь не спросятъ.

Фелисардо. — Пойдемъ пожалуй, а ее я оставлю здѣсь.

Целія.. — Пойдемъ.

Фелисардо. — Она не пришла еще въ-себя. *(Уходятъ).*

ЯВЛЕНІЕ СЕМНАДЦАТОЕ.

Белиса. Входитъ Флора.

Флора. — Правда, я много трудилась, неутомимо работала, за-то могу теперь сказать, что довольно-таки помогла судьбѣ покончить

съ этими причудами. Сколькихъ ни видала она мужчинъ, всѣхъ отвергала по своимъ причудамъ. Амуръ, котораго оскорбила, ей въ отмщеніе, заставилъ ее влюбиться въ невольника и она, несмотря на его низкое происхожденіе, желаетъ взять его за руку.

Белиса *(приподнимается)*. — Напрасно ты ворчишь, если извѣстна тебѣ сила могущественной любви

Флора. — Такъ вы здѣсь, сеньйора?

Белиса. — Помоги мнѣ прежде встать, а тогда я тебѣ все объясню.

Флора. — Странное дѣло! когда я вышла, вы лежали на его рукахъ, и онъ отсюда васъ не вынесъ.

Белиса. — Ахъ! Флора, не для меня созданы эти узы: едва ты вышла за дверь, а я припала къ его груди и, какъ женщина, любящая его страстно, предалась пріятнымъ мечтамъ—то касалась его руки, то лицомъ касалась его шеи, и дѣлала это такъ ловко, какъ-будто самъ обморокъ мною распоряжался: тутъ вошла Зара, увидала это и, какъ ревнивая ремора-рыба, которая, по народнымъ суевѣріямъ, останавливаетъ корабль, прильнувъ къ нему—остановила мой корабль, который шелъ-было на всѣхъ парусахъ. Хотя мнѣ было тяжело быть свидѣтельницею ихъ ревности, однакожь оскорбленіе это доставляло мнѣ удовольствіе. Видалъ ли кто такой лабиринтъ, слыхалъ ли кто про такія сплетенія любви? Могла это только я слышать, потому-что обморокъ у меня былъ притворный; я услышала тутъ, что меня ревновала та, которая сама была главнымъ предметомъ моей ревности: я теперь ясно открыла самыя странныя тайны, такія тайны, которыхъ нѣтъ ни въ миѳологіи, ни въ исторіи.

Флора. — Ахъ, сеньйора, что жь они такое говорили?

Белиса. — Она называла его Фелисардо, а не Педро, а онъ ее звалъ Целіею.

Флора. — Какъ...

Белиса. — Да́, Целіею, а не Зарой.

Флора. — Неужто? ахъ Боже мой!..

Белиса. — Однимъ словомъ: изъ ихъ отношеній, жалобъ, страховъ, я поняла, если только не ошибаюсь, что это не невольники.

Флора. — По всему видно, что вы ошибаетесь.

Белиса. — Какъ, я ошибаюсь, Флора?

Флора. — Если вы не ошиблись, скажите: какъ же дозволили бы они себя заклеймить? Кто велѣлъ бы имъ сносить клейма, выжженныя раскаленнымъ желѣзомъ? Правда и то, что намедни, войдя какъ-то въ комнату Педро, я видѣла тамъ дорогое полукафтанье; но

онъ, какъ видно теперь, меня обманулъ, сказавъ, будто укравшій невольникъ принесъ его туда спрятать.

Белиса. — Ты у него видѣла дорогое полукафтанье?

Флора. — Да еще претонкое.

Белиса. — Ну если это кабальеро, доведенный до такого печальнаго положенія какимъ-нибудь несчастіемъ?

Флора. — Не будь на немъ клеймъ, я ни сколько бы не усомнилась въ томъ.

Белиса. — Что̀ жь намъ теперь дѣлать?

Флора. — Молчать.

Белиса. Хорошо, сдѣлать это можно; но разсуди, что они могутъ уйдти и тогда я погибла, и погибла совершенно, какъ-скоро онъ не Педро, а Фелисардо.

Флора. — Чтобъ помѣшать его бѣгству, могу дать вамъ совѣтъ, но только дурной.

Белиса. — Я ужь угадываю въ чемъ заключается этотъ совѣтъ.

Флора. — Такъ скажите.

Белиса. — Слушай! скорѣй позови ко мнѣ Каррильйо.

ЯВЛЕНІЕ ВОСМНАДЦАТОЕ.

Тѣ же и Каррильйо.

Флора. — Вѣрно, чтобъ избавить меня отъ труда его отъискивать, вотъ идетъ онъ самъ.

Белиса *(всторону)*. — Любовь привела его сюда по моему прошенію.

Каррильйо. — Вотъ до-чего можетъ довести безуміе любви! Лисарда плачетъ и, въ наказаніе Дон-Хуану, обѣщаетъ выйдти за̀мужъ, а онъ, чтобъ больше огорчить ее, обѣщаетъ жениться на невольницѣ.

Флора. — Любовныхъ дѣлъ маклеръ, что̀ новенькаго?

Каррильйо. — Ай! какъ ты меня было-испугала, жестокая наперстница причудливой нимфы! Она у тебя чего ужь изъ себя не дѣлаетъ...

Флора. — Взгляни, она здѣсь.

Белиса. — Какъ мнѣ и не причудничать, увидѣвъ тебя, Каррильйо: можетъ ли быть какой змѣй страшнѣе тебя?

Каррильйо. — Простите меня, сеньйора, говорю я это вовсе не изъ злости; если вамъ угодно узнать меня, испытайте на дѣлѣ.

Белиса. — Сдѣлай мнѣ одно одолженіе.

Каррильйо. — Готовъ сдѣлать для васъ все, что̀ прикажете.

жестокости. Вчера — подумай, какой срамъ! — меня заставили сходить на рѣку.

Целія. — Замѣть, мой Фелисардо, что судьба наша началась не-

Белиса. — Я замѣтила, Каррильйо, что Педро сбирается бѣжать; кромѣ того, онъ становится такъ дерзокъ, что входитъ въ комнату Зары, а этого терпѣть нельзя. Сходи къ какому-нибудь кузнецу и вели ему сдѣлать длинные кандалы съ толстымъ шейнымъ кольцомъ.

Каррильйо. — Не безпокойтесь насчетъ этого, сеньйора: не далѣе какъ вчера, нашъ сосѣдній регидоръ снялъ точно такіе кандалы съ одного невольника, я пойду и попрошу ихъ у него.

Белиса. — А потомъ, кстати, съ помощью прислуги нашей, надѣнемъ ихъ на Педро.

Каррильйо. — Приглашу къ себѣ на помощь здоровяка-лакея, который живетъ насупротивъ; усы у него намазаны камедью и человѣкъ онъ такой разбитной, что лучше кучера *(уходитъ)*.

Белиса — Ступай скорѣй, по-крайней-мѣрѣ я теперь буду покойнѣе, между-тѣмъ, разузнаю настоящимъ образомъ: Педро онъ, или Фелисардо.

Флора. — Жду конца этому дѣлу.

Белиса. — Вѣдь должно же это чѣмъ-нибудь кончиться.

ЯВЛЕНІЕ ДЕВЯТНАДЦАТОЕ.

Белиса, Флора. Входятъ Лисарда, Дон-Хуанъ и Тиберіо.

Лисарда. — Клянусь вамъ, что скоро увидите вы мщеніе, которое я вамъ готовлю.

Тиберіо. — Воздержитесь, сестрица; Дон-Хуанъ еще молодъ.

Белиса. — Что̀ это значитъ, Дон-Хуанъ?

Хуанъ. — Причиной этому ваши жь выдумки : матушка складываетъ на тебя всю вину. Сталъ ли бы кто другой клеймить такую хорошенькую невольницу? Жестокости, видно, понравились твоимъ причудамъ.

Белиса. — А тебѣ какое до этого дѣло?

Хуанъ. — Какъ какое дѣло, когда она моя жена.

Лисарда. — О, презрѣнный человѣкъ! изъ твоего ли рта выходятъ эти поношенія твоей крови?

Тиберіо. — Говоритъ онъ это въ-сердцахъ, сестрица; не такой человѣкъ Дон-Хуанъ, чтобъ опозорить нашъ родъ.

Хуанъ. — Говорю я это не шутя, дядюшка.

Тиберіо. — Молчи, безумный!

Лисарда — Стойте! если Дон-Хуанъ рѣшится жениться на невольницѣ, такъ я выйду за̀мужъ за невольника; вѣдь половина имѣнія принадлежитъ мнѣ.

Тиберіо. — Сестрица, слѣдовательно ты также сумасшедшая. Чему жь ты удивляешься, что сынъ на тебя похожъ?

Лисарда. — Нельзя быть благоразумной въ такихъ обстоятельствахъ. Сдѣлаемъ разсчетъ сегодня же. Дон-Хуанъ никакъ не долженъ полагать, что получитъ свою законную часть сполна: вотъ ужь въ одинъ годъ издержала я на его долги, наряды и удовольствія тысячъ пять... что̀ говорю я? какихъ пять, даже болѣе семи тысячъ червонцевъ.

Хуанъ. — Если думаете выйдти за̀мужъ, матушка, и имѣете намѣреніе насъ оставить, можете, безъ околичностей, выходить за̀мужъ за того, за кого выйдти давно ужь положили въ умѣ вашемъ; а я и сестра станемъ жить вмѣстѣ.

Тиберіо. — Вонъ отсюда! Что за срамъ такой!

Хуанъ. — Въ лицѣ вашемъ чту сѣдины отца моего *(уходитъ)*.

ЯВЛЕНІЕ ДВАДЦАТОЕ.

Тѣ же, кромѣ Дон-Хуана. Входятъ сперва Фелисардо, а потомъ Каррильйо съ четырьмя лакеями.

Фелисардо. — Можно ли это сносить? Доброе ли это дѣло?

Тиберіо. — Что̀ это значитъ?

Фелисардо. — Не довольно ли съ васъ того, что наложили на меня эти клейма, тогда-какъ я и не думалъ бѣжать? Зачѣмъ еще приказываете вы надѣвать на меня эти длинные кандалы съ шейнымъ кольцомъ?

Лисарда. — Я этого не приказывала.

Белиса. — Приказала я.

Фелисардо. — Въ чемъ же состоитъ вина моя?

Белиса. — Маменька, онъ хотѣлъ бѣжать: я это знаю отъ Зары.

Лисарда. — Куйте его въ желѣзы! Собака должна сидѣть на цѣпи.

(Входитъ Каррильйо съ четырьмя лакеями).

Каррильйо. — Я приготовилъ и кандалы съ кольцомъ и ловкихъ молодцовъ.

Лисарда. — Надѣвайте ихъ на этого бѣглеца мавра!

Лакей 1-й. — Эй! Санчо, говорятъ онъ страшный силачъ.

Лисарда. — Куйте его, а мы уйдемъ отсюда.

Фелисардо. — Какое странное стеченіе обстоятельствъ!

Тиберіо. — Мнѣ кажется, что ковать его не за что̀?

Белиса. — А я нахожу, что есть за что̀.

ЯВЛЕНІЕ ДВАДЦАТЬ-ПЕРВОЕ.

Каррильйо, Фелисардо и лакеи.

Фелисардо. — Подходите, собаки.

Каррильйо. — Такъ ты намѣренъ защищаться?

Фелисардо. — Нѣтъ, я чувствую свое достоинство и знаю то, что вы сволочь, а оскорбленій и обидъ я не чувствую. Васъ много и я долженъ уступить. *(Начинается драка; его схватываютъ и, прижавъ къ полу, надѣваютъ на него кандалы).*

Лакей 2-й. — Сдайся, собака; сдавайся, Мухаммедъ!

Фелисардо *(всторону)*. — О, небеса! та, которая такъ страстно меня любитъ, мститъ мнѣ такъ жестоко!

Лакей 3-й. — Ну, собака, не шевелись!

Лакей 4-й. — Надобно получше заклепать.

Каррильйо. — Сдѣлано крѣпко, какъ ни тряси — не сорветъ.

Фелисардо. — Могу сказать сегодня, что несчастія мои дошли донѐльзя.

Лакей 1-й. — Тебѣ извѣстно, что теперь надобно быть откровеннымъ и щедрымъ.

Каррильйо. — Осушите-ка сперва по полному стакану въ этой тавернѣ, а потомъ я сюда принесу двадцать оливъ: никто не останется у насъ голоденъ.

Лакей 2-й. — Я буду вамъ служить вмѣсто фонаря. *(Уходятъ).*

Фелисардо. — Жестокая любовь! не стыдно ли тебѣ насылать на меня такія ужасныя несправедливости вслѣдъ за такою сумятицею, вслѣдъ за такимъ горемъ? Къ-чему было надѣвать на шею толстое желѣзное кольцо тому человѣку, который никогда не убѣгалъ твоихъ цѣпей? Не клеймишь ли ты меня въ награду за мою страстную любовь? Повелительница жестокая, несправедливость твоя ужасаетъ меня; у тебя наказаніе опережаетъ самое преступленіе; кажется, служу тебѣ хорошо, а ты кладешь мнѣ клейма. Прекрасный это лавръ — славная награда любви! Человѣкъ вѣренъ всѣмъ твоимъ непостоянствамъ, а ты посылаешь ему клейма, длинные кандалы съ шейнымъ кольцомъ, слезы и обиды! Тебѣ, конечно, хотѣлось убѣдить меня въ томъ, что, имѣя постоянно передъ глазами клейма, я никогда не буду раскаяваться въ ихъ причинѣ.

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Зала.

Элисо и Лисарда.

Лисарда. — Умѣрьте вашъ гнѣвъ, Элисо.

Элисо. — На какой войнѣ онъ вамъ достался, Лисарда, что вы обращаетесь съ нимъ какъ съ варварскою добычею? Надѣвать длинныя кандалы съ шейнымъ кольцомъ честнаго невольника, который, притомъ, едва успѣлъ сдѣлаться вашимъ! Чтò жь послѣ этого надѣнете вы ему черезъ мѣсяцъ?

Лисарда. — Вамъ извѣстно, что моя дочь безумная: захотѣла этого непремѣнно; а я, боясь, чтобъ она совершенно не помѣшалась, должна была уступить; впрочемъ, вы сами можете ее за это пожурить.

Элисо. — Признаюсь, Лисарда, къ славному хозяину попалъ мой невольникъ послѣ баловства, которое онъ у меня видѣлъ. Когда-нибудь вы узнаете, кто онъ такой.

Лисарда. — Хвалю его добрыя качества, и виню во всемъ Белису.

Элисо. — Что за причуды клеймить человѣка! Когда бъ вы знали его настоящее имя — правда, сама наружность достаточно ужь говоритъ за него — вы почувствовали бы состраданіе. Подумайте, зачѣмъ отгоняете вы отъ себя это чувство?

Лисарда. — Готова прижать его и теперь между зрачковъ глазъ своихъ.

Элисо. — Кормите его, кàкъ слѣдуетъ, и ласкайте: онъ этого стòитъ; когда-нибудь...

Лисарда. — Но кто жь онъ такой?

Элисо. — Я знаю только одно, это вы узнаете послѣ: что тотъ, кто любитъ, готовъ и страдать.

Лисарда. — Вы приводите меня въ большое замѣшательство.

Элисо. — Нѣчего меня больше разспрашивать: вы скоро увидите, Лисарда, замѣчательныя превращенія.

Лисарда (*всторону*). — О, любовь! когда бъ оправдались мои подозрѣнія! Сегодня жь объявлю мою волю этому мнимому невольнику.

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Элисо. Входитъ Каррильйо.

Каррильйо. — Не знаю, кто можетъ ужиться съ такою несносною женщиною!

Элисо. — Что̀ скажешь Каррильйо?

Каррильйо. — Скажу вамъ очень-мало или ничего. Что̀ можно сказать про вѣтеръ? Причуды я называю вѣтромъ.

Элисо. — Я страстно люблю Белису, а потому не могу принимать причудъ ея за вѣтеръ. Правда, вѣтеръ стихія, которая обыкновенно превращается въ огонь, а этотъ вѣтеръ раздуваетъ огонь во мнѣ.

Каррильйо. — Жаль мнѣ, что вы такъ слѣпы.

Элисо. — Положимъ, что моя любовь могла бъ замерзнуть отъ ея причудъ; но, будучи льдомъ, я весъ пылаю отъ ея огня и не могу уснуть.

Каррильйо. — Когда бъ я теперь, сеньйоръ, не торопился отъискать Тиберіо, славныя вещи поразсказалъ бы вамъ.

Элисо. — Не о Белисѣ ли?

Каррильйо. — Да̀; замѣтьте, что Белиса, этотъ ребенокъ, который проситъ еще конфетку и не станетъ ее ѣсть, не разломивъ пополамъ. Которая, испугавшись лягушки, въ одинъ часъ отворила себѣ два раза кровь, теперь безпрестанно падаетъ въ обмороки, которые также ясно показываютъ, какъ лучи присутствіе солнца, что она страстно влюблена въ своего невольника. Упавъ въ обморокъ, требуетъ, чтобъ его къ ней позвали, а не то, говоритъ, я умру. Все дѣло въ томъ, что эта избалованная дѣвочка беретъ за руку невольника, то-есть, что сердце ея тогда только успокоивается, когда она касается ногтей (23).

Элисо. — Чрезвычайно хвалю прекрасныя качества Педро за то, что они служатъ лекарствомъ Белисѣ; жаль только, что она начинаетъ любить того, кто не можетъ любить ее.

Каррильйо. — Почему жь не можетъ? Развѣ онъ не мужчина?

Элисо. — Мужчина-то онъ мужчина, хотя и невольникъ.

Каррильйо. — А если званіе невольника не мѣшаетъ ему любить, то въ остальномъ положитесь ужь на меня: я замѣтилъ, что онъ ее обожаетъ, хотя притворяется, будто ему надоѣло, что его безпрестанно занимаютъ леченіемъ этой сеньйоры. Но онъ — молодой человѣкъ и любимъ, она — красавица: надобно быть пошлымъ дуракомъ, чтобъ не клевать такой приманки; ему было бы даже прибыльно коснуться ея ногтей. Я думаю, вы сами замѣчаете, что рѣдкимъ фениксомъ ей показалась соро̀ка, а самымъ первымъ красавцомъ—человѣкъ въ длиннополомъ платьѣ?

Элисо. — Это наказаніе небесъ.

Каррильйо. — Какъ справедливо говорятъ люди, что нѣтъ на свѣтѣ

---

(23) *Una* — ноготь.

ничего хуже, какъ быть причудливой женщиной. Не угодно ли вамъ еще о чемъ-нибудь меня спросить?

Элисо. — Нѣтъ, довольно. Прощай.

Каррильйо. — Прощайте. *(Уходитъ)*.

Элисо. — Кто бъ подумалъ, что человѣкъ благородный и притомъ другъ мой, способенъ на такія низости? Фелисардо! этого ли ждалъ я отъ тебя въ награду? Не предательски ли поступаешь ты со мной? Возможно ли, что, позабывъ Целію, ты влюбляешься въ предметъ моей любви?

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

Элисо. Входитъ Дон-Хуанъ.

Хуанъ. — Зачѣмъ ты здѣсь остановился?

Элисо. — Ты ли это, другъ благородный и честный?

Хуанъ. — Мой ли это Элисо?

Элисо. — Дон-Хуана ли вижу я передъ собой?

Хуанъ. — Что̀ это за невольница, которую ты сюда прислалъ?

Элисо. — Довольно.

Хуанъ. — Ахъ, я несчастный!

Элисо. — Кажется, всѣ здѣсь въ заговорѣ противъ моей чести. Говорилъ бы ужь прямо, что она тебѣ нравится.

Хуанъ. — И нравится еще такъ, что самъ дивлюсь тому, какъ живъ человѣкъ послѣ смерти! Не хочешь ли ее мнѣ уступить? Не продашь ли ее мнѣ?

Элисо *(всторону)*. — Мое мщеніе будетъ тутъ и вѣрно и быстро. Такъ ты ее сильно любишь?

Хуанъ. — Въ жизнь свою я не видывалъ себя въ такомъ плачевномъ положеніи. Вижу, что она къ моимъ мольбамъ непреклонна, а потому долженъ забыть свое происхожденіе и взять ее за себя; а когда она будетъ моей женой, предамъ себя смерти или уйду въ такое мѣсто, гдѣ бы никогда ни одинъ человѣкъ меня не видалъ.

Элисо. — Да̀, я вижу, что любовь, виновница твоего безумія, заставляетъ тебя ухаживать за ней. Одно только могу тебѣ сказать, что она особа знатная, а ты рожденіемъ своимъ не равенъ ей.

Хуанъ. — Да развѣ она не турчанка?

Элисо. — Отвѣчать тебѣ на это то же, что сказать кто она; ну ужь извини — не скажу; вѣдь говорю тебѣ довольно, что выиграешь, если возьмешь ее за себя.

Хуанъ. — Такъ я могу на ней жениться?

Элисо. — Ухожу, чтобъ не проговориться тебѣ кто она.

Хуанъ. — Подожди.

Элисо. — Не могу: боюсь языка своего. Поговорю съ тобой объ этомъ послѣ *(уходитъ)*.

Хуанъ. — О сокровище души моей! Я не даромъ обожалъ тебя! Душа говорила мнѣ то, чего я не зналъ. Бываетъ ли такое блаженство? есть ли такое счастіе?

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Дон-Хуанъ. Входитъ Лисарда.

Лисарда. — Чему это ты такъ радуешься?

Хуанъ. — Меня увѣряютъ небеса, что я былъ Пигмаліономъ, и это радуетъ меня: ко мнѣ обратилась теперь та женщина, которая вчера еще была каменною къ моей чести и мнѣнію. Матушка, я ужь теперь женатъ, не спрашивайте на комъ; я знаю, что вы останетесь довольны, если только Элисо меня не обманулъ. Милая маменька, готовьте невѣсткѣ вашей наряды, дорогіе каменья и домъ; даже, когда бъ у солнца были дѣти, оно могло бы гордиться ею. Вы отдохнете теперь, сеньйора, отъ заботъ какъ устроить меня: сами небеса послали мнѣ жену; не спрашивайте меня въ настоящее время ни кто она, ни какъ, ни почему это случилось: она — то сокровище, которое я видѣлъ, а случилось это такъ, что она мнѣ досталась, а досталась потому, что я ее полюбилъ. Спросите меня: какъ это будетъ и когда? пусть будетъ такъ, какъ знаетъ сама любовь и тогда, когда угодно небу. *(Уходитъ)*.

Лисарда. — Что̀ это за загадки, что̀ это за безсмыслица? что̀ за глупое заблужденіе отъ этихъ наущеній любви? Но все это признаки, ясно показывающіе, что у насъ не настоящіе невольники. Смѣлыя мысли! Такъ прійменъ же какое-нибудь рѣшеніе! Невольникъ этотъ—рыцарь, сомнѣваться въ томъ нельзя; если люблю его страстно, чего жь мнѣ дожидаться?

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

Лисарда. Входитъ Белиса *въ бѣшенствѣ, а* Целія и Флора *ее удерживаютъ.*

Белиса. — Позовите ко мнѣ сюда эту мавританскую собаку; отъ нея жду себѣ исцѣленія, да только скорѣй, смерть какъ болитъ сердце.

Лисарда. — Что̀ это значитъ?

Целія. — Страданія гнетутъ ее и доводятъ до изнеможенія.

Белиса. — Позовите ко мнѣ Педро, враги мои!

Лисарда. — Дочь моя, что̀ тебя такъ мучитъ? что̀ такое съ тобой?

Белиса. — Развѣ вы не видите, что это происходитъ у меня отъ сильныхъ чувствъ и вынужденнаго молчанія?

Целія. — Иду звать Педро.

Белиса. — Нѣтъ, ты не ходи, можетъ сходить Флора.

Флора. — Такъ я иду. *(Уходитъ).*

Целія. — Не-уже-ли для Фелисардо можетъ быть пріятно, что я живу здѣсь?

Белиса. — Матушка, сжалься надо мною!

Лисарда. — Что̀ съ тобой?

Белиса. — Жду смерти.

Лисарда. — Что̀ жь ты чувствуешь?

Белиса. — Не знаю что-то щемитъ мое сердце, и притомъ это такая боль, которую можно только чувствовать, а не видѣть. У меня въ сердцѣ завелся какой-то червячокъ, который меня точитъ и мучитъ; онъ такъ малъ, какъ крупинка соли и даже, можетъ-быть, меньше. Сердце у меня такое дитя, что плачетъ обо всемъ: маменька, милая, хорошенькая моя маменька, выслушай, посмотри, я браню тебя за то, что ты меня не приласкала.

Лисарда. — Бѣдная, чѣмъ я могу помочь тебѣ, если сердце надо лечить пластырями? Трать мое богатство на гіацинты, жемчугъ, золото и кораллы.

Белиса. — Развѣ вы не видите, что моя болѣзнь совсѣмъ не та, о которой вы думаете? Матушка, прикажи сдѣлать мнѣ колыбель, въ которой можно было бы качать и баюкать мое сердце; пусть уснетъ оно отъ страданій, которыя меня терзаютъ и томятъ. Купите мнѣ для него маленькій вакеро ([24]) и золоченые башмачки; дайте ему разноцвѣтныхъ конфектъ.

Лисарда. — Не съ ума ли ты сходишь?

Белиса. — Говорите тихонько, чтобъ оно не подумало, будто здѣсь стоитъ страшное привидѣніе.

Целія. — Это будетъ первое сердце въ башмакахъ и вакеро — слыханы ли такія причуды?

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТОЕ.

Тѣ же, входитъ Флора и Фелисардо.

Фелисардо. — Схожу съ ума.

Флора. — Имѣй терпѣнье: ты долженъ быть врачомъ этой дѣвушки.

Фелисардо. — Когда мнѣ за ней ходить? у меня бездна своего

([24]) *Vaquerito* — уменьшительное отъ *vaquiro* — испанская старинная женская блуза.

дѣла. Мы всегда привыкли быть исправными. Кто жь станетъ чистить лошадей?

Лисарда. — Это дѣло можно оставить.

Целія. — Я спрячусь покамѣстъ.

Лисарда. — Сядь въ это кресло, а ты, Педро, подойди къ ней и разговаривай.

Фелисардо. — Какъ могу я ее вылечить? Ваше заблужденіе меня удивляетъ. Что̀ во мнѣ такого, что могутъ ее исцѣлить мои ногти? Развѣ я лось? (25).

Лисарда. — И это ужь для тебя тягостно?

Фелисардо. — Славнаго медика доставляютъ вамъ, сеньйора: заботиться о вашемъ здоровьѣ поручаютъ тому, кто ходитъ за лошадьми.

Лисарда. — У тебя къ этому большая способностъ, а лошадей пока можно оставить. Займись своимъ дѣломъ, Флора, а я пойду поговорить съ Тиберіо.

Целія. — *(прячется, между-тѣмъ, какъ Лисарда съ Флорой уходятъ)*. Теперь я здѣсь спряталась. Небеса, помогите мнѣ понять это запутанное дѣло!

ЯВЛЕНІЕ СЕДЬМОЕ.

Фелисардо и Белиса.

Фелисардо. — Ну, говорите, я здѣсь, что̀ жь долженъ я дѣлать?

Белиса. — Дай мнѣ эту руку.

Фелисардо. — *(Всторону)*. Любовь-тиранка, я узнаю тебя; но чего ты отъ меня хочешь? Целію люблю страстно, а эту причудливую и докучливую женщину ненавижу. Что̀ еще прикажете?

Белиса. — *(Всторону)*. Любовь помоги мнѣ: я нѣмѣю!

Фелисардо. — Мнѣ совѣстно, что вы берете вашей ручкой такую жосткую и мозолистую руку; она сдѣлалась такою, какъ вы ее видите, отъ чистки скребницей шести лошадей.

Белиса. — Педро, я съ нею отдыхаю.

Фелисардо. — Если я дѣлаю вамъ этимъ облегченіе, сеньйора, скажите: какимъ же образомъ могли очутиться на мнѣ эти длинные кандалы съ шейнымъ кольцомъ? Почему поступаете вы такъ со мной, если я вашъ врачъ?

Белиса. — Потому-что, если ты уйдешь, я безъ тебя истомлюсь и умру?

---

(25) Вѣроятно, у испанцевъ, копыта лося употреблялись для леченія какихъ-нибудь болѣзней.

Фелисардо. — Кладутъ ли клейма и надѣваютъ ли кандалы съ кольцомъ какому-нибудь невольнику безвинно?

Белиса. — Не требуй отъ меня оправданій. Здѣсь вотъ, здѣсь ужасная боль!

Фелисардо. — Что́ сдѣлалось съ вашею милостью?

Белиса. — Желаю оказать милость тому, кто даже не проситъ у меня простой благосклонности.

Фелисардо. — Какъ это?

Белиса. — Не знаю право: садятся мнѣ на глаза какія-то пылинки, такія маленькія, что едва ихъ замѣчаетъ солнце; чрезъ глаза вхо́дятъ они въ меня и, сладостно волнуя, щиплютъ меня за сердце.

Фелисардо. — Какая жалость!

Белиса. — Сжалься надо мною.

Фелисардо. — Я больше себя жалѣю; по вашей милости, на мнѣ эти кандалы съ кольцомъ.

Белиса. — Это не должно тебя безпокоить; по твоей милости я на себѣ ношу точно такіе же *(всторону)*... Что́ сказала я? что̀ это такое? была сумасшедшей, а теперь стала полной дурой. Какое несчастье! я вся изнемогаю, жми мнѣ скорѣй руку.

Фелисардо. — *(Всторону)*. Упала въ обморокъ... Слыхано ли что-нибудь подобное! Должно-быть съ ней сдѣлалось дурно отъ стыда; теперь легко понять какого рода ея болѣзнь. Но, что̀ я буду дѣлать, несчастный! какое дать мнѣ ей лекарство?

ЯВЛЕНІЕ ВОСЬМОЕ.

Тѣ же и Целія.

Целія. — Помочь ей вы очень можете.

Фелисардо. — Почему это могу?

Целія. — Потому-что тотъ, кто давалъ ей руку, можетъ ли говорить теперь, что руки ей не давалъ.

Фелисардо. — Какъ глупа твоя любовь!

Целія. — Да, она глупа, а не легкомысленна. Ахъ, Фелисардо, что̀ это такое? Не зная, что я здѣсь, ты полагалъ, что можешь на свободѣ оскорблять меня; но ты ошибся. Донъ-Хуанъ меня любитъ и я устрою такъ, что нынче жь увидишь меня въ его объятіяхъ.

Фелисардо. — Ты желаешь безвинно умертвить того, кто изъ-за тебя же терпитъ такія гоненія? сокровище мое, эта безумная причудница желаетъ непремѣнно, чтобъ я выслушивалъ всѣ ея слова; безъсомнѣнія, она узнала или подозрѣваетъ кто я, а потому я невольно вынужденъ быть ея врачомъ. Она взяла меня за руку и всунула мнѣ этотъ

брильянтъ, который ты видишь. Не сердись на меня напрасно! теперь предлагаю его глазамъ твоимъ, какъ добычу, отнятую у непріятеля; пусть Белиса поплатится этимъ красотѣ твоей за свое напрасное сумасшествіе! Сокровище мое, возьми этотъ брильянтъ и ступай отсюда, пока она еще не пришла въ себя.

Целія. — Съ чего это ты взялъ, чтобъ я пошла отсюда; давай мнѣ цѣлый міръ — не пойду; твой брильянтъ тамъ, возьми его.

Фелисардо. — Такъ ты желаешь, чтобъ ушелъ отсюда я?

Целія. — Да̀. Если любовь заставляетъ ее падать въ обморокъ, пусть она всегда найдетъ въ тебѣ этотъ камень; а на счетъ себя, я съумѣю ее разувѣрить.

Фелисардо. — Итакъ я ухожу отсюда; твоя воля — законъ мнѣ. (*Уходитъ*).

Белиса. — (*Всторону*). Что̀ это я услышала? чего я жду въ своемъ глупомъ заблужденіи? Вонъ отсюда! говорю тебѣ: я умираю.

Целія. — Что̀ съ вами, сеньйора?

Белиса. — О ты, облако моей радости и того солнца, на которое я смотрю! маменька, маменька! Флора! бѣгите сюда всѣ домашніе! Эй вы, люди!

ЯВЛЕНІЕ ДЕВЯТОЕ.

Белиса, Целія. Входятъ Лисарда, Флора и Каррильйо.

Лисарда. — Что̀ это такое? Какъ печальна моя жизнь! Причуды это, или что-нибудь случилось?

Белиса. — Нѣтъ, это не причуды.

Лисарда. — Что̀ жь это такое?

Белиса. — Теперь можете вымѣрять локтями этихъ невольниковъ и увидите сами, что одного изъ нихъ надо наказать, о чемъ я васъ и буду просить. Вы хорошо знаете тотъ брильянтъ, который я купила за сто ефимковъ.

Каррильйо. — Говорите яснѣе: отъ недоумѣнія вы заставляете насъ играть въ молчанку.

Белиса. — Я упала здѣсь въ обморокъ, а Зара подошла къ моей рукѣ и взяла у меня этотъ брильянтъ.

Каррильйо. — О хитрая собака! сейчасъ показывай намъ руку.

Лисарда. — Не-уже-ли, Зара, ты становишься воровкой?

Целія. — Сеньйора.

Каррильйо. — Молчи подлая собака.

Флора. — Воровка! кто бы это подумалъ?

Лисарда. — Что̀ можешь ты сказать въ свое оправданіе?

Белиса.—Маменька, если не передадите ее Каррильйо, а станете меня просить, чтобъ я ее простила, и если не прикажете лить ей горячее сало на голую руку, въ такомъ случаѣ считайте меня тотчасъ мертвою.

Лисарда. — Коррильйо...

Каррильйо. — Сеньора...

Лисарда. — Передаю ее тебѣ. (*Лисарда и Флора уходятъ*).

ЯВЛЕНІЕ ДЕСЯТОЕ.

Белиса, Целія и Коррильйо.

Каррильо. — Оставьте меня одного съ ней.

Целія. — Сеньйора...

Белиса. — Брось ее въ огонь. (*Уходитъ*).

Каррильйо.—Теперь ваша милость въ моей власти, какъ вы видите.

Целія. — Хорошо. Что жь ты будешь со мной дѣлать?

Каррильйо. — А вотъ вы это сейчасъ увидите.

Целія. — Въ умѣ ли ты?

Каррильйо.—Борзая собака, благодари еще свое счастіе за то, что оно тебѣ послало въ лицѣ моемъ такого благороднаго палача: можешь заключить изъ этого, что будетъ тебѣ здѣсь плеть и горячая свинина ([26]).

Целія. — Вѣдь ты мужчина.

Каррильйо. — Знаю, что мужчина.

Целія. — А я развѣ не женщина?

Каррильйо. — Женщина, заслужившая наказаніе...

Целія. — Дай время поговорить. (*Кричитъ*) Фелисардо!

Каррильйо. — Зачѣмъ эти крайности? напрасно станешь оглашать воздухъ своими криками.

Целія. — Фелисардо, супругъ мой!

Каррильйо. — Супругъ твой бесѣдуетъ съ Мухаммедомъ.

ЯВЛЕНІЕ ОДИННАДЦАТОЕ.

Тѣ же. Входитъ Дон-Хуанъ.

Хуанъ. — Вы увидите, что и въ Римъ схожу, а все-таки буду упорствовать въ своихъ заблужденіяхъ: я очень-хорошо знаю, кто она.

Целія. — Дон-Хуанъ, сеньйоръ...

Хуанъ. — Что̀ это значитъ?

Каррильйо. — Когда узнаете, что̀ случилось здѣсь, увидите, что поступать такъ я имѣю и причину и позволеніе. Брильянтъ, который сестрица ваша купила вчера у золотыхъ дѣлъ мастера, украла эта

([26]) *Tocino ardiendo*—на херманійскомъ нарѣчіи: *tocinas*—сѣченье розгами.

собака; она стоитъ теперь передъ вами, эта смиренница! Мнѣ приказали ее высѣчь и я, какъ вы видите...

Хуанъ.—Ахъ, ты собака! (*выдергиваетъ шпагу*) сейчасъ тебя убью!

Коррильйо. — Тиберіо! Лисарда! Флора! Белиса!...

Целія. — Умоляю васъ, оставьте его: дѣйствительно ему было приказано это сдѣлать.

Хуанъ. — Для васъ, сеньйора, оставляю его. Слыхана ли такая злость! слыхано ли такое неистовство? Видана ли такая зависть? О, прелестные глаза! выместите вы оскорбленія ваши на моихъ глазахъ, приставьте мнѣ эту шпагу къ груди моей, смотрите, она ужь здѣсь, колите меня, дайте мнѣ тысячу смертей — я ихъ заслуживаю.

Целія. — Сеньйоръ, позвольте мнѣ уйдти, я боюсь Лисарды; оставьте меня ради Бога, сеньйоръ: если застанутъ здѣсь васъ, и меня съ вами безъ свидѣтелей, начнутся новыя клеветы. Пустите меня, я пойду въ кухню, пустите меня!

Хуанъ. — Подожди.

Целія. — Не могу (*уходитъ*).

Хуанъ. — Слыхана ли такая жестокость! Не горко ли мнѣ, что едва вы меня увидѣли, а ужь бѣжите, между-тѣмъ, я пришелъ въ самое то время, какъ подлый лакей замышлялъ-было нанести поруганіе совершенствамъ, идеалу. Постойте, я васъ образумлю: она должна быть моей женой и это будетъ такъ скоро, что вы удивитесь, и тогда уже помочь будетъ невозможно.

ЯВЛЕНІЕ ДВѢНАДЦАТОЕ.

Дон-Хуанъ. Входятъ Тиберіо и Лисарда.

Тиберіо. — Дон-Хуанъ, что это такое ты говоришь?

Хуанъ. — Слушайте, что̀ я ей говорю: вы—оба особы, которымъ я долженъ въ настоящее время оказывать уваженіе. Я нашелъ здѣсь человѣка, который хотѣлъ высѣчь Зару; когда бъ онъ такъ скоро отъ меня не ускользнулъ, онъ получилъ бы должное воздаяніе за свою безумную дерзость. Прошу васъ замѣтить, что я не желаю, чтобъ кто-нибудь осмѣливался налагать свои руки на мою жену.

Лисарда. — Что̀?

Хуанъ. — Она мнѣ жена.

Тиберіо. — Было бы гораздо-лучше, дон-Хуанъ, сейчасъ позвать сюда кого-нибудь, чтобъ отвезти тебя въ домъ нунція.

Хуанъ. — Я нисколько не сумасшедшій, Тиберіо.

Тиберіо. — Можетъ ли человѣкъ въ полномъ умѣ говорить такія слова? Молокососъ, невѣжа! мнѣ хочется дать тебѣ...

Хуанъ. — Дядюшка...

Тиберіо. — У тебя вовсе нѣтъ стыда; постой же, я вызову его рукой своей на твои щеки.

Хуанъ. — Говорите со мной повѣжливѣе. Когда бъ не были вы моимъ дядею... (*Уходитъ*).

Тиберіо. — И ты осмѣливаешься говорить мнѣ это?

Лисарда. — Прошу тебя, оставь его. Если онъ хочетъ жениться на невольницѣ, въ такомъ случаѣ я выйду замужъ за невольника.

Тиберіо. — Что̀ говоришь ты?

Лисарда. — Мнѣ хочется имъ отомстить. Ныньче жъ выйду за Педро и отдамъ ему мое имѣніе. Силъ не достаетъ у меня терпѣть долѣе сумасбродства Дон-Хуана и причуды Белисы.

Тиберіо. — Ты такъ же безразсудна, какъ и они; но у меня есть для нихъ обоихъ такое лекарство, которымъ ты можешь нѣсколько пo-охолодить ихъ жаръ и навести на нихъ страхъ.

Лисарда. — Какъ же могу я это сдѣлать?

Тиберіо. — Здѣсь, въ столицѣ, Лисарда, живетъ одинъ кабальеро, котораго зовутъ Фелисардо; онъ до-того похожъ на этого Педро, твоего невольника, что если поставить ихъ вмѣстѣ да надѣть на нихъ одинакое платье, полагаю, ихъ не могли бы узнать даже самые короткіе знакомые. Притомъ клейма у Педро фальшивыя, а кандалы съ кольцомъ можно, по произволу, снимать и надѣвать. Одѣть Педро можно богато и сказать, что онъ женился тайно, что все это дѣло обдѣлалъ ему я, и, написавъ подложное брачное свидѣтельство, этимъ наведешь ты на дѣтей своихъ страхъ и надѣнешь узду: одному, на его страстныя желанія, а другой, на ея невыносимыя причуды.

Лисарда.—Твой совѣтъ мнѣ нравится; но вѣдь они могутъ узнать Педро.

Тиберіо. — Мнѣ этого-то и хочется; пусть они также думаютъ, что невольнику передаешь ты имѣніе свое, тайно ихъ обманывая.

Лисарда. — Хорошо, но прежде должно все это разсказать Педро.

Тиберіо. — Иду съ нимъ объ этомъ переговорить.

Лисардо. — Ступай, Тиберіо. О небеса! нахожу свое исцѣленіе, а откуда оно мнѣ приходитъ—не знаю сама! Подозрѣваю, что этотъ невольникъ тотъ самый кабальеро. Они этою выдумкою, выдаютъ меня замужъ въ шутку, а я выхожу замужъ безъ всякихъ шутокъ. Если вѣрить душѣ, никакъ нельзя сомнѣваться, мнимый Педро—Фелисардо.

ЯВЛЕНІЕ ТРИНАДЦАТОЕ.

Белиса и Флора.

Белиса. — Подай сюда свѣчей.

Флора. — Приготовляю ихъ, сеньйора.

Белиса. — Флора, придвинь сюда письменный столъ.

Флора. — Вамъ угодно писать?

Белиса. — Дà и нѣтъ. Мнѣ хочется передать мои мысли бумагѣ, а между-тѣмъ боюсь, что не найдется пера, которое съумѣло бы выразить эти странныя чувства.

Флора. — Разскажите мнѣ, сеньйора, какъ это случилось, что Зара такъ сильно васъ огорчила?

Белиса.—Чтобъ освѣжить душу, я притворилась, что мнѣ сдѣлалось дурно, и когда онъ подалъ мнѣ свою руку, всунула ему брильянтовое кольцо.

Флора. — Кому? Педро?

Белиса. — Дà, Педро. Я это сдѣлала, чтобъ Педро, несмотря на свое низкое происхожденіе, могъ понять меня; но онъ не захотѣлъ понять потому, что эта неугомонная невольница, этотъ демонъ, или женщина, которая, спрятавшись гдѣ-то, подсматривала за нами, пылая ревностью, вдругъ выскочила къ нему и — чтожь ты думаешь, Флора? онъ отдалъ ей тотъ брильянтъ, воображая, что я лежу въ обморокѣ. Я, справедливо на нихъ негодуя за нанесенное мнѣ оскорбленіе, по-крайней-мѣрѣ, чтобъ удовлетворить свое зрѣніе, придумала сказать, что она у меня его украла. Мнѣ только досадно, что она избавилась отъ приготовленнаго ей наказанія.

Флора. — Дон-Хуанъ виноватъ въ томъ, что ея не наказали. Замѣтьте, что вы ошиблись, полагая, что Педро понимаетъ вашу любовь: объяснились вы ему небольше какъ только знаками, тогда-какъ межь людьми неравными, если вы не изберете средствъ, которыя подготовляли бы къ объясненію и открывали любовь лица высшаго человѣка къ низшему, ему никогда не узнать про любовь вашу.

Белиса. — Когда бъ я навѣрное знала, Флора, что это тотъ Педро, о которомъ я думаю, я можетъ быть и рѣшилась бы ему сказать, что моя любовь ревнива.

Флора. — Благородная стыдливость всегда бѣжитъ дневнаго свѣта; теперь ужь ночь: темнота обыкновенно даетъ двойное позволеніе всякой свободѣ. Поговорите съ нимъ безъ огня и скажите ему: «Педро, это я, я люблю тебя».

Белиса. — Какъ посмотрю я на свои прошлыя причуды, удивляюсь имъ сама! За-то любовь и послала мнѣ это наказаніе; ей противиться въ настоящее время, значило бы давать оружіе смерти на самоё-себя. Знаешь ли, что̀ должна ты сдѣлать, если прійдетъ сюда Педро, для-того, чтобъ я могла скорѣе побѣдить мою стыдливость? Притворись, будто, снимая со свѣчей, погасила одну ненарочно.

Флора. — Это можно сдѣлать; но какъ же быть съ другой свѣчой?

Белиса. — Зажженной не должна оставаться ни одна свѣча; чтобъ мнѣ лучше можно было высказать ему мою мысль, я также погашу и свѣтъ своего разсудка. Стань здѣсь; сюда идутъ невольники.

(Прячутся за шпалеры).

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТЫРНАДЦАТОЕ.

Тѣ же. Входитъ Целія съ Фелисардо.

Фелисардо. — Целія, я рѣшился и это рѣшеніе, какъ ты видишь, раздражаетъ меня.

Целія. — Удержись и подумай сперва хорошенько обо всѣхъ послѣдствіяхъ, которымъ подвергаешь себя.

Фелисардо. — Мнѣ хочется открыться. Дожидаться, чтобъ когда-нибудь исполнили надъ тобой то наказаніе, которое хотѣли-было привести въ исполненіе сегодня, и чтобъ какой-нибудь подлый лакей въ другой разъ осмѣлился поднять свою руку на эти глаза, которые блескомъ своимъ спорятъ съ солнцемъ, было бы неблагоразумно.

Целія. — Обдумай сперва все это хорошенько.

Фелисардо. — Чего жь мнѣ ждать, когда мнѣ только-что сейчасъ разсказывали про наварскаго рыцаря, что онъ, какъ женщины послѣ родовъ, ныньче въ первый разъ послѣ своей болѣзни выходилъ къ обѣднѣ? Кромѣ этого, я сытъ по горло несчастіями, мною перенесенными: ѣмъ плохо, сплю того еще хуже, въ-добавокъ, ношу на себѣ эти кандалы съ кольцомъ. Когда бъ не для тебя, я не вынесъ бы этой жестокости. Вчера—подумай сама, какой срамъ!—меня заставили сходить на рѣку.

Целія. — Замѣть, мой Фелисардо, что судьба наша началась несчастнымъ приключеніемъ, а за этимъ ужь послѣдовала тысяча другихъ приключеній. Согласна, что платье на тебѣ неприличное и работы у тебя низкія, но разбери, что у меня не менѣе твоего и горя и страданій.

Фелисардо. — Не-уже-ли лучше страдать, чѣмъ бѣжать отсюда?

Целія. — Душа говоритъ мнѣ, что страдать лучше. Бѣги скорѣй изъ этой комнаты, я вижу тамъ Белису.

Белиса. — Подожди, Педро.

Фелисардо. — У меня есть дѣло на дворѣ.

Целія. — Погоди.

Фелисардо. — Съ трепетомъ подхожу.

Белиса. — Не уходи: матери моей здѣсь нѣтъ, мнѣ надобно съ тобой поговорить.

Целія. — Ахъ, я несчастная!

Фелисардо. — Что̀ съ тобой?

Целія. — Развѣ ты не видишь что̀?

Фелисардо. — Видно, опять ревнуешь?

Целія. — Развѣ я каменная?

Фелисардо. — Успокойся мое сокровище: еслибъ давали мнѣ всѣ сокровища міра, скажу цѣлому свѣту, что не промѣняю тебя на нихъ.

ЯВЛЕНІЕ ПЯТНАДЦАТОЕ.

Тѣ же. Входитъ Лисарда и Тиберіо.

Лисарда. — По-крайней-мѣрѣ, такъ говорятъ.

Тиберіо. — А какъ Дон-Хуанъ молодой человѣкъ, то это меня не удивляетъ.

Лисарда. — Каррильйо говорилъ мнѣ еще про него...

Тиберіо. — Что̀ еще?

Лисарда. — Что онъ и безумные друзья его согласились вмѣстѣ увезти невольницу.

Флора. — Теперь невозможно говорить съ нимъ, сеньйора: здѣсь тысяча свидѣтелей.

Белиса. — Молчи. Любовь всегда умѣетъ помогать въ крайнихъ случаяхъ.

Флора. — Если вы ею больны, прибѣгните къ ней за лекарствомъ.

Белиса. — Флора...

Флора. — Сеньйора...

Белиса. — Поправь эти свѣчи.

Флора. — Эта безумная, вмѣсто того, чтобъ сказать: «сними со свѣчей» говоритъ: «поправь ихъ». Вся любовь — коварство.

Белиса. — Ты свѣчу погасила?

Флора. — Сняла съ нея низко и погасила.

Белиса. — И этого ты не умѣешь сдѣлать!

Флора. — Я не умѣю ни поправлять свѣчу, ни съ нея снимать. Кто гаситъ, тотъ не поправляетъ. Этой вотъ свѣчой я ее зажгу опять.

Белиса. — Постой, я научу тебя, какъ надобно поправлять.

Флора. — О, смѣхъ-то какой! Вотъ вы и сами свѣчу погасили.

Лисарда. — Что̀ это значитъ?

Тиберіо. — Мы остались въ потьмахъ.

Лисарда. — Какъ же это случилось?

Флора. — Случилось это вотъ какъ: стали поправлять свѣчи и погасили ихъ.

Лисарда. — Вотъ прекрасный случай подойдти мнѣ къ моему невольнику.

Белиса. — Теперь объяснюсь съ нимъ окончательно; теперь выскажу ему любовь мою.

Целія. — Тѣ, которые желаютъ мнѣ зла, не могутъ теперь помѣшать мнѣ. Приближусь къ моему сокровищу.

(*Подходятъ мало-по-малу: Белиса къ своей матери, Целія къ Флорѣ, а Фелисардо къ Тиберіо*).

Лисарда. — Ахъ, мое сокровище! хочешь ли выслушать меня?

Белиса. — Моя неизмѣнная любовь можетъ ли желать чего-нибудь другаго. Выслушайте только вы ее.

Фелисардо. — Ахъ вы мои глазки (*обращаясь къ Тиберіо*), не сердитесь на эти глупыя притязанія.

Тиберіо. — Мнѣ говорите вы эти слова?

Фелисардо. — Или ты не вѣришь?

Тиберіо. — Я увѣренъ, что Дон-Хуанъ непремѣнно надѣлаетъ какихъ-нибудь глупостей.

Фелисардо. — Полагаю, что глупости Белисы могутъ меня больше огорчить.

Целія. — Однимъ словомъ: жизнь моя (*обращаясь къ Флорѣ*), что это тебѣ хочется безпрестанно возбуждать во мнѣ ревность?

Флора. — Кто это?

Целія. — Еще спрашиваешь: кто это? или ты не видишь?

Флора. — Ты находишься въ пріятномъ заблужденіи.

Целія. — Умоляю тебя не говори съ ней.

Флора. — Съ кѣмъ это не должна говорить я?

Белиса (*обращаясь къ Лисардѣ*). — До-сихъ-поръ не смѣла тебѣ открыться, но теперь ничто не мѣшаетъ мнѣ высказать мою мысль.

Лисарда. — Я должна была скрывать мои ужасныя мученія, а потому только одному Богу извѣстно, что̀ я этимъ временемъ перенесла.

Фелисардо (*обращаясь къ Тиберіо*). — Дай мнѣ свою руку.

Тиберіо. — Дать тебѣ руку... зачѣмъ это?

Фелисардо. — Не сердись пожалуйста: вводить тебя въ гнѣвъ я вовсе не желалъ, но это не отъ меня зависѣло.

Тиберіо. — Эй, свѣчей сюда! Что̀ это такое? Я не узнаю, Лисарда, ни твоего голоса, ни твоихъ сужденій.

Белиса. — Сокровище мое! въ какое затруднительное положеніе ставишь ты мою стыдливость! Дай мнѣ свою руку.

Лисарда. — Пожалуй возьми ихъ обѣ.

Фелисардо. — Что жь не даешь ты мнѣ своей руки?

Тиберіо — Эй, свѣчей!

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТНАДЦАТОЕ.

Тѣ же. Входитъ Каррильйо (*съ факеломъ и свѣтитъ имъ идущему за нимъ* Дон-Хуану.)

Каррильйо — Куда это вы идете?

Хуанъ. — Ей-Богу, я хожу какъ шальной. Что̀ это вы всѣ здѣсь дѣлаете?

Тиберіо. — Ждемъ огня.

Белиса. — Ахъ! да я разговаривала не съ Педро; но это ничего, по-крайней-мѣрѣ я ей все сказала.

Лисарда. — Такъ я открывалась Белисѣ, что страстно люблю моего невольника. Впрочемъ, она сказала мнѣ также, что къ нему неравнодушна.

Фелисардо. — Оказывается, что я разговаривалъ съ Тиберіо и объяснялся ему въ любви.

Тиберіо. — Я ничего не могъ понять, полагая, что говорю съ Лисардой, а теперь вижу, что это невольникъ Педро изволилъ мнѣ напѣвать эти нѣжности.

Целія. — О ночь, мать заблужденій! теперь только я вижу, что говорила нѣжности Флорѣ.

Лисарда. — Зачѣмъ являешься ты грекомъ и зажигаешь Трою?

Хуанъ. — Сеньйора, отдайте мнѣ мою жену: нынѣшнею ночью я ее увезу, а куда — вы увидите. Вы желаете выйдти замужъ и я также намѣренъ жениться, притомъ я знаю, что поступаю благоразумно.

Лисарда. — Ступай, Флора, запри Зару.

Хуанъ. — Вы хотите запереть ее?

Тиберіо. — Погоди, выслушай.

Хуанъ. — Можетъ ли ждать тотъ, кто пылаетъ страстью?

Лисарда. — Ты также, Педро, вмѣстѣ съ Флорой долженъ караулить Зару.

Фелисардо. — Мнѣ чрезвычайно-пріятно, сеньйора, исполнить это приказаніе самъ вижу, что Дон-Хуанъ поступаетъ несправедливо.

Хуанъ.—Ахъ ты собака, и ты осмѣливаешься разѣвать ротъ на меня!

Фелисардо. — Точно я собака, но только одного этого садика, и пока охраняю въ него входъ и сторожу его, вамъ не войдти въ него и чрезъ глиняныя стѣны; не сорвать въ немъ плода, желаннаго вами и вашей безумною любовью; у меня тамъ посѣяна зеленая надежда и вы увидите изъ моего мщенія то, на что̀ готовъ я для нея рѣшиться. Раздразненная собака не узнаётъ и своего хозяина, а потому я, какъ собака, васъ укушу: вѣдь любовь бѣсится отъ ревности.

(Флора и Фелисардо уводятъ Целію).

ЯВЛЕНІЕ СЕМНАДЦАТОЕ.

Дон-Хуанъ, Тиберіо, Лисарда, Белиса и Каррильйо.

Хуанъ. — Пустите меня наказать этого грубаго негодяя за его безумную дерзость.

Тиберіо. — Дон-Хуанъ, остановись и разсуди, что ты не долженъ терять уваженія къ своей крови, этимъ сѣдинамъ и моему совѣту.

Хуанъ. — Я старикомъ не былъ, а вы молоды были и знаете, что любви простительно въ юныя лѣта дѣлать глупости; къ-тому жь я не понимаю узкой тропы обязанностей, на которую вы меня ставите.

Лисарда. — Не отвѣчай ему, оставь его сумасшествовать.

Хуанъ. — Маменька, отдайте мнѣ мою супругу.

Белиса. — Братъ, хотя я до-сихъ-поръ молчала, но твоя дерзость возбудила и во мнѣ справедливое негодованіе. Какую это супругу ты требуешь?

Хуанъ. — Супруга моя — Зара.

Белиса. — Зара? невольница?

Хуанъ.—Какое дѣло до-того, я ее прошу, значитъ я знаю, кто она.

Белиса.—А если тебѣ извѣстно объ этой турчанкѣ что-нибудь особенное, не то, что̀ знаютъ про нея здѣсь всѣ, тебѣ слѣдовало бы поступать умнѣе и, какъ человѣку благородному, не здѣсь о томъ хлопотать.

Хуанъ. — Ну, а еслибъ я привелъ вамъ сюда такого человѣка, который сказалъ бы то же, что̀ и я, тогда что̀бъ вы мнѣ на это сказали?

Тиберіо. — Когда бъ человѣкъ, достойный вѣры, открылъ намъ наше заблужденіе и мы нашли бы приличнымъ женить тебя на женщинѣ, у которой клейма на лицѣ, въ такомъ случаѣ я самъ готовъ нынѣшнимъ же вечеромъ ее за тебя выдать.

Хуанъ. — Ступай, Каррильйо, и позови сюда Элисо... нѣтъ, подожди, пойдемъ оба: я лучше сюда приведу отца ея.

Каррильйо. — Сеньйоръ, что̀ намѣрены вы дѣлать? Подумайте, ради Бога, что позорите вашъ родъ.

Хуанъ. — Подлая душа! или хочешь, чтобъ я тебя убилъ?

Каррильйо. — Я вамъ свѣчу: не-уже-ли вы не видите вашего сумасбродства?

Хуанъ. — Любовь мнѣ также свѣтитъ.

Каррильйо. — Согласенъ; но разберите, что этотъ факелъ свѣтитъ воскомъ и имъ питается, а потомъ обратите ваше вниманіе на то, что онъ заставляетъ пламя свое тянуться книзу и отъ того самаго воска, который поддерживаетъ его жизнь, получаетъ себѣ смерть и презрѣніе.

Хуанъ. — Философъ — и кто-жь? — лакей! Клянусь небомъ, что обрублю тебѣ ноги... Ступай впередъ.

*

Каррильйо. — Можетъ ли какой свѣтъ свѣтить слѣпому любовнику? *(Каррильйо и Хуанъ уходятъ).*

Тиберіо. — Мнѣ кажется, Лисарда, что теперь самый удобный случай заняться устройствомъ твоей мнимой свадьбы.

Лисарда — Поѣзжай и распорядись, чтобъ Педро превратился въ Фелисардо и женихомъ ужь пріѣхалъ бы ко мнѣ. Погоди, скоро я уйму влюбленыхъ.

Тиберіо. — Сейчасъ иду. Узнать его невозможно: на немъ нѣтъ теперь ни клеймъ, ни кандаловъ съ кольцомъ; притомъ онъ будетъ въ великолѣпномъ платьѣ, которое я ему приготовилъ.

ЯВЛЕНІЕ ВОСЬМНАДЦАТОЕ.

Лисарда и Белиса.

Лисарда *(всторону).* — Этою хитростью могу обмануть и самого Тиберіо: онъ думаетъ, что своею свадьбою я наказываю дѣтей моихъ, между-тѣмъ, какъ мнѣ дѣйствительно хочется выйдти замужъ за того человѣка, который носитъ на себѣ одно только имя невольника. Знаешь ли куда отправился Тиберіо?

Белиса. — Ужь вѣрно пошелъ за полиціею?

Лисарда. — Стало-быть ты не знаешь, что я выхожу замужъ? или не слыхала ты этой тайны?

Белиса. — Вы выходите замужъ?

Лисарда. — Нынѣшнимъ же вечеромъ мой будущій супругъ пріѣдетъ сюда женихомъ; съ-часу-на часъ жду его.

Белиса. — А кто жь онъ такой?

Лисарда. — Онъ кабальеро: Тиберіо ужь поѣхалъ за нимъ въ каретѣ и привезетъ его съ собой.

Белиса.— Ужь не Мартело ли (27) прочите вы намъ въ батюшки?

Лисарда. — А вотъ ты сейчасъ увидишь люблю ли я Мартело. Я только одно знаю, что вы ужасно надоѣли мнѣ вашими глупыми прихотями. Я васъ выростила, а вы теперь совершенно измучили меня: ты — своими безпрестанными причудами и сумасбродствами: вѣчно у тебя засореніе въ желудкѣ и поминутно пускаешь себѣ кровь; а тотъ глупый — требованіемъ себѣ дорогихъ платьевъ, цѣпей и желаніемъ, полными пригоршнями сыпать несметное золото; то лошадей ему покупай, то давай денегъ; а теперь вздумалъ жениться; но пришелъ всему конецъ и шутки превратились въ дѣла серьёзныя. Теперь я не нѣжная мать, теперь не плачу и не сокрушаюсь ни о чемъ; будь я

(27) *Martelo* — слово это значитъ любовь, привязанность, и горе, заботы, хлопоты.

мать невольника, и тогда была бы я въ большемъ почтеніи. Я женщина несвѣдущая въ дѣлахъ и на подъемъ тяжелая, а потому мнѣ необходимо имѣть при себѣ человѣка, который бы могъ меня успокоить и присмотрѣть за моимъ имѣніемъ.

Белиса. — Все это такъ, но прошу васъ, выслушайте меня...

ЯВЛЕНІЕ ДЕВЯТНАДЦАТОЕ.

Входятъ Тиберіо и Фелисардо. (*Послѣдній одѣтъ съ большимъ вкусомъ; на немъ ужь нѣтъ ни кандаловъ, ни клеймъ.*)

Тиберіо. — Входите смѣлѣе; говорю вамъ: васъ приказали просить.

Фелисардо. — Даже подойдти не смѣю.

Тиберіо. — Входите жь, но замѣтьте, что вы должны назвать себя Фелисардо.

Фелисардо. — Странное дѣло! говоритъ мнѣ, чтобъ я назвался моимъ настоящимъ именемъ.

Лисарда. — Поневолѣ должна быть терпѣливой.

Белиса. — Вашъ настоящій поступокъ будетъ несогласенъ съ общественнымъ мнѣніемъ о васъ. Смотрю на васъ и не вѣрю, что вы выходите замужъ.

Тиберіо. — Супругъ твой ужь пріѣхалъ.

Белиса. — О небеса! что̀ я вижу? Не Педро ли это?

Фелисардо.—Хотя привело меня сюда собственное желаніе, однакожь все-таки скажу, что этою необыкновенною смѣлостью обязанъ любви.

Лисарда. — Милости просимъ, сеньйоръ, намъ чрезвычайно-пріятно посѣщеніе ваше, за него тысячу разъ благодарю васъ; я та счастливая женщина, которую вы избрали.

Тиберіо. — Господа обрученные, прошу садиться.

Белиса. — Тиберіо...

Тиберіо. — Что̀ тебѣ надобно?

Белиса. — Правда ли, что они молодые?

Тиберіо. — Не безпокойся, они еще не молодые, а полагаю, ужь помолвлены.

Белиса. — Такъ это не Педро?

Тиберіо. — Какой Педро?

Белиса. — Педро, здѣшній невольникъ.

Тиберіо. — Въ умѣ ли ты?

Белиса. — Какъ это случилось, что маменька выходитъ за Педро?

Тиберіо. — Разбери хорошенько, что этотъ человѣкъ—кабальеро и зовутъ его Фелисардо.

Белиса. — Пожалуй, посмотрю на него и попристальнѣе... нѣтъ никакого сомнѣнія, что это онъ. Чего жь я жду?

Тиберіо. — Сперва разсмотри его получше: вѣдь у невольника Педро на лицѣ клейма.

Белиса. — Это правда: вы вывели меня изъ большаго заблужденія; впрочемъ, можетъ-быть и то, что онъ ихъ снялъ.

Тиберіо. — Какимъ же образомъ онъ могъ ихъ снять, когда они у него выжжены на тѣлѣ? Подумай, что говорить это — нелѣпо: тебя примутъ за сумасшедшую.

ЯВЛЕНІЕ ДВАДЦАТОЕ.

Тѣ же. Входятъ Флора и Каррильйо.

Флора. — Боже ты мой, кàкъ женихъ-то хорошъ!

Каррильйо. — Во всю жизнь мою я не видалъ лица, которое такъ удивительно походило бы на нашего невольника.

Белиса. — Флора...

Флора. — Сеньйора...

Белиса. — Мое оскорбленное терпѣніе выносить этого больше не въ силахъ. Развѣ не Педро этотъ человѣкъ?

Флора. — Сеньйора, онъ очень на него похожъ.

Белиса. — Флора, ступай, позови сюда сейчасъ Педро.

Флора. — Слѣпой увидѣлъ бы, что это Педро.

Белиса. — Не думай, Педро, что можешь безнаказанно оскорблять мою кровь: мнѣ должно умертвить тебя... Посторонитесь!

Фелисардо. — Чтò это такое?

Лисарда. — Это моя сумасшедшая дочь, которую никакъ не могли запереть сегодня. Эй, возьмите ее отсюда!

Фелисардо. — Какая жалость!

Белиса. — Это ужь слишкомъ: можно ли такъ меня дурачить!

ЯВЛЕНІЕ ДВАДЦАТЬПЕРВОЕ.

Тѣ же. Входитъ Целія. (*Изящно одѣтая, въ длинномъ покрывалѣ и въ-сопровожденіи лакея*).

Целія. — Полагаю, что поспѣла сюда во-время.

Тиберіо. — Эта дама — посажоная мать.

Фелисардо. — Для васъ сберегъ я это мѣсто: вы мнѣ такъ дороги, что, кромѣ того, мѣсто вамъ готово и у меня въ душѣ.

Лисарда. — Садитесь здѣсь, сеньйора.

Белиса. — Развѣ это не невольница Зара? Вотъ я тебя, собака!

Тиберіо. — Привяжите эту сумасшедшую.

Целія. — Кто такая эта воинственная сеньйора?

Лисарда. — Пожалуйста не обращайте на нее вниманіе, извините ее. эти припадки дѣлаются съ ней отъ излишнихъ причудъ.

Белиса. — Развѣ это не Зара? Слыхано ли что̀ подобное? Ну же, Зара, скажи мнѣ: какъ соглашаешься ты, будучи женою Педро, чтобъ онъ женился на другой?

Целія. — Не отъ причудъ ли своихъ помѣшалась она совершенно?

Белиса. — Не-уже-ли мнѣ пропустить имъ это безнаказанно? Не была бы я женщиной, еслибъ имъ за себя не отомстила.

Фелисардо. — Люди! не пускайте ее сюда,

ЯВЛЕНІЕ ДВАДЦАТЬВТОРОЕ.

Тѣ же. Входятъ Дон-Хуанъ, Пруденціо *(отецъ Целіи)*, Элисо и полиція.

Хуанъ. — Прошу васъ войдите. Въ домѣ свадьба; васъ не замѣтятъ.

Фелисардо. — Опусти свое покрывало, Целія. Ахъ я несчастный! За тобой пришелъ отецъ.

Элисо. — Гдѣ жь Фелисардо?

Фелисардо. — Это Элисо — что̀-то будетъ?

Альгвазилъ — Кто здѣсь Фелисардо?

Фелисардо. — Фелисардо — я. Что̀ вамъ угодно?

Альгвазилъ. — Онъ ли это?

Элисо. — Онъ.

Фелисардо. — Такъ это ты, Элисо, привелъ сюда полицію?

Элисо. — Справедливость требуетъ, чтобъ я наказалъ ложнаго друга.

Фелисардо. — Я ложный другъ?

Элисо. — Или тебѣ неизвѣстно, что я искалъ руки Белисы? Не женишься ли ты на ней теперь? Мнѣ сказали, что ты женишься; притомъ это видно и по твоему наряду.

Фелисардо. — Я женюсь на ней?

Элисо — Кто жь другой какъ не ты? Не лучшее ли доказательство твоего предательскаго поступка то, что ты переодѣлся въ платье невольника, позволилъ себя заклеймить и продать, какъ-будто длятого, чтобъ тебя не арестовали за твое прошлое преступленіе? Опять не ясное ли доказательство и то, что нахожу тебя здѣсь женихомъ, въ такомъ щегольскомъ, изящномъ и богатомъ нарядѣ?

Фелисардо. — Если окажется, что я на-самомъ-дѣлѣ виноватъ передъ тобой, въ такомъ случаѣ, позволяю тебѣ заколоть меня моею собственною шпагой.

Белиса. — Зачѣмъ запираться тебѣ, Фелисардо, въ томъ, что̀ было?

Это должно такъ быть. Вѣдь ты ужь на мнѣ женился и женился сегодня.

Фелисардо. — Съ чего это ты взяла, что я на тебѣ женился?

Белиса. —Ты скажешь: «нѣтъ?» Вотъ свидѣтели Флора и Каррильйо.

Элисо. — Низкій человѣкъ! какъ же запираешься ты въ томъ, чтò видѣли двое свидѣтелей?

Лисарда. — Эти свидѣтели правды не скажутъ. Белиса это придумала: ей завидно, что онъ мой мужъ. Элисо, отдаю ее тебѣ: пусть она будетъ твоей женой, а Фелисардо принадлежитъ мнѣ.

Целія. — (*Сбрасываетъ съ себя покрывало*). Потише, сударыня, мнѣ онъ мужъ и настоящая жена ему — я; онъ самъ вамъ это подтвердитъ.

Фелисардо. — Это совершенная правда.

Пруденціо. — Не Целія ли это?

Хуанъ. — Она.

Пруденціо. — Если это такъ, Дон-Хуанъ, прошу у васъ извиненія, что далъ вамъ слово.

Хуанъ. — Глядя на другихъ, которыя въ своихъ надеждахъ обмануты такъ жестоко, мнѣ какъ-то легче и мое собственное горе; впрочемъ, если Элисо настоящій кабальеро, я увѣренъ, что онъ не откажется отъ руки Белисы.

Белиса. — Слѣдовало бы такъ. Прошу у него прощенія, что пренебрегала имъ прежде; прошу прощенія и у Целіи за мое жестокое съ ней обращеніе, также у Фелисардо; но онъ, достигнувъ цѣли своихъ желаній, вѣроятно, теперь и не чувствуетъ прошлыхъ наказаній. Если его слѣдуетъ посадить въ тюрьму, готова служить, ему и вамъ, всѣмъ чтó я имѣю.

Альгвазилъ. — Господа, тотъ раненый кабальеро теперь совершенно-здоровъ; намъ только остается помирить нашихъ друзей.

Фелисардо. — Подите, Тиберіо, и устройте такъ, чтобъ онъ пришелъ сюда какъ нашъ посажоный отецъ.

Тиберіо. — Будьте покойны: онъ отъ этого не откажется, а я между-тѣмъ буду посажонымъ отцомъ Флоры и добраго Каррильйо.

Лисарда. — А я зàмужъ не вышла, хотя задумала о томъ первая. Кончаю комедію.

Белиса. — Что жь касается до моихъ причудъ, благородное собраніе, прошу у васъ извиненія въ нихъ.

Перевелъ съ испанскаго **И. Пятницкій**.

ХОЛОДНЫЙ ДОМЪ.

РОМАНЪ ЧАРЛЬЗА ДИККЕНСА.

ПЕРЕВОДЪ СЪ АНГЛІЙСКАГО.

Часть восьмая.

ГЛАВА XXXVIII.

Борьба.

Когда настало время отъѣзда въ Холодный Домъ, мы не пропустили назначеннаго дня и были встрѣчены самымъ радушнымъ, самымъ внимательнымъ пріемомъ. Здоровье и силы мои возстановились совершенно; попрежнему, въ радостномъ расположеніи духа, вбѣжала я въ свою комнату и, найдя на столѣ связку хозяйственныхъ ключей, поздоровалась съ ними, какъ съ старыми пріятелями. «Принимайся за свой долгъ Эсѳирь», сказала я себѣ-самой, побрякивая ключами: «принимайся съ чувствомъ полнаго удовольствія и подъ вліяніемъ той любви, которая такъ безвозмездно тебя окружаетъ!»

Первыя утра̀, по моемъ пріѣздѣ, были хлопотливы и суетливы; столько бѣготни изъ одной комнаты въ другую, въ-особенности изъ моей въ Воркотню, и обратно столько счетовъ, уборки ящиковъ, комодовъ и проч. что, право, время для меня не шло, а летѣло. Приведя все въ надлежащій порядокъ, покончивъ всѣ хлопоты, я поѣхала на нѣсколько часовъ въ Лондонъ; подробности письма, которое я должна была сжечь на хуторѣ мистера Бойтсорна, заставляли меня спѣшить этой поѣздкой. Такъ по-крайней-мѣрѣ я думала.

Цѣль поѣздки я свалила на Кадди Желлиби: я до-сихъ-поръ не могу отвыкнуть отъ ея дѣвичьяго имени — такъ оно мнѣ пріятно. Написала къ ней предварительно письмецо, прося ее сопутствовать мнѣ при исполненіи нѣкоторыхъ дѣлъ. Отправясь изъ дому очень-рано въ почтовой каретѣ, я въ полдень пріѣхала въ Лондонъ, въ Ньюманскую Улицу.

Мы не видались съ Кадди еще ни разу послѣ ея свадьбы; она была такъ рада моему пріѣзду, встрѣтила меня съ такою любовью, что я, право, начала бояться ревности ея мужа. Онъ между-тѣмъ былъ по-прежнему плохъ, то-есть добръ, я хочу сказать, и съ утра до вечера не имѣлъ ни минутки свободнаго времени.

Старый мистеръ Тервейдропъ былъ еще въ постели и Кадди варила ему шоколадъ. Задумчивый маленькій мальчикъ, ученикъ (забавная вещь быть ученикомъ танцмейстера) ожидалъ окончанія варки съ тѣмъ, чтобъ снести стаканъ шоколаду на верхъ въ комнату мистера Тервейдропа. Кадди говорила мнѣ, что ея свекоръ былъ очень-добрый и чувствительный человѣкъ, и они поживали вмѣстѣ очень-счастливо.

Подъ словами: «поживали вмѣстѣ» надо было понимать, что старикъ мистеръ Тервейдропъ пользовался безвозмездно всѣмъ лучшимъ въ домѣ, то-есть имѣлъ лучшую комнату, прекрасный столъ и всевозможныя безделушки, необходимыя для комфорта; между-тѣмъ, какъ Кадди и бѣдный мужъ ея имѣли только то, что̀ могли сохранить отъ своихъ трудовъ за издержками на старика Тервейдропа, и тѣснились въ двухъ углахъ чердачка надъ конюшнями.

— Ну а что̀ твоя ма, Кадди? сказала я.

— Я, Эсѳирь, слышу иногда о ней, отвѣчала Кадди: — отъ бѣднаго па; а сама видаюсь съ ней очень, очень-рѣдко. Я могу сказать съ радостью, что мы очень-дружны, хотя ма все еще считаетъ ужасной глупостью мой бракъ съ танцмейстеромъ. Она боится, чтобъ это не имѣло на нее дурнаго вліянія.

Мнѣ пришло въ голову, что мистриссъ Желлиби, промѣнявъ свои естественныя обязанности на телескопическую филантропію, застраховала себя ужь однимъ этимъ отъ всевозможныхъ вліяній. Разумѣется, мысль эту я никому не высказала.

— А твой папа̀ Кадди? спросила я.

— Онъ приходитъ къ намъ всякій вечеръ, отвѣчала Кадди: — и такъ любитъ сидѣть здѣсь, въ уголку, что сердце радуется, смотря на него.

Взглянувъ въ уголъ, я замѣтила на стѣнѣ отпечатокъ головы мистера Желлиби и очень была рада, что онъ нашелъ для себя спокойное мѣстечко.

— Ну, а ты, Кадди, говорила я: — готова пари держать, что ты постоянно въ трудахъ?

— Да, моя милая, отвѣчала Кадди: — я дѣйствительно очень-занята. Скажу тебѣ по секрету, я и сама даю уроки въ танцованьи. Зворовье-то Принца слабовато: мнѣ надобно ему пособлять. Вѣдь онъ

здѣсь отпрыгаетъ два часа, потомъ бѣжитъ въ другую школу, потомъ въ третью школу; потомъ частные уроки, постоянные ученики, живущіе у насъ на дому: онъ, бѣдняжка, очень устаетъ.

Во всякомъ случаѣ, мнѣ казалось очень-страннымъ отдавать дѣтей на постоянное жительство въ школу, съ единственной цѣлью учиться танцамъ. Я спросила Кадди: много ли у васъ такихъ учениковъ?

— Четыре отвѣчала Кадди: — одинъ и живетъ съ нами вмѣстѣ, а другіе трое уходятъ ночевать въ свои квартиры. Они добрыя дѣти. Только сойдясь вмѣстѣ, начинаютъ шалить и играть, а танцами не занимаются; мы ихъ стараемся всячески размѣщать по разнымъ угламъ. Вонъ тотъ, котораго ты видѣла, теперь вальсируетъ въ кухнѣ.

— Вѣдь они учатся однимъ только па, думаю я?

— Однимъ только па, отвѣчала Кадди: — и чтобъ выучить па, имъ надо очень-много времени; а лѣтомъ мы встаемъ въ пять часовъ утра и танцуемъ съ ними фигуры.

— Какая трудолюбивая жизнь! воскликнула я.

— Я тебя увѣряю, моя милая, отвѣчала Кадди улыбаясь: — когда утромъ приходятъ ученики и звонятъ (колокольчикъ проведенъ въ нашу комнату, чтобъ не будить рано мистера Тервейдропа), я подыму окно и взгляну на нихъ: они стоятъ у дверей съ бальными башмачками подъ-мышкой и мнѣ приходитъ въ голову, что это маленькіе трубочисты.

Все это мнѣ казалось очень-страннымъ, а Кадди съ большимъ удовольствіемъ разсказывала мнѣ тайны своихъ собственныхъ уроковъ.

— Такъ вотъ ты видишь, моя милая: — для избѣжанія лишнихъ расходовъ я и должна кой-что знать на фортепьянахъ и на скрипкѣ: я и занимаюсь теперь этими инструментами въ свободныя минуты отъ хозяйственныхъ занятій. Ты знаешь, что дома я вѣдь ничего не умѣла; разумѣется, сначала, надо признаться, музыка очень-трудна; но у меня вѣрный слухъ и я пріучена къ усидчивости; за это, во всякомъ случаѣ, я должна быть благодарна ма; а если есть желаніе, Эсѳирь, такъ право можно до всего достигнуть.

Съ этими словами Кадди сѣла, смѣясь, за фортепьяно и въ-самомъ-дѣлѣ очень-недурно съиграла какую-то кадриль; краснѣя, смѣясь встала она съ табурета и, переконфуженная своими первыми успѣхами, говорила мнѣ:

— Не смѣйся же, не смѣйся надо мною, добрая дѣвушка!

Я бы, кажется, скорѣе заплакала. Впрочемъ, я ни плакала, ни смѣялась. Я хвалила ее отъ всего сердца и ободряла сколько могла. Я была внутренно убѣждена, что хотя Кадди была только женою танцмейстера и все честолюбіе ея заключалось только въ томъ, чтобъ самой сдѣ-

латься учительницей танцованья, но она шла по своей дорогѣ вѣрнымъ шагомъ и занималась дѣломъ своимъ совершенно-добросовѣстно; а это, по моему мнѣнію, стоитъ любой миссіи.

— Другъ мой, говорила Кадди, въ восторгѣ: — ты можешь понять, ка̀къ ты меня утѣшаешь. Я тебѣ очень, очень-благодарна. Замѣть, сколько перемѣнъ даже во мнѣ само̀й, Эсоирь. Вспомни тотъ вечеръ, когда я, запачканная въ чернилахъ, встрѣтила васъ съ Адой такъ невѣжливо, такъ грубо. Кто бъ, глядя на меня тогда, могъ подумать, что я въ-состояніи учить танцамъ, заниматься хозяйствомъ и проч.?

Пока мы съ ней разговаривали, пришелъ и мистеръ Тервейдропъ молодой; онъ готовился давать урокъ въ танцовальномъ залѣ; при видѣ его, Кадди мнѣ сказала, что она теперь свободна и совершенно-готова къ моимъ услугамъ. Мнѣ еще рано было идти по дѣламъ и я очень радовалась, что могла не только не отрывать отъ занятій Кадди, но и сама пособить имъ. Мы всѣ втроемъ принялись за урокъ.

Ученики были очень-забавный народъ. Кромѣ меланхолическаго мальчика, который вальсировалъ въ-одиночку въ пустой кухнѣ, было еще два мальчика и одна грязная, маленькая дѣвочка въ газовомъ платьѣ. Маленькая дѣвочка казалась преждевременно-созрѣвшей; на ней была какая-то дѣдовская шляпка, также изъ газу, и башмачки ея лежали въ старомъ затасканномъ бархатномъ ридикюлѣ; мальчики были очень-неуклюжи; въ карманахъ у нихъ брякали камни и виднѣлись оглоданныя кости отъ завтрака. При видѣ ихъ я невольно спросила Кадди: какимъ образомъ пришло въ голову ихъ родителямъ посвятить дѣтей своихъ танцамъ? «Не знаю, говорила Кадди; ихъ родители очень-бѣдные люди; можетъ, они хотятъ сдѣлать изъ нихъ танцмейстеровъ, а можетъ, готовятъ ихъ для театра; мать меланхолическаго мальчика, содержитъ распивочную лавку инбирнаго пива». Цѣлый часъ мы танцовали очень-серьезно; меланхолическій мальчикъ выдѣлывалъ такія чудеса ногами, что я съ трудомъ удерживалась отъ смѣха; казалось, икры его и ступни были въ полномъ восторгѣ, которому не суждено было сообщаться выше. Кадди принимала въ преподаваніи живое участіе; она такъ была дѣятельна, что мужу ея почти не зачѣмъ было вмѣшиваться и онъ преимущественно игралъ на скрипкѣ. Къ-тому же, она переняла его прекрасную манеру, его легкость, и, обладая хорошимъ станомъ и хорошенькой наружностью, была очаровательна. Такимъ-образомъ танцовали мы до звонка.

По окончаніи урока, мужъ Кадди началъ готовиться идти въ другую танцовальную школу, а Кадди—со мной. Я между-тѣмъ оставалась въ танцовальной залѣ и наблюдала за учениками. Два приходящіе маль-

чика пошли наверхъ, чтобъ надѣть полусапожки и вцѣпиться въ волосы ученика, живущаго подъ кровлею мистера Тервейдропа; потомъ спустились внизъ, помѣстились подъ одной изъ лиръ, нарисованныхъ на стѣнахъ танцовальной залы, достали изъ кармановъ тартинки съ масломъ и говядиной и приступили къ утоленію аппетита, возбужденнаго танцами. Дѣвочка въ газовомъ одѣяніи, опустивъ сандаліи въ свой шитый ридикюль, всунула голову въ шляпу огромныхъ размѣровъ, и на мой вопросъ: любитъ ли она танцовать? отвѣтивъ гордо: «только не съ мальчишками!» надменнымъ шагомъ пошла домой.

— Старикъ мистеръ Тервейдропъ очень-огорченъ, говорила Кадди:— что еще не успѣлъ одѣться и не можетъ имѣть удовольствія видѣть тебя. — Онъ тебя, Эсѳирь, ужасно любитъ.

Я выразила всю признательность за подобное вниманіе и, разумѣется, не сочла долгомъ прибавить, что отсутствіе его мнѣ еще болѣе пріятно.

— Онъ одѣвается очень-долго, говорила Кадди: — ты знаешь какія у него прекрасныя манеры; ими всѣ любуются. Ахъ, Эсѳирь, какъ онъ добръ къ папенькѣ! Онъ однажды цѣлый вечеръ разсказывалъ ему про принца-регента, и я никогда не видала па̀ въ такомъ восторгѣ.

Въ умѣ моемъ живо представилась картина, ка̀къ мистеръ Тервейдропъ-старикъ выказываетъ свой тонъ и манеры передъ мистеромъ Желлиби. Я невольно спросила Кадди: что̀ же онъ заставляетъ твоего папа̀ говоритъ съ нимъ, или нѣтъ?

— Нѣтъ, говорила Кадди: — папа̀ ничего не говоритъ; но мистеръ Тервейдропъ говоритъ, папа̀ удивляется, слушаетъ и очень любитъ слушать. Я знаю, что папа̀ едва-ли способенъ къ тому, чтобъ перенять прекрасныя манеры и тонъ мистера Тервейдропа; но по-крайней-мѣрѣ вмѣстѣ они очень хороши. Ты не можешь повѣрить, какіе они друзья. Я никогда не видала, чтобъ папа̀ нюхалъ табакъ; но, сидя съ мистеромъ Тервейдропомъ, онъ всякій разъ возьметъ щепотку табаку изъ его табакерки и постоянно впродолженіе цѣлаго вечера прикладываетъ ее къ носу.

Всего забавнѣе казалось мнѣ, что мистеръ Тервейдропъ, такъ или иначе, спасалъ уши несчастнаго мистера Желлиби отъ барріобульскихъ проектовъ.

— Что же касается до Биби, говорила Кадди съ нѣкоторымъ замѣшательствомъ: — то я, право, думала, Эсѳирь, что, не имѣя своихъ дѣтей, я не должна брать его къ себѣ, что онъ стѣснитъ мистера Тервейдропа и наскучитъ ему; напротивъ, любезность старика въ этомъ

отношенiи выше всего на свѣтѣ. Онъ призываетъ его къ себѣ, моя милая, заставляетъ его подать себѣ газеты, отдаетъ ему корочки отъ своихъ тостовъ, дѣлаетъ ему разныя порученiя, посылаетъ просить его у меня шестипенсовую монету, и т. п., словомъ, продолжала Кадди весело: — я очень, очень-счастлива и должна быть очень-благодарна. Куда мы идемъ, Эсоирь?

— Въ Старую Причальную Улицу, сказала я: — мнѣ надобно переговорить съ однимъ адвокатскимъ клеркомъ, который встрѣтилъ меня, когда я первый разъ прiѣхала въ Лондонъ и который провелъ меня къ вамъ.

— Въ такомъ случаѣ, съ тобою всего естественнѣе идти мнѣ.

Мы пошли въ Старую Причальную Улицу, отъискали квартиру мистриссъ Гуппи, обладающей свойствомъ быть истинной свекровью, и тамъ навели справки о мистерѣ Гуппи. Мистриссъ Гуппи занимала нижнiй этажъ; выглядывая на насъ, она подвергалась очевидной опасности треснутъ, какъ орѣховая скорлупа, подъ нажимомъ двери; однакожь на призывъ нашъ выползла благополучно и пригласила насъ взойдти. Маленькая гостиная была убрана, въ-ожиданiи насъ, чистенько; главное украшенiе состояло въ портретѣ единственнаго сына, мистера Гуппи, который былъ поразительно-похожъ и такъ великъ, что врядъ-ли могъ быть вынесенъ обратно изъ комнаты. Сама мистриссъ Гуппи, одѣтая въ огромный чепецъ, была толстенькая старушка, съ очень-закраснѣвшимся носомъ, съ блуждающимъ глазомъ и постоянною улыбкою на губахъ.

Въ комнатѣ, кромѣ портрета мистера Гуппи, былъ и самъ оригиналъ. Онъ былъ разодѣтъ очень-пестро и, сидя на концѣ стола, углублялся въ чтенiе судебныхъ бумагъ, подпирая лобъ свой указательнымъ пальцемъ.

— Миссъ Семерсонъ! воскликнулъ мистеръ Гуппи, вставая съ своего стула: — здѣсь, истинный оазисъ, матушка; будьте такъ добры, поставьте стулъ для прiятельницы миссъ Семерсонъ и очистите немножко дорогу.

Улыбка придавала мистриссъ Гуппи какой-то плутовской видъ. Она исполнила просьбу сына и усѣлась въ уголокъ, прижимая обѣими руками къ груди своей носовой платокъ, какъ успокоительную припарку.

Я представила Кадди, и мистеръ Гуппи, откланявшись, выразился, что друзья мои найдутъ всегда въ Старой Причальной Улицѣ самый радушный прiемъ. Послѣ рекомендацiи, я приступила къ изъясненiю цѣли моего прихода.

— Я имѣла смѣлость писать къ вамъ, сэръ, сказала я.

Мистеръ Гуппи, въ видѣ подтвержденiя словъ моихъ, вынулъ изъ

боковаго кармана мою записку, прижалъ ее къ своимъ губамъ и снова опустилъ въ карманъ, отвѣсивъ мнѣ многозначительный поклонъ. Мистриссъ Гуппи была отъ всего этого въ такомъ восторгѣ, что, улыбаясь, мотала головой и локтемъ давала знать Кадди о тѣхъ пріятныхъ чувствахъ, которыя волновали ея сердце.

— Могу ли я сказать вамъ наединѣ нѣсколько словъ? спросила я.

Трудно передать, какое вліяніе произвелъ этотъ вопросъ на мистриссъ Гуппи: она прижимала платокъ къ губамъ, подталкивала Кадди и локтемъ и ногой, мотала головой и только съ большимъ трудомъ была въ-состояніи вывести бѣдную Кадди чрезъ корридоръ въ сосѣднюю комнату, заставленную кроватью и комодомъ.

— Миссъ Семерсонъ, говорилъ мистеръ Гуппи: — извините за такое выраженіе родительскихъ чувствъ при видѣ сыновняго счастья. Матушка очень-взволнована и ея поступки — слѣдствіе нѣжной любви ко мнѣ.

Боже, какъ вспыхнулъ, какъ измѣнился въ лицѣ мистеръ Гуппи, когда я откинула вуаль!

— Я желала имѣть удовольствіе видѣть васъ на нѣсколько минутъ здѣсь, въ вашей квартирѣ, сказала я: — потому-что, помню, вы говорили мнѣ, по поводу извѣстнаго обстоятельства, что приходъ мой къ вамъ, въ контору мистеровъ Кенджа и Корбая могъ бы нѣкоторымъ образомъ компрометировать васъ, мистеръ Гуппи.

Я знаю, что я и теперь компрометировала его страшно; я никогда не видала такого замѣшательства, такой боязни, такого волненія, которое выражалось на лицѣ мистера Гуппи.

— Миссъ Семерсонъ, миссъ Семерсонъ... бормоталъ мистеръ Гуппи: — я... я... извините меня, миссъ... но въ нашей профессіи... то-есть мы... мы должны выражаться... выражаться опредѣлительно... Вы говорите... вы изволите говорить... о томъ обстоятельствѣ... когда я... когда я имѣлъ честь... выразить... сдѣлать... предложеніе... которое... ммм... гм. гм!..

Очевидно, у него что-то стояло въ горлѣ, съ чѣмъ онъ никакъ не могъ справиться. Онъ прикрывалъ ротъ рукою, прокашливался, кривлялся, усиливался проглотить, опять прокашливался, опять кривлялся, озирался вокругъ, перебиралъ бумаги — ни что не пособляло.

— На меня напалъ, миссъ, какой-то столбнякъ, рѣшился онъ наконецъ выговорить: — я подверженъ, клянусь вамъ, подверженъ приливамъ крови... вотъ-съ это потому я и не могу... гм... гм... пройдетсъ-съ. .

Я дала ему нѣсколько времени оправиться. Онъ употребилъ эти

минуты на размышленіе, прикладывалъ руку ко лбу, потиралъ носъ и наконецъ, отодвинувъ стулъ свой въ уголъ комнаты, началъ говорить смѣлѣе, но все-таки безпокойно:

— Намѣреніе мое было, замѣтить, миссъ... Господи!.. раздраженіе дыхательнаго горла... ужасно... гм... гм!.. мое намѣреніе, миссъ, было замѣтить, что вы оказали въ то время столько великодушія и отринули мое предложеніе. Вы... вы конечно не имѣете ничего противъ этого. Конечно не было свидѣтелей... и, быть-можетъ, чтобъ успокоить мен... чтобъ успокоить свою совѣсть... вы готовы всегда и при всѣхъ... высказать .. повторить вашъ отказъ...

— Безъ всякаго сомнѣнія, сказала я: — я отклонила дѣлаемое мнѣ вами предложеніе, мистеръ Гуппи, безъ всякой преднамѣренной мысли.

— Благодарю васъ, миссъ, отвѣчалъ онъ, размѣряя столъ своими дрожащими руками: — слова ваши совершенно-удовлетворительны и дѣлаютъ вамъ честь... Гм, гм!.. раздраженіе дыхательнаго горла... это такъ. . Гм... гм... гмгм... вы, можетъ-быть, разсердитесь, если я скажу... впрочемъ, вашъ умъ... вашъ здравый смыслъ... если я скажу, что мое предложеніе было... Гм. гм... проклятое раздраженіе!.. было послѣднее и больше не возобновится...

— Я это совершенно понимаю, сказала я.

— Быть-можетъ... конечно... гм, гм... въ этомъ нѣтъ надобности... но такъ, для успокоенія меня... вашей совѣсти... вы не сочтете лишнимъ подтвердить это объясненіе... то-есть, понимаете... форменный отказъ? говорилъ мистеръ Гуппи.

— Совершеннѣйшимъ и полнѣйшимъ образомъ подтверждаю его, отвѣчала я.

— Благодарю васъ, благодарю васъ, говорилъ мистеръ Гуппи: — очень-великодушно... очень-благородно съ вашей стороны. Я, гм, гм... очень сожалѣю, что мои будущіе планы въ связи съ настоящими обстоятельствами, которыя, выше моей власти, лишаютъ меня возможности возобновить когда бы то ни было, это... гм, гм... предложеніе и... гм!.. цѣпи Гименея... должны быть предъ миртовыми вѣтвями дружбы... гм гм!..

Раздраженіе дыхательнаго горла помогло дѣлу и пресѣкло измѣреніе квадратнаго содержанія стола.

— Быть-можетъ теперь я могу высказать вамъ цѣль моего посѣщенія? начала я.

— Я сочту за счастье выслушать ваше желаніе, миссъ; я совершенно убѣжденъ, это вашъ здравый смыслъ... гм, гм... вашъ положительный умъ... то-есть гм... гм... что вы видите въ настоящемъ

свѣтѣ все, все, и слѣдовательно всякое замѣчаніе ваше можетъ только доставить мнѣ удовольствіе.

— Вы были такъ добры, выразили мнѣ при *томъ* обстоятельствѣ...

— Извините, миссъ, говорилъ мистеръ Гуппи: — но... но... гм... гм... знаете, лучше говорить о фактахъ, чѣмъ... гмгм... о выраженіяхъ... можетъ-статься, я что-нибудь и выразилъ... теперь не припомню...

— Вы выразили при *томъ* обстоятельствѣ, начала я снова: — готовность вступиться въ мои интересы, упрочить мое благосостояніе, дѣлать розыски о судьбѣ моей. Я знаю, что причиной такой мысли въ васъ было мое настоящее положеніе: вы знали, что я сирота, обязанная всѣмъ мистеру Жарндису. Единственная цѣль моего къ вамъ посѣщенія, мистеръ Гуппи, состоитъ въ томъ, чтобъ убѣдить васъ оставить всякое желаніе разъискивать исторію моего рожденія; я ее знаю и много думала о ней, въ-особенности въ послѣднюю болѣзнь мою, и пришла наконецъ къ такому заключенію, что если вы дѣйствительно желаете мнѣ счастья, если вы дѣйствительно питаете ко мнѣ чувство дружбы, то вы оставите всѣ попытки розъисковъ относительно меня. Быть-можетъ, вы ими и не занимались; въ такомъ случаѣ, извините, что я васъ обезпокоила; но если вы стали ужь приводить въ исполненіе ваше обѣщаніе, то я умоляю васъ, ради моего спокойствія, ради нашей дружбы, ради всего на свѣтѣ, отказаться отъ него вполнѣ.

— Я долженъ сознаться, говорилъ мистеръ Гуппи: — что вы, миссъ, выражаетесь съ такимъ вѣрнымъ чувствомъ и такъ здравомысленно, какъ только можно. Ничто не можетъ быть справедливѣе, какъ такое благородное желаніе; и если я за нѣсколько минутъ передъ этимъ осмѣливался ошибиться въ васъ, за-то теперь испрашиваю у васъ совершенное прощеніе. Нѣтъ надобности говорить, миссъ, гм... гм... ваше вѣрное чувство и здравый смыслъ тому порукой... что, испрашивая прощенье, я не касаюсь того предмета... гм... гм... который вы сами уже рѣшили удовлетворительно.

Я, впрочемъ, должна сказать въ оправданіе мистера Гуппи, что раздраженіе дыхательнаго горла было слѣдствіемъ не грубости сердца, но того жалкаго положенія, котораго онъ самъ стыдился, и онъ отъ всей души радовался, что еще можетъ для меня что-нибудь сдѣлать.

— Если вы мнѣ позволите высказать все сразу, такъ, чтобъ снова не возращаться къ тому, что̀ ужь было говорено, начала я, замѣтивъ, что мистеръ Гуппи желаетъ опять вступить въ оправданіе: — то вы мнѣ сдѣлаете большое снисхожденіе, сэръ. Я пришла къ вамъ такъ таинственно потому, что не измѣняла и не хотѣла измѣнить вашей просьбѣ: держать въ секретѣ тѣ объясненія, которыя нѣкогда между

нами происходили. Болѣзнь, о которой я говорила, лишила меня всякаго опасенія прійдти къ вамъ и откровенно изложить мою просьбу. Она единственно состоитъ въ томъ, что̀ я вамъ ужь высказала, и я увѣрена, что вы мнѣ позволите надѣяться на ея совершенное исполненіе.

Опять скажу въ оправданіе мистера Гуппи, что онъ все болѣе-и-болѣе стыдился своего положенія и, радуясь, что можетъ быть для меня какъ-нибудь полезенъ, отвѣчалъ мнѣ:

— Клянусь честью, клянусь жизнью, клянусь душою, миссъ Семерсо̀нъ, что до-тѣхъ-поръ, пока во мнѣ будетъ хотя одна капля крови, я буду стараться исполнять ваши желанія. Съ-этихъ-поръ я оставляю всѣ мои розыски на вашъ счетъ, и если вамъ угодно, я готовъ сейчасъ же, въ присутствіи всѣхъ, произнести клятву. Повѣрьте, все, что̀ я говорю въ настоящую минуту, произнесъ мистеръ Гуппи скороговоркой: — я говорю истину, совершенную истину...

— Я совершенно вѣрю вамъ, сказала я, остановивъ его въ изліяніи клятвъ: — довольно; благодарю васъ отъ всего моего сердца. Кадди, я готова, моя милая!

Матушка мистера Гуппи вышла съ Кадди изъ другой комнаты (кивая мнѣ радостно, улыбаясь и подмигивая); мы простились и пошли домой. Мистеръ Гуппи проводилъ насъ до̀ дверей съ видомъ человѣка, бредящаго или еще несовсѣмъ-проснувшагося, и, вытаращa глаза, слѣдилъ за нами.

Но спустя минуту онъ побѣжалъ къ намъ безъ шляпы; вѣтеръ развѣвалъ его волосы; дойдя до насъ, онъ остановился и сказалъ съ жаромъ:

— Миссъ Семерсонъ, клянусь честью, вы можете на меня положиться.

— Я вамъ вѣрю, сказала я, вѣрю совершенно.

— Извините, миссъ, продолжалъ мистеръ Гуппи, остановясь: — но такъ-какъ эта леди... гм... гм!.. ваша свидѣтельница... въ видахъ успокоенія вашей совѣсти... которую мнѣ бы хотѣлось видѣть въ совершенно-спокойномъ состояніи... еслибъ, миссъ, вы были такъ добры... и повторили при ней... гм... гм!.. то, о чемъ мы говорили... что̀ составляетъ нѣкоторымъ образомъ...

— Кадди, сказала я, обращаясь къ ней: — я думаю, ты не будешь удивлена, если я скажу тебѣ, моя милая, что никогда не было никакого обѣщанія...

— Никакого предложенія вступить въ бракъ... прибавилъ мистеръ Гуппи.

— Никакого предложенія вступить въ бракъ, повторила я: — со стороны этого джентльмена...

— Вильяма Гуппи, жительствующаго въ Мидльсекской Части на Пентонской Площади въ Пентонвильскомъ Переулкѣ.

— Со стороны мистера Вильяма Гуппи, жительствующаго въ Мидльсекской Части на Пентонской Площади въ Пентонвильскомъ Переулкѣ.

— Благодарю васъ, миссъ, говорилъ мистеръ Гуппи — Совершенно правильно... гм... гм!.. Извините, какъ имя и фамилія этой леди?

Я сказала.

— Онѣ замужемъ, я полагаю? говорилъ мистеръ Гуппи. — Замужемъ. — Благодарю васъ. Каролина, дочь Желлиби, жена Тервейдропъ, жительство имѣетъ въ Ньюманской Улицѣ, въ Оксфордскомъ Кварталѣ. Очень-обязанъ.

Онъ ушелъ домой, но потомъ опять прибѣжалъ назадъ.

— Что касается до этого пункта, то я долженъ сказать вамъ, что мои планы въ будущемъ, въ соединеніи съ тѣми обстоятельствами, которыя выше моей власти, препятствуютъ мнѣ возобновить то, что̀ нѣсколько минутъ назадъ, было кончено между нами совершенно, говорилъ мистеръ Гуппи грустно и задумчиво: — дѣлать нѐчего. Вы сами знаете, что дѣлать нѐчего. Я вполнѣ надѣюсь на васъ.

— Вы совершенно-правы, отвѣчала я. — Предметъ этотъ не допускаетъ сомнѣній.

— Благодарю васъ, миссъ Семерсонъ, благодарю васъ.

И мистеръ Гуппи снова побѣжалъ домой и снова вернулся назадъ.

— Это очень-великодушно съ вашей стороны, миссъ, очень-великодушно, говорилъ онъ: — еслибъ можно было воздвигнуть алтарь подъ сѣнью дружбы... но клянусь всѣмъ, что̀ мнѣ дорого, вы можете полагаться на меня во всѣхъ отношеніяхъ, не касаясь только нѣжныхъ струнъ...

Борьба различныхъ ощущеній въ *измѣнническои* груди мистера Гуппи, въ-особенности безчисленная бѣготня его отъ насъ къ собственной двери и обратно, съ растрепанными волосами, сильно - требовавшими стрижки, были немаловажной причиной, заставлявшей насъ удалиться поспѣшнѣе домой. И мы спѣшили; на сердцѣ у меня было легко, очень-легко; а мистеръ Гуппи долго еще стоялъ у двери и колебался: сбѣгать за нами, или нѣтъ?

ГЛАВА XXXIX.

Стряпчій и кліентъ.

Въ Канцелярской Улицѣ есть гостинница Саймонда; тамъ, на дверяхъ подъ крупной надписью: НИЖНІЙ ЭТАЖЪ, виднѣется имя ми-

стера Волиса. Гостинница маленькая, подслѣпая, блѣдная, грязная; что-то въ родѣ большаго грохота, съ двумя отдѣленіями и рѣшетомъ. Взглянешь на нее и подумаешь, что мистеръ Саймондъ былъ въ свое время порядочный кулакъ и построилъ гостинницу изъ стараго строительнаго матеріала, очень-знакомаго съ грязью, гнилостью и другими признаками вещественнаго разрушенія, способными упрочить память покойнаго стремленіемъ къ скорому паденію. Въ этомъ грязномъ мавзолеѣ, въ память Саймонда, виднѣется юридическій гербъ мистера Волиса.

Контора мистера Волиса, отталкивающая по расположенію и оттолкнутая по положенію, находится въ углу и примыкаетъ къ глухой стѣнѣ. Узкій, грязный корридоръ, выстланный сучковатымъ поломъ, ведетъ къ черной, какъ сажа, двери мистера Волиса, въ темный уголъ, гдѣ не видать Божьяго свѣта и въ самый-яркій лѣтній день. Корридоръ перегороженъ черной балкой, отдѣляющей ходы въ подвальный этажъ, и объ эту балку запоздалые цивилисты вѣчно бьются лбами. Комната мистера Волиса такихъ малыхъ размѣровъ, что одинъ писецъ можетъ открыть дверь, не вставая съ своего стула, между-тѣмъ , какъ другой писецъ, сидящій съ первымъ за одной конторкой, локоть объ локоть, можетъ съ такою же удобностью, не приподымаясь, шевелитъ щипцами въ каминѣ. Запахъ какъ-будто отъ паршивой овцы, въ соединеніи съ запахомъ отъ плѣсени и пыли совершенствуется еще вечернимъ, а иногда и дневнымъ употребленіемъ сальныхъ свѣчъ для освѣщенія, и запахомъ отъ пергамена и кожъ, лежащихъ въ засаленныхъ ящикахъ. Вообще, атмосфера такъ хороша, что изъ рукъ вонъ. Человѣческая память не въ-состояніи запомнить, когда послѣдній разъ красили комнаты, или отбѣливали потолки въ квартирѣ мистера Волиса. Оба камина дымятъ страшно и вездѣ видѣнъ непроницаемый слой грязи и ржавчины. Побитыя, плохо-замазанныя стекла въ своихъ тяжелыхъ рамахъ имѣютъ два замѣчательныя свойства: вѣчно-грязны и открываются не иначе, какъ съ большимъ усиліемъ. Этимъ и объясняется феноменъ, что въ жаркое время лѣта , въ зубахъ каждой рамы торчитъ по полѣну.

Мистеръ Волисъ очень-почтенный человѣкъ. Дѣла его неважны; но онъ очень-почтенный человѣкъ. Великіе адвокаты, составившіе себѣ уже состояніе, или подвизающіеся только на поприщѣ обогащенія, считаютъ его очень-почтеннымъ человѣкомъ. Онъ не опуститъ изъ виду ни одного хорошаго случая — это первый шагъ къ почету. Онъ себѣ не позволяетъ никакихъ удовольствій — второй шагъ къ почету. Онъ молчаливъ и серьёзенъ — третій шагъ къ почету. Пищевареніе его въ плохомъ состояніи — а это въ высшей степени почтительно. Онъ вездѣ

коситъ траву, гдѣ только можно, для трехъ своихъ дочерей и кормитъ еще отца, въ Таутонской Долинѣ.

Главный принципъ англійскаго законовѣдѣнія состоитъ въ томъ, чтобъ дѣлать дѣла для своей собственной пользы, и этотъ принципъ выполняется отчетливо, единственно, по всѣмъ кривымъ путямъ лабиринта, извѣстнаго подъ названіемъ: англійское судопроизводство. Смотря съ этой точки зрѣнія, оно кажется стройнымъ, связнымъ цѣлымъ, а не страшнымъ хаосомъ, какъ обыкновенно думаютъ о немъ непосвященные: Заставьте ихъ взглянуть въ истинномъ свѣтѣ на этотъ великій принципъ дѣлать дѣла для своей пользы насчетъ ближняго — и вѣрно они перестанутъ ворчать и глумиться.

Но, не понимая этого ясно, а разсматривая только вполовину исбивчиво, непосвященные иногда страдаютъ въ своемъ спокойствіи и въ карманѣ, сердятся и ворчатъ. Тогда почтенность мистера Волиса торжественно ставится противъ нихъ, какъ охранительныя латы.

— Отмѣнить это постановленіе, сэръ? говоритъ мистеръ Кенджъ истерзанному кліенту: — отмѣнить его, дорогой мой сэръ? Я съ вами несогласенъ; я никакъ не могу раздѣлить этого мнѣнія. Поприте этотъ законъ, сэръ, и вы увидите, какое дѣйствіе произведетъ вашъ необдуманный поступокъ на классъ практикантовъ, имѣющихъ — да позволено мнѣ будетъ такъ выразиться — глубоко-достойнаго представителя въ лицѣ мистера Волиса, адвоката противной партіи? Сэръ, этотъ классъ практикантовъ стерся бы съ лица земли. Но вы не въ-состояніи перенести — я хочу сказать, что вся соціальная система не въ-состояніи перенести утрату такихъ людей, какъ мистеръ Волисъ. Прилеженъ, предусмотрителенъ, неутомимъ и точенъ. Дорогой сэръ мой, я понимаю ваши настоящія ощущенія, допускаю ваше негодованіе касательно современнаго состоянія дѣлъ; скажу болѣе: я понимаю, что оно вамъ должно быть нѣсколько-тяжело, но никогда я не могу возвысить моего голоса въ пользу уничтоженія цѣлаго класса людей, подобныхъ мистеру Волису.

Почтенность мистера Волиса была съ торжественнымъ, побѣждающимъ эффектомъ цитирована и въ парламентскихъ засѣданіяхъ, какъ сіе значится въ записи знаменитѣйшихъ адвокатовъ и въ нижеслѣдующемъ порядкѣ:

№ 517,869.

Вопросъ. Если я понимаю васъ, то эти формы судопроизводства причиняютъ замедленіе?

Отвѣтъ. Точно такъ-съ, нѣкоторое замедленіе.

Вопросъ. И требуютъ большихъ расходовъ?

Отвѣтъ. Безъ-сомнѣнія, онѣ не могутъ быть выполнены безъ нѣкоторыхъ издержекъ.

Вопросъ. Причиняютъ несказанныя неудовольствія?

Отвѣтъ. Я не приготовился отвѣчать на этотъ вопросъ; но что касается до *меня*, то *мнѣ* онѣ никогда никакого неудовольствія не причиняли; совсѣмъ напротивъ.

Вопросъ. Такъ вы полагаете, что уничтоженіе этихъ формъ повлечетъ за собою уничтоженіе цѣлаго класса практикантовъ?

Отвѣтъ. Въ этомъ нѣтъ никакого сомнѣнія.

Вопросъ. Можете ли вы указать на одного изъ представителей этого класса?

Отвѣтъ. Могу. Напримѣръ, мистеръ Волисъ: онъ совершенно разорится.

Вопросъ. Мистеръ Волисъ считается въ ихъ профессіи почтеннымъ человѣкомъ?

Отвѣтъ (уничтожающій всѣ вопросы по-крайней-мѣрѣ на десять лѣтъ). Мистеръ Волисъ считается въ ихъ профессіи *очень*-почтеннымъ человѣкомъ.

Такъ въ откровенныхъ разговорахъ частные авторитеты, неменѣе-безкорыстные генеральныхъ авторитетовъ, утверждаютъ, что они не понимаютъ куда идетъ вѣкъ; что люди бѣгутъ безъ оглядки и скользятъ надъ пропастью; что головы у нихъ не на мѣстѣ; что эти перемѣны пахнутъ смертью такимъ людямъ, какъ мистеръ Волисъ: это человѣкъ, который обладаетъ несомнѣнными достоинствами, отцомъ въ Таутонской Долинѣ и тремя дочерьми дома. Сдѣлайте еще шагъ въ этомъ несчастномъ направленіи, говорятъ они, и мы спрашиваемъ васъ: что̀ будетъ съ отцомъ Волиса? Что жь ему прикажете: умереть съ голоду? А что̀ жь будетъ съ дочерьми Волиса? Прикажете имъ идти въ швейки или въ гувернантки?...... «То-есть точь-въ-точь разсуждаютъ такъ, какъ будто-бъ мистеръ Волисъ и вся его родня были никто другіе, какъ людоѣды, которыхъ предлагается истребить. Въ-самомъ-дѣлѣ, всѣ умозаключенія ихъ сводятся къ одному: какъ можно истребить племя людоѣдовъ! Попробуйте сдѣлать людоѣдство дѣломъ беззаконнымъ и вы погубите всѣхъ Волисовъ. (*) Какъ это возможно!..

(*) Для поясненія этого мѣста, напомнимъ читателямъ, что англійское судопроизводство, изобильное рѣчами адвокатовъ, въ рукахъ которыхъ законы служатъ только орудіемъ прижимокъ, взятокъ и всевозможныхъ злоупотребленій, встрѣчало во всѣ эпохи цивилизаціи значительную оппозицію со стороны людей здравомыслящихъ; но вся эта оппозиція, мнѣнія которой раздѣляетъ и авторъ, опровергалась правомъ сильнаго или давностью и вообще аргументами, приведенными авторомъ въ этой главѣ.

Однимъ словомъ мистеръ Волисъ, его три дочери и отецъ въ Таунтонской Долинѣ служатъ предохранительными столбами, подпирающими зданіе, готовое рухнуть съ минуты на минуту. И у многихъ людей, при многихъ обстоятельствахъ, всегда вертится на языкѣ вопросъ, чтò будетъ съ Волисами, какія постигнутъ ихъ бѣдствія, или чтò они могутъ выиграть? но никогда и никто не заботится замѣнить зло добромъ. . . . .

. . . .

Лорд-канцлеръ, десять минутъ назадъ, окончилъ послѣднее засѣданіе и начались длинныя вакаціи. Мистеръ Волисъ, его молодой кліентъ, нѣсколько синихъ мѣшковъ, поспѣшно набитыхъ бумагами и утратившихъ свою правильную форму, какъ змѣи, только-что нажравшіяся, возвратились въ свой офиціальный вертепъ.

Мистеръ Волисъ, покойный, неизмѣнный, какъ и слѣдуетъ быть человѣку съ такимъ почетомъ, какъ онъ, медленно снимаетъ свои черныя узкія перчатки, словно кожу съ своихъ рукъ, снимаетъ свою узкую шляпу, словно черепъ съ своей головы, и почтенно садится за свою конторку. Кліентъ срываетъ свои перчатки, швыряетъ шляпу куда-то въ уголъ, мало заботясь куда; бросается въ кресло, ворча и едва переводя духъ, склоняетъ свою горячую голову на ладонь и смотритъ точь-въ-точь какъ статуя отчаянія.

— Опять ничего не сдѣлано, говоритъ Ричардъ: — это ужасно!

— Не говорите, что ничего не сдѣлано, отвѣчаетъ хладнокровный Волисъ: — это нехорошо, сэръ, несправедливо, сэръ!

— Чтò жь сдѣлано? что жь сдѣлано? спрашиваетъ Ричардъ, мрачно смотря на него.

— Быть-можетъ вашъ вопросъ не такъ поставленъ, отвѣчаетъ Волисъ: — быть-можетъ, вамъ надо спрашивать: чтò дѣлается, чтò дѣлается?

— Чтò жь дѣлается? говоритъ нетерпѣливый кліентъ.

Волисъ сидитъ, держа руки на конторкѣ, въ покойномъ расположеніи духа; онъ занимается соединеніемъ оконечностей пальцевъ правой руки съ оконечностями пальцевъ лѣвой руки; смотритъ пристально и внимательно на своего кліента и отвѣчаетъ ему:

— Много, много дѣлается, сэръ. Мы приложили наши плечи къ колесу, мистеръ Карстонъ, и колесо вертится.

— Да, только колесо-то кажется зубчатое, говоритъ мистеръ Карстонъ. — Чтò я теперь буду дѣлать эти четыре или пять проклятыхъ мѣсяцевъ? продолжаетъ онъ, вскакивая со стула и прохаживаясь взадъ и впередъ по комнатѣ.

— Мистеръ Карстонъ, отвѣчаетъ Волисъ, не спуская глазъ съ своего кліента: — вы человѣкъ очень-пылкаго темперамента и это меня за васъ пугаетъ. Извините меня, если я позволю себѣ дать вамъ совѣтъ быть похладнокровнѣе, потерпѣливѣе, не такъ горячиться: вы вѣдь этимъ только портите себѣ кровь, здоровье ваше слабѣетъ...

— То-есть однимъ словомъ: подражать вамъ — не такъ ли? мистеръ Волисъ, говоритъ Ричардъ, садясь опять въ кресло съ сардоническимъ смѣхомъ и топая ногами о безцвѣтный коверъ.

— Сэръ, отвѣчаетъ мистеръ Волисъ, смотря на своего кліента, точно съ такимъ же взглядомъ, какъ голодный коршунъ смотритъ на цыпленка: — сэръ, говоритъ онъ своимъ задыхающимся голосомъ и съ безкровнымъ спокойствіемъ: — я не имѣю претензіи считать себя образцомъ для подражанія вамъ, или кому бы то ни было. Все мое желаніе состоитъ только въ томъ, чтобъ оставить моимъ тремъ дочерямъ незапятнанное имя. Съ меня этого достаточно: я незаносчивъ, сэръ. Но такъ-какъ вы, мистеръ Карстонъ, указуете на меня, я готовъ сознаться, что я желалъ бы удѣлить вамъ частицу моего спок... вижу, вы хотите сказать моей нечувствительности... пожалуй, сэръ, извольте, моей нечувствительности... такъ я бы желалъ удѣлить вамъ, сэръ, частицу моей нечувствительности.

— Мистеръ Волисъ, оправдывается кліентъ, слегка покраснѣвъ: — я не имѣю намѣренія укорять васъ въ нечувствительности.

— Быть-можетъ, безъ намѣренія, но вы укоряете, отвѣчаетъ равнодушный Волисъ: — и очень-натурально. Обязанность моя состоитъ въ томъ, чтобъ блюсти за вашими интересами съ полнымъ присутствіемъ духа; слѣдовательно я долженъ быть хладнокровенъ, и понимаю, что въ подобныя минуты я долженъ казаться вамъ, человѣку взволнованному и разстроенному, существомъ безчувственнымъ. Дочери мои знаютъ меня лучше. Престарѣлый отецъ мой знаетъ меня вѣрнѣе. Но они знаютъ меня больше времени чѣмъ знаете вы, и довѣрчивое око любви непохоже на подозрительное око дѣловаго человѣка. Я впрочемъ, не хочу этимъ сказать, чтобъ дѣловые люди были подозрительны — совсѣмъ нѣтъ. Я блюду за вашими интересами и желаю, чтобъ всѣ неудачи падали на меня — да̀, единственно на меня. Но ваши интересы требуютъ, чтобъ я былъ хладнокровенъ и методиченъ, мистеръ Карстонъ, и я не могу быть иначе; да̀, сэръ, не могу даже изъ угожденія вамъ.

Мистеръ Волисъ, взглянувъ на конторскую кошку, сторожившую терпѣливо мышь у одной изъ щелей пола, устремляетъ свой чарующій взглядъ на молодаго кліента и начинаетъ своимъ заглохнувшимъ

полуголосомъ, какъ-будто-бы въ немъ торчалъ какой-то нечистый духъ, который нейдетъ ни взадъ, ни впередъ:

— Вы спрашиваете, сэръ, что̀ вы будете дѣлать во время длинныхъ вакацій? Я надѣюсь, что вашъ-братъ, молодой офицеръ, найдетъ много себѣ развлеченій, если только захочетъ. Если бы вы спросили меня, чѣмъ я буду заниматься въ эти дни, я могъ бы вамъ отвѣтить положительно, что буду блюсти за вашими интересами; я буду постоянно здѣсь и день и ночь слѣдимъ за ними. Это моя обязанность, мистеръ Карстонъ, и вакаціи ли, судейскій ли терминъ, для меня безразлично все-равно. И если вамъ надо посовѣтоваться со мной касательно вашихъ дѣлъ, вы меня всегда найдете здѣсь къ вашимъ услугамъ. Другіе адвокаты выѣзжаютъ изъ города. Я не выѣзжаю, сэръ. Не то, чтобъ я осуждалъ ихъ за желаніе провести лѣто на дачѣ — нѣтъ, я только говорю: я не дѣлаю изъ города ни шагу. Эта конторка — ваша скала, сэръ.

Мистеръ Волисъ ударяетъ рукой по верхней доскѣ конторки и она издаетъ глухой, гробовой звукъ. Впрочемъ, на ухо мистера Ричарда Карстона этотъ звукъ производитъ успокоительное дѣйствіе и мистеръ Волисъ, надо думать, не сомнѣвается въ этомъ.

— Я совершенно-убѣжденъ, мистеръ Волисъ, говоритъ Ричардъ болѣе-дружескимъ и болѣе-веселымъ голосомъ: — что на свѣтѣ нѣтъ человѣка обязательнѣе васъ и что имѣть дѣло съ вами, значитъ имѣть дѣло съ такимъ человѣкомъ, который не требуетъ за собой присмотра. Но поставьте себя на мое мѣсто; вообразите себя въ этомъ аду, гдѣ все глубже и глубже погружаешься въ пропасть, гдѣ постоянно надѣешься и постоянно надежды лопаютъ одна за другой; гдѣ замѣчаешь, что съ каждымъ днемъ становишься хуже и хуже и что улучшенія нѣтъ ни въ чемъ — и тогда вы увидите все въ черномъ свѣтѣ, какъ иногда вижу я.

— Вы знаете, говоритъ мистеръ Волисъ: — что я, сэръ, никогда не подаю надеждъ. Я вамъ сказалъ съ перваго дня нашего знакомства: мистеръ Карстонъ, не ожидайте отъ меня надеждъ, въ-особенности въ такомъ дѣлѣ, гдѣ большая часть проторей и убытковъ должна быть покрыта капиталомъ, оспориваемымъ процесомъ, я бы поступилъ безчестно, еслибъ вздумалъ подавать надежды. Со стороны можно было бы заподозрить меня въ корыстолюбіи. Однакожь, если вы говорите, что нѣтъ никакой перемѣны къ-лучшему, то я не могу удержаться, чтобъ не опровергнуть васъ.

— Въ самомъ дѣлѣ? воскликнулъ Ричардъ радостно: — какъ же вы меня опровергнете?

— Мистеръ Карстонъ, вы опираетесь на...

— На скалу, какъ вы только-что сказали.

— Да̀, сэръ, точно такъ, говоритъ мистеръ Волисъ, ласково кивая головой и постукивая по верхней доскѣ конторки, которая издаетъ гробовой звукъ и какъ-будто говоритъ: пепелъ на пепелъ, прахъ на прахъ:— да-съ, мистеръ Карстонъ, на скалу, а это что-нибудь да значитъ. Вы дѣйствуете самостоятельно и не спутаны видами другихъ. И это что-нибудь да значитъ. Дѣло не дремлетъ; мы его шевелимъ, провѣтриваемъ, подталкиваемъ. И это, надѣюсь, что-нибудь да значитъ. Теперь процесъ Жарндиса не столько по дѣлу, сколько по имени — и это что-нибудь да значитъ. Никто не можетъ забросить его умышленно или по нерадѣнію—и это, разумѣется, что-нибудь да значитъ.

Ричардъ, вспыхиваетъ мгновенно и ударяетъ сжатымъ кулакомъ по верхней доскѣ конторки.

— Мистеръ Волисъ! говоритъ онъ, еслибъ тогда, какъ я впервые вступилъ подъ крышу мистера Жарндиса, нашелся человѣкъ, который захотѣлъ увѣрить меня, что мистеръ Джонъ Жарндисъ не то, чѣмъ онъ кажется, что мистеръ Джонъ Жарндисъ не лишенъ эгоистическихъ интересовъ, клянусь, я бы не нашелъ достаточно-рѣзкихъ выраженій, чтобъ заставить молчать клеветника; горячо бы заступился я за мистера Джона Жарндиса — такъ мало понималъ я свѣтъ, такъ плохо зналъ я людей, между-тѣмъ, какъ теперь я говорю вамъ прямо : мистеръ Джонъ Жарндисъ, въ моихъ глазахъ, есть истинная причина процеса; и всякое замедленіе по дѣлу, всякая непріятность по Оберканцеляріи заставляетъ меня болѣе-и-болѣе ненавидѣть этого человѣка и думать, что все это дѣло рукъ его.

— Нѣтъ, нѣтъ, сэръ, говоритъ мистеръ Волисъ:—не говорите этого. Мы всѣ должны вооружиться терпѣніемъ. Съ другой стороны, я не люблю злословить, сэръ; я никогда не злословлю, сэръ.

— Мистеръ Волисъ, отвѣчаетъ взбѣшенный кліентъ:—вы знаете такъ же хорошо, какъ и я, что онъ бы забросилъ процесъ, еслибъ только могъ.

— Онъ былъ недѣятеленъ, замѣчаетъ мистеръ Волисъ съ негодованіемъ: —да̀, онъ былъ недѣятеленъ. Но быть-можетъ, онъ имѣлъ дружелюбныя побужденія. Кто можетъ читать въ сердцѣ человѣческомъ, мистеръ Карстонъ?

— Вы можете, отвѣчаетъ Ричардъ.

— Я, мистеръ Карстонъ?

— Да̀, вы знаете, въ чемъ состояли его умыслы. Сталкивались наши интересы, или нѣтъ? Отвѣчайте мнѣ на этотъ вопросъ, говорилъ Ри-

чардъ, сопровождая слова свои тремя ударами кулака о *скалу* своихъ упованій.

— Мистеръ Карстонъ, отвѣчаетъ Волисъ, неподвижный ни на волосъ и немигающій своими жадными глазами: — я бы преступилъ свои обязанности, обязанности вашего стряпчаго и совѣтника по дѣлу, я бы измѣнилъ справедливости, еслибъ выставлялъ ваши интересы тождественными съ интересами мистера Жарндиса. Нѣтъ, они не тождественны, сэръ. Я не вдаюсь въ причины нетождественности. Я, мистеръ Карстонъ, имѣю отца, самъ отецъ, и не мое дѣло вдаваться въ причины; но я не могу отступить отъ моихъ официальныхъ обязанностей; не могу кривить передъ долгомъ, еслибъ даже прямота моя и могла посѣять семейный раздоръ. Я понимаю, что вы хотите знать мое мнѣніе, мнѣніе адвоката, и я вамъ говорю прямо, что ваши интересы нетождественны съ интересами мистера Жарндиса.

— О я это знаю навѣрное! вскричалъ Ричардъ: —и знаю, что вамъ это давно извѣстно.

— Мистеръ Карстонъ, отвѣчаетъ Волисъ: — я не имѣю привычки говорить о третьемъ лицѣ больше, чѣмъ нужно. Я хочу сохранить имя свое незапятнаннымъ также, какъ составить трудомъ неусыпнымъ тремъ дочерямъ моимъ, Эммѣ, Дженни и Каролинѣ, кусокъ насущнаго хлѣба. Также я стремлюсь къ тому, чтобъ не прерывать дружественныхъ отношеній съ своими юридическими собратами. Когда мистеръ Скимполь доставилъ мнѣ честь, сэръ—я не прибавляю эпитетовъ къ этому слову, я не говорю высокую честь, сэръ, потому-что не люблю вдаваться въ предѣлы лести — и познакомилъ меня съ вами: я вамъ говорилъ въ этой самой комнатѣ съ полной откровенностью, что дотолѣ не могу высказать вамъ своего мнѣнія, доколѣ будетъ руководить вами другой юридическій собратъ мой. И я говорилъ вамъ по долгу совѣсти, говорилъ такъ, какъ долженъ былъ говорить о конторѣ Кенджа и Корбая, столь высоко-стоящей въ общественномъ мнѣніи. Вы, сэръ, сочли лучшимъ довѣрить ваши интересы мнѣ. Вы отдали мнѣ ихъ руками, сэръ, и я принялъ ихъ руками. Ваше дѣло, сэръ, стоитъ теперь въ этой конторѣ на первомъ планѣ. Мои пищеварительныя отправленія, какъ вы, я думаю, не разъ отъ меня слыхали, находятся не въ исправности; покой, можетъ-быть, улучшилъ бы ихъ, но я, сэръ, не могу предаваться покою въ то время, пока на меня возложена обязанность защищать ваши права. Гдѣ бы я ни понадобился вамъ, вы всегда можете съискать меня здѣсь. Требуйте меня всюду и я всюду явлюсь. Время длинныхъ вакацій, сэръ, я посвящу на болѣе-глубокое изученіе вашихъ интересовъ и упрочу возможность повернуть все (не исключая

и лорда-канцлера) послѣ михайлова термина, и если я наконецъ поздравлю васъ, сэръ, говоритъ мистеръ Волисъ съ строгостью опредѣлительнаго субъекта:—если я наконецъ поздравлю васъ, сэръ, отъ всего моего сердца, съ достиженіемъ вашей цѣли — что̀, я могъ бы сказать вамъ точнѣе, только не люблю подавать надеждъ — вы не будете обязаны мнѣ ничѣмъ, кромѣ нѣкотораго маленькаго разсчета, не включая сюда того процента, который уступается обыкновенно кліентомъ въ пользу адвоката съ выиграннаго капитала. Я буду просить тогда васъ, мистеръ Карстонъ, не забыть ревностнаго и дѣятельнаго участія, которое я принималъ по вашему процесу; я не думаю о правильности и вѣрности веденія дѣла: это моя юридическая обязанность, сэръ. По окончаніи этого дѣла благополучно, все кончится между нами.

Волисъ, прибавляетъ въ родѣ nota bene къ этой деклараціи своихъ принциповъ, что такъ-какъ мистеръ Карстонъ изволитъ отправляться къ своему полку, то не благоугодно ли будетъ ему удостоить его преданнаго адвоката билетикомъ въ двадцать фунтовъ стерлинговъ на имя своего агента.

— Потому-что въ послѣднее время было нѣсколько консультацій по дѣлу и необходимыхъ справокъ, замѣчаетъ мистеръ Волисъ, переворачивая листы своей записной книги:—а эти вещи требуютъ довольно-значительныхъ расходовъ; я же далеко не капиталистъ. Когда мы только-что вступили въ настоящія наши отношенія, я сказалъ вамъ открыто: мой непреложный принципъ, чтобъ адвокатъ съ своимъ кліентомъ былъ совершенно-откровененъ; что я далеко не капиталистъ, и если капиталъ стряпчаго имѣетъ въ глазахъ вашихъ цѣну, то вамъ лучше оставить бумаги ваши въ конторѣ мистеровъ Кенджа и Корбая. Да̀, мистеръ Карстонъ, здѣсь, въ этой конторѣ, вы не найдете ни тѣхъ выгодъ, ни тѣхъ невыгодъ, которыя сообщаетъ капиталъ. Это (и мистеръ Волисъ ударяетъ еще разъ по верхней доскѣ своей конторки, издающей глухой звукъ) ваша скала — и только!

Молодой кліентъ, непріятное расположеніе духа котораго нечувствительно смѣнилось эѳемерными надеждами, беретъ перо и чернила и пишетъ обязательство въ двадцать фунтовъ стерлинговъ; не безъ нѣкотораго колебанія думаетъ онъ, какимъ числомъ закрѣпить свою бумажку—явный признакъ, что агентъ его подозрительнымъ глазомъ посмотритъ на эту рукопись. Во все это время мистеръ Волисъ, замкнутый и тѣломъ и духомъ, слѣдитъ за нимъ внимательно. Во все это время конторская кошка мистера Волиса сторожитъ мышь у половой щели.

Наконецъ кліентъ, пожимая руку мистеру Волису, умоляетъ его ради неба и земли употребить все свое стараніе къ благополучному

окончанію оберканцелярскаго процеса. Мистеръ Волисъ, субъектъ, неподающій никогда надеждъ, помѣщаетъ ладонь свою на плечо кліента и говоритъ съ улыбкой:

— Вѣчно здѣсь, сэръ, вѣчно за вашимъ дѣломъ. Лично, или чрезъ письмо ищите меня здѣсь, сэръ, плечомъ къ колесу.

Такъ разстаются они и Волисъ, оставшись одинъ, занимается выборкою нѣкоторыхъ мелочей изъ своей записной книги въ расходную книгу, въ пользу своихъ трехъ дочерей; и сидитъ онъ за своей работой, словно хитрая лисица, или медвѣдь, слѣдящій однимъ глазомъ за курами, или заблудившимся проѣзжимъ, а другимъ—дающій знать своимъ дѣтенышамъ о своихъ замыслахъ.

Впрочемъ, это говориться не съ тѣмъ, чтобъ обидѣть трехъ, сыролицыхъ, поджарыхъ, своекорыстныхъ красавицъ, обитающихъ подъ сѣнью дѣдушки въ смрадномъ домишкѣ, лежащемъ въ сыромъ саду въ Кеннингтонѣ.

Ричардъ, удаляясь изъ непроницаемой тѣни Саймондской Гостинницы въ свѣтъ Канцелярскаго Переулка (сегодня лучамъ солнца удалось разсѣять его мракъ), задумчиво идетъ подъ тѣнью деревьевъ Линкольнскаго Сквера. Дà, трепетная тѣнь отъ листьевъ этихъ деревьевъ часто падаетъ на понурыя головы, огрызенныя ногти, мрачный глазъ, неровную поступь, безцѣльный, сонный взглядъ, тягостную, вывороченную жизнь. Ричардъ еще несовсѣмъ-изношенъ Оберканцеляріей; но она, разумѣется, доноситъ его до послѣдней нитки; ничто не можетъ выйдти цѣлымъ изъ-подъ ея ежовыхъ сѣтей.

. . . .

. . . .

Пока Ричардъ идетъ грызя ногти и думая крѣпкую думу подъ тѣнью Линкольнскаго Сквера, двѣ пары глазъ, свойственныя извѣстнаго рода субъектамъ, не теряютъ его изъ виду. Владѣтели этихъ глазъ мистеръ Гуппи и мистеръ Вивль; опершись на довольно-низкую каменную балюстраду, толкуютъ они о жертвѣ Оберканцеляріи, а жертва проходитъ мимо ихъ, упорно смотря подъ ноги и не замѣчая своихъ критиковъ.

— Вильямъ Г. говоритъ мистеръ Вивль, поглаживая свои бакенбарды:—посмотри, братецъ, тутъ вѣдь есть самосгораніе, то-есть, понимаешь, не мгновенное, а, знаешь, этакое, медленное самосгораніе.

— Гм! говоритъ мистеръ Гуппи:—запутался бѣдняжка; чай по уши въ долгахъ. Я его мало знаю. Онъ всегда, изволишь видѣть, держалъ себя такъ высоко, какъ монументъ. Я радъ, что мы отъ него избавились... Такъ вотъ что Тонни, они все занимаются попрежнему...

И Мистеръ Гуппи перемѣняетъ положеніе рукъ, прислоняется опять къ каменной балюстрадѣ и вообще держитъ себя какъ человѣкъ, имѣющій начать очень-интересный разговоръ.

— Такъ они, сэръ, занимаются все попрежнему, вытаскиваютъ всякій хламъ изъ подвала, разбираютъ бумаги. Если они будутъ такъ копаться надъ этими дрязгами, то имъ потребуется по-крайнѣй-мѣрѣ лѣтъ семь.

— А Смоль пособляетъ имъ?

— Да онъ отъ насъ ушелъ. Онъ сказалъ Кенджу, что дѣла дѣдушки требуютъ его непремѣннаго присутствія; что дѣдушка очень-старъ и дряхлъ и тому подобное. Мы какъ-то съ нимъ нѣсколько поразладились. Я ему намекнулъ объ этомъ; онъ говоритъ, что мы съ тобой виноваты, и правъ, бестія: мы дѣйствительно съ тобой поступили тутъ несовсѣмъ-чисто. Дѣлать нечего, я опять съ нимъ сталъ на прежнюю ногу и такимъ-образомъ узналъ чѣмъ они занимаются.

— Ты туда не заглядывалъ?

— Тонни, говоритъ мистеръ Гуппи, нѣсколько озадаченный: — не скрывая отъ тебя ничего, скажу тебѣ прямо: меня небольно тянетъ къ этому проклятому дому, въ-особенности когда я одинъ; съ тобой вмѣстѣ — еще туда-сюда; вотъ потому-то я и предлагаю тебѣ сходить вмѣстѣ за твоими вещами. Слышишь, ужь часъ бьетъ? Тонни, продолжаетъ мистеръ Гуппи становясь таинственнымъ и нѣжно-краснорѣчивымъ: — необходимо, чтобъ я напечатлѣлъ въ твоемъ умѣ еще разъ, что обстоятельства, которыя выше моей власти, совершили грустныя перемѣны въ тѣхъ планахъ будущаго... Я ихъ нѣжно лелѣялъ въ сердцѣ моемъ и въ моихъ невозданномъ образѣ, о которомъ я говорилъ тебѣ какъ другу. Образъ этотъ исчезъ; идолъ нисшелъ съ своего престола. Единственное желаніе мое нынѣ состоитъ только въ томъ, чтобъ тотъ предметъ, на который съ помощью такого друга, какъ ты, я старался бросить лучи справедливости — покинуть, предать окончательному забвенію. Какъ ты думаешь, ты, который зналъ этотъ скрыттый капризный характеръ существа, подвергшагося мгновеннымъ *элементамъ*, я спрашиваю тебя: какъ ты думаешь, другъ мой Тонни, вѣрно ли предположеніе наше, что эти письма, которыя составляли цѣль нашихъ желаній, исчезли съ ними вмѣстѣ, или, быть-можетъ, они не подверглись тѣмъ же мгновеннымъ *элементамъ* и остались гдѣ-нибудь въ скрытомъ мѣстѣ?

Мистеръ Вивль размышляетъ нѣсколько минутъ, мотаетъ головой отрицательно и вполнѣ убѣжденъ, что предположеніе ихъ вѣрно.

— Тонни, говоритъ мистеръ Гуппи, идя по двору : — будь другомъ

и пойми меня правильно. Не входя въ мелкія подробности, я повторяю тебѣ, что идола ужь нѣтъ. Теперь единственная цѣль моя: все предать забвенію. Я на это рѣшился; къ этому побуждаютъ меня моя совѣсть, нисшедшій идолъ и обстоятельства, которыя выше моей власти. Вотъ какъ, если ты покажешь мнѣ знакомъ, мановеніемъ глаза, движеніемъ руки, что въ твоей комнатѣ находятся бумаги, сколько-нибудь похожія на тѣ письма, то клянусь тебѣ, сэръ, я ихъ тотчасъ брошу въ огонь, принимая всю отвѣтственность на себя.

Мистеръ Вивль киваетъ утвердительно головой. Мистеръ Гуппи, поднятый высоко въ своемъ собственномъ мнѣніи, тѣмъ полуюридическимъ, полуроманическимъ изложеніемъ дѣла передъ лицомъ своего друга (этотъ джентльменъ, какъ извѣстно, имѣетъ страсть выражаться въ формѣ допроса, или въ формѣ парламентской рѣчи) сопровождаетъ мистера Вивля съ особеннымъ достоинствомъ къ дому самосгорѣвшаго канцлера.

Тамъ небывалая суматоха. Каждое утро, въ восемь часовъ аккуратно, приносится дѣдушка Смольвидъ на новое пепелище; съ нимъ вмѣстѣ приносится и бабушка Смольвидъ въ-сопровожденіи Юдиѳи и Барта, и каждый день регулярно остаются они въ этой трущобѣ до девяти часовъ вечера, подкрѣпляя себя скудною пищею изъ сосѣдней мелочной лавчонки, копышатся, возятся, чистятъ, моютъ, вытаскиваютъ оставшіяся послѣ покойника сокровища, и держатъ все въ такомъ секретѣ, что весь дворъ, вѣчно-любознательный, начинаетъ сходить съ ума. Ему мерещатся чайники съ гинеями, пуншевыя вазы съ кронами, тюфяки и подушки, набитые банковыми билетами Англіи; и вотъ запасается онъ грошевою книжкою (съ ярко-нарисованнымъ фронтисписомъ), въ которой «съ достовѣрностью изображена исторія пресловутаго мистера Даніеля Денсера» и его любезной сестрицы, равно какъ и книжицей о мистерѣ Элизѣ, урожденцѣ Суффолька, и примѣриваетъ да прилаживаетъ всѣ эти достовѣрныя сказанія, почерпнутыя изъ книжицъ, къ мистеру Круку. Дважды призывается мусорщикъ и отвозитъ въ сборное мѣсто нечистотъ кучу старыхъ бумагъ, битыхъ бутылокъ и всякаго хлама, и съ любопытствомъ выбѣгаютъ надворные жители, суютъ носы въ каждую корзинку биткомъ-набитую всякими дрязгами и отходятъ назадъ, нанюхавшись пыли и не удовлетворивъ своего любопытства. Два джентльмена, неочень-чистые относительно обшлаговъ и пуговицъ, отложили въ сторону прожорливыя перышки и шолковую бумагу и шныряютъ взадъ и впередъ по сосѣдству отдѣльно, потому-что товарищество ихъ, за неимѣніемъ общихъ интересовъ, прекратилось. Гостинница Солнца не опускаетъ изъ виду примѣнить современныя событія къ вечернимъ гармо-

ническимъ миттингамъ. Маленькій Свильсъ, въ качествѣ таланта первой руки, съ громаднымъ успѣхомъ, какъ вдохновенный піита, пересыпаетъ свои домодѣльныя произведенія остроумнѣйшими замѣчаніями о наслѣдствѣ послѣ умершаго канцлера; даже сама миссъ М. Мельвильзонъ въ возобновленной каледонской мелодіи вытягиваетъ аріи о любви собакъ къ разнаго рода пойламъ (какой бы крѣпости они ни были) съ такими руладами, съ такимъ киваньемъ головы на сосѣднюю дверь, что всѣ аплодирующіе ей тотчасъ понимаютъ намёкъ на любовь мистера Смольвида удить деньгу и съ шумнымъ восторгомъ кричатъ: bis, bis, bis! Но тѣмъ не менѣе надворное народонаселеніе не подвигается ни на шагъ къ открытію тайнъ, о чемъ мистриссъ Перкинсъ и мистриссъ Пайперъ имѣютъ сообщить, не безъ нѣкоторыхъ nota bene, прежнему жильцу, появленіе котораго производитъ всеобщее удовольствіе, похожее нѣкоторымъ образомъ на насмѣшку.

Мистеръ Вивль и мистеръ Гуппи, предметы общаго вниманія всѣхъ жильцовъ, питающихъ къ нимъ высшую степень уваженія, стучатся у запертой двери покойнаго мистера Крука; дверь, противъ ожиданія всѣхъ жильцовъ, отпирается юридическимъ друзьямъ и это обстоятельство измѣняетъ уваженіе на дурное мнѣніе о такихъ высокихъ джентльменахъ.

Ставни дома почти всѣ притворены, а въ нижнемъ этажѣ такъ темно, что горятъ свѣчи. Молодой мистеръ Смольвидъ вводитъ друзей за прилавокъ; сначала они ничего не видятъ, кромѣ мрака и тѣней; но, по мѣрѣ расширенія своихъ зрачковъ, начинаютъ отличать мистера Смольвида-дѣдушку; онъ сидитъ въ своемъ креслѣ надъ ямою или, лучше сказать, надъ могилою, наполненною разными бумагами и тряпьемъ; въ этой могилѣ роется, какъ опытный могильщикъ, дѣвственная Юдиѳь; поодаль, на полу, сидитъ бабушка Смольвидъ, заваленная разнымъ хламомъ, разной макулатурой; повидимому она получила эти подарки отъ своего любезнаго супруга впродолженіе дня, доставляя ему случай швырять ими себѣ въ голову, цѣлыми пучками за-разъ. Все общество, не исключая и Смоля, покрыто слоемъ пыли и грязи и имѣетъ какой-то демонскій видъ. Въ комнатѣ больше хлама и дрязговъ, чѣмъ было прежде, и она кажется еще грязнѣе чѣмъ была; къ-тому же буквы, которыми исписаны стѣны покойникомъ, даютъ всему какой-то заколдованный характеръ.

При входѣ посѣтителей мистеръ Смольвидъ и нравственная Юдиѳь мгновенно скрещиваютъ на груди руки и прекращаютъ свои розыски.

— Ага! стонетъ почтенный старичокъ: — какъ ваше здоровье джентльмены? Пришли за вашими вещами, мистеръ Вивль? Очень-хо-

рошо, очень-хорошо, сэръ. Ха, ха, ха! Мы бы пожалуй ихъ продали, чтобъ выручить кой-что за квартиру; хорошо, что вы пришли въ срокъ. Надѣюсь, что вы здѣсь совершенно какъ дома. Очень-радъ, что вижу васъ, очень-радъ!

Мистеръ Вивль благодаритъ его и между-тѣмъ обращаетъ глаза направо и на-лѣво. Глазъ мистера Гуппи слѣдитъ за глазомъ мистера Вивля; глазъ мистера Вивля, принявъ прежнее направленіе, остается при прежней безсмысленности. Глазъ мистера Гуппи встрѣчается съ глазомъ мистера Смольвида; этотъ любезный джентльменъ все еще ворчитъ, какъ какой-нибудь инструментъ, которому приближается срокъ завода. —Какъ ваше здоровье, сэръ... какъ ваше здоровье... какъ ваше... какъ... и, сойдя наконецъ съ завода, впадаетъ въ шипящее молчаніе. Въ это время мистеръ Гуппи ошеломленъ присутствіемъ мистера Телькингорна. Знаменитый адвокатъ стоитъ передъ нимъ въ темномъ углу, заложивъ за спину руки.

— Мистеръ Телькингорнъ такъ добръ, что взялся быть моимъ адвокатомъ, говоритъ дѣдушка Смольвидъ: — разумѣется я не гожусь въ кліенты такого джентльмена, но онъ очень-добръ, очень-добръ.

Мистеръ Гуппи побуждаетъ легкимъ толчкомъ своего друга, осмотрѣть вокругъ еще разъ и отвѣшиваетъ мистеру Телькингорну очень-неловкій поклонъ. Знаменитый адвокатъ отвѣчаетъ ему легкимъ киваньемъ головы, стоитъ-себѣ по-прежнему, устремивъ на нихъ свой взоръ, какъ-будто ему только и дѣла, что любоваться такими зрѣлищами.

— Большое имущество, сэръ, я думаю? говоритъ мистеръ Гуппи дѣдушкѣ Смольвиду.

— По-большей-части все хламъ и тряпье, дорогой другъ мой! хламъ и тряпье! Я, Бартъ и внучка моя Юдиѳь рылись, рылись, чтобъ отъискать кой-что годное въ продажу — ни зги нѣтъ. Все хламъ, да дрянь, дрянь... дрянь!

Мистеръ Смольвидъ опять сошелъ съ завода. Глазъ мистера Вивля, побуждаемый глазомъ мистера Гуппи, опять пошелъ бродить направо и налѣво.

— Незачѣмъ намъ утруждать васъ, сэръ, говоритъ мистеръ Вивль: — позвольте намъ взойдти наверхъ.

— Куда угодно, дорогой сэръ, куда угодно. Здѣсь вы дома; располагайтесь какъ хотите.

Подымаясь на лѣстницу, мистеръ Гуппи вздергиваетъ вопросительно бровью и смотритъ на мистера Вивля. Тонни мотаетъ головой. Комната, обиталище любителя фешенэбльнаго круга, грязна и гадка; въ

изломанномъ каминѣ виднѣется и до-сихъ-поръ пепелъ и коксъ отъ того угля, который горѣлъ въ достопамятную ночь. У нихъ сильное отвращеніе ко всѣмъ предметамъ; они не иначе касаются чего-нибудь, какъ обметя предварительно съ него пыль, и говорятъ между собою только шопотомъ. Стараясь повозможности сократить свой визитъ, они укладываютъ поспѣшно небольшую движимость мистера Вивля.

— Посмотри-ка, говоритъ Тонни съ трепетомъ: — ползетъ эта проклятая кошка!

Мистеръ Гуппи отступаетъ за стулъ.

— Смоль говорилъ мнѣ о ней, отвѣчаетъ онъ на слова Вивля: — Въ *ту* ночь она металась какъ драконъ, выбѣжала на крышу и двѣ недѣли бродила чортъ-знаетъ гдѣ; потомъ голодъ ее пробралъ, спустилась сюда въ трубу — просто кости да кожа. Она, право, напоминаетъ мнѣ самого Крука... Брысь! проклятая!

Леди Женни, шипя и ворча небольно слушается повелѣній мистера Гуппи; но въ дверь входитъ мистеръ Телькингорнъ; она вырывается, какъ тигрица, изъ-подъ его ржавыхъ ногъ и, выгнувъ дугою хребетъ, мчится выше по лѣстницѣ, быть-можетъ, съ тѣмъ, чтобъ бродить по крышѣ и спуститься въ трубу.

— Мистеръ Гуппи, говоритъ мистеръ Телькингорнъ: — могу ли я перемолвить съ вами слова два?

Мистеръ Гуппи занимается укладкой блистательной галереи британскихъ красавицъ въ шляпную картонку, унижающую эти художественныя произведенія даровитой кисти.

— Сэръ, отвѣчаетъ онъ, покраснѣвъ: — я желаю быть совершенно вѣжливымъ передъ каждымъ членомъ юридической профессіи, въ-особенности передъ однимъ изъ нихъ, столь извѣстнымъ, столь знаменитымъ, какъ вы, сэръ; но вмѣстѣ съ тѣмъ я долженъ прибавить, мистеръ Телькингорнъ, что если вамъ, сэръ, угодно говорить со мной, то пусть этотъ разговоръ будетъ въ присутствіи моего друга.

— Въ-самомъ-дѣлѣ? говоритъ мистеръ Телькингорнъ.

— Да̀, сэръ, это мое желаніе.

— Извольте, извольте.

Мистеръ Телькингорнъ, такъ невозмутимъ, какъ камень очага, къ которому онъ тихо приблизился.

— Дѣло, о которомъ я хотѣлъ перемолвить съ вами, говоритъ знаменитый членъ юридической профессіи: — не такой, впрочемъ, важности, чтобъ могло заставить васъ прибѣгать къ условіямъ, мистеръ Гуппи.

Адвокатъ останавливается, чтобъ улыбнуться, и улыбка его, похожая на гримасу, такъ же ржава, какъ и его панталоны.

— Васъ можно поздравить, мистеръ Гуппи, продолжаетъ онъ: — вы счастливецъ, сэръ.

— Ничего, такъ-себѣ, мистеръ Телькингорнъ: — жаловаться не могу, сэръ.

— Жаловаться! Высокіе друзья, знакомство въ высшемъ кругу, свободный доступъ къ фешенэбльнымъ красавицамъ! Нѣтъ, мистеръ Гуппи, я знаю, что многіе въ Лондонѣ готовы были бы отдать свои уши за половину вашихъ правъ.

Мистеръ Гуппи самъ похожъ на человѣка, который готовъ отдать свои покраснѣвшія и все еще краснѣющія уши, чтобъ только избавиться отъ этого разговора, и въ замѣшательствѣ своемъ онъ отвѣчаетъ:

— Сэръ, если я исполняю долгъ мой, по назначенію Кенджа и Корбая, то друзья мои и мои знакомые не имѣютъ къ этому долгу никакого отношенія, точно также, какъ ни къ одному изъ членовъ юридической профессіи, не исключая и мистера Телькингорна. Я не считаю себя обязаннымъ прибавлять къ сказанному ни одного слова болѣе, и при всемъ моемъ уваженіи къ вамъ, не желая оскорбить васъ, повторяю, не желая оскорбить васъ...

— О, конечно!

— Больше я не могу произнести ни одной іоты.

— Прекрасно! говоритъ мистеръ Телькингорнъ, спокойно кивнувъ головою: — судя по этимъ портретамъ, вы принимаете, сэръ, живое участіе въ фешенэбельномъ кругу?

Этотъ вопросъ обращаетъ мистеръ Телькингорнъ къ удивленному Тонни, который долженъ сознаться въ своихъ нѣжныхъ слабостяхъ.

— Добродѣтель, которой лишены весьма-немногіе изъ Англичанъ... замѣчаетъ мистеръ Телькингорнъ.

Въ это время адвокатъ стоитъ спиною къ камину; но вотъ онъ поворачивается къ нему лицомъ, вставляетъ стекло въ свой глазъ и говоритъ:

— Кто это? А-а! леди Дедлокъ. Большое сходство, въ нѣкоторомъ родѣ. Не достаетъ только силы характера. Прощайте джентльмены, добраго дня!

По его уходѣ, вспотѣвшій мистеръ Гуппи спѣшитъ укладкою галереи британскихъ красавицъ въ унижающее ее хранилище и оканчиваетъ трудъ свой помѣщеніемъ наверхъ леди Дедлокъ.

— Тонни, говоритъ онъ своему остолбенѣвшему другу: — пожалуйста, уберемся отсюда поскорѣе.

— Уберемся, отвѣчаетъ Тонни.

— Напрасно буду я дольше скрывать отъ тебя, дорогой другъ мой, говоритъ мистеръ Гуппи: — что между мной и однимъ изъ членовъ этой лебедеподобной аристократіи, которую я держу здѣсь, въ картонкѣ, были близкія, тайныя отношенія. Могло прійдти время, когда бы я открылъ передъ тобою причины этихъ отношеній; но теперь это время не прійдетъ. Моя клятва, нисшедшій идолъ и обстоятельства, которыя выше моей власти, заставляютъ все предать забвенію. Я заклинаю тебя, какъ друга, тѣмъ интересомъ, который ты принимаешь въ фешонэбельномъ кругу, и тѣми успѣхами, въ которыхъ я бы могъ тебѣ споспѣшествовать на фешонэбльномъ поприщѣ, не подымать погребальнаго савана съ этой тайны ни единымъ вопросомъ!

Пока мистеръ Гуппи изливается въ этомъ паѳосѣ, мистеръ Вивль выражаетъ полное удивленіе, всклокоченными волосами всей головы и даже благовоспитанныхъ бакенбардъ своихъ.

ГЛАВА XL.

Дѣла общественныя и частныя.

Англія была нѣсколько недѣль въ страшномъ положеніи. Лордъ Кудль хотѣлъ оставить Парламентъ, сэръ Томасъ Дудль не принималъ портфёля, и такъ-какъ во всей Великобританіи нѣтъ достойныхъ людей, кромѣ Кудля и Дудля, то министерство падало. Къ-счастію для Англіи, враждебная встрѣча, казавшаяся одно время неизбѣжной между сими великими людьми, кончилась ничѣмъ; а еслибъ пуля одного изъ нихъ положила на мѣстѣ другаго, или, еслибъ Кудль и Дудль пали жертвами взаимной мести, то бѣдному государству пришлось бы ждать правленія до-тѣхъ-поръ, пока маленькій Кудль и маленькій Дудль, бѣгающіе теперь въ курткахъ и длинныхъ чулкахъ, не сдѣлались бы взрослыми людьми. Впрочемъ, это огромное національное несчастіе было отвращено самимъ лордомъ Кудлемъ. Сей достославный мужъ успѣлъ открыть своевременно, что если въ жару парламентскихъ преній онъ и говорилъ съ презрѣніемъ и негодованіемъ о безславномъ поприщѣ сэра Томаса Дудля, то этимъ онъ хотѣлъ только выразить, что, несмотря на все различіе оффиціальныхъ мнѣній, ничто въ мірѣ не принудитъ его не воздать наитеплѣйшаго удивленія этому государственному сановнику; съ своей стороны, сэръ Томасъ Дудль сознавался, что въ глубинѣ души своей онъ всегда почитаетъ лорда Кудля зерцаломъ добродѣтели и чести для потомства.

Но все-таки Англія была впродолженіе нѣсколькихъ недѣль на рубежѣ погибели; она, какъ прекрасно выражался сэръ Лейстеръ Дедлокъ, уподоблялась ладьѣ, лишенной кормчаго во время бури. Всего удивительнѣе, однакожь, что сама Англія и ухомъ не вела въ этотъ критическій для нея періодъ; она попрежнему ѣла, попрежнему пира, женилась, выходила замужъ, точь-въ-точь какъ старый свѣтъ передъ потопомъ.

Но Кудль зналъ опасность, Дудль въ ней не сомнѣвался, и всѣ приверженцы ихъ партіи, всѣ ихъ наперстники и кліенты трепетали въ ожиданіи скорого паденія государства. Наконецъ сэръ Томасъ Дудль не только согласился принять портфёль, но вступилъ въ парламентъ торжественно, влача, кромѣ своей дражайшей для отечества особы, и всѣхъ своихъ братцевъ, племянниковъ, шуриновъ и свояковъ. И снова горизонтъ надъ Англіей озарился надеждой.

Дудль счелъ обязанностью разсыпаться и разсѣяться по Англіи преимущественно въ формѣ совериновъ и пива. Въ этой метаморфозѣ онъ сдѣлался полезенъ не только въ нѣсколькихъ мѣстахъ вдругъ, но почти на всей территоріи государства. И вотъ Британія занимается усердно набиваніемъ кармановъ Дудлемъ въ видѣ совериновъ, глотаніемъ Дудля въ видѣ пива и ложнымъ увѣреніемъ, для спасенія національной славы и гордости — что она не дѣлаетъ ни того ни другаго. Такимъ-образомъ внезапно кончается лондонскій сезонъ, потому-что всѣ Дудли и Кудли разсыпались по лицу Британіи для поддержанія жителей въ ихъ нравственныхъ упражненіяхъ.

Поэтому-то мистриссъ Раунсвель, управительница Чизни-Вольда, не получая еще никакихъ инструкцій, предвидитъ ясно, что надо ожидать въ скоромъ времени знаменитую фамилію Дедлоковъ, увеличенную длиннымъ хвостомъ братцевъ, сестрицъ и вообще джентльменовъ, могущихъ, какимъ бы то ни было образомъ споспѣшествовать британской конституціи. И вотъ, схвативъ Время за волосы, тащитъ его почтенная старушка по корридорамъ и галереямъ, по будуарамъ и заламъ, по лѣстницамъ и террасамъ, чтобъ оно успѣло налощить паркетъ, положить ковры, выколотить тяжелые занавѣсы, протереть зеркала и окна, постлать и нагрѣть постели, приготовить пріемныя и кухни, и всему дать такой видъ, который бы соотвѣтствовалъ высокомѣрному достоинству Дедлоковъ.

Сегодня вечеромъ, на закатѣ солнца, кончились приготовленія мистриссъ Раунсвель. Пустынно и торжественно смотритъ зáмокъ; въ немъ столько помѣщенія и ни одного жильца; висятъ только одни фа-

мильные портреты по длиннымъ стѣнамъ парадныхъ залъ. Такъ жили и такъ умерли они, какъ живу и умру я, можетъ сказать любой Дедлокъ, проходя по галереямъ зáмка и смотря на своихъ прадѣдовъ и прабабушекъ; такъ видѣли они эти корридоры спокойные и одинокіе, какъ вижу ихъ теперь я; такъ думали они, какъ думаю теперь я, о томъ ущербѣ, который смерть ихъ нанесетъ отечеству; такъ находили они, какъ теперь нахожу я, невозможнымъ повѣрить, чтобъ свѣтъ могъ обойдтися безъ нихъ; такъ ушли они изъ этого міра, какъ ухожу я отъ нихъ, запирая наглухо дверь; такъ не оставили они по себѣ никакого слѣда, какъ не оставляю я никакого слѣда на паркетѣ, и такъ умерли они, какъ умру я.

Сквозь блистающія рамы, незакрытыя ставнями, проливается кругомъ яркій свѣтъ. Зáмокъ, отражающій лучи заходящаго солнца, горитъ серебромъ и золотомъ и не похожъ ужь болѣе на сѣрую массу дикаго камня. При такомъ яркомъ свѣтѣ оттаиваютъ замерзлые на стѣнахъ Дедлоки, черты ихъ намалеванныхъ лицъ приходятъ въ странное движеніе подъ трепетною тѣнью древесныхъ листьевъ. Строгій судья, помѣщенный въ углу, начинаетъ судорожно мигать. Подбородокъ и щеки пучеглазаго Бармонета, вооруженнаго жезломъ, покрываются нѣжными ямочками. На грудь камнесердой пастушки падаетъ согрѣвающій лучъ солнца, вокругъ головы волюміневой прапращуры (поднятой на высокихъ каблукахъ) ложится лучезарное сіяніе. Статсдама двора Карла-Втораго, одаренная круглыми глазами (и вообще округленными прелестями) словно купается въ золотистой влагѣ.

Но съ закатомъ солнца свѣтъ замѣняется темнотою. Потускли полы, тѣни медленно подымаются по стѣнамъ и, какъ Время и Смерть, обращаютъ Дедлоковъ во мракъ ничтожества. Теперь на портретъ миледи, поставленный надъ большимъ каминомъ, падаетъ густая тѣнь отъ какого-то стараго, сучковатаго дерева; словно тяжелая рука держитъ надъ ея головою тяжелый покровъ, ожидая удобной минуты закрыть ее: и блѣдна и трепетна становится миледи подъ этою тѣнью.

Выше-и-выше подымаются по стѣнамъ мрачныя сумерки; вотъ еще виднѣются красноватыя пятна свѣта на потолкѣ; вотъ наконецъ и совершенная темь.

Весь ландшафтъ, который такъ близкимъ казался съ террасы, удалился назадъ и измѣнился, какъ измѣняется все прекрасное, все близкое, въ неясный призракъ. Кой-гдѣ ползутъ легкіе туманы, падаетъ роса и благоуханіе садовъ отягощаетъ воздухъ. Вотъ сливаются лѣса въ сплошныя темныя массы, словно въ одно громадныхъ размѣровъ дерево. Вотъ встаетъ мѣсяцъ, отдѣляетъ въ этихъ массахъ деревья,

одно отъ другаго, сверкаетъ тамъ и сямъ блѣдными горизонтальными линіями и обращаетъ аллеи и просѣки въ свѣтлыя галереи, прикрытыя фантастическимъ сводомъ.

Вотъ мѣсяцъ поднялся высоко и огромный зāмокъ, ожидающій жильцовъ, похожъ на тѣло безъ жизни. Теперь, пробираясь по корридорамъ, только со страхомъ можно думать о тѣхъ живыхъ существахъ, которымъ приходится спать въ этихъ уединенныхъ спальняхъ; а о мертвыхъ, которые ужь сыпāли въ нихъ во времена давно-прошедшія, и врагу не посовѣтуешь задуматься. Теперь время тѣней; каждый уголъ кажется мрачной пещерой, каждая ступень внизъ — пропастью; теперь цвѣтныя стекла блѣднымъ и полинялымъ цвѣтомъ отражаются на вощеномъ полу; всякій образъ, всякую фигуру можетъ создать воображеніе изъ тяжелыхъ лѣстничныхъ балокъ, кромѣ ихъ собственной; оружіе на стѣнахъ блеститъ какимъ-то страннымъ сверканьемъ, которое скорѣе похоже на украдчивое движеніе; теперь закрытые забралами шлемы съ ужасомъ заставляютъ думать, что въ нихъ скрыты человѣческія головы. Но изъ всѣхъ тѣней въ Чизни-Вольдѣ, тѣнь надъ портретомъ миледи, въ длинной парадной залѣ, появляется первая и исчезаетъ послѣдняя; въ этотъ часъ и при этомъ лунномъ освѣщеніи она имѣетъ видъ двухъ грозящихъ рукъ, поднятыхъ надъ прекрасной головкой и готовыхъ поразить блистательную красавицу при каждомъ трепетѣ ея сердца.

— Она нездорова, сударыня, говоритъ грумъ въ пріемной комнатѣ мистриссъ Раунсвель.

— Миледи больна! Что съ ней?

— Онѣ, сударыня, дурно себя чувствовали и въ послѣдній разъ бывши здѣсь, то-есть не тогда, когда изволили быть всесемейно, а когда миледи пріѣзжали однѣ. Миледи въ тотъ разъ мало выходили изъ дома и, противъ обыкновенія, все сидѣли въ своей комнатѣ.

— Чизни-Вольдъ, Томасъ, прибавляетъ снисходительно управительница зāмка: — возстановитъ здоровье миледи. Здѣсь такой чистый, такой благотворный воздухъ.

Томасъ, быть-можетъ, имѣетъ свое собственное мнѣніе касательно этого предмета, но онъ выражаетъ его только потираніемъ головы съ затылка къ вискамъ, и удаляется въ людскую, чтобъ угоститься холоднымъ пастетомъ и элемъ.

Этотъ грумъ еще только плотва передъ цѣлымъ стадомъ акулъ.

На слѣдующій вечеръ являются сэръ Лейстеръ и миледи съ огромною свитой и за ними тянутся всѣ братцы, кузены и проч. по всѣмъ

румбамъ компаса. Съ этого времени впродолженіе нѣсколькихъ недѣль, шныряютъ взадъ и впередъ таинственные люди безъ имени и прозвища, и разсѣеваются по тѣмъ частямъ государства, гдѣ Дудль разлился золотоносными и хмѣльнымъ ливнемъ; собственно говоря, это народъ безпокойнаго характера и нигдѣ ничего недѣлающій.

При такихъ общественныхъ дѣлахъ сэръ Лейстеръ съ пользою употребляетъ своихъ кузеновъ. Въ-самомъ-дѣлѣ, что̀ можетъ быть лучше достопочтеннаго Боба Стебльза? Кто съумѣетъ занять во время обѣда любителей охоты за пушнымъ звѣремъ такъ ловко, какъ займетъ онъ? Могутъ ли быть на свѣтѣ джентльмены лучше кузеновъ, умѣющихъ заѣхать въ избирательныя собранія, въ общинные совѣты, повертѣться тамъ-и-сямъ и выказать себя на сторонѣ Англіи? Волюмнія, правду сказать, значительно ужь поотцвѣла; но она хорошаго происхожденія и многіе, даже очень-многіе высоко цѣнятъ ея игривую рѣчь, ея французскія остроты, которыя такъ ужь стары, что опять кажутся новинками. Ей принадлежитъ честь идти къ обѣду, опираясь на руку Дедлока, и даже привилегія пройдтись въ первой парѣ. При такихъ общественныхъ обстоятельствахъ танцовать, значитъ сдѣлать услугу отечеству и Волюмнія прыгаетъ, сколько можетъ,. въ пользу неблагодарной, невознаграждающей пенсіями отчизны.

Миледи мало заботится о многочисленныхъ гостяхъ; она все еще дурно себя чувствуетъ и потому поздно выходитъ изъ своей комнаты. Но при всѣхъ наводящихъ тоску обѣдахъ, при всѣхъ тяжелыхъ завтракахъ, плачевныхъ балахъ и другихъ скучныхъ сборищахъ, появленіе ея приноситъ радость.

Сэръ Лейстеръ считаетъ глубоко-невозможнымъ, чтобъ тотъ, кто имѣетъ счастіе быть допущенъ подъ покровительствующую кровлю Чизни-Вольда, могъ нуждаться въ какомъ бы то ни было отношеніи, и подъ вліяніемъ совершеннѣйшаго самодовольствія, движется онъ, посреди гостей, какъ какой-нибудь великолѣпный холодильникъ.

Ежедневно рыщутъ кузены по пыли и по газонамъ, заѣзжаютъ въ избирательныя собранія, въ городскіе совѣты, въ балаганы, гдѣ собираются податели голосовъ (въ кожаныхъ перчаткахъ и съ арапниками въ рукахъ, если ѣдутъ въ графства, и въ замшевыхъ перчаткахъ и съ хлыстиками въ рукахъ, если ѣдутъ въ мѣстечки) и ежедневно привозятъ назадъ подробные рапорты, надъ которыми въ послѣобѣденные часы трудится краснорѣчіе сэра Лейстера. Ежедневно Волюмнія имѣетъ съ сэромъ Лейстеромъ небольшой родственный разговоръ касательно состоянія націи, дающій сэру Лейстеру поводъ предполагать, что Волюмнія болѣе-мысляща женщина, чѣмъ онъ о ней прежде думалъ.

— Какъ наши дѣла? говоритъ Волюмнія, скрестивъ руки: — безопасны ли мы?

Великое дѣло выборовъ приходитъ теперь къ концу и Дудль скоро прекратитъ разсыпанье и разливанье своей особы по алчущей Англіи. Сэръ Лейстеръ только-что входитъ въ длинную парадную залу послѣ обѣда, словно торжественная звѣзда, окруженная облаками кузеновъ.

— Волюмнія, отвѣчаетъ сэръ Лейстеръ (у него въ рукахъ газета): — мы идемъ довольно-сносно.

— Только сносно!

Хотя на дворѣ лѣто, но въ собственномъ каминѣ сэра Лейстера разведенъ огонь. Онъ садится къ камину въ свое кресло, защищенное экраномъ, и повторяетъ съ большою твердостью: — Волюмнія, мы идемъ довольно-сносно; въ словахъ его замѣтна примѣсь нѣкотораго неудовольствія, какъ-будто бы онъ хотѣлъ сказать: — смотрите на меня, я человѣкъ необыкновенный, и потому если я говорю «довольно-сносно», то этому слову нельзя приписывать его обыкновенное значеніе.

— Во всякомъ случаѣ в-а-м-ъ нѣтъ оппозиціи? говоритъ Волюмнія съ самоувѣренностью.

— Нѣтъ, Волюмнія. Это несчастное государство, къ моему прискорбію, потеряло разсудокъ во многихъ отношеніяхъ, однакожь оно...

— Не до такой степени безумно. Слава Богу, я этому очень-рада!

Послѣднія слова Волюмніи реставрируютъ ее снова въ милостяхъ сэра Лейстера.

Баронетъ внимательнымъ наклоніемъ головы отвѣчаетъ на ея умозрѣніе и въ этомъ нѣмомъ отвѣтѣ такъ и видно слѣдующее мнѣніе: «Мыслящая женщина, хотя иногда и скора».

По правдѣ, замѣчаніе блистательнаго Дедлока, касательно вопроса объ оппозиціи, совершенно-излишне: сэръ Лейстеръ, при настоящихъ обстоятельствахъ, смотритъ на свое кандидатство какъ на огромный оптовый заказъ, требующій быстраго исполненія; что жь касается до двухъ другихъ незначительныхъ мѣстъ, которыя принадлежатъ ему въ Парламентѣ, то ихъ считаетъ онъ мелочной торговлей, посылаетъ туда двухъ джентльменовъ и, указывая на нихъ своимъ прикащикамъ, говоритъ: — вы будете такъ добры, состряпаете изъ присланнаго мною матеріала двухъ членовъ Парламента.

— Къ-сожалѣнію, я долженъ вамъ сказать, Волюмнія, что во многихъ мѣстахъ народъ оказывалъ дурное направленіе духа, и что оппозиція министерству выражалась недостойно и неумѣренно.

— Бе-зд-ѣль-ни-ки! говоритъ Волюмнія.

— Даже, продолжаетъ сэръ Лейстеръ, бросая взглядъ на кузеновъ, возлежащихъ вокругъ него по софамъ и оттоманамъ: — даже во многихъ, вѣрнѣе сказать, въ бо̀льшей части тѣхъ мѣстъ, въ которыхъ министерство имѣло свою партію...

(Примѣчаніе въ скобкахъ. Кудли и кудлисты своя партія; Дудли и дудлисты — своя).

— Даже и въ тѣхъ мѣстахъ... мнѣ, какъ англичанину, тяжело это говорить—партія восторжествовала не иначе, какъ вслѣдствіе громадныхъ расходовъ. Сотни тысячъ, говоритъ сэръ Лейстеръ, озирая кузеновъ съ возрастающимъ достоинствомъ и съ возрастающимъ негодованіемъ: — сотни тысячъ фунтовъ стерлинговъ!

Если у Волюмніи былъ недостатокъ, такъ только одинъ — наивность. Наивность, собственно говоря, очень-идетъ къ кудрявой головкѣ, къ коротенькому платьицу, панталончикамъ и передничку; но какъ-то не клеится съ накладной косой, румянами и розовымъ ожерельемъ. Какъ бы то ни было, только подъ вліяніемъ этой наивности Волюмнія спрашиваетъ нѣжно:

— Зачѣмъ такія суммы?

— Волюмнія! замѣчаетъ сэръ Лейстеръ, съ совершенной серьёзностью: — Волюмнія!..

— Нѣтъ, нѣтъ, я не то хотѣла сказать, вскрикиваетъ Волюмнія съ своимъ любимымъ маленькимъ визгомъ: — какъ я глупа! я хотѣла сказать: какъ жалко, что такія суммы!

— Я очень-радъ, отвѣчаетъ сэръ Лейстеръ: — что вы объ этомъ жалѣете, Волюмнія.

Волюмнія спѣшитъ выразить свое мнѣніе, что дерзновенные должны быть причислены къ измѣнникамъ и партія на зло имъ должна восторжествовать.

— Я очень-радъ, Волюмнія, повторяетъ сэръ Лейстеръ, не обращая вниманія на ея поспѣшное выраженіе личныхъ мнѣній: — я очень-радъ, что вы хотѣли сказать: «какъ жалко». Да̀, это очень-жалко, это позоръ избирателямъ. Что̀ жь касается до вашего неумѣстнаго и необдуманнаго вопроса, Волюмнія: «зачѣмъ?» я вамъ отвѣчу на него: «на необходимые расходы». И я увѣренъ въ вашемъ здравомъ смыслѣ, Волюмнія, что вы не рѣшитесь больше развивать этого вопроса ни здѣсь и нигдѣ.

Сэръ Лейстеръ считаетъ истиннымъ долгомъ взглянуть въ заключеніе на Волюмнію уничтожающимъ взглядомъ, потому-что ходитъ молва будто-бы эти необходимые расходы очень-похожи на подкупъ по-край-

ней-мѣрѣ двухъ сотенъ избирателей; притомъ же нѣкоторые безжалостные остряки дали по этому поводу совѣтъ исключить изъ заздравныхъ пѣснопѣній Верхнюю Палату Парламента, замѣнивъ ее пѣснопѣніемъ о шести-стахъ-пятидесяти-восьми джентельменахъ весьма-слабаго здоровья.

— Я предполагаю, говоритъ Волюмнія, выждавъ нѣсколько минутъ послѣ своего наказанія: — я предполагаю, мистеръ Телькингорнъ совсѣмъ заработался.

— Я не знаю, отвѣчаетъ сэръ Лейстеръ, выпучивъ глаза: — я не знаю почему мистеръ Телькингорнъ можетъ заработаться. Я не знаю, какую онъ несетъ обязанность. Надѣюсь, по-крайней-мѣрѣ, что онъ не кандидатъ.

Волюмнія думаетъ, что, можетъ-быть, онъ занятъ по случаю выборовъ. Сэръ Лейстеръ хотѣлъ бы знать, кѣмъ и для какой цѣли онъ занятъ? Волюмнія, конфузясь, предполагаетъ, что онъ занятъ кѣмъ-нибудь для... для... нѣкоторыхъ дѣлъ... совѣтовъ... Сэръ Лейстеръ не думаетъ, чтобъ кто-нибудь изъ кліентовъ мистера Телькингорна нуждался въ пособіи адвоката.

Леди Дедлокъ сидитъ у открытаго окна, опершись рукою на бархатную подушку, и смотритъ на тѣни, ложащіяся вдоль парка, не обращая ни малѣйшаго вниманія на политическій разговоръ Волюмніи съ сэромъ Лейстеромъ. Но какъ только произнесли имя Телькингорна, миледи начинаетъ прислушиваться.

Вялый кузенъ, украшенный усами, сидя въ совершенномъ изнеможеніи на оттоманѣ, замѣчаетъ, картавя, что ему говогхили вчегха, будтобъ мистегхъ Телькигогхнъ уѣхалъ куда-то на желѣзные заводы, чтобъ подать свое законное мнѣніе о какомъ-то пгхедметѣ и что было бы очень-забавно, еслибъ сегодня, по окончаніи выбогховъ, мистегхъ Телькигогхнъ явился бы къ нимъ и пгхивезъ новости о низложеніи Кудля.

Напудренный Меркурій, подавая кофе, считаетъ, вслѣдствіе рѣчи истощеннаго кузена, своимъ долгомъ доложитъ сэру Лейстеру, что мистеръ Телькингорнъ въ Чизни-Вольдѣ и теперь кушаетъ. Миледи на мгновеніе ока поворачиваетъ голову отъ окна, но потомъ опять приходитъ въ свое первоначальное положеніе.

Волюмнія въ восторгѣ, что ея любимецъ здѣсь. Онъ такое оригинальное, такое всезнающее и ни о чемъ неговорящее созданье, что она считаетъ его истиннымъ масономъ. Она вполнѣ убѣждена, что онъ глава масонской ложи, носитъ коротенькіе фартучки и почитается всеобщимъ идоломъ; эти замѣчанія, воодушевляютъ прелестную Волюмнію

до такой степени, что она не въ-состояніи долѣе заниматься вязаньемъ кошелька.

— Онъ еще ни разу не пріѣзжалъ сюда съ-тѣхъ-поръ, какъ я здѣсь, прибавляетъ Волюмнія: — я просто терзалась холодностью этого вѣроломнаго созданія; наконецъ я начала думать, что его нѣтъ на этомъ свѣтѣ.

Быть-можетъ возрастающій сумракъ вечера облекаетъ лицо миледи какою-то тѣнью; только оно очень-мрачно, какъ-будто въ ней гнѣздится мысль: «я желала бы, чтобъ его въ-самомъ-дѣлѣ не было на этомъ свѣтѣ».

— Мистеръ Телькингорнъ, говоритъ сэръ Лейстеръ: — всегда принятъ здѣсь радушно; онъ молчаливъ вездѣ, гдѣ бы ни былъ. Это человѣкъ достойный и достойно-уважаемый.

Тощій кузенъ предполагаетъ, что онъ «чегхтовски богатъ.»

— Да̀; въ немъ нуждаются, говоритъ сэръ Лейстеръ: — платятъ ему, безъ-сомнѣнія, хорошо и онъ принятъ почти какъ равный въ самомъ высшемъ кругу...

Всѣ вскакиваютъ, потому-что, какъ разъ подъ окномъ раздался выстрѣлъ.

— Боже мой! что это такое? вскрикиваетъ Волюмнія съ своимъ любимымъ маленькимъ визгомъ.

— Должно-быть убили крысу, говоритъ миледи.

Входитъ мистеръ Телькингорнъ въ-сопровожденіи меркуріевъ съ лампами и свѣчами.

— Нѣтъ, нѣтъ, говоритъ сэръ Лейстеръ: — я не думаю. Вы не любите сумерекъ, миледи?

Напротивъ, миледи очень любитъ сумерки.

— А вы Волюмнія?

Оказывается, что для Волюмніи нѣтъ ничего восхитительнѣе, какъ сидѣть и разговаривать въ потьмахъ.

— Возьмите, въ такомъ случаѣ, огонь прочь, говоритъ сэръ Лейстеръ: — извините, Телькингорнъ. Какъ ваше здоровье?

Мистеръ Телькингорнъ подходитъ своимъ обыкновеннымъ тихимъ шагомъ, надѣется, что миледи здорова, пожимаетъ руку сэру Лейстеру и садится на указанный ему стулъ, по другую сторону маленькаго пюпитра, употребляемаго баронетомъ при чтеніи газетъ. Сэръ Лейстеръ думаетъ, что миледи можетъ простудиться, сидя у открытаго окна. Миледи очень-благодарна за его вниманіе, но она не боится простуды и любитъ дышать свѣжимъ воздухомъ. Сэръ Лейстеръ

встаетъ, плотнѣе закутываетъ шейку миледи въ шарфъ и опять возвращается на свое мѣсто. Пользуясь этимъ временемъ, мистеръ Телькингорнъ беретъ щепотку табаку.

— Ну, говоритъ сэръ Лейстеръ: — какъ шли выборы?

— О, очень, очень-вяло! Никакого шанса. Они поставили на-своемъ. Вы совершенно разбиты. Три противъ одного.

Въ этомъ состоитъ нѣкоторая часть политики и искусства мистера Телькингорна; онъ не имѣетъ никакого политическаго мнѣнія, то-есть ровно никакого, и не принадлежитъ никакой партіи; поэтому-то онъ и говоритъ: *вы* разбиты, а не *мы*.

Сэръ Лейстеръ величественно-гнѣвенъ. Волюминія никогда не слыхивала подобныхъ вещей.

— Вы знаете, это то мѣсто, говоритъ мистеръ Телькингорнъ, когда опять всѣ смолкли: — на которое они прочили сына мистриссъ Раунсвель.

— Мѣсто, отъ котораго, какъ вы мнѣ тогда очень-правильно сказали, говоритъ сэръ Лейстеръ:—онъ имѣлъ достаточно такту и здраваго смысла отказаться. Я ни въ какомъ случаѣ не похвалю образа мыслей мистера Раунсвеля, образа мыслей, который онъ высказалъ здѣсь, бывъ не болѣе получаса времени; но отдамъ справедливость, что въ отказѣ его видѣнъ здравый смыслъ.

— Га! говоритъ мистеръ Телькингорнъ: — однакожь это не помѣшало ему быть очень-дѣятельнымъ на выборахъ.

Слышно, ка̀къ спирается въ груди дыханіе сэра Лейстера, ка̀къ онъ поспѣшно глотаетъ воздухъ и говоритъ задыхающимся голосомъ:

— Ясно ли я понимаю васъ, Телькингорнъ? хотите ли вы сказать, что мистеръ Раунсвель былъ дѣятеленъ при настоящихъ выборахъ?

— Необыкновенно-дѣятеленъ.

— Противъ?...

— О, разумѣется, противъ васъ. Онъ хорошо говоритъ; простъ но увлекателенъ. Онъ производилъ потрясающій эффектъ и имѣлъ большое вліяніе. Относительно дѣловой части, онъ всѣхъ увлекъ за своимъ мнѣніемъ.

Все общество чувствуетъ, хотя и не можетъ видѣть за темнотою, какъ величественно и гнѣвно таращитъ глаза сэръ Лейстеръ Дедлокъ.

— И его сильно поддерживалъ, продолжаетъ мистеръ Телькингорнъ, въ видѣ окончательнаго удара: — его сынъ...

— Его сынъ, сэръ? повторяетъ сэръ Лейстеръ, съ боязливою вѣжливостью.

— Да̀ его сынъ, сэръ Лейстеръ.

— Его сынъ, который хотѣлъ жениться на молоденькой дѣвочкѣ, горничной миледи?

— Тотъ самый, сэръ. У мистера Раунсвеля только одинъ сынъ.

— Въ такомъ случаѣ клянусь честью, говоритъ сэръ Лейстеръ, послѣ страшной паузы, впродолженіе которой слышно было сильное хрипѣніе въ его груди: — въ такомъ случаѣ, клянусь честью, клянусь жизнью, клянусь моими правилами и репутаціей, общественные шлюзы открыты и воды... гм.. воды прорвались въ тѣ предѣлы, въ тѣ связи приличій, которыми держится все на землѣ.

Общій взрывъ негодованія всѣхъ родственниковъ.

Волюмнія думаетъ, что теперь настало время... понимаете, такого рода, что кто-нибудь, облеченный министерскою властью, сдѣлалъ бы что-нибудь. Вялый кузенъ замѣчаетъ, что отечество скачетъ на почтовыхъ къ чогхту.

— Прошу, говоритъ сэръ Лейстеръ, все еще задыхающимся голосомъ:— не дѣлать на этотъ случай никакихъ болѣе замѣчаній. Комментаріи излишни. Миледи, позвольте мнѣ замѣтить вамъ, касательно этой молодой дѣвочки...

— Я не имѣю намѣренія, говоритъ миледи, глядя въ окно, и хотя тихо, но рѣшительно: — отпустить ее отъ себя.

— Не въ томъ дѣло, отвѣчаетъ сэръ Лейстеръ: — я очень-радъ, что вы не имѣете этого намѣренія; я хотѣлъ только замѣтить, что если вы ее считаете достойною своего покровительства, то употребите все ваше вліяніе, чтобъ спасти ее отъ этихъ коварныхъ рукъ. Укажите ей, какимъ насиліямъ могутъ подвергнуться ея принципы и сберегите ее для болѣе-достойнаго человѣка. Внушите ей, что она можетъ сыскать себѣ мужа, здѣсь въ Чизни-Вольдѣ, который не рѣшится — сэръ Лейстеръ придумываетъ выраженіе и наконецъ продолжаетъ... совратить ее съ правилъ ея предковъ.

Эти замѣчанія сэръ Лейстеръ высказываетъ съ неизмѣнною вѣжливостью и совершеннымъ почтеніемъ, съ которыми всегда обращается къ миледи. Она только слегка киваетъ головой въ знакъ отвѣта.

Мѣсяцъ всталъ высоко и холоднымъ, блѣднымъ лучомъ своимъ освѣтилъ головку леди Дедлокъ.

— Достойно замѣчанія, говоритъ мистеръ Телькингорнъ: — что этотъ народъ даже очень-надмененъ.

— Надмененъ? сэръ Лейстеръ не вѣритъ ушамъ своимъ.

— Меня не удивитъ, если они, то-есть женихъ и всѣ, откажутся

отъ этой дѣвочки; но я не знаю согласится ли отказаться она, даже живя при такихъ счастливыхъ условіяхъ, въ Чизни-Вольдѣ.

— Ну-съ... говоритъ сэръ Лейстеръ дрожащимъ голосомъ: — ну-съ, продолжайте. Вамъ это лучше извѣстно: вы знаете этотъ классъ народа.

— Дѣйствительно, сэръ Лейстеръ, отвѣчаетъ адвокатъ: — я говорю только о томъ, что̀ знаю. Я могу разсказать одну исторію, если только позволитъ миледи.

Миледи наклоняетъ, въ знакъ согласія, голову; Волюмнія въ восторгѣ. Ахъ, исторію! Наконецъ-то онъ, что-нибудь разскажетъ! и вѣрно страшную исторію о какихъ-нибудь привидѣніяхъ, говоритъ Волюмнія.

— Нѣтъ; о плоти и крови. Мистеръ Телькингорнъ останавливается на минуту и потомъ повторяетъ нѣсколько болѣе противъ обыкновеннаго выразительнымъ голосомъ:—увѣряю васъ, миссъ Дедлокъ, только о плоти и крови. Подробности этой исторіи сэръ Лейстеръ, я узналъ недавно; онѣ коротки и могутъ служить подтвержденіемъ тому, что̀ я сказалъ. Я скрою имена дѣйствующихъ лицъ; надѣюсь, леди Дедлокъ, не сочтетъ меня невѣжливымъ.

При слабомъ мерцаніи огня въ каминѣ видно, что мистеръ Телькингорнъ смотритъ на мѣсяцъ; при блѣдныхъ лучахъ мѣсяца видно, что леди Дедлокъ сидитъ спокойно.

— Землякъ мистера Раунсвеля человѣкъ точно такихъ же правилъ и понятій, имѣлъ, какъ мнѣ сказывали, дочь, которая была такъ счастлива, что обратила на себя вниманіе знаменитой леди; я говорю о знаменитой леди въ настоящемъ смыслѣ этого слова, то-есть не только знаменитой въ его глазахъ, но и знаменитой по замужству своему съ человѣкомъ вашихъ достоинствъ, сэръ Лейстеръ.

Сэръ Лейстеръ, говоритъ снисходительно:

— Понимаю, мистеръ Телькингорнъ.

Въ этихъ словахъ слышится, что сэръ Лейстеръ вполнѣ понимаетъ, что такая знаменитая леди должна казаться въ глазахъ какого-нибудь желѣзозаводчика сверхъестественно-знаменитой.

— Леди была богата и прекрасна, любила эту дѣвочку, осыпа̀ла ее милостями и держала при себѣ. Но леди, при всей своей знаменитости имѣла тайну, которую хранила нѣсколько лѣтъ. Дѣло въ томъ, что въ молодости своей она была помолвлена съ однимъ повѣсой: онъ служилъ въ арміи капитаномъ и приносилъ несчастіе всему, что̀ къ нему прикасалось. Бракъ не состоялся, но она родила ребенка, котораго онъ былъ отцомъ.

При слабомъ мерцаніи огня въ каминѣ видно, что мистеръ Телькингорнъ смотритъ на мѣсяцъ; при блѣдныхъ лучахъ мѣсяца видно, что леди Дедлокъ сидитъ спокойно.

— Когда капитанъ умеръ, леди считала тайну свою недоступной; но стеченіе обстоятельствъ, о которомъ нечего упоминать, открыло эту исторію. Какъ я слышалъ, причиной къ этому была ея неосторожность; это показываетъ, какъ трудно людямъ самаго твердаго характера (я долженъ замѣтить, она была очень-тверда) имѣть всегда надъ собою власть. Открытіе этой тайны повлекло за собою, какъ вы понимаете, семейныя непріятности и раздоръ. Я предоставляю, сэръ Лейстеръ, судить вамъ объ оскорбленіи мужа. Но не въ томъ дѣло. Когда открытіе этой тайны дошло до слуха земляка мистера Раунсвеля, то онъ на милости знаменитой леди смотрѣлъ какъ на позоръ своей дочери, и вырвалъ ее изъ знаменитаго дома, какъ изъ самаго преступнаго и презрѣннаго мѣста; онъ не понималъ нисколько той чести, которую дѣлаютъ ему и его дочери ласки знаменитой фамиліи — вотъ какъ они надменны, сэръ. Исторія моя этимъ кончается. Надѣюсь, леди Дедлокъ извинитъ мнѣ ея грустное направленіе.

Со всѣхъ сторонъ поднялись различныя мнѣнія, болѣе или менѣе сходныя съ мнѣніемъ Волюмніи. Эта юная дѣвственница никакъ не можетъ допустить существованіе подобной леди и считаетъ всю исторію вымысломъ. Большинство придерживается мнѣнія вялаго кузена, которое коротко и выражается въ слѣдующемъ афоризмѣ:

— «Чогхтъ съ нимъ, съ этимъ землякомъ, мистегха Гхаунсвеля». Сэръ Лейстеръ все это относитъ къ пагубному вліянію Ват-Тэйлора и чертитъ въ головѣ свой планъ, сообразно съ этимъ мнѣніемъ.

Впрочемъ, всѣ выражаютъ очень-мало желанія разговаривать, потому-что съ началомъ *необходимыхъ расходовъ* кой-гдѣ, поздно по вечерамъ сидѣли въ Чизни-Вольдѣ, и это первый вечеръ, что семейство одно, безъ посѣтителей. Ужь десять часовъ пробило, когда сэръ Лейстеръ проситъ мистера Телькингорна позвонить и велѣть подать свѣчи.

Мѣсяцъ покрылся облакомъ. Миледи первый разъ движется, встаетъ съ своего стула и подходитъ къ столу за водой.

Мигающіе при свѣтѣ лампъ кузены спѣшатъ исполнить ея желаніе. Миссъ Волюмнія, всегда готовая взять, если что-нибудь предлагаютъ, беретъ также стаканъ воды и удовлетворяется однимъ глоткомъ.

Леди Дедлокъ, величественная, изящная, самовластная, поражающая собою всѣхъ, проходитъ длинную перспективу мимо этой нимфы, которую окончательно уничтожаетъ сравненіемъ съ собою.

ГЛАВА XLI.

Комната мистера Телькингорна.

Мистеръ Телькингорнъ входитъ въ свою комнату, устроенную въ бельведерѣ. Онъ слегка запыхался, входя по высокой лѣстницѣ, хотя и шелъ довольно-тихо. Въ лицѣ его можно подмѣтить, едва только подмѣтить, что онъ какъ-будто собой доволенъ, какъ-будто свалилъ какую-то гору съ плечъ своихъ. Сказать о человѣкѣ такъ отчетливо, такъ строго скрытномъ, что онъ торжествовалъ, это будетъ также несправедливо, какъ предположить, что онъ взволнованъ любовью, или какимъ бы то ни было чувствомъ, или вообще какой-нибудь романической слабостью. Довольно сказать, что въ немъ можно подмѣтить нѣкоторое самодовольствіе. Быть-можетъ, въ немъ есть сознаніе власти, быть-можетъ она выражается въ его походкѣ, когда, ухвативъ одну изъ мускулистыхъ рукъ своихъ другою, закладываетъ онъ ихъ обѣ себѣ за спину и безъ малѣйшаго шума прохаживается взадъ и впередъ.

Въ комнатѣ стоитъ огромный письменный столъ; на немъ много лежитъ бумагъ. Лампа горитъ подъ зеленымъ колпакомъ; очки мистера Телькингорна лежатъ на столѣ; спокойныя кресла придвинуты, и видно, что онъ хочетъ часъ-другой заняться бумагами передъ отходомъ ко сну. Только не видать въ адвокатѣ дѣловаго настроенія. Бросивъ взглядъ на документы, ожидающіе его вниманія — причемъ онъ низко нагнулся къ столу, потому-что вечеромъ плохо могъ читать печатное и писанное — старикъ отворилъ оконную дверь и вышелъ на свинцовую крышу. По ней прогуливается онъ тихо взадъ и впередъ и съ удовольствіемъ вспоминаетъ—если только такой холодной человѣкъ, какъ онъ, можетъ имѣть удовольствіе — объ исторіи, которую только-что разсказывалъ внизу.

Было время, когда люди, столько знающіе, сколько знаетъ мистеръ Телькингорнъ, входили на крыши башенъ, чтобъ прочесть въ звѣздахъ исторію своей судьбы; мильйоны звѣздъ покрываютъ и теперь небо; только блескъ ихъ блѣденъ при сіяніи мѣсяца. Если Телькингорнъ, прогуливаясь такъ методично взадъ и впередъ, ищетъ своей звѣзды, то эта звѣзда должна быть очень-тусклымъ пятнышкомъ, иначе она не имѣла бы такого ржаваго представителя на землѣ. Если онъ хочетъ прочесть свою судьбу, то, можетъ-быть, она начерчена ближе къ глазамъ его и другимъ почеркомъ.

Шагая по крышѣ, онъ внезапно останавливается противъ окна и видитъ въ немъ пару постороннихъ глазъ. Потолокъ въ его комнатѣ

низокъ и верхняя часть двери, противоположной окну, стеклянная; окно прикрывается ставнемъ, обитымъ байкой; но мистеръ Телькингорнъ не закрылъ ставня, потому-что, ночь тепла. Глаза, остановившіе его вниманіе, смотрятъ сквозь стекло двери при входѣ въ бельведеръ. Мистеръ Телькингорнъ знаетъ ихъ твердо. Давно ужь кровь не подступала такъ близко и такъ сильно къ его щекамъ, какъ въ эту минуту, когда онъ узналъ передъ собою леди Дедлокъ.

Онъ входитъ въ комнату и леди Дедлокъ идетъ ему на встрѣчу, запирая за собою обѣ двери. Въ глазахъ ея дикое безпокойство: что̀ это, страхъ или гнѣвъ? Поступь ея тверда, манеры ея точно тѣ же, какія были нѣсколько часовъ назадъ въ парадной залѣ.

Что̀ это: страхъ или гнѣвъ? — трудно рѣшить. И то и другое можетъ покрыть блѣдностью прекрасное лицо.

— Леди Дедлокъ?

Она молча садится въ кресло, придвинутое къ столу, и пристально смотритъ на адвоката.

— Зачѣмъ вы публично разсказали мою исторію? говоритъ она.

— Мнѣ было необходимо, леди Дедлокъ, дать вамъ почувствовать, что исторія ваша мнѣ извѣстна.

— Давно ли вы ее узнали?

— Я подозрѣвалъ ее давно, но узналъ недавно.

— Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ?

— Нѣсколько дней.

Онъ стоитъ передъ ней, опираясь одною рукой о спинку стула, другую заложивъ въ карманъ своей старомодной жилетки, точь-въ-точь какъ онъ не разъ стаивалъ передъ ней со дня ея замужества. Та же форменная вѣжливость, то же натянутое уваженіе, весьма, впрочемъ, похожее и на насмѣшку, то же самое непроницаемое, холодное существо и на такомъ же почтительномъ отдаленіи, которое ничѣмъ не можетъ сократиться.

— Слова ваши касательно бѣдной дѣвушки вѣрны?

Онъ слегка наклоняетъ и подаетъ впередъ голову, какъ-бы желая показать, что неясно понимаетъ вопросъ.

— Вы помните, что̀ вы разсказывали. Справедливо это или нѣтъ? Ея друзья знаютъ также мою исторію? Говорятъ объ этомъ въ городѣ? Исписаны ею стѣны и кричатъ о ней на всѣхъ перекресткахъ?

Такъ! Гнѣвъ и страхъ и стыдъ! Они борятся между собою. Какая непостижимая сила воли у этой женщины! какой смѣлой рукою удерживаетъ она власть надъ этими страстями! Такъ думаетъ мистеръ Тель-

кингорнъ, стоя передъ нею, и только на-волосъ насупивъ брови больше противъ обыкновеннаго, выдерживаетъ онъ ея взглядъ.

— Нѣтъ, леди Дедлокъ, это была только ипотеза, потому-что, сэръ Лейстеръ съ такою высокою надменностью смотритъ на этотъ классъ людей. Но эта ипотеза осуществится, если только они узнаютъ, что мы съ вами знаемъ.

— Слѣдовательно, они еще не знаютъ?

— Не знаютъ.

— Могу ли я спасти отъ позора бѣдную дѣвочку?

— На это, леди Дедлокъ, отвѣчаетъ мистеръ Телькингорнъ: — я не могу произнести рѣшительнаго мнѣнія.

И побуждаемый непреоборимымъ интересомъ, слѣдитъ онъ за ея внутренней борьбой и думаетъ:

«Власть и сила этой женщины поразительны!»

— Сэръ, говоритъ она и со всею энергіею старается сжать губы, чтобъ говорить внятно: — я скажу вамъ проще. Я не опровергаю вашей ипотезы. Я не только допускаю ее, но и вѣрю въ ея справедливость точно также, какъ вѣрите вы, потому-что я видѣла и поняла мистера Раунсвеля. Я знаю, что еслибъ онъ могъ узнать мою жизнь, то счелъ бы молодую дѣвушку опозоренной за то только, что она, безъ всякаго желанія съ своей стороны, обратила на себя мое покровительство. Но я люблю ее или, лучше сказать — потому-что я больше ужь не принадлежу этимъ мѣстамъ — я любила ее; и если вы способны оказать вниманіе женщинѣ, лежащей у вашихъ ногъ, и не забудете ея просьбы, то она навсегда запомнитъ ваши милости.

Мистеръ Телькингорнъ, внимательный въ высшей степени, пожимаетъ плечами съ нѣкотораго рода самоуниженіемъ и насупливаетъ брови еще нѣсколько-больше.

— Вы приготовили меня къ огласкѣ и я вамъ за это благодарна. Чего вы хотите еще отъ меня? Нѣтъ ли еще чего-нибудь, что̀ я должна исполнить? Быть-можетъ, для успокоенія моего мужа, я должна подтвердить истину вашихъ словъ? Продиктуйте мнѣ и я все напишу, что̀ вамъ угодно.

«И она въ-самомъ-дѣлѣ напишетъ!» думаетъ адвокатъ, слѣдя за движеніемъ ея руки, твердо-взявшей перо.

— Я не намѣренъ утруждать васъ, леди Дедлокъ. Прошу васъ, успокойтесь.

— Я давно ожидала этого дня, какъ вы знаете, и не желаю ни сама щадить себя, ни быть пощаженной. Вы не можете сдѣлать для

меня хуже того, что̀ вы ужь сдѣлали. Говорите же, что̀ теперь остается?

— Леди Дедлокъ, ничего не остается больше. Я попрошу у васъ позволенья сказать вамъ нѣсколько словъ, когда вы перестанете говорить.

Казалось бы, имъ нѣчего слѣдить другъ за другомъ, но они пристально смотрятъ одинъ на другаго, а звѣзды смотрятъ на нихъ сквозь открытое окно. При блѣдномъ сіяніи мѣсяца виднѣются невозмутимые лѣса, огромный домъ и послѣднее жилище людей на землѣ — кладбище... кладбище! Гдѣ же въ эту безмятежную ночь могильщики съ ихъ заступами? они бы обогатили мистера Телькингорна еще одной последней тайной, въ добавокъ ко всѣмъ его тайнамъ. Родился ли его могильщикъ? выкованъ ли ему заступъ? — странные вопросы, когда подумаешь о нихъ; а, можетъ, и еще страннѣе, когда не будешь о нихъ думать при такой звѣздной и лѣтней ночи.

— О раскаяніи, объ угрызеніи совѣсти, вообще о чемъ-либо подобномъ, говоритъ теперь леди Дедлокъ: — я не скажу вамъ ни слова. Еслибъ я и не была нѣма въ этомъ отношеніи, вы были бы глухи. Оставимъ это: это не для вашихъ ушей.

Онъ хотѣлъ-было протестовать, но она презрительнымъ мановеніемъ руки заставила его молчать.

— Я пришла, сюда, говорить съ вами о другихъ, ближе-подходящихъ къ вамъ предметахъ. Вы должны знать, что брильянты мои цѣлы; ихъ могутъ отъискать въ моемъ будуарѣ; точно также цѣлы всѣ мои богатыя платья, всѣ находящіяся у меня цѣнныя вещи. Я взяла съ собою нѣсколько денегъ — замѣтьте, однакожь, очень-немного. Чтобъ не возбудить подозрѣній, я въ чужомъ платьѣ и ухожу отсюда навсегда. Вотъ что̀ я хотѣла вамъ сказать. Доведите слова мои до свѣдѣнія того, кому слѣдуетъ.

— Извините меня, леди Дедлокъ, говоритъ мистеръ Телькингорнъ, съ полнымъ спокойствіемъ: — я несовершенно-ясно понимаю васъ. Вы уходите?...

— Навсегда. Я оставляю Чизни-Волдъ сегодня ночью, сейчасъ.

Мистеръ Телькингорнъ качаетъ головой. Миледи встаетъ; но онъ не отводитъ даже и руки отъ стула, не вынимаетъ руки изъ кармана своего старомоднаго жилета, а только качаетъ головой.

— Ка̀къ, мнѣ не уходить отсюда?

— Не уходить, леди Дедлокъ.

— Знаете ли, какое облегченіе Чизни-Вольду принесетъ мое бѣг-

ство? Забыли вы о томъ пятнѣ и позорѣ, который лежитъ на этомъ замкѣ? и гдѣ этотъ позоръ и что̀ этотъ позоръ?

— Нѣтъ, леди Дедлокъ, я не забылъ.

Не удостоивъ его больше ни однимъ словомъ, она идетъ къ двери и ужь готова отворить ее, какъ мистеръ Телькингорнъ останавливаетъ ее; онъ говоритъ неподвижно, не пошевеливъ ни ногою, ни рукою, ни даже не возвысилъ своего голоса.

— Леди Дедлокъ, будьте такъ добры, остановитесь и выслушайте меня; въ противномъ случаѣ, прежде чѣмъ вы дойдете до лѣстницы, я позвоню во всѣ колокольчики дома и тогда долженъ буду разсказать все, что̀ мы съ вами знаемъ, въ присутствіи всѣхъ гостей и всей прислуги.

Онъ побѣдилъ ее. Она колеблется, дрожитъ и въ волненіи прикладываетъ руку къ своей головѣ — слабые признаки для всякаго другаго, но для испытаннаго глаза мистера Телькингорна они достаточны; онъ понимаетъ ихъ.

Онъ тотчасъ же послѣ этого говоритъ:

— Будьте такъ добры, выслушайте меня, леди Дедлокъ.

И указываетъ ей на стулъ, съ котораго только-что она встала. Она медлитъ, но онъ указываетъ ей снова и она садится.

— Отношенія наши, леди Дедлокъ, несчастны, но, не считая себя причиною этого несчастія, я не прошу у васъ прощенья. Положеніе мое относительно сэра Лейстера вамъ такъ-хорошо извѣстно, что вы давно знаете, ка̀къ я всегда искалъ случая открыть эту тайну.

— Сэръ, отвѣчаетъ она, не сводя глазъ съ пола, на которомъ теперь сосредоточено ея вниманіе: — лучше было бы, еслибъ я ушла. Вы удержали меня напрасно. Мнѣ болѣе нѐчего сказать вамъ.

— Простите меня, леди Дедлокъ, если я заставлю васъ выслушать еще нѣсколько словъ.

— Я буду слушать васъ у окна: здѣсь мнѣ душно.

Въ пронырливомъ взглядѣ адвоката можно было прочесть минутное опасеніе при движеніи миледи къ окну; ему показалось, что она питаетъ въ душѣ намѣреніе броситься внизъ и, пораженная выступными карнизами стѣны, бездыханная, упадетъ на террасу; но это опасеніе было мгновенно; наблюденія надъ ея холоднымъ лицомъ, этимъ прямымъ, смѣлымъ взоромъ, съ какимъ она смотрѣла не внизъ, а на звѣзды, успокоиваютъ адвоката.

— Леди Дедлокъ, говоритъ онъ, сто̀я два шага позади ея: — до-сихъ-поръ я еще и самъ не рѣшился, какой принять образъ дѣйствій; до-сихъ-поръ я еще не обдумалъ положительно, ка̀къ я долженъ идти

впередъ, а потому, пока я прошу васъ держать исторію вашу въ такой же тайнѣ, въ какой вы держали ее до-сихъ-поръ, и не удивляться, что и я буду на этотъ счетъ совершенно—нѣмъ.

Онъ замолчалъ, выжидая отвѣта; но отвѣта не было.

— Извините меня, леди Дедлокъ, но это весьма-важное обстоятельство. Удостоиваете ли вы меня вашимъ вниманіемъ?

— Я васъ слушаю.

— Благодарю васъ. Я, разумѣется, въ этомъ не сомнѣваюсь, зная необычайную силу вашего характера, и потому вопросъ этотъ могъ бы быть лишнимъ съ моей стороны. Но я люблю, или, лучше сказать, имѣю привычку знать навѣрное дорогу, по которой иду. Главное вниманіе мое въ этомъ несчастномъ дѣлѣ обращаетъ на себя сэръ Лейстеръ.

— Такъ зачѣмъ же, говоритъ она задыхающимся голосомъ и не отводя мрачнаго взора отъ отдаленныхъ звѣздъ : — вы удерживаете меня въ этомъ домѣ?

— Потому-что все мое вниманіе обращаетъ на себя о-н-ъ. Леди Дедлокъ, мнѣ нѣтъ надобности говорить вамъ, что сэръ Лейстеръ надменный человѣкъ, что его довѣріе къ вамъ высоко и что онъ легче повѣритъ паденію съ неба этого мѣсяца, чѣмъ вашему паденію, какъ его жены.

Дыханіе спирается въ ея груди; она дышетъ тяжело и прерывисто, но стоитъ такъ же гордо, такъ же непреклонно, какъ онъ тысячу разъ видывалъ ее посреди блестящаго общества.

— Я говорю вамъ, леди Дедлокъ, что считаю болѣе-возможнымъ собственными руками вырвать съ корнемъ любое дерево изъ этой земли, чѣмъ поколебать довѣріе сэра Лейстера къ вамъ, или разрушить союзъ, васъ соединяющій. Даже теперь, имѣя противъ васъ такія ясныя улики, я все-таки не рѣшаюсь открыть ему глаза; я не боюсь, что онъ не повѣритъ, нѣтъ, это и для него невозможно, но потому, что ничто не можетъ его приготовить къ этому удару и онъ его не перенесетъ.

— Ни даже мой побѣгъ? отвѣчаетъ она : — подумайте объ этомъ.

— Побѣгъ вашъ, леди Дедлокъ, откроетъ всю истину, тысячу разъ откроетъ и всѣмъ и каждому, и тогда спасти честь фамиліи отъ позора будетъ, разумѣется, невозможнымъ, хотя даже на одинъ день.

Въ отвѣтѣ его слышна твердая рѣшительность, недопускающая никакого возраженія.

— Если я говорю, что сэръ Лейстеръ обращаетъ на себя все мое вниманіе, то подъ его именемъ разумѣю я и честь всей фамиліи Дед-

локовъ. Сэръ Лейстеръ и баронство; сэръ Лейстеръ и Чизни-Вольдъ; сэръ Лейстеръ и его предки (мистеръ Телькингорнъ очень-сухъ при этомъ перечнѣ) какъ вамъ извѣстно, леди Дедлокъ, это одно и то же.

— Продолжайте.

— Потому-то, продолжаетъ мистеръ Телькингорнъ, своимъ обыкновеннымъ голосомъ: — мнѣ надо долго и серьёзно подумать. Если возможно, то исторія ваша должна быть скрыта отъ свѣта; но кàкъ она можетъ быть скрыта, если сэръ Лейстеръ лишится разсудка, или будетъ лежать на смертномъ одрѣ, если завтра утромъ я нанесу ему этотъ ударъ? Кàкъ объяснить передъ обществомъ мгновенную въ немъ перемѣну? Чтò привело его въ такое положеніе? Чтò посѣяло между вами раздоръ? Эти вопросы, леди Дедлокъ, подымутъ дѣйствительно крики на всѣхъ перекресткахъ, прибьютъ афиши на всѣхъ стѣнахъ улицъ, и вы не должны забывать, миледи, что эта молва будетъ поражать не одну васъ (васъ я не имѣю здѣсь въ виду), но вашего мужа, леди Дедлокъ, вашего мужа.

Онъ все болѣе-и-болѣе становится откровеннымъ, но ни на волосъ не возвышаетъ своего голоса.

— Съ другой стороны, продолжаетъ онъ: — сэръ Лейстеръ любитъ васъ до безумія, и онъ будетъ не въ-состояніи преодолѣть это безуміе и тогда, когда узнаетъ то, чтó *мы* съ вами знаемъ. Я беру, разумѣется, крайность, только это такъ; а если это такъ, то лучше, можетъ-быть, чтобъ онъ ничего не зналъ. Лучше вообще, лучше для него, лучше для меня. Всѣ эти обстоятельства я долженъ сообразить, и потому въ сію-минуту очень-трудно на что-нибудь окончательно рѣшиться.

Она стоитъ безмолвно и смотритъ на тѣ же звѣзды, а звѣзды меркнутъ и, кажется, будто ихъ блѣдность заставляетъ блѣднѣть и миледи.

— Теперь, говоритъ мистеръ Телькингорнъ: — я долженъ руководствоваться обстоятельствами. И пока прошу васъ хранить все въ тайнѣ, и я то же буду дѣлать съ моей стороны.

— То-есть я должна влачить мою жизнь и ожидать пытки со дня на день, по вашему приказанію? говоритъ она, все еще смотря на небо.

— Дà, я боюсь, что это такъ, леди Дедлокъ.

— Вы считаете необходимымъ приковать меня къ позорному столбу?

— Я увѣренъ въ необходимости того, чтò вамъ предлагаю.

— И я должна еще быть на этой блистательной сценѣ, на которой играла такъ долго? и подмостки подо мною должны рухнуть по вашему мановенію? говоритъ она медленно.

— Не безъ предувѣдомленія васъ, леди Дедлокъ. Я не сдѣлаю ни шага, не сообщивъ объ этомъ предварительно вамъ.

Она предлагаетъ ему вопросы точно такъ, какъ-будто бы говорила во снѣ, или твердила наизустъ урокъ.

— Мы должны встрѣчаться попрежнему?

— Попрежнему, если вы позволите.

— И я должна скрывать мой позоръ, какъ скрывала его такъ долго?

— Какъ скрывали его—да̀. Я бы самъ не коснулся этого предмета, леди Дедлокъ; но теперь позвольте замѣтить вамъ, что эта тайна не должна вамъ казаться въ настоящее время тягостнѣе. Она не была ни лучше, ни хуже, чѣмъ теперь. Конечно, она теперь стала мнѣ извѣстна; но я думаю, мы никогда не довѣрялись одинъ другому.

Нѣсколько минутъ простояла она въ молчаливой задумчивости и потомъ спросила:

— Больше ничего вы не имѣете мнѣ сказать теперь?

— Я хотѣлъ бы знать, леди Дедлокъ, согласны ли вы со мною и оправдываете ли вы мои поступки, говоритъ методически мистеръ Телькингорнъ, медленно потирая себѣ руки.

— Можете знать.

— Хорошо. Теперь я, какъ дѣловой человѣкъ, только бы желалъ, чтобъ вы дали слово въ случаѣ, если это обстоятельство откроется сэру Лейстеру, подтвердить, что въ моемъ разговорѣ съ вами я единственно старался о томъ, чтобъ сохранить его честь, его репутацію, его званіе; я бы желалъ то же самое исполнить и относительно васъ, леди Дедлокъ, но—увы! это невозможно.

— Я буду свидѣтельствовать о вашей преданности, сэръ.

Передъ этимъ отвѣтомъ и послѣ него она стоитъ задумчиво нѣсколько секундъ, потомъ поворачивается къ двери и идетъ тѣмъ же надменнымъ, тѣмъ же величественнымъ шагомъ, какъ и всегда. Мистеръ Телькингорнъ отворяетъ предъ ней обѣ двери точно такъ же, какъ сдѣлалъ бы это вчера, или какъ сдѣлалъ бы это десять лѣтъ назадъ, и отвѣшиваетъ ей свой старомодный, глубокій поклонъ; но несовсѣмъ-обыкновенный взглядъ бросаетъ на него прелестная головка, скрываясь въ темнотѣ, и несовсѣмъ-обыкновенно (хотя различіе было и ускользающее) принимаетъ законникъ этотъ взглядъ. Оставшись наединѣ, онъ обдумываетъ, что женщина была не подъ вліяніемъ своего обыденнаго принужденія.

Вѣрнѣе могъ бы понять онъ внутреннюю борьбу этой женщины, еслибъ видѣлъ, какъ металась она по своей комнатѣ съ закинутыми

назадъ волосами, ломая руки; вѣрнѣе бы понялъ онъ, еслибъ видѣлъ ка̀къ эта женщина безъ усталости, несмотря на позднее время ночи, ходила взадъ и впередъ по Террасѣ Привидѣній, сопутствуемая роковыми шагами.

Но адвокатъ, по ея уходѣ, закрылъ окно, задернулъ занавѣсъ, легъ на постель и заснулъ. И когда померкли звѣзды и блѣдный день заглянулъ въ комнату бельведера, старое лицо соннаго адвоката какъ-будто вызывало могильщиковъ и ихъ заступы.

Тотъ же блѣдный день, заглянувъ въ собственную спальню сэра Лейстера, видитъ ка̀къ знаменитый баронетъ прощаетъ кающееся отечество въ величественно-снисходительномъ снѣ; такъ же видитъ онъ, какъ во снѣ вступаютъ кузены въ различныя офиціальныя должности, главная обязанность которыхъ состоитъ единственно въ полученіи жалованья; ка̀къ дѣвственная Волюмнія предлагаетъ свою руку и приданое въ пятьдесятъ тысячъ фунтовъ стерлинговъ старому, отвратительному генералу, ротъ котораго полонъ фальшивыхъ зубовъ, ка̀къ фортепьянныхъ косточекъ, но генералъ заслуживаетъ удивленіе всего Бата и страхъ многихъ обществъ; заглядываетъ блѣдный день также и въ чердаки и свѣтелки, на дворы и конюшни, гдѣ спитъ незадорное самолюбіе въ дворницкихъ конурахъ и бредитъ о блаженствѣ, неразлучномъ съ волей и прихотью.

Всходитъ солнце и сдергиваетъ за собою весь покровъ ночи, весь бредъ и сладкія мечты; будитъ дремлющій листъ и цвѣтокъ; будитъ животныхъ бродящихъ, летающихъ и ползущихъ, будитъ садовниковъ и бредутъ они по газону, топча изумрудныя, яхонтовыя и жемчужныя капли росы, и вздымаетъ онъ высоко къ небу дымъ изъ дѣятельныхъ кухонь. Наконецъ будитъ онъ и беззаботнаго мистера Телькингорна, и адвокатъ узнаетъ, проснувшись, что сэръ Лейстеръ и леди Дедлокъ спокойно провели ночь въ своемъ благополучномъ за̀мкѣ и готовы гостепріимно принимать всѣхъ въ Линкольншайрѣ.

ГЛАВА XLII.

Контора мистера Телькингорна.

Съ зеленѣющихъ нивъ, осѣненныхъ широковѣтвистыми дубами дедлоковскаго помѣстья, переносится мистеръ Телькингорнъ въ удушливую жару и пыль Лондона. Способъ перемѣщенія его съ одного мѣста на другое — также одна изъ его тайнъ. Онъ отправляется въ Чизни-Вольдъ точно такъ, какъ-будто-бы шелъ изъ своего кабинета въ другую ком-

нату, и возвращается изъ Чизни-Вольда въ Лондонъ такъ, что и не узнаешь, уходилъ ли онъ съ Полей Линкольнской Палаты, или нѣтъ. Никогда не надѣваетъ онъ дорожнаго платья и никогда ни съ кѣмъ не говоритъ о своихъ поѣздкахъ. Онъ также незамѣтно исчезъ сегодня утромъ изъ своего бельведера въ Чизни-Вольдѣ, какъ неожиданно является вечеромъ въ собственной своей квартирѣ.

Подобно черноперой лондонской птицѣ, изъ породы тѣхъ, которыя вьютъ гнѣзда на этихъ благотворныхъ поляхъ, гдѣ всѣ овцы употребляются на пергаментъ, всѣ козы — на парики, всѣ луга — на рынки, возвращается тайно домой прокопченный и завялый адвокатъ. Несмотря на то, что онъ живетъ посреди людей, съ людьми не ведетъ онъ дружескаго знакомства; дожилъ онъ до преклонныхъ лѣтъ, но не испыталъ сладостныхъ дней счастливой юности, и, привыкнувъ сновать свою паутину въ углахъ и закоулкахъ человѣческой природы, забылъ, что у нея есть обширныя и свѣтлыя стороны. Въ горнилѣ, изъ накалёной мостовой и накалёныхъ стѣнъ строенiй, высохъ онъ, какъ тонкая дрань, и жаждущая душа его въ-состоянiи мечтать только о столѣтнемъ, густомъ какъ масло, портвейнѣ.

Фонарщикъ ужь подставлялъ лѣстницу къ фонарямъ, освѣщающимъ ту сторону Полей Линкольнской Палаты, на которой живетъ мистеръ Телькингорнъ, когда сей достославный жрецъ фешонэбельныхъ тайнъ только еще являлся на свой дворъ.

Входя по лѣстничнымъ ступенямъ вверхъ, замѣчаетъ адвокатъ улыбающуюся и кланяющуюся фигурку маленькаго человѣчка.

— Уже-ли это Снегсби?

— Точно такъ, сэръ. Надѣюсь, вы, слава Богу, здоровы. Я-было заходилъ къ вамъ и теперь иду домой.

— Вотъ что̀! Зачѣмъ же вы заходили ко мнѣ?

— Сэръ, говоритъ мистеръ Снегсби, наклоняя шляпу на-бокъ, въ знакъ особеннаго почтенiя къ своему постоянному покупателю: — мнѣ хотѣлось молвить вамъ словца два.

— Можете вы переговорить со мной на лѣстницѣ?

— Совершенно могу, сэръ.

— Говорите.

Законникъ поворачивается, кладетъ руку на желѣзныя поручни лѣстницы и наблюдаетъ за фонарщикомъ, зажигающимъ фонари на дворѣ.

— Дѣло касается... говоритъ мистеръ Снегсби тихимъ и таинственнымъ голосомъ: — дѣло касается, сэръ, до чужестранки.

Мистеръ Телькингорнъ смотритъ на него съ удивленiемъ.

— Какая чужестранка? говоритъ онъ.

— Чужестранка, сэръ, француженка, если я не ошибаюсь. Я самъ незнакомъ съ этимъ языкомъ, сэръ, но, по манерамъ и наружности, думаю, что она француженка, по-крайней-мѣрѣ непремѣнно ужь чужестранка. Я видѣлъ ее у васъ, сэръ, когда имѣлъ честь исполнять съ мистеромъ Бакстомъ нѣкоторое порученіе касательно мальчика...

— А, понимаю, mademoiselle Hortense.

— Очень можетъ быть, сэръ. Мистеръ Снегсби прокашливается почтительно въ шляпу. — Я, изволите видѣть, съ трудомъ произношу чужестранныя имена вообще, но увѣренъ, что вы произносите правильно, именно Мууу... но никакое отчаянное усиліе не можетъ пособить горю, и мистеръ Снегсби откашливается извинительно.

— Что̀ жь вы имѣете сказать о ней? спрашиваетъ мистеръ Телькингорнъ.

— Вотъ что̀, сэръ, отвѣчаетъ поставщикъ канцелярскихъ принадлежностей, осѣняя ротъ свой, для большей таинственности, шляпой: — она крѣпко нападаетъ на меня, сэръ. Семейное счастье мое велико, такъ велико, какъ только можно желать, мистеръ Телькингорнъ; но изволите видѣть, жена моя ревнива — отъ слова не станется — очень-ревнива. И теперь, сэръ, посудите сами мое положеніе: чужестранка, въ нѣкоторомъ родѣ, изъ-себя очень-недурна и приходитъ однажды ко мнѣ въ лавку; разъ-то ничего бы; нѣтъ, ее — отъ слова не станется — нелегкая суетъ всякой день къ намъ на дворъ. Что бъ ей, кажется, слоняться на дворѣ?... такъ нѣтъ... вѣдь это, знаете, сэръ... ну, словомъ, обсудите сами, сэръ...

Мистеръ Снегсби, высказавшись съ очень-плачевными гримасами, дополняетъ рѣчь свою въ родѣ уясненія горестнаго состоянія души кашлемъ, примѣняющимся на всякій случай.

— Что̀ жь вы объ этомъ думаете? спрашиваетъ мистеръ Телькингорнъ.

— Я былъ увѣренъ, что вы поймете мое положеніе, сэръ, отвѣчаетъ Снегсби: — если потрудитесь вникнуть въ раздражительность жены моей. Извольте видѣть: чужестранка, имя которой вы только-что произнесли совершенно-правильно, должна-быть очень-бойкая женщина; она на-лету схватила, въ тотъ, помните, сэръ, вечеръ, слово Снегсби; давай наводить обо мнѣ справки и шасть къ намъ въ обѣденное время. Теперь Крикса, горничная наша, знаете, существо робкое, страдаетъ — отъ слова не станется — припадками, перепугалась страшно этой му... то, понимаете, чужестранки-то, а вѣдь она, сэръ,

такъ поглядываетъ страшно и такъ говоритъ быстро, что, дай Богъ, мужчинѣ устоять на ногахъ; такъ вотъ Крикса-то, сэръ, перепугавшись и полетѣла съ лѣстницы внизъ головой, растянулась на полу, да изъ одного обморока въ другой — и пошла потѣха. Къ-счастью, всѣ хлопоты по кухнѣ пали на мою жену, и я одинъ остался при лавкѣ. Вотъ, сэръ, входитъ она въ лавку и говоритъ: «мистеръ Телькингорнъ меня къ себѣ не пускаетъ, такъ я хочу быть здѣсь и добьюсь чего хочу». Съ-тѣхъ-поръ и начала слоняться, сэръ, именно слоняться, говоритъ мистеръ Снегсби, съ особеннымъ выраженіемъ: — всякой день у насъ на дворѣ. Судите сами, какія отъ этого могутъ выйдти послѣдствія. Ужь не только женѣ, да, чего-добраго, и сосѣдямъ могутъ взбрести въ голову такія умозаключенія, что Боже упаси. Между-тѣмъ, какъ мнѣ, сэръ, говоритъ мистеръ Снегсби съ отчаяннымъ трясеньемъ головы: — клянусь вамъ, и въ голову никогда не приходятъ никакія чежестранки; видывалъ ихъ въ-старину съ метелками и грудными дѣтьми, а ныньче видаю съ тамбуриномъ и въ серьгахъ — вотъ и все.

Мистеръ Телькингорнъ слушаетъ очень-серьёзно исповѣдь мистера Снегсби и, дослушавъ до конца, говоритъ:

— Все, Снегсби?

— Все, сэръ, отвѣчаетъ поставщикъ канцелярскихъ принадлежностей, съ такимъ кашлемъ въ кулакъ, который ясно говоритъ: «съ меня и этого будетъ, сэръ!»

— Не знаю, чего хочется mademoiselle Гортензіи, говоритъ адвокатъ: — она просто сумасшедшая, я полагаю.

— Хотя бы и съумасшедшая, сэръ, жалобно говоритъ мистеръ Снегсби: — все-таки плохое это утѣшеніе, того-и-гляди, собьетъ съ толку все семейство.

— Разумѣется, разумѣется, отвѣчаетъ адвокатъ: — этому надо положить конецъ. Я понимаю, какъ вамъ непріятны ея посѣщенія. Вотъ вы что̀ сдѣлайте: первый разъ, какъ она явится къ вамъ, отправьте ее ко мнѣ.

Мистеръ Снегсби просіялъ радостью; отвѣсивъ множество поклоновъ, прокашливается онъ слегка и уходитъ. Мистеръ Телькингорнъ подымается выше и разсуждаетъ, должно думать, такимъ-образомъ:

«Ужь эти женщины! отъ нихъ только и толку на землѣ, что хлопоты, да безпорядки. Не успѣлъ еще съ барыней сладить, глядь, тутъ горничную на шею навязываютъ. Да эту-то я скоро угомоню».

Размысливъ, отворяетъ онъ дверь, ощупью бредетъ по темнымъ комнатамъ и засвѣчиваетъ огонь. Свѣчи горятъ неярко и аллегорія на потолкѣ плохо видна; но осанистый римлянинъ, смѣло-выскочившій изъ

облаковъ, видѣнъ ясно. Впрочемъ, мистеръ Телькингорнъ не удостоиваетъ его своимъ вниманіемъ; онъ достаетъ изъ боковаго кармана маленькій ключикъ, отпираетъ имъ ящикъ, изъ ящика достаетъ другой ключъ, имъ отпираетъ сундукъ, изъ сундука вынимаетъ третій ключъ и такъ далѣе, пока наконецъ не попадаетъ на ключъ отъ виннаго погреба, куда и готовится спуститься за своимъ столѣтнимъ портвейномъ. Вотъ беретъ онъ свѣчку и идетъ было къ двери; вдругъ раздается стукъ.

— Кто здѣсь? Ага, мистриссъ, это вы? Кстати пожаловали, очень-кстати! Мнѣ только-что говорили о васъ. Ну-съ, что̀ вамъ нужно?

И привѣтствуя mademoiselle Гортензію такими нѣжными выраженіями, адвокатъ ставитъ свѣчку на каминъ въ комнатѣ своего писаря и постукиваетъ ключомъ по сухимъ, впалымъ щекамъ своимъ. Mademoiselle Гортензія, молча, сверкаетъ глазами по сторонамъ и тихо затворяетъ дверь.

— Мнѣ стоило большаго труда отъискать васъ дома, сэръ, говоритъ она.

— Вотъ что̀!...

— Да̀, сэръ, я была у васъ нѣсколько разъ, но мнѣ всегда говорили, что или васъ нѣтъ дома, или вы заняты, или вы не хотите меня принять.

— Вамъ говорили совершенно-вѣрно.

— Вздоръ, лгали!

Иногда въ mademoiselle Гортензіи много страшнаго; такъ и кажется что она прыгнетъ, какъ тигрица, и невольно испугаешься ея и отступишь шага два назадъ. Такое чувство страха гнѣздится въ настоящую минуту въ мистерѣ Телькингорнѣ; онъ уступаетъ ему, а француженка съ полузакрытыми глазами только презрительно улыбается, качаетъ головой и бросаетъ по сторонамъ взгляды.

— Ну мистриссъ, говоритъ адвокатъ, нетерпѣливо постукивая ключомъ о каминъ: — если вамъ, что-нибудь надо, такъ говорите сейчасъ же.

— Вы дурно поступили со мной, сэръ. Вы поступили со мной низко.

— Низко? повторяетъ законникъ, потирая ключомъ себѣ носъ.

— Да̀, низко и подло, говорю я вамъ. Вы обманули меня. Вы заставили меня надѣть то платье, въ которомъ, можетъ-быть, была миледи; заставили меня прійдти сюда, разъиграть комедію съ мальчикомъ... Что̀? неправда? говорите! и тигрица снова готова сдѣлать прыжокъ на свою жертву.

«Ты зелье, страшное зелье», думаетъ про себя мистеръ Телькингорнъ, смотря на нее разсѣянно.

— Ну что жь, холопка, вѣдь тебѣ за это и заплачено, говоритъ онъ.

— Не ты ли заплатилъ! отвѣчаетъ она съ бѣшенствомъ: — ты далъ мнѣ два соверина — вотъ они; проглоти ихъ самъ, старый, если хочешь, и съ этими словами она бросаетъ деньги почти въ него и съ такою силою, что они сдѣлали по полу нѣсколько рикошетовъ прежде, чѣмъ полетѣли въ углы, гдѣ, повертясь, улеглись спокойно.

Мистеръ Телькингорнъ потираетъ ключомъ себѣ голову, а mademoiselle Гортенція саркастически смѣется, повторяя: — ты заплатилъ! ты заплатилъ!

— Стало-быть ты очень-богата, прелестный другой мой, говоритъ адвокатъ: — что бросаешь деньги на полъ.

— Я богата, я очень-богата, отвѣчаетъ она: — только злобой и ненавистью. Я ненавижу миледи отъ всего моего сердца—ты это знаешь.

— До-сихъ-поръ не зналъ.

— Ты зналъ и зналъ очень-хорошо, потому и просилъ доставить тебѣ нѣкоторыя свѣдѣнія. Ты зналъ, что я en-r-r-r-r-agée.

И такое количество r-овъ, съ которыми произнесла mademoiselle Гортенція слово enragée, казалось ей недостаточнымъ для выраженія ея гнѣва, потому она еще сжимаетъ зубы, скрежещетъ ими и ломаетъ пальцы на рукахъ.

— Такъ я зналъ? такъ я зналъ? говоритъ мистеръ Телькингорнъ, разсматривая бородку ключа.

— Безъ-сомнѣнія зналъ. И правъ: я ненавижу ее, говоритъ mademoiselle Гортенція, смотря на мистера Телькингорна черезъ плечо.

— Ну-съ, больше вы ничего не имѣете сказать мнѣ, mademoiselle?

— Я безъ мѣста, сэръ. Помѣстите меня, пристройте меня на хорошихъ условіяхъ. Если вы не хотите, или не можете этого сдѣлать, то дайте мнѣ средства отмстить миледи; опозорить ее, обезчестить ее. Я пособлю вамъ. Вы вѣдь добиваетесь этой цѣли — я знаю! все знаю!

— Вы, кажется, ужь черезчуръ много знаете, отвѣчаетъ мистеръ Телькингорнъ.

— Развѣ я говорю неправду? Развѣ я такъ глупа, какъ маленькій ребенокъ? Ужели вы меня заставите вѣрить, что вся эта продѣлка съ грязнымъ мальчикомъ была только вслѣдствіе вашего пари съ кѣмъ-то. О! Боже мой, о mon Dieu! я не такъ глупа! я не такъ глупа! и черные глаза ея, кажется, были закрыты и открыты въ одно и то же время.

— Выслушайте меня, мистриссъ, говоритъ мистеръ Телькингорнъ, постукивая по подбородку ключомъ и смотря на нее равнодушно: — вотъ что̀ я вамъ скажу...

— А! выслушать васъ! перебиваетъ его mademoiselle Гортензія съ гнѣвнымъ и грознымъ киваньемъ головы: — выслушать васъ!..

— Вы, пожаловали сюда, продолжаетъ адвокатъ, не обращая на нее вниманія: — съ очень-умѣренной просьбою, которую сейчасъ изложили; если эта просьба не исполнится, такъ вы, чего добраго, пожалуете сюда опять?

— Да̀, опять, говоритъ mademoiselle Hortense еще съ болѣе-гнѣвнымъ и болѣе грознымъ киваньемъ головы: — еще опять и еще опять и тысячу разъ опять!

— И если васъ здѣсь не пріймутъ, вы, можетъ-быть, захотите прогуляться и опять къ мистеру Снегсби.

— Да̀, опять, повторяетъ mademoiselle, съ совершенною рѣшимостью: — еще опять и еще опять и тысячу разъ опять!

— Очень-хорошо. Теперь позвольте посовѣтовать вамъ, mademoiselle Hortense, взять свѣчку и поискать ваши соверины. Я думаю, вы ихъ найдете за перегородкой моего писаря, гдѣ-нибудь въ углу.

Mademoiselle Hortense презрительно смѣется, глядя черезъ плечо на адвоката.

— Вы не хотите?

— Не хочу!

— Очень-хорошо. Чѣмъ бѣднѣе вы, тѣмъ, стало-быть, богаче я. Теперь къ дѣлу. Видите ли вы, мистриссъ, вотъ этотъ ключъ отъ моего виннаго погреба? Большой ключъ, не правда ли? но тюремные ключи побольше и потяжелѣе его. Въ этомъ государствѣ есть исправительные домы; двери у этихъ домовъ крѣпки, очень-крѣпки; и я боюсь, что особѣ съ вашимъ темпераментомъ и съ вашею дѣятельностью не понравится посидѣть тамъ даже нѣсколько часовъ. Что̀ вы на это скажете?

— Я скажу, отвѣчаетъ mademoiselle Hortense, совершенно-спокойнымъ и твердымъ голосомъ: — что ты подлый мошенникъ!

— Можетъ-быть, отвѣчаетъ мистеръ Телькингорнъ спокойно, высмаркиваясь: — но я не спрашиваю вашего мнѣнія обо мнѣ, а я спрашиваю ваше мнѣніе о тюрьмѣ.

— О тюрьмѣ я ничего не думаю. Что̀ мнѣ до нея за дѣло?

— Что̀ вамъ за дѣло? говоритъ законникъ, укладывая медленно носовой платокъ въ карманъ и поправляя воротнички — а вотъ что̀

я вамъ скажу: законъ въ нашей доброй Англіи строго запрещаетъ безпокоить гражданъ посѣщеніями противъ ихъ желанія; и если онъ узнаетъ, что кто-нибудь, хотя бы это была и женщина шатается въ чужіе домы противъ желанія владѣтелей, онъ деспотически предписываетъ схватить эту женщину, посадить въ тюрьму подъ строгій надзоръ и запираетъ ее тамъ.

— Въ-самомъ-дѣлѣ? отвѣчаетъ mademoiselle Гортензія, въ томъ же шутливомъ тонѣ: — это очень-забавно, сэръ, право очень-забавно. Только мнѣ до этого никакого нѣтъ дѣла.

— Любезный другъ мой, говоритъ мистеръ Телькингорнъ: — попробуйте еще разъ прійдти ко мнѣ, или къ мистеру Снегсби, такъ вы узнаете, какое вамъ до этого дѣло.

— Если я прійду еще разъ, такъ вы, пожалуй, *меня* посадите въ тюрьму?

— Пожалуй посажу.

Разумѣется, пѣна у рта mademoiselle Гортензіи была бы несовмѣстна съ такимъ веселымъ расположеніемъ духа, въ какомъ она теперь находится; но право, еслибъ еще немножко, тигрица забрызгала бы ядовитой пѣной лицо знаменитаго адвоката.

— Однимъ словомъ, мистриссъ, говоритъ мистеръ Телькингорнъ: — мнѣ очень-непріятно оскорбить васъ; но если вы еще разъ пожалуете сюда безъ приглашенія, или къ мистеру Снегсби, я вынужденъ буду передать васъ въ руки полиціи. Полиція очень-вѣжлива съ дамами, но грубо обращается съ безпокойными тварями — слышишь ли ты это, холопка!

— Не посмѣешь, старый! шипитъ mademoiselle Гортенція: — я докажу тебѣ, что ты не посмѣешь!

— И если, продолжаетъ законникъ, не обращая никакого вниманія на шипѣніе тигрицы: — и если, холопка, я помѣщу тебя въ надежныя руки, то много утечетъ воды, пока снова получишь ты свободу.

— Не посмѣешь, негодяй, не посмѣешь! шипѣла mademoiselle, вытягивая впередъ руки.

— А теперь пока, говоритъ адвокатъ, все-таки не обращая на нее никакого вниманія: — я совѣтую тебѣ убраться и очень, очень подумать прежде, чѣмъ захочешь снова пожаловать сюда.

— Совѣтую тебѣ, старикъ, подумать, не одинъ разъ о томъ, что̀ ты врешь! отвѣчаетъ Гортензія.

— Ты была отпущена твоей леди, замѣчаетъ мистеръ Телькингорнъ, провожая ее съ лѣстницы: — какъ безпокойная и дерзкая дѣвка; те-

перь ты принимаешься за другія глупости, такъ совѣтую тебѣ выучить наизустъ, мистриссъ, слѣдующее все, что̀ я говорю, то думаю, и чѣмъ грожу, то исполню.

Mademoiselle Hortense спускается съ лѣстницы не отвѣчая и не оборачиваясь. Адвокатъ спускается также, но только въ винный погребъ; достаетъ оттуда покрытую паутиной и заростшую мхомъ бутылочку портвейна, и возвратясь въ свой кабинетъ, садится въ кресло и наслаждается своимъ столѣтнимъ винцомъ. По-временамъ, закинувъ голову назадъ, видитъ онъ осанистаго римлянина, указывающаго на аллегорію и облака.

ГЛАВА XLIII.

Разсказъ Эсѳири.

Не́чего говорить, ка̀къ часто задумывалась я о судьбѣ моей матери, и ка̀къ тяжело было моему сердцу не считать ея въ живыхъ. Я не смѣла приблизиться къ ней, напомнить ей о себѣ письменно, потому-что опасность, которой она ежедневно подвергалась, вселяла въ меня непреоборимый страхъ. Знать, что жизнь моя есть единственный укоръ матери — невыносимая пытка. Я не смѣла нетолько произносить ея имя, но, кажется, боялась даже и выслушать его. Если когда-нибудь въ моемъ присутствіи разговоръ склонялся на Чизни-Вольдъ, на сэра Лейстера Дедлока... на леди Дедлокъ, что̀, разумѣется, случалось довольно-часто, я старалась не прислушиваться къ этому разговору, уходила изъ комнаты съ единственною цѣлью, чтобъ какъ-нибудь случайно, словомъ или выраженіемъ лица, не измѣнить тайнѣ, которую я считала священнымъ долгомъ хранить такъ глубоко, какъ могла.

Но съ какимъ наслажденіемъ вспоминала я звуки материнскаго голоса, когда оставалась одна; ка̀къ жаждала я повторенія этихъ сладкихъ, нѣжныхъ звуковъ, которымъ суждено было невозвратно и только однажды коснуться моего слуха! Съ какимъ чувствомъ я тысячу разъ проходила мимо порога городскаго отеля Дедлоковъ, не смѣя и не питая никогда надежды заглянуть туда. Я видѣла еще разъ мою мать: это было въ театрѣ —Боже! сколько непонятныхъ, неизъяснимыхъ чувствъ взволновалось въ истерзанной груди моей. Но всему конецъ. Все прошло и прошло навсегда. Судьба моя была такъ счастлива! Но врядъ ли могу я сказать что-нибудь исключительно о себѣ; разсказъ мой будетъ только повѣстью о добротѣ и великодушіи окружающихъ меня благодѣтелей.

Соединясь снова въ Холодномъ Домѣ, мы очень-часто поговаривали

о Ричардѣ. Грустно было милочкѣ моей, очень-грустно обвинять своего прекраснаго кузена; но дѣлать нечего, этого требовала справедливость, хотя любовь и не позволяла сердиться на милаго Рика, даже за его поступки противъ мистера Жарндиса. Опекунъ мой щадилъ ея чувство и никогда ни однимъ упрекомъ не оскорблялъ Ричарда.

— Рикъ ошибается, моя милая, говорилъ онъ ей: — что̀ жь дѣлать: ошибаться — въ природѣ человѣка; мы всѣ ошибались болѣе или менѣе въ жизни. Мы должны надѣяться на время и на тебя; подъ вашимъ совокупнымъ вліяніемъ онъ броситъ ложное направленіе и снова пойдетъ по прямой дорогѣ.

Мы однакожь узнали впослѣдствіи, что мистеръ Жарндисъ только тогда предоставилъ вліянію времени судьбу Ричарда, когда ужь убѣдился въ совершенной невозможности открыть передъ нимъ истину. Онъ писалъ къ нему, ѣздилъ къ нему, говорилъ съ нимъ, употреблялъ всѣ неистощимыя средства своего добраго сердца, чтобъ убѣдить его; но все оказалось тщетнымъ. Бѣдный, заблужденный Ричардъ былъ глухъ и слѣпъ ко всѣмъ убѣжденіямъ, внушеннымъ неисчерпаемою добротою мистера Жарндиса.

— Если я несправедливъ, говорилъ Ричардъ: — то, по окончаніи оберканцелярскаго процеса, я буду съ раскаяніемъ просить прощенья. Если я брожу въ потьмахъ, то справедливость требуетъ разъяснить это несчастное дѣло, чтобъ оно не могло служить ловушкою для другихъ. Дайте мнѣ кончить процесъ — и слѣпота спадетъ съ меня и я брошу ложную дорогу.

Вотъ обыкновенные отвѣты Ричарда. Процесъ по дѣлу Жарндисовъ такъ завладѣлъ всей его природой, что невозможно было предложить ему ни одного доказательства въ безполезности его хлопотъ, чтобъ онъ не опровергъ его самымъ софистическимъ образомъ, опираясь все-таки на Оберканцелярію.

— Нѣтъ, говорилъ однажды опекунъ мой: — мнѣ кажется, что удерживать его, значитъ дѣлать ему вредъ; предоставимъ все времени.

Однажды, при удобномъ случаѣ, я сообщила опекуну моему опасенія, что мистеръ Скимполь даетъ вредные совѣты Ричарду.

— Совѣты? отвѣчалъ опекунъ мой, смѣясь: — что ты, мой другъ! кто будетъ слушать совѣтовъ Скимполя?

— По-крайней-мѣрѣ, мистеръ Скимполь ободряетъ его, мнѣ кажется, сказала я.

— Можетъ ли это быть, другъ мой? отвѣчалъ опекунъ мой опять: — кто будетъ слушать его ободренія?

— Вы думаете, что можно быть спокойнымъ на-счетъ Ричарда въ этомъ отношеніи?

— Разумѣется. Общество такого простодушнаго, такого невиннаго существа не только безвредно, но послужитъ для него, я думаю, удовольствіемъ и утѣшеніемъ. Что же касается до совѣтовъ, ободреній, вообще до чего-нибудь серьёзнаго, то къ этому такой ребенокъ, какъ Скимполь, совершенно-неспособенъ.

— Скажите, братецъ Джонъ, спрашивала Ада, подойдя въ эту минуту къ намъ и смотря черезъ мое плечо:—отчего онъ такой ребенокъ?

— Отчего онъ такой ребенокъ?.. повторялъ опекунъ мой, потирая себѣ голову: — отчего онъ такой ребенокъ?..

— Да̀, братецъ Джонъ.

— Гм!.. отвѣчалъ онъ съ разстановкой, все болѣе-и-болѣе, трепля свои волосы: — онъ, видите ли, весь чувство и... и воспріимчивость, и... и доброта, и... и воображеніе. Эти качества, кажется, не уравнены въ немъ. Я думаю, что тѣ люди, которые восхищались его направленіемъ, когда онъ былъ еще ребенкомъ, придавали ему слишкомъ-большое значеніе, упустивъ изъ виду тѣ достоинства, которыя могли бы въ жизни примирить умъ съ сердцемъ. Вотъ почему онъ такой ребенокъ, сказалъ опекунъ мой, остановясь и смотря на насъ спокойно: — что̀ вы на это скажете?

Ада, смотря на меня, говорила, что, къ ея сожалѣнію, мистеръ Скимполь заставляетъ Ричарда дѣлать лишніе расходы.

— Уже ль Ричардъ тратится на него? отвѣчалъ опекунъ мой поспѣшно: — этого не должно быть. Нѣтъ, нѣтъ, этому надо положить конецъ!

Я прибавила, что мистеръ Скимполь, какъ мнѣ кажется, за подарокъ въ пять фунтовъ стерлинговъ отрекомендовалъ Ричарда мистеру Волису.

— Уже ль? отвѣчалъ опекунъ мой и быстро тѣнь неудовольствія покрыла лицо его: — вотъ онъ каковъ! вотъ онъ каковъ! Въ немъ нѣтъ корыстолюбія ни на волосъ. Онъ не имѣетъ никакого понятія о цѣнности денегъ. Онъ приводитъ Рика къ Волису, другъ съ Волисомъ, беретъ у него пять фунтовъ стерлинговъ, и это дѣлаетъ безъ всякой мысли, безъ всякой цѣли. Я даже увѣренъ, моя милая, что онъ вамъ самъ разсказалъ объ этомъ.

— Да̀, самъ, отвѣчала я!

— Такъ я и зналъ! воскликнулъ опекунъ мой торжественно.—Вотъ онъ каковъ! Еслибъ онъ зналъ, что поступокъ его нехорошъ, еслибъ онъ бралъ деньги съ умысломъ, вѣрно, не сказалъ бы вамъ объ этомъ

ни полслова; а онъ говорилъ вамъ точно такъ же, какъ и бралъ деньги: совершенно въ простотѣ сердечной. Посмотрите на него въ собственной его квартирѣ и тогда вы поймете его лучше. Сдѣлаемъ ему визитъ, вымоемъ ему, за эти глупости, хорошенько голову. Повѣрьте, друзья мои, Гарольдъ Скимполь сущій ребенокъ, сущій ребенокъ!

Въ-самомъ-дѣлѣ, на другой день отправились мы въ Лондонъ и рано утромъ подошли къ двери мистера Скимполя. Онъ жилъ въ части города (извѣстной подъ названіемъ Полигона), которая въ то время служила убѣжищемъ для испанскихъ выходцевъ, бродившихъ тамъ въ своихъ плащахъ и съ папиросами. Считался ли мистеръ Скимполь хорошимъ жильцомъ, потому-что добрый другъ его Кто-Нибудь, всегда во-время уплачивалъ за него квартирныя деньги; или считался онъ человѣкомъ, до-того не способнымъ къ дѣламъ, что съ нимъ никакъ не развяжешься, какъ бы то ни было, онъ ужь нѣсколько лѣтъ жилъ на одной и той же квартирѣ. Она, согласно ожиданіямъ нашимъ, была въ совершенномъ безпорядкѣ: поручни лѣстницы были сломаны, ручка звонка, судя по ржавому концу проволоки, давнымъ-давно оторвана и отпечатки грязныхъ ногъ на ступеняхъ были единственнымъ признакомъ обитаемости.

Дюжая горничная, въ платьѣ, лопнувшемъ по швамъ, и въ изорванныхъ башмакахъ, очень напоминала растрескавшуюся, переспѣлую ягоду; на нашъ стукъ она пріотворила дверь и высунулась. Увидавъ мистера Жарндиса (мы не сомнѣвались съ Адой, что онъ платилъ ей деньги за услуги мистеру Скимполю, и слѣдовательно она знала его) она отворила дверь настежь и просила войдти. Замокъ у наружной двери былъ сломанъ и переспѣлая ягода замѣняла его цѣпью, замотанною на гвоздь; совершая эту операцію она предложила намъ идти наверхъ.

Мы поднялись въ первый этажъ по лѣстницѣ, украшенной слѣдами грязныхъ ногъ. Мистеръ Жарндисъ, безъ дальнихъ церемоній, вошелъ въ комнату и мы вошли за нимъ. Комната была грязна, но меблирована; въ ней была большая скамейка, софа съ множествомъ подушекъ, кушетка, кресло, фортепьяно, книги, кисти, краски, газеты, ноты, нѣсколько эскизовъ и картинъ. Разбитое стекло въ грязной рамѣ замѣнялось клочкомъ бумаги, между-тѣмъ, какъ на столѣ были три маленькія блюдечка, одно съ персиками, другое съ виноградомъ, третье съ бисквитами, и бутылка съ легкимъ виномъ. Мистеръ Скимполь, въ халатѣ развалясь на софѣ, пилъ душистый кофе изъ старинной чашки ки-

тайскаго фарфора (было около полудня) и любовался стѣнными цвѣтами, вьющимися по балкону.

Появленіе наше нисколько не смутило его; онъ тотчасъ же соскочилъ съ мѣста и принялъ насъ совершенно-радушно.

— Вотъ гдѣ я живу! говорилъ онъ, когда мы старались сѣсть, что̀, разумѣется, было сопряжено съ большимъ трудомъ, потому-что бо̀льшая часть стульевъ была переломана: — вотъ гдѣ я живу! Это мой скромный завтракъ. Многіе любятъ къ завтраку телячьи ножки, или кусокъ баранины; я не люблю. Дайте мнѣ персикъ, чашку мокко, стаканъ бордо̀ — и я сытъ. Видите ли, кофе, виноградъ... это напоминаетъ о Югѣ, о солнцѣ... и тепло и поэтично; а мясо, баранина... тутъ ничего нѣтъ южнаго... животная потребность и — только!

— Эта комната для консультацій съ моимъ другомъ (по-крайней-мѣрѣ, ее бы такъ называли, еслибъ онъ еще практиковалъ), это его святилище, его лабораторія, говорилъ опекунъ мой.

— Правда, совершенно правда, замѣчалъ мистеръ Скимполь, весело смотря вокругъ: — это птичья клѣтка: въ ней сидитъ птичка и поетъ. Ей иногда подрѣзаютъ крылышки, но она поетъ-себѣ, да поетъ!

Онъ предлагалъ намъ гостепріимно блюдечки съ персиками и виноградомъ, а самъ твердилъ: — поетъ-себѣ, да поетъ! не пѣснь честолюбія, но поетъ-себѣ — да и только.

— Прекрасный виноградъ! говорилъ опекунъ мой: — что̀ это, Гарольдъ, подарокъ?

— Нѣтъ, отвѣчалъ онъ: — не подарокъ; я беру у одного очень-любезнаго садовника. Вчера вечеромъ мальчикъ, который принесъ эти фрукты, спрашиваетъ меня: прикажу ли я ему теперь дожидаться денегъ, или послѣ прійдти за ними. — «Любезный, сказалъ я ему: — это какъ тебѣ угодно: если у тебя много лишняго времени, жди сколько хочешь». Должно-быть мальчикъ дорожилъ временемъ, потому-что ушелъ и до-сихъ-поръ не возвращался.

Опекунъ мой взглянулъ на насъ съ улыбкой, которая ясно говорила: — вотъ, друзья мои, дитя: можно ли съ нимъ говорить о серьёзныхъ вещахъ?

— Посѣщеніе ваше, говорилъ мистеръ Скимполь, наливая себѣ стаканъ бордо̀: — знаменуетъ сегодняшній день; мы его назовемъ днемъ Ады и Эсѳири. Вы должны познакомиться съ моими дочерьми. Одну изъ нихъ я называю Красотою, другую — Нѣжностью, третью — Веселостью. Посмотрите на ихъ: онѣ будутъ отъ васъ въ восторгѣ.

Мистеръ Скимполь всталъ ужь и хотѣлъ идти за своими дочерьми, но опекунъ мой просилъ его подождать еще минуту.

— Сколько угодно, мой милый Жарндисъ, отвѣчалъ привѣтливо мистеръ Скимполь, возвращаясь къ своей софѣ: — время здѣсь ни почемъ; мы никогда не спрашиваемъ который часъ. Ты, можетъ, скажешь, что мы непорядочные люди? быть можетъ оно и такъ. Мы живемъ, какъ живется, мало думая о томъ, ка̀къ бы слѣдовало жить.

Мой опекунъ взглянулъ опять на насъ и во взорѣ его можно было прочитать: — вотъ какое дитя!

— Послушай Гарольдъ, началъ опекунъ мой: — я хочу поговорить съ тобой о Рикѣ.

— А! о лучшемъ изъ моихъ друзей! отвѣчалъ мистеръ Скимполь радушно: — быть-можетъ мнѣ не слѣдовало бы съ нимъ дружиться, потому-что онъ въ разладѣ съ тобой; но что̀ жь дѣлать! въ немъ столько поэзіи, что̀ нравится или не нравится тебѣ, а я не могу не любить его отъ всего сердца.

Откровенность, съ которою онъ выражался, была неподдѣльна и лишена всякихъ эгоистическихъ видовъ; она очаровала моего опекуна и, я думаю, также мою милочку Аду.

— Ты можешь любить его сколько твоей душѣ угодно, отвѣчалъ мистеръ Жарндисъ: — но, Гарольдъ, надо поберечь карманъ его.

— Аа! возразилъ мистеръ Скимполь: — его карманъ? Ты всегда говоришь о такихъ вещахъ, которыхъ я не понимаю, продолжалъ онъ, помакивая бисквиты въ стаканъ съ виномъ и привѣтливо улыбаясь намъ съ Адой.

— Если ты любишь разъѣзжать съ нимъ туда и сюда, говорилъ опекунъ мой откровенно: — по-крайней-мѣрѣ не заставляй его платить за двоихъ.

— Мой милый Жарндисъ, отвѣчалъ мистеръ Скимполь, которому такая мысль казалась комически-забавною: — что жь я буду дѣлать? если Ричардъ беретъ меня съ собой, я долженъ ѣхать. Какъ же я буду платить? у меня нѣтъ никогда ни копейки денегъ. Да еслибъ у меня и были деньги, я не зналъ бы что̀ съ ними дѣлать. Положимъ, я спрошу сколько это сто̀итъ? положимъ, мнѣ отвѣтятъ: семь шиллинговъ, семь пенсовъ. Я тутъ ровно ничего не пойму. Не бѣгать же мнѣ къ дѣловымъ людямъ и не справляться у нихъ, что̀ значатъ семь шиллинговъ и семь пенсовъ? Для меня это настоящая китайская грамота, которую я во-вѣки-вѣковъ не пойму.

Все это такъ, говорилъ опекунъ мой, во всякомъ случаѣ довольный безъискусственнымъ отвѣтомъ мистера Скимполя : — по-крайней-мѣрѣ когда тебѣ пріийдется разъѣзжать съ Рикомъ, ты бери деньги у меня, разумѣется, не говоря ему объ этомъ ни слова, и предоставь ему разсчитываться и расплачиваться за тебя.

— Мой милый Жарндисъ, отвѣчалъ мистеръ Скимполь : — я все готовъ сдѣлать, что̀ можетъ тебѣ доставить удовольствіе ; но мнѣ кажется это пустая только форма, только... предразсудки. Увѣряю васъ, миссъ Клеръ и миссъ Семерсонъ, увѣряю васъ, мистеръ Карстонъ баснословно богатъ. Ему стоитъ подписать только какую-то бумажку, или какой-то билетикъ, или что-нибудь въ этотъ родѣ — и на него такъ и посыплются деньги !

— На-самомъ-дѣлѣ это не такъ, отвѣчала Ада : — онъ очень, очень бѣденъ, мистеръ Скимполь.

— Уже-ли бѣденъ ? возразилъ мистеръ Скимполь, весело улыбаясь : — вы удивляете меня, миссъ.

— И тѣмъ еще бѣднѣе, что питается самыми пустыми надеждами, говорилъ опекунъ мой, положивъ руку на рукавъ халата мистера Скимполя : — пожалуйста, Гарольдъ, избѣгай всячески ободрять его въ этомъ несчастномъ дѣлѣ.

— Любезный и добрый другъ мой, отвѣчалъ мистеръ Скимполь : — милая моя миссъ Семерсонъ и милая моя миссъ Клеръ, я право не знаю, могу ли я его ободрять : въ процесахъ, да и во всей юриспруденціи я ничего не понимаю. Онъ, это правда, ободряетъ меня. Покончивъ дѣла въ Оберканцеляріи, онъ приходитъ ко мнѣ, говоритъ о широкихъ надеждахъ, заставляетъ меня удивляться имъ, и я удивляюсь, но больше ничего не знаю, въ чемъ и сознаюсь передъ нимъ.

Это спокойствіе, подъ которымъ онъ выставлялъ себя передъ нами, эта доброта и легкость сердца, съ которыми онъ такъ фантастически говорилъ о себѣ самомъ, могли, безъ-сомнѣнія, служить утѣшеніемъ моему опекуну. Чѣмъ больше я видѣла Скимполя, тѣмъ меньше была я въ состояніи подозрѣвать, чтобъ онъ могъ имѣть не только вредное, но даже какое-нибудь вліяніе на кого бы то ни было.

Узнавъ, что *испытаніе* его (какъ онъ выражался) кончилось, мистеръ Скимполь оставилъ весело комнату и пошелъ за своими дочерьми, (сыновей его не было дома), порадовавъ опекуна моего своимъ дѣтскимъ характеромъ. Онъ скоро вернулся назадъ, ведя трехъ дочерей своихъ, и мистриссъ Скимполь, которая съ-молоду, должно-быть, была очень-хороша собою, а теперь страдала различными болѣзнями.

— Рекомендую, говорилъ мистеръ Скимполь: — вотъ первая дочь моя, Аретуза; ее я зову Красотой. Она играетъ немного, рисуетъ немного, поетъ немного, точь-въ-точь какъ ея отецъ. Вотъ моя вторая дочь, Лаура; ее я зову Нѣжностью; она немножко играетъ, но не поетъ. Вотъ третья дочь моя, Китти; ее я зову Веселость; она не играетъ, но немножко поетъ. Мы всѣ понемножку рисуемъ, понемножку композируемъ и никто изъ насъ не имѣетъ ни малѣйшаго понятія ни о времени ни о деньгахъ.

Мистриссъ Скимполь, какъ мнѣ показалось, тяжело вздохнула, когда мужъ ее перечислялъ эти достоинства дочерей. Мнѣ также показалось, что она значительно посматривала на опекуна моего и желала дать ему замѣтить, что на него смотритъ.

— Весьма-забавно, говорилъ мистеръ Скимполь, весело осматривая насъ всѣхъ: — и не только забавно, но и юмористически-интересно подмѣчать семейныя особенности. Въ нашемъ семействѣ мы всѣ дѣти и я самый младшій изъ нихъ!

Дочери, которыя, казалось, любили его нѣжно, были въ восторгѣ отъ этого забавнаго факта; болѣе всѣхъ радовалась Веселость.

— Развѣ не такъ, мои милыя? говоритъ мистеръ Скимполь: — это наша натура. Вотъ миссъ Семерсонъ, съ удивительно-административными способностями и съ удивительнымъ познаніемъ житейскихъ мелочей. Я увѣренъ, что для миссъ Семерсонъ будетъ очень-дико слышать, что есть люди, которые не имѣютъ понятія какъ сдѣлать котлеты; между-тѣмъ мы не имѣемъ ни малѣйшаго объ этомъ понятія. Мы не съумѣемъ ни сварить, ни спечь. Игла и нитка не бываютъ у насъ въ рукахъ. Мы удивляемся людямъ, обладающимъ практическою мудростью, которой не достаетъ въ насъ, но не сердимся на нихъ и не ссоримся съ ними. Зачѣмъ же имъ бранить насъ и ссориться съ нами? Живите съ Богомъ посредствомъ вашей практической мудрости и дайте намъ жить посредствомъ васъ — вотъ и все, что̀ намъ надо.

Онъ разсмѣялся, но казался также спокойнымъ, какъ всегда, и вполнѣ довѣряющимъ истинѣ словъ своихъ.

— Мы сочувствуемъ, цвѣтки мои, говорилъ мистеръ Скимполь: — сочувствуемъ всему, не правда ли?

— О правда, папа, правда! воскликнули всѣ три дочери вдругъ.

— Въ этомъ состоитъ наша особенность, говорилъ мистеръ Скимполь: — и вотъ здѣсь живемъ мы посреди всего житейскаго хаоса. Мы способны присматриваться ко всему и любоваться всѣмъ; мы присматриваемся и любуемся. Что̀ жь больше можемъ мы сдѣлать? Вотъ дочь моя — Красота; она за̀мужемъ ужь три года; за̀мужемъ за ребенкомъ,

имѣетъ еще двухъ ребятишекъ—кажется, право очень-пріятно, хотя совершенно-противно политической экономіи. По поводу ея свадьбы, мы также задавали праздники и веселились, толкуя о дѣлахъ житейскихъ. Красота однажды привела своего молодаго мужа сюда, и они свили себѣ гнѣздышко здѣсь, наверху, и живутъ какъ пташки. Того и жду что Нѣжность и Веселость также обзаведутся ребятишками и совьютъ свои гнѣздышки здѣсь, наверху. Вотъ такъ мы и живемъ, а ка̀къ, и сами не знаемъ, но знаемъ, что живемъ и живемъ весело.

Красота была еще слишкомъ молода и трудно было повѣрить, что она мать двухъ дѣтей. Я не могла удержаться, чтобъ не пожалѣть какъ о судьбѣ матери, такъ о судьбѣ двухъ ея малютокъ. Ясно было видно, что три дочери мистера Скимполя взросли ка̀къ случилось, и набрались столько кой-какихъ свѣдѣній, что могли быть пріятною забавою отцу въ его досужной лѣни. Онѣ были и причесаны и одѣты по его вкусу. Прическа Красоты была классическая; волосы Нѣжности были сплетены въ широкія косы, а Веселость убрана кокетливо: по ея открытому лбу и вискамъ вились мелкіе, крутые букли. Одежда ихъ соотвѣтствовала прическѣ, хотя и была небрежна и несовсѣмъ-свѣжа.

Я и Ада занялись разговорами съ ними и нашли, что образъ мыслей ихъ совершенно отцовскій; мистеръ Жарндисъ, между-тѣмъ, сильно потирая голову и сильно жалуясь на восточный вѣтеръ, разговаривалъ въ уголку съ мистриссъ Скимполь, и мы не разъ слышали, какъ у нихъ раздавался звонъ монетъ. Мистеръ Скимполь ушелъ переодѣться, потому-что обѣщался проводить насъ до дому.

— Цвѣтки мои! сказалъ онъ, войдя опять къ намъ: — позаботьтесь о матери: она сегодня не такъ здорова. Я ухожу съ мистеромъ Жарндисомъ дня на два; услышу тамъ пѣніе жаворонковъ и сохраню свою любезность; а то ее опять, пожалуй, обратятъ въ дурное расположеніе духа, если я останусь дома.

— О, папа̀, вы намекаете на этого гадкаго человѣка, сказала Веселость.

— И когда же онъ вздумалъ безпокоить, когда папа̀ предавался созерцанію цвѣтовъ и небесной лазури, прибавила Лаура.

— И когда воздухъ былъ такъ исполненъ ароматомъ, сказала Аретуза.

— Значитъ, въ немъ нѣтъ поэтическаго настроенія, прибавилъ мистеръ Скимполь съ совершеннымъ добродушіемъ; разумѣется, это было нѣсколько-неловко съ его стороны; поступокъ его былъ лишенъ тонкихъ чувствъ человѣчества... Дочери мои были оскорблены, говоритъ

мистеръ Скимполь, обращаясь къ намъ: — неловкимъ поступкомъ одного честнаго человѣка...

— Какого же честнаго, папà! быть не можетъ, чтобъ онъ былъ честный! въ одинъ голосъ вскрикнули всѣ три дочери.

— Ну пожалуй грубіяна, что-то въ родѣ ежа въ человѣческомъ образѣ, говорилъ мистеръ Скимполь: — онъ хлѣбникъ по сосѣдству. Мы у него заняли двои кресла: не у кого было взять, а кресла были нужны—разумѣется, обратились къ тому, у кого были лишнія; у него, должно-быть, были лишнія, и онъ далъ ихъ намъ на-прокатъ. Ну и прекрасно! дѣло сладилось, мы взяли кресла и, кажется, все кончено; нѣтъ-таки этотъ настойчивый ёжъ сталъ требовать ихъ назадъ и отнялъ у насъ; и что же вы думаете, остался онъ этимъ доволенъ?— ничуть не бывало. Онъ началъ говорить, что кресла сильно подержаны. Я разсуждалъ съ нимъ; выставлялъ ему на видъ его недоразумѣнія. Я говорилъ ему: — любезный другъ, въ твои лѣта надо быть разсудительнѣе и не думать, что кресла такая вещь, которую ставятъ за стекло на пòлку; кресло не такой предметъ, которымъ можно было бы любоваться только издали. Пора тебѣ знать, что кресла употребляются для сидѣнья и слѣдовательно не могутъ сохраняться безконечно. Если бы кресла твои были неподержаны, это значило бы, что они у насъ не употреблялись, то-есть считались вещью негодной и неудобной; тогда ты могъ бы сердиться—я понимаю; но сердиться за-то, что они были въ употребленіи, воля твоя, это нелогично. — Что жь бы вы думали? несмотря на всѣ эти доводы, онъ оставался невразумимъ и употреблялъ дерзкія выраженія. Будучи такъ терпѣливъ, какъ въ эту минуту, я попробовалъ прибѣгнуть въ болѣе-поэтическому объясненію:— Послушай, другъ мой, говорилъ я, какъ ни различны наши дѣловыя способности, но не забудь, что мы дѣти одной и той же матери—природы. Въ это яркое лѣтнее утро ты видишь я лежу на софѣ, цвѣты окружаютъ меня, плоды стоятъ передо мною на столѣ, безоблачное небо разстилается передъ моими взорами, воздухъ исполненъ благоуханія и я наслаждаюсь лицезрѣніемъ природы. Умоляю тебя, ради нашего братства, не заслонять отъ меня фигурою озлобленнаго хлѣбопека этихъ дивныхъ красотъ, раскинутыхъ рукою Всемогущаго передо мною. Но онъ заслонялъ, говорилъ мистеръ Скимполь, съ совершеннымъ удивленіемъ: — увѣряю васъ, заслонялъ и всегда готовъ заслонить, и я очень-радъ, что могу уйдти на нѣсколько времени къ моему другу, Жарндису.

Но мистеръ Скимполь вовсе не заботился о томъ обстоятельствѣ, что жена и три дочери остаются дома и должны будутъ встрѣтить

хлѣбопека и выслушивать его грубости; впрочемъ, для нихъ это было старой исторіей. Онъ простился съ семействомъ своимъ такъ нѣжно и такъ мило, какъ все дѣлалъ въ жизни, и отправился провожать насъ въ совершенно-спокойномъ расположеніи духа. Спускаясь съ лѣстницы, намъ удалось замѣтить сквозь отворенныя двери въ другихъ этажахъ, что квартира мистера Скимполя, сравнительно съ другими квартирами дома, была просто роскошный дворецъ передъ хижиной поселянина.

Мистеръ Скимполь былъ такъ говорливъ и любезенъ съ нами, что мнѣ оставалось только слушать его и любоваться его разсказами; Ада также раздѣляла мое очарованіе и даже вѣтеръ, который дулъ прямо съ Востока, когда мы находились въ Полигонѣ, перемѣнилъ совершенно свое направленіе и не безпокоилъ ревматизмъ мистера Жарндиса. Въ эти минуты веселой болтовни я не думала и не гадала, что къ вечеру меня ожидаетъ такое событіе, которое оставитъ по себѣ неизгладимое воспоминаніе.

Ребяческій взглядъ мистера Скимполя на житейскія обязанности могъ быть, пожалуй, подозрителенъ; но не подлежало никакому сомнѣнію, что онъ какъ дитя обрадовался перемѣнѣ мѣста, свѣжему воздуху, зелени и прочимъ красотамъ деревни. Нисколько не утомясь дорогой, онъ прежде всѣхъ насъ былъ ужь въ залѣ, сѣлъ за фортепьяно, наигрывалъ, пѣлъ баркароллы, заздравныя пѣсни на итальянскомъ, нѣмецкомъ и французскомъ языкахъ.

Незадолго передъ обѣдомъ мы собрались всесемейно въ залѣ; мистеръ Скимполь, не покидалъ фортепьянъ; онъ наигрывалъ отрывки разныхъ пьесъ и, между-прочимъ, выказывалъ желаніе заняться отдѣлкою нѣкоторыхъ эскизовъ веруламскихъ развалинъ, которыя онъ началъ-было набрасывать на бумагу года два тому назадъ; но они тогда ему крѣпко надоѣли.

Мистеръ Скимполь не успѣлъ еще окончить разсказъ о своихъ предположеніяхъ на завтрашній день, какъ отворилась дверь изъ пріемной комнаты и человѣкъ подалъ мистеру Жарндису карточку.

— Сэръ Лейстеръ Дедлокъ! съ удивленіемъ прочелъ опекунъ мой вслухъ!

Трудно описать, что̀ сдѣлалось со мной, когда я услышала имя посѣтителя; онъ былъ ужь въ залѣ, стоялъ близко отъ меня, но я не могла собраться съ силами, не могла пошевелиться, не видала Ады, ничего не видала вокругъ; и когда опекунъ мой произнесъ мое имя, я смутно догадалась, что меня представляютъ сэру Лейстеру Дедлоку.

— Будте такъ добры, садитесь, сэръ Лейстеръ.

— Мистеръ Жарндисъ, говоритъ сэръ Лейстеръ, кланяясь и садясь въ кресло : — я почелъ себѣ честью сдѣлать вамъ визитъ...

— Вы дѣлаете *мнѣ* честь, сэръ Лейстеръ.

— Благодарю васъ, мистеръ Жарндисъ. Я желалъ имѣть честь заѣхать къ вамъ, возвращаясь изъ Линкольншайра съ тѣмъ, чтобъ высказать мое глубокое сожалѣніе, что мои непріязненныя отношенія къ тому джентльмену... котораго вы знаете и у котораго вы провели нѣсколько дней—извините, о немъ я не люблю много распространяться—помѣшали вамъ, и въ-особенности вашимъ дамамъ, осмотрѣть мой собственный зàмокъ въ Чизни-Вольдѣ ; между-тѣмъ, какъ я счелъ бы себѣ за честь и большое удовольствіе, еслибъ дамы ваши осчастливили своимъ посѣщеніемъ галереи моего зàмка, которыя въ нѣкоторомъ отношеніи могутъ удовлетворить ихъ художественному и утонченному вкусу.

— Вы весьма-обязательны, сэръ Лейстеръ и я считаю долгомъ выразить вамъ мою признательность какъ за себя, такъ и за моихъ дамъ, которыхъ имѣлъ честь вамъ представить.

— Очень можетъ быть, мистеръ Жарндисъ, что тотъ господинъ, о которомъ я, по извѣстнымъ причинамъ избѣгаю говорить, очень можетъ быть, что онъ доставилъ мнѣ непріятность совершеннымъ искаженіемъ передъ вами моего характера и моихъ правилъ ; быть-можетъ, онъ увѣрилъ васъ, что вы не будете приняты въ моемъ линкольншайрскомъ помѣстьи съ тою вѣжливостью и вниманіемъ, которыя члены фамиліи Дедлокъ умѣютъ всегда оказывать всѣмъ леди и джентльменамъ, доставляющимъ намъ честь своимъ посѣщеніемъ Чизни-Вольда. Я, съ моей стороны, прошу васъ вѣрить, сэръ, что это недостойная клевета.

Мой опекунъ вѣжливо выслушалъ это замѣчаніе, на которое отвѣчалъ только поклономъ.

— Мнѣ было очень-прискорбно, мистеръ Жарндисъ, продолжалъ сэръ Лейстеръ : — увѣряю васъ, *мнѣ* было очень-прискорбно узнать отъ управительницы Чизни-Вольда, что одинъ джентльменъ изъ вашего общества, человѣкъ повидимому съ любовью къ изящнымъ искусствамъ, точно по такимъ же причинамъ, которыя я имѣлъ честь высказать, не могъ осмотрѣть портретныя галереи съ тѣмъ вниманіемъ, съ тою свободою, съ тѣмъ удовольствіемъ, съ которыми хотѣлъ разсмотрѣть фамильные портреты, которые, не сомнѣваюсь, достойны внимательнаго обзора со стороны человѣка свѣдущаго и съ образованнымъ вкусомъ.

При этомъ сэръ Лейстеръ вынулъ изъ кармана карточку и сквозь

очки началъ читать не безъ нѣкотораго смущенія, однакожь съ совершенною важностью :

— Мистеръ... Гайрольдъ... Гирольдъ... Гарольдъ... Скамплингъ... Скемплинъ... Скимполь... Мистеръ Гарольдъ Скимполь...

— Вотъ владѣтель этой карточки, честь имѣю представить вамъ, мистера Гарольда Скимполя, говорилъ опекунъ мой, подводя его къ сэру Лейстеру.

— Аа ! возразилъ баронетъ : — я очень-радъ, что могу познакомиться съ вами, мистеръ Скимполь, и лично выразить вамъ мое сожалѣніе, что вы не хотѣли подробно осмотрѣть Чизни-Вольдъ. Позвольте надѣяться сэръ, что если вамъ когда-нибудь случится снова быть въ моемъ зàмкѣ, васъ не остановятъ ложные слухи о негостепріимствѣ его владѣтелей.

— Вы слишкомъ-добры сэръ Лейстеръ Дедлокъ. Пользуясь вашимъ позволеніемъ, я, разумѣется, не премину почерпнуть все наслажденіе и всю пользу, которыя можетъ доставить обзоръ такого величественнаго зàмка, какъ Чизни-Вольдъ. По моимъ понятіямъ, владѣтели такихъ помѣстій, какъ линкольншайрское, говорилъ мистеръ Скимполь съ своимъ обычнымъ непринужденнымъ видомъ : — общественные благодѣтели. У нихъ сосредоточено множество такихъ предметовъ, которые возбуждаютъ восторгъ и удивленіе въ томъ классѣ бѣдняковъ, къ которому принадлежу я, и не пользоваться ихъ предложеніями, значитъ быть неблагодарнымъ къ ихъ благодѣяніямъ.

Сэръ Лейстеръ въ высшей степени былъ доволенъ такимъ образомъ мыслей мистера Скимполя.

— Вы артистъ, сэръ ? спросилъ онъ его.

— Нѣтъ, сэръ, отвѣчалъ мистеръ Скимполь : — я человѣкъ, въ полномъ смыслѣ праздный, но любитель всего изящнаго.

Такой отвѣтъ былъ еще болѣе въ духѣ сэра Лейстера.

Баронетъ послѣ того выразилъ искреннее желаніе лично принять мистера Скимполя въ Чизни-Вольдѣ. Мистеръ Скимполь высказалъ кàкъ лестно и почетно для него желаніе сэра Лейстера.

— Мистеръ Скимполь говорилъ, продолжалъ сэръ Лейстеръ, обращаясь къ моему опекуну : — говорилъ управительницѣ моего зàмка (она, какъ онъ могъ замѣтить, женщина издавна привязанная къ нашему роду)...

— Это было въ то время, когда я вздумалъ посѣтить васъ, миссъ Семерсонъ и миссъ Клеръ, шопотомъ передалъ намъ мистеръ Скимполь.

— Что онъ находится въ Линкольншайрѣ, съ другомъ своимъ мистеромъ Жарндисомъ...

При этомъ сэръ Лейстеръ поклонился моему опекуну.

— И такимъ образомъ я узналъ изъ обстоятельствъ, о которыхъ имѣлъ честь лично выразить мое прискорбіе. Не только мистеръ Жарндисъ, нѣкогда знакомый съ леди Дедлокъ и даже находящійся съ ней въ отдаленномъ родствѣ (о чемъ сообщила мнѣ сама миледи) и къ которому супруга моя питаетъ высокое уваженіе ; но повѣрьте мнѣ, еслибъ всякій другой джентльменъ былъ остановленъ ложными слухами отъ посѣщенія Чизни-Вольда, мнѣ было бы это очень-прискорбно.

— Я васъ прошу, сэръ Лейстеръ, вѣрить, отвѣчалъ опекунъ мой:— что я, равно какъ и всѣ мы глубоко чувствуемъ лестное ваше вниманіе. И если мы не посѣтили Чизни-Вольда, то этотъ промахъ прямо падаетъ на меня, и я считаю долгомъ своимъ просить у васъ за него прощеніе.

Я не подымала глазъ на посѣтителя ; во все время пока онъ былъ у насъ, меня волновали напряженныя чувства : сердце билось такъ сильно, словно хотѣло вырваться изъ груди ; кровь приступала къ головѣ и я дивлюсь, какъ могла я упомнить ихъ разговоръ ; я слышала звуки, но, казалось, безъ малѣйшаго умственнаго участія.

— Я передалъ это обстоятельство леди Дедлокъ, говорилъ сэръ Лейстеръ, вставая съ своего стула : — и миледи сообщила мнѣ, что, въ бытность свою въ Линкольншайрѣ, она имѣла удовольствіе обмѣняться нѣсколькими словами съ мистеромъ Жарндисомъ и съ его родственницами.—Позвольте мнѣ мистеръ Жарндисъ, повторить вамъ и вашимъ дамамъ тѣ же увѣренія, которыя я только-что имѣлъ удовольствіе сообщить мистеру Скимполю. Извѣстныя обстоятельства заставляютъ меня не желать чести принимать у себя въ Чизни-Вольдѣ мистера Бойтсорна; но это нежеланіе относится лично къ этому господину, не касаясь, въ полномъ смыслѣ слова, ничего посторонняго.

— Вы знаете мое всегдашнее о немъ мнѣніе, сказалъ мистеръ Скимполь, весело смотря на насъ : — это любезный быкъ, который забралъ себѣ въ голову принимать всякій цвѣтъ за красный.

Сэръ Лейстеръ Дедлокъ закашлялъ, какъ-бы давая этимъ знать, что далѣе онъ не желаетъ ничего слушать о такомъ господинѣ, и съ большою вѣжливостью и церемоніями пожелалъ намъ добраго дня и уѣхалъ.

Со всею поспѣшностью ушла я въ свою комнату и оставалась тамъ до-тѣхъ-поръ, пока снова не успокоилась. Мое поведеніе внизу, въ присутствіи сэра Лейстера пугало меня ; но какъ я была рада, когда, вернувшись къ моей милочкѣ , не замѣтила ни малѣйшаго подозрѣнія на мой счетъ. Они только насмѣхались надъ моею молчаливостью и неловкостью передъ лицомъ высокаго линкольншайрскаго баронета.

Въ это время я обдумала, что приближается время открыть опекуну моему тайну, которую я такъ долго хранила. Приглашеніе сэра Лейстера Дедлока, возможность быть у него въ домѣ, сближеніе съ моей матерью, даже вниманіе баронета къ мистеру Скимполю—все это было для меня такъ тягостно, что я боялась оставаться долѣе въ этомъ положеніи безъ руководства и помощи моего опекуна.

Вечеромъ, когда всѣ разошлись по своимъ комнатамъ, я еще поболтала немного съ Адой въ нашей маленькой гостиной и, простясь съ моей милочкой, пошла не въ свою дверь, но къ библіотекѣ мистера Жарндиса. Я знала, что въ это время онъ еще занимался чтеніемъ и въ-самомъ-дѣлѣ увидѣла зеленый свѣтъ, падавшій изъ-подъ колпака его кабинетной лампы.

— Можно войдти? спросила я.

— Безъ-сомнѣнія, маленькая старушка. Чтò съ тобой случилось?

— Ничего, добрый опекунъ мой. Мнѣ хотѣлось переговорить съ вами о себѣ наединѣ.

Онъ подалъ мнѣ кресло, закрылъ книгу, положилъ ее въ сторону и съ внимательнымъ взоромъ обернулся ко мнѣ. Я не могла не замѣтить на лицѣ его того же выраженія, которое видѣла въ тотъ вечеръ, когда онъ говорилъ мнѣ, что его тревожатъ мысли, врядъ ли понятныя для меня.

— Чтó касается тебя, дорогая Эсѳирь, то близко всѣмъ намъ, сказалъ онъ: — говори, милая дѣвушка: я всегда люблю и готовъ тебя слушать.

— Я знаю, знаю васъ, добрый опекунъ мой, говорила я: — и потому я пришла къ вамъ просить вашего совѣта, просить вашей помощи. О, какъ я въ васъ нуждаюсь, кàкъ я въ васъ нуждаюсь, еслибъ вы знали!

Онъ смотрѣлъ на меня съ удивленіемъ, не ожидая встрѣтить во мнѣ ни такой откровенности, ни такого волненія.

— Съ какимъ нетерпѣніемъ ждала я вечера, продолжала я: — чтобъ поговорить съ вами послѣ отъѣзда сегодняшняго гостя.

— Сегодняшняго гостя, моя милая, сэра Лейстера Дедлока?

— Дà.

Мистеръ Жарндисъ скрестилъ руки и, смотря на меня, съ полнымъ удивленіемъ ожидалъ моихъ словъ. Я не знала, кàкъ приготовить его къ тому, чтò я имѣла ему сообщить, и колебалась.

— Эсѳирь, сказалъ онъ мнѣ, наконецъ, съ улыбкою: — врядъ ли на землѣ есть еще два существа, отношенія между которыми могутъ быть отдаленнѣе отношеній между тобою и сэромъ Дедлокомъ.

— Добрый опекунъ мой, и я точно такъ же думала, нѣсколько времени тому назадъ.

Улыбка смѣнилась на лицѣ его серьёзностью; онъ всталъ, медленно подошелъ къ двери и, убѣдясь, что она затворена, опять сѣлъ на свое мѣсто.

— Помните ли вы, добрый опекунъ мой, сказала я: — когда, во время бури, говорила съ вами леди Дедлокъ про свою сестру?

— Помню, душа моя, помню.

— Помните ли, какъ, говоря о сестрѣ, она сказала вамъ, что онѣ разошлись и обѣ идутъ по разнымъ дорогамъ?

— И это помню, мой другъ.

— Отчего же онѣ разошлись, опекунъ мой? отчего пошли онѣ по разнымъ дорогамъ?

Лицо его приняло странное выраженіе, и онъ началъ мнѣ говорить серьёзно:

— Чтò это за вопросы, дитя мое! Кàкъ я могу знать причины, возбудившія взаимную ненависть двухъ сестеръ? Я полагаю, что, кромѣ ихъ самихъ, никто этого не знаетъ. Кто можетъ открыть тайны этихъ двухъ прекрасныхъ и надменныхъ женщинъ? Ты знаешь леди Дедлокъ. И еслибъ тебѣ случилось видѣть когда-нибудь ея сестру, ты бы поняла, что и она такъ же надменна, такъ же горда и такъ же высокомѣрна, какъ и миледи.'

— О, добрый опекунъ мой! я знала ее, знала нѣсколько лѣтъ.

— Ты знала ее?

Онъ замолчалъ и задумался.

— Эсѳирь, началъ онъ снова: — когда ты, давно ужь, говорила со мной о Бойтсорнѣ и я сказалъ тебѣ, что онъ намѣренъ былъ вступить въ бракъ, но что дѣвушка, которую онъ любилъ, умерла для него навсегда, ты, Эсѳирь, тогда знала, стало-быть, кто была эта дѣвушка?

— Нѣтъ, опекунъ мой, отвѣчала я, прозрѣвая отчасти истину: — я не знала тогда, и теперь еще навѣрное не знаю.

— Сестра леди Дедлокъ.

— Отчего же онѣ... едва могла я произнести: — отчего же онѣ разошлись, добрый опекунъ мой?

— Причиной была она; но чтò заставило ее отринуть предложеніе Бойтсорна, на которое прежде была согласна — это тайна ея непреклоннаго сердца. Онъ предполагалъ впослѣдствіи (но это было только одно предположеніе), что, поссорясь съ сестрой, она стала раздражительна

и, будучи оскорблена надменностью леди Дедлокъ, не хотѣла вступить въ бракъ съ человѣкомъ низшаго значенія, чѣмъ баронетъ, мужъ ея сестры. Какъ-бы то ни было, только она написала ему письмо, въ которомъ говорила, что все между ними должно быть кончено; что она, въ полномъ смыслѣ слова, умерла для него; что, зная его гордость, его понятія о чести, которыя питаетъ и сама, она вынуждена на эту жертву и будетъ жить и умретъ одинокой. Разумѣется, съ тѣхъ-поръ онъ никогда не видалъ ея; да и никто, кажется, никогда не видывалъ ея.

— О, добрый опекунъ мой! воскликнула я, давъ волю слезамъ: — вы знаете ли, что всѣмъ этимъ несчастіямъ причиной, хотя и невинной, я — я, ваша бѣдная Эсѳирь.

— Ты, Эсѳирь?

— Да̀, я, опекунъ мой, я невинная причина всему.

— Нѣтъ, нѣтъ, не можетъ быть, Эсѳирь! говорилъ онъ съ изумленіемъ.

— Узнайте, добрый опекунъ мой, узнайте все: леди Дедлокъ — моя мать!

Я хотѣла ему разсказать тутъ же, что̀ писала ко мнѣ мать моя, но онъ не былъ въ-состояніи болѣе слушать. Онъ говорилъ со мной такъ нѣжно, такъ разсудительно, такъ ясно очертилъ мнѣ все то, что̀ казалось мнѣ неопредѣленно-смутнымъ тогда, когда умъ мой ничѣмъ не былъ взволнованъ; я была проникнута къ нему самой-пылкой благодарностью. Мнѣ казалось, что я никогда не любила его такъ нѣжно, никогда не была ему благодарна отъ такой полноты сердца, какъ въ эту ночь. И когда онъ проводилъ меня до двери моей спальной, и прощаясь, поцаловалъ меня, и когда я легла въ постель, мысли мои сосредоточились на одной молитвѣ, чтобъ Небо послало мнѣ трудами, любовью, преданностью этому человѣку хотя бы сколько-нибудь выразить, ка̀къ я цѣнила, ка̀къ я благословляла его.

ГЛАВА XLV.

Вопросъ и отвѣтъ.

Утромъ на слѣдующій день опекунъ мой пригласилъ меня къ себѣ въ комнату и я досказала ему все содержаніе письма моей матери. «Тутъ нѣчего болѣе дѣлать», сказалъ онъ мнѣ: «надо глубоко хранить тайну и избѣгать встрѣчъ, подобныхъ вчерашнимъ». Онъ понялъ мои чувства и раздѣлялъ ихъ вполнѣ. Онъ даже взялся отстранить мистера Скимполя отъ дальнѣйшаго знакомства съ баронетомъ.

Одной особѣ, имя которой онъ не имѣлъ надобности говорить мнѣ, ему было невозможно ни пособить, ни дать совѣта, несмотря на все его желаніе. Если ея подозрѣнія на-счетъ адвоката справедливы, въ чемъ онъ почти не сомнѣвался, то тайна должна быть открыта. Онъ зналъ нѣсколько этого адвоката, какъ по виду, такъ и по слуху, и не было сомнѣнія, что онъ человѣкъ очень-опасный. «Но во всякомъ случаѣ», говорилъ онъ мнѣ: «какой бы оборотъ ни приняли обстоятельства, ты не можешь имѣть никакого на нихъ вліянія.

— И я не думаю, говорилъ онъ: — чтобъ подозрѣнія падали на тебя, моя милая. Могутъ не знать, что между тобою и миледи существуетъ связь.

— Что̀ касается до адвоката, это такъ, отвѣчала я: — онъ, я думаю, не имѣетъ на мой счетъ никакихъ подозрѣній. Но есть еще два лица, которыя меня безпокоятъ, опекунъ мой.

И я ему разсказала о мистерѣ Гуппи, что онъ, по моему мнѣнію, догадывается о моемъ происхожденіи; но что, впрочемъ, я надѣюсь на его безмолвіе и данное мнѣ слово.

— Слѣдовательно, отвѣчалъ опекунъ мой: — опасность съ этой стороны отстранена. Кого же ты еще подозрѣваешь?

Я напомнила ему о француженкѣ и о той настойчивости, съ которой она мнѣ дѣлала предложеніе своихъ услугъ.

— Да̀, да̀, отвѣчалъ опекунъ мой, задумчиво: — она опаснѣе какого-нибудь клерка; впрочемъ, съ другой стороны, моя милая, вѣдь она добивалась только быть у тебя въ услуженіи, и очень-натурально, что, лишась одного мѣста, она горячо добивалась другаго. Къ-тому жь, она видѣла васъ съ Адой, дня два тому назадъ, и слѣдовательно обратилась къ тебѣ, какъ къ знакомой.

— Манеры ея были очень-странны, сказала я.

— Да̀; но вѣдь манеры ея были странны и тогда, когда она, въ пылу негодованія, сбросила съ себя башмаки и пародировала босая по мокрой травѣ; вѣдь такая продѣлка могла кончиться не только тяжкой болѣзнью, но, пожалуй, и смертью, говорилъ опекунъ мой: — нѣтъ, мой другъ, этимъ безпокоиться нечего. У страха глаза велики, какъ говорится; и если посмотрѣть вокругъ себя такими глазами, то, повѣрь мнѣ, рѣдкое обстоятельство не покажется важнымъ и опаснымъ. Будь спокойна, дитя мое, и пусть прекрасное сердце твое будетъ такъ же неприкосвенно, сохраняя эту тайну, какъ оно было прекрасно, когда ты ничего не знала о своей судьбѣ. Это будетъ лучше для всѣхъ. Раздѣляя тайну твою...

— Вы будете утѣшать меня, добрый опекунъ мой...

— Я буду слѣдить за всѣмъ, что̀ дѣлается въ этомъ семействѣ, по-крайней-мѣрѣ буду слѣдить на столько, сколько дозволяетъ мое отъ него удаленіе. И если пріидетъ время, когда я буду въ-состояніи протянуть руку помощи тому существу, имя котораго даже и здѣсь лучше не произносить, то я протяну эту руку, протяну ради ея дочери, которую такъ нѣжно и много люблю.

Я благодарила его отъ всего сердца. И какое же чувство могло быть въ душѣ моей къ этому человѣку, кромѣ высокой благодарности?

Окончивъ разговоръ нашъ о предметѣ, который такъ глубоко меня занималъ, я пошла къ двери, но опекунъ просилъ меня остановиться и пробыть еще съ нимъ нѣсколько минутъ.

Обернувшись быстро назадъ, я увидѣла на лицѣ его то же доброе, ясное выраженіе и еще проблескъ какой-то мысли, которую, мнѣ казалось, я поняла.

— Милая Эсѳирь, сказалъ мнѣ опекунъ: — давно ужь, давно лежитъ у меня на сердцѣ мысль, которую я хотѣлъ тебѣ сообщить.

— Что̀ жь такое, добрый опекунъ мой?

— Я всегдя затруднялся высказаться передъ тобою и теперь затрудняюсь. Между-тѣмъ, мнѣ бы хотѣлось говорить прямо, съ полной свободою и хотѣлось, чтобъ и ты выслушала меня совершенно-хладнокровно и спокойно. Позволь мнѣ написать тебѣ объ этомъ, мой другъ.

— Добрый опекунъ мой, вы знаете, съ какимъ удовольствіемъ я прочту все то, что̀ вы напишете мнѣ.

— Скажи же, душа моя, говорилъ онъ съ милой улыбкой: — скажи же откровенно: такъ ли я простъ и чистосердеченъ въ эту минуту, какимъ казался тебѣ всегда; такъ ли я безкорыстенъ и добродушенъ, какимъ ты привыкла меня видѣть?

— Вы мнѣ кажетесь такимъ же, безъ всякаго измѣненія, отвѣчала я, съ самой чистосердечной откровенностью.

И въ-самомъ-дѣлѣ, если и мелькало въ немъ что-то особенное, то развѣ на одну только секунду. Онъ былъ такъ чувствителенъ, такъ добръ, такъ нѣженъ, какъ всегда.

— Похожъ ли я, мой ангелъ, на человѣка, который говоритъ не то, что̀ думаетъ, который имѣетъ затаенную мысль, какая бы она ни была, словомъ: на человѣка, который скрываетъ какую-то тайну, продолжалъ опекунъ мой, смотря на меня своимъ яснымъ, прямымъ взглядомъ.

— Вовсе не похожи, дорогой опекунъ мой.

— Можешь ли ты вполнѣ положиться на меня и повѣришь ли ты всему тому, что̀ я тебѣ скажу?

— Совершенно поверю, сказала я отъ чистаго сердца.

— Милая дѣвушка, дай мнѣ твою руку.

Онъ взялъ мою руку, обнялъ меня нѣжно и смотрѣлъ на меня съ такою любовью и съ такимъ чистосердечіемъ, съ какимъ только самый добрый отецъ можетъ смотрѣть на своего ребенка.

— Съ того времени, когда я встрѣтился съ тобой въ почтовой каретѣ, говорилъ опекунъ мой: — ты произвела во мнѣ много перемѣнъ, ты окружила меня цѣлымъ міромъ добра.

— Ахъ, добрый опекунъ мой! но сколько вы для меня сдѣлали съ того времени...

— Объ этомъ не стòитъ и помнить, моя милая.

— Я никогда не забуду вашихъ благодѣяній.

— Нѣтъ, милая Эсѳирь, говорилъ онъ, полусерьёзно: — теперь пока позабудь все и помни только одно, что ничто въ мірѣ не можетъ измѣнить меня. Увѣрена ли ты въ этомъ, дитя мое?

— Совершенно увѣренна,. отвѣчала я.

— Вотъ все, чтò мнѣ нужно, говорилъ опекунъ мой: — но я не могу твоимъ вѣрить словамъ, маленькая старушка, потому-что можетъ-быть, ты говоришь теперь необдуманно. Даю тебѣ недѣлю на размышленіе: и если черезъ недѣлю ты не перемѣнишь своихъ мыслей и будешь все-таки убѣждена, что я ни за что въ мірѣ къ тебѣ не перемѣнюсь, то пришли свою Черли ко мнѣ за письмомъ. Если же ты не-будешь вполнѣ убѣждена во мнѣ, то не присылай, не присылай ни за что въ свѣтѣ.

— Опекунъ мой, сказала я: — я такъ крѣпко убѣждена въ васъ, что непремѣнно пришлю за вашимъ письмомъ.

— Онъ пожалъ мнѣ руку и больше не говорилъ ничего.

Прошла недѣля, въ продолженіе которой между мной и опекуномъ моимъ не было сказано ни одного слова. Наконецъ насталъ и назначенный вечеръ, котораго я съ нетерпѣніемъ ожидала. Оставшись одна, я сказала Черли:

— Поди, маленькая Черли, постучись у двери библіотеки мистера Жарндиса и скажи, что я тебя прислала за письмомъ.

Маленькая Черли побѣжала по лѣстницамъ и черезъ нѣсколько минутъ, которыя показались мнѣ по крайней-мѣрѣ нѣсколькими часами, принесла письмо.

— Положи его на столъ и ступай, сказала я.

Черли положила письмо на столъ и ушла, а я долго смотрѣла на конвертъ не смѣя до него дотронутся, и сколько мыслей толпилось въ оловѣ моей!

Цѣлой панорамой пробѣжала передо мною вся жизнь моя; сначала дѣтство пасмурное и угрюмое, которое я провела въ домѣ крестной матери; смерть этой гордой и надменной женщины; улыбающаяся жизнь Гринлифа, предвѣстница полнаго счастія, которое ожидало меня въ Холодномъ Домѣ; наконецъ тѣ неизмѣнно-радостные дни, которые я провела посреди моихъ благодѣтелей, подъ благотворнымъ кровомъ добраго опекуна моего—и я знала, я была убѣждена вполнѣ, что все счастіе мое сосредоточивалось въ немъ, въ этомъ неподдѣльно-добромъ существѣ, чье письмо лежало передо мною.

Я взяла письмо и начала читать. Какое теплое выраженіе любви! сколько чувства, сколько нѣжныхъ, безкорыстныхъ совѣтовъ! Слезы радости, слезы благодарности заставляли меня останавливаться почти на каждомъ словѣ; но я прочла его до конца, прочла не одинъ разъ, а нѣсколько, и положила опять на столъ.

Я предчувствовала содержаніе письма. Мистеръ Жарндисъ спрашивалъ меня: согласна ли я быть его женою, владѣтельницею Холоднаго Дома.

Это не было, такъ-называемое, любовное письмо, исполненное междометій и восклицательныхъ знаковъ—нѣтъ; оно было писано точно такимъ же добросердечнымъ, задушевнымъ тономъ, съ которымъ всегда говаривалъ со мною опекунъ мой. Читая письмо, я въ каждой строчкѣ видѣла его добрый образъ, слышала звуки его мягкаго, идущаго къ сердцу голоса. Онъ обращался ко мнѣ, какъ-будто я осыпала его благодѣяніями, и онъ чувствовалъ и цѣнилъ все то, что̀ я для него дѣлала. Онъ напоминалъ мнѣ, что онъ ужь на закатѣ жизни, а я еще только расцвѣтаю; что онъ старъ; что я передъ нимъ дитя, и настаивалъ, чтобъ я какъ можно тщательнѣе размыслила о различіи нашихъ лѣтъ. Онъ говорилъ мнѣ, что, вступая съ нимъ въ бракъ, я ничего не выигрываю, и ровно ничего не теряю, отказавъ ему; потому-что онъ не можетъ измѣниться ко мнѣ, и увѣренъ, что рѣшеніе мое, какое бы онъ ни было, будетъ совершенно-честно и справедливо; что онъ долго обдумывалъ этотъ шагъ, и наконецъ рѣшился на него единственно съ тою мыслью, чтобъ дать мнѣ почувствовать, что есть люди, готовые згладить мрачное предсказаніе моего дѣтства; что онъ часто думалъ о нашемъ будущемъ и предвидѣлъ, что прійдетъ время, когда Ада, достигнувъ совершеннолѣтія, оставитъ насъ и мы должны будемъ перемѣнить настоящій образъ жизни. Отъ этой мысли онъ всегда переходилъ на мысль соединиться со мной бракомъ и такимъ-образомъ рѣшился сдѣлать мнѣ предложеніе. Онъ заклиналъ меня вникнуть въ его письмо и вѣрнѣе обдумать этотъ шагъ, не увлекаясь добрымъ

сердцемъ, всегда готовымъ осчастливить его нѣжную привязаность. Въ случаѣ моего рѣшенія, или въ случаѣ моего отказа, онъ желалъ бы остаться ко мнѣ въ тѣхъ же самыхъ отношеніяхъ, въ какихъ онъ былъ прежде. Что жь касается до тётушки Дердонъ, до маленькой старушки, то онъ былъ увѣренъ, что она останется неизмѣнною.

Таково было содержаніе письма, исполненнаго строгимъ достоинствомъ. Въ немъ опекунъ мой выражался, какъ безпристрастное отвѣтственное лицо, излагавшее предложеніе друга, за котораго ходатайствовалъ.

Онъ ничего не говорилъ мнѣ о моей измѣнившейся наружности, о моемъ таинственномъ происхожденіи, но я поняла его, я видѣла его великодушіе, я чувствовала, что онъ готовъ оказать мнѣ полную опору, хотя и извѣстенъ ему позоръ моего рожденія и хотя болѣзнь обезобразила меня. Я чувствовала, что обязана посвятить всю жизнь мою для его счастія.

Но все-таки я плакала горько, все-таки мнѣ казалось, что оторвалось отъ моего сердца что-то, что я понесла какую-то утрату, которой я не понимала ясно и для которой не могла прибрать никакого имени. Я была счастлива, была благодарна, была полна свѣтлыхъ надеждъ, но все-таки плакала горько, горько!

Мало-по-малу я подошла къ зеркалу: глаза мои опухли и были красны. «Эсѳирь, Эсѳирь, сказала я себѣ:—уже ли это ты?» и снова слезы готовы были брызнуть изъ глазъ, но я удержала ихъ.

«Вотъ такъ, такъ, Эсѳирь, говорила я, распуская свои волосы: — ты, будущая хозяйка Холоднаго Дома, должна быть весела какъ птичка. Разгони же грусть свою скорѣе, скорѣе!

Въ головѣ моей мелькнула мысль, что̀ было бы со мной, еслибъ опекунъ мой женился на другой? Какая была бы перемѣна въ моей жизни? И такая плачевная картина представилась моему воображенію, что я взяла хозяйственные ключи, побренчала ими, поцаловала ихъ и спрятала въ коробку.

Причесывая волосы передъ зеркаломъ, я думала, что слѣды моей болѣзни, обстоятельства моего рожденія были новыми пружинами, возбуждающими меня къ большей, большей, большей дѣятельности. О Боже! какъ я должна трудиться, чтобъ сколько-нибудь быть достойной твоихъ великихъ щедротъ! Да теперь можно было сѣсть и поплакать, поплакать слезами радости!

Странная судьба моя! я, ничтожная воспитанница надменной крестной матери, я становлюсь женою лучшаго изъ людей—мистера Жарндиса, становлюсь владѣтельницей Холоднаго Дома!

Но почему же это странно? Если мнѣ самой не приходило никогда въ голову такой мысли, за-то другіе пророчили мнѣ это счастіе. Въ-самомъ-дѣлѣ мистрисъ Вудкоуртъ...

Быть-можетъ, это имя напомнило мнѣ о высохшихъ цвѣтахъ, которые хранились у меня въ книгѣ. Теперь лучше съ ними разстаться: они были воспоминаніемъ чего-то прошлаго, чего-то забытаго. Дà, теперь лучше съ ними разстаться.

Книга съ этими цвѣтами лежала въ другой комнатѣ, въ которую надо было идти мимо спальни Ады. Я взяла свѣчку и пошла за цвѣтами. Я не могла удержаться, чтобъ не поцаловать моей милочки.

Я знаю, что это слабость, знаю, что это дурно, но чтò дѣлать! глаза мои не слушались меня и съ рѣсницъ моихъ одна слеза за другою капала на прекрасное личико Ады. Еще хуже: я взяла засохшій букетъ цвѣтовъ и тихонько приложила къ губамъ ея. Зачѣмъ? — я въ это время думала о любви ея къ Ричарду! Потомъ я принесла цвѣты въ свою комнату, приложила къ огню и они мгновенно обратились въ прахъ!

. . . .

. . . .

Прійдя въ столовую на слѣдующее утро, я застала опекуна въ обыкновенномъ расположеніи духа: онъ былъ такъ же милъ, такъ же откровененъ, какъ и всегда. Въ манерахъ его не было никакой перемѣны, и мнѣ казалось, что (впрочемъ, быть-можетъ, это мнѣ такъ казалось) и во мнѣ не было никакой перемѣны. Мнѣ случалось не разъ оставаться съ нимъ съ глазу на глазъ и я думала, что онъ заговоритъ со мной о письмѣ; но ничего не бывало: онъ не произнесъ ни одного слова.

Это молчаніе продолжалось и на другое утро и на третье, словомъ: продолжалось цѣлую недѣлю, которую прогостилъ у насъ мистеръ Скимполь.

Я думала, что мнѣ нужно писать отвѣтъ; пробовала приняться за письмо, оставалась одна въ своей комнатѣ, но не могла сдѣлать приличнаго начала и откладывала со дня на день.

Такимъ-образомъ протянулась еще недѣля, очень для меня мучительная, и опекунъ мой не произнесъ ни одного слова.

Наконецъ мистеръ Скимполь уѣхалъ.

Какъ-то мы втроемъ, однажды, послѣ обѣда хотѣли покататься верхомъ; одѣвшись прежде Ады, я сошла внизъ и застала опекуна одного; онъ стоялъ спиною ко мнѣ и смотрѣлъ въ окно.

Услышавъ шаги мои, онъ обернулся съ улыбкою и сказалъ:

— Ахъ это ты тётушка Дердонъ! ужь ты и готова?

Я рѣшилась, во что̀ бы ни стало, переговорить съ нимъ.

— Опекунъ мой, сказала я, дрожа всѣмъ тѣломъ: — когда вы хотите получить отъ меня отвѣтъ на ваше письмо?

— Когда онъ будетъ готовъ, моя милая, отвѣчалъ онъ.

— Я думаю, что онъ ужь готовъ.

— Что жь, его принесетъ Черли? спросилъ онъ шутя.

— Нѣтъ, я его принесла сама, добрый опекунъ мой, отвѣчала я.

Я обняла его и поцаловала крѣпко, очень-крѣпко.

— Это поцалуй владѣтельницы Холоднаго Дома? спросилъ онъ.

— Да̀, да̀, отвѣчала я, краснѣя.

И мы поѣхали кататься. Въ немъ не было никакой перемѣны въ обращеніи со мною. И я ни о чемъ не сказала моей милочкѣ.

ШЕСТЬ СТИХОТВОРЕНІЙ А. А. ФЕТА.

I.

Люди нисколько ни въ чемъ предо мной невиновны, я знаю,
Только я тутъ для себя утѣшенья большаго не вижу.
День ихъ торопитъ всечасно своею тяжелой заботой,
Ночь, какъ добрая мать, принимаетъ въ объятья на отдыхъ.
Что̀ мнѣ за дѣло, что кто-то, весь день протомившись бездѣльемъ,
Ночью съ нелѣпымъ раздумьемъ пробьется на ложѣ безсонномъ?
Пламя дрожитъ на свѣтильнѣ — и около мысли любимой
Зыблятся робкія думы, и всѣ переходятъ оттѣнки
Радужныхъ красокъ. Трепещетъ душа и трепещетъ разсудокъ.
Сердце—Икаръ неразумный, изъ мрака, какъ бабочка къ свѣту,
Къ мысли завѣтной стремится. Вотъ, вотъ опаленныя крылья,
Кругъ описавши во мракѣ, несутся въ невѣрномъ полетѣ
Пытку свою обновлять добровольную. Я же не знаю,
Что̀ добровольнымъ зовется и что̀ неизбѣжнымъ на свѣтѣ..

II.

ЭЛЕГІЯ.

Не говори, мой другъ: она его забудетъ.
Измѣнчивъ времени всемощнаго полетъ:
Измученной души напрасный жаръ пройдетъ,
И образъ роковой преслѣдовать не будетъ
Очей задумчивыхъ. Свободнѣй и смѣлѣй
Вздохнетъ младая грудь; замедленныхъ рѣчей

Польется снова токъ блистательный и сладкій;
Ланиты расцвѣтутъ, и въ зеркало украдкой
Невольно станетъ взоръ съ вопросомъ забѣгать...
Опять весна въ груди, и счастіе опять.
Мой милый, не лелѣй прекраснаго обмана:
Въ душѣ мечтательной смертельна эта рана.
Видалъ ли ты въ лѣсахъ подъ тѣнію дубовъ
Съ винтовками въ рукахъ засѣвшихъ шалуновъ,
Когда съ холмовъ крутыхъ, долины оглашая,
Безукоризненно несется гончихъ стая,
И празднымъ юношамъ дріадъ жестокихъ дань,
Уже изъ-за куста выскакиваетъ лань?
Вотъ — вотъ — и выстрѣлы; и въ переливахъ дыма
Еще быстрѣе лань, какъ-будто невредима,
Проклятьямъ вопреки и хохоту стрѣлковъ,
Уносится во мглу безбрежную лѣсовъ;
Но ловчій опытный, ужь на позывъ побѣдный
Къ сомкнувшимся губамъ рожокъ подъемлетъ мѣдный...

III.

СВИДАНІЕ ВЪ ЛѢСУ.

«Ты ль это? такъ поздно?»—«Я сбился въ потемкахъ съ дороги.
При мѣсяцѣ тускломъ тропа обманула лѣсная.
Грустила? меня вспоминала?»—«Скажи мнѣ, могла я
О чемъ постороннемъ подумать, любимецъ мой строгій?»
—«О! дай же мнѣ руку! Позволь цаловать эти ноги.
«Дрожишь; что̀ съ тобою?»—«Не знаю: въ лѣсу я, гуляя,
Пугаюсь, чуть листъ зашумитъ, или птица ночная.
Ахъ! знать, мы преступны, коль сердце такъ полно тревоги!
«Взгляни-ко мнѣ въ очи, въ лицо. Никогда не бывала
Вина такъ смѣла, тревога съ улыбкой такою.
Уже ль ты преступна, что быть мнѣ съ тобой позволяла?
Сижу я далеко. Любуюсь съ отрадой нѣмою...
И такъ я, мой ангелъ земной, наслаждаюсь съ тобою,
. . . . ,

IV.

Не спится. Дай зажгу свѣчу. Къ-чему читать?
Вѣдь снова не пойму я ни одной страницы,
И яркiй, бѣлый свѣтъ начнетъ въ глазахъ мелькать,
И ложныхъ призраковъ заблещутъ вереницы.
За что̀ жь? что̀ сдѣлалъ я? чѣмъ грѣшенъ предъ тобой?
Уже ли помыселъ мнѣ долженъ быть укоромъ,
Что такъ язвительно смѣется призракъ твой
И смотритъ на меня такимъ тяжелымъ взоромъ?

V.

ПЕРВЫЙ ЛАНДЫШЪ.

О, первый ландышъ! Изъ-подъ снѣга
Ты просишь солнечныхъ лучей;
Какая дѣвственная нѣга
Въ душистой чистотѣ твоей!

Какъ первый лучъ весеннiй ярокъ!
Какiе въ немъ нисходятъ сны!
Какъ ты плѣнителенъ, подарокъ
Воспламеняющей весны!

Такъ дѣва въ первый разъ вздыхаетъ,
О чемъ, не вѣдая ещо,
И въ первый разъ благоухаетъ
Ея блестящее плечо.

VI.

ЗНАКОМКѢ СЪ ЮГА.

На сѣверъ грустный съ пламеннаго юга,
Прекрасныхъ дней прекрасная подруга,
Ты мнѣ привѣтъ отрадный принесла,
Но холодомъ полночнымъ все убило,
Что̀ сердце тамъ такъ искренно любило,
И чѣмъ душа такъ радостно цвѣла.

О, ка̀къ бы я на милый зовъ отвѣтилъ
Тамъ, гдѣ луны встающей дискъ такъ свѣтелъ,
Гдѣ солнца блескъ живителенъ и жгучъ,
Гдѣ дышетъ ночь невыразимой тайной
И теплятся надъ спящею Украйной
Въ лучахъ лазурныхъ звѣзды изъ-за тучъ,

И грезитъ прудъ, и дремлетъ тополь сонный,
Вдоль тучъ скользя вершиной заострённой,
Гдѣ воздухъ, свѣтъ и думы за-одно,
И грудь дрожитъ отъ страсти неминучей,
И вѣткою все просится пахучей
Акація въ раскрытое окно.

ВОСПОМИНАНІЯ

РУССКАГО ПУТЕШЕСТВЕННИКА О ВЕСТ-ИНДІИ, КАЛИФОРНІИ И ОСТ-ИНДІИ.

Статья третья.

Прибытіе въ Аденъ. — Видъ Адена. — Важность его. — Второй Гибралтаръ. — Англія *покупаетъ* Аденъ. — Укрѣпленія Адена. — Его положеніе. — Разсказъ о захватѣ Адена Англичанами. — Капитанъ Хенъ. — Сдѣлка англичанъ. — Мнѣніе людей правдивыхъ о такомъ поступкѣ. — Реестръ англійскихъ захватовъ. — Близорукость французовъ. — Парсы. — Ихъ обряды. — Жизнь. — Обычаи. — Обѣдъ у парсовъ. — Рѣчи англичанъ. — Баядерки. — Пляски баядерокъ. — Обращеніе Парсовъ съ женами. — Кладбища Парсовъ. — Ихъ храмы. — *Бутылочный* человѣкъ (Botle-walah). — Его пожертвованія. — Еще продѣлка англичанъ на островѣ Пинангѣ. — Ихъ договоръ во имя Будды. — Жизнь на пароходѣ. — Плаваніе по Красному Морю. — Ныряющіе арабы. — Кораллы Краснаго Моря. — Прибытіе въ Суэцъ. — Взглядъ на него. — Домъ Бонапарте. — Лагерь и кладбище французовъ. — Библейскія воспоминанія. — Транзитъ по перешейку. — Верблюды. — Караваны. — Кареты въ пустынѣ. — Путешествіе по пустынѣ. — Гостинницы. — Телеграфы. — Хамсинъ. — Прибытіе въ Каиръ. — Первое впечатлѣніе Каира: городъ «Тысячи и Одной Ночи».

Плаваніе наше отъ Цейлона до Адена было чрезвычайно-успѣшно: легкій попутный вѣтерокъ, во все время перехода, паруса и паръ, спокойная и свѣтлая поверхность океана—вотъ обстоятельства, неразлучно-сопровождавшія пароходъ нашъ *Pottinger*, принадлежащій Остиндской Компаніи.

Подходя къ берегамъ, мы увидѣли нестройно-нагромажденные утесы и горы безъ малѣйшаго признака растительности; обнаженныя гранитныя массы разнообразнѣйшихъ формъ грудами спускались къ берегу океана и потомъ громоздились въ безпорядкѣ, поднимаясь на высоту нѣсколькихъ тысячъ футовъ.

Сколько глазомъ можно окинуть пространство, нѣтъ ни горсти земли, ни травки, ни одного дерева; только съ боковъ этихъ несокрушимыхъ гигантовъ сбѣгали дикія, черныя, бурыя, а иногда огненнаго цвѣта полосы: эти переливы свѣта производятъ удивительный эффектъ подъ знойнымъ аравійскимъ небомъ. Издали обнаженныя скалы чрезвычайно-похожи на домы, церкви, башни; но съ приближеніемъ, созданныя воображеніемъ зданія уступаютъ мѣсто грудамъ вѣковыхъ камней и разлетаются какъ видѣнія фатаморганы. Такая панорама развивалась передъ нами вдоль береговъ Счастливой Аравіи.

Наконецъ пароходъ сталъ врѣзываться въ узкую тѣснину: это ближайшая точка, раздѣляющая Азію отъ Африки, начало пролива Бабъ-эль-Мандебъ. *Pottinger,* описавъ крутую дугу, бросилъ якорь передъ обнаженными утесами, изъ которыхъ нѣкоторые высятся на 1700 фут. Гавань Аденъ превосходна; ея вѣчно-спокойный бассейнъ можетъ вмѣстить сотни судовъ всѣхъ размѣровъ. Мы должны были ждать парохода Остиндской Компаніи съ почтою и съ пассажирами изъ Бомбея, а потому я имѣлъ достаточно времени для-того, чтобъ ознакомиться съ мѣстностью и чтобъ собрать нѣкоторыя свѣдѣнія.

Аденъ находится на оконечности полуострова Аравіи и составляетъ, или по-крайней-мѣрѣ составлялъ, до занятія его англичанами, часть области Іэмена, «прелестнѣйшей страны въ Аравіи», по сказанію географій. Я уже очертилъ вамъ преддверье Адена, а къ очерку моему прибавлю только, что здѣсь нѣтъ ни капли прѣсной воды на значительное пространство, и что какое-то горько-солодковатое пойло привозятъ сюда на мулахъ и верблюдахъ въ кожаныхъ мѣшкахъ за нѣсколько десятковъ верстъ; къ довершенію картины прибавлю, что здѣсь лѣтъ по шести не бываетъ дождя; а все-таки Аденъ находится въ Счастливой Аравіи, хотя, право, острова гряды курильской или алеутской покажутся предъ нимъ раемъ.

Но Аденъ неоцѣнимъ потому, что имѣетъ превосходный, безопасный во всякое время года портъ, потому-что обстрѣливаетъ, такъ-сказать, съ громадной высоты утесовъ своихъ Индійскій Океанъ, охраняя такимъ образомъ Бомбей, Цейлонъ, Мадрасъ и Калькутту, словомъ: всѣ берега, принадлежащіе Англо-Индіи, отъ всѣхъ нескромныхъ притязаній со стороны морей, омывающихъ эти владѣнія; неоцѣнимъ Аденъ потому, что здѣсь сборный пунктъ, складочное мѣсто Англіи для силъ морскихъ и сухопутныхъ. Еслибъ въ настоящее время зашевелился Египетъ, ей ничего не стоило бы на своихъ пароходахъ изъ Калькутты и Бомбея перебросить нѣсколько десятковъ тысячъ сипаевъ въ Суэцъ и совершенно-неожиданно посѣтить Абаса пашу.

Хитрая, любостяжательная политика англичанъ, очень-хорошо понимая какъ для нея важенъ Египетъ — этотъ транзитъ въ Индію, постаралась *покупкою* Адена обезпечить и обезопасить себя съ этой стороны. Я разскажу, какъ Англія сдѣлала эту *покупку*, а теперь прибавлю, что Аденъ въ настоящее время одна изъ главныхъ морскихъ станцій на пути въ Индію *(Over-Land)* чрезъ Средиземное Море, Египетъ и Красное Море. Здѣсь всѣ пароходы Остиндской Компаніи запасаются углемъ, котораго огромныя количества лежатъ въ береговыхъ магазинахъ. При *покупкѣ* Адена, Англія имѣла цѣлью устроить здѣсь второй Гибралтаръ при входѣ въ Красное Море, и въ-самомъ-дѣлѣ, *очень-дешево* купивъ его, она употребила въ немногіе годы владычества своего на берегахъ Аравіи болѣе 12 мильйоновъ фунтовъ стерлинговъ, т. е. болѣе 72-хъ мильйоновъ рублей серебромъ на его укрѣпленіе.

Отъ гавани до города почти десять верстъ. Ступивъ на берегъ, нельзя не удивиться, видя огромное количество каменнаго угля, запасеннаго для пароходовъ. Недалеко отъ этихъ магазиновъ, при подошвѣ утеса, выстроенъ красивый домикъ — это гостинница, которую содержитъ парсъ ([1]); онъ беретъ по три руб. сер. за ночлегъ и обѣдъ, если пьете тухлую воду; за вино платится особо. Въ правой сторонѣ при входѣ въ гавань, на пригоркѣ, стоитъ домъ губернатора «Полномочнаго агента Англіи», который въ 1839 году усмирилъ здѣшнихъ арабовъ и въ награду получилъ этотъ постъ. По сторонамъ жилища офицеровъ, имѣющихъ занятія въ гавани; строенія чрезвычайно похожи на сквозныя клѣтки, въ которыя со-всѣмъ-тѣмъ не проходитъ воздухъ, потому-что здѣсь почти всегда 100° по Фаренгейту, но за-то толпами вьются всякаго рода мошки, мухи и комары.

Какъ вездѣ на Востокѣ, здѣсь ѣздятъ верхомъ на ослахъ: они очень породисты и скачутъ шибко и охотно. За цѣлый день обыкновенная плата 30 коп. сер. съ проводникомъ, по-большой-части арабскимъ мальчишкой, который прилежно скачетъ на своихъ ногахъ за галопирующимъ осломъ. Туристъ, которому непремѣнно надобенъ мѣстный колоритъ, за рупію (75 к. сер.) можетъ цѣлый день прокачаться на долговязой шеѣ верблюда. Конечно, въ этомъ много поэзіи, но труда больше, а потому я предпочелъ осла, несмотря на то, что дорога шла во все время крутояромъ, я черезъ три четверти часа былъ уже въ городѣ.

([1]) *Огнепоклонникъ.* Объ этой сектѣ будетъ говорено.

При самомъ въѣздѣ въ городъ просѣчена дорога въ громадномъ утесѣ, высота котораго болѣе 900 футовъ: какихъ трудовъ и усилій стоило пробиться сквозь эту толщу! Здѣсь крѣпостныя ворота, защищенныя батареями, расположенными на горахъ, и брустверами. На самыхъ возвышенныхъ пунктахъ оконечностей двухъ утесовъ, раздвоенныхъ для дороги, переброшенъ подъемный мостъ. Множество батарей расположены на утесахъ и на ихъ возвышенностяхъ: онѣ защищаютъ входъ въ то узкое пространство, которое отдѣляетъ берега Аравіи отъ африканскихъ береговъ; въ этомъ мѣстѣ ширина пролива не болѣе трехъ четвертей версты.

На первый разъ, не сообразивъ стратегическую важность Адена, дивишься и спрашиваешь себя: зачѣмъ на пустынныхъ берегахъ Индійскаго Океана поставлены эти орудія смерти? Отъ какихъ нападеній просятъ защиты эти несокрушимые утесы, гдѣ отъ вершины до подошвы нѣтъ даже дыханія жизни? Но эти вопросы быстро разрѣшаются, когда, взглянувъ на нестройные граниты Адена, вы видите и здѣсь длинныя вѣтви ногъ того полипа, котораго мы называемъ — Англіей.

Нѣкогда цвѣтущій Аденъ въ настоящее время совсѣмъ не напоминаетъ о своемъ прежнемъ благосостояніи. Онъ расположенъ въ глубокой ложбинѣ будто на днѣ погасшаго кратера, и со всѣхъ сторонъ окруженъ горами, которыя обстановлены батареями. Нѣкоторые домы новѣйшей постройки довольно-красивы; большею же частью Аденъ представляетъ груды развалинъ и землянокъ, которыя гораздо больше похожи на звѣриныя норы, нежели на жилища людей. Посреди ихъ замѣчательна башня въ нѣсколько сотъ футовъ вышины, прежде бывшая арабская мечеть, а нынѣ англичанами обращенная в обсерваторію. На гребняхъ горъ, на возвышенностяхъ 800 — 1000 футовъ видны сохранившіеся остатки укрѣпленій, поставленныхъ здѣсь во времена отдаленной древности.

Парсы, переселившіеся изъ Бомбея, ведутъ значительныя торговыя дѣла въ Аденѣ; они же принимаютъ снабженіе кораблей, сюда приходящихъ. Аденъ едва-ли не самое безплодное мѣсто на землѣ, а потому всякаго рода провизія, даже вода, доставляются сюда на ослахъ и на верблюдахъ за двадцать-пять верстъ. На здѣшній рынокъ привозится большое количество слоновой кости изъ Абиссиніи, а также золотой песокъ, въ той странѣ добываемый, идетъ сюда же. На каждомъ шагу арабскія женщины съ длинными, высокими кувшинами на головахъ, стройною, величественною осанкой и складками одежды своей напоминаютъ женъ временъ библейскихъ.

Версты за двѣ, подъ пушками крѣпости, обстрѣливающей городъ и гавань, есть древняя стѣна, носящая названіе Турецкой; она обозначаетъ линію англійскихъ владѣній. Но такъ-какъ арабы, вытѣсненные отсюда, ушли изъ Адена не по своей охотѣ, то нерѣдко меткими выстрѣлами изъ винтовокъ они протестуютъ противъ незаконнаго захвата англичанъ; а такіе протесты чрезвычайно уменьшаютъ прелесть прогулки за стѣнами города. Впрочемъ, это враги довольно-спокойные.

Страсть къ наживѣ, къ деньгамъ, у нихъ сильнѣе чувства мести, а потому они привозятъ въ городъ всѣ припасы, всю провизію безъ которыхъ Аденъ вымеръ бы съ голоду. Англійскій караулъ при входѣ за черту турецкой стѣны требуетъ отъ нихъ небольшой формальности: онъ отбираетъ и холодное и огнестрѣльное оружіе, точно такъ, какъ это дѣлаютъ при входѣ въ театры капельдинеры, которымъ мы отдаемъ палки и шубы свои, а при выходѣ изъ города арабы получаютъ все обратно.

Писатель, принимающій на себя обязанность разсказывать совершившіяся событія, безъ-сомнѣнія, имѣетъ право судить о нихъ строго, когда они кажутся ему достойными порицанія. Я бы, можетъ быть, не имѣя достаточныхъ источниковъ и матеріаловъ, воздержался отъ разсказа о захватѣ Адена англичанами, еслибъ не слышалъ, такъ-сказать на мѣстѣ во время странствованій моихъ по Индіи отъ самихъ англичанъ, всѣ подробности этого любопытнаго, весьма-рѣзко очерчивающаго ихъ характеръ событія. Впрочемъ, для составленія справедливаго понятія объ этомъ происшествіи, довольно принять въ основаніе изложеніе дѣла однимъ изъ губернаторовъ Остиндіи въ 1838 году. Компаніи явилась необходимая надобность въ складочномъ мѣстѣ для каменнаго угля на пути отъ Суэца въ Бомбей и на островъ Цейлонъ, откуда ея пароходы идутъ въ Мадрасъ, въ устье Ганга, въ Сингапуръ и въ Хон-Конгъ. Съ этою цѣлью она сперва поселилась на островѣ Сокотро; овладѣвъ этимъ островомъ, она послала на него военный отрядъ, но оставила это мѣсто по причинѣ чрезвычайно-вреднаго климата и совершеннаго недостатка въ благонадежномъ портѣ. Впослѣдствіи Компанія Остиндская дѣлала заселенія въ Макалахъ на юговосточномъ берегу Аравіи, въ Мокѣ, въ Джеддо, Коссеирѣ, Суэцѣ и, смотря по надобности, она посѣщала эти мѣстности. Наконецъ съ развитіемъ пароходства, ей сталъ нуженъ одинъ только портъ и, разумѣется, Аденъ удовлетворялъ всѣмъ требованіямъ, а потому рѣшено было захватить этотъ портъ, во что̀ бы ни стало.

Я постараюсь изложить событія послѣдовательно и въ-особенности указать на обстоятельства, которыя поставили въ сношенія англичанъ

съ Аденомъ. Сначала, по предложенію губернатора Бомбея, было предположено захватъ этотъ сдѣлать безъ всякихъ предварительныхъ, хитросплетенныхъ мѣръ; но впослѣдствіи придумано было средство лучшее, достойнѣйшее Остиндской Компаніи.

Одинъ изъ капитановъ (Накода), ходящихъ на старомъ каботажномъ суднѣ въ Персидскомъ Заливѣ, застраховалъ его въ Бомбеѣ и, по наученію агента Компаніи, сложивъ грузъ свой въ устьяхъ Евфрата, съ намѣреніемъ выѣхалъ на кораблѣ своемъ на берегъ; въ Бассорѣ составили ложные документы въ доказательство происшедшаго крушенія и заплатили какому-то армянину 17 фун. стерлин. (почти сто руб. сер.) за составленіе этихъ документовъ.

Бомбейскій домъ выдалъ сумму, въ которой было застраховано судно, и на капиталъ, вырученный такою честною продѣлкою, былъ выстроенъ другой корабль *Деріо-Девлетъ,* который по документамъ получилъ владѣтелемъ какого-то принца индійскаго, и только поэтому имѣлъ право ходить подъ англійскимъ флагомъ.

Въ январѣ 1837 года, Деріо-Девлетъ вышелъ изъ Мадраса съ фрахтомъ для Калькутты и на Малабарскій Берегъ, подъ англійскимъ флагомъ и также съ намѣреніемъ былъ разбитъ капитаномъ на берегахъ Адена. Жители разграбили корабль и не оказали ни малѣйшаго вспомоществованія его командѣ и пассажирамъ, оставшимся безъ припасовъ на разбитомъ суднѣ, а впослѣдствіи погибшимъ при попыткѣ спастись на берегъ. Только немногимъ удалось избѣжать смерти, но и тѣ были тотчасъ же ограблены. Нѣсколько мухаммеданскихъ женщинъ, отправлявшихся на поклоненіе въ Мекку, при этомъ случаѣ потерпѣли поруганіе и, разумѣется, напрасно умоляли о защитѣ. По всѣмъ вѣроятіямъ, султанъ Адена подѣлился добычею; во всякомъ случаѣ, грабежъ судна происходилъ съ его вѣдома.

Управленіе Бомбея, узнавъ объ этомъ происшествіи, подготовленномъ англійскими агентами, тотчасъ же донесло о немъ англо-индійскому регенту, присовокупивъ, что оскорбленіе, нанесенное правительствомъ Адена лицамъ и собственности, находившимся подъ покровительствомъ англійскаго флага, требуетъ внимательнаго изслѣдованія и немедленнаго удовлетворенія. При этомъ случаѣ управленіе Бомбея просило, чтобъ ему было дозволено безъ потери времени, если бы таковое требованіе не было совершенно удовлетворено, употребить силу; вмѣстѣ съ тѣмъ оно просило, чтобъ дозволено было тотчасъ же занять портъ Адена въ вознагражденіе обиды, нанесенной англійскому флагу.

Вотъ что̀ говоритъ по поводу этого дѣла губернаторъ Бомбея въ своей оправдательной депешѣ, о которой я упомянулъ выше:

«Это предложеніе не было принято главнымъ управленіемъ. Быть-можетъ, предложенная мѣра показалась слишкомъ-рѣшительною; но во всякомъ случаѣ, по законамъ образованныхъ націй, всякое правительство имѣетъ право требовать вознагражденія за ущербы, нанесенные его подданнымъ. Въ этомъ вознагражденіи должно уже заключаться удовлетвореніе какъ за нанесенный вредъ, такъ и гарантія въ томъ, что нанесеніе подобнаго вреда уже не повторится; а если сторона, причинившая ущербъ, не хочетъ или не можетъ удовлетворить подобнаго требованія, то оскорбленная сторона имѣетъ полное право принять мѣры къ отмщенію и такимъ образомъ обезпечить себя».

Англо-индійское правительство не одобрило мѣры занятія береговъ Адена, предложенной управленіемъ Бомбея и предписало истребовать только удовлетвореніе отъ аденскаго султана, говоря: «Если нанесенное оскорбленіе за флагъ Англіи, поднятый на «Деріо-Девлетѣ», будетъ удовлетворено, то можно будетъ войдти въ дружескія сношенія съ султаномъ, по поводу пріобрѣтенія Адена для каменно-угольныхъ магазиновъ, или для захода въ гавань судовъ, укрывающихся отъ бурь».

Вотъ вслѣдствіе такихъ хитросплетенныхъ мѣръ и наставленій, управленіе Бомбея поручило капитану Хену, отправленному по этому обстоятельству депутатомъ въ Аденъ, истребовать отъ султана удовлетвореніе за обиду флагу, а также его согласіе на постройку магазиновъ для храненія каменнаго угля. Капитанъ Хенъ увѣдомилъ, что султанъ отдаетъ охотно и на выгодныхъ условіяхъ этотъ почти пустынный берегъ Адена, и потому депутату было предписано вступить по этому предмету въ сношенія съ султаномъ, сообразно предписаніямъ Главнаго Управленія Остиндской Компаніи.

Послѣ переговоровъ съ капитаномъ Хеномъ, султанъ согласился выдать треть цѣнности ограбленнаго корабля, а потому безъ спора, формальнымъ актомъ, утвержденнымъ его подписью и скрѣпленнымъ печатью, онъ уступалъ во владѣніе англичанамъ городъ и близлежащія къ Адену земли, съ тѣмъ, что покупатели обязаны вносить ему 8,700 испанскихъ піастровъ, или 12,428 р. 57 к. сер. вмѣсто 6,000 или 8,571 р. 42 к. с., получаемыхъ имъ корабельнаго сбора въ аденскомъ портѣ.

Вѣдь, казалось бы, что̀ выгоднѣе этой сдѣлки? Обѣ стороны, казалось, сходились и расходились честно; но прошу послѣдовать за событіями. Присланный депутатомъ капитанъ Хенъ не зналъ ни слова поарабски; при немъ былъ переводчикъ, одинъ изъ тѣхъ плутовъ-агентовъ, которымъ капитаны кораблей выдаютъ одобрительные аттестаты при выходѣ изъ посѣщаемыхъ ими портовъ. Этотъ переводчикъ, вѣ-

роятно, желая упростить формы дипломатическихъ сношеній, похитилъ печать такъ-называемаго арабскаго султана и приложилъ къ продажному акту.

Депутатъ Хенъ во время этихъ переговоровъ уже получилъ треть суммы за разбившійся корабль и преспокойно держалъ въ карманѣ готовый актъ. Ему было назначено прощальное свиданіе съ султаномъ; но свиданіе это не состоялось, потому-что капитанъ Хенъ узналъ, будто бы сынъ султана составилъ заговоръ задержать его на этомъ прощаньѣ и отнять всѣ бумаги, до порученія относящіяся. Капитанъ Хенъ полагаетъ, что замыслъ этотъ былъ составленъ длятого, чтобъ отнять у него полученныя деньги за ограбленный корабль «Дерію-Девлетъ».

«Какъ бы то ни было (говоритъ губернаторъ Бомбея), актъ на владѣніе Аденомъ у насъ въ карманѣ и многоуважаемый капитанъ Хенъ удостовѣряетъ, что стойкость съ нашей стороны, которую мы должны показать въ этомъ дѣлѣ, да нѣсколько горстей удачно-брошенныхъ піастровъ, окончательно упрочатъ все за нами. Какъ бы то ни было, я радуюсь такому благопріятному исходу столкновеній: вслѣдствіе ихъ, мы удержимъ за собою Аденъ, который можетъ служить надежнымъ складочнымъ мѣстомъ для нашихъ военныхъ снарядовъ, припасовъ и каменнаго угля, а также безопаснымъ убѣжищемъ для транспортовъ и купеческихъ судовъ. Оставлять корабли наши и пароходы на произволъ варваровъ, которые, увлекаясь порывами необузданныхъ страстей, могутъ ежеминутно нарушать священнѣйшіе договоры, значило бы воздвигать на зыбкомъ пескѣ наши крѣпости».

«Присовокупляю, что капитанъ Хенъ вполнѣ заслужилъ благосклонное вниманіе начальства, и что онъ долженъ быть вознагражденъ за всѣ издержки, понесенныя имъ во время возложеннаго на него порученія; а потому предписываю представить по этому предмету полныя свѣдѣнія».

Итакъ вотъ почетныя права, въ силу которыхъ основался этотъ, такъ справедливо называемый второй Гибралтаръ!

Я далекъ отъ намѣренія представить, что всѣ эти событія мнѣ удалось разгадать своимъ собственнымъ соображеніемъ: все, мною сказанное, почерпнуто отъ людей, достойныхъ вѣроятія, и изъ остиндскихъ же журналовъ. Въ Бомбеѣ очень-хорошо всѣ знали, что тайна этихъ дальновидныхъ оборотовъ выдана однимъ изъ семи или восьми англичанъ, находившихся въ аденскомъ гарнизонѣ. Капитанъ Хенъ не опровергалъ, не преслѣдовалъ издателей журналовъ, говорившихъ объ этомъ событіи, и такимъ-образомъ молчаніемъ своимъ созналъ свой подвигъ. Впрочемъ, кромѣ этого, въ то же время совершились замѣчательныя дѣла. Капитанъ Хенъ благоразумно истребовалъ, прежде разговоровъ объ Аденѣ,

сумму за Деріо-Девлетъ, и тогда же одинъ изъ пашей, состоящихъ подъ начальствомъ Мехмета-Али, сталъ угрожать нападеніемъ на Аденъ. Вслѣдствіе того, весьма-удачно воспользовавшись страхомъ арабскаго султана, ему было отъ англійскаго депутата, вмѣсто заслуженнаго преслѣдованія, обѣщано покровительство отъ наступающаго врага. Кстати: впослѣдствіи позабыли вознаградить того капитана *(Насода)*, который разбилъ Деріо-Девлетъ.

Положимъ, что есть даже нравственныя выгоды отъ того, что Аденъ изъ гнѣзда разбойниковъ сталъ складочнымъ мѣстомъ для каменнаго угля, что англо-индійская корреспонденція, вмѣсто полугода, теперь доходитъ по назначенію въ одинъ мѣсяцъ; глубоко-убѣжденный, что подобные пункты на земномъ шарѣ должны непремѣнно сдѣлаться достояніемъ націй образованныхъ, я столько же мало соболѣзную о вытѣсненіи изъ Адена какого-нибудь арабскаго султана съ его дикимъ племенемъ, какъ о долѣ, постигающей въ настоящее время племена краснокожихъ индійцевъ, исчезающихъ изъ долинъ Калифорніи и Орегона; но, радуясь отъ души полезному приложенію къ пользамъ человѣчества безжизненныхъ гранитныхъ грудъ Адена, нельзя хвалить и рукоплескать мѣрамъ лицемѣрія, къ которымъ приступлено бываетъ къ упроченію подобныхъ захватовъ. Такіе подвиги не дѣлаютъ чести людямъ, дозволяющимъ себѣ столь недостойные происки во вредъ ничтожнаго араба и вмѣстѣ выставляющимъ себя на удивленіе міра опорою справедливости, нравственности и просвѣщенія! А въ отвѣтъ тѣмъ, которые бы мнѣ сказали, что люди политическіе не должны быть честными людьми, лишь бы успѣхъ вѣнчалъ дѣла ихъ, я бы отвѣчалъ не запинаясь, что, вслѣдствіе такихъ ученій, всѣ сношенія народовъ между собою станутъ невозможны, а потому они разрушительны для обществъ!

Конечно, было бы нравственнѣе купить городъ, нежели подъ какимъ-нибудь хитросплетеннымъ предлогомъ захватить его; но такая покупка не всегда сообразна съ требованіями и условіями права народнаго. Въ подобныхъ сдѣлкахъ нужна полная увѣренность, что интересы нейтральные останутся неприкосновенными; и сверхъ-того, нужно убѣжденіе въ правахъ продавца. Вслѣдствіе трактатовъ между Портою и Англіею, для поддержаніи которыхъ она содержитъ посланника въ Константинополѣ и консуловъ во всей Турціи, султанъ турецкій признанъ обладателемъ Адена. По какому же праву англичане безъ всякихъ разговоровъ, только по случайно-представившейся надобности, признаютъ властителемъ цѣлой области арабскаго шейха, въ ней водворившагося и самовольно титулующагося султаномъ? Правда, что турецкій султанъ, предъявляющій притязанія на Аденъ, въ немъ не имѣетъ ни-

какой власти; но такихъ городовъ найдется много почти у самыхъ воротъ стамбульскихъ; они очень-часто управляются ни отъ кого независимыми начальниками; легко можно взяться отъ всякаго такого правителя добыть владѣльческій актъ, по которому онъ за деньги уступитъ владѣніе свое; можетъ-быть и то, что этотъ владѣтель далъ бы актъ, взялъ бы деньги за него, да владѣнія бы не выдалъ. Даже такого акта, такого лоскутка бумаги Англія не можетъ представить на владѣніе свое Аденомъ! Одинъ изъ директоровъ компаніи сэръ Генри Вейлокъ положительно говоритъ о томъ въ письмѣ, публично адресованномъ на имя лорда Мельборна; онъ въ этомъ письмѣ доказываетъ, что захватъ Адена есть дѣло насилія и обмана; лордъ Линдгурстъ съ презрѣніемъ опровергаетъ доводы и объясненія британскаго правительства по поводу этого дѣла. Таковы мнѣнія двухъ мужей чести и правды по случаю этого захвата, въ самой Англіи.

Здѣсь да позволено мнѣ будетъ указать фактически на расширеніе Англіи съ 1814 года: въ 1814—15—16 годахъ Англія взяла лучшую часть Неполя; въ 1817—18—19, она ниспровергла имперію Маратовъ и утвердилась въ Сингапорѣ; въ томъ же 1819 году, безъ всякихъ предварительныхъ столкновеній, а только въ видахъ необходимыхъ мѣръ, Англія захватила въ Индіи слѣдующія мѣста: Гатрасъ, Невихъ, Нейти, Бари, Буй, Ассирхуръ, Копаль; въ 1820 году совершилось паденіе Дварки; 1824—25—26 годы были употреблены на войны съ бирманами; войны эти кончились покореніемъ обширной области и владычествомъ надъ Рангуномъ; 1834 годъ отмѣченъ взятіемъ Курга и нападеніемъ на Кантонъ, которое кончилось тѣмъ, что Англія силою оружія поставила своего консула въ средѣ китайцевъ. Между-тѣмъ, какъ совершались эти событія въ Индіи, Англія утверждала свои многочисленныя заселенія на новомъ обширномъ материкѣ — я говорю объ Австраліи. Умалчиваю о тѣхъ сдѣлкахъ, которыя, не составляя матеріальныхъ захватовъ областей, имѣли въ существѣ тѣ же результаты; такимъ-образомъ не говорю о трактатахъ съ семействомъ Эмир-Хана въ 1817 году; молчу о Гейдер-Абадѣ. Но какъ умолчать о хозяйничествѣ англичанъ въ Египтѣ, который, ставъ транзитомъ остиндской линіи, представляетъ только протяженіе англо-индійскихъ владѣній? Нынѣшній властитель Египта не есть ли только покорный слуга, управитель, то̀, что̀ называютъ испанцы *Maiordomo*, въ той англо-индійской фермѣ, въ которой такъ долго гремѣла незатмѣваемая слава Фараоновъ!

И странное дѣло! скажу, возвращаясь къ Адену, что я не могъ смотрѣть безъ удивленія на недальновидность французскихъ агентовъ,

находящихся въ томъ краѣ: не понимая, что этотъ второй Гибралтаръ поставленъ длятого, чтобъ остановить могущее возродиться стремленіе Франціи къ берегамъ Англо-Индіи со стороны океана, они увѣряютъ, что всѣ старанія англичанъ сосредоточить въ Аденѣ аравійскую торговлю, останутся тщетны; что Адену суждено быть навсегда угольной ямой, гарнизонъ которой арабы держатъ въ заперти! что владѣніе Аденомъ, котораго крѣпости и батареи стòютъ ужь Англіи до двѣнадцати мильйоновъ фунтовъ стерлинговъ, не находка... и такія рѣчи я слышалъ неоднократно отъ французскихъ агентовъ въ Пондишери, отъ ихъ консуловъ въ Коломбо, Каирѣ и Александріи!.. Какъ же не подивиться такой близорукости Франціи и не сказать: «кого Господь караетъ — у того умъ отнимаетъ!»

Я сказалъ, что въ Аденѣ главнѣйшіе торговые обороты находятся въ рукахъ парсовъ. Постараюсь занять вниманіе читателей, передавъ тѣ свѣдѣнія, которыя мнѣ удалось собрать о нихъ. Предки парсовъ, поселившихся въ Индіи, были послѣдователи ученія Зороастра, ушедшіе изъ Персіи во время нашествія халифовъ мухаммеданскихъ въ половинѣ VII-го столѣтія. Персидскія преданія говорятъ, что вначалѣ они нашли убѣжище на юговостокѣ Индіи и поселились въ Іэздѣ и Керманѣ, впослѣдствіи, по этимъ же преданіямъ парсы перешли въ Ормицъ; но историки, заслуживающіе бòльшаго вѣроятія, приводятъ парсовъ черезъ Хорасанъ, а впослѣдствіи говорятъ, что они поселились въ Санджанѣ.

Подходя къ Санджану, парсы застигнуты были жестокою бурей и устрашенные путники дали обѣтъ: если они избѣгнутъ гибели, содержать вѣчно священный огонь въ честь божества Изад-Бирхама Они счастливо прибыли на мѣсто; нѣкоторые изъ нихъ явились къ владѣтелю области и просили позволенія поселиться въ землѣ его. Ихъ представители явились къ князю санджанскому, который требовалъ свѣдѣній о вѣрѣ, ими исповѣдуемой; на такое требованіе парсы просили нѣсколько дней сроку и представили изложеніе своей вѣры въ 16 главахъ на санскритскомъ языкѣ.

Парсъ, съ которымъ я познакомился въ Аденѣ, былъ человѣкъ просвѣщенный; недавно возвратясь изъ Европы, онъ даже привезъ портретъ Рашели. Онъ говорилъ мнѣ, что по своимъ уставамъ храбрые парсы поклоняются стихіямъ и божеству Ормузду; что въ семи случаяхъ хранятъ молчаніе: во время омовеній, когда смотрятъ на божество, приносятъ жертвы огню, во время принятія яствы и при нѣкоторыхъ другихъ случаяхъ; они употребляютъ цвѣты и духи въ своихъ религіозныхъ церемоніяхъ; что поклоняются коровѣ и обливаются ея изверженіями; сва-

дебные обряды охотно сопровождают музыкою и пѣснями; украшают и окуриваютъ благовоніями женъ своихъ; охотно раздаютъ милостыни и устроиваютъ колодцы и водохранилища. Ихъ мужчины и женщины очень-человѣколюбивы; для молитвъ и для яствъ носятъ священный поясъ; для поддержанія священнаго огня жгутъ благовонное дерево; молятся пять разъ въ день; строго сохраняютъ супружескую вѣрность; ежегодно обрядами поминаютъ предковъ и вообще глубоко уважаютъ уставы вѣры своей.

Парсы получили дозволеніе остаться, съ тѣмъ, что они не будутъ носить оружія; что въ общежитіи они станутъ говорить на языкѣ той земли, въ которой намѣрены поселиться; что станутъ одѣвать женъ своихъ по обычаю женъ индійскихъ и что обряды бракосочетанія будутъ совершаться ночью.

Вскорѣ парсы размножились и утвердились. Такъ поддерживая священный огонь предъ божествомъ Бирхама, они провели три столѣтія. Впослѣдствіи парсы перенесли этотъ огнь въ пустыню, преслѣдуемые мухаммеданами.

Главныя религіозныя книги послѣдователей Зороастра написаны на ученыхъ, мертвыхъ языкахъ; не многіе жрецы ихъ понимаютъ. Жрецы парсовъ отличаются отъ свѣтскихъ людей бѣлой чалмой. Въ Индіи они немногочисленны; въ ней только пятьдесятъ тысячъ парсовъ, изъ которыхъ двадцат живутъ въ Бомбеѣ; во всѣхъ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ есть англійскія станціи, или тамъ, гдѣ есть хоть нѣсколько-значительная торговля, вы навѣрное найдете жрецовъ парсовъ; въ ихъ вѣрѣ болѣе терпимости, нежели между индусами, а потому они и могутъ вести торговые обороты; при тѣсныхъ же связяхъ и товариществѣ всякое дѣло, всякое предпріятіе въ ихъ рукахъ становится монополіею. Въ Бомбеѣ парсы — первые купцы, банкиры, корабельные строители, биржевые маклера, агенты, слуги и работники. Они занимаются землепашествомъ и гонятъ водку изъ пальмоваго сока.

Гебры, или парсы, изъ Іэзды и Кермана, говорили мнѣ, что они живутъ тамъ въ числѣ четырехъ тысячъ семействъ, въ чрезвычайной бѣдности, преслѣдуемые мухаммеданами. Они отправляютъ богослуженіе свое скрытно, и многіе изъ нихъ объявляютъ даже, что они мухаммедане; а какъ о вѣрѣ ихъ ни слова не говорится въ Алкоранѣ, то ихъ дозволяется мучить, угнетать и даже убивать, какъ животныхъ. Я видѣлъ также нѣсколькихъ гебровъ, которые ходятъ на поклоненіе живымъ огнямъ въ Баку, на берегахъ Каспійскаго Моря. Они утверждали мнѣ, что произошли не отъ персовъ и что начало ихъ рода на сѣверѣ Индіи. Мнѣ казалось, что они не кавказскаго племени, какъ тѣ, которые

вышли изъ Персіи, и что они имѣли всѣ привычки индусовъ; въ жилищахъ ихъ, окружающихъ обширный очагъ, на которомъ горитъ священный огонь, я не замѣтилъ одеждъ; эти гебры были совершенно наги, и между ними я не видѣлъ тѣхъ обрядовъ, которые не разъ наблюдалъ въ Индіи: эти гебры бормотали только какія-то молитвы.

Несмотря на льготы и свободу, которыми парсы пользуются въ Индіи, они носятъ печать тѣхъ вѣковыхъ угнетеній, которымъ подвергались во времена могущества мухаммеданъ. По привычкамъ, парсы очень-похожи на жидовъ; и если они не такъ скупы, какъ жиды, то никакъ не уступаютъ ни въ промышленномъ направленіи, ни въ стойкости для достиженія однажды положенной цѣли. Парсы дѣлятся на касты, которыя ярко обозначаются. Званіе строителя — почетнѣйшее; за нимъ слѣдуетъ званіе купца. Мнѣ кажется, они чрезвычайно-титлолюбивы, и очень-довольны, когда къ ихъ имени прикладывается словечко: *esquire*.

Англійское правительство даетъ развитіе этому тщеславному направленію. Я самъ слышалъ въ Калькуттѣ, какъ англійскій чиновникъ, читая имена присяжныхъ, къ прозвищамъ парсовъ прибавлялъ *esquire*, то-есть: его благородіе. Мнѣ случалось быть въ сборищахъ этихъ почитателей Зороастра и видѣть празднества ихъ. Одинъ изъ знакомыхъ парсовъ пригласилъ меня къ себѣ на ужинъ, которымъ онъ праздновалъ свое примиреніе съ братомъ. Общество собралось въ великолѣпномъ загородномъ домѣ, ему принадлежавшемъ. На воротахъ сада горѣлъ щитъ, въ честь королевы Викторіи и весь садъ былъ иллюминованъ. Я вошелъ въ обширную залу, освѣщенную множествомъ хрустальныхъ лампъ, въ которыхъ горѣло кокосовое масло; о такомъ освѣщеніи мы въ Европѣ не имѣемъ понятія.

Хозяинъ былъ одѣтъ въ бѣлое широкое платье, а на плечахъ его красовалась кашмировая шаль, такъ-что съ перваго взгляда онъ былъ очень-похожъ на женщину, еслибъ не длинные усы. Стоя, принималъ онъ гостей своихъ и тотчасъ же, послѣ привѣтствія, родственники его подавали гостю на подносѣ цвѣты, одежду его брызгали розовою водою и предлагали бетель, завернутый въ окрашенный золотомъ листъ. Потомъ всѣ усаживались и начиналась пляска и пѣсни баядерокъ, которыхъ въ Индіи называютъ *Ночисами*. Вотъ въ чемъ состоитъ ихъ пляска: баядерка одѣта только въ кисейное покрывало, вышитое золотомъ и серебромъ, и спускающееся не ниже колѣнъ; на ногахъ у нея нѣтъ ничего, кромѣ деревянныхъ сандалій, которыя прикрѣпляются тонкимъ ремешкомъ къ большому пальцу; она становится на концѣ комнаты и за нею три музыканта, съ инструментами, похожими на

волынку, на скрипку и на кларнетъ; главный же музыкальный инструментъ обыкновенно там-тамъ. Баядерка идетъ медленно по комнатѣ, въ-сопровожденіи неразлучныхъ музыкантовъ. Пройдя комнату, она, не оборачиваясь, идетъ назадъ на прежнее мѣсто. Въ ея движеніяхъ, жестахъ, нѣтъ бѣшеной страсти испанскаго салтарелло и фанданго, но и пляска баядерки ясно выражаетъ всю тревогу и блаженство любви. Эта пляска постепенно изъ спокойной, граціозной походки, переходитъ въ отрывистыя, непокоряющіяся кадансу движенія. Пѣсни баядерокъ при плясках, какъ я имѣлъ случай убѣдиться, неочень-скромны, и въ этомъ отношеніи нисколько не уступятъ пѣснямъ, которыя я часто слыхалъ въ Хили, Перу, Мехикѣ и въ Калифорніи. Баядерки поютъ на индостанскомъ нарѣчіи; во время пляски баядерка съ группою музыкантовъ непремѣнно старается остановиться передъ всякимъ гостемъ, и въ это время плещетъ на него розовою водою. Это значитъ, что посѣтитель долженъ отдѣлаться отъ нея какою-нибудь монетою; если гость не поторопится выдать ей рупію, она садится у ногъ его и до-тѣхъ-поръ поётъ, дѣлая надъ головою своею фигуры изъ кисейнаго одѣяла, пока вы не отвяжетесь отъ нея. Несмотря на оригинальность танца, на поэтическій костюмъ баядерки, на всю обстановку, ее окружающую; несмотря на то, что сначала европеецъ будто прикованъ къ этому новому зрѣлищу, она ему скоро надоѣдаетъ, потому-что скучно смотрѣть на такую пляску, въ которой мужчина не принимаетъ участія: главное, я никакъ не могъ привыкнуть ни къ пѣснямъ ихъ, ни къ дикой игрѣ музыкантовъ, и по-бо̀льшей-части уходилъ съ головною болью отъ оглушительнаго там-тама. Баядерки, пляшущія предъ обществомъ, неисповѣдующимъ религіи индусовъ, по-бо̀льшой-части мухамедданки. Баядерки болѣе образованы, нежели другія женщины въ Индіи, и между ними я встрѣчалъ красавицъ. Всѣ танцовщицы, исклю чая баядерокъ индійскихъ, находящихся при нѣкоторыхъ пагодахъ, принадлежатъ къ кастѣ паріевъ.

Хозяинъ дома обыкновенно ничего не платитъ баядеркамъ за пляски, потому-что гости щедро вознаграждаютъ ихъ.

На этомъ праздникѣ ужинъ былъ поданъ на европейскій ладъ, а потому я не стану его описывать. Хозяинъ, пригласившій насъ, самъ не могъ быть съ нами за столомъ, потому-что обряды религіи ему это воспрещали. Когда мы отужинали, онъ явился для выслушанія рѣчей (Speeches), безъ которыхъ англичане жить не могутъ. Признаюсь, этотъ отдѣлъ вечера вдоволь позабавилъ меня. Я люблю слушать импровизованнаго оратора, когда онъ послѣ ужина силится связать несвязныя рѣчи, ищетъ словъ въ карманѣ, говоритъ не то, что̀ бы ему

сказать хотѣлось, теряется и ужь договариваетъ не языкомъ, а руками!... Я люблю слушать, когда самыя обыкновенныя, простыя вещи выражаются тономъ рѣшительнымъ, важнымъ, диктаторскимъ, словомъ: такимъ тономъ, который вы только и услышите между британскими ораторами. Нашъ ораторъ хотѣлъ просто выпить за здоровье хозяина, и поздравить братьевъ съ примиреніемъ — и что жь? Онъ разразился длинной, нескончаемой рѣчью, которую бѣдный парсъ слушалъ повеся носъ и потупивъ глаза въ землю, словно къ смерти приговоренный; въ этой рѣчи, сколько я помню, дѣло доходило даже до слоновъ, львовъ и тигровъ индійскихъ.

Въ другой разъ мнѣ случилось быть съ французскимъ консуломъ на обѣдѣ парсовъ. Для насъ былъ накрытъ особый небольшой столъ, потому-что гости съ нами обѣдать не могли; и хотя столъ нашъ стоялъ въ почтительномъ разстояніи, такъ-что мы осквернить никого не имѣли возможности, но мы видѣли все, что̀ происходило за столомъ парсовъ. Поставили на столъ десятка три тарелокъ, безъ вилокъ и безъ ножей, и передъ каждымъ гостемъ, вмѣсто стакана, мѣдную чашку; подали рисовый хлѣбъ и нѣсколько странно-приготовленныхъ блюдъ, въ которыхъ господствовалъ рисъ — любимое и почти единственное кушанье парсовъ. Мяса за ихъ столомъ не было. Во время обѣда не сохранялось молчаніе, предписываемое уставомъ ихъ вѣры: разговоръ шелъ живо и громко, несмотря на то, что парсы пили одну воду. Я замѣтилъ, что, садясь за столъ, они сняли свои бѣлыя одежды и остались въ однѣхъ рубашкахъ; эта часть одѣянія почитается священною между парсами и подвязывается поясомъ, который они, какъ индусы, никогда не скидаютъ и называютъ *кусти*. Нѣкоторые изъ нихъ пили вино за наше здоровье и, вѣроятно, нарушали тѣмъ свои обычаи.

Смотря на нашъ обѣдъ и на скромную трапезу парсовъ, не было никакого сомнѣнія, что она не стоила и четвертой части того, что̀ было истрачено на наше угощеніе: нашъ столъ обильно былъ уставленъ винами, ликерами и всякаго рода кушаньями. Я не думаю, чтобъ многимъ путешественникамъ удалось побывать на такомъ обѣдѣ, и этимъ приглашеніемъ хозяинъ нашъ желалъ изъявить консулу всю дружбу и уваженіе. Обѣдъ нашъ должно было приготовить совершенно-отдѣльно, даже въ кухнѣ сдѣлать особое отдѣленіе. Съ величайшими предосторожностями подавался консулу огонь, когда онъ закуривалъ наргилѐ. Мѣдныя чашки на столѣ поставлены были съ тою цѣлью, чтобъ мы нечистыми взорами не осквернили воду. Парсы точно такъ, какъ и индусы, пьютъ не прикасаясь къ краямъ сосуда, но, нѣсколько поднявъ

ею, наливают воду въ ротъ, и это они такъ ловко дѣлаютъ, что ни одной капли не проливаютъ.

Одежда мужчинъ состоитъ изъ широкихъ шальваровъ и длинныхъ широкополыхъ кафтановъ. Рубаха и шальвары изъ бѣлаго шелковаго фуляра, а кафтанъ изъ бѣлой кисеи ; на головѣ носятъ нѣчто въ родѣ высокаго кивера около двухъ четвертей, обтянутаго черною клеенкой.

Парсы происходятъ отъ племени кавказскаго, а потому лица ихъ женщинъ совершенно отличаются отъ индійскихъ и несравненно-красивѣе. Женщины носятъ шальвары, какъ то̀ обыкновенно на Востокѣ, и кисейное покрывало зеленое, или красное, вышитое звѣздами. Почти всѣ жены парсовъ, какого бы званія ни были, сообразно обычаямъ Востока, ходятъ сами за водою и занимаются хозяйствомъ. Онѣ остаются въ совершенномъ невѣжествѣ и мужья обращаются съ ними неочень-внимательно. Во время родовъ жены изгоняются изъ жилищъ и по-большей-части отсылаются въ конюшни ; въ это время онѣ не могутъ прикасаться ни къ домашней утвари, ни къ какимъ бы то ни было вещамъ, составляющимъ домашнее хозяйство. Парсы очень-ревнивы и, говорятъ, часто отравляютъ женъ своихъ. Жена, уличенная въ невѣрности, теряетъ, какъ я слышалъ, всѣ права свои, и должна, для очищенія, отправиться въ дальнее путешествіе, изъ котораго рѣдко возвращается.

Парсамъ дозволяется имѣть только одну жену. Если въ продолженіе девяти лѣтъ у жены нѣтъ дѣтей, или есть только дѣти женскаго пола, мужъ можетъ жениться на другой; но онъ обязанъ содержать первую свою жену. Въ такомъ случаѣ и жена можетъ выйдти за̀мужъ. По уставамъ вѣры парсовъ, мужъ можетъ быть увѣренъ въ вѣчномъ блаженствѣ послѣ смерти, если жена родитъ ему сына.

Парсы на касты собственно не раздѣляются ; впрочемъ, они заняли многое изъ жизненныхъ обычаевъ индусовъ. Напримѣръ : женщины ихъ не могутъ показываться въ публичныхъ зрѣлищахъ ; дома онѣ живутъ отдѣльно отъ мужей ; ѣдятъ отдѣльно, и вобще почитаются какою-то собственностью. Дѣвочки обручаются въ дѣтствѣ съ мальчиками и выходятъ за̀мужъ, не достигнувъ и десятилѣтняго возраста. Въ случаѣ смерти жениха, родители могутъ отъискать для дочери другаго ; считается постыднымъ, если отецъ не можетъ сыскать жениха для своей дочери.

Совсѣмъ тѣмъ, жены парсовъ пользуются бо̀льшею свободою, нежели жены индусовъ ; имъ дозволяется сидѣть у оконъ и даже присутствовать при гостяхъ, принимаемыхъ мужемъ ; и въ обоихъ случаяхъ онѣ остаются съ незакрытымъ лицомъ.

Женщины употребляютъ для одеждъ своихъ не прозрачную кисею, но шелкъ, и по-большой-части, какъ я сказалъ, носятъ шальвары. Одежды ихъ богато вышиваются золотомъ и даже трехлѣтнія дѣти носятъ вышитыя золотомъ платья. Жены парсовъ страстно любятъ головныя украшенія и уборы изъ драгоцѣнныхъ камней, жемчуговъ и брильянтовъ. Совсѣмъ не рѣдкость видѣть женщину, обвѣшанную дорогими уборами на 70—80 т. р. с.; даже на годовыхъ дѣтяхъ видишь браслеты и драгоцѣнныя кольца.

Мнѣ очень хотѣлось видѣть, кàкъ парсы погребаютъ своихъ покойниковъ; знакомецъ мой привелъ меня на возвышенность, находящуюся за городомъ. Здѣсь было пространство, огороженное рѣшеткою, футовъ въ 20 вышиною и около 60 футовъ въ діаметрѣ; въ этой оградѣ стояли подмостки, имѣвшія три яруса, а неподалеку была вырыта яма. На первый ярусъ кладутся трупы мужчинъ, на второй трупы женщинъ, а на третій — дѣтей. Трупы прикрѣпляются въ нѣсколькихъ мѣстахъ къ подмосткамъ желѣзными полосами и, по уставамъ вѣры парсовъ, предоставляются дѣйствію воздуха. Хищныя птицы, въ несчетномъ множествѣ собирающіяся въ такихъ мѣстахъ, жадно бросаются на оставленные трупы и въ немногія минуты пожираютъ ихъ. Кости впослѣдствіи сбрасываются въ вырытую яму; когда яма наполнится, такое же кладбище устроивается въ другомъ мѣстѣ.

Люди зажиточные имѣютъ свои собственныя кладбища, надъ которыми устроиваются металлическія сѣтки для предохраненія тѣлъ умершихъ отъ хищныхъ птицъ.

Одни жрецы могутъ входить въ эти ограды; дверь ихъ всегда крѣпко заперта; даже осматривать кладбища считается святотатствомъ. Люди, употребляемые для переноски труповъ, считаются нечистыми, исключены изъ всѣхъ обществъ и составляютъ родъ отдѣльной касты. Парсъ, неосторожно-прикоснувшійся къ такому носильщику, немедленно долженъ перемѣнить одежду и омыться.

Парсы не дозволяютъ осматривать своихъ храмовъ. Тѣ, которые я видѣлъ снаружи, были небольшія строенія, неимѣвшія никакой архитектуры, и къ-сожалѣнію, я не могу сказать ни слова, въ подтвержденіе великолѣпныхъ описаній и картинъ, воспроизведенныхъ художниками при описаніи храмовъ огнепоклонниковъ.

Священный огнь парсовъ горитъ постоянно въ желѣзномъ сосудѣ, который находится въ простомъ, безъ всякихъ украшеній храмѣ. Парсы утверждаютъ, что огонь, горящій въ ихъ главномъ храмѣ, зажженъ въ Персіи, за четыре тысячи лѣтъ, ихъ учителемъ Зороастромъ; отъ этого огня зажигаются всѣ другіе.

Жрецы ихъ (маги) носятъ бѣлую чалму и только ею отличаются, какъ я сказалъ, отъ свѣтскихъ людей; они могутъ жениться.

Женщины ходятъ въ храмы не въ одинъ часъ съ мужчинами. Вообще же парсы посѣщаютъ рѣдко свои храмы. Обыкновенно парсъ молится четыре раза въ день, и въ каждый разъ употребляетъ одинъ часъ на молитву; но для молитвы онъ не ставитъ себѣ въ обязанность ходить въ храмъ: онъ молится, устремивъ глаза на землю, на воду, на огонь, или на звѣзды. Тѣ же парсы, которые находятъ, что слишкомъ-много употреблять на молитву по четыре часа въ день, сходятся съ своими магами и освобождаются ими отъ этой обязанности за весьма-умѣренную плату.

Парсы молятся предпочтительно при солнечномъ восходѣ, почитая это свѣтило величайшимъ, священнѣйшимъ огнемъ. Обожаніе огня распространяется у нихъ въ такихъ размѣрахъ, что они не занимаются ремеслами, требующими огня, не употребляютъ огнестрѣльнаго оружія и не гасятъ огня. Иные путешественники утверждаютъ даже, что парсы не гасятъ пожара; но это совершенная выдумка.

Мнѣ случалось видѣть парсовъ во всякое время дня, отправляющихъ свои богослужебные обряды. При восходѣ и закатѣ солнца они обращаются къ свѣтилу, опускаютъ длинный рукавъ своей одежды съ лѣваго плеча до самой земли; читая молитвы, они подбираютъ рукавъ этотъ снова. Часто вы видите парсовъ, собравшихся на берегу для поклоненія морю; они приносятъ ему въ жертву рисъ, сахаръ и цвѣты; парсъ, зажигающій въ лавкѣ многочисленныя лампады свои, набожно и почтительно покланяется имъ.

Въ бытность мою въ Калькуттѣ, я слышалъ разсказъ о великодушіи и щедрости одного изъ парсовъ, чрезвычайно-разбогатѣвшаго отъ торговыхъ оборотовъ. Имени его я не упомню. Онъ началъ торговыя дѣла свои, продавая пустыя бутылки, а потому и былъ извѣстенъ кличкой *Botlewallah*, то-есть: бутылочный человѣкъ. Впослѣдствіи королева Викторія пожаловала его баронетомъ и добрый парсъ ни мало не гордился такимъ возвышеніемъ и не обижался оставшейся при немъ кличкой. Расторговавшись отъ бутылокъ, онъ сталъ торговать опіумомъ и едва не разорился; но вдругъ дѣла его приняли блистательный оборотъ. Я видѣлъ гравюры, которыя изображаютъ всѣ переходы судьбы этого человѣка. На одной гравюрѣ красивый корабль его съ богатымъ грузомъ выходитъ изъ гавани подъ всѣми парусами; на другой — этотъ же корабль съ изломанными мачтами, безъ парусовъ, схваченный бурею, уже готовъ исчезнуть въ волнахъ; наконецъ, корабль, полуразрушенный входитъ въ портъ: на немъ было все достояніе владѣльца.

Великолѣпный домъ его въ Бомбеѣ возбуждаетъ всеобщее любопытство: ходятъ дивиться роскоши и убранству этого дома.

Ему принадлежали пятнадцать кораблей огромнаго размѣра; и чтобъ дать вѣрное понятіе о богатствѣ этого бутылочника, скажу, что въ Кантонѣ было уничтожено на четыреста тысячъ фунтовъ стерлинговъ опіума, ему принадлежавшаго, и отъ такой утраты онъ не разорился. На устройство госпиталя, имъ основаннаго, этотъ человѣкъ пожертвовалъ десять тысячъ фунт. стерл. съ тѣмъ, чтобъ правительство внесло такой же капиталъ. Само-собою разумѣется, правительство согласилось; но едва парсъ извѣстился объ этомъ согласіи, внесъ еще десять тысячъ ф. стерл. Тогда правительство остановилось взносами, вѣроятно, опасаясь, что основатель госпиталя еще разъ удвоитъ пожертвованіе свое; но въ награду исходатайствовало ему отъ королевы Викторіи, какъ я ужь сказалъ, титулъ баронета. Доброе дѣло на томъ не остановилось: соотечественники счастливаго бутылочника въ соревнованіе открыли подписку, по которой собрали десять тысячъ фунтовъ стерлинговъ съ тою цѣлью, чтобъ на проценты съ капитала переводить на гужжатскій языкъ (нарѣчіе парсовъ) и издавать книги, полезныя для дѣтей парсовъ. Бутылочникъ и на такое распоряженіе своихъ соотечественниковъ отвѣчалъ новою щедротой: онъ присовокупилъ къ ихъ пожертвованію новый капиталъ, вдвое-сильнѣе сдѣланнаго ужь взноса; словомъ: на госпиталь и на другія полезныя учрежденія парсъ внесъ не менѣе 60 т. фунт. стерлинговъ (то-есть до 360 т. рублей серебромъ); но и на этомъ онъ не остановился: каждое утро у воротъ его дома раздаются пятьдесятъ рупій (до 30 р. сер.) нищимъ. Конечно, не всѣ имѣютъ средства этого человѣка; но вообще парсы очень расположены къ подобнымъ подвигамъ. Одинъ изъ нихъ во время продолжительной засухи выстроилъ обширное водохранилище на городской площади; этотъ же самый человѣкъ, празднуя основаніе храма парсовъ, построеннаго въ Калькуттѣ, устроилъ въ день праздника чрезъ своихъ корреспондентовъ обѣдъ во всей Англо-Индіи, на которомъ имѣлъ до 50 т. гостей.

Прежде нежели я возвращусь на палубу моего парохода, который, взявъ запасъ каменнаго угля и принявъ пассажировъ, пришедшихъ изъ Бомбея, товары и корреспонденцію, назначенные въ Европу, готовъ отправиться въ Суэцъ, мнѣ бы хотѣлось разсказать еще одинъ подвигъ англичанъ, который, кромѣ истекающихъ изъ событій выводовъ, рѣзко ихъ очерчивающихъ, имѣетъ свой собственный интересъ: онъ былъ разсказанъ во всѣхъ журналахъ въ Индіи и многимъ очень-памятенъ.

Въ Проливѣ Малакксомъ появилось множество разбойниковъ, тревожившихъ торговлю между китайскими берегами и Индіею; регентъ Ин-

діи, для прекращенія ихъ набѣговъ, вознамѣрился устроить въ этихъ широтахъ портъ для военныхъ кораблей. Онъ послалъ изслѣдовать мѣстность, и получилъ донесеніе, что самый удобный пунктъ для исполненія намѣренія его — островъ Пинангъ. Островъ этотъ принадлежалъ одному изъ тамошнихъ владѣтелей, жившихъ на материкѣ въ Кедахѣ, и именовавшемуся королемъ. Пинангъ въ то время былъ почти необитаемъ и нетрудно было уладить это дѣло.

Англичане имѣли всегда военное судно или въ Пинангѣ, или на берегахъ Кедаха ; они обязывались наблюдать, чтобъ король, заключившій съ ними сдѣлку, отъ нея не былъ въ убыткѣ, и наконецъ обязывались вносить ему ежегодно двѣ тысячи фунтовъ стерлинговъ. Право не знаю, въ договорѣ регента Англо-Индіи съ новымъ союзникомъ названы ли они *высокодоговаривающимися сторонами ;* я разсказываю одно происшествіе. Мы уже видѣли на какія деньги они купили Аденъ ; видѣли, ка̀къ они заботились получить убѣжденіе въ самостоятельности аденскаго султана ; впослѣдствіи увидимъ, ка̀къ они обратились къ пашѣ египетскому съ покорнѣйшею просьбою дозволить имъ перевозить остиндскую корреспонденцію черезъ его владѣнія, словно къ совершенно-независимому властителю, и ка̀къ въ 1840 году они напали на него же, какъ на своего вассала. И дѣйствительно, въ настоящее время Абас-паша, какъ я самъ видѣлъ, только управитель англійской фермы, лежащей на пути изъ Остиндіи въ Европу. Я упоминаю объ этомъ потому, что кедахское дѣло рѣшительно похоже на всѣ ихъ продѣлки, которыя имъ до-сихъ-поръ такъ счастливо сходили съ рукъ.

Нѣсколько столѣтій тому назадъ, поклоники Мухаммеда перешли въ Малую Азію и нѣкоторые изъ нихъ образовали области. Такъ возродилось и Кедахское Королевство, исторія котораго мнѣ неизвѣстна; извѣстно только всѣмъ, что незначительные азіатскіе князьки признаютъ надъ собою верховное владычество одного сильнѣйшаго султана, оставаясь, впрочемъ, въ независимости : то сознаніе состоитъ въ посылкѣ подарковъ и въ-особенности же привѣтствій. Таковы были сношенія владѣтеля Кедаха съ сіамскимъ королемъ.

До-тѣхъ-поръ, пока англичане считали нужнымъ втереться въ одно изъ кедахскихъ владѣній, они, не задумываясь, признавали его совершенную независимость и не думали контролировать его владѣльческихъ актовъ. Но едва стали они твердою ногой въ Пинангѣ, какъ въ умахъ ихъ возродилось по этому поводу сомнѣніе и явилась надобность пояснить отношенія владѣтеля Кедаха къ сіамскому королю. Капитанъ Лейтъ, самъ сладившій это дѣло, донесъ англійскому регенту, что король ке-

дахскій вѣроятно вассалъ сіамскаго короля. И вслѣдъ за такимъ донесеніемъ, регентъ послалъ предписаніе въ Пинангъ не объ уничтоженіи договора, не о возвращеніи занятыхъ земель, но о строгомъ наблюденіи, чтобъ во всѣхъ могущихъ встрѣтиться обстоятельствахъ не было нанесено безчестія имени и оружію Англо-индійской Компаніи. Между-тѣмъ сіамцы, негодуя за то, что владѣтель Кедаха позволилъ такъ близко водвориться европейцамъ, напали на его земли. Англичане, вмѣсто того, чтобы исполнить договоръ, по которому они обязались защищать отъ ущерба и нападеній короля, позволившаго имъ поселиться въ Пинангѣ, не пошевелились съ мѣста и тѣмъ оградили отъ нареканія и честь, и кредитъ, и оружіе Англо-индійской Компаніи. Наконецъ въ 1821 году, во время отсутствія короля, сіамцы напали на городъ. Естественнымъ послѣдствіемъ такого нападенія были грабежъ, насиліе, пожаръ и убійство: изъ ста-восьмидесяти тысячъ жителей остались едва шесть тысячъ!...

Загорѣлась война между англичанами и бирманами. Въ этомъ случаѣ англичане употребили всѣ старанія, чтобъ не допустить сіамцевъ соединиться съ враждебною Бирмою; они съ этою цѣлью отправили полномочнаго агента въ 1824 году. Онъ составилъ договоръ между Англіею и Сіамомъ, въ первой строкѣ котораго стояло не *воззваніе къ Богу Всемогущему*, даже не красовалось на этомъ договорѣ турецкое *Бисмиляхъ;* на этотъ разъ этотъ договоръ былъ написанъ во *имя Будды!* Въ немъ англичане безъ всякой совѣсти представляли Кедахъ сіамцамъ; но такъ-какъ надо же было щегольнуть рыцарскимъ великодушіемъ, то они позволили королю жить тамъ, гдѣ онъ можетъ. Король этотъ ушелъ въ британскія владѣнія; но какъ ужь онъ лишился престола, то надо было положить ему пенсію; пенсія эта была назначена, но королю выдавалась только половинная сумма!.. другой половины онъ никогда не видалъ какъ ушей своихъ!..

Вѣроятно, со мною всякій согласится, что эти событія не лишены интереса; впослѣдствіи они были изложены въ сочиненіи г. Андерсона, секретаря на островѣ Пинангѣ; экземпляръ своего сочиненія онъ поднесъ правительству англо-индійскому и, вѣроятно, оно нашло, что это сочиненіе чрезвычайно-интересно, потому-что поспѣшило скупить все изданіе. Книга г. Андерсона была напечатана въ 1824 году.

Пароходъ нашъ былъ выстроенъ не для тропическихъ плаваній; онъ переведенъ сюда съ линіи, соединяющей Соутгемптонъ съ Константинополемъ. Не было никакой возможности, при удушающей температурѣ, постоянно стоящей, и день и ночь, на 100° по Фаренгейту, оставаться въ каютахъ. Съ нами было до 200 человѣкъ пассажировъ и въ томъ

числѣ около полусотни дѣтей. Къ ночи палуба парохода отъ кормы до трубъ раздѣлялась парусиною на два отдѣленія: въ одномъ помѣщались кавалеры, въ другомъ дамы и дѣти. «Какое прекрасное изобрѣтеніе — домъ!» говаривалъ я часто, когда приходилось кочевать по цѣлымъ мѣсяцамъ или подъ открытымъ небомъ, или въ парусинной палаткѣ; а чтобъ вполнѣ оцѣнить, что̀ такое мягкая, хорошая постель, надо поспать на палубѣ остиндскаго парохода, на переходѣ изъ Адена въ Египетъ!.. Еслибъ можно было, смотря на страданіе другихъ, утѣшиться, сказавъ: «вѣдь не мнѣ одному худо!» въ утѣшеніи недостатка не было бы. Многіе изъ нашихъ пассажировъ, въ-особенности дамы, рѣшительно не могли выдерживать палящаго зноя, господствующаго въ Красномъ Морѣ. И въ-самомъ-дѣлѣ было тяжело: мертвый, постоянный штиль и день и ночь, ни дыханія вѣтра, и какой-то сѣровато-матовый цвѣтъ неба днемъ, и заревомъ облитый, раскаленный сводъ вначалѣ ночи, а потомъ душный непроницаемый мракъ!..

Каждое утро палуба нашего парохода представляла удивительную картину: ровно въ пять часовъ, неумолимый, какъ судьба, билъ барабанъ, а потомъ раздавался крикъ: *Wash the deck!* — пошелъ палубу мыть!» Тогда неумолимые матросы въ одинъ мигъ срывали наши летучія перегородки, а вѣстовые (Stuwart) торопились перетащить дѣтей и полусонныхъ нашихъ дамъ въ каюты. Многія дамы, въ самой легкой одеждѣ, будто фантастическія видѣнія исчезали въ люки парохода. Странные, разнообразнѣйшіе утренніе костюмы, еще непроснувшіяся, неумытыя лица и мужчинъ и дамъ, обильно-напудренныя не рисовымъ порошкомъ, а сажею отъ трубъ пароходныхъ, нагроможденные стулья и столы, оставшіеся съ вечера на палубѣ, пожарныя помпы, заливавшія палубу потоками воды — и вся эта толпа, ненаходящая мѣста отъ духоты и жара, всѣ эти группы, какъ я сказалъ, представляли картину, которую можно видѣть только на англо-индійскомъ пароходѣ. Впрочемъ, надо сказать въ успокоеніе, что въ Красномъ Морѣ почти нѣтъ дождей, и даже саранча, одна изъ семи язвъ древняго Египта, здѣсь явленіе рѣдкое, а засимъ, за исключеніемъ тѣхъ неудобствъ, о которыхъ шла рѣчь, мнѣ на Потинжерѣ было очень-хорошо. И столъ и вино на англо-индійскихъ пароходахъ, могутъ удовлетворить даже взыскательнаго гастронома. Утромъ въ 5 часовъ, едва раздавался барабанъ, я спѣшилъ въ нарочно-устроиваемую въ это время на палубѣ палатку, гдѣ купался подъ проливнымъ дождемъ, проведеннымъ отъ машины парохода; но здѣсь температура морской воды такъ высока, что она нисколько не освѣжаетъ; затѣмъ спускаясь въ каюту, у буфета я требовалъ большой стаканъ воды со льдомъ: и это удобство есть на

пароходахъ остиндскихъ. Значительные запасы льда берутся для переходовъ въ тропическихъ широтахъ и для него въ трюмѣ парохода есть особо, съ всевозможнымъ тщаніемъ, устроенный погребъ. Вслѣдъ за стаканомъ холодной воды со льдомъ являлся кофе. Въ 9 часовъ барабанъ сзывалъ насъ къ завтраку-обѣду; въ 12 мы занимались полдникомъ; этому занятію названіе: *tiffine;* здѣсь подаются сыръ, масло, разнообразныхъ видовъ сухари и сухарики, и тѣсные кружки бутылокъ съ мадерой, хересомъ, портвейномъ и пр... Въ 3 часа полный обѣдъ — и какой?.. не обѣдъ, а пиръ Балтазара! Въ 8 часовъ снова за столъ, загроможденный пирогами, сухарями и разнороднымъ виномъ, не считая портеру, грогу и др. Я забылъ сказать, что на этихъ пароходахъ два раза въ недѣлю подается шампанское — чего же еще надо?.. Остиндскіе пароходы можно назвать чудовищными ресторанами; на нихъ слѣдовало бы сдѣлать надпись: «Садясь завтракать, полагай, что ты обѣ«дать не будешь, и такъ обѣдай, какъ-будто ты не завтракалъ». И не даромъ же одинъ изъ туристовъ сказалъ: «жизнь на кораблѣ — обширное освѣженіе» (Life on board is one vast refection)

Надо же себѣ вообразить страданіе людей, которыхъ *бьетъ* море и для которыхъ невыносимъ самый запахъ яствъ Лукулла!.. а что касается до тѣхъ, кого море *любитъ*—ужь конечно, они всегда съѣдятъ на заплаченныя деньги. Несмотря на то, вовсе неудивительно, и при этомъ обиліи, на англо-индійскихъ пароходахъ встать совершенно-голоднымъ. И здѣсь, за исключеніемъ немногихъ блюдъ, которыя разносятся стюартами, какъ у американцевъ, всякъ старается положить на тарелку то, что̀ у него подъ-рукою... И здѣсь, если вы станете ждать, чтобъ вамъ поднесли, вы непремѣнно останетесь безъ обѣда... «*No ask, no dinner!*» какъ говорилъ одинъ изъ моихъ путевыхъ спутниковъ, у котораго я и перенялъ эту, впрочемъ, обезпечивающую методу, необходимую для всякаго, кто хочетъ здѣсь обѣдать не однимъ воображеніемъ.

У многихъ англо-индійскихъ выходцевъ есть на пароходѣ своя прислуга: это китайцы, индусы, или малайцы. Они высматриваютъ лучшія блюда, лучшіе куски и наперерывъ стараются угостить ими господъ своихъ: этимъ господамъ и хорошо, да не у всякаго въ прислугахъ малайцы, китайцы и индусы.

Общество наше значительно увеличилось въ Аденѣ: на пароходѣ изъ Бомбея прибыли компанейскіе офицеры, чиновники отставные и въ отпуску, и индійскіе негоціянты, спѣшившіе въ Европу одни для возстановленія здоровья, другіе—кредита... Съ нами былъ порядочный запасъ дамъ, по-большой-части хорошенькихъ и молодыхъ, и при нихъ толпы

дѣтей, черныхъ и желтыхъ нянекъ и кормилицъ: вся эта шумная ватага заливалась на палубѣ крикомъ, визгомъ и плачемъ съ утра до вечера, не давая никому покоя! Часто, подходя къ миловидной маменькѣ, мнѣ хотѣлось сказать ей: «какъ хороши ваши малютки. А въ которомъ часу они ложатся спать?..»

Когда я былъ новичкомъ на англійскихъ корабляхъ и пароходахъ, я покорялся обычаямъ и не смѣлъ молвить слова ни съ одной леди до-тѣхъ-поръ, пока, бывало, меня кто-нибудь не *представитъ* ей. Но мнѣ надоѣла эта чопорность, и впослѣдствіи, несмотря на такія стѣснительныя мѣры, я отважно начиналъ знакомство и никогда не сожалѣлъ о моей отвагѣ. Въ-самомъ-дѣлѣ, не дико ли сидѣть съ женщиной двѣ недѣли, цѣлый мѣсяцъ на одной палубѣ, въ одной каютѣ, за столомъ рядомъ — и не смѣть открыть рта предъ нею, затѣмъ, что я еще не былъ ей *представленъ?* А скука, бездѣйствіе, однообразная жизнь на палубѣ корабля не-уже-ли недостаточны длятого, чтобъ кинуть такой глупый обычай?

Черезъ нѣсколько часовъ проливъ Баб-эль-мандебъ остался за нами и мы вошли въ Красное Море. Проливъ этотъ мѣстами очень-узокъ, и мы простыми глазами хорошо видѣли влѣво берега Африки, вправо берега Аравіи, равно-песчаные, равно-пустынные. Скоро мы были на параллели Мòка, а чрезъ нѣсколько дней въ зрительную трубку разсматривали то мѣсто, къ которому пристаютъ поклонники, отправляясь въ Мекку; были минуты, въ которыя открывались передъ нами въ голубомъ пространствѣ вершины Синая.

Въ Красномъ Морѣ муссоны не такъ чувствительны, какъ въ Индійскомъ Океанѣ, хотя переходъ изъ прохлады океана въ удушающую атмосферу пролива чрезвычайно-замѣтенъ. Съ мая до ноября постоянно дуютъ сѣверные вѣтры вдоль Краснаго Моря; а съ этой эпохи господствуютъ у пролива южные, между-тѣмъ, какъ у Суэцкаго Перешейка— сѣверные вѣтры. Это раздѣленіе вѣтровъ разительно-замѣтно близь Джедды, и потому здѣсь часто стоятъ продолжительные штили и перемѣнныя маловѣтрія. Южные вѣтры дуютъ съ бòльшею силою, нежели сѣверные; они для плавателей удобнѣе; чрезвычайно-порывисты и подымаютъ густыя облака пыли. По ночамъ, до восхожденія солнца, дуетъ обыкновенно береговой вѣтеръ, а въ морѣ совершенно-тихо; потомъ, около десяти часовъ утра, снова приходитъ постоянно-дующій южный морской вѣтеръ, а у береговъ устанавливается штиль. Пользуясь этимъ ночнымъ вѣтромъ, корабли поднимаются къ Суэцу. Подвигаясь такимъ-образомъ довольно-успѣшно къ югу, они встрѣчаютъ большія препятствія, направляясь къ сѣверу. Изъ Джеддо до Коссеира суда иногда приходятъ

въ мѣсяцъ; считается хорошимъ переходомъ плаваніе въ 30 дней отъ Баб-эль-мандеба до Суэца, тогда-какъ на обратный путь потребно не болѣе 8 сутокъ. Въ такія подробности вхожу я потому, что вся торговля Краснаго Моря основана на условіяхъ этихъ физическихъ явленій.

Я никогда не забуду ловкости аденскихъ арабовъ, которые, во все время стоянки нашего парохода на якорѣ, безпрестанно окружали его по обоимъ бортамъ. Они съ удивительнымъ искусствомъ ныряли за мельчайшею монетой, брошенной съ парохода въ море, и никогда безуспѣшно не показывались на поверхности воды. Я любилъ вечеромъ, когда тропическое солнце скрывалось за утесами Адена, выѣзжать съ этими арабами на шлюпкѣ въ заливъ, преддверіе Краснаго Моря, и любоваться дивами океана, которыя только здѣсь мнѣ видѣть удалось въ такихъ огромныхъ размѣрахъ. Вообразите себѣ недалеко отъ того мѣста, гдѣ корабли становятся на якорь, на глубинѣ морской, цѣлые лѣса кораллов всевозможныхъ цвѣтовъ и формъ, красующихся въ зеркальной безднѣ океана; посреди коралловыхъ вѣтвей, сплетенныхъ изъ нихъ гротовъ и пещеръ, безчисленныя стада рыбъ, блещущихъ разливами радуги, играютъ въ глубинѣ и скрываются отъ малѣйшаго шороха въ непроницаемой густотѣ подводныхъ поростовъ. Нѣсколько далѣе я замѣтилъ далеко-выдававшуюся отмель; на глубинѣ одного аршина, неболѣе, тончайшій песокъ лежитъ на днѣ ея, и въ то время, когда море гладко, какъ стекло, стада тюленей, выставивъ свои неподвижныя морды, кажется, дышутъ прохладою вечера. Они подпускаютъ очень-близко, и лѣниво, нè-хотя ныряютъ въ воду при приближеніи человѣка. Я очень-хорошо знаю, что отливъ рыбъ въ водѣ несравненно-живѣе и что внѣ своей стихіи ихъ разнообразныя краски быстро исчезаютъ; но рыбъ такихъ различныхъ формъ и прелестныхъ цвѣтовъ мнѣ видѣть нигдѣ не удавалось. Мнѣ сказывали, что рыбы, которыя водятся въ здѣшнихъ кораллахъ, вредны и въ пищу не употребляются.

Не надолго разстались мы съ землею; скоро открылся передъ нами мысъ Мухаммеда (Ras Muhamed), прилегающій къ заливамъ Софаніо и Суэца; утесы послѣдняго остаются вправо и, обогнувъ известковыя возвышенности острова Шедуана, пароходъ въ заливѣ. Здѣсь берега ужь не скрываются отъ глазъ; на нихъ незамѣтно движенія, нѣтъ жизни, все мертво; взору открываются песчаныя пустыни и опаленныя вершины Хорева и Синая.

Наконецъ начинаетъ бѣлѣть точка; она постепенно растетъ, расширяется: это Суэцъ — груды развалинъ города похожи на утомленнаго верблюда, поникшаго головою въ сыпучіе пески пустыни. Повсюду запустѣніе и въ разрушенныхъ стѣнахъ его, и въ громадныхъ песчаныхъ

насыпяхъ, его окружающихъ со всѣхъ сторонъ; въ гавани замѣтно нѣсколько арабскихъ судовъ безъ снастей, безъ парусовъ, до-тѣхъ-поръ, пока сойдутся караваны богомольцовъ изъ Марокко и Алжира отправляющіеся отсюда въ Мекку; а въ древніе годы здѣсь кипѣла торговая дѣятельность Финикіи, Аравіи и Венеціи, и пристани Суэца были завалены товарами Азіи и Африки. Времена перемѣнились. Теперь Суэцъ больше ничего какъ этапъ, станція на пути въ Англо-Индію; немногія горсти золота, разливающагося отъ путешественниковъ, на мгновеніе посѣщающихъ эту станцію, бѣдно продовольствуютъ нѣсколько избранныхъ лицъ, съ которыми Компанія имѣетъ дѣло. Остальной людъ, неимѣющій возможности, не находя средствъ существованія отъ неблагодарной почвы, бродитъ по берегу моря, питаясь ракушками и добываемой рыбой. Невысокій минаретъ, базаръ, въ которомъ видны нѣсколько восточныхъ кофейныхъ домовъ, да на площади домъ, въ которомъ жилъ генералъ Бонапарте во время египетской кампаніи — вотъ все, что̀ Суэцъ можетъ представить любопытству путешественника. Домъ этотъ наружности весьма-скромной; фасадъ его выходитъ на древній каналъ, нѣкогда соединявшій Красное Море съ Средиземнымъ; открывая слѣды этого канала, Бонапарте едва не погибъ въ волнахъ, подобно фараону.

Суэцъ находится въ недальнемъ разстояніи отъ древняго и знаменитаго Арсиноя, Крокодилополиса, въ настоящее время хуже всякой слободы; въ немъ не болѣе 1500 полунагихъ обывателей. Вмѣсто домовъ грязныя мазанки; главная городская стѣна почти совершенно разрушилась и вообще въ такомъ положеніи, что страшно ѣхать возлѣ нея: того и гляди что рухнетъ и задавитъ.

И здѣсь, какъ въ Аденѣ, почва не производитъ ничего; воду привозятъ въ кожаныхъ мѣшкахъ за шесть верстъ; и что̀ это за вода? Выкройте изъ юфти кострюльку, вскипятите въ ней хорошую воду, дайте постоять — и пейте этотъ теплый взваръ: тогда вы получите понятіе о здѣшней водѣ. Съ нами былъ большой запасъ содовой воды и шипучаго лимонада, который мы взяли съ парохода.

Близь города мнѣ указали на мѣсто, гдѣ стоялъ лагерь французовъ, и на ихъ кладбище. Нѣтъ ни камня, ни креста на этомъ мѣстѣ; заметенъ одинъ холмъ, на который вѣтеръ пустыни наноситъ безпрестанно волны песку.

Путешественникъ находится здѣсь на межѣ, отдѣляющій Азію отъ Африки; онъ стоитъ предъ двойственнымъ источникомъ вѣры и науки. Изъ котораго же источника почерпнетъ онъ? Первая ближе къ нему, она осязательнѣе, затѣмъ, что этотъ край, обильный древними чуде-

сами, еще носитъ на себѣ печать временъ первобытныхъ; въ немъ все дышетъ духомъ библейскихъ сказаній! Память безсознательно перелистываетъ страницу за страницей той священной книги, по которой наши матери научили насъ лепетать первыя слова; самому холодному, положительному воображенію предстоитъ здѣсь вспомнить о событіяхъ, которыя Моисей передалъ всѣмъ вѣкамъ своимъ боговдохновеннымъ сказаніемъ.

Тропа, по которой проходятъ караваны, не есть ли тотъ самый путь по которому проходилъ Іосифъ, еще юноша, проданный братьями купцамъ Египта? Въ шатрахъ каравана, разбитыхъ на берегу моря, мнѣ кажется, я узнаю шатеръ Іакова, путешествующаго среди дѣтей своихъ, многочисленныхъ, со всѣми стадами своими, составлявшими тогда одно богатство.

Изъ этихъ утесовъ, выдвинувшихся на пески пустыни, вышелъ народъ Израиля, ведомый божественнымъ облакомъ; по гласу Бога живаго онъ переходитъ чрезъ море, покорно предъ нимъ раздвинувшееся. Ночью, при безмолвіи пустыни, мнѣ кажется, я слышу, будто слабѣющіе звуки, будто эхо, раздаются шаги избраннаго народа, среди изумленной, разступившейся стихіи... потомъ ревъ свирѣпыхъ волнъ и вопль воиновъ Египта и потомъ, далеко, далеко на другомъ берегу моря, я слышу радостныя пѣснопѣнія во славу Божію и звуки мусикійскіе, разносимые въ пространствѣ легкимъ дуновеніемъ вѣтра.

Длинная вереница мужчинъ и женщинъ, исчезающая въ пескахъ, приводитъ мнѣ на память тотъ же народъ, постигнутый игомъ рабства и увлеченный побѣдителями далеко отъ полей родныхъ, подъ эти шатры, въ которыхъ вольно ходитъ вѣтеръ пустыни; я представляю себѣ дщерей Сіона, съ распущенными власами, въ растерзанныхъ покровахъ, обремененныхъ оковами, рыдающихъ и поющихъ высокіе гимны!

На югъ отъ Суэца въ двадцати верстахъ указываютъ на камень, гдѣ Моисей возсылалъ молитву Господу, по переходѣ черезъ волны моря; вотъ мѣсто, свидѣтельствующее о великомъ событіи, о явленіи, совершившемся вопреки всѣхъ условій физическихъ, затѣмъ, что ширина моря достигаетъ здѣсь до пяти верстъ, а глубина до тринадцати саженъ.

Въ разстояніи полуружейнаго выстрѣла отъ азіатскаго берега возвышаются группы пальмъ и колючихъ кустарниковъ. Преданіе говоритъ, что здѣсь пророкъ изсѣкъ воду изъ камня, бѣгущую до сихъ дней посреди песковъ и утоляющую жажду проходящихъ каравановъ.

Абас-паша, нынѣшній повелитель Египта, взялъ на себя переправу пассажировъ и товаровъ англо-индійскихъ. Въ Суэцѣ насъ привезли въ гостинницу, имъ устроенную. Здѣсь учреждена контора, въ которой путешественники берутъ билеты на проѣздъ пустыней въ Каиръ и по-

томъ въ Александрію. Каждый путешественникъ платитъ отъ Суэца до Александріи, включая полное содержаніе во время перехода, 12 фунтовъ стерлинговъ, то-есть, 72 руб. сер. Само-собою разумѣется, что въ это содержаніе не входятъ расходы путешественника, по прибытіи его въ Каиръ; но, садясь на пароходъ, идущій по Нилу въ Александрію, онъ предъявляетъ билетъ свой и снова вступаетъ въ права. Я поспѣшилъ взять билетъ; но, располагая отправиться изъ Каира въ Сирію, заплатилъ за проѣздъ только до этого города. Утромъ, на солнечномъ восходѣ, мы выѣхали изъ Суэца; близъ англійской факторіи стояли и лежали нѣсколько сотъ верблюдовъ, готовыхъ принять на высокіе хребты свои цѣлыя горы грузу; на этихъ животныхъ товары, приходящіе изъ Остиндіи и Китая, отправляются до Каира. Живописныя группы *кораблей пустыни* отправлялись партіями изъ Суэца. По одному слову бедуина, верблюдъ, лежащій недвижимо на песчаномъ ложѣ, при приближеніи хозяина, съ дикимъ ревомъ приподнимается на оба колѣна, вытягивая по землѣ заднія ноги и махая чудовищною головою; онъ грозится укусить хозяина, кладущаго между двухъ его холмовъ тяжелые вьюки; по данному знаку онъ быстро вскакиваетъ на ноги и мѣрными шагами отправляется въ путь. Чрезвычайно-трудно выносить толчокъ, который даетъ верблюдъ неопытному сѣдоку, вскарабкавшемуся на сѣдло, положенное между горбовъ его: нужно держаться крѣпко за сѣдельную луку, когда онъ вскакиваетъ сперва на заднія, потомъ на переднія ноги; въ первой попыткѣ, я едва не полетѣлъ черезъ голову. Отъ меня зависѣло отправиться съ этою партіей, но въ такомъ случаѣ мнѣ предстояло бы тащиться на спинѣ верблюда нѣсколько сутокъ подъ раскаленнымъ небомъ и по накаленному песку. Я, можетъ-быть, и рѣшился бы на такую прогулку, но долгое мое пребываніе въ тропическихъ широтахъ и жизнь на морѣ подъ тропическимъ небомъ, гдѣ необъятное пространство почти всегда освѣщено ярко-голубымъ цвѣтомъ, разрушило мое зрѣніе, и я не могъ смотрѣть на бѣлыя массы песку, разсыпавшагося по пустынѣ, а потому предпочелъ отправиться въ одной изъ крытыхъ двухколесныхъ каретъ, приготовленныхъ для пассажировъ, т. е. въ четвероместномъ экипажѣ (Vans), который, будучи запряженъ четверкою малыхъ арабскихъ лошадей, въ сопровожденіи вооруженнаго каваса (проводника), мастерски управляется арабомъ.

Можно отдать полную справедливость Абас-пашѣ: онъ позаботился о комфортѣ путешественниковъ, или, лучше сказать, все, что я видѣлъ въ пустынѣ, устроено Англо-индійскою Компаніею, у которой паша взялъ обратно право исключительно перевозить пассажировъ изъ Суэца въ Александрію и обратно. Англо-индійская Компанія, желая потѣшить

его, немного разговаривала, а потому за пашею осталось право транзита черезъ Египетъ; впрочемъ, его агенты — англичане, и они же управляютъ всѣми дѣлами.

Во всѣхъ образованныхъ странахъ есть обыкновеніе брать половину платы за проѣздъ съ дѣтей; правда, по этому поводу часто бываютъ съ родителями споры и разговоры, доказывающіе, что нѣтъ возможности встрѣтить на дорогѣ мальчика-путешественника старѣе семи лѣтъ; они всегда моложе вопреки наружности и вопреки свидѣтельству о рожденіи, которое не предъявлять же стать. Во избѣжаніе всѣхъ разговоровъ и споровъ, повелитель Египта беретъ одинаковую плату и съ взрослаго и съ ребенка на рукахъ кормилицы. Конечно, это тяжело, но такъ приказано пашею.

Отъ Суэца до Каира 150 верстъ... Мнѣ, пожалуй, скажутъ: «Какъ это вы рѣшились пуститься въ путь по пустынѣ? Я бы на вашемъ мѣстѣ — ни за что̀!» Успокойтесь! Въ наше время это дѣло оченьлегкое! Почти не сто̀ило бы и говорить о немъ, еслибъ мнѣ не хотѣлось правдиво доказать вамъ, что я въ пользу вашу отрекся отъ того удовольствія, въ которомъ рѣдко отказываютъ себѣ путешественники, описывая бѣды и опасности, ими неиспытанныя. Ужь лучше, коли говорить, такъ говорить правду.

А правда то, что если вы сѣли въ карету (Vans) Абас-паши, такъ и пустыни нѣтъ. Пустыня, со всѣми ужасами, катастрофами, бѣдствіями, о которыхъ и донынѣ любитъ мечтать разгоряченное воображеніе, едва-ли не исчезла какъ тѣнь! Какъ быть! Мы живемъ въ вѣкѣ, строго-положительномъ: и въ пустынѣ не стало поэзіи, какъ и во многомъ въ жизни. И хоть бы вы заплатили деньги за то, чтобъ на васъ напали бедуины, чтобъ постращали васъ и даже ограбили — нельзя! такъ въ этомъ отношеніи строга полиція паши! Вотъ поэтому, кто-то изъ туристовъ и сказалъ: «Помилуйте, на что̀ похожа теперь пустыня? они ее совсѣмъ испортили!

Само-собою разумѣется, что въ каретахъ нельзя брать съ собою никакого багажа, кромѣ развѣ маленькаго дорожнаго мѣшка. Кладь отправляется караваномъ; компанія позволяетъ брать съ собою двѣсти фунтовъ клади; за излишнее беретъ по 4 испанскихъ піастра за два съ половиною пуда. Одинъ изъ нашихъ пассажировъ, чиновникъ Остиндской Компаніи имѣлъ подъ своимъ багажемъ полтара десятка верблюдовъ; за кладь свою онъ заплатилъ, кажется, тридцать два фунта стерлинговъ, то-есть 192 руб. сер. (*).

(*) Испанскій піастръ = 1 р. 42¾ р. с.

Можетъ-быть, вы снова спросите меня: «Какимъ же образомъ, въ пустынѣ, въ волнахъ сыпучихъ, въ этомъ океанѣ песку, вы не собьетесь съ дороги? Вѣдь ее заноситъ безпрестанно вѣтръ пустынный, страшный *хамсинъ*». Дѣло въ томъ, что по всему протяженію пустыннаго пути разставлена линія телеграфовъ и построены станціи, такъ-что они у проводника всегда въ глазахъ. По ночамъ зажженные костры указываютъ дорогу.

На пути отъ Суэца до Каира восемь станцій. Въ нихъ проводникъ перемѣняетъ лошадей; эти маленькія лошади мчатся вихремъ по глубокому песку пустыни.

Не думайте, что въ этой пустынѣ вы рискуете умереть съ голоду: вы обезпечены совершенно насчетъ вашего желудка. Вода вездѣ превосходная, а вино еще лучше; но здѣсь за него платится особо. Мы выѣхали изъ Каира послѣ полудня.

На одной изъ этихъ станцій намъ подали обѣдъ, напоминавшій Потинжера; а кажется, на четвертой, гдѣ мы остановились ночевать, насъ напоили добрымъ чаемъ и уложили въ мягкія постели — и это все въ пустынѣ. На всякій случай, для безопасности, всегда отправляются двѣ кареты вмѣстѣ.

Послѣ долгаго странствованія по морю, ѣзда въ каретѣ, даже въ пустынѣ, вещь хорошая! И между-тѣмъ, какъ арабскіе наши кони несли насъ по пустынѣ, увязая подъ-часъ выше колѣна въ пескѣ, мнѣ приходило въ голову: не странное ли дѣло называть эту сообщительную линію, чуть не кругосвѣтное плаваніе, *береговою*, *Overland*, только потому, что въ двухколесномъ дилижансѣ промчатъ васъ 150 верстъ? Ну, право, это ужь слишкомъ-большая ипербола.

Чтобъ сдѣлать удовольствіе тѣмъ читателямъ, которые любятъ *сильныя ощущенія*, я скажу, что мнѣ удалось въ Египтѣ видѣть одинъ изъ тѣхъ грозныхъ феноменовъ, которые надолго остаются въ памяти; но я видѣлъ его не въ пустынѣ, а во время плаванія по Нилу: вы догадываетесь, что я говорю о страшномъ *хамсинѣ;* поарабски слово это значитъ *пятьдесятъ;* обыкновенно онъ господствуетъ въ весеннее равноденствіе. Хамсинъ, достигнувъ всей своей силы, дуетъ цѣлыя сутки, но иногда и трои сутки. Горе путнику, застигнутому хамсиномъ среди песковъ такой пустыни, гдѣ нѣтъ ни телеграфовъ, ни станцій, ни каретъ двухколесныхъ! Войско Камбиза, высланное для покоренія Ливіи, пало отъ ударовъ хамсина, такъ-что не осталось ни одного очевидца; а въ немъ было 50,000 человѣкъ!

Не одна сила этого вѣтра, не однѣ массы пыли, взвиваемыя имъ, дѣйствуютъ разрушительно: все удушающій жаръ иногда мгновенно

умерщвляетъ и людей и животныхъ. Вѣроятно, войско Камбиза было подвергнуто всѣмъ этимъ губительнымъ дѣйствіямъ хамсина.

Есть еще свойство хамсима, о которомъ я не упомянулъ: онъ съ невѣроятною скоростью сушитъ или разлагаетъ тѣла, имъ пораженныя. Многіе писатели утверждаютъ, что остовъ верблюда, сраженнаго хамсиномъ, вѣситъ не болѣе десяти килограмовъ. (Килограмъ = 2, 443 фунта).

Хамсинъ извѣстенъ подъ многоразличными именами. Арабы называютъ его *самумъ*, т. е. ядъ; Турки зовутъ его *шаміэли*.—(Не оттуда ли Саміэль?) Между европейцами хамсинъ извѣстенъ подъ именемъ: вѣтра пустыни, южнаго, знойнаго, ядовитаго и проч.

Вотъ обстоятельства, при которыхъ мнѣ удалось испытать это явленіе:

Мы плыли по спокойной поверхности Нила, нисколько не думая о близкой опасности. Вдругъ стало невыносимо-душно и порывистый вѣтръ, шквалами ударявшій въ паруса нашей канги, все болѣе-и-болѣе обдавалъ насъ сухимъ, палящимъ жаромъ. Равнина, на сколько глазами можно было окинуть, горы Ливіи и Аравіи, ясно, незадолго еще до хамсина, видѣнныя нами, мгновенно скрылись въ громадныхъ тучахъ пыли и въ нѣсколькихъ шагахъ мы съ трудомъ могли различить растущія пальмы. Огромные столбы песку, словно пирамиды, быстро возрастали, крутились въ воздухѣ и рушились на первую преграду, которую встрѣчали въ страшномъ ходѣ своемъ. Солнце, какъ раскаленное ядро, стояло на небѣ и, наконецъ, исчезло въ массѣ тучъ и пыли. Въ воздухѣ разливался сухой зной, отъ котораго стѣснялось дыханіе, болѣла грудь. По-временамъ, когда лучи солнца пробивались на минуту сквозь мракъ, намъ казалось, что весь горизонтъ подходитъ къ намъ и готовъ засыпать насъ цѣлымъ обваломъ пыли! Къ нашему величайшему счастью, налетѣвшій шквалъ вырвалъ огромный парусъ, и тогда наша канга, черпнувшая ужь нѣсколько разъ бортомъ, снова выпрямилась, и мы пристали къ берегу. Съ этой минуты большая опасность миновалась и мы могли переждать бурю; но сильно мучились отъ палящаго, удушающаго воздуха.

Подъѣжая къ Каиру, мы видѣли множество феллаховъ — мужчинъ и женщинъ, на приготовительныхъ работахъ для желѣзной дороги, которую англичане предполагаютъ провести отъ Суэца. Вся эта толпа полунагихъ тружениковъ таскала въ корзинахъ землю и вела насыпь. Впослѣдствіи я постараюсь объяснить, почему Англо-Индія предпочтительно хлопочетъ объ устройствѣ желѣзной дороги, а оставляетъ безъ вниманія мысль возобновленія канала, соединявшаго нѣкогда Красное Море съ Средиземнымъ.

Теперь же я заключу мой разсказъ прибытіемъ въ Каиръ.

Приближаясь къ городу, природа измѣняетъ видъ: оазисы пальмъ встрѣчаются чаще и массы бѣловатаго песку смѣняются чудесною зеленью. Мы въѣзжали въ Каиръ поздно вечеромъ; далеко не доѣзжая города, насъ встрѣтили человѣкъ десять феллаховъ съ зажженными факелами. Они бѣжали передъ нашими экипажами и по сторонамъ, освѣщая дорогу и нисколько не отставая отъ насъ. Бронзовыя лица нашихъ скороходовъ, освѣщенныя длинными полосами огня, ихъ фантастическая одежда, наши кавасы на лихихъ коняхъ и нашъ быстро несущійся поѣздъ—все переносило меня въ разсказы «Тысячи одной Ночи»; а увидѣвъ въ сторонѣ, передъ самымъ въѣздомъ въ городъ, ярко освѣщенный дворецъ Абас-паши, я съ нетерпѣніемъ хотѣлъ привѣтствовать этотъ городъ Гарун-Аль-Рашида, со всѣми его чудесами, которыя такъ живо рисуетъ Шехеразада.

Поѣздъ нашъ сталъ на площади *Лезбекіэхъ*, и я очутился во французскомъ ресторанѣ (Hotel d'Orient) на восточный складъ.

А. Ротчевъ.

ОБЪ «АНТИГОНѢ», ТРАГЕДІИ СОФОКЛА (*).

(Посвящается Е. А. Акатьевой).

Нѣтъ сомнѣнія, что эсхилова трагедія «Семь вождей подъ Ѳивами» заложила въ душѣ Софокла первую мысль объ «Антигонѣ». Не говоря ужь объ отдѣльныхъ мѣстахъ, объ отдѣльныхъ мысляхъ и выраженіяхъ, напоминающихъ образецъ, оставленный Софоклу великимъ отцомъ трагедіи, достаточно указать на конецъ трагедіи Эсхила и сравнить его съ началомъ трагедіи Софокла, чтобъ убѣдиться въ истинѣ нашего положенія. Въ трагедіи Эсхила вѣстникъ приноситъ съ поля битвы извѣстіе, что ѳивскія войска побѣдили аргосцевъ, что шесть аргосскихъ вождей убиты, но что два сына Эдипа, Этеоклъ и Полиникъ, пали отъ руки другъ друга. Вслѣдъ затѣмъ являются на сценѣ Антигона и Исмена; онѣ идутъ за тѣлами своихъ братьевъ и поютъ жалобную пѣснь. Она прервана появленіемъ глашатая, который возвѣщаетъ рѣшеніе ѳивскаго сената. По этому рѣшенью Этеоклъ долженъ быть похороненъ съ честью, а Полиникъ, какъ врагъ отечества, будетъ

(*) Въ прошломъ мѣсяцѣ напечатали мы это знаменитое твореніе Софокла, въ переводѣ С. Д. Шестакова. Теперь предлагаемъ статью переводчика о самой трагедіи.

Ред.

брошенъ непогребенный и трупъ его достанется въ добычу хищнымъ птицамъ. Антигона объявляетъ рѣшительно глашатаю, что она не покорится этому рѣшенію Ѳивскаго Сената. Глашатай уходитъ съ угрозою, а хоръ ѳивскихъ дѣвушекъ раздѣляется на двѣ половины, изъ которыхъ одна пристаетъ къ Антигонѣ, чтобъ вмѣстѣ съ нею похоронить Полиника, а другая, вмѣстѣ съ Исменою, идетъ оказать ту же честь Этеоклу. Трагедія оканчивается торжественною процесіею погребенія и трилогія дѣйствуетъ на душу успокоительно, такъ-какъ братьямъ, соединеннымъ смертью, воздается безпрепятственно послѣдняя честь. Объявленіе сенатскаго постановленія служитъ только къ тому, чтобъ прервать жалобы сестеръ и снести трупы со сцены : права человѣчества безъ борьбы одерживаютъ побѣду надъ безжалостною строгостью общины, чуждой погибшимъ братьямъ.

Софоклъ долженъ былъ многое измѣнить въ основаніи своей драмы. У него Этеоклъ похороненъ ужь до начала трагедіи; запрещеніе похоронить Полиника, которое у Эсхила слѣдуетъ непосредственно за смертью братьевъ, когда ихъ тѣла находятся передъ глазами, идетъ не отъ сената , но отъ того, кто наслѣдовалъ по смерти сыновъ Эдипа престолъ ѳивскій. Запрещеніе это у Софокла сопровождается угрозою смертной казни за его нарушеніе. Эсхилъ объ этомъ не знаетъ. Ночью бѣжало непріятельское войско отъ города ; запрещеніе объявлено ужь Креонтомъ, но оно не всѣмъ еще извѣстно въ городѣ. Еще прежде, чѣмъ Креонтъ явился въ собраніи ѳивскихъ старѣйшинъ объявить свою волю, прежде , чѣмъ эти старѣйшины собрались на площади передъ дворцомъ Креонта выслушать его приказъ , Антигона рѣшилась ужь исполнить долгъ любви , несмотря па предстоящую смерть, и исполнила его прежде, чѣмъ Креонтъ могъ подумать о какомъ-нибудь сопротивленіи своей власти. У Эсхила, вмѣстѣ съ ней идетъ хоронить Полиника часть ѳивскихъ дѣвушекъ, изъ которыхъ состоитъ у него хоръ; у Софокла Антигона одна совершаетъ свое дѣло, и тѣмъ выше выдается ея героизмъ надъ всѣмъ ее окружающимъ. Она приглашаетъ сестру къ участію, но сестра отказывается.

Такимъ-образомъ, несмотря на очевидное вліяніе эсхиловой трагедіи на созданіе Антигоны, трагедія Софокла остается полною собственностью нашего поэта, котораго вмѣстѣ съ древними можемъ мы назвать ученикомъ Эсхила, но только въ томъ смыслѣ, что отецъ греческой трагедіи, какъ предшественникъ нашего поэта, могъ указать ему точку, съ которой нашъ поэтъ долженъ былъ отправиться. Но, отправившись отъ этой точки, поэту предстояло еще проложить цѣлый

путь, и это сдѣлалъ онъ самъ, силами своего собственнаго творчества, совершенно-оригинально. Если мы обратимся къ поэтамъ предшествовавшаго періода, то ни въ эпосѣ, ни въ лирической поэзіи не найдемъ мы преданія объ Антигонѣ такимъ, какимъ находимъ его у Софокла. Напротивъ, первоначальное преданіе не знаетъ ничего о запрещеніи похоронить Полиника, какъ не знаетъ оно и о заступничествѣ Ѳезея, котораго Эсхилъ въ своей трагедіи «Молящіяся» дѣлаетъ защитникомъ общихъ законовъ Эллады, приписывая его настоятельнымъ требованіямъ то, что ѳивяне похоронили всѣхъ убитыхъ подъ стѣнами своего города аргосскихъ вождей. И то и другое преданіе сложилось ужъ позднѣе въ Аѳинахъ. Источникомъ этихъ преданій было нерасположеніе аѳинянъ къ своимъ грубымъ сосѣдямъ. Кажется, Эсхилъ первый ввелъ эти преданія въ поэзію. Современникъ Эсхила — Пиндаръ говоритъ о семи кострахъ у всѣхъ семи воротъ ѳивскихъ, для сожженія убитыхъ съ обѣихъ сторонъ. У Эсхила это было сдѣлано только по просьбамъ Ѳезея, а позднѣе сложилось ужъ у аѳинянъ преданіе, что Ѳезей долженъ былъ предпринять войну для поддержанія правъ человѣчества, и что только побѣдою могъ онъ принудить ѳивянъ къ уваженію этихъ правъ. Согласно съ этимъ, переносятъ Эсхилъ и Эврипидъ мѣсто погребенія убитыхъ изъ ѳивской земли въ область аѳинскую, въ Элевсинъ и Элевтеры. Но съ Пиндаромъ согласуется еще другое, безъ всякаго сомнѣнія, древнее преданіе, что братья-враги сожжены были на одномъ кострѣ, и что пламя этого костра раздѣлилось на-двое. Это преданіе, частью въ первобытной своей чистотѣ, частью смѣшенное съ позднѣйшими преданіями, упоминается у многихъ писателей греческихъ и римскихъ позднѣйшаго времени.

Отсюда видно, что подвигъ Антигоны совершенно неизвѣстенъ древнему преданію. По словамъ одного изъ современниковъ нашего поэта, Іона Хіосскаго, Антигона и Исмена жили еще во время войны эпигоновъ, въ которой сынъ Этеокла, Леодамъ, защищалъ Ѳивы противъ Ѳессандра, сына полиникова. Напротивъ, Мимнермъ Колофонскій въ своихъ элегіяхъ сообщаетъ преданіе, по которому Исмена была въ связи съ Ѳеоклименомъ-прорицателемъ и, по приказанію Аѳины, еще во время перваго похода противъ Ѳивъ, убита Тидеемъ у воротъ въ то время, какъ она черпала воду изъ источника того же имени. Если древнее преданіе упоминаетъ о Ѳеоклименѣ, возлюбленномъ Исмены, то о любви Антигоны къ Гемону до Софокла нигдѣ не говорится. Напротивъ, въ древней эдиподеи Кинеѳона Спартанскаго Сфинксъ проглотилъ Гемона, любезнаго сына Креонтова, еще до появленія въ Ѳивахъ Эдипа. Все это указываетъ на то, какъ свободно пользовались аѳин-

скіе драматики древними преданіями, ка̀къ измѣняли ихъ для художественныхъ и патріотическихъ цѣлей.

Изъ этого видно, какъ осторожно надобно переносить отношенія и характеры лицъ одной трагедіи на другую, взятую изъ одного круга преданій. Такимъ-образомъ «Антигона» сама въ себѣ замкнутое художественное произведеніе, при созданіи котораго поэтъ нисколько не имѣлъ въ виду связать ее съ позднѣйшими двумя трагедіями, взятыми изъ того же преданія («Эдипъ царь» и «Эдипъ въ Колонѣ»). Если въ этихъ двухъ трагедіяхъ и встрѣчаются указанія на нашу трагедію, то ихъ нужно объяснять не столько желаніемъ поэта связать три различныя трагедіи, сколько естественнымъ повтореніемъ того, что̀ ужь разъ заложено было въ душѣ поэта.

Начиная трагедію, поэтъ оставляетъ зрителямъ догадываться о тѣхъ происшествіяхъ, которыя, будучи внѣ дѣйствія, раскрываемаго въ самой трагедіи, непосредственно, однакожь, ему предшествовали. Непріятельское войско дѣлаетъ приступъ къ городу; какъ у Эсхила шесть ѳивскихъ вождей у шести воротъ города низлагаютъ шесть вождей непріятельскихъ, у седьмыхъ воротъ два сына Эдипа падаютъ другъ отъ друга. Не въ единоборствѣ поражаютъ они другъ друга, какъ разсказывается это у Аполлодора, но встрѣтились они случайно въ общемъ бою. Но у Эсхила смертью двухъ братьевъ спасены Ѳивы, и всѣ дальнѣйшія происшествія покрыты мракомъ. Трагедія Софокла заставляетъ предполагать, что войско аргосское остается еще нѣкоторое время подъ стѣнами Ѳивъ послѣ смерти братьевъ. Такъ, по-крайней-мѣрѣ, можемъ мы заключить изъ словъ Исмены въ началѣ трагедіи. Въ этихъ словахъ различаетъ Исмена двѣ поры: смерть братьевъ и отступленіе аргосскаго войска. Между двумя этими происшествіями совершено было (какъ надобно полагать) погребеніе Этеокла, тогда-какъ трупъ Полиника остается еще въ рукахъ аргосцевъ. Въ этотъ же промежутокъ является Креонтъ царемъ и военачальникомъ ѳивскимъ на мѣсто убитаго Этеокла. Только утромъ, наступившимъ за тою ночью, когда отступили осаждающіе, находитъ Креонтъ время раскрыть передъ собраніемъ ѳивскихъ старѣйшинъ свои политическія убѣжденія. Къ трупу Полиника приставлена ужь стража; въ этомъ трупѣ началось ужь разложеніе, какъ видно послѣ изъ словъ сторожа; птицы ужь терзали его и разнесли его части по городу, какъ говоритъ послѣ Тиресій.

Драматическій поэтъ создаетъ свой собственный міръ, въ которомъ все получаетъ отъ него душу и жизнь. Древняя трагедія не выводила обыденныя страсти современнаго общества; она не брала даже свои типы

изъ временъ историческихъ; главнымъ источникомъ ея были преданія доисторическаго времени. Давность этихъ преданій давала поэту право пользоваться различными ихъ редакціями и даже измѣнять и разнообразить ихъ по своему произволу. Творческой фантазіи поэта не было положено границъ. Героемъ драмы можетъ быть только такое лицо, которое способно возбудить сочувствіе. Въ этомъ требованіи заключается причина того, почему такъ часто поэты измѣняли первоначальное преданіе. Другая причина отступленій отъ первобытныхъ преданій была обусловлена и самымъ временемъ, въ которое жили поэты. Жизнь внесла въ общество много новыхъ идей, которыя чужды были тому времени, когда слагались преданія. Здѣсь будетъ у мѣста сказать нѣсколько словъ о воззрѣніяхъ Софокла на жизнь и искусство.

Одною изъ труднѣйшихъ задачъ давно ужь сталъ тотъ вопросъ, что̀ понималъ древній міръ подъ именемъ Судьбы. Въ древнихъ преданіяхъ Судьба была какая-то страшная сила, которая господствовала не только надъ людьми, но и надъ самими богами. Въ первобытныхъ преданіяхъ человѣкъ является игрушкою этой неотразимой судьбы, которая ведетъ его, какъ слѣпаго, къ предназначенной ею цѣли. Такое воззрѣніе господствуетъ еще во время Гомера. Въ его пѣсняхъ мы видимъ, что отецъ боговъ и людей, великій Зевсъ, точно также, какъ самый послѣдній и слабый изъ его сыновъ, покоряется господству этой неотразимой Судьбы и напрасно иногда ропщетъ на нее. Для слушателей слѣпаго пѣвца это было, конечно, лучшее рѣшеніе всѣхъ ихъ недоумѣній и вопросовъ умственныхъ и нравственныхъ. Еще у Эсхила прикованный къ скалѣ Прометей объявляетъ Зевсу, что надъ нимъ тяготѣетъ Судьба, предъ которою должны пасть всѣ боги Олимпа; еще у Эсхила, слѣдовательно, Судьба — та страшная, непонятная сила, предъ которой склоняется свобода боговъ и людей. Не то находимъ мы ужь у Софокла. Внимательный читатель не можетъ не замѣтить глубоко-религіозный характеръ его произведеній; во всякомъ словѣ, во всякой мысли его замѣтно желаніе обратить вниманіе зрителя на высшую силу, которая всѣмъ управляетъ. Но какая жь эта высшая сила? Какому божеству покланяется Софоклъ? Той же ли Судьбѣ, которой покланялся міръ эпическихъ преданій? На этотъ вопросъ можно, кажется, отвѣчать отрицательно. Правда, народная миѳологія требовала еще неуклоннаго почтенія даже отъ образованныхъ грековъ. Но споръ и распри боговъ, доставлявшія столько удовольствія греку временъ гомеровыхъ, обойдены на трагической сценѣ молчаніемъ, за которымъ скрывается убѣжденіе въ томъ, что прекратились эти распри между олимпійцами, что единство воли соединило ихъ всѣхъ, что они

составляютъ теперь одну силу. Цѣль этой перемѣны была та, чтобъ перенести на Зевса всю силу прежней властительной судьбы, и отъ него ужь теперь исходитъ добро и зло, которыя достаются на долю смертныхъ. Очевидно, что, при господствѣ такого воззрѣнія, характеръ Судьбы долженъ былъ измѣниться въ самомъ существѣ своемъ. Это не была ужь болѣе бездушная сила, слѣпая необходимость безотчетно-дѣйствовавшая. Сила осталась та же; она была еще таинственна по своей природѣ, неотразима въ своихъ дѣйствіяхъ, но дѣйствовала она ужь подъ руководствомъ духа, по законамъ неуклонной справедливости. Ея дѣйствія были также закрыты для людей, какъ и прежде, но они не были ужь случайны и произвольны. Трудно опредѣлить съ точностью, въ какой степени ясности и опредѣленности представлялись эти мысли уму Софокла. Но нельзя, кажется, сомнѣваться, что онѣ дѣйствительно проглядываютъ въ его произведеніяхъ. Не разъ, правда, высказано было положеніе, что нѣкоторыя изъ его великихъ произведеній основаны на совершенно-противоположномъ воззрѣніи, на томъ, что человѣчество подчинено желѣзной волѣ Судьбы, которая безъ цѣли и безъ размышленія идетъ своимъ путемъ, не разбирая жертвъ, которыя она раздавливаетъ своей тяжелою ногою; или на томъ, что люди находятся во власти равнодушныхъ и своевольныхъ боговъ, играющихъ людскимъ счастьемъ и разрушающихъ его часто только длятого, чтобы показать свое могущество. Нельзя отвергнуть, что по-крайней-мѣрѣ первое изъ этихъ воззрѣній весьма-согласно съ цѣлями драмаческой поэзіи. Что̀ можетъ въ-самомъ-дѣлѣ дать болѣе-богатыя средства къ раскрытію трагической ироніи, какъ не этотъ контрастъ между человѣкомъ съ его надеждами, опасеніями, желаніями и предпріятіями и мрачною, неумолимою судьбою? Но не та была цѣль высокаго искусства, и Софоклъ стремился къ другой цѣли. Ему нужно было раскрыть всю глубину души человѣческой, а это раскрытіе было невозможно при прежнемъ воззрѣніи на судьбу. Какое чувство могъ внушить трагическій герой, шедшій только по волѣ судьбы къ трагической развязкѣ своей жизни? Собственно говоря, въ такой драмѣ не было даже элемента драматическаго въ собственномъ смыслѣ. Такая драма была бы скорѣе эпическою поэмою, только съ формою драматическою. Собственно драматическій элементъ вносится только тогда, когда является свободная воля человѣка. Трагическая судьба и здѣсь все также ведетъ и рѣшаетъ дѣйствіе; но эта судьба ужь не внѣ человѣка; она не тяготѣетъ надъ нимъ, какъ чуждая сила, но заключена въ немъ самомъ, въ его волѣ, въ его страстяхъ.

И въ нашей трагедіи Судьба играетъ только второстепенную роль.

Надъ родомъ Лая тяготѣетъ проклятіе боговъ, перешло это проклятіе на дѣтей и на внуковъ его, но оно должно кончиться смертью сыновей Эдипа, послѣднихъ потомковъ мужскаго поколѣнія въ этомъ несчастномъ родѣ. Довольно ужь пало жертвъ гнѣвной судьбы; но нѣтъ, падаетъ и еще одна жертва, эта жертва — Антигона. Но погибаетъ ли она только потому, что принадлежитъ къ несчастному роду лабдакову, что грѣхи отцовъ требуютъ ея погибели? Положительно можно отвѣчать: нѣтъ. Еслибъ Софоклъ думалъ сдѣлать Антигону только жертвою общей трагической судьбы всего рода, онъ долженъ бы присоединить къ той же судьбѣ и Исмену. Ибо нельзя объяснить, почему эта судьба, какъ слѣпая судьба, должна была поразить одну сестру и пощадить другую? Правда, въ самой трагедіи встрѣчаемъ мы указанія на эту несчастную судьбу всего дома; хоръ говоритъ, что въ судьбѣ Антигоны видитъ онъ вновь древнее зло лабдакова дома, что Антигона несетъ отцовскую борьбу; но это только пункты сравненія, на значеніе которыхъ указывается длятого, чтобъ смягчить нѣкоторымъ образомъ горькія скорби Антигоны тою мыслью, что эти страданія общи всему ея роду. Когда люди грѣшатъ, говоритъ хоръ, боги ослѣпили ихъ умъ; если бѣда поражаетъ ихъ—боговъ на то воля; судьба или боги хоронятъ Антигону въ каменномъ покоѣ, или гробу, какъ была превращена въ камень Ніоба. Кто не видитъ, что это только общія мысли, которыя нисколько не проникаютъ въ самое дѣйствіе? Сюда же принадлежатъ и тѣ слова хора, что Креонтъ не долженъ болѣе молиться богамъ, потому-что отъ судьбы нельзя уйдти. Такихъ указаній на могущество судьбы много въ трагедіи. Но съ другой стороны не разъ высказывается и та мысль, что Антигона и Креонтъ погибли отъ своей собственной страсти, отъ своего собственнаго ослѣпленія; точно также погибаютъ Гемонъ и Эвридика.

Какая же мысль лежитъ въ основаніи нашей трагедіи? Прочитавъ ее внимательно, мы найдемъ не разъ мысль, которую хотѣлъ поэтъ провести.

Страсть, невладѣющая собою, ведетъ къ погибели; только тотъ можетъ быть счастливъ, чья воля покорна разсудку; гордость и нарушеніе правъ божескихъ или человѣческихъ навлекаютъ на человѣка тяжкіе удары судьбы. Эту мысль дѣлаетъ Софоклъ наглядною тѣмъ, что выводитъ борьбу двухъ началъ, изъ которыхъ каждое само-по-себѣ справедливо и истинно. Съ одной стороны, начало религіозное, съ другой, начало общественное. Представители того и другаго начала, правые сами въ себѣ безъ отношенія къ другому, ви-

новны своею неуступчивостью и гордостью. Глубокая трагическая скорбь лежитъ именно въ томъ, что дѣйствующіе характеры, имѣя внутреннія оправданія тѣхъ убѣжденій, по которымъ они дѣйствуютъ, не имѣютъ того же оправданія во внѣшнихъ отношеніяхъ, потому-что, упорно преслѣдуя свою цѣль, они вступаютъ въ чужую область и нарушаютъ чужія права. Начинается борьба, которая могла бы разрѣшиться только взаимною уступчивостью; но это разрѣшеніе невозможно, потому-что ни та, ни другая сторона не хочетъ уступить, потому-что ни одна не умѣетъ остаться въ предѣлахъ благоразумія. Трагическая развязка неизбѣжна. Еслибъ обѣ стороны умѣли остаться въ границахъ, тогда не было бы трагедіи.

Посмотримъ теперь, какъ эта мысль развивается въ трагедіи. На разсвѣтѣ дня начинается дѣйствіе. Передъ дворцомъ Креонта является Антигона и вызываетъ сестру свою Исмену, чтобъ сообщить ей новость, которую сама она только-что узнала. Креонтъ объявилъ ужь свое запрещеніе хоронить Полиника, но не знаютъ еще этого въ городѣ всѣ граждане, не знаетъ и Исмена. Прежде всѣхъ узнала объ этомъ запрещеніи заботливая и любящая Антигона. И вотъ, встревоженная, оскорбленная и раздраженная нарушеніемъ человѣческихъ правъ, является она на сценѣ, чтобъ сообщить о томъ Исменѣ и пригласить ее къ участію въ дѣлѣ любви и благочестія. Съ перваго появленія ея на сценѣ зритель ужь заинтересованъ ею. Раннимъ утромъ, когда ночь еще несовсѣмъ успѣла уступить свое мѣсто дню, на огромной пустой площади видитъ онъ одну дѣвушку. Все пусто и тихо вокругъ; все еще спитъ въ городѣ. Что же подняло ее раньше всѣхъ? что привело ее сюда одну, бестрашную? Но вотъ на ея вызовъ выходитъ Исмена. Антигона начинаетъ говорить, и зритель чувствуетъ вмѣстѣ съ Исменою, что въ душѣ ея тревога; что какое-то страшное слово готовится сказать она. И расказываетъ Антигона сестрѣ, какую новую скорбь приготовилъ имъ ихъ *добрый* Креонтъ и приглашаетъ Исмену къ участію въ погребеніи Полиника. Но Исмена, столь же добрая и любящая, также глубоко-убѣжденная въ тѣхъ правахъ, за которыя стоитъ Антигона, не смѣетъ преступить границъ, назначенныхъ женщинѣ ея положеніемъ въ обществѣ. Напрасно, однакожь, напоминаетъ она Антигонѣ о несчастной судьбѣ отца, матери и братьевъ; напрасно хочетъ вразумить ее насчетъ ихъ положенія: всѣ слова ея, шедшія изъ добраго сердца, но вмѣстѣ-съ-тѣмъ изъ неослѣпленнаго страстью разсудка, послужили только къ тому, чтобъ еще болѣе раздражить и безъ того оскорбленное сердце Антигоны. Она не хочетъ внять благоразумнымъ совѣтамъ сестры и объявляетъ ей, что одна схоронитъ Полиника, что участіе

сестры въ этомъ дѣлѣ не будетъ ужь теперь ей мило. Видитъ Исмена, что слова разсудка невнятны раздраженному сердцу; что не въ-силахъ она отклонить сестру свою отъ опаснаго дѣла. Сжалось ея доброе, нѣжное сердце при мысли о той опасности, которой подвергается ея единственная сестра, и молитъ она ее не говорить, по-крайней-мѣрѣ, никому о своемъ намѣреніи, и сама обѣщается молчать. Но эти слова участія только оскорбляютъ Антигону; она отвѣчаетъ сестрѣ, что не желаетъ ея молчанія, что ей пріятнѣе будетъ, если Исмена всѣмъ объ этомъ раскажетъ, что если она сама и умретъ за совершеніе погребенія брата, то умретъ славною смертью, что съ любовью встрѣтитъ ее, любящую, братъ въ подземномъ мірѣ, а Исмена будетъ ненавистна и ей и умершему брату. Какъ ни жостки были слова сестры, но, разставаясь съ нею, Исмена не можетъ не выразить своего удивленія и любви къ прекрасной душѣ:

Хоть ты, безумная, теперь идешь,
Но все жь друзьямъ своимъ ты милый другъ.

Сказавъ это, Исмена уходитъ назадъ во дворецъ, а Антигона идетъ налѣво въ поле, гдѣ лежитъ непогребенное тѣло Полиника.

Ка̀къ скоро измѣнились отношенія двухъ сестеръ! Еще за нѣсколько минутъ сказанныя слова не повторитъ ужь теперь Антигона, не назоветъ она свою сестру *милой головкой.* И вотъ споръ объ исполненіи долга любви къ брату раздѣлилъ два преданныя одно другому сѐрдца. Новое горе присоединилось къ тѣмъ ско̀рбямъ, которыя оплакивала Антигона въ первыхъ словахъ при появленіи на сценѣ: горе отчужденія отъ родной сестры. Душа Антигоны вся отдалась мысли объ исполненіи долга любви къ брату; она не могла себѣ представить, чтобъ сестра ея иначе могла думать. Мысль поэта уже ярко выразилась въ прологѣ: зрителю ясно уже, что начинается борьба между двумя началами, борьба страшная, необходимо-ведущая къ трагической развязкѣ. Передъ нимъ явилось уже лицо, представляющее одно изъ этихъ началъ, и онъ видитъ, что въ характерѣ этого лица нѣтъ ручательства за болѣе успокоительную развязку. Высокая и гордая душа Антигоны не умѣетъ смиряться предъ обстоятельствами, и зритель съ участіемъ ждетъ развязки этой начавшейся борьбы. Съ какимъ искусствомъ выведенъ въ прологѣ контрастъ двухъ родныхъ сестеръ! Обѣ имѣютъ доброе, нѣжное, любящее сердце, но одна съ душою крѣпкою и гордою, закаленною въ страданьяхъ, способною къ дѣламъ, требующимъ силъ необыкновеннаго даже мужа; другая съ душею робкою и слабою, научившеюся изъ прежнихъ страданій покор-

ности и уступчивости. Уже въ этомъ прологѣ видно, какая судьба ожидаетъ обѣихъ сестеръ впослѣдствіи.

Вслѣдъ затѣмъ является на сцену хоръ. Этотъ хоръ представляетъ собою собраніе ѳивскихъ старѣйшинъ, которые пришли сюда, по приказанію Креонта, выслушать слово его. Вступая въ орхестру, хоръ поетъ свою первую пѣснь (пародосъ), въ которой прежде всего привѣтствуетъ восходящее солнце, потомъ прославляетъ побѣду, одержанную ѳивянами надъ осаждавшими ихъ аргосцами. И въ этой побѣдной пѣснѣ поэтъ нашелъ случай указать, какъ-бы мимоходомъ, главную мысль трагедіи. Она находится въ той строфѣ, гдѣ хоръ поетъ о Капанеѣ, пораженномъ молніею Зевса, оскорбленнаго гордостью и надменностью аргосцевъ. Въ концѣ своей пѣсни хоръ гонитъ отъ себя мрачныя воспоминанія о прошедшихъ несчастіяхъ и приглашаетъ всѣхъ идти въ храмы благодарить боговъ за спасеніе отечества. Многозначительна эта побѣдная пѣснь хора, неимѣющая, повидимому, никакого отношенія ни къ предъидущему, ни къ послѣдующему дѣйствію. Разговоръ двухъ сестеръ въ прологѣ скорбно настроилъ зрителя, показавъ ему неистощимое страданіе лабдакова дома; тяжело лежитъ на его душѣ воспоминаніе о томъ, ка̀къ враждебно разстались двѣ сестры; мысль его съ Антигоною. Радостная и религіозная пѣснь хора успокоиваетъ нѣсколько его разстроенный прежнею сценою духъ и обращаетъ его мысли въ другую сторону. Если слова Антигоны возбудили въ немъ сочувствіе къ ея дѣлу и вмѣстѣ съ тѣмъ, можетъ-быть, враждебное чувство къ Креонту, то слова хора ставятъ его на другую точку зрѣнія. Онъ видитъ, что хоръ не расположенъ къ Полинику, котораго онъ называетъ врагомъ отечества и причиною бѣдствій народныхъ. Зритель знакомится съ другою стороною дѣла; но его участіе къ Антигонѣ не уменьшается тѣмъ, что чувства народа несогласны съ нею; напротивъ, оно возвышается, когда онъ видитъ, что она остается одна съ своею любовью. Если мысль его отвлечена была на нѣкоторое время отъ Антигоны и обращена пѣснью хора на другіе предметы, то еще съ бо̀льшею заботою, съ бо̀льшимъ участіемъ обращается она снова на нее, когда, въ слѣдующемъ эпизодѣ, является на сцену Креонтъ, излагаетъ свои политическія убѣжденія и объявляетъ собравшемуся народу, ка̀къ онъ, согласно съ ними, приказалъ похоронить Этеокла и бросить непогребеннымъ трупъ Полиника, и когда хоръ признаетъ за Креонтомъ право *изрѣчь законъ на мертвыхъ и живыхъ*. Признавая это право, хоръ отклоняетъ, однакожь отъ себя обязанность наблюдать за исполненіемъ этого закона, говоря, что угроза смерти достаточна длятого, чтобъ законъ былъ исполненъ въ-точности. На это

Креонтъ возражаетъ, что не разъ надежда на корысть людей губила. Только одно это побужденіе и знаетъ онъ; его только и можетъ бояться и подозрѣвать. Отъ Креонта, равно какъ и отъ хора, далека та мысль, что могутъ быть другія побужденія, болѣе чистыя, что они дадутъ слабой дѣвушкѣ силу презрѣть опасность; а между-тѣмъ зритель знаетъ все это и съ нетерпѣніемъ ожидаетъ развязки. Чѣмъ менѣе Креонтъ думаетъ объ Антигонѣ, чѣмъ неожиданнѣе открывается впослѣдствіи ея поступокъ, тѣмъ сильнѣе возбуждается гнѣвъ Креонта. Такого рода долговременный обманъ самого-себя совершенно въ духѣ Софокла.

Едва сказалъ Креонтъ послѣднія слова, какъ является одинъ изъ стражей, приставленныхъ имъ къ тѣлу Полиника. Изъ его длинной и нескладной рѣчи, или, лучше сказать, изъ его длиннаго предисловія заключаетъ Креонтъ, что онъ принесъ плохую новость. Послѣ долгихъ околичностей объявляетъ наконецъ стражъ, по настоятельному требованію Креонта, что раннимъ утромъ совершилъ неизвѣстно кто надъ тѣломъ Полиника весь обрядъ погребенія.

Съ драматическимъ паѳосомъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ рѣзкій контрастъ составляетъ странная фигура стороны, взятая изъ обыденной жизни и мастерски-обрисованная. Для него выше всего собственная жизнь; ему досталось по жребію отнести Креонту непріятную новость; со страхомъ является онъ предъ строгимъ своимъ повелителемъ. Этотъ страхъ обнаруживается сначала въ нескладной рѣчи, потомъ въ широкомъ, многословномъ разсказѣ, въ которомъ смѣшаны общія мысли и простонародныя изреченія. Еще Аристотель замѣтилъ, что тотъ, чье дѣло нечисто, охотно прибѣгаетъ къ предисловіямъ и къ различнымъ изворотамъ рѣчи; такъ рабы непрямо отвѣчаютъ на предлагаемые имъ вопросы. Подобными контрастами пользовался и Эсхилъ для возвышенія главныхъ дѣйствующихъ лицъ. Въ нашей трагедіи это простонародное лицо сторожа поднимаетъ идеальную высоту Антигоны и въ то же время бросаетъ какой-то особенный, подкрашенный ироніею, свѣтъ на неумѣстную горячность и раздражительность Креонта.

По окончаніи разсказа сторожа, хоръ высказываетъ мысль, которая давно ужь тѣснится въ его душу: не боговъ ли воля обнаружилась въ этомъ таинственномъ погребеніи Полиника? Это было первое невольное, легкое напоминаніе Креонту о правахъ, данныхъ богами мертвымъ, и объ обязанностяхъ, наложенныхъ ими на живыхъ въ-отношеніи къ мертвымъ. Рѣзко и жостко останавливаетъ Креонтъ хоръ и опровергаетъ его мнѣніе, доказывая, что боги не могутъ чтить злодѣя и врага свое-

го. Въ ослѣпленіи страсти Креонтъ считаетъ боговъ за одномысленныхъ съ собою людей, раздѣляющихъ его убѣжденія. Снова возвращается онъ къ своему прежнему предположенію, что одно корыстолюбіе могло вмѣшаться въ это дѣло и преступить его законъ. Онъ выражаетъ свое подозрѣніе, что стражи сами похоронили тѣло, будучи подкуплены гражданами, которые давно уже были недовольны распоряженіемъ Креонта. Онъ распространяется при этомъ о пагубномъ вліяніи денегъ на жизнь людей. Стараясь убѣдить другихъ въ истинѣ своего предположенія, онъ еще далѣе отходитъ самъ отъ истины. Онъ грозитъ казнью ослушникамъ своей воли; наконецъ, обращаясь къ стражу, говоритъ ему, что если не сыщутъ они виновнаго, то сами получатъ назначенную ему казнь. А зритель знаетъ виновнаго, и сильно встревожено его сердце, потому-что не знаетъ еще онъ, чѣмъ кончится эта борьба. Понимаетъ онъ теперь, что какъ ни прàва съ одной стороны Антигона, однакожь она затронула другія правà неменѣе-сильныя, неменѣе-достойныя уваженія. Креонтъ защитникъ правъ своей земли. Полиникъ оскорбилъ и нарушилъ эти права, когда пришелъ съ враждебнымъ войскомъ разорить родной городъ. Такъ думаетъ Креонтъ. Онъ убѣжденъ, что онъ не только можетъ, но и долженъ лишить Полиника права, даннаго ему смертью, права на честное погребеніе, такъ-какъ Полиникъ оскорбилъ священное право, которое имѣла надъ нимъ его родная земля. Креонтъ наблюдалъ законы правоты общественной, но онъ забылъ законъ своихъ боговъ насчетъ погребенія мертвыхъ, законъ, на которомъ основывала свои дѣйствія Антигона.

Креонтъ уходитъ въ свой дворецъ; затѣмъ уходитъ и стражъ къ своему мѣсту. Его немногія слова, которыя онъ говоритъ предъ своимъ уходомъ, своею простотою и краткостью образуютъ совершенный контрастъ съ длинною, наполненною общими мѣстами рѣчью Креонта. Стражъ вышелъ ужь теперь изъ того затруднительнаго и опаснаго положенія, въ которомъ онъ былъ при первомъ вступленіи своемъ на сцену; онъ не боится болѣе за жизнь свою и, уходя, выражаетъ только свою радость о томъ, что уходитъ цѣлъ, что спасся отъ опасности, отъ которой не чаялъ спастись. На сценѣ остается только одинъ хоръ, и начинаетъ пѣть.

Первый стасимонъ, въ которомъ хоръ прославляетъ изобрѣтательность ума человѣческаго, умѣющаго покорить все своей силѣ, кромѣ смерти. До-сихъ-поръ хоръ находится все еще въ совершенной неизвѣстности о виновникѣ, навлекшемъ на себя гнѣвъ царя, и потому въ пѣснѣ своей выражается онъ только общими мыслями: онъ не желалъ бы,

чтобъ преступникъ былъ участникомъ его совѣта и раздѣлялъ съ нимъ кровъ. Но вотъ одинъ изъ хора видитъ стража, возвращающагося съ Антигонoю, и прискорбно стало его сердце: онъ начинаетъ предчувствовать истину. Еще болѣе-тяжелое чувство стѣснило грудь зрителя, который знаетъ истину.

Во второмъ эпизодѣ стражъ разсказываетъ Креонту съ витіеватостью простолюдина, желающаго возвысить свои заслуги, кàкъ схватили они Антигону на мѣстѣ преступленія. Видимо-пораженный Креонтъ разспрашиваетъ о подробностяхъ: тяжело ему сознаніе въ томъ, что онъ обманулся въ своихъ подозрѣніяхъ. Разсказываетъ ему стражъ подробно, кàкъ пришла Антигона еще разъ насыпать землю на трупъ брата, съ котораго смели-было ее стражи, кàкъ проклинала Антигона ихъ за это, кàкъ схватили они ее и кàкъ безстрашно она во всемъ созналась. Къ ней теперь обращаетъ Креонтъ свою рѣчь. Онъ спрашиваетъ ее, признается ли она въ томъ, что̀ сдѣлала. Она отвѣчаетъ такъ, какъ можетъ отвѣчать только тотъ, кто сознаётъ всю правоту своего дѣла: *я говорю, что сдѣлала и отрицать не стану*. Какой контрастъ между этимъ краткимъ отвѣтомъ Антигоны и многословнымъ разсказомъ стража! Въ этихъ немногихъ словахъ высказалась вся сила гордой души, все безстрашіе пламеннаго сердца. Смутился Креонтъ предъ этою непоколебимостью женщины и, какъ-бы желая дать ей средство спастись, или, скорѣе, желая сыскать себѣ-самому выходъ изъ этого горькаго состоянія, спрашиваетъ онъ Антигону: знала ли она о его запрещеніи хоронить Полиника? На вопросъ Креонта послѣдовалъ тотъ же гордый отвѣтъ: *Да, я знала. Какъ не знать? То знали всѣ*. Потомъ раскрываетъ она предъ нимъ свои убѣжденія, въ силу которыхъ не могла она поступить иначе: «вѣчный законъ боговъ исполнила она; а власть человѣческая не въ-силахъ ниспровергнуть этотъ законъ». Въ концѣ своей рѣчи, увлеченная своимъ одушевленіемъ, замѣчая, можетъ-быть, противорѣчіе въ Креонтѣ, она прибавляетъ, что только безумный можетъ обвинить ее въ безуміи. Хоръ осуждаетъ ее за неукротимость и неуступчивость. Раздраженъ Креонтъ сопротивленіемъ дѣвушки и ея смѣлыми рѣчами. Гнѣвъ увлекаетъ его и онъ грозитъ смирить непокорную. Онъ хочетъ сдѣлать участницею ея злой судьбы и невинную Исмену, которую подозрѣваетъ въ томъ же преступленіи. Онъ велитъ позвать ее.

Спокойно спрашиваетъ Антигона Креонта: довольно ли будетъ ему ея смерти и, получивъ утвердительный отвѣтъ, проситъ его о скорѣйшемъ исполненіи ея казни, такъ какъ примиреніе между ними уже невозможно. Замѣчательно слѣдующее затѣмъ мѣсто по искусству, съ

какимъ выразилъ поэтъ, какъ сильно были увлечены страстью оба лица въ споръ. За исключеніемъ тѣхъ немногихъ словъ послѣ первой рѣзкой выходки Антигоны, въ которыхъ хоръ частью осуждалъ, частью извинялъ ее, ни слова болѣе не промолвилъ онъ во все продолженіе спора. И, однакожь, обоимъ спорющимъ кажется, что хоръ на ихъ сторонѣ; оба они не замѣчаютъ даже, что они высказываютъ это другъ другу.

Креонтъ. — Но лишь одна изъ Кадмова народа
То видишь ты.
Антигона. — То жь видятъ и они,
Но отъ тебя свою скрываютъ мысль.
Креонтъ. — И что жь, тебѣ не стыдно думать такъ,
Какъ ни одинъ не думаетъ изъ нихъ?

Вслѣдъ затѣмъ, когда Креонтъ упрекнулъ Антигону въ томъ, что она оскорбила брата своего Этеокла, поставивъ наравнѣ съ нимъ Полиника, который былъ врагомъ его и отечества, она возражаетъ:

Не злобу я, любовь дѣлить родилась.

Въ этихъ прекрасныхъ словахъ высказалась вся красота души Антигоны. Невольно-пораженный ими, Креонтъ не находитъ въ умѣ своемъ новыхъ возраженій и прибѣгаетъ уже къ сарказму:

Иди же къ нимъ туда и ихъ люби
Тамъ, подъ землей, коль ты должна любить.
Пока я живъ, не властвовать женѣ.

Но его прерываетъ хоръ извѣщеніемъ, что видитъ онъ идущую Исмену. Ея нѣжная душа выливается въ слезахъ, а новые удары готовятся ей тою, о которой она плачетъ. Напрасно отвѣчаетъ она утвердительно на вопросъ Креонта объ участіи ея въ дѣлѣ Антигоны: послѣдняя не признаётъ этого участія; напрасно молитъ ее Исмена не покрывать ее безчестьемъ и позволить ей раздѣлить судьбу сестры, дать ей возможность примириться съ тѣнью брата: все также отвергаетъ ее Антигона тѣми же жосткими, оскорбительными словами. Не можетъ она простить сестрѣ ея перваго поступка, который кажется ей измѣною умершему брату; нескоро прощаетъ глубоколюбящая душа оскорбленіе чувства. Антигона несовсѣмъ-права въ своемъ судѣ надъ Исменою; по-крайней-мѣрѣ теперь могла бы она отступиться отъ своего прежняго мнѣнія, но она ослѣплена страстью, духъ ея раздраженъ

предшествовавшимъ споромъ съ Креонтомъ, и она неспособна уже уступить, она неспособна уже понять великодушной любви и преданности сестры. И не можетъ Креонтъ понять ни высокаго сердца Антигоны, ни трогательно-нѣжнаго сердца Исмены, и называетъ онъ ихъ безумными. Чтобъ измѣнить рѣшеніе Креонта, Исмена касается еще нетронутой струны въ сердцѣ Креонта — его отцовскаго чувства; она напоминаетъ Креонту, что онъ убьетъ въ Антигонѣ невѣсту своего собственнаго сына. Коротко и рѣзко отвѣчаетъ ей Креонтъ, что онъ не хочетъ дурной жены для сына. Здѣсь только вспомнила Антигона о своемъ женихѣ; за него оскорбилась она словами Креонта, не за себя: «О милый мой Гемонтъ, говоритъ она, ка̀къ оскорбляетъ тебя отецъ твой!» Напрасно смиренно напоминаетъ Креонту о томъ же хоръ: «Самъ адъ хотѣлъ разрушить этотъ бракъ», отвѣчаетъ ему Креонтъ и вмѣстѣ-съ-тѣмъ выражаетъ убѣжденіе въ томъ, что хоръ раздѣляетъ его мнѣніе объ участи Антигоны; потомъ велитъ онъ отвести ее въ домъ. Въ этой отсрочкѣ казни видно, что недаромъ напомнили ему о сынѣ: невольно закрался уже страхъ въ душу Креонта.

Второй стасимонъ. Рѣшилась судьба Антигоны; неизбѣжная пагуба предстоитъ Креонтову дому. И вотъ хоръ въ своей пѣсни поетъ могущество пагубы (ἄτη): если разъ она вошла въ какой-нибудь родъ, то переходитъ изъ поколѣнія въ поколѣніе до самой послѣдней вѣтви этого рода, подобно тому, какъ вздутый валъ съ высоты своей низвергается на дно подводной глубины и поднимаетъ песокъ съ самаго дна морскаго. Такъ гибнетъ весь лабдаковъ домъ; вотъ послѣдняя его свѣтлая вѣтвь уносится страшною пагубой. Это печальное размышленіе навело хоръ на мысль о величіи и могуществѣ Зевса. Гордость смертнаго не въ-силахъ противиться его могуществу, котораго не можетъ побѣдить ни всепобѣждающій сонъ, ни неустающіе въ своемъ теченіи мѣсяцы. А смертнаго жизнь находится во власти ἄτη. Ея источникъ лежитъ въ гордомъ возмущеніи человѣка противъ Зевса. Страсти и легкомысленныя надежды часто вводятъ человѣка въ заблужденіе. Если боги хотятъ наказать кого за преступную гордость, тому зло кажется добромъ и идетъ онъ прямо къ пагубѣ.

Если первый стасимонъ былъ назначенъ длятого, чтобъ воспѣть могущество человѣческаго ума и слегка только коснуться его опасныхъ сторонъ; то здѣсь дальнѣйшимъ развитіемъ драмы наведенъ хоръ на мысль о тѣхъ стремленіяхъ людей, которыя, будучи противны божественной волѣ, неизбѣжно приводятъ ихъ къ пагубѣ. Если Антигона и дала первый поводъ къ подобнымъ размышленіямъ, то нельзя не ви-

дѣть, что вторая половина пѣсни хора имѣетъ отношеніе только къ Креонту, хотя самъ хоръ, можетъ-быть, и не сознаетъ этого приложенія. Вѣдь Креонтъ первый преступилъ священные законы боговъ въ своемъ запрещеніи хоронить Полиника; вѣдь онъ далъ Антигонѣ причину и поводъ нарушить законы гражданскіе. Самый выборъ словъ, употребленныхъ поэтомъ, дѣлаетъ для насъ это отношеніе несомнѣннымъ. Поэтъ говоритъ объ ἀνδρῶν ὑπερβασία — о чрезмѣрной гордости мужей; то же самое слово ανδρῶν упоминаетъ онъ и въ послѣдней антистрофѣ гдѣ говоритъ о легкомысленныхъ стремленіяхъ. И на кого другаго могли указывать эти слова, какъ не на Креонта, который преслѣдовалъ цѣль недостижимую. Не безъ намѣренія оставилъ поэтъ Креонта на сценѣ во время этой пѣсни, длятого, чтобъ мудрыя размышленія хора достигли его слуха и привели его на истинный путь.

Но вотъ является Гемонъ, креонтовъ сынъ. Съ кроткою любовью отца спрашиваетъ его Креонтъ: не съ гнѣвомъ ли на отца пришелъ онъ, услышавъ объ участи, которая готовится Антигонѣ? Съ почтительною покорностью сына отвѣчаетъ ему Гемонъ, что добрый совѣтъ отца ему всего дороже. Еще надѣется несчастный юноша, что отецъ измѣнитъ свой приговоръ. Но подозрительна эта покорность Креонту, и начинаетъ онъ излагать сыну тѣ побужденія, которыя привели его къ этому рѣшенію. Въ началѣ рѣчи своей онъ хвалитъ Гемона, какъ добраго сына; выражаетъ надежду, что Гемонъ отвергнетъ свою невѣсту послѣ того, какъ она найдена непокорною воли его отца; доказываетъ, что онъ не можетъ простить ту, которая презрѣла его законъ, но долженъ наказать ее, долженъ показать примѣръ строгости на своихъ домашнихъ, чтобъ тѣмъ скорѣе повиновались чужіе. Видно, что ему досадно, что женщина осмѣлилась противиться его волѣ, и чувство этой досады надъ всѣмъ беретъ верхъ. Хоръ находитъ, что Креонтъ судилъ умно. Скромно и спокойно возражаетъ Гемонъ отцу. Онъ старается отклонить отца отъ пагубнаго рѣшенія. Ни слова не говоритъ онъ о себѣ, о своихъ отношеніяхъ къ Антигонѣ; онъ хочетъ показать отцу, что думаетъ только о его пользѣ, о его доброй славѣ. «Поступокъ Антигоны, говоритъ онъ, заслуживаетъ скорѣе золотой чести; весь городъ скорбитъ о ней, а ты, отецъ, этого не можешь знать». Наконецъ старается показать ему, что онъ увлеченъ страстью; совѣтуетъ ему послушаться добраго дружескаго слова. Поэтъ далъ Гемону ту же роль въ-отношеніи къ сестрѣ. Какъ Исмена съ нѣжною любовью сестры старается отклонить Антигону отъ ея опаснаго предпріятія, такъ точно Гемонъ съ почтительностью сына представляетъ Креонту всю опасность его неуступчивости; какъ Исмена

напоминаетъ Антигонѣ о пагубныхъ слѣдствіяхъ непреклонной гордости, такъ Гемонъ напоминаетъ о томъ же Креонту.

Хоръ не ослѣпленъ страстью; ему доступно всякое слово разсудка. Такъ и теперь не скрылось отъ него, что въ словахъ Гемона есть правда, и онъ высказываетъ это Креонту съ почтительною скромностью; но слова хора только раздражаютъ Креонта, и съ этой минуты разговоръ отца съ сыномъ принимаетъ все болѣе-и-болѣе характеръ страсти и раздраженія. Наконецъ Креонтъ выходитъ изъ себя и приказываетъ тотчасъ привесть Антигону, чтобъ она умерла предъ глазами своего жениха. Но Гемонъ не хочетъ ждать этой страшной минуты и уходитъ. Напрасно хоръ указываетъ Креонту на скорбь и отчаяніе сына: страсть уже совершенно овладѣла Креонтомъ, онъ ужь не можетъ разсуждать. Ка̀къ искусно выразилъ поэтъ это несчастное состояніе Креонта въ слѣдующихъ стихахъ:

Не измѣнитъ онъ участи дѣвицъ.
Хоръ. — Такъ смерть обоимъ имъ назначилъ ты?
Креонтъ. — Невинной — нѣтъ! Ты дѣло говоришь.

Въ одну и ту же минуту и рѣшаетъ Креонтъ и отмѣняетъ свое рѣшеніе. Онъ имѣлъ ужь случай убѣдиться въ невинности Исмены, слѣдовательно онъ не забылъ бы этого, еслибъ дѣйствовалъ только по убѣжденіямъ своимъ, а не по побужденіямъ страсти. Онъ могъ желать наказанія Антигоны, потому-что она была виновна въ нарушеніи закона; но зачѣмъ же хотѣлъ онъ присоединить Исмену? Какую же смерть назначаетъ онъ Антигонѣ? Живая умретъ она въ каменной гробницѣ. Страсть видимо раздвоилась въ душѣ Креонта: съ одной стороны гнѣвъ побуждаетъ его преслѣдовать свою цѣль, съ другой, примѣшивается страхъ, безсознательный страхъ человѣка, который чувствуетъ, что онъ несовсѣмъ-правъ. Онъ ужь не хочетъ теперь убить Антигону; онъ оставитъ ее живую умирать въ каменной гробницѣ; онъ положитъ ей тамъ нѣсколько пищи, чтобъ очистить совѣсть свою, въ которой, видно, пробудилось уже раскаяніе; но онъ старается подавить это раскаяніе горькимъ сарказмомъ противъ несчастной Антигоны, противъ ея почтенія къ подземнымъ богамъ.

Разстались отецъ съ сыномъ ожесточенные другъ противъ друга, и это даетъ поводъ хору воспѣть всемогущество бога любви, Эрота, который и правдивыхъ людей мысль къ неправдѣ и пагубѣ сводитъ, который возбудилъ и эту кровную вражду отца съ сыномъ. Появленіе

Антигоны прерываетъ эту пѣснь. Ее ведутъ изъ заключенія въ тотъ покой, изъ котораго она никогда не должна выйдти. Хоръ не можетъ удержать слезъ жалости. Но это чувство состраданія не отнимаетъ у хора его обычнаго спокойствія : на вопли и жалобы Антигоны отвѣчаетъ онъ утѣшительными словами, къ которымъ примѣшиваетъ иногда указанія на ея ошибку. Спокойный размѣръ его стиховъ составляетъ сильный контрастъ съ безпрестанно-измѣняющимся размѣромъ стиховъ, которыми выражаетъ свои жалобы Антигона. Неравнодушно она разстается съ своею жизнью. Холодно, закрыто для всякаго женскаго чувства оставалось ея сердце до-тѣхъ-поръ, пока не отдала она послѣдній долгъ брату. Теперь только видитъ зритель, что ея сердце способно къ теплымъ чувствамъ юности, и тѣмъ выше цѣнитъ онъ ея жертву, чѣмъ скорбнѣе ея разставанье съ жизнью. Горькія жалобы вырываются изъ груди Антигоны. Плачетъ она о томъ, что живая сходитъ въ адъ, что, оставляя своего жениха на землѣ, будетъ она невѣстой Ахеронту. Въ утѣшеніе хоръ говоритъ ей, что отходитъ она къ мертвымъ, покрытая славой; что одной ей досталась завидная участь: живой сойдти въ адъ. Слова хора напоминаютъ Антигонѣ о судьбѣ Ніобы, которая обращена была когда-то въ камень ; но сравненіе это кажется хору неприличнымъ, потому-что Ніоба родилась отъ боговъ, а Антигона вела свой родъ отъ смертныхъ людей. Чтобъ смягчить, однакожь, рѣзкость этихъ словъ, хоръ прибавляетъ, что славно для смертнаго человѣка имѣть одну судьбу съ безсмертными. Антигона принимаетъ эти слова хора за насмѣшку надъ собой и обращается съ жалобою къ богамъ, и къ городу, и къ гражданамъ, и спрашиваетъ: «во имя какихъ правъ терпитъ она такую жалкую участь?» Замѣчателенъ отвѣтъ хора на ея жалобу :

Далеко въ дерзости зашла,
И о высокій правды тронъ
Толкнулось, сильно ты дитя !
Отцовскій подвигъ ты несешь.

Выше поставила Антигона на своей сторонѣ правду ; но въ этихъ словахъ говоритъ хоръ ей, что правда не можетъ быть на сторонѣ тѣхъ, которые переступаютъ границы, назначенныя волѣ человѣческой. За правду стояла Антигона, но она оскорбила правду, потому-что была слишкомъ-высокомѣрна. И снова, чтобъ смягчить этотъ укоръ, прибавляетъ хоръ, что Антигона несетъ овцовскій подвигъ; что несчастная судьба отца увлекаетъ ее къ пагубѣ. Еще яснѣе выражаетъ свою

мысль хоръ послѣ, когда онъ говоритъ Антигонѣ, что ее погубила собственная гордость. Жалоба Антигоны прервана приходомъ Креонта, который велитъ увести немедленно Антигону въ назначенную ей гробницу. Но тоскливое чувство страха въ душѣ Креонта еще сильнѣе выражается теперь. Его слова ужь не такъ жостки и рѣшительны: не говоритъ ужь онъ, что лишитъ жизни Антигону; онъ хочетъ только отдѣлить ее отъ живыхъ; пусть живетъ, если можетъ, въ томъ каменномъ покоѣ; въ смерти ея онъ неповиненъ. Такъ старается обмануть Креонтъ сердце и совѣсть свою. Давно ужь въ немъ, какъ видно, происходитъ борьба и не знаетъ онъ, ка̀къ ее покончить.

Послѣдняя прощальная рѣчь Антигоны заключаетъ въ себѣ какъ-бы оправданіе ея поступка. И въ ея душѣ зародилось сомнѣніе въ своей правотѣ. Прежде она убѣждена была въ томъ, что боги ее оправдываютъ; теперь ей кажется возможнымъ, что судъ боговъ будетъ согласенъ съ судомъ людей. И вотъ она ищетъ оправдать сама себя. Оправданіе это заключается въ томъ, что она воздала послѣднюю честь своему брату. Но согласно ли это оправданіе съ характеромъ Антигоны? Здѣсь мы остановимся на слѣдующихъ стихахъ, которые нѣкоторыми учеными считаются за позднѣйшую вставку.

Когда бъ я матерью была дѣтей,
Когда бъ супругъ мой смертью былъ сраженъ,
Нѣтъ, никогда не сдѣлала бъ того
Народу вопреки. А почему?
Умретъ супругъ, второй его замѣнитъ;
Когда одно дитя я потеряю,
Другое отъ другаго мужа будетъ.
Но, если мать съ отцомъ лежатъ въ землѣ,
То брата у меня не будетъ больше:
Вотъ почему почтила я тебя,
Мой милый братъ!

Якобъ (August Jacob) въ своемъ «Введеніи» къ изданію Антигоны доказываетъ подложность этихъ стиховъ. Онъ полагаетъ, что стихи эти вставлены послѣ Софокла, хотя и въ очень-древнее время, такъ-какъ ихъ зналъ ужь Аристотель (*). Источникомъ ихъ онъ считаетъ одинъ

(*) Шнейдевинъ считаетъ вѣроятнымъ, что эти стихи вставлены сыномъ Софокла, Іофонтомъ, который послѣ смерти отца еще разъ ставилъ Антигону на сцену.

разсказъ Геродота (III, 119). По словамъ Геродота, Дарій приговорилъ къ смерти Интаферна со всѣми его родственниками мужскаго пола; но супруга Интаферна просила оставить ей одного брата. Когда царь спросилъ съ удивленіемъ, почему она проситъ себѣ брата, а не мужа, или сына, она отвѣчала: царь, если богу угодно, я могу имѣть другаго мужа и, потерявъ этихъ дѣтей, могу имѣть другихъ; но брата другаго я не могу ужь имѣть, такъ-какъ отца моего и матери моей нѣтъ ужь въ живыхъ.

Въ этомъ разсказѣ, говоритъ Якобъ, женщина была въ дѣйствительной необходимости сдѣлать выборъ между мужемъ, сыномъ и братомъ: она была на-самомъ-дѣлѣ жена и мать. Совершенно-другое въ нашей трагедіи. Далѣе Якобъ находитъ противорѣчіе въ этихъ словахъ Антигоны со всѣмъ ея характеромъ, противорѣчіе, разрушающее цѣлое основаніе художественнаго произведенія. Антигона говоритъ здѣсь, что она повиновалась бы Креонту въ извѣстномъ случаѣ. Ка̀къ согласить это съ тѣми словами, которыя она говоритъ прежде сестрѣ, что Креонтъ не имѣетъ права помѣшать ей въ исполненіи обязанности къ близкимъ? Ка̀къ согласить это съ словами, сказанными ею потомъ Креонту, что законъ, богами установленный, ставитъ она выше закона человѣческаго? Этотъ законъ, о которомъ она говорила, существовалъ равно и для мужа и для сына. Наконецъ не могла она дѣлить съ Креонтомъ ненависть къ мужу и къ дѣтямъ, какъ не могла дѣлить ненависть къ брату, если она родиласъ дѣлить любовь, а не злобу. Еслибъ, говоритъ Якобъ, Антигона начала прежде свое оправданіе передъ Креонтомъ этими словами вмѣсто тѣхъ высокихъ словъ, которыя она сказала тогда Креонту («не Зевсъ далъ этотъ законъ»): не отвернулись ли бы съ отвращеніемъ отъ такого оправданія аоиняне, а вмѣстѣ съ ними и мы? Но теперь эти стихи въ томъ мѣстѣ, гдѣ они вставлены, прикрываются предшествовавшими красотами нашей трагедіи, и привычка противится признанію, что они не заслуживаютъ этого покровительства. Но и не говоря о томъ, что эти стихи недостойны Антигоны, что они находятся въ противорѣчіи со всею ея природою, можно еще спросить: нужно ли было Антигонѣ подобное оправданіе своего поступка, на которое она рѣшилась прежде безъ всякаго страха и безъ всякаго сомнѣнія? Могла ли она хотѣть оправдываться передъ Креонтомъ, которому она такъ мало прежде оказывала уваженія? Наконецъ ей не было надобности говорить это оправданіе для народа, для хора, въ сочувствіи и одобреніи котораго она была постоянно увѣрена.

Въ самомъ выраженіи находитъ Якобъ доказательство неподлинности

этихъ стиховъ. *Когда бъ я матерью была дѣтей* : въ этомъ стихѣ Якобъ находитъ неточное выраженіе ; собственно нужно было сказать: когдабъ у меня погибъ сынъ и запрещено было его хоронить. Ту же самую неточность видитъ онъ въ словахъ : «когда бы умеръ мой супругъ»; нужно : еслибъ супругъ мой былъ убитъ, и мнѣ запрещали его хоронить. Эти слова : *народу вопреки* несогласны съ убѣжденіемъ Антигоны, такъ-какъ она видѣла всегда въ этомъ запрещеніи волю одного Креонта, а не всего народа. Ясное доказательство заимствованія видитъ Якобъ въ словахъ :

Другое (дитя) отъ другаго мужа будетъ.

Антигонѣ слѣдовало бы сказать, что, въ случаѣ смерти сына, она можетъ имѣть другаго сына. Между-тѣмъ въ этихъ словахъ соединяется нѣсколько представленій : вопервыхъ, она теряетъ мужа, потомъ теряетъ и дитя отъ перваго же мужа ; она выражаетъ надежду найдти другаго мужа и имѣть дитя отъ этого втораго мужа.

Какимъ же образомъ произошла эта вставка? Якобъ объясняетъ такъ : «многимъ казалось непонятнымъ, какимъ образомъ Антигона жертвуетъ собою для мертваго брата, забывая о своемъ живомъ женихѣ». И вотъ для разрѣшенія этой задачи и вставлены были эти стихи, авторъ которыхъ, по мнѣнію Якоба, не владѣетъ ни языкомъ, ни поэтическимъ талантомъ. Его ограниченность видна изъ того, что онъ нашелъ параллель между Антигоною и тою женщиной, о которой разсказываетъ Геродотъ. Та не сознавала въ себѣ никакой обязанности умереть вмѣстѣ съ своими родными, или за нихъ, напротивъ, она хотѣла жить лишась мужа и дѣтей. При выборѣ одного изъ осужденныхъ, она не взвѣшивала побужденій долга или любви, но имѣла въ виду лишь то, что̀ могло быть полезно ей въ будущемъ. Такого рода холодное размышленіе ни мало несогласно съ восторженною душою Антигоны.

Въ защищеніе этого мѣста Бёкъ приводитъ слѣдующія основанія: Антигона несовершенно-невинна : она преступила законъ, данный властью гражданскою. Отъ кого бы ни шелъ этотъ законъ, отъ одного ли лица, или отъ цѣлаго аѳинскаго народа, во всякомъ случаѣ нарушеніе его было преступленіемъ противъ государственнаго начала. Если, по своимъ убѣжденіямъ политическимъ, или для художественной цѣли, назвалъ Софоклъ этотъ законъ креонтовымъ, а не постановленіемъ сената, какъ сдѣлалъ это Эсхилъ, все же остается законъ волею государства, потому-что

Креонтъ законный государь. Бёкъ полагаетъ, что именно потому и становится Антигона трагическимъ лицомъ, что она виновна въ этомъ нарушеніи гражданскаго закона. И вотъ почему могло ей казаться необходимымъ нѣкоторое оправданіе ея поступка. Въ самымъ словахъ не находитъ онъ никакого противорѣчія характеру лица. Антигона говоритъ, что она не слѣлала бы для мужа, или сына, того, чтò сдѣлала теперь для брата; и въ-самомъ-дѣлѣ не жертвуетъ ли она брату жениха, бракъ, надежду имѣть дѣтей? Наконецъ Бёкъ находитъ это мѣсто согласнымъ съ характеромъ всей древности нечувствительнымъ и жосткимъ (derb). Какъ ни силенъ авторитетъ Бёка, какъ ни справедливы отдѣльныя положенія, которыя онъ приводитъ въ защиту мѣста, нельзя, однакожь, не сознаться, что оно не носитъ на себѣ печати того мастера, который видѣнъ въ другихъ частяхъ трагедіи. Въ выраженіи дѣйствительно есть что-то обличающее менѣе-искусную руку. Странно какъ-то вяжутся эти стихи съ предъидущими и послѣдующими. Впереди вспоминаетъ Антигона о томъ, кàкъ отдала она послѣднюю честь отцу и матери, кàкъ сама обмыла ихъ и одѣла, кàкъ потомъ сдѣлала то же брату. Въ послѣднихъ стихахъ указываетъ она на то, какъ, исполнивъ дѣло благочестія, заслужила упрекъ въ нечестіи. Всѣ слова ея касаются только дѣйствительно-бывшаго, всѣ дышатъ истинною искренностью — и вдругъ между ними слышатся такія слова, которыя переносятъ насъ изъ дѣйствительной жизни Антигоны въ жизнь воображаемую. Не время и не мѣсто было Антигонѣ фантазировать о томъ, чтò сдѣлала бы она въ томъ положеніи, въ которомъ еще не была, когда предъ нею стояла страшная дѣйствительность. Риторическій характеръ этого мѣста сильно противорѣчитъ искренней душѣ Антигоны. Что Антигона не была съ одной стороны невинна, въ этомъ нельзя не согласиться съ Бёкомъ; но трудно согласиться въ томъ, что она сама сознавала свою виновность и считала нужнымъ оправдывать свой поступокъ. Кàкъ согласить это оправданіе поступка съ послѣдующими словами, въ которыхъ она называетъ его дѣломъ благочестія? Какъ согласить его съ этими словами:

Но если судъ боговъ одинъ съ людьми,
То, казнь терпя, сознаюсь я въ винѣ;
А если заблуждаются они (люди)...

И съ слѣдующими затѣмъ словами хора:

Тотъ же бури порывъ, тотъ же вихря потокъ
У дѣвицы въ душѣ...

Съ гордой душой Антигоны несовмѣстно полное признаніе своей вины, слѣдовательно несовмѣстно и оправданіе. Она сознается только такъ, какъ можетъ сознаваться непреклонная воля; всякое оправданіе для нея униженіе. Якобъ выписываетъ, между-прочимъ, мнѣніе Гёте объ этихъ стихахъ. Вотъ слова Гёте: «Такъ встрѣчается въ «Антигонѣ» одно мѣсто, которое всегда казалось мнѣ пятномъ, и дорого далъ бы я, еслибъ какой-нибудь знающій филологъ доказалъ намъ, что это мѣсто вставленное и подложное. Героиня, высказавшая въ-теченіе трагедіи всѣ основанія своего дѣйствія, и раскрывъ всю свою душу, приводитъ наконецъ въ ту минуту, какъ идетъ на смерть, такой мотивъ, который совершенно-дуренъ и близокъ къ комическому».

Уходя съ сознаніемъ правоты, проклинаетъ Антигона Креонта, желая ему столько же зла, сколько онъ ей причинилъ. Еще разъ повторяетъ она, что она терпитъ за то, что свято чтила святое — и ее уводятъ такою же гордою, такою же непоколебимою, какъ явилась она на сцену въ первый разъ.

Хоръ поетъ четвертый стасимонъ: торжественную пѣснь смерти, которою онъ какъ-бы напутствуетъ Антигону въ ея послѣдній путь. Забылъ хоръ вину Антигоны, забылъ и тѣ горькія слова, которыя онъ ей говорилъ прежде; сердце его объято однимъ чувствомъ жалости и состраданія, и поетъ онъ пѣснь, которая могла бы утѣшить Антигону, но не дойдетъ ужь эта пѣснь до Антигоны. Главная мысль этой пѣсни та, что власть судьбы сильна надъ человѣкомъ, что никакія средства человѣческія не могутъ спасти отъ ней человѣка. Но проглядываетъ въ этой пѣсни и другая мысль: что оскорбленіе боговъ влечетъ за собою казнь оскорбившаго. Два воззрѣнія, древнее и новое, соединились въ этомъ хорѣ. Древнее — о силѣ судьбы, и новое — о богахъ, управляющихъ этой судьбой. Хоръ не признаетъ Антигону виновною въ той степени, какъ признаетъ это Креонтъ; хоръ осуждалъ Антигону въ глаза, пока не совершилась судьба ея, пока онъ надѣялся на возможность перемѣны. Но, упрекая Антигону, хоръ въ то же время сочувствовалъ ей и сознавалъ, сколько высокаго заключалъ въ себѣ ея подвигъ. А между-тѣмъ Антигона гибнетъ, судьба не щадитъ ея. И кому же могъ приписать хоръ ея погибель, какъ не судьбѣ? Прежнія народныя убѣжденія давали ему еще средства объяснить страшную участь высокой и чистой души. Но къ кому же относится другая часть хора? На кого метитъ другая мысль? Отвѣтъ не сомнителенъ. Примѣръ Ликурга предвѣщалъ Креонту недоброе. Только новыя убѣжденія могли дать хору отрадную надежду, что не останется безъ возмездія презрѣніе законовъ божественныхъ.

И дѣйствительно, въ пятомъ эпизодѣ та же самая мысль высказывается еще яснѣе. Не гадательными и не темными словами хора произносится она здѣсь; прямо и ясно высказываетъ ее въ лицо Креонту человѣкъ, обладающій высокимъ искусствомъ гаданія и прорицанія. На сценѣ появляется слѣпецъ, съ вожатымъ мальчикомъ. Съ почтеніемъ встрѣчаетъ его Креонтъ. Но кто жь этотъ слѣпой старецъ, что самъ царь принимаетъ его съ такимъ уваженіемъ? Это—Тиресій, которому открыто будущее, который лучше всѣхъ въ ѳивскомъ народѣ умѣетъ истолковать волю боговъ. А пришелъ онъ затѣмъ, чтобъ объявить Креонту о гнѣвѣ боговъ, которые не принимаютъ ни жертвъ, ни молитвы. Креонтъ навлекъ этотъ гнѣвъ на городъ; онъ долженъ скорѣе исправить свою ошибку и умилостивить боговъ. Едва только выслушалъ Креонтъ Тиресія, какъ ужь забылъ свое уваженіе къ гадателю, забылъ первыя свои слова, въ которыхъ самъ признавалъ нелживое его знаніе. И возвратился Креонтъ къ прежней своей мысли: и Тиресія считаетъ онъ подкупленнымъ, какъ прежде считалъ подкупленнымъ сторожа. Еще далѣе увлекаетъ его гнѣвъ; самого Зевса оскорбляетъ онъ, какъ прежде оскорбилъ боговъ подземныхъ. Напрасно старается возвратить его Тиресій къ болѣе-разсудительнымъ мыслямъ; ослѣпленный страстью, онъ не можетъ внять словамъ разсудка. Наконецъ и Тиресій раздраженъ оскорбительными словами Креонта; торжественно предсказываетъ онъ Креонту, что скоро домъ его огласится воплями мужей и женъ; что скоро за погибель Антигоны заплатитъ онъ и самъ погибелью другаго близкаго себѣ человѣка; что смутится весь городъ. По уходѣ Тиресія хоръ и Креонтъ молчатъ нѣсколько времени. Наконецъ хоръ прерываетъ молчаніе; онъ напоминаетъ Креонту, какъ нелживы всегда были предсказанія Тиресія. Знаетъ это Креонтъ и самъ, и страхъ сильно заговорилъ въ немъ. И вдругъ измѣнился этотъ гордый, недоступный прежде никакому совѣту Креонтъ: теперь самъ онъ смиряется предъ благоразуміемъ хора и проситъ его совѣта. И смѣло даетъ хоръ теперь свой совѣтъ, чтобъ онъ вывелъ изъ могилы Антигону и похоронилъ Полиника. И торопитъ его хоръ, и торопится самъ Креонтъ. Поспѣшно онъ отдаетъ приказаніе своимъ слугамъ, чтобъ они шли разломать ту каменную гробницу, въ которой онъ думалъ заключить Антигону навѣки, а самъ спѣшитъ къ тому мѣсту, гдѣ лежитъ трупъ Полиника, чтобъ самому исполнить то, въ чемъ онъ такъ настойчиво мѣшалъ другимъ.

Боюсь, не лучше ль древніе законы
Хранить всегда и такъ окончить жизнь.

Этими словами сознаетъ онъ наконецъ всю несостоятельность своихъ убѣжденій и своего характера. Невольно приходятъ на мысль его собственныя слова, которыя говорилъ онъ прежде объ Антигонѣ, что скорѣй всего падаетъ упрямый духъ.

Хоръ остается одинъ на сценѣ. Онъ еще надѣется, что все можетъ быть поправлено и призываетъ Вакха, бога, покровителя Ѳивъ, чтобъ онъ явился на помощь погибающему городу. Но скоро уничтожается эта надежда съ появленіемъ одного изъ креонтовыхъ слугъ, который приходитъ вѣстникомъ страшныхъ событій. Исполнилось предсказаніе Тиресія; исполнились и слова хора, который, торопя Креонта, говорилъ ему, что скорыя бѣды предупреждаютъ неразумныхъ. Дѣйствительно предупредила бѣда. Пока Креонтъ спорилъ съ прорицателемъ, пока онъ медлилъ потомъ исполнить его мудрый совѣтъ, Антигона не ждала спасенія и повѣсилась въ своей темницѣ. И откуда могла она ждать этого спасенія послѣ того, какъ каменная стѣна воздвигалась между нею и живущими на землѣ людьми. Не хотѣла она ждать мученій медленной, томительной смерти и разомъ покончила свою жизнь. Между-тѣмъ Гемонъ проникаетъ въ ея могилу и находитъ ее ужь мертвою. Раздаются его отчаянные вопли и въ эту минуту является тамъ же опоздавшій Креонтъ. Гемонъ обнажаетъ мечъ и убиваетъ самого себя. За смерть Антигоны заплатилъ Креонтъ смертью сына; но впереди ждетъ его еще новое горе. Вмѣстѣ съ хоромъ внимаетъ разсказу вѣстника Эвридика, креонтова жена. Выслушавъ разсказъ вѣстника, ни слова не сказала Эвридика и удалилась въ домъ. Въ испугѣ остается хоръ на сценѣ, не зная, какъ объяснить эту глубокую тишину. Но вотъ новое зрѣлище отвлекаетъ на-время его мысли отъ Эвредики: является Креонтъ съ тѣломъ сына на рукахъ. Слышитъ хоръ теперь жалобы и вопли Креонта. Является изъ дома слуга и возвѣщаетъ о смерти Эвридики. Въ страшныхъ дохміяхъ (*) изливаетъ Креонтъ муки, которыми полно его сердце; наконецъ онъ чувствуетъ потреб-

---

(*) Размѣръ дохмія въ подлинникѣ слѣдующій: ⏑ —́ —́ ⏑ —́. Такимъ размѣромъ выражалось самое скорбное состояніе убитаго сердца. Въ переводѣ я старался найдти соотвѣтствующій этому размѣръ. Ближе всего, кажется, къ греческому дохмію анапестъ, соединенный съ ямбомъ или хорей съ дактилемъ. Я поставилъ это *или* и считаю нужнымъ объяснить его, дабы не показалось кому страннымъ сравненіе двухъ совершенно-различныхъ въ нашемъ языкѣ размѣровъ. Я предлагаю читать этотъ размѣръ такъ, чтобъ въ пяти слогахъ былъ средній слогъ съ особенно-высокимъ удареніемъ, по такой нормѣ: ⏒ ⏑ —́ ⏑ ⏓.

ность скрыть отъ людей свое горе и проситъ, чтобъ его увели въ домъ. Желаніе его исполняется. Хоръ въ-заключеніе трагедіи еще разъ повторяетъ мысль, положенную въ ея основаніи:

Хоръ. — Мудрость выше всего; счастье первое въ ней.
И боговъ оскорблять намъ не должно ни въ чемъ.
А надменная рѣчь горделивыхъ людей
Судьбы страшную казнь призываетъ на нихъ,
И въ лѣтахъ наконецъ
Они учатся мудрыми быть.

Характеры обоихъ представителей борьбы съ самаго начала драмы были ведены такъ, что необходимо должны были привести къ той развязкѣ, которою разрѣшилась драма. Поэтъ видимо заботился о томъ, чтобъ бо́льшая часть участія зрителей вмѣстѣ съ удивленіемъ досталась Антигонѣ.

Антигона — это высокій типъ женскаго мужества. Съ непреклонною волею, которую она наслѣдовала отъ отца своего, соединяется въ ней его горячность и раздражительность. Разъ предложивъ себѣ цѣль, она безстрашно идетъ къ ней; препятствія не останавливаютъ ее, но раздражаютъ только и возбуждаютъ еще болѣе ея ревность къ достиженію своей цѣли. Этимъ объясняется ея жестокость въ-отношеніи къ Исменѣ. Разъ не нашедши въ ней, чего искала, она потомъ ужь постоянно отвергаетъ эту нѣжную сестру. Антигона имѣетъ жениха, котораго она любитъ, какъ видно изъ немногихъ словъ, сказанныхъ ею къ нему заочно; но она забыла о немъ, какъ забыла и о себѣ; только о мертвомъ братѣ своемъ помнила она. И только ужь тогда вспомнила она о женихѣ, о томъ счастіи, которое обѣщала ей жизнь, когда, исполнивъ священный долгъ любви къ брату, готовилась разстаться съ жизнью. Тутъ только и было время почувствовать, ка́къ много теряетъ она; тутъ было мѣсто и страху при мысли о той ужасной смерти, которая была такъ близка. Еслибъ поэтъ не воспользовался этимъ случаемъ, чтобъ возвратить Антигону къ ея женской природѣ, мы не имѣли бы въ ней цѣльнаго характера. Если въ самопожертвованіи Антигоны мы видимъ подвигъ, къ которому способна только женская душа, то съ другой стороны въ

Горе, го́ре мнѣ. Это и анапесто-ямбъ и трохео-дактиль, если угодно. При моемъ чтеніи, кажется мнѣ, довольно-хорошо выражается тяжелый характеръ дохмія.

ея предсмертныхъ жалобахъ видимъ мы выраженіе слабой женской души. Но эта слабость нисколько не унижаетъ Антигону въ нашихъ глазахъ, а напротивъ, еще болѣе возвышаетъ цѣну ея подвига. Если Антигона, исполняя святой долгъ любви къ брату, вступила во враждебное отношеніе къ Креонту, то въ этомъ былъ виновенъ самъ Креонтъ, котораго необдуманное распоряженіе привело ее къ необходимости выбирать между гнѣвомъ его и оскорбленіемъ брата, между наказаніемъ и отвѣтственностью предъ богами за нарушеніе ихъ вѣчнаго закона. Какъ женщина, не могла она долго колебаться въ этомъ выборѣ: вѣдь не имѣлъ Креонтъ права возбранять ей исполненіе священнѣйшей для нея обязанности? воля боговъ для нея выше устава человѣческаго. И въ этомъ убѣжденіи, что она угождаетъ богамъ, Антигона не хочетъ даже скрыть своего дѣла. Не славы, не похвалы человѣческой ищетъ она, когда хочетъ, чтобъ всѣ знали о ея подвигѣ; но ложь и притворство противны ея благородной душѣ. Креонтъ требовалъ смерти за нарушеніе своего закона, и смерть Антигоны удовлетворила этому требованію; но эта смерть, отчасти вольная, не уничтожила силы закона боговъ, напротивъ, доставила ему торжество. За смертью Антигоны слѣдуетъ конечное разрушеніе всего креонтова дома.

Обращая вниманіе на характеръ Креонта въ нашей трагедіи, съ самаго начала видимъ мы его въ заблужденіи, которое постепенно ведетъ его отъ одной ошибки къ другой. Не великодушна была его поспѣшная строгость, съ которою онъ въ ту же ночь, какъ только отступили отъ города непріятельскія войска, велѣлъ объявить, чтобъ оставили непогребеннымъ, въ добычу хищнымъ звѣрямъ, трупъ его собственнаго племянника. Если Полиникъ и былъ виновенъ передъ роднымъ городомъ, то смертью своею онъ ужь заплатилъ за эту вину: не было закона, который бы принуждалъ безчестить мертваго и запирать его душѣ двери ада; напротивъ, послѣ Креонтъ самъ признаетъ законы боговъ, которые другое предписываютъ людямъ. Аѳинскіе современники поэта въ этомъ распоряженіи Креонта могли видѣть только ту же безчеловѣчность, противъ которой воевалъ ихъ Ѳезей. Распоряженіе Креонта было противно и благочестью: ему слѣдовало бы прежде всего вспомнить о богахъ, какъ это дѣлаетъ хоръ въ первой своей пѣснѣ при вступленіи на сцену. Поэтъ не безъ намѣренія выставилъ этотъ контрастъ между благочестивымъ хоромъ, который хочетъ теперь забыть о бояхъ и идти въ храмы благодарить боговъ за спасеніе отечества, и неблагочестіе Креонта, начинающаго свое правленіе оскорбленіемъ божественныхъ законовъ. Возвѣщая свое приказаніе, Креонтъ забылъ, что въ его домѣ живутъ двѣ сестры убитаго; что его запреще-

ніе похоронить Полиника должно оскорбить ихъ самыя завѣтныя чувства. Забылъ Креонтъ потомъ, что это первый день его правленія, созываетъ онъ ѳивскихъ стариковъ и, подъ угрозою строгаго наказанія велитъ, имъ наблюдать за исполненіемъ своего закона. Ни о чемъ не подумалъ Креонтъ. Онъ не хотѣлъ, конечно, оскорбить чувства этихъ двухъ любящихъ сестеръ ; напротивъ, изъ рѣчи, которую онъ говоритъ собранію ѳивскихъ старѣйшинъ (хору), видно, что его первое распоряженіе имѣетъ ту цѣль, чтобъ дать почувствовать своимъ политическимъ противникамъ всю силу своей власти. Онъ подозрѣваетъ, что имѣетъ тайныхъ враговъ между гражданами; эта мысль не оставляетъ его до самой печальной развязки, когда онъ понялъ наконецъ, что самый жесточайшій врагъ его былъ онъ самъ. Всякій разъ, какъ только начинаетъ говорить о Полиникѣ, впадаетъ онъ въ страсть, и несмотря на то, что благо государства служитъ ему предлогомъ, которымъ онъ прикрываетъ и оправдываетъ свою страсть, онъ не можетъ скрыть, что тутъ замѣшаны личныя его отношенія. Издавъ свое опредѣленіе, запрещавшее хоронить Полиника, Креонтъ не можетъ ужь отступить назадъ, не оскорбивъ своей гордости; уступка кажется ему-самому потерею чести, униженіемъ достоинства мужа; а междутѣмъ, поэтъ далъ ему всѣ средства къ тому, чтобъ эта уступка была не такъ тяжела для его гордости. Законъ его нарушается не однимъ изъ недовольныхъ гражданъ, какъ онъ подозрѣвалъ ; онъ нарушается слабою, безпомощною дѣвушкою , которая была побуждена къ тому совсѣмъ не тѣми причинами, какія могъ подозрѣвать Креонтъ. Все соединилось, повидимому , длятого , чтобъ съ достоинствомъ, приличнымъ мужу , отказаться отъ своего намѣренія ; онъ еще болѣе раздраженъ тѣмъ, что всѣ его разсчеты оказались ошибочными. Ему досадно болѣе всего то, что женщина осмѣлилась возстать противъ его распоряженія ; еще болѣе раздражается онъ, когда видитъ, что она оправдываетъ свой поступокъ, считая его долгомъ, наложеннымъ на нее самими богами. А онъ думалъ , что боги на его сторонѣ. Всѣ его предположенія, одно за другимъ, оказываются поспѣшными и необдуманными. Напрасно обвинялъ онъ стража въ нарушеніи его закона, напрасно подозрѣвалъ своихъ политическихъ противниковъ въ подкупѣ стражей; подозрѣніе въ участіи Исмены въ дѣлѣ Антигоны, обвиненіе прорицателя Тиресія въ корыстолюбіи: все оказалось неосновательнымъ. Не разъ имѣлъ онъ случай убѣдиться въ своей ошибкѣ; не разъ можно было ему увидѣть и понять, въ какую глубокую пропасть ведетъ его смерть Антигоны; но онъ оставался при своемъ; потому-что страсть ослѣпила его, и онъ не могъ ужь видѣть то, чего нельзя было не видѣть человѣку, неослѣпленному страстью. Лег-

комысленно хотѣлъ онъ разорвать священнѣйшія узы семейнаго родства, и зато разрушено все его счастье: погибло все, что было ему мило, и онъ остался одинъ влачить бѣдственную жизнь.

Одинъ только Креонтъ и пережилъ эту несчастную борьбу. Погибла Антигона жертвою своей любви къ брату; погибъ юный, восторженный Гемонъ жертвою своей любви къ невѣстѣ; погибла Эвридика, нѣжная, любящая мать, жившая только сыномъ и для сына. Только жизнь Креонта пощажена этою губительною судьбою. Но была ли это пощада? И зачѣмъ только Креонта оставилъ поэтъ въ живыхъ? Нѣтъ надобности отвѣчать на первый вопросъ, но стоитъ остановиться на второмъ. Въ нашей трагедіи Креонтъ — представитель и защитникъ начала общественнаго, которое находится въ борьбѣ съ началомъ религіознымъ. По своимъ понятіямъ о богахъ, народъ аоинскій сочувствуетъ болѣе религіозному началу, а поэтъ — представитель своего народа. Еще яснѣе будетъ намъ, почему Софоклъ такъ глубоко сочувствовалъ религіозному началу, когда мы вспомнимъ, что онъ самъ былъ жрецъ, что его жреческое достоинство налагало на него обязанность защищать и отстаивать это начало. Вотъ отчего не далъ поэтъ лицу Креонта той высоты, на которую онъ поставилъ Антигону. Поэтъ изображаетъ намъ Креонта человѣкомъ, который, предписавъ себѣ *держаться лучшихъ совѣтовъ*, составилъ нѣкоторыя доблестныя правила съ твердою рѣшимостью неуклонно слѣдовать имъ во всей своей жизни; но его необдуманность и раздражительность вводятъ его въ различныя заблужденія чрезъ неумѣстное приложеніе этихъ правилъ. Въ исполненіи своего закона, запрещавшаго хоронить Полиника, видитъ онъ нѣкоторымъ образомъ свое собственное дѣло, свой особенный интересъ, и настаиваетъ еще съ большею неуступчивостью. Интересъ государственный здѣсь скорѣе предлогъ, нежели основаніе. Его собственная совѣсть говоритъ противъ него, но онъ не хочетъ послушаться ея голоса, потому-что ему стыдно унизить свою гордость даже передъ собственной совѣстью. Но невольно выражается этотъ внутренній голосъ въ нерѣшительности его дѣйствій, и въ тѣхъ изворотахъ рѣчи, которыми онъ старается оправдать то или другое свое дѣйствіе. Поэтъ не имѣлъ, слѣдовательно, въ виду представить въ Креонтѣ высокій нравственный характеръ, какъ, напримѣръ, въ Эдипѣ царѣ. Лицо Креонта удовлетворяетъ только тѣмъ требованіямъ трагическаго героя, которыя выставилъ Аристотель въ своей піитикѣ (13): «чтобъ герой не отличался ни особою доблестью и справедливостью, ни слишкомъ дурными качествами, которыя повергли бы его въ несчастіе, но чтобъ онъ по ошибкѣ и заблужденію какому-нибудь впадалъ въ бѣду».

Скажемъ нѣсколько словъ о прочихъ характерахъ нашей трагедіи. Отличительныя черты характера Исмены — нѣжность, кротость и покорность судьбѣ. Она не принимаетъ никакого участія въ дѣйствіи, а потому и не коснулась ея трагическая развязка. Вездѣ она является слабою и робкою, даже въ той сценѣ, гдѣ она хочетъ сдѣлать себя участницею Антигоны послѣ того, какъ послѣдняя ужь схвачена и приведена на судъ Креонта.

Гемонъ, по словамъ Тиресія, платитъ своею смертью за ошибку отца. Но была другая причина его смерти: намъ нельзя не видѣть въ ней подтвержденія главной мысли всей трагедіи. И Гемонъ увлеченъ страстью; онъ мыслитъ не такъ, какъ позволяется мыслить человѣку. И здѣсь царствуетъ Эринія души. Любовь была первою причиною гемонова безумства: «кто во власти ея, тотъ безумствуетъ», говоритъ хоръ. Итакъ и Гемонъ страстью увлеченъ къ погибели. Только одна Эвридика жертва креонтова неразумія. И она, правда, растерялась, какъ упала на нее неожиданно гроза семейныхъ бѣдъ; но нѣжное чувство нашего поэта не дѣлаетъ ей никакого упрека. Еще прежде она потеряла одного сына, пожертвовавшаго великодушно своею жизнью для спасенія роднаго города, и вотъ другой доведенъ до самоубійства. Зачѣмъ ей было жить еще? Ея оправданіе словѣ поэта: *она вся — мать.*

Хоръ состоитъ изъ ѳивскихъ стариковъ. Въ статьѣ моей о Софоклѣ, помѣщенной во II-мъ томѣ Пропилеевъ, я имѣлъ уже случай говорить о значеніи хора въ трагедіи Софокла. Хоръ представляетъ собою среду, въ которой совершается трагическое событіе. Это событіе касается только нѣкоторыхъ лицъ, но лицъ, владѣющихъ общею симпатіей, и потому хоръ не остается равнодушнымъ зрителемъ событія, но принимаетъ въ немъ живое участіе. Участіе это, впрочемъ, ограничивается только однимъ чувствомъ; это, слѣдовательно, страдательное участіе. Хоръ не увлекается самъ страстью, подобно дѣйствующимъ лицамъ въ трагедіи; онъ остается спокойнымъ, разсудительнымъ даже послѣ страшной развязки драмы. Въ нашей трагедіи, какъ и въ трагедіи «Эдипъ царь» самый возрастъ хора уже опредѣляетъ достаточно его характеръ. Въ его преданности прежнему царскому дому видитъ Креонтъ ручательство въ томъ, что также будетъ онъ преданъ и новому правителю; но забылъ Креонтъ, что Антигона послѣдняя отрасль этого прежняго царскаго дома; что она, слѣдовательно, имѣетъ право по-крайней-мѣрѣ на сочувствіе аѳинянъ. Не забыла этого Антигона и въ своихъ предсмертныхъ жалобахъ называетъ себя послѣднею царевною. Хоръ колеб-

лется между двумя спорющими сторонами, не зная на которую ему склониться, такъ-какъ обѣ имѣютъ одинаковое право на его участіе. Слишкомъ-далекій, однакожь, по возрасту отъ Антигоны, онъ не можетъ вполнѣ понимать и раздѣлять ея убѣжденій, тѣмъ болѣе, что привычка возрастила въ немъ другія убѣжденія, и потому онъ видитъ сначала въ дѣлѣ Антигоны только ту сторону, которая достойна осужденія. Только тогда, когда слова Тиресія, мудраго прорицателя, который пользовался полнымъ довѣріемъ въ Аѳинахъ, раскрыли ему свѣтлую сторону въ подвигѣ одной и темную сторону въ настойчивости другаго; только тогда получаютъ его мысли болѣе опредѣленное направленіе: онъ прямо уже говоритъ противъ Креонта. Но и тутъ, посылая Креонта исправить ошибку, торопя его, самъ спокойно остается дожидаться развязки, и только молитвою къ Вакху, богу защитнику Ѳивъ, выражаетъ онъ свое участіе. И въ концѣ трагедіи, когда всѣ дѣйствующія лица поражены уже страшною судьбою, хоръ все еще сохраняетъ всѣ силы разсудка; онъ можетъ еще вывесть заключеніе изъ страшнаго, совершившагося передъ его глазами трагическаго событія.

Эврипидъ нѣсколько измѣнилъ характеръ дѣйствія въ своей «Антигонѣ». Ученые несогласны, впрочемъ, въ томъ, кàкъ далеко отошелъ Эврипидъ отъ Софокла (*). Одни полагаютъ, что борьба окончилась у Эврипида счастливой развязкой—бракомъ Антигоны и Креонта. Антигона пригласила Гемона къ участію въ погребеніи Полиника; вмѣстѣ были они схвачены и представлены къ Креонту. Послѣдній настаиваетъ на томъ, чтобъ Гемонъ отказался отъ Антигоны и взялъ другую жену; но наконецъ богъ Діонисъ измѣняетъ мысли Креонта, который соглашается на бракъ Гемона и Антигоны. Другіе признаютъ, что развязка трагедіи Эврипида была другая: Гемонъ долженъ былъ отказаться отъ Антигоны, но соединился съ ней тайнымъ бракомъ. Отъ этого брака родился сынъ—Мемонъ. Когда онъ выросъ, Креонтъ узналъ тайну его рожденія, и тутъ послѣдовала та же трагическая катастрофа. Во всякомъ случаѣ, Эврипидъ далъ болѣе простора любви Гемона и Антигоны и, слѣдовательно, его трагедія имѣла совершенно-другой характеръ.

Антигона считается, по извѣстіямъ древнихъ, тридцать-второю драмою Софокла. Изъ предшествовавшихъ «Антигонѣ» трагедій до насъ дошли только двѣ: «Эантъ» и «Электра». О времени, когда наша трагедія была дана, сохранилось извѣстіе въ изложеніи содержанія трагедіи, сдѣлан-

---

(*) Отъ эврипидовой Антигоны осталось лишь нѣсколько небольшихъ отрывковъ.

номъ Аристофаномъ Византійскимъ. Онъ сообщаетъ, что Софоклъ сдѣланъ былъ стратегомъ въ войнѣ самосской послѣ того, какъ имѣлъ успѣхъ на сценѣ, давъ свою «Антигону». Легко можетъ статься, что грамматики, знавшіе, что Софоклъ былъ вмѣстѣ съ Перикломъ въ походѣ самосскомъ стратегомъ и что, незадолго передъ этимъ походомъ, поставлена была на сцену «Антигона», соединили оба факта, какъ причину и слѣдствіе, и приписали успѣху трагедіи избраніе Софокла въ военачальники. Для насъ важно только это указаніе въ томъ отношеніи, что оно даетъ возможность опредѣлить время постановки трагедіи на сцену. Бёкъ въ своихъ «Nachträgliche Bemerkungen zu der ersten Abhandlung über die Antigone des Sophokles» показалъ, что Софоклъ былъ стратегомъ въ первый самосскій походъ, который падаетъ на четвертый годъ восемьдесятъ-четвертой олимпіады (Ol. 84,4); слѣдовательно «Антигона» дана была въ третьемъ году той же олимпіады (Ol. 84,3), въ 441 году до Р. Х. Софоклу было тогда около 55 лѣтъ.

С. Шестаковъ.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЕ ОТРЫВКИ (1).

Нѣкоторыя нѣмецкія сочиненія о Россіи въ концѣ XVII-го и началѣ XVIII-го вѣковъ.

Изъ ежегодныхъ отчетовъ Императорской Публичной Библіотеки и многихъ статей въ повременныхъ нашихъ изданіяхъ извѣстно, что въ послѣдніе четыре года однимъ изъ главныхъ стремленій ея начальства было: постепенно собрать въ ней, въ особомъ Отдѣленіи, все, когда-либо и на какомъ-бы то ни было языкѣ напечатанное о нашемъ отечествѣ, по всѣмъ проявленіямъ и сторонамъ внѣшней и внутренней его жизни. Мы знаемъ и всегда съ глубокимъ уваженіемъ помнимъ попытки въ этомъ родѣ нѣкоторыхъ частныхъ лицъ (2); но частныя собранія живутъ въ неразрозненномъ составѣ рѣдко долѣе жизни ихъ

---

(1) Предлагаемая здѣсь статья есть только начало труда обширнаго и чрезвычайно-важнаго для отечественной науки, предпринятаго чинами Императорской Публичной Библіотеки. Просвѣщенному начальству ея угодно было избрать «Отечественныя Записки» для ознакомленія публики съ драгоцѣнными матеріалами, въ Библіотекѣ находящимися, и мы позволяемъ себѣ, передъ лицомъ нашихъ читателей, принести искреннѣйшую благодарность начальству Библіотеки за честь, которую оно оказало нашему журналу. Смѣемъ надѣяться, что обиліе матеріаловъ, которыми такъ богато наше знаменитое книгохранилище, дозволитъ современемъ обратить этотъ разрядъ статей въ постоянную серію, или «stehende Artikel» нашего журнала. Душевно желаемъ этого для пользы науки, и увѣрены, что всѣ образованные читатели раздѣлятъ съ нами это желаніе. *Ред.*

(2) Въ главѣ такихъ попытокъ стоитъ извѣстное и заслуживающее даже, въ разныхъ отношеніяхъ, имя *знаменитаго* собраніе А. Д. Черткова, которому изданъ каталогъ, съ нѣсколькими прибавленіями, въ Москвѣ, въ 1838—1845 годахъ. Другая, тоже очень-примѣчательная коллекція, но собственно только рѣдкихъ древнихъ изданій, составлялась княземъ А. Б. Лобановымъ-Ростовскимъ въ Берлинѣ и перешла нынѣ въ собственность графа В. Н. Панина.

собирателей; сверхъ-того, публика получаетъ право и возможность пользоваться ими лишь по волѣ владѣльца и, наконецъ, степень бо̀льшей или меньшей ихъ полноты зависитъ не только отъ матеріальныхъ средствъ собирателя и отъ извѣстнаго направленія ученой его дѣятельности, но и отъ многихъ случайныхъ, нисколько неподвластныхъ ему обстоятельствъ. Напротивъ, въ тѣхъ книгохранилищахъ, которыя учреждаются Монаршею волею для общественнаго употребленія на вѣчныя времена, и дѣйствуютъ подъ непосредственнымъ Державнымъ покровительствомъ по одной неизмѣнной системѣ — все это обусловливается другими, гораздо-выгоднѣйшими началами. Потому существованіе упомянутыхъ частныхъ собраній не могло и не должно было останавливать начальства Публичной Библіотеки въ его начинаніи, какъ равно не могло здѣсь быть рѣчи и о какомъ-нибудь совмѣстничествѣ, развѣ только въ благороднѣйшемъ смыслѣ соревнованія. Начальство Библіотеки постоянно имѣло и теперь имѣетъ въ виду осуществить и, такъ-сказать, докончить мысль незабвеннаго нашего Аделунга, который, признававъ вполнѣ всю важность туземныхъ источниковъ для изученія Россіи и ея исторіи, старался, однако, въ то же время обратить большее вниманіе нашихъ ученыхъ на богатство данныхъ, заключающихся въ источникахъ иноземныхъ. Мы говоримъ *докончить*, потому-что цѣль Библіотеки не только обозрѣть, посредствомъ изданія каталоговъ и историко-критическихъ разборовъ, все напечатанное о Россіи на другихъ языкахъ, но и собрать самыя книги въ натурѣ, чтобы вмѣстѣ съ указаніемъ дать каждому желающему и полную возможность пользоваться тѣмъ, на что̀ указывается.

Исторія этого начинанія, въ первомъ къ нему приступѣ и въ дальнѣйшемъ его ходѣ, не лишена сама-по-себѣ нѣкоторой занимательности.

Сперва, для упомянутой цѣли, соединено было все, что̀ нашлось разсѣяннымъ по разнымъ Отдѣленіямъ самой Публичной Библіотеки. Изъ этого уже образовался запасъ довольно-значительный, особенно рѣдкихъ и драгоцѣнныхъ сочиненій, появлявшихся въ бывшей Польшѣ на польскомъ и на другихъ языкахъ. Такія сочиненія всегда преимущественно любилъ собирать графъ Іосифъ Залусскій, основатель Варшавской Публичной Библіотеки, положенной, какъ извѣстно, въ первое начало нашей. Потомъ, на основаніи этой наличности и по библіографическимъ замѣткамъ чиновъ Библіотеки, а равно изъ множества имѣющихся въ ней печатныхъ каталоговъ всѣхъ мѣстностей и эпохъ, былъ составленъ и въ 1851-мъ году, съ Высочайшаго соизволенія, напечатанъ, но только въ видѣ манускрипта, всего въ пятидесяти экземплярахъ, особый реестръ подъ заглавіемъ: «Матеріалы къ проекту пол-

наго каталога сочиненій о Россіи, на всѣхъ иностранныхъ языкахъ изданныхъ». Цѣль этого реестра, заключавшаго въ себѣ 3,766 нумеровъ, состояла, впрочемъ, отнюдь не въ томъ, чтобъ представить уже какой-нибудь ученый, систематическій трудъ, или даже прямое начало такого труда; но единственно въ томъ, чтобъ имѣть передъ собою нѣчто въ родѣ первой канвы, или рамы, которая, при дальнѣйшихъ дополненіяхъ и исправленіяхъ, прояснила бы чего еще должно искать и привела бы, наконецъ, къ возможно-полной номенклатурѣ заглавій сочиненій, а оттуда и къ возможно-полной коллекціи самыхъ сочиненій. Для этого упомянутый реестръ былъ разосланъ въ наши университеты и ученыя общества и къ разнымъ частнымъ ученымъ, которые, встрѣтивъ это предпріятіе единодушнымъ и самымъ живымъ участіемъ, доставили Библіотекѣ много полезныхъ указаній. Между-тѣмъ, одновременно и совмѣстно съ сими дополненіями въ каталогѣ, быстро расло и собраніе книгъ въ натурѣ. Неослабные поиски внутри Россіи и за границею, чрезъ посредство какъ книгопродавцевъ, такъ и особо-посыланныхъ коммиссіонеровъ; просмотръ появляющихся въ чужихъ краяхъ многочисленныхъ *антикварныхъ* каталоговъ, которые, вслѣдствіе установившихся постоянныхъ сношеній, присылаются иногда даже въ рукописяхъ, или въ корректурныхъ листахъ, чтобъ дать Библіотекѣ возможность удержать за собою нужное ей прежде, нежели оно можетъ перейдти въ другія руки; безпрестанная, непосредственная переписка со всѣми, такъ-сказать, краями свѣта и участіе во всѣхъ главнѣйшихъ аукціонныхъ продажахъ; радушное содѣйствіе многихъ изъ нашихъ любителей болѣе или менѣе важными приношеніями; наконецъ Всемилостивѣйшее вниманіе, которымъ удостоилъ почтить это отечественное дѣло Государь Императоръ, Высочайше повелѣвъ передать въ Публичную Библіотеку все, чего въ ней недоставало, изъ Императорскихъ Эрмитажной и Царскосельской — все это въ-совокупности доставило такую обильную жатву, которая далеко превзошла всѣ ожиданія, даже всѣ примѣрные разсчеты. Къ 1-му января 1854 года, новое Отдѣленіе Библіотеки, вмѣсто 3,766 нумеровъ прежняго, бо̀льшею-частью фиктивнаго, или составленнаго à priori, реестра, заключало въ себѣ уже въ натурѣ 10,333 сочиненія въ 13,392-хъ томахъ, сверхъ составляющихъ особый его разрядъ періодическихъ изданій и мелкихъ пьесъ на случаи (Gelegenheitsschriften), числомъ до 2,000, и эти цифры все еще продолжаютъ возрастать съ каждымъ днемъ.

Такимъ-образомъ дѣло, начатое въ тиши, безъ другихъ къ нему средствъ, кромѣ текущихъ доходовъ Библіотеки и частныхъ приношеній, безъ всѣхъ тѣхъ пышныхъ возгласовъ, на которые такъ расточи-

теленъ Западъ, но съ истинною любовью и съ неослабѣвающею дѣятельностью, достигло, въ сравнительно очень-короткій періодъ времени, огромнаго развитія, которымъ открывается широкое поле для отечественной науки. Мы, конечно, не можемъ еще и теперь провозгласить, чтобъ у насъ было *все*, но можемъ уже громко сказать, что у насъ *неизмѣримо болѣе, чѣмъ есть гдѣ-нибудь*, и притомъ множество такого, *чего нѣтъ нигдѣ*, словомъ: что Публичная Библіотека по этой спеціальности несомнѣнно *первая въ мірѣ*. Этой сокровищницѣ, представляющей такую массу матеріаловъ для всесторонняго изученія нашего отечества и доступной для каждаго наравнѣ со всѣми другими частями Библіотеки, составлены уже, сверхъ общаго инвентаря, алфавитные каталоги въ двухъ видахъ: подробномъ и сокращенномъ, и приготовляется теперь каталогъ систематическій, который одинъ вполнѣ укажетъ обиліе и относительную важность нашего собранія.

Пока продолжается и, дастъ Богъ, можетъ-быть скоро приблизится къ своему окончанію этотъ обширный трудъ, начальство Библіотеки, желая предварительно ознакомить публику хотя съ нѣкоторыми составными частями своей коллекціи, предпринимаетъ сообщать черезъ тотъ журналъ, который, по самому его заглавію, имѣетъ предметомъ все «отечественное», библіографическія замѣтки о разныхъ примѣчательностяхъ новаго Отдѣленія. Но, чтобъ придать этимъ замѣткамъ болѣе разнообразія и занимательности, въ ряду ихъ предположено обозрѣвать, кромѣ книгъ, существенно-важныхъ, или полезныхъ по ихъ содержанію, и такія, которыя замѣчательны своею оригинальностью, причудливостью, или особенною рѣдкостью, то, что̀ въ общепринятой на Западѣ терминологіи разумѣется подъ названіемъ: «curiosa». Одно только общее замѣчаніе должно быть здѣсь предпослано: настоящіе отрывки, какъ и вообще все Отдѣленіе, изъ котораго они берутся, могутъ имѣть интересъ и полное свое значеніе лишь для знающихъ иностранные языки, ибо черезъ приведеніе заглавій, выписокъ, цитатовъ и проч. въ русскихъ переводахъ естественно утратилась бы всякая библіографическая точность.

Для перваго опыта помѣщаются здѣсь, изъ числа упомянутыхъ выше «диковинокъ», два разряда нѣмецкихъ сочиненій о Россіи, напечатанныхъ въ концѣ XVII и въ началѣ XVIII столѣтій и едва-ли теперь извѣстныхъ многимъ библіографамъ, даже и между усидчивыми нѣмцами. Обозрѣніе ихъ, представляя нѣсколько довольно-любопытныхъ подробностей, послужитъ вмѣстѣ доказательствомъ, до чего, даже въ эту отдаленную отъ насъ эпоху, доведено было литературное шарлатанство и въ какой степени уже тогда изъ двухъ благороднѣйшихъ даровъ

человѣчества: слова и письма, умѣли устроивать вѣтвь торговой промышлености.

I) Георгъ Адамъ Шлейссингъ (*Georg Adam Schleissing*, или *Schleusing*).

Находя въ нашемъ собраніи множество книгъ съ именемъ Шлейссинга (Schleissing), мы, чтобъ ознакомиться съ ихъ авторомъ, обратились прежде всего, разумѣется, къ всегдашней настольной нашей книгѣ: Аделунговой «Kritisch-literärische Uebersicht der Reisenden in Russland bis 1700», St. Petersburg und Leipzig, 1846. Но Аделунгу, всегда столь точному, когда онъ говоритъ о книгахъ, которыя самъ видѣлъ, не попадались въ руки творенія Шлейссинга. Онъ пишетъ о нихъ только со словъ другихъ и, приводя всего два, одно въ двухъ изданіяхъ, съ неполными и переиначенными заглавіями, прибавляетъ: «Шлейссингъ, повидимому, самъ былъ въ Россіи и даже въ Сибири; «но въ томъ, что онъ говоритъ, много невѣрностей, особенно каса- «тельно послѣдняго края. Намъ, къ-сожалѣнію, не удалось собрать «никакихъ дальнѣйшихъ о немъ свѣдѣній». (Т. II, стр. 382 и 383) ([3]).

Вслѣдствіе того мы должны были прибѣгнуть къ другимъ извѣстнымъ источникамъ; но и они не могли удовлетворить нашей любознательности. Въ ученыхъ и историко-литературныхъ нѣмецкихъ словаряхъ Шлейссингъ или совсѣмъ пропущенъ, или является почти лишь по имени. Штукъ (Stuck) въ своемъ «Verzeichniss von älteren und neueren Reisebeschreibungen, Halle, 1784,» приводитъ одно только изъ его сочиненій, и называя автора, вмѣсто Schleissing, Schleusinger, не знаетъ даже его именъ, для которыхъ оставленъ у него между скобками пробѣлъ (т. I, стр. 271). Трудолюбивый нашъ исторіографъ Миллеръ, упоминая, въ нѣсколькихъ словахъ также лишь объ одномъ сочиненіи Шлейссинга, не говоритъ ничего о его личности (Sammlung Russischer Geschichte», т. VI, стр. 31). И другой извѣстный изыскатель, Мейнерсъ, равномѣрно имѣлъ въ рукахъ только одно сочиненіе и равномѣрно ничего не знаетъ о лицѣ автора («Vergleichung des älte und neuern Russlandes», Leipzig, 1798, т. I, стр. 32). Библіографъ, спеціально-занимавшійся русскою исторіею въ самой Россіи (позже постриженникъ Александро-Невскаго монастыря) Бурхардъ Адамъ Сел-

---

([3]) Замѣтимъ, впрочемъ, что статья о Шлейссингѣ помѣщена не въ текстѣ сочиненія Аделунга, а въ «Nachträge», о которыхъ издатель, сынъ его, говоритъ въ предисловіи, что они принадлежатъ къ тѣмъ бумагамъ отца его, которыя послѣ его смерти найдены несовершенно-оконченными и частью даже неприведенными въ порядокъ.

лій, который издалъ свое «Schediasma literarium de scriptoribus qui historiam politico-ecclesiasticam Rossiae scriptis illustrarunt», Revaliae, 1736, въ близкую еще къ сочиненіямъ Шлейссинга эпоху, цитуетъ (стр. 33) съ обычною ему неточностью одну только *часть*, или томъ, одного изъ этихъ сочиненій. Наконецъ современникъ Шлейссинга, нѣкто Вендель, самъ издавшій о Россіи очень-странную книжку, о которой мы представимъ отчетъ въ другой разъ (4), хотя и пишетъ въ ней, что узналъ многое о нашемъ отечествѣ изъ словесныхъ разсказовъ Шлейссинга, съ которымъ часто встрѣчался въ іенской типографіи Гольнера, но говоритъ о немъ только, что онъ «состоялъ долгое время въ службѣ царя и, слѣдовательно, долженъ быть почтенъ за самовидца (стр. 21).»

Какъ между-тѣмъ въ книгахъ Шлейссинга личность его стоитъ вездѣ на первомъ планѣ, то вопросъ о ней казался намъ тѣмъ любопытнѣе, что отъ разрѣшенія его должна зависѣть нѣкоторымъ образомъ и степень вѣры къ разсказываемому имъ. Потому оставалось искать ближайшихъ объ этой личности свѣдѣній въ собственныхъ сочиненіяхъ Шлейссинга. Мы имѣли терпѣніе прочесть ихъ, отъ доски до доски во *всѣхъ* изданіяхъ (читатель увидитъ ниже, что на это точно нужно было *терпѣніе*) и изъ сличенія того, что̀ Шлейссингъ самъ о себѣ говоритъ, съ нѣкоторыми намеками о немъ другаго его современника, дѣльнаго и достойнаго всякой вѣры Грифія (5), успѣли возсоздать біографическій очеркъ, совершенно-достаточный для оцѣнки произведеній нашего автора.

Георгъ Адамъ Шлейссингъ (Schleissing), или Шлеузингъ (Schleusing) (онъ самъ писалъ свою фамилію разнообразно) родился въ Дрезденѣ, или въ окрестностяхъ этого города, можетъ-быть въ Мейссенѣ, около 1660-го года, и выслушалъ курсъ правовѣдѣнія въ университетѣ, вѣроятно, Іенскомъ, гдѣ выучился немного-лучше полатини нежели понѣмецки, и еще лучше владѣть шпагою, нежели латинью. Изъ устарѣвшаго студента онъ сдѣлался тѣмъ, что̀ называли тогда странствующимъ школьникомъ (fahrender Schüler), чѣмъ-то въ родѣ искателя приключеній безъ другихъ рессурсовъ, кромѣ своего званія *литерата* (homme de lettres), кочующаго изъ одного города въ другой и живущаго изо дня въ день. Схвативъ нѣкоторыя свѣдѣнія о Россіи изъ книги Олеарія, новѣйшаго тогда путешественника по этому мало-

---

(4) Wendel, Peter Alexeovitz warhafftes Bildniss etc. Dresden, 1698, in 4°.

(5) Gryphius, Apparatus sive dissertat. isagogica de scriptoribus, historiam seculi XVII illustrantibus, Lipsiæ, 1710. Стр. 558 и слѣд.

извѣстному краю, онъ вздумалъ пуститься на сѣверъ и черезъ Норвегiю, Швецiю и Финляндiю добрался до Нарвы. Этотъ путь онъ совершилъ, какъ должно думать, съ нѣсколькими купцами и въ Нарвѣ ингерманландскiй (шведскiй) губернаторъ баронъ Шперлингъ снабдилъ его, по рекомендацiи одного богатаго тамошняго торговца, паспортомъ для проѣзда въ «Московiю». Выѣхавъ изъ Нарвы, съ длинною рапирою у бока, 20-го марта 1684 года, Шлейссингъ 25-го прибылъ въ Новгородъ, откуда переѣздъ его до Москвы, на долгихъ (mit einem «rischwosneck»), протянулся со 2-го апрѣля до 22-го. На этомъ пути ему случилось остановиться въ домѣ у одного помѣщика, котораго сыновья, при видѣ его рапиры, захотѣли знать, кàкъ съ нею обходятся. Устроивъ, вслѣдствiе того, пару деревянныхъ рапиръ, Шлейссингъ далъ молодымъ людямъ нѣсколько уроковъ, и дѣло такъ имъ полюбилось, что они стали уговаривать его пробыть у нихъ нѣсколько мѣсяцовъ съ хорошимъ жалованьемъ; но «имѣвъ надобность торопиться» (зачѣмъ торопиться и вообще съ какою цѣлью онъ ѣхалъ въ Москву, Шлейссингъ нигдѣ не объясняетъ), онъ отказался отъ ихъ предложенiя. Москва, когда онъ туда прiѣхалъ, была еще наполнена живымъ отголоскомъ смутъ, волновавшихъ ее послѣ кончины царя Өеодора Алексѣевича. Эти событiя внушили «странствовавшему школьнику» мысль *перваго* его сочиненiя подъ громкимъ именемъ: «Anatomia Russiae deformatae», о которомъ мы сейчасъ будемъ говорить. Его пребыванiе въ Россiи не могло, впрочемъ, никакъ продолжиться долѣе трехъ лѣтъ, потому-что въ 1688-мъ не только Шлейссингъ самъ находился опять въ Германiи, но и книга его была уже издана. Онъ, по всей вѣроятности, не бывалъ далѣе Москвы, хотя, если вѣрить его собственнымъ словамъ, ѣздилъ «ради военныхъ дѣлъ» ([6]) и въ Сибирь. Ему не посчастливилось въ Россiи, по-крайней-мѣрѣ онъ не вышелъ въ ней въ люди и не нажился. Паспортъ для отправленiя восвояси обошелся ему только въ 3 рубля и онъ остался очень-доволенъ, что не пришлось ему заплатить болѣе, потому-что, какъ самъ говоритъ, обыкновенная цѣна такого паспорта восходила отъ 5-ти до 100 р., «nach dem der Mann ist.» Успѣхъ, который имѣла выпущенная имъ, по возвращенiи въ Германiю (впрочемъ, на первый разъ безъименно) упомянутая выше «Anatomia Russiae deformatae»), далъ ему мысль промышлять своею поѣздкою въ бòльшихъ размѣрахъ и онъ принялся издавать, назвавшись уже по имени, цѣлый рядъ книжонокъ, въ которыхъ, подъ различ-

([6]) Weiln nun sothanes Sieweriam en Militair Affaires gar genau in Augenschein zu nehmen... gute Gelegenheit gehabt.

ными, хитро-придуманными новыми заглавіями, повторялось въ существѣ все одно и то же. Грифій, на котораго мы выше сослались, очень-хорошо зналъ нашего молодца въ это время въ Бреславлѣ: Шлейссингъ былъ въ крайней скудости и печаталъ свои вѣчныя варіаціи на одну и ту же пѣсню съ тою лишь цѣлью, чтобъ выпрашивать себѣ что-нибудь у тѣхъ, кому ихъ посвящалъ, или кому подносилъ экземпляры. Между-тѣмъ въ предисловіи къ каждой *мнимо-новой* его книжкѣ мы встрѣчаемъ стереотипное увѣреніе, будто-бы прежнее изданіе, бывъ напечатано только въ сотнѣ экземпляровъ, давно уже исчезло изъ книжной торговли. Разныя прибавки и вставки, которыя авторъ включалъ постепенно въ каждое изданіе, не болѣе заслуживаютъ вѣры, чѣмъ титулъ *бывшаго штабсъ-капитана* (Capitaine-Lieutenant) *царской службы*, которымъ онъ сталъ величать себя съ четвертой своей книжки. Его описаніе Сибири, очевидно, составлено изъ разсказовъ купцовъ, съ которыми онъ познакомился въ Москвѣ. Приложенная къ позднѣйшимъ изданіямъ карта Сибири и бо̀льшая часть находящихся при нихъ видовъ мѣстностей и портретовъ были, по всей вѣроятности, только плодомъ его воображенія; даже тамъ, гдѣ нашъ путешественникъ старается описывать, безъ выдумокъ и прикрасъ то̀, что̀ дѣйствительно самъ видѣлъ, онъ часто грѣшитъ по невѣжеству. Такъ у него смѣшана Волга съ Волховомъ, безбожно изуродованы собственныя имена и русскія слова̀ и особенно встрѣчаются самыя смѣшныя нелѣпости вездѣ, гдѣ онъ пускается въ этимологическое словопроизводство. Впрочемъ, какъ ни маловажны сочиненія Шлейссинга въ-отношеніи къ наукѣ, они не лишены нѣкотораго интереса для опредѣленія точки, съ которой иностранцы смотрѣли на Россію въ концѣ XVIII-го вѣка до начала преобразованій Петра Великаго.

Послѣ этихъ замѣтокъ о лицѣ автора и характерѣ его сочиненій вообще, мы прослѣдимъ теперь рядъ ихъ, находящійся въ Императорской Публичной Библіотекѣ. Большая ихъ часть, повторяемъ, неизвѣстна библіографамъ и всѣ съ теченіемъ времени сдѣлались чрезвычайно-рѣдкими.

1) Anatomia Russiae deformatae. Das ist: Beschreibung des Mosskowiter oder Reusslandes, wie es sich anjetzo unter Regirung zweener Zaaren ader (sic) Gross-Fürsten Iwan und Peter Alexewiz, als Herren Gebrüdern, eigentlich befindet: kürtzlich und gründlich, mit allen sich bisshero zugetragenen Begebenheiten, Ambassaden und dergleichen, auch darbey vorgegangenen grausamen Rebellion von Haupt biss zum Ende, nebst allerhand lustigen und kurtzweiligen Discursen von mancherley Sachen, so der Autor selbst erfahren, in einem Zweygespräche vorge-

stellet, von G. A. S. J. U. Candidato. Zittau, 1688. Въ 12-ю долю л., 166 стр. и, сверхъ того, 13 ненумерованныхъ.

Это первое сочиненіе издано было Шлейссингомъ, какъ мы уже сказали, безъименно, вѣроятно, въ намѣреніи испытать свои силы и посмотрѣть каковъ будетъ ему пріемъ; но для насъ, посвященныхъ въ тайну этого анонима, очень-нетрудно разгадать поставленныя въ заглавіи начальныя буквы G(eorg) A(dam) S(chleissing) J(uris) U(triusque) Candidatus. Шлейссингъ передаетъ здѣсь, въ формѣ разговора между вымышленными собесѣдниками, свои путевыя впечатлѣнія, описаніе происшествій слѣдовавшихъ за кончиною царя Ѳеодора Алексѣевича и очеркъ общественнаго и частнаго быта нашихъ предковъ. Сколько все это ни запутано, поверхностно, мелко и даже дурно изложено по языку, но нѣтъ сомнѣнія, что новость предмета и картина Россіи съ тогдашними ея событіями не могли не возбудить, при помощи заманчиваго заглавія, любопытства современниковъ Шлейссинга, которыхъ онъ впервые знакомилъ съ случившимся у насъ со временъ путешествія Олеарія.

Мы считаемъ неизлишнимъ привести здѣсь заглавія тѣхъ семи разговоровъ, которые составляютъ *Анатомію Россіи*, съ одной стороны, чтобъ отмѣтить главные предметы, обратившіе на себя вниманіе нашего автора, съ другой, чтобъ указать какъ мало разницы между этимъ его сочиненіемъ и явившимися послѣ.

Dialogus I. Von der Reise aus Narva, der Königl. Schwedischen Kauff-und Handels-Stadt in Lieffland, biss nach Mosco, der Zaarischen Haupt und Residentz-Stadt in Reussland.

D. II. Von der Zaarischen oder Gross-Fürstl. Haupt-und Residentz-Stadt Mosco.

D. III. Von denen beyden jetztregierenden Zaaren, oder Gross-Fürsten Iwan Alexewiz, und Peter Alexewiz, als Zween Herren Gebrüdern, wie auch von der vor wenig Jahren darbey fürgelauffenen grausammen Rebellion.

D. IV. Von der Reussischen Religion und was für Neuerung mit der Creutz-Segung darinnen sich eräuget.

D. V. Von der Reussischen Policey und Justitz Wesen.

D. VI. Von der Reussen Sitten, Leben, Handel und Wandel insgemein.

D. VII. Von denen sich in Reussland auffhaltenden Kauff-Leuten, Officirern, auch andern Ausländern.

Первый изъ этихъ разговоровъ — единственный, котораго содержаніе не повторилось въ послѣдующихъ сочиненіяхъ Шлейссинга.

Въ Императорской Публичной Библіотекѣ два экземпляра «Анатоміи Россіи», разнящіеся, вопервыхъ, заглавными листами и, вовторыхъ,

посвященіемъ. Разница въ заглавныхъ листахъ ничтожна и едва-замѣтна: на одномъ экземплярѣ выставлено мѣсто печати: городъ Циттау, на другомъ его нѣтъ; но значеніе этого различія объясняется разностью посвященій: первый экземпляръ посвященъ циттаускому городскому начальству, а другой—бреславльскому; въ прочихъ отношеніяхъ оба совершенно-сходны и ясно, что нашъ литературный промышленникъ перепечаталъ, можетъ-быть, въ позднѣйшее время только заглавный листъ и посвященіе, чтобъ, какъ говорили и говорятъ нѣмцы, убить однимъ ударомъ двухъ мухъ, то-есть получивъ деньги, или подарокъ, отъ циттаускихъ ратсгеровъ, взять тоже потомъ и съ бреславльскихъ. Замѣтимъ еще, что это изданіе обезображено множествомъ опечатокъ, которыя въ первомъ, циттаускомъ экземплярѣ, перешедшемъ къ намъ изъ библіотеки Залусскаго, тщательно исправлены отъ руки или самимъ авторомъ, или кѣмъ-нибудь другимъ, имѣвшимъ передъ собою его рукопись: иначе нѣкоторыя фразы оставались бы совершенно-непонятными, какъ напр. находящаяся вверху стр. 123-й.

2) Neu-entdecktes Sibyrien, oder Siewerien, wie es anitzo mit allen Städten und Flecken angebauet ist, nebst dessen Ströhmen, stehenden Seen, Bergen, Gründen, Wäldern, Handel und Gewerbe, Einwohnern, Sitten, Sprache, Policeywesen, und Gräntzen, so wohl biss an Kara Kathaya und Chineische-Mauer, als auch an die gantze grosse Tartarey und andere Asiatische Länder. Worbey derer beyden Zaaren, Iwan und Peter Alexewiz, als Herren Brüdern, und derer Schwester, der Princessin Sophia bisshero geführtes Gouvernement, auch wie durch jüngst entdeckte Rebellion der ältere Zaar, Iwan Alexewiz, abgedancket, die Princessin sich in ein Closter begeben, und alles in einem (sic) andern Stand gesetzet worden. Kürtzlich, jedoch gründlich denen Curieusen Liebhabern vorgestellet. Jena, gedruckt bey Johann Gollnern, Ao. 1690. Въ 12-ю д. л., 167 стр.

Изъ 14-ти главъ, на которыя раздѣлено это второе сочиненіе, первая повторяетъ содержаніе III-го разговора «Анатоміи», съ прибавкою нѣсколькихъ собственныхъ именъ и нѣсколькихъ словъ о воцареніи Петра Великаго. Въ главахъ II — X очень-запутанно разсказывается о Сибири вообще, о Тобольскѣ, о ссыльныхъ, о Кара-Катаѣ, Астрахани, Архангельскѣ, о санной ѣздѣ въ Россіи и въ Швеціи, наконецъ о Самоѣдахъ, или дикихъ людяхъ. Остальное — повтореніе разговоровъ II, IV, V, VI и VII-го, но уже не въ разговорной, а въ повѣствовательной формѣ.

Здѣсь авторъ вполнѣ назвался въ заглавіи такъ: Georg. Adam. Schleusing, J. U. C., Dresdâ Misnic.

Аделунгъ ошибается, говоря (Т. 2, стр. 383), что рукопись этого сочиненія находится въ Румянцовскомъ Музеумѣ: тамъ хранится только списокъ, снятый съ печатнаго экземпляра.

3) Neu-endecktes Siewеria, worinnen die Zobeln gefangen werden, wie es anjetzo angebauet und bewohnet ist, nebst desselbigen Landes abgefasseter Charta, in welcher alle Gräntzen, so wohl biss an Kithaiskia, und die gantze Asiatische Tartarey, als auch Samojedia, Nova Zembla, und Cazaner Land; worbey auch der jetzige Zustand derer beyden Zaaren Iwan und Peter Alexewiz, nebst der Princessin Sophia, wie Sie bisshero zusammen regieret und was darauf erfolget ist, in beliebter und gründlicher Kürtze allen curieusen Liebhabern und Gönnern vorgestellet. Dantzig, druckts Johann-Zacharias Stoll, 1692. Въ 8-ю д. л., 100 стр. и, сверхъ того, 10 ненумерованныхъ посвященія бургомистрамъ города Торна и предисловія.

На заглавномъ листѣ: Georg Adam Schleissing, Dresdâ-Misnicus.

Одинъ выходившій въ то время въ Германіи критическій журналъ, подъ заглавіемъ «Monatliche Unterhaltungen», напечаталъ (7) разборъ, очень, впрочемъ, умѣренный, предъидущаго сочиненія (№ 2) Шлейссинга, гдѣ, нисколько не сомнѣваясь въ дѣйствительности его поѣздки въ Сибирь и пр., позволилъ себѣ только нѣкоторыя замѣчанія на этимологическіе выводы автора касательно названій Сибири и Самоѣдовъ. Шлейссингъ отвѣчалъ на эту критику ругательствами и настоящимъ вторымъ изданіемъ, съ нѣсколько переиначеннымъ противъ перваго заглавіемъ и съ обыкновеннымъ своимъ увѣреніемъ въ предисловіи, что первое совсѣмъ уже расхвачено.

Въ этомъ второмъ изданіи мы находимъ 12 главъ перваго, съ опущеніемъ за тѣмъ всѣхъ историческихъ событій, случившихся во время пребыванія Шлейссинга въ Москвѣ. Въ вознагражденіе, онъ прибавилъ одну главу подъ новымъ заглавіемъ: «Von dem Reussischen Frauen-Zimmer, und ihren Hochzeit machen»; она, однакожь, не иное что̀, какъ отрывокъ изъ 14-ой главы перваго изданія.

Упомянутой въ заглавіи карты Сибири нѣтъ въ нашемъ экземплярѣ, но ея не было равномѣрно и въ миллеровскомъ того же изданія (Samml. Russ. Gesch. T. VI, стр. 31), изъ чего, при личности автора, раждался бы поводъ заключать, что она была только на заглавномъ листѣ. Миллеръ прибавляетъ, что если эта карта дѣйствительно существовала, то въ ней, вѣрно, было очень мало правды, потому-что самый текстъ

---

(7) Годъ 1690, стр. 379 и слѣд. Издателемъ этого журнала былъ извѣстный Тенцель (Tentzel).

книги обилуетъ множествомъ грубѣйшихъ ошибокъ. Мы, однакожь, находимъ сказанную карту, и точно преисполненную нелѣпостей, при слѣдующихъ двухъ оставшихся неизвѣстными Миллеру сочиненіяхъ, или, лучше сказать, изданіяхъ все того же сочиненія.

4) Derer beyden Czaaren in Reussland Iwan und Peter Alexewiz, nebst dero Schwester der Princessin Sophia, bisshero Dreyfach-geführter Regiments-Stab, und was darauff erfolget ist, nebst dem jetzigem Zustande in Reussland und allerhand Curieusen Sachen, so sich bisshero darinnen zugetragen, auch denen sich darinnen auffhaltenden Teutschen. Worbey eine kurtze Beschreibung des wilden und zuvor unbewohneten Sieweria, durch und durch mit Kupfferstücken gezieret und wolmeinend herausgegeben. Zittau, druckts in Verlegung des Autoris Michael Hartmann, 1693. Въ 8-ю д. л., 110 стр. и 8 ненумерованныхъ листковъ: первый содержитъ въ себѣ гравированное заглавіе, а второй выписанное нами сейчасъ заглавіе, напечатанное красными и черными чернилами; потомъ слѣдуетъ посвященіе съ пробѣлами, то-есть предшествующимъ ему бѣлымъ листомъ и съ пустыми пространствами въ самомъ текстѣ, для включенія именъ лицъ по выбору автора, наконецъ предисловіе.

Здѣсь Шлейссингъ вздумалъ уже украсить себя титуломъ, котораго не было на прежнихъ его изданіяхъ и который едва-ли когда принадлежалъ ему на-самомъ-дѣлѣ, именно: Georg Adam Schleissing, *in Czaarischen Diensten gewesener Capitaine-Lieutenant.*

Несмотря на приданный заглавіемъ этому сочиненію видъ совершенно-*новой* книги, оно въ десяти своихъ главахъ передаетъ опять, съ нѣсколькими лишь прибавками, разсказъ тѣхъ же самыхъ историческихъ событій, то же самое описаніе Москвы и вообще все, что̀ было въ прежнихъ изданіяхъ, кромѣ относящагося до Сибири. Эта послѣдняя часть, хотя и означенная въ общемъ названіи книги, составляетъ отдѣльное приложеніе съ новою нумераціею страницъ (1 — 99) и съ слѣдующимъ особымъ заглавнымъ листомъ:

5) Neu-entdecktes Sieweria, worinnen die Zobeln gefangen werden, wie es anjetzo angebauet und bewohnet ist, nebst desselbigen Landes-Gräntzen, so wohl biss an Kithaiskia, Königreich China und die gantze Asiatische Tartarey, als auch Samojedia und Nova Zembla. Zum andernmahl, auff Begehren Curieuser Liebhaber auffgeleget, jedoch in vielen Stücken verbessert und vermehret, auch mit desselbigen Landes-Charta, so ein Schlüssel zum gantzen Wercke, und mit andern Kupffer-Stücken gezieret und heraussgegeben. Gedruckt in Zittau, bey Michael Hartmann, 1693. Въ 8-ю д. л., 99 стр.

Находящіяся при книжкѣ карта и 13 картинокъ, болѣе нежели по-

средственныя, даже и по отношенію къ эпохѣ, исполнены какимъ-то Отгоферомъ (C. Otthofer). Одной изъ картинокъ, изображающей царя Іоанна Алексѣевича, недостаетъ въ нашемъ экземплярѣ, но мы находимъ ее въ слѣдующемъ новомъ изданіи :

6) Derer beyden Czaaren in Reussland, Iwan und Peter Alexewiz, als Herren Gebrüdern, nebst Dero Schwester der Prinzessin Sophia, bisshero dreyfach-geführter Regiments-Stab, und was sich darbey zugetragen, auch andern curieusen Sachen, worbey ein gründlicher Bericht des zuvor in höchsten Ehren-Stande gelebten, nunmehro aber ins Elend nach Siewerien ewig verbannten Knees Vassili Vassilowiz Galyczens, über die Reussische Armée gewesenen Generalissimi, durch und durch mit Kupffer-Stücken gezieret. Gedruckt im Jahr Christi 1694. Безъ означенія мѣста печати. Въ 8 д. л., 150 стр. и 5 ненумерованныхъ листковъ, содержащихъ въ себѣ двойное, какъ въ изданіи 1693 года, заглавіе, но напечатанное только черными чернилами, и посвященіе графу Палатину Филиппу.

На первомъ заглавіи авторъ названъ бывшимъ *штабсъ-капитаномъ*, а на второмъ — *капитаномъ* царской службы. Подъ посвященіемъ онъ подписался, какъ въ прежнихъ своихъ книжкахъ, просто : Georg Adam Schleissing, Dresdâ-Misnicus.

Стр. 1 — 119 представляютъ одно лишь новое изданіе первой части предъидущаго сочиненія (№ 4-й), съ очень-немногими перемѣнами; но въ приложеніи есть нѣкоторая разность : оно занимаетъ здѣсь только 30 страницъ съ продолженіемъ той же нумераціи (120 — 150) и имѣетъ слѣдующее заглавіе :

7) Siewería mit der abgefasseten Land-Charta so wohl biss an die Chinesische Mauer und gantzen Asiatischen Tartarey, als auch, Samojedia, Nova Zembla, und das Mare Vaigats, nebstandern Kupffer-Stücken und einem vollkommenen gründlichen Bericht des rebellischen gewesenen Generalissimi Galyczen, wie derselbige eewig nach Siewerien condemniret worden, worbey auch derer beyden Länder Toom. und Tingus, so auff Befehl derer Czaaren Sudoost-Wärts 200 Meylen hinter Siewería auffgesuchet worden, und annoch beständig unter Czaarischer Bothmässigkeit stehen. Im Jahr Christ Anno 1694.

Карта и картинки тѣ же, что̀ въ предъидущемъ изданіи, но число картинокъ увеличено двумя, изъ которыхъ одна — мнимый портретъ князя Голицына.

Замѣтимъ въ заключеніе, что если книжки Шлейссинга и удовлетворяли, можетъ-быть, въ свое время главной его цѣли : доставлять ему насущный хлѣбъ, то, однакожь, всѣ безпрестанно-поновляемыя из-

данія не спасли ихъ отъ очень-скораго забвенія. Шведъ Штраленбергъ, авторъ извѣстной монографіи о Сибири: «Das nord-und-östliche Theil von Europa und Asia, in so weit solches das gantze Russische Reich mit Siberien in sich begreiffet», хотя она издана была не позже 1730 года, не зналъ уже жалкихъ издѣлій голоднаго студента. Въ этой монографіи находится подробный перечень всего, написаннаго дотолѣ о Сибири, нисходящій до сочиненій самыхъ мелкихъ и ничтожныхъ, но книжонокъ Шлейссинга Штраленбергъ не почтилъ ни однимъ словомъ упоминовенія. Напрасно было бы искать ссылки на нихъ и въ какой-нибудь другой серьёзной книгѣ: судьба ихъ была исчезнуть изъ памяти людской, какъ-скоро самъ авторъ пересталъ напоминать ими своимъ милостивцамъ о своихъ нуждахъ.

II Ѳеофилъ Вармундъ (*Theophilus Wahrmundus*).

1) Universa religio Moscovitica, das ist: die auffgehende Sonne der Christlichen Religion, wie und zu welcher Zeit dieselbige durch die finstere Wolcken des Heydenthums sich herfür gethan, und das gantze Moscovitische Reich bestraalet, auch was darinnen, biss auf jetzige Zeit, so wol in ihren Glaubens-Artickeln, als Kirchen-Ceremoniis, vorgegangen und geändert worden ist. Allen Curieusen Liebhabern gründlich und eigendlich vorgestellet. 1694. Безъ означенія мѣста. Въ 8-ю д. л., 88 стр. и 6 ненумерованныхъ листковъ, на которыхъ напечатано посвященіе герцогу саксонскому Фридриху Августу.

2) То же самое сочиненіе, безъ означенія, что это *второе* его изданіе съ слѣдующими измѣненіями въ заглавіи: Universa religio Ruthenica sive Moscovitica, oder die auffgehende... geändert worden ist, und wie weit Sie mit andern Religionen überein komme... gründlich und wohlmeynend vorgestellet. Freystad, 1698. Въ 8-ю д. л., 119 стр. и 4 ненумерованныхъ, содержащихъ въ себѣ предисловіе.

Посвященіе перваго изданія начинается замѣчаніемъ, что во всемъ христіанствѣ нѣтъ ни одного народа, который покрывалъ бы догматы своего исповѣданія такою глубокою тайною, какъ московитяне (!!), «и вотъ отчего, прибавляетъ авторъ, всѣ историки, писавшіе объ этомъ народѣ, говорятъ такъ мало, или даже совсѣмъ не говорятъ о его вѣрованіяхъ». Вслѣдствіе того онъ рѣшился восполнить такой недостатокъ, къ чему имѣлъ всѣ средства «weiln nun eine geraume Zeit mich in Czaarischen Kriegs-Diensten befunden, und ihre gantze Religion darbey gründlich und genau zu beobachten gute Gelegenheit gehabt». Въ концѣ книги находится еще слѣдующее заключеніе, въ томъ же самомъ смыслѣ: «Dieses habe ich von der Reussichen Religion dem gunst-geneigten Leser, so ich theils

in Czaarischen Reichen selbste angemercket, theils von klugen Reussen erfahren und aufgeschrieben, zur dienstlichen Nachricht beylegen wollen».

Несмотря на придаваемый себѣ такимъ образомъ видъ нагляднаго воззрѣнія и какъ-бы авторитета, г. Вармундъ, незнавшій, безъ-сомнѣнія, по-русски и почерпавшій матеріалы для своей книги изъ мутныхъ источниковъ, переполнилъ ее на очень-небольшое число данныхъ болѣе или менѣе основательныхъ множествомъ нелѣпостей, при чтеніи которыхъ трудно различить, что̀ въ его разсказахъ должно отнести къ непріязненному предубѣжденію, что̀ къ обманутому легковѣрію и что̀, наконецъ, къ одному лишь глубокому невѣжеству. Самыхъ даже заглавій нѣкоторыхъ изъ 15-ти главъ, составляющихъ все сочиненіе, достаточно, чтобъ оцѣнить вздорность понятій автора и тѣхъ свѣдѣній, откуда онъ ихъ заимствовалъ. Какъ, однакожь, благодаря, подобно издѣліямъ Шлейссинга, новости предмета, его книга послужила исходною точкою къ множеству перепечатокъ, контрфакцій и даже переводовъ на другіе языки, то мы помѣстимъ здѣсь ея оглавленіе, безъ перемѣны сохраненное во всѣхъ послѣдующихъ перепечаткахъ:

I. Von der Reussischen oder Moscovitischen Bekehrung zur Christlichen Religion.

II. Von der völligen Bekehrung derer Reussen zu den Christlichen Glauben.

III. Von denen Haupt-Stücken der Christlichen Moscovitischen Religion.

IV. Von denen, so die Reussen vor Feinde ihrer Kirchen, und denjenigen, so sie für Ketzer halten und aestimiren.

V. Von der dreyfachen Geistl. Verehrung derer Reussen: 1) des H. Ehestandes, 2) der hohen Obrigkeit, und 3) des Geistl. Kirchen-Ampts.

VI. Von den Reussischen Kirchen und ihren Ceremoniis.

VII. Von den Reussischen Glaubens-Artickuln.

VIII. Von der Heiligen Dreyfaltigkeit.

IX. Von der Reussischen Tauffe.

X. Von dem Reussischen Abendmahl.

XI. Von der Reussischen Fasten.

XII. Von denen Verstorbenen und ihren Begräbnüss-Ceremoniis.

XIII. Von den Seelen nach dem Tode.

XIV. In welchen Stücken die Reussen mit der Evangelischen Religion über einkommen und desswegen gar wohl Christen können genennet werden.

XV. In welchen Stücken die Reussen oder Moscoviter, ob sie gleich als Nachfölglinge der alten und ersten Griechischen Kirchen sich rühmen, dennoch durh ihre eigene Menschen Satzungen und Irrthümer weit von derselbigen abgewichen seynd.

Но кто же былъ этотъ Theophilus Wahrmundus, котораго имя выставлено въ заглавіи обоихъ изданій? При нѣкоторомъ знакомствѣ съ нѣмецкою литературою той эпохи и съ ея пріемами, намъ съ перваго взгляда было очевидно, что Вармундъ — псевдонимъ, и это заключеніе вполнѣ подтвердилось при прочтеніи предисловія ко второму изданію (1698), гдѣ издатель, умалчивая, впрочемъ, совершенно о предъидущемъ 1694 года, говоритъ, что настоящее разсужденіе (Tractätgen) досталось ему отъ одного человѣка, долго, по собственному его увѣренію, проживавшаго въ Россіи и изучавшаго тамошнюю религію, но который никогда не хотѣлъ открыть причины, побуждающей его явиться передъ публикою *подъ вымышленнымъ именемъ* (т. е. Вармунда). «Отъ этого (продолжаетъ издатель) мы колебались-было печатать его сочиненіе, опасаясь, что оно составлено, можетъ-быть, болѣе «ex relatione quam inquisitione»; но теперь, когда всѣ умы въ Европѣ заняты большимъ посольствомъ, отправленнымъ отъ Московскаго Царя къ разнымъ иностраннымъ дворамъ, и этимъ событіемъ возбуждено общее любопытство, между-прочимъ, и касательно вѣры, исповѣдываемой въ его государствѣ, мы не можемъ уже долѣе отлагать изданіе помянутой книжки, желая поставить каждаго въ возможность обсудить ея содержаніе и развѣдать, посредствомъ дальнѣйшихъ изысканій, степень ея правдивости». Послѣ этого, для ключа къ задачѣ, кто именно притаился здѣсь подъ именемъ Вармунда, мы обращались къ многочисленнымъ писателямъ, старымъ и новѣйшимъ, занимавшимся раскрытіемъ псевдонимовъ и анонимовъ нѣмецкой литературы; но тщательная справка съ лексиконами и сборниками Плаксія, Фабриція, Дальмана, Геймана, Форстера, Миліуса, Эрша, Рассмана (они всѣ также находятся въ Императорской Публичной Библіотекѣ) ничего намъ не обнаружила. Въ нихъ является множество разоблаченныхъ Вармундовъ, но нѣтъ ни Ѳеофила, ни настоящаго сочиненія. Его нѣтъ и у Аделунга, хотя, по выписаннымъ нами выше словамъ, мнимый Вармундъ *самъ былъ* въ Россіи до *1700 года*, слѣдственно входилъ въ планъ аделунгова обозрѣнія. Вообще, мы нашли нѣсколько словъ о книгѣ Вармунда только въ извѣстномъ, къ сожалѣнію, прекратившемся на первой части, сочиненіи покойнаго профессора Московскаго Университета Буле: «Versuch einer kritischen Literatur der Russischen Geschichte», Moskwa, 1810; но и эти немногія слова лишены всякой точности. Извѣстно, что въ прежнее время на заглавіяхъ диссертацій, которыя были защищаемы въ германскихъ университетахъ и потомъ печатались, почти всегда находятся совокупно имена двухъ лицъ: профессора, предсѣдательствовавшаго при диспутѣ *президента*, или *пропонента*, и то-

го соискателя ученой степени, который велъ диспутъ, или защищалъ тезы *респондента*, и что большею-частью очень-трудно опредѣлить, кто изъ нихъ двухъ былъ настоящимъ авторомъ напечатанной диссертаціи. Буле, приводя такую диссертацію страсбургскаго профессора Дангауера: «De religione Moscovitarum», изданную впервые въ 1660 году (а не въ 1662, какъ сказано у Буле), по которой *респондентомъ* былъ Михаилъ Оппенбушъ, прибавляетъ: «Der Respondent heisst auch zuweilen (?) *Wahrmund*, und unter diesem Namen wird ihm öfter die Schrift selbst beygelegt. Eine deutsche Uebersetzung davon ist: J. G. Pritii Moscovitischer Kirchenstaat», Leipzig, 1698 и пр. (стр. 268). Все это не имѣетъ, однакожь, никакого основанія и доказываетъ только, что Буле не видалъ самъ сказанныхъ книгъ. Вопервыхъ респондентъ въ диссертаціи Дангауера всегда и вездѣ называется Оппенбушемъ и никогда и нигдѣ не именованъ Вармундомъ, какъ это видно изъ имѣющихся въ Библіотекѣ четырехъ ея изданій, и вовторыхъ, переводъ, который Буле приписываетъ Прицію, совсѣмъ не переводъ: это просто новое, подъ другимъ заглавіемъ изданіе книги Вармунда, которая и первоначально явилась не на латинскомъ, а на нѣмецкомъ языкѣ, и Прицій не былъ ни переводчикомъ ея, ни издателемъ, а только, какъ изъяснено будетъ ниже, написалъ къ ней предисловіе.

Мы, съ своей стороны, имѣя передъ собою самыя книги, по соображеніи всѣхъ обстоятельствъ, смѣло утверждаемъ, что «Universa Religio Moscovitica», подъ псевдонимомъ Ѳеофила Вармунда — опять произведеніе Георга Адама Шлейссинга.

Въ заключеніе послѣдняго изданія своей «Sieweria», 1694 года, этотъ неутомимый промышленникъ писалъ: «Werde aber künfftig geliebtes Gott, weilln ich anietzo mit einigen guten Freunden in Mosco gar genaue Correspondentz getroffen, ein mehrers darthun.» И вотъ, *въ томъ же самомъ 1694 году* появляется новая книга, если не о тѣхъ же именно предметахъ, которые такъ ужь были избиты Шлейссингомъ, то по-крайней-мѣрѣ также о Россіи, съ подобнымъ же заманчивымъ заглавіемъ, сплетеннымъ изъ латинскихъ и нѣмецкихъ словъ, книга со всѣми его любимыми оборотами фразъ, съ тѣми же анекдотами, или, правильнѣе, сказками, съ тою же постройкою посвященій, вообще въ томъ же тонѣ и на томъ же дурномъ нѣмецкомъ языкѣ, наконецъ съ тѣмъ же неизбѣжнымъ упоминовеніемъ, что авторъ «самъ былъ въ Россіи и находился на службѣ царской». Первый его запасъ — путешествіе въ Россію и въ Сибирь и исторія тройственнаго въ ней соцарствія — былъ истощенъ и притомъ собственное его имя слишкомъ ославилось какъ перепечатчика все одного и того же подъ разными

заглавіями: тогда онъ выступилъ съ новымъ издѣліемъ, подъ вымышленнымъ для себя новымъ именемъ; а тронувъ однажды это новое поле, принялся воздѣлывать и его по своему обычаю, то-есть перепечатывать свою книжку съ приставкою къ ней другихъ заглавій. Въ этомъ особенно благопріятствовалъ ему общій интересъ, возбужденный на Западѣ первымъ путешествіемъ Петра Великаго, тотчасъ повлекшимъ за собою, какъ мы уже сказали, второе изданіе «Московской религіи», которому, чрезъ умолчаніе о первомъ, давался видъ какъ-бы чего-нибудь опять совершенно-новаго.

Скажемъ сперва нѣсколько словъ о каждомъ изъ этихъ двухъ изданій и потомъ обратимся къ перепечаткамъ и переводамъ.

Первое изданіе, 1694 года, имѣетъ, сверхъ печатнаго заглавнаго листа, еще другой, гравированный, съ двумя изображеніями: по лѣвую сторону заглавія Св. Елены (то-есть Св. Ольги), съ подписью: «S. Helena, prima fundatrix Christianae Religionis in Moscovia», а по правую Св. Владиміра, съ подписью: «Wolodimirus (sic), Magnus Dux Russiae, propagator Religionis Christianae in Moscovia».

Во *второмъ* изданіи, 1698 года, такіе же два заглавные листа и вообще по тексту оно совершенно-сходно съ первымъ, кромѣ посвященія, которое замѣнено въ немъ предисловіемъ, и прибавки къ послѣднимъ, заключительнымъ словамъ, которыя мы выписали выше, еще слѣдующихъ: «teils auch von andern Autoribus affgeschrieben». Но по шрифту и бумагѣ второе изданіе несравненно-лучше и, сверхъ-того, оно украшено картинками, которыхъ нѣтъ при первомъ. Онѣ изображаютъ: древнихъ идоловъ москвитянъ (Stribi, Mocossi, Chorsi и Pioruni), благословеніе народа патріархомъ, водоосвященіе, обрядъ Св. Крещенія и обрядъ погребенія.

3) «Anhang von der Reussischen oder Moscowitischen Religion, in was vor Zustande selbige in vorigen und diesen jetzigen zu Ende lauffenden Seculo gewesen, und noch sey, vorjetzo zusammen getragen und herausgegeben von dem Liebhaber der vorhergehenden Historie». Leipzig, 1698. Въ 8-ю д. л., 155 стр. и 13 ненумерованныхъ съ оглавленіемъ.

Издатель, или редакторъ, подписавшійся подъ предисловіемъ C. K. Dipoldisiw. Misn., прибѣгнулъ къ подлогу только на заглавномъ листѣ своей книги, гдѣ скрыто ея происхожденіе; но въ предисловіи онъ откровенно сознается, что это лишь *третье изданіе* вармундовой «Universa Religio Moscovitica», исправленное и дополненное по нѣкоторымъ новѣйшимъ авторамъ. Между послѣдними приводится и Шлейссингъ — новое въ нашихъ глазахъ доказательство, что ему же принадлежитъ и эта книга, въ которой онъ старался привлечь вниманіе публики на

прежнія, забытыя свои произведенія. Что касается до «дополненій», то онѣ, сколько мы могли замѣтить, состоятъ только въ оглавленіи и въ новомъ измѣненіи заключительной фразы, гдѣ не говорится уже болѣе отъ лица автора о пребываніи и службѣ его въ Россіи, а приводится просто авторитетъ *двухъ* (непоименованныхъ) писателей, бывшихъ очевидцами всего, что̀ здѣсь описывается, въ настоящемъ (XVII–мъ) и прошедшемъ столѣтіяхъ.

Это изданіе не имѣетъ ни фронтисписа двухъ первыхъ, ни картинокъ.

Сочиненіе, на которое указывается въ словѣ заглавія: «Anhang» — извѣстная біографія царя Іоанна Васильевича, составленная Одерборномъ и вышедшая въ нѣмецкомъ переводѣ Христіана Кюне (послѣ нѣсколькихъ другихъ, гораздо–старѣйшихъ переводовъ Генриха Ретеля (Rätel), въ томъ же 1698–мъ году, въ Эрфуртѣ. Но настоящій «Anhang», имѣя свой особый заглавный листъ и свою нумерацію страницъ, составляетъ отдѣльное цѣлое ([8]).

4) «Moscowitischer oder Reussischer Kirchen-Staat. Zum ersten mahl in Deutschland mit einer Vorrede heraus gegeben von M. Jo. Georgio Pritio, Sonnabends-Prediger bey der Kirchen zu St. Nicolai in Leipzig». Leipzig, 1698. Въ 12-ю д. л., 144 стр. и, сверхъ–того, четыре ненумерованныхъ посвященія (товарищу Приція, пастору при той же церкви, Іоганну Гюнтеру) и 16-ть предисловія.

Вотъ та книга, которой будто–бы нѣмецкій *переводъ* Буле приписываетъ Прицію, тогда–какъ въ каталогахъ и даже въ ученыхъ сочиненіяхъ онъ называется иногда прямо *ея авторомъ* ([9]). То и другое

([8]) Буле и здѣсь опять впадаетъ въ странную ошибку, которую также можно объяснить только тѣмъ, что онъ не видѣлъ самыхъ книгъ. Продолжая оставаться въ увѣренности, что Вармундъ и Оппенбушъ были одно и то же лицо и что диссертація о религіи москвитянъ написана первоначально на латинскомъ языкѣ, Буле говоритъ что *другой ея нѣмецкій переводъ* (сверхъ мнимаго Прицiева) сдѣланъ былъ Христіаномъ Кюне и приложенъ къ его переводу одерборновой жизни царя Іоанна Васильевича; но, повторяемъ, вармундово сочиненіе *никогда* не являлось на латинскомъ языкѣ и, слѣдственно Кюне, который перевелъ одного Одерборна, не могъ *переводить* на нѣмецкій такой книги, которая и *вышла* только на этомъ языкѣ.

([9]) Напр. въ программѣ Ритмейера: De hodierno Christianorum Graecorum statu, Helmstadii, 1710, in 4⁰, на послѣдней страницѣ. Трудолюбивый и вообще весьма основательный Цедлеръ (Zedler), собиратель или главный редакторъ бывшаго, въ свое время, однимъ изъ первѣйшихъ авторитетовъ для ученаго міра и теперь еще часто необходимаго для справокъ «Universal-Lexicon aller Wissenschaften und Künste» (Leipzig und Halle, 1747, въ–листъ), приводитъ подъ именемъ Ѳеофила Вармунда

равно ошибочноПрицій, написавшій и подписавшій только *предисловіе*, самъ говоритъ въ немъ: «Wer davon (то-есть этого сочиненія) der Urheber sey, solches können wir nicht gewiss sagen; es ist aber ein Mann, welcher zu dem Wercke selbst geschickt genug gewesen; denn er hat nicht allein das Land in Person gesehen, und sich lange in Moscau auffgehalten: sondern er hat auch alles mit sonderbahrem Fleisse untersuchet und sich der Unterrichtung glaubwürdiger Leute gebrauchet etc.». Между-тѣмъ это просто опять буквальная перепечатка книжки нашего пріятеля Вармунда-Шлейссинга, въ которой новаго только заглавіе, довольно-незначущее предисловіе пастора Прица и нѣсколько переиначенныя изображенія съ нѣмецкими, вмѣсто латинскихъ, подписями Св. Елены и Св. Владиміра (10). Какъ нигдѣ тутъ не упомянуто о *прежнихъ* изданіяхъ, то запутанная фраза заглавія: «Zum ersten mahl in Deutschland mit einer Vorrede heraus gegeben von M. J. G. Pritio» справедливая въ-разсужденіи предисловія, но отнюдь не касательно самой книги, легко могла ввести въ заблужденіе покупщиковъ, на что̀, вѣроятно, и разсчитывалъ ея издатель. И дѣйствительно, ему это удалось, даже не только въ-отношеніи къ массѣ публики, но и въ-отношеніи къ ученымъ. Такъ, сверхъ Буле, Ритмейера и многихъ другихъ, эта книга приписывается Прицію и въ приведенномъ выше *современномъ* журналѣ: «Monatliche Unterhaltungen» (11).

По случаю этого собственно изданія, не знавъ, вѣроятно, предшествовавшихъ ему, ученый сочинитель ***Изображенія Древней и Новой Греческой Церкви*** Гейнекцій въ справедливомъ негодованіи восклицалъ (12): «Die neueren Schriften, als der ***Moscowitische Kirchenstaat*** und andere dergleichen Tractätgen, welche theils wider, theils vor diese Nation herauskommen, sind bey Jederman in frischem Anden-

(т. 52) одно только фрейштадтское изданіе (№ 2), но сливаетъ его заглавіе ошибочно съ настоящимъ, лейпцигскимъ, такимъ-образомъ: «Universa Religio Ruthenica et Moscovitica, vom Moscovitischen Kirchenstaat.»

(10) Другихъ картинокъ въ этомъ изданіи нѣтъ.

(11) Въ этомъ журналѣ, который совсѣмъ не слыхалъ или забылъ о Вармундѣ и прежнихъ его изданіяхъ, говорится, что большая часть книги Прицiя заимствована изъ сочиненій, половины XVII столѣтія, Оппенбуша и Швабе. По сличеніи ихъ нынѣ оказалось, что это замѣчаніе несправедливо, но при всемъ томъ «Moscowitischer Kirchen-Staat» или, лучше сказать, оригиналъ его: «Universa Religio Moscovitica», не можетъ быть названа формальнымъ плагіатомъ, такъ-какъ, въ книгѣ Вармунда, кромѣ другой редакціи, есть много разныхъ дополненій и прибавлены также замѣтки о исторіи русской церкви послѣдующаго времени.

(12) Abbildung der alten und neuen Griechischen Kirche. Leipzig, 1711, стр. 63.

cken und meistentheils in denen *Actis Eruditorum* ([13]) recensiret. Es hat dieses Volk von so vielen Saeculis her das Unglück gehabt, dass jederman von demselben die grössten Absurditäten ganz frey in die Welt hineingeschrieben, weil sich von denselben niemand einiger Antwort befürchten kunte».

Несмотря, однако, на такія замѣчанія умныхъ и ученыхъ критиковъ, этотъ «Tractätgen» такъ пришелся по вкусу читавшей публикѣ того времени, что его стали даже переводить на иностранные языки, чего не удостоивались прежнія сочиненія Шлейссинга.

5) «La religion ancienne et moderne des Moscovites». Cologne, 1698, въ 8-ю д. л., 154 стр. и двѣ ненумерованныя съ оглавленіемъ.

6) То же самое сочиненіе и подъ тѣмъ же заглавіемъ, Amsterdam, 1698. Одинаковые съ первымъ форматъ и нумерація страницъ.

Еслибъ мы знали нѣмецкое сочиненіе псевдонима Вармунда только въ одновременномъ съ этими французскими изданіями его 1698 года, при которомъ нигдѣ не означено, что оно *второе*, то очень-трудно было бы рѣшить: французскій или нѣмецкій текстъ считать подлинникомъ; но какъ послѣдній былъ ужь напечатанъ четыре года передъ тѣмъ, и именно въ 1694-мъ году, то ясно, что упомянутый вопросъ рѣшается въ его пользу. Между-тѣмъ французскій издатель — хотя нѣмецкій оригиналъ переданъ имъ во всей точности, съ соблюденіемъ всѣхъ его подраздѣленій, названія главъ и проч. — тщательно оберегся сказать гдѣ-нибудь, что его книга *переводъ*; напротивъ, начиная ее безъ всякаго предисловія, или предувѣдомленія, онъ кончаетъ, точь-въ-точь какъ нѣмецкій авторъ, слѣдующими словами, которыя читатель, незнавшій о подлинникѣ, могъ отнести собственно къ лицу того, кто былъ только переводчикомъ: «Voilà le Recueil de la Religion des Moscovites que j'ai cru devoir donner au Public, et que *j'ai composé en partie moi-même pendant le sejour que j'ai fait dans les Etats du Czar etc.*». Разность есть только въ картинкахъ. Предметы ихъ, кромѣ второй, одни съ нѣмецкимъ подлинникомъ, но композиція и рисунокъ совсѣмъ другіе и, сверхъ-того, четыре идола, которые въ Вармундѣ 1698-го года изображены на четырехъ отдѣльныхъ листахъ, здѣсь представлены на одномъ.

Изданія кёльнское и амстердамское составляютъ, въ существѣ, одинъ и тотъ же оттискъ, разнящійся только заглавнымъ листомъ. Послѣднихъ сдѣлано было два, съ означеніемъ разныхъ мѣстностей, вѣроятно, для скорѣйшаго сбыта книги.

([13]) Критическое обозрѣніе, издававшееся въ Лейпцигѣ.

7) «Religie der Muscoviters, Oud-tijds en Hedensdaeghs met der selver wonderlijcke Ceremonien, Gewoonten, Lewens-wijs» etc. Nauwkeurig ondersogt van een geleerd Hoogduytsch Heer, en van hem uytgegeven. Nu vertaeld, en vermeerderd met veelerley seldsaeme Sonderlingheden van Muscovien en de Muscoviters». Thiel, 1698. Въ 8-ю д. л., 230 стр. и 12 ненумерованныхъ съ предувѣдомленіемъ и оглавленіемъ

8) То же самое, съ тѣмъ же заглавіемъ, но съ прибавкою въ концѣ его: «Tweeden Druck. Met byvoegingh van een seer Aenmercklijcke Land en Water-Reys, onlanghs gedaen door een Afgesondene Gesantschap der tegenwoordige Czaarsche Majesteyt uyt Muscovien en China». Tyel, 1699. Въ 8-ю д. л., 2 части въ одномъ томѣ. Въ первой части, сверхъ 12-ти ненумерованныхъ страницъ съ предувѣдомленіемъ и оглавленіемъ, 230 стр. Во второй, сверхъ 18-ти также ненумерованныхъ съ предисловіями переводчика и автора и двумя оглавленіями, 201 стр.

Изданіе 1698 года дѣлится на двѣ книги. Въ *первой* книгѣ 16 главъ, изъ которыхъ 15 содержатъ въ себѣ переводъ вармундова сочиненія; но голландскій издатель былъ добросовѣстнѣе французскаго, означивъ въ самомъ заглавіи, что это переводъ съ нѣмецкаго ([14]). Послѣдняя, то-есть 16-я глава, представляетъ описаніе кіевскихъ пещеръ, извлеченное большею-частью изъ гербиніевыхъ «Religiosae Kijovienses cryptae» (Jenae, 1675). *Вторая* книга, начинающая со стр. 135 — компиляція, безъ большой системы, изъ множества авторовъ о замѣчательностяхъ «Московіи». Тутъ есть всего понемножку: географіи, статистики, исторіи, администраціи, климатологіи, торговли, описанія разныхъ мѣстностей, нравовъ, обычаевъ и пр.; но все это заимствовано изъ сочиненій, явившихся въ половинѣ XVII столѣтія, хотя во время изданія настоящей книги давно уже царствовалъ Петръ Великій и начались его преобразованія.

Изданіе 1699 года, въ *первой* его части (стр. 1 — 230) — простая перепечатка, буква въ букву, изданія 1688 года, въ полномъ его составѣ. *Вторая* часть, совершенно-независимая отъ первой, и по

([14]) Въ предувѣдомленіи сказано, что нѣмецкій подлинникъ былъ изданъ *безъ имени автора*, который «не хотѣлъ назваться передъ публикою при такомъ маленькомъ сочиненіи.» Это доказываетъ, что голландскій переводъ былъ сдѣланъ или съ «Anhang» (№ 3), или съ «Kirchenstaat» (№ 4), и что переводчикъ не зналъ двухъ первыхъ изданій, появившихся съ именемъ Вармунда, если, впрочемъ, онъ не считалъ явнаго псевдонима наравнѣ съ анонимомъ.

ея содержанію и по нумераціи страницъ, но соединенная съ нею общимъ заглавіемъ и переносными слогами *(кустодаціи)*, содержитъ въ себѣ извѣстное китайское посольство Избранда Идеса и записки Лудольфа о естественной исторіи Россіи, что не входитъ въ предметъ теперешней нашей статьи.

Замѣтимъ еще, какъ довольно-любопытную подробность, что въ обоихъ голландскихъ изданіяхъ, хотя они названы переводами съ нѣмецкаго, картинки не нѣмецкаго подлинника, а французскихъ, выше сего приведенныхъ изданій ([15]). Это обстоятельство заставляетъ думать, что оба французскія изданія и первое голландское (второе было однимъ простымъ сколкомъ съ перваго), вышедшія всѣ въ одномъ и томъ же 1698 году, были изготовлены вмѣстѣ и однимъ и тѣмъ же хозяиномъ, или распорядителемъ.

Бѣдный Вармундъ-Шлейссингъ, вѣроятно, уже умеръ, или по-крайней-мѣрѣ отказался отъ литературно-промышленныхъ своихъ предпріятій, какъ вдругъ кто-то вздумалъ опять освѣжить его книгу передъ нѣмецкою публикою, совсѣмъ, впрочемъ, не подозрѣвая первоначальнаго ея происхожденія.

Мы показали, что сочиненіе Вармунда имѣло въ XVII столѣтіи четыре изданія, изъ которыхъ два (№№ 1 и 2) съ его именемъ и два (№№ 3 и 4) безъименныя. Но видно, ни одно изъ нихъ не дошло до свѣдѣнія позднѣйшаго нѣмецкаго издателя, и это незнаніе дало поводъ къ забавной мистификаціи. Имѣвъ передъ собою только французскій переводъ (№ 5), въ которомъ, какъ уже упомянуто, не значилось никакого указанія, что это *переводъ*, какой-то ученый, неназвавшійся по имени, счелъ его за оригинальное французское сочиненіе, неизвѣстное его соотчичамъ, и принялся этотъ французскій переводъ съ нѣмецкаго перелагать опять съ французскаго на нѣмецкій. Такому недоразумѣнію мы обязаны появленію сочиненія Вармунда опять и въ XVIII столѣтіи, какъ *новости въ нѣмецкой литературѣ*, подъ слѣдующимъ заглавіемъ:

9) «Religion der Moscowiter, oder ausführliche Beschreibung derer

([15]) Картинки нѣмецкихъ изданій находятся еще при англійскомъ сочиненіи: «The Russian Catechism... to which is annex'd a short account of the Church-Government and ceremonies of the Moscovites», вышедшемъ въ Лондонѣ въ 1723 и потомъ вторично въ 1725 году; но сама эта книга не можетъ быть названа переводомъ вармундовой; въ ней собраны матеріалы и изъ многихъ другихъ еще источниковъ, въ числѣ которыхъ «Universa Religio Moscovitica» занимала только вспомогательное мѣсто. То, что и заимствовано изъ нея, представлено только въ извлеченіяхъ.

Religion Anfang, Fortgang und jetzigen Wachssthum, wie auch ihrer Sitten, Gebräuche und Ceremonien, erstlich in Frantzösischer Sprache verfasset, nunmehro Teutsch übersetzt. Franckfurt am Mayn und Leipzig, 1712. Въ 8-ю д. л., 10 ненумерованныхъ страницъ предисловія и оглавленія и 144 стр.

10) То же самое и тамъ же, 1714.

11) То же самое и тамъ же, 1717.

Новаго въ этихъ трехъ изданіяхъ, совершенно, впрочемъ, передающихъ содержаніе книги Вармунда, есть: вопервыхъ, редакція, которая несравненно-лучше нѣмецкаго подлинника, ибо Шлейссингъ, какъ выше замѣчено, писалъ очень-дурно, и притомъ съ его эпохи самый языкъ усовершенствовался, и вовторыхъ, предисловіе. Вѣкъ шелъ впередъ и Россія въ-особенности двинулась исполинскими шагами. Геній Петра наложилъ на нее печать неожиданнаго величія, и завѣса, герметически закрывавшая старинную «Московію» отъ остальной Европы, все болѣе-и-болѣе приподнималась. Уже нѣсколько добросовѣстныхъ ученыхъ, каковы были Коль, Бергъ, Гейнекцій, изучивъ религіозныя вѣрованія Россіи по самымъ источникамъ, пролили на этотъ предметъ новый свѣтъ и послѣ ихъ работъ становилось все труднѣе пускать въ печать нелѣпости, подобныя издѣліямъ Вармунда «съ товарищи». Нашъ «переводчикъ» (der «Ubersetzer», какъ онъ себя называетъ) чувствовалъ это и умылъ себѣ руки въ предисловіи. Предваривъ читателя, что передаетъ ему настоящую книгу лишь *на слово французскаго автора*, нисколько не принимая на себя отвѣтственности за истину его повѣствованія, онъ прибавляетъ: «Съ одной стороны, намъ недовольны еще знакомы многіе предметы московской религіи и символическій смыслъ ея обрядовъ, а съ другой, мудрыя и полезныя преобразованія нынѣ державствующаго царя произвели вообще столько перемѣнъ въ его государствѣ, что прежніе о немъ разсказы вскорѣ уже, можетъ-быть, останутся только свидѣтельствомъ того, что̀ можетъ твердая и благотворная воля великаго монарха».

Что касается до приведенныхъ *трехъ* изданій этой книги, то они составляютъ въ-сущности лишь одно, на которомъ постепенно былъ перемѣняемъ только заглавный листъ, съ означеніемъ позднѣйшаго года. Сверхъ-того, въ третьемъ, 1717 года, есть въ оглавленіи и въ двухъ первыхъ листахъ текста нѣкоторая разность въ приводкѣ длины строкъ (justification).

Фронтисписъ и картинки тѣ же, что̀ во французскихъ изданіяхъ, но оттиски ихъ хуже.

ЗАПИСКИ ВОЕННО-ТОПОГРАФИЧЕСКАГО ДЕПО,

по Высочайшему Его Императорскаго Величества повелѣнію издаваемыя. Пятнадцать томовъ. Санктпетербургъ. 1837—1853.

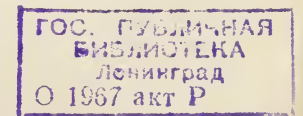
Это изданіе началось въ 1837 году, и до-сихъ-поръ вышло его XV томовъ въ 4-ую долю листа большаго формата, со многими планами и геодезическими чертежами.

Кто пожелаетъ изучить высшую геодезію, тотъ долженъ внимательно читать «Записки». Онъ найдетъ въ нихъ и правила этой науки и превосходные примѣры ихъ употребленія въ практикѣ. Для занимающихся русскою географіею «Записки» содержатъ въ себѣ драгоцѣнные матеріалы, посредствомъ которыхъ во всей подробности можно опредѣлить пространство и относительное положеніе различныхъ странъ обширнѣйшаго въ свѣтѣ государства, ихъ очертанія и ихъ возвышенія надъ океаномъ, что̀ необходимо для метеорологіи. Наконецъ «Записки» могутъ свидѣтельствовать о быстрыхъ успѣхахъ точныхъ наукъ въ Россіи, о щедрыхъ пособіяхъ правительства, и о трудахъ достойныхъ исполнителей его благородныхъ намѣреній.

Къ-сожалѣнію, «Записки» извѣстны только немногимъ спеціалистамъ, тогда-какъ онѣ должны быть справочною книгою всего образованнаго общества, всѣхъ любителей чтенія наставительнаго, а не чтенія для избѣжанія скуки отъ совершенной праздности.

Принявъ намѣреніе составить обозрѣніе дѣйствій Военно-топографическаго Депо и сдѣлать ихъ общеизвѣстными, признаемся, насъ устрашаетъ обширность труда, по причинѣ разнообразія предметовъ, и потому предупреждаемъ читателей, что мы сами не считаемъ своего опыта совершенно-удовлетворительнымъ.

Цѣль, обширность и высокое ученое достоинство «Записокъ Военно-топографическаго Депо» со всею точностью объяснены въ «Предисловіи» ихъ перваго издателя, генерала Шуберта. Съ 1818 года

геодезическія работы, производимыя въ Россіи по распоряженію Генеральнаго Штаба, приняли систематическій ходъ на прочныхъ основаніяхъ, сообразныхъ съ новѣйшими улучшенными методами, потому-что исполненіе ихъ начали поручать офицерамъ, свѣдущимъ въ астрономіи и высшей геодезіи; но подробности и результаты этихъ работъ, даже самое ихъ существованіе оставались неизвѣстными: журналы наблюденій и вычисленія хранились рукописными въ архивѣ Депо и были недоступны даже для астрономовъ, желавшихъ пользоваться ими для сравненія съ собственными своими подобными наблюденіями и вычисленіями. Военный министръ, графъ (нынѣ свѣтлѣйшій князь) Чернышевъ обратилъ на это свое вниманіе и, по его представленію, 19 февраля 1835 года, послѣдовало Высочайшее повелѣніе издавать «Записки Военно-топографическаго Депо» и на издержки назначено 5000 руб. ассигнаціями ежегодно. Генералъ Шубертъ приступилъ къ изданію «Записокъ» на слѣдующихъ до-сихъ-поръ неизмѣнившихся правилахъ:

1) Каждое измѣреніе помѣщать вполнѣ, чтобъ читатели могли сличать результаты и вновь вычислять ихъ по другимъ методамъ; 2) всѣ наблюденія оставлять въ первоначальномъ ихъ видѣ; 3) означать методы ихъ вычисленія; 4) цѣль изданія состоитъ не только въ приведеніи въ извѣстность работъ ужь оконченныхъ, но и въ усовершенствованіи познаній офицеровъ, употребляемыхъ для геодезическихъ измѣреній; поэтому въ «Запискахъ» будутъ помѣщаться описанія новыхъ методъ, новыхъ инструментовъ и другихъ предметовъ, относящихся къ низшей и высшей геодезіи; 5) первую часть «Записокъ» начать исторіею Военно-топографическаго Депо и геодезическихъ измѣреній въ Россіи.

Это общее изложеніе содержанія «Записокъ» показываетъ, что и наша статья должна быть раздѣлена на двѣ части: въ первой будетъ заключаться исторія Депо, во второй — геодезическія работы и множество географическихъ и топографическихъ свѣдѣній о разныхъ частяхъ Россіи.

I. Исторія Военно-топографическаго Депо.

Въ Россіи все растетъ и созрѣваетъ не по днямъ, а по часамъ: начало Военно-топографическаго Депо, достигшаго въ нѣсколько десятковъ лѣтъ настоящаго блистательнаго состоянія, должно отнести къ 1796 году. Тогда императоръ Павелъ Петровичъ, усмотрѣвъ недостатокъ въ хорошихъ картахъ, учредилъ чертежную собственно для себя, и въ августѣ 1797 года преобразовалъ ее въ Депо Картъ съ тѣмъ, чтобъ оно было не только военнымъ, но полнымъ государственнымъ архивомъ картъ и плановъ, и чтобъ чиновники его приводили чертежи въ надлежащую между ними связь и порядокъ, сочиняли и издавали подробные планы и карты для общественнаго употребленія съ присоединеніемъ къ нимъ необходимыхъ описаній. Первымъ начальникомъ этого общегеографическаго заведенія былъ генералъ Опперманъ,

который имѣлъ право отвсюду требовать нужныя для него свѣдѣнія, и всѣ военные чины были обязаны представлять въ Депо Картъ оригиналы чертежей и ихъ описаній, составляемыхъ ими по препорученіямъ своихъ начальствъ. Потомъ, 15 декабря 1798 года, Правительствующій Сенатъ объявилъ указомъ: «Въ пресѣченіе злоупотребленій, могущихъ про-«изойдти отъ напечатанія и изданія общихъ и частныхъ плановъ земель «Россійской Имперіи, топографическія, крѣпостныя и всякаго рода «карты, въ военномъ отношеніи, представлять на предварительное раз-«смотрѣніе Собственно Его Величества Депо Картъ». Этимъ указомъ руководствуются и нынѣ: цензурные комитеты не имѣютъ права давать дозволенія на изданіе картъ и плановъ безъ одобренія Военно-топографическаго Депо.

Генералъ Опперманъ недолго управлялъ Депо Картъ, потому-что ужь въ октябрѣ 1797 года мѣсто его занялъ генералъ Толстой и былъ въ этой должности до 1-го мая 1801 года. Въ-теченіе четырехъ съ половиною лѣтъ, несмотря на бѣдность средствъ, Депо Картъ получило нѣкоторый порядокъ въ управленіи, собрало и привело въ извѣстность много важныхъ чертежей, картъ и плановъ, и въ 1799 году издало «генеральную карту части Россіи», раздѣленную на губерніи и уѣзды съ почтовыми и другими дорогами. Въ то же время была начата и подробная карта всей Россіи. Нельзя также не упомянуть, что полковники Бернонвиль и Штейнгель въ 1797 и 1798 годахъ, занимались съёмкой Литовской Губерніи и Русской Финляндіи, или нынѣшней Выборгской Губерніи: эти съёмки, хотя и несовершенны, должно считать началомъ систематическихъ геодезическихъ работъ въ Россіи. Для спеціалистовъ надобно замѣтить, что въ то время по Высочайшему повелѣнію на топографическихъ картахъ горы отдѣлывались кистью, крутизны — темною тушью, отлогости же — блѣдною; но баронъ Штейнгель, капитанъ и преподаватель въ Первомъ Кадетскомъ Корпусѣ, училъ ужь рисовать горы перомъ, какъ это нынѣ дѣлается.

Депо Картъ помѣщалось въ Зимнемъ Дворцѣ и не имѣло особеннаго штата; для работъ прикомандировывались штабофицеры и оберофицеры изъ Инженернаго Корпуса и изъ другихъ командъ; на чертежные и письменные расходы дано было единовременно 665 руб. и ежегодно отпускалось изъ Кабинета 1060 руб. ассигнаціями. Къ этимъ суммамъ государь императоръ прибавилъ, также изъ Кабинета, 370 руб. на ежемѣсячные порціоны всѣмъ трудившимся офицерамъ въ Депо Картъ. Въ 1798 году были назначены въ него восемь художниковъ, съ жалованьемъ на всѣхъ 2,200 руб. въ годъ; на инструменты, мѣдныя доски, и проч. отпускалось ежегодно 800 руб., и первоначальное обзаведеніе инструментовъ стоило 1,036 руб.

31 іюля 1805 г. Депо Картъ поступило въ вѣдѣніе инженер-генерала графа Сухтелена, который немедленно исходатайствовалъ Высочайшее повелѣніе о съёмкѣ пространства, заключающагося между Не-

вою, Финскимъ Заливомъ и Ладожскимъ Озеромъ до границъ Выборгской Губерніи, также прибрежной части Эстляндіи отъ устья Наровы до границы Лифляндіи и части Волынской Губерніи, смежной съ Австріею. Составленіе упомянутой общей карты Россіи, извѣстной подъ именемъ *столистовой*, продолжалось дѣятельно; но графъ Сухтеленъ первый замѣтилъ существенный и капитальный ея недостатокъ: въ ней не было вѣрныхъ пунктовъ, опредѣленныхъ астрономически и необходимыхъ для основной сѣти, составляемой изъ частныхъ съёмокъ. Чтобъ пособить этому важному недостатку, графъ Сухтеленъ въ 1802 году назначилъ нѣкоторыхъ офицеровъ квартирмейстерской части учиться астрономіи у академика Шуберта, который для ихъ употребленія издалъ хорошее «Руководство къ опредѣленію географическихъ широтъ и долготъ» на нѣмецкомъ языкѣ. Оно переведено и на русскій языкъ и имѣло нѣсколько изданій. Первыми учениками Шуберта были полковникъ Довре, майоръ Фридерицій, капитаны Нейдгарды 1-ый и 2-ой, поручики Теслевы 1-ый и 2-ой, Гартингъ, Теннеръ и Ивановъ. Изъ нихъ, въ 1804 г., Теслевъ 2-ой и колоновожатый Шубертъ, вмѣстѣ съ академикомъ Шубертомъ, ѣздили въ Полоцкъ для наблюденія солнечнаго затмѣнія, причемъ опредѣлили и широту этого города. Потомъ ихъ отправили для опредѣленія широтъ Сердоболя, Повѣнца, Онѣги, Архангельска, Вытегры, Кеми и монастырей Соловецкаго и Никольскаго. Въ слѣдующихъ 1805, 1806 и 1807 годахъ были опредѣлены широты и долготы Новгорода, Новой Ладоги, Нейшлота и кирки Мендугаріи Теслевыми 2-мъ и 3-мъ; Нарвы и Ревеля—Теслевымъ 1-мъ и поручикомъ Шубертомъ; Выборга, Гапсаля и Пернова—Теслевыми 2-мъ и 3-мъ и колонновожатымъ Вейраухомъ. Эти немногіе пункты почли достаточными для столистовой карты, и послѣ того Депо Картъ долго не думало объ астрономическихъ наблюденіяхъ. Въ 1804 году Депо перешло въ выстроенный для него домъ, въ которомъ нынѣ помѣщается Гвардейскій Штабъ.

Итакъ, первый шагъ къ усовершенствованію геодезическихъ работъ, то-есть къ основанію ихъ на астрономическихъ наблюденіяхъ, былъ сдѣланъ гр. Сухтеленомъ. Послѣ того, въ 1810 г., Депо Картъ поступило въ вѣдѣніе Военнаго Министерства, и, по проекту князя Волконскаго, управлявшаго въ 1811 г. квартирмейстерской частью, учреждена была при немъ механическая мастерская, подъ управленіемъ доктора астрономіи и физики Рейссига. Къ 1812 г. оно получило новый штатъ съ яснымъ опредѣленіемъ предметовъ его занятій и съ переименованіемъ въ *Военно-топографическое Депо*, которому было поставлено въ обязанность: «собираніе, составленіе и храненіе картъ, плановъ, «чертежей топографическихъ и статистическихъ описаній, журналовъ и «донесеній о военныхъ дѣйствіяхъ, проектовъ и диспозицій наступатель-«ной войны, и въ-особенности сочиненіе основательныхъ записокъ и «таблицъ изъ историческихъ военныхъ свѣдѣній». Занятія Депо рас-

предѣлены были по шести отдѣленіямъ: 1) особыхъ порученій, 2) астрономическихъ и тригонометрическихъ съёмокъ, 3) составленія и черченія картъ, 4) надзора за архивомъ и библіотекой, и выписокъ для составленія военной исторіи, географіи и топографіи Россіи, 5) гравированія и печатанія картъ и плановъ и 6) письмоводства и счетной части. Выписка книгъ и картъ изъ-за границы и покупка ихъ въ Россіи зависѣли отъ воли военнаго министра. Для полнаго содержанія Депо назначено 44 т. руб., изъ которыхъ 35,400 р. на жалованье служащимъ, и 8,600 р. на ремонтъ инструментовъ и другіе расходы; сверхъ-того, разрѣшено было продолжать продажу картъ и получаемыя за нихъ деньги употреблять на хозяйственные расходы. Изъ остаточныхъ суммъ директоръ Депо имѣлъ право выдавать, съ утвержденія министра, 5 т. руб. отличнымъ чиновникамъ въ добавокъ къ ихъ жалованью. Въ то же время и механической мастерской данъ новый штатъ, по которому положены 1 профессоръ, 4 вольные подмастерья и 14 казенныхъ мастеровыхъ; на жалованье имъ назначено 7600 руб., а на покупку матеріаловъ 3 т. руб. ассигнаціями.

Таковъ былъ составъ Военно-топографическаго Депо впродолженіе походовъ противъ Наполеона; и эти самые походы много ограничивали его дѣйствія для главной цѣли; однако надворный совѣтникъ Панснеръ, капитанъ Теннеръ и поручикъ Ивановъ занимались въ 1810 и 1811 г. тригонометрическимъ измѣреніемъ около Финскаго Залива, между С. Петербургомъ, Ревелемъ и Дерптомъ; полковникъ Буковскій съ 1811 по 1813 г. сдѣлалъ военно-топографическое и статистическое описаніе Кавказской Губерніи и Линіи съ картой этой страны; въ томъ же 1811 году, по Высочайшему повелѣнію, издано статистическое описаніе Киргизскихъ Степей съ картою и 15 видами, составленное поручикомъ Гевердовскимъ; съ 1812 по 1815 г. полковникъ Хатовъ продолжалъ съёмку Новой Финляндіи и Аланскихъ Острововъ, начатую въ 1809 г., и сдалъ ее полковнику Черкасову; въ 1814 г. кончена столистовая карта Россіи, и въ 1815 г. полковникъ Шубертъ, снялъ часть французскихъ департаментовъ Арденскаго и Марнскаго.

12-го декабря 1815 года учрежденъ Главный Штабъ, въ составъ котораго, въ 1816 г., вошло и Военно-топографическое Депо. Подчинившись такимъ-образомъ вполнѣ управляющему Главнымъ Штабомъ кн. Волконскому, оно было переведено въ домъ этого Штаба, причемъ шестое его отдѣленіе обращено въ рисовальное и присоединена къ нему чертежная квартирмейстерской части. Эта перемѣна потребовала и измѣненія въ штатѣ Депо, по которому назначено:

На жалованье служащимъ..................	24,560	руб.
» ремонтъ матеріаловъ и инструментовъ	3,000	»
» на чертежные припасы................	3,000	»
» канцелярскіе расходы................	1,000	»
	31,560	руб. ассигнаціями.

Покупка картъ и книгъ за границею осталась на прежнемъ основаніи, то-есть выдавалось ежегодно 1,000 червонцевъ. Должность директора Депо принялъ на себя кн. Волконскій; первое, секретное его отдѣленіе не было образовано; второе, астрономическое, препоручено оберберггауптману Вильбрехту; третье, по сочиненію картъ—полковнику Теслеву, четвертое, архивное — полковнику Депріарду; пятое, гравировальное — полковнику Милашевичу; а завѣдываніе хозяйственною частью—генералу Селявину. Библіотека Депо была сдана полковнику Михайловскому-Данилевскому, соединена съ библіотекою квартирмейстерскою и значительно увеличена военными и историческими книгами, купленными, по Высочайшему повелѣнію, въ Парижѣ полковникомъ Хатовымъ и капитаномъ Данилевскимъ. Геодезическіе инструменты всѣ были переданы въ механическую мастерскую.

Въ 1818 г., число гравёровъ и словорѣзовъ увеличено избранными изъ кантонистовъ 25-ю человѣками. Въ 1819 году заведена литографія. Впродолженіе 1819 и 1821 годовъ выстроена на Главномъ Штабѣ астрономическая обсерваторія, на которой въ 1829 г. начались наблюденія постояннымъ наблюдателемъ, и которая была снабжена полуденною трубою Рейхенбаха, универсальнымъ снарядомъ Эртеля, столовыми часами Луи-Берту, зрительными трубами Фраунгофера. Астрономическимъ теодолитомъ Эртеля опредѣлена широта обсерваторіи, полуденною трубою наблюдались лунныя прохожденія чрезъ меридіанъ, а зрительными трубами—закрытія звѣздъ луною, для опредѣленія долготы той же обсерваторіи.

Механическая мастерская въ 1821 г. распространена и названа *Механическимъ Заведеніемъ Главнаго Штаба*, и новымъ штатомъ опредѣлено его назначеніе: 1) изготовлять всѣ математическіе, оптическіе и физическіе инструменты для съёмокъ; 2) снабжать ими инструментальный кабинетъ Главнаго Штаба; 3) дѣлать инструменты для всѣхъ казенныхъ мѣстъ за назначенную цѣну и 4) приготовлять учениковъ для исправленія мелкихъ починокъ на большихъ съёмкахъ. На всѣ издержки назначено 17,300 руб. асс. въ годъ, да на единовременную покупку инструментовъ и матеріаловъ отпущено 12 т. руб.

Такимъ-образомъ попеченіями кн. Волконскаго Военно-топографическое Депо получило полное и прочное устройство. Но способы его дѣйствій вдругъ распространились учрежденіемъ *Корпуса Топографовъ* 28-го января 1822 г. Корпусъ этотъ предназначено составить изъ способнѣйшихъ кантонистовъ Военно-сиротскихъ Отдѣленій, подъ завѣдываніемъ директора, въ должность котораго опредѣленъ генералъ Шубертъ, начальникъ 3-го Отдѣленія Депо. Воспитанники, или нижніе чины Корпуса, названные *топографами*, должны были имѣть хорошія свѣдѣнія въ математикѣ, топографической и тригонометрической съёмкѣ, рисованіи плановъ и черченіи ихъ на камнѣ. По степени познаній, они раздѣлялись на два класса и учились въ новой школѣ, въ кото-

рой преподавателями были офицеры квартирмейстерской части и Корпуса Топографовъ, куда кантонистовъ принимали по строгому экзамену въ ариѳметикѣ, алгебрѣ до уравненій 2-й степени, плоской тригонометріи, чистописаніи и въ рисованіи плановъ. Успѣхи въ самомъ Корпусѣ означались балами, число которыхъ въ обоихъ классахъ полагалось 120. Въ первомъ, или высшемъ классѣ преподаются: алгебра, сферическая тригонометрія, коническія сѣченія, высшая геодезія, математическая географія и географія всеобщая; во второмъ же, или низшемъ: ариѳметика, плоская геометрія, стереометрія, алгебра, плоская тригонометрія, низшая геодезія, русская географія и русская грамматика. Для перехода изъ втораго класса въ первый надобно получить по-крайней-мѣрѣ 75 баловъ, а для производства топографовъ 1-го класса въ офицеры — не менѣе 100 баловъ. Офицеры другихъ родовъ службы могли вступать въ Корпусъ Топографовъ по экзамену въ тѣхъ предметахъ, которые требовались отъ топографовъ, удостоиваемыхъ къ производству въ офицеры.

Корпусъ Топографовъ обѣщалъ и оказалъ важныя пособія въ геодезическихъ работахъ; но 1824-ый годъ должно считать эпохой этихъ работъ. Тогда, для преподаванія астрономіи офицерамъ квартирмейстерской части и Корпуса Топографовъ пригласили профессора Дерптскаго Университета В. Я. Струве, и съ этого времени образовалась знаменитая русская школа астрономовъ и ученыхъ геодезистовъ. Для курса астрономіи въ Дерптѣ, а нынѣ въ Пулково, назначено два года и, по окончаніи его, офицеры командируются на съёмки. Нельзя пересчитать всѣхъ учениковъ Струве, но должно назвать изъ нихъ перваго курса:

Гвардейскаго Генеральнаго Штаба штабс-капитанъ Эссенъ;

Главнаго Штаба капитаны: Вронченко, Обергъ, Меланъ, Розеніусъ; штабс-капитаны: Ортенбергъ, баронъ Икскюль фон-Гильдебандъ и поручикъ Швидковъ.

Корпуса Топографовъ: поручики Васильевъ, Горюновъ, Максимовъ и подпоручикъ Воиновъ.

Съ 1825 г. весьма-много улучшилось гравированіе и печатаніе картъ, а продажа ихъ начала приносить значительныя суммы, какъ видно изъ слѣдующаго отчета:

въ 1816 году		6,053	р.	15	к. асс.
» 1817 »		16,486	»	80	» »
» 1818 »		22,062	»	43	» »
» 1819 »		26,220	»	85	» »
» 1820 »		23,688	»	50	» »
» 1821 »		23,308	»	—	» »
» 1822 »		17,303	»	85	» »
» 1823 »		31,366	»	—	» »
» 1824 »		15,909	»	85	» »
» 1825 »		14,958	»	56	» »
		197,357	р.	99	к. асс.

Эти цифры весьма-краснорѣчивы, а между-тѣмъ часто случалось слышать, что русская географія и топографія бѣдны хорошими картами! Впослѣдствіи еще болѣе увѣримся въ такомъ предразсудкѣ, происходящемъ отъ незнанія того, что̀ дѣлается въ Россіи по части наукъ.

Въ 1826 году, въ тылу дѣйствующей тогда арміи противъ персіянъ, въ первый разъ составленъ былъ отрядъ изъ 24 топографовъ и двухъ унтер-офицеровъ, подъ начальствомъ Генеральнаго Штаба капитана Генцеля, для съёмки мѣстъ, занятыхъ русскими войсками. Удачно-достигнутая цѣль этимъ отрядомъ и польза его дѣйствій заставили назначать подобные отряды и къ частнымъ экспедиціямъ противъ горцевъ. Топографскіе отряды, слѣдуя за войсками, снимаютъ маршруты, опредѣляютъ направленіе главныхъ хребтовъ горъ, ихъ отраслей, и пр., и такимъ-образомъ проходы между недоступными громадами сдѣлались извѣстны и положены на карты, изъ которыхъ бо̀льшая часть уже отгравирована.

Въ томъ же году генералъ Шубертъ издалъ «Руководство для исчисленія тригонометрической съёмки» съ принадлежащими къ нему таблицами. Посредствомъ этой книги всѣ геодезическія работы были приведены къ единообразію. Кромѣ формулъ и таблицъ, въ ней заключаются и правила для веденія журналовъ измѣреній на съёмкахъ. Оберквартирмейстеръ Отдѣльнаго Кавказскаго Корпуса, полковникъ Коцебу, сдѣлалъ первый опытъ опредѣленія долготы и широты мѣстъ посредствомъ прохожденія луны чрезъ меридіанъ.

Безпрестанно-накоплявшіеся планы, геодезическіе чертежи и карты требовали полнаго каталога, по которому можно было бы отъискивать ихъ и скоро, и безъ труда. Эту работу принялъ на себя генералъ Шубертъ и успѣлъ ее кончить въ 1830 году. Каталогъ раздѣляется на *общій* и *частный*. Въ общемъ, состоявшемъ въ 1835 году изъ 17 томовъ, было помѣщено 35 т. нумеровъ, и онъ служитъ документомъ для пріема и сдачи архива; поступающіе въ него новые планы, карты, и пр. записываются по порядку нумеровъ, изъ которыхъ каждый принадлежитъ и картѣ, состоящей изъ многихъ листовъ; при нумерѣ означаются мѣсто и годъ изданія, число листовъ и масштабъ карты. Частный каталогъ, состоявшій въ 1834 году изъ 50 томовъ и расположенный по роду картъ, служитъ для удобнѣйшаго ихъ отъисканія и обозрѣнія. Разбирая богатства Военно-топографическаго Депо, генералъ Шубертъ отдѣлилъ отъ нихъ проекты крѣпостей и укрѣпленій, и передалъ ихъ Инженерному Департаменту, отъ котораго истребовалъ всѣ планы и карты топографическіе. Также и съ С. Петербургской Академіей Наукъ онъ обмѣнялся нѣкоторыми гравированными досками и книгами, передавъ ей доски рисунковъ къ книгѣ «Flora Rossica» и нѣсколько книгъ, неотносящихся къ военному искусству.

Подобные же каталоги были составлены изъ описаній мѣдныхъ досокъ и инструментовъ.

Въ 1832 году послѣдовало новое образованіе Генеральнаго Штаба, причемъ и Военно-топографическое Депо получило новый штатъ. Управляющій Депо, генералъ Шубертъ, переименованъ въ директоры и подчиненъ генерал-квартирмейстеру. Депо удержало свои шесть отдѣленій: Письмоводительное, Топографическое, Астрономическое, Гравировальное и Печатное, Техническое и Архивъ. Топографы, по своимъ познаніямъ, раздѣлены на три класса и на роты съ нумерами. Топографы третьяго класса не могутъ быть унтерофицерами. Во всѣхъ ротахъ положено 456 топографовъ, и одна изъ нихъ, находящаяся въ С. Петербургѣ, называется Ротою Военно-топографическаго Депо, нумера не имѣетъ и составляетъ собственно Школу Топографовъ, управляемую инспекторомъ изъ штаб-офицеровъ Генеральнаго Штаба, или Корпуса Топографовъ. Въ ней 120 топографовъ 1-го и 2-го классовъ, изъ которыхъ послѣдніе учатся гравировальному, словорѣзному и литографическому искусствамъ. Преподаваніе наукъ, какъ выше сказано, раздѣлено на два класса, и въ каждомъ изъ нихъ топографы занимаются по 61 часу въ недѣлю; то же число часовъ назначено и для гравёровъ. Изъ перваго класса топографы производятся въ офицеры, когда получатъ на экзаменѣ не менѣе 175 баловъ изъ 210, изъ которыхъ 40 положено для геодезіи и по 20 для всеобщей географіи, сферической тригонометріи и математической географіи.

Упомянемъ еще, и въ послѣдній разъ о продажѣ картъ и плановъ. Ихъ продано:

Въ 1826 году	на	16054	руб.	63	коп.	асс.
— 1827 —	»	26686	—	20	—	—
— 1828 —	»	47781	—	70	—	—
— 1829 —	»	20456	—	20	—	—
— 1830 —	»	20482	—	—	—	—
— 1831 —	»	29136	—	50	—	—
— 1832 —	»	18528	—	—	—	—
— 1833 —	»	12630	—	30	—	—
— 1834 —	»	17102	—	—	—	—
		208858	—	03	—	—

Разсматривая каталогъ картъ и плановъ, находимъ въ нихъ многія достопамятности, изъ которыхъ обратимъ вниманіе читателей на «Журналы военныхъ дѣйствій, планы сраженій и операціонныя карты россійско-императорскихъ войскъ, расположенныя по войнамъ»:

Осада Смоленска,

Походъ царя Іоанна Васильевича на Казань въ 1552 г.

Война, по случаю избранія Станислава Лещинскаго въ 1733—1735 г.

Шведская война царя Алексѣя Михайловича,

Шведско-турецкая война Петра I, съ 1700 по 1721 г.

Шведская война при Елисаветѣ Петровнѣ, съ 1741 по 1743 г.

Шведская война при Екатеринѣ II, съ 1788 по 1790 г.

Шведская война при Александрѣ I, съ 1808 по 1809 г.
Турецкая война при Аннѣ Іоанновнѣ, съ 1736 по 1739 г.
Турецко-польская война при Екатеринѣ II, съ 1769 по 1774 г.
Походъ противъ Пугачева 1771 г. и проч. и проч.

Въ нашей статьѣ нѣтъ возможности пересчитать всѣ карты и планы; пусть читатели обратятся сами къ каталогу, помѣщенному въ I-мъ томѣ «Записокъ».

Все, здѣсь предложенное, извлечено изъ исторіи Военно-топографическаго Депо, составленной генераломъ Шубертомъ; слѣдующее продолженіе этой исторіи заимствовано ужь изъ тѣхъ томовъ «Записокъ», которые изданы генераломъ Тучковымъ, начиная съ X-го тома.

Въ 1841 г. Высочайше повелѣно: 1) увеличить оклады содержанія офицеровъ и чиновъ Военно-топографическаго Депо; 2) Письмоводительное Отдѣленіе назвать Канцеляріей Депо; Астрономическое, какъ состоящее изъ одного астронома, не называть отдѣленіемъ; Архивъ тоже исключенъ изъ числа отдѣленій, такъ-что остались только отдѣленія 2, 4 и 5, превратившіяся въ *первое, второе* и *третье*, и 3) увеличить также оклады Школы Топографовъ, почему ноября 30-го 1841 г. были Высочайше учреждены новые штаты Депо и его Школы, послѣ которыхъ въ 1844 г. опредѣлены форма погоновъ и лядунокъ для топографовъ. Въ лядункѣ каждаго топографа должны находиться: 1) ручная бусоль съ зрительной трубой; 2) ручная мензула и при ней латунный масштабъ съ транспортиромъ; 3) ящикъ съ красками, кусокъ туши, блюдечко, двѣ кисти и отвертка для циркуля; 4) кожаный футляръ съ циркулемъ, рейсфедеромъ, перочиннымъ ножомъ, съ двумя карандашами, палочкой для кистей и кускомъ гумми-элластики; 5) два угольника и линейка деревянные, и 6) нѣсколько листовъ бумаги для мензулы. Въ 1845 г. дозволено ротѣ топографовъ, кромѣ 10 своекоштныхъ, имѣть еще 10 также своекоштныхъ топографовъ изъ вольноопредѣляющихся. Въ 9-й день іюля 1846 г. Высочайше утверждены новыя положенія о Гравёрномъ и Словорѣзномъ Отдѣленіяхъ С. петербургскаго Батальйона Кантонистовъ, и о граверахъ и словорѣзахъ Военно-топографическаго Депо.

Въ томъ же 1846 г., по ходатайству г. военнаго министра кн. Чернышева, купленъ домъ у Вольно-Экономическаго Общества, присоединено къ нему смежное зданіе, гдѣ помѣщался Гвардейскій Генеральный Штабъ, и въ эти домы переведены Военно-топографическое Депо и его архивъ. Кромѣ изящной внутренней и наружной архитектуры, великолѣпія входовъ и лѣстницъ, новое помѣщеніе Депо отличается всевозможными удобствами. Болѣе 45 т. нумеровъ драгоцѣнныхъ матеріаловъ для военной исторіи, геодезіи и топографіи Россіи и другихъ государствъ наполняютъ залы, расположенныя въ трехъ этажахъ и совершенно обезпеченныя отъ пожара сводами, плитными полами, желѣзными

дверьми и пневматическимъ отопленіемъ. Въ одной изъ залъ нижняго этажа помѣщены всѣ мѣдныя доски и собраніе оттисковъ всѣхъ картъ, плановъ, рисунковъ и другихъ предметовъ, изданныхъ при Военно-топографическомъ Депо. При архивѣ находится и запасное отдѣленіе для новыхъ богатствъ архива, всегда и безпрестанно прирастающаго; такъ съ 1836 по 1846 г. поступило въ него 35 т. листовъ разныхъ картъ, плановъ и эстамповъ, и до тысячи геодезическихъ и математическихъ интструментовъ. Архивъ управляется по собственнымъ правиламъ, въ которыхъ, между-прочимъ (§ 13), сказано: «Безъ дозволенія военнаго министра, или генерал-квартирмейстера Главнаго Штаба Его Императорскаго Величества, никто не можетъ пользоваться матеріалами архива». Для свѣдѣнія петербургскихъ жителей, небезполезно замѣтить, что часы, поставленные въ 1837-мъ году въ одномъ изъ оконъ Главнаго Штаба, повѣряются по наблюденіямъ на обсерваторіи; слѣдственно, они надежнѣе часовъ всѣхъ столичныхъ часовщиковъ.

Въ заключеніе этого быстраго историческаго обозрѣнія Школы и перемѣнъ Военно-топографическаго Депо, въ которомъ съ 1846 года не было никакихъ существенныхъ измѣненій, должно сказать, что Депо каждый годъ составляетъ отчеты о своихъ дѣйствіяхъ; изъ этихъ отчетовъ послѣдній, за 1850-й годъ, напечатанъ въ XIV-мъ томѣ «Записокъ». Каждый отчетъ раздѣляется на двѣ части: въ первой помѣщаются геодезическія, топографическія и астрономическія работы на съёмкахъ; во второй — занятія отдѣленій. О первыхъ работахъ будемъ говорить съ продробностью впродолженіе нашей статьи; о вторыхъ же, для показанія ихъ обширности, сдѣлаемъ примѣрную выписку изъ упомянутаго послѣдняго отчета.

«*По 1-му Отдѣленію (Топографическому)*: 1) Военно-топографи-«ческаи карта Россіи; масштабъ 3 версты на англійскій дюймъ. Работы «производились въ этомъ году (1850) на 145 листахъ. 2) Топографи-«ческая карта Финляндіи на 42-хъ листахъ; масштабъ 5 верстъ въ «дюймѣ. Работы по этой картѣ производились на 13 листахъ. Сверхъ-«того, продолжались копированіе картъ, исправленіе, иллюминованіе и «другія подобныя работы.

«*По 2-му Отдѣленію (Гравировальному)*. Продолжалось гравиро-«ваніе: 1) военно-топографической карты Россіи на 155 доскахъ; 2) «топографической карты Финляндіи на 42-хъ доскахъ; 3) новой марш-«рутной карты Россіи на 30-ти листахъ и на 28-ми доскахъ; 4) ге-«неральной карты Оренбургскаго Края на 2-хъ листахъ; масштабъ 50 «верстъ въ англійскомъ дюймѣ; 5) карты возвышеній Валдайскихъ Горъ «и пунктовъ, ближайшихъ къ дерптскому меридіану на 2-хъ доскахъ; «масштабъ 25-ть верстъ въ англійскомъ дюймѣ; 6) карты возвышеній «надъ поверхностью Чернаго Моря главныхъ пунктовъ, тригонометри-«чески-измѣренныхъ въ Крыму и Закавказскомъ Краѣ, на 1-й доскѣ;

«масштабъ 25-ть верстъ въ англійскомъ дюймѣ; 7) форматовъ на 2-хъ «доскахъ, для опредѣленія рамокъ съёмочныхъ планшетовъ, съ масшта-«бами для тригонометрическихъ пунктовъ. Сверхъ-того, по новымъ свѣ-«дѣніямъ производилась корректура контура лѣсовъ, горъ, шатена водъ «и другихъ предметовъ на картахъ прежнихъ годовъ. Всѣхъ гравиро-«вальныхъ работъ производилось на 215 доскахъ, изъ которыхъ 9-ть «кончены, 40 картъ исправлено, а остальныя 207 продолжаются грави-«ровкой.

«*По литографіи.* 1) Военно-топографическая карта Восточной Бул-«гаріи на 12 листахъ; масштабъ 2 версты въ англійскомъ дюймѣ, и «2) военно-топографическая карта Восточной Румеліи на 21-мъ листѣ; «масштабъ 2 версты въ англійскомъ дюймѣ. Обѣ карты совершенно «кончены и поднесены Государю Императору къ Пасхѣ. Вновь пред-«принята карта окрестностей С. Петербурга для маневровъ (на 16 ли-«стахъ); масштабъ 1 верста въ англійскомъ дюймѣ; карта эта будетъ «отпечатана цвѣтами.

«*По печатной.* Отпечатано съ мѣдныхъ досокъ картъ, плановъ, «атласовъ и проч. 15,241 листъ, бланковъ 36,339 лист., пробъ 1095 «листовъ. Отпечатано съ камней и цинковыхъ досокъ: картъ, плановъ «и пробъ 10,412 листовъ, бланковъ 7,896 листовъ.

«*По Геодезическому Отдѣленію.* Производились геодезическія и «астрономическія исчисленія окончательныхъ результатовъ. Составля-«лись проекты и сметы для военно-топографическихъ съёмокъ, хроно-«метрической экспедиціи и тригонометрическихъ измѣреній. Сдѣланы «сѣти: 1) меридіановъ и параллельныхъ круговъ губерній: Москов-«ской, Владимірской, Херсонской, Калужской и Тульской; 2) тригоно-«метрическихъ пунктовъ губерній: Калужской, Тульской, Московской «и части Херсонской. Приведены въ надлежащій порядокъ широты и «долготы тригонометрическихъ точекъ: Калужской, Тульской и Рязан-«ской Губерній. Составлены алфавитные списки тригонометрическихъ «точекъ губерній: Калужской, Тульской, Рязанской, Ярославской и «Владимірской. Конченъ и напечатанъ списокъ точекъ Россіи, кото-«рыхъ опредѣлено географическое положеніе.

«*По Архиву.* Въ-теченіе года поступило вновь: 1) гравированныхъ «картъ 3,162 листа; 2) мемуаровъ, книгъ и тетрадей 290. Въ числѣ «картъ находится 1,057 планшетовъ, инструментальныхъ и глазомѣр-«ныхъ съёмокъ и 2,105 листовъ картъ Россіи и иностранныхъ госу-«дарствъ.

«*По 3-му Отдѣленію (Механическому).* Вновь сдѣлано 220 ин-«струментовъ и исправлено 409.

«*По Инструментальному Кабинету.* Къ 1-му ноября 1849 г. «въ этомъ Кабинетѣ геодезическихъ и астрономическихъ инструментовъ «находилось 5,027. Въ-теченіе года вновь поступило: 1) изъ Механи-

«ческаго Отдѣленія 224; 2) выписанныхъ изъ-за границы и купленныхъ «у вольныхъ мастеровъ 5.

«*По Канцеляріи.* Всѣ распоряженія директора и работы Депо со-«средоточиваются въ его Канцеляріи, гдѣ производилась также цензура «картъ и плановъ, издаваемыхъ частными лицами. Всего было входя-«щихъ бумагъ 1804.

«*По продажной Депо.* Къ 1-му ноября 1849 года состояло.

картъ, плановъ и проч. ...	28,095	лист.
вновь поступило	10,496	»
	38,591.	
Продано и отпущено на казенное употребленіе	8,984	лист.
геодезическихъ инструментовъ и зрительныхъ трубъ	78	»
вновь поступило	62	»
	140.	
Продано	55.	

II. Геодезическія и астрономическія работы.

Геодезическія и астрономическія работы такъ обширны и разнообразны, что нѣтъ никакой возможности заключить ихъ въ ограниченной журнальной статьѣ; по этой причинѣ предлагаемъ обозрѣніе только тѣхъ измѣреній, которыя производились подъ управленіемъ генераловъ: Шуберта, Теннера, Вронченко и полковника Ходзько, и которыя обнимаютъ обширныя пространства.

A) *Измѣренія генерала Шуберта.*

Работы по всякой тригонометрической съёмкѣ состоятъ: 1) въ измѣреніи основанія; 2) въ измѣреніи угловъ треугольниковъ и ихъ вычисленіи; 3) въ астрономическихъ наблюденіяхъ широтъ, долготъ и азимутовъ различныхъ точекъ всей тригонометрической сѣти, и въ вычисленіи тѣхъ же самыхъ количествъ по правиламъ геодезіи, и наконецъ 4) въ вычисленіи относительныхъ положеній всѣхъ точекъ, изъ которыхъ измѣрялись углы, или въ вычисленіи ихъ координатъ. Измѣренія, произведенныя подъ управленіемъ генерала Шуберта, должно считать образцомъ, или *типомъ* всѣхъ прочихъ измѣреній и вычисленій, потому-что всѣ они совершенно-сходны между собою по употребляемымъ снарядамъ, по способу наблюденій и по формуламъ для вычисленій, и всѣ эти снаряды, способы наблюденій и формулы въ первый разъ были введены въ Россіи В. Я. Струве, при его градусномъ измѣреніи дерптскаго меридіана, такъ-что всѣ русскіе геодезисты при-

надлежатъ къ одной школѣ. По этой причинѣ, описавъ измѣренія генерала Шуберта, мы не будемъ ужь имѣть надобности входить въ подробности о такихъ же работахъ въ другихъ мѣстахъ Россіи.

Тригонометрическая съёмка генерала Шуберта обнимаетъ губерніи: Санктпетербургскую, Псковскую, Витебскую и часть Новгородской; она продолжалась двѣнадцать лѣтъ, отъ 1820 по 1832 годъ включительно, и относящіяся къ ней работы помѣщены въ I, II, IV, VI и VII частяхъ «Записокъ».

Изъ тригонометріи извѣстно, что, для опредѣленія всѣхъ угловъ и сторонъ треугольника, надобно знать три его части, между которыми должна быть извѣстна одна сторона; ее измѣряютъ непосредственно и называютъ *базисомъ*, или *основаніемъ* всей сѣти треугольниковъ предположенной тригонометрической съёмки. Если въ треугольникѣ, имѣющемъ стороной это основаніе, будутъ измѣрены два прилежащіе къ нему угла, то не трудно вычислить и прочія двѣ стороны, которыя дѣлаются сторонами двухъ смежныхъ треугольниковъ; измѣривъ по два угла въ этихъ двухъ треугольникахъ, вычисляемъ ихъ стороны, и потому будемъ знать по сторонѣ въ каждомъ изъ новыхъ, примыкающихъ къ нимъ треугольниковъ, въ которыхъ опять слѣдуетъ измѣрить углы, и т. д. Такимъ-образомъ измѣряется и вычисляется вся сѣть съёмки; но какъ при измѣреніи угловъ неизбѣжны погрѣшности, которыя на обширной сѣти могутъ столько накопиться, что вычисленная сѣть не будетъ въ-точности представлять относительное положеніе земныхъ предметовъ, принятыхъ за вершины ея треугольниковъ, то измѣряютъ другія *основанія*, называемыя *повѣрительными*, потому-что, вычисливъ ихъ, какъ стороны треугольниковъ, и найдя ихъ вычисленныя величины одинаковыми съ измѣренными, имѣемъ право заключить, что упомянутыя погрѣшности незначительны и сѣть вѣрно представляетъ относительное положеніе избранныхъ земныхъ предметовъ.

Генералъ Шубертъ, связавъ свою обширную сѣть съ четырьмя основаніями, изъ которыхъ первое находилось между Московскою Славянкою и Ижорою и служило общею стороной четыремъ большимъ треугольникамъ, составляемымъ изъ колокольни въ Колпинѣ, главнаго купола придворной церкви въ Царскомъ Селѣ, главнаго купола Софійскаго Собора и колокольни церкви въ Ѳедоровскомъ Посадѣ; второе — въ Новгородской Губерніи, близь озера Ильменя, между деревнею Усполонью и селомъ Коростыней, и соединялось также съ четырьмя треугольниками изъ колоколенъ въ селеніяхъ Погощи, Коростыни, Голино и Перекомскомъ Монастырѣ; третье—опять близь С. Петербурга, на старой московской дорогѣ, потому-что признаки конечныхъ точекъ перваго основанія были уничтожены работами на московскомъ шоссе; наконецъ, четвертое, въ Витебской Губерніи, на границѣ Дриссенскаго и Люцинскаго Уѣздовъ, близь мѣстечка Освеи. Первое основаніе, содержащее болѣе осьми верстъ, было измѣрено въ 34 дня, начиная отъ 26 мая 1820 года,

поручикомъ Вольховскимъ, прапорщиками Дюгамелемъ и барономъ Корфомъ 1-мъ, и колонновожатымъ Ризенкамфомъ 2-мъ; второе, также въ 8 верстъ, было кончено въ 28 дней, отъ 22 мая 1824 года, поручикомъ Дюгамелемъ, прапорщикомъ барономъ Ливеномъ и топографами Воробьевыми 1-мъ и 2-мъ; измѣреніе третьяго основанія, содержавшаго болѣе девяти верстъ, продолжалось 28 дней, и на немъ работали подпоручикъ Дюгамель и прапорщикъ Воробьевъ 2-й; наконецъ, четвертое основаніе, бо́льшее десяти верстъ, было измѣрено въ 1831 году, также въ 28 дней поручиками Воробьевыми 1-мъ и 2-мъ.

Снарядъ для измѣреній основаній, или *снарядъ базисный*, состоитъ изъ четырехъ жезловъ, или изъ четырехъ желѣзныхъ цилиндровъ, длиною въ двѣ сажени, или въ 14 англійскихъ футовъ, а въ поперечникѣ въ 9 линій при температурѣ +14° Реомюра. Каждый жезлъ вложенъ въ брусъ, склеенный изъ кусковъ еловаго дерева, хорошо-высушенныхъ и густо покрытыхъ свѣтлосѣрой масляной краской. На верхней сторонѣ бруса сдѣланы три отверстія: одно продолговатое и два круглыя; сквозь послѣднія, затыкаемыя деревянными цилиндрами съ мѣдными бляхами, можно увѣриться въ сохраненіи жезломъ его прямолинейной формы при переносѣ съ мѣста на мѣсто; въ продолговатое же отверстіе, длиной въ 10 и шириною въ 2 дюйма, вкладывается термометръ, котораго шарикъ прикасается къ жезлу и чрезъ то показываетъ его температуру. При измѣреніи основанія, жезлы кладутся на чугунные треножники съ твердыми дубовыми штативами; оставляемые между жезлами промежутки вымѣриваются высовками, или *языками*, выдвигаемыми посредствомъ винтовъ длятого, чтобъ онѣ прикасались къ жезламъ безъ малѣйшаго удара. Высовки — серебряные масштабы, длиною въ 4 дюйма и раздѣленные на сотыя ихъ доли. Жезлы полагаются, приблизительно, параллельно направленію измѣряемой линіи; наклоненіе ихъ къ горизонту измѣряется дугами чугуннаго сектора съ мѣднымъ лимбомъ, прикрѣпляемаго къ поверхности бруса. Всѣ четыре жезла располагаются точно въ вертикальной плоскости, воображаемой чрезъ основаніе, и которой положеніе опредѣляется наблюденіями чрезъ мѣдные діоптры съ шелчинками и зрительною трубкою. Точки начала и конца ежедневныхъ измѣреній означаются чугунными клиньями, наверху которыхъ находятся стаканы съ водою; въ эти стаканы опускаются съ концовъ жезловъ цилиндрическіе отвѣсы на золотыхъ нитяхъ; отвѣсы, погружаемые въ воду, очень-скоро приходятъ въ спокойное состояніе.

На концахъ избраннаго основанія закладываютъ кирпичные фундаменты для пирамидъ; въ квадратныя поверхности этихъ фундаментовъ прочно вдѣлываются также квадратныя чугунныя плиты съ пересѣкающимися выпуклыми діагоналями; въ точкахъ ихъ пересѣченій ввинчиваются серебряные цилиндры, которыхъ центры обозначаются точками. Потомъ плиты закладываются кирпичами съ трехъ сторонъ, оставляя

пустоты надъ упомянутыми цилиндрами, чтобъ можно было видѣть опускаемые на нихъ центры отвѣсы. Первая пирамида, отъ которой начинается измѣреніе, складывается послѣ нѣсколькихъ дней работы, вторая же—послѣ совершеннаго ея окончанія.

Означивъ кольями вертикальную плоскость основанія, начинаютъ его измѣреніе посредствомъ всѣхъ четырехъ жезловъ, изъ которыхъ первый однимъ своимъ концомъ полагается на треножникъ, а другимъ на фундаментъ пирамиды, и съ того же конца опускается отвѣсъ надъ центромъ серебрянаго цилиндра. Уложивъ жезлы въ вертикальной плоскости, записываютъ дѣленія на соединяющихъ ихъ высовкахъ, ихъ наклоненія и температуры по термометрамъ, которыхъ показанія свѣряются потомъ съ термометромъ нормальнымъ. Сумма дѣленій на высовкахъ, превращаемыхъ въ доли сажени, съ длинами жезловъ и съ толстотою золотой нити отвѣса составляетъ полную длину всѣхъ четырехъ жезловъ. По окончаніи дневной работы, конецъ послѣдняго жезла означается чугуннымъ клиномъ, вкапываемымъ въ землю подъ отвѣсомъ, спускаемымъ съ этого жезла.

По окончаніи измѣренія основанія жезлами, длина каждаго изъ нихъ приводится къ температурѣ +14° Реомора и къ горизонтальной плоскости по весьма-простой формулѣ. Послѣ того все основаніе пролагается на поверхность океана, принимаемую за поверхность земли.

Вершины треугольниковъ, примыкающихъ къ основаніямъ, означаются или на зданіяхъ, если съ нихъ можно измѣрять углы, или на особенныхъ *сигналахъ*, которые суть помосты, утверждаемые между четырьмя вертикально-поставляемыми бревнами. Углы этихъ треугольниковъ измѣрялись сперва теодолитами, сдѣланными въ механическомъ заведеніи Военно-топографическаго Депо; но какъ они оказались ненадежными, то выписаны теодолиты изъ Мюнхена, отъ Эртеля, и ими перемѣрялись углы всей сѣти. Этими работами, начиная съ 1821 по 1832 годъ, занимались капитанъ Ракосовскій, прапорщикъ Дюгамель, Ризенкамфъ 2-ой, Скалонъ 3-ій, баронъ Ливенъ, Воробьевъ 2-ой, Максимовъ, Ивановъ 3-й, Злобинъ и подпоручикъ Павловъ. Хотя наблюдатели были разные, однако одинаковое достоинство снарядовъ и одни и тѣ же способы наблюденій собщили имъ совершенное тожество.

Треугольники сѣти раздѣляются на три разряда. Въ треугольникахъ *перваго разряда*, означаемыхъ въ журналѣ измѣреній буквою А и составляющихъ основу сѣти, измѣрялись всѣ три угла съ тридцатикратнымъ повтореніемъ. Треугольники *втораго разряда*, означаемые буквою В, служатъ повѣркою предъидущихъ и дополненіемъ сѣти; въ нихъ каждый уголъ измѣрялся также отдѣльно, только съ мѣньшимъ числомъ повтореній. Посредствомъ треугольниковъ *третьяго разряда* опредѣляются положенія какихъ-нибудь замѣчательныхъ предметовъ, и какъ они не входятъ въ составъ сѣти, то въ нихъ измѣряютъ только по два угла. Въ треугольникахъ перваго и втораго разряда, имѣвшихъ

весьма-большія стороны (болѣе 20 верстъ), находимы были такъ-называемые *сферическіе излишки*, чрезъ которые треугольники превращаются въ прямолинейные, и стороны ихъ вычисляются ужь по правиламъ прямолинѣйной тригонометріи. Взаимная связь треугольниковъ позволяла ихъ вычислять по разнымъ *даннымъ*, и чрезъ то повѣрять какъ величины угловъ, такъ и самыя вычисленія. Вѣроятныя погрѣшности каждаго угла оказались немного-болѣе *одной секунды*. Такая необыкновенная точность оправдывается сравненіемъ величинъ основаній, опредѣленныхъ вычисленіями, съ ихъ величинами, непосредственно-измѣренными: въ трехъ повѣрительныхъ основаніяхъ разности простирались только до $^1/_{678125}$, $^1/_{9961}$ и $^1/_{89633}$ долей ихъ длины.

Для опредѣленія мѣста на земной поверхности измѣренной и вычисленной тригонометрической сѣти, надобно знать географическую широту, по-крайней-мѣрѣ, вершины одного треугольника и *азимутъ* одной его стороны, то-есть уголъ, который составляетъ она съ меридіаномъ, проводимымъ чрезъ упомянутую вершину; но какъ отъ ошибокъ, неизбѣжныхъ при измѣреніи угловъ, можетъ измѣниться положеніе сѣти, то широты и азимуты опредѣляются наблюденіями во многихъ ея точкахъ, чрезъ что̀ представляется возможность дѣлать повѣрки и исправлять погрѣшности. Всѣ такія астрономическія наблюденія въ измѣреніяхъ ген. Шуберта производилъ поручикъ (нынѣ подполковникъ) Леммъ, употребляя столовый хронометръ Луи-Берту, и 8 и 12-ти дюймовые теодолиты Эртеля, барометръ и термометръ Дерптскаго Университета механика Брюккера. Мѣста наблюденій были выбраны въ Санктпетербургѣ, на островѣ Гохландѣ, въ Псковѣ, Новгородѣ, Тарасовѣ, на Поклонной Горѣ, близь Полоцка, въ Телятниковѣ и Званахъ. Наблюденія широты въ Санктпетербургѣ, какъ главной точки всей сѣти генерала Шуберта, были производимы сперва (въ 1828 г.) на обсерваторіи Главнаго Штаба, а потомъ (въ 1832 г.) внѣ города, во временной обсерваторіи, построенной на возвышеніи между Лѣснымъ Институтомъ и выборгской дорогой. Послѣдній рядъ наблюденій принятъ рѣшительнымъ предпочтительно предъ первымъ, потому-что недовольно-твердое основаніе обсерваторіи Главнаго Штаба заставило подозрѣвать, что употребляемый въ ней снарядъ не могъ оставаться совершенно-неподвижнымъ. Во временной обсерваторіи съ 4 іюня по 1 іюля было сдѣлано 167 опредѣленій широты эртелевымъ вертикальнымъ кругомъ № 41, и съ 16 іюля по 7 августа — 124 опредѣленія такимъ же кругомъ № 44; необыкновенная точность этихъ опредѣленій доказана строго-критическимъ ихъ разсмотрѣніемъ по теоріи вѣроятностей, и результаты ихъ состоятъ въ слѣдующемъ.

	Широта.	*Долг. отъ Парижа.*
Временная обсерваторія......	59° 59′ 41″, 220	28° 1′ 18″, 799
Обсерваторія Академіи Наукъ	59 56 30, 006	27 59 30, 000

—	Генеральнаго Штаба	59	56	15, 825	28	0	11, 062
—	Пулковская..........	59	46	18, 975	28	0	47, 936

Долгота обсерваторіи Генеральнаго Штаба определена наблюденіями надъ прохожденіемъ луны чрезъ меридіанъ, производимыми съ 1829 до 1835 года.

Наблюденія азимутовъ, какъ самыя труднѣйшія во всѣхъ геодезическихъ работахъ, производились двумя обратными рядами: съ обсерваторіи Академіи Наукъ на дудергофскую кирку въ 1825 г. и обратно съ нея на обсерваторію въ 1830 г.; получены два результата, между которыми разность простиралась только до 8″,25.

Эти подробности приложены здѣсь для показанія чрезвычайной точности наблюденій; а какъ въ другихъ упомянутыхъ мѣстахъ соблюдалась такая же строгость наблюденій и тѣмъ же самымъ астрономомъ, то не считаемъ нужнымъ говорить о нихъ: читатели могутъ сами въ томъ увѣриться, заглянувъ въ IV томъ «Записокъ».

Послѣдняя работа въ геодезической съёмкѣ состоитъ въ *исчисленіи координатъ*, то-есть въ опредѣленіи абсолютнаго положенія различныхъ ея точекъ на земной поверхности, потому-что относительныя ихъ положенія опредѣляются углами и сторонами самой сѣти треугольниковъ. Эту послѣднюю задачу въ первый разъ разрѣшилъ Кассини, при составленіи геометрической карты Франціи. Изъ всѣхъ точекъ геодезической съёмки одна принимается за главную и чрезъ нея проводится полуденная линія, то-есть пересѣченіе меридіана съ земною поверхностью, и къ ней чрезъ ту же точку линія перпендикулярная, то-есть, пересѣченіе съ поверхностью земли той плоскости, которую воображаютъ чрезъ зенитъ перпендикулярно къ меридіану, и которую въ астрономіи называютъ *первою вертикальною плоскостью*. Потомъ отъ прочихъ точекъ сѣти воображаютъ дуги большихъ круговъ, перпендикулярныхъ къ линіи полуденной и къ линіи перпендикулярной: эти-то дуги — *координаты* сѣти опредѣляютъ абсолютное положеніе каждой ея точки. Для вычисленія этихъ координатъ съ удовлетворительною строгостью въ первый разъ составлены формулы Пюиссаномъ; но генералъ Шубертъ исправилъ ихъ и сообщилъ имъ бо̀льшую строгость, принявъ во вниманіе обширность своей сѣти, покрывающей четыре русскія губерніи и фигуру земли, какъ эллипсоида вращенія. Формулы его, помѣщенныя въ VII части «Записокъ», должно считать прекраснымъ рѣшеніемъ одной изъ труднѣйшихъ задачъ геодезіи. Генералъ Шубертъ по весьма-основательнымъ причинамъ не принялъ способа Бесселя, который вычислялъ кратчайшее разстояніе каждой точки сѣти отъ центральной, или отъ опредѣленной астрономически вмѣстѣ съ направленіемъ этого разстоянія, или его азимута. Этому способу не слѣдовалъ и прусскій генералъ баронъ Мюфлингъ при геодезическихъ работахъ Прусскаго Генеральнаго Штаба: избравъ точку, въ-точности опредѣляемую астрономически, баронъ Мюфлингъ вычисляетъ долготы и широ-

ты вершинъ перваго отъ нея начинающагося треугольника; отъ нихъ переходитъ къ вершинамъ другаго треугольника, и т. д. Очевидно, что такимъ-образомъ черченіе геодезическихъ картъ подводится подъ черченіе картъ географическихъ и приблизительныя формулы вычисленія координатъ замѣняются формулами совершенно-строгими и весьма-простыми. Причины, по которымъ генералъ Шубертъ предпочелъ способъ Кассини способу барона Мюфлинга, мы не считаемъ совершенно-убѣдительными, и потому было бы весьма-любопытно и полезно передѣлать вычисленія генерала Шуберта. Впрочемъ, великій трудъ конченъ съ полнымъ успѣхомъ и подробное изложеніе съёмки губерній Санктпетербургской, Псковской, Витебской и части Новгородской, въ ученомъ отношеніи — самый лучшій практическій курсъ геодезіи.

B. *Измѣренія генерала Теннера.*

Геодезическія и астрономическія работы генерала Теннера начались съ 1816 года и впродолженіе восьмнадцати лѣтъ обняли губерніи: Виленскую, Курляндскую, Гродненскую и Минскую. Полное ихъ изложеніе помѣщено въ VIII, IX и X частяхъ «Записокъ». Въ немъ заключается обозрѣніе мѣстоположенія губерній, утвержденные проекты тригонометрическихъ съёмокъ, имена трудившихся офицеровъ Генеральнаго Штаба и Корпуса Топографовъ, употребляемые геодезическіе и астрономическіе снаряды и журналы самыхъ работъ.

Въ началѣ обширныхъ своихъ занятій, генералъ Теннеръ встрѣчалъ много препятствій какъ въ расположеніи мѣстности, по-большей-части низменной и покрытой лѣсами, что̀ заставляло его строить сигналы по 20 саженъ высотою, такъ и въ несовершенствѣ присланныхъ къ нему снарядовъ, особенно базиснаго прибора. Несмотря на то, генералъ Теннеръ не только кончилъ свой трудъ съ полнымъ успѣхомъ, но еще присоединилъ къ нему измѣреніе градусовъ меридіана, какъ продолженіе меридіана дерптскаго. Обширность этого труда видна изъ того, что генералъ Теннеръ измѣрилъ 1) четыре основанія, изъ которыхъ одно на льду озера Дрисвята; 2) опредѣлилъ высоты надъ уровнемъ моря 227 мѣстъ, причемъ сдѣлано было много наблюденій надъ *земнымъ преломленіемъ свѣта;* 3) опредѣлилъ и вычислилъ широты и долготы 1418 мѣстъ, и 4) геодезическую сѣть треугольниковъ соединилъ съ одной стороны съ градуснымъ измѣреніемъ В. Я. Струве, а съ другой, съ геодезическою сѣтью прусскою, такъ-что къ измѣренію В. Я. Струве прибавлена дуга, заключающаяся между Бѣлиномъ и Бристеномъ въ 4° 32′ 11″, и русскія геодезическія работы, соединившись съ прусскими, вошли въ составъ такихъ же работъ европейскихъ.

Кончивъ градусное измѣреніе, генералъ Теннеръ просилъ Бесселя вычислить изъ него сжатіе и размѣры земли. Бессель, на основаніи всѣхъ тогда извѣстныхъ геодезическихъ измѣреній, нашелъ, что

длина средняго градуса = 57011,4667 туазовъ
сжатіе земли.... = $^1/_{302}$,
большая полуось = 3271922,099 туаз.
меньшая .... = 3261106,276 —

Но эти числа должны измѣниться, потому-что градусное измѣреніе французское весьма-сомнительно, и астрономы должны скоро убѣдиться, что, для рѣшенія этой задачи, можно употреблять только меридіаны индійскій и русскій и наблюденія надъ маятникомъ.

Въ обширныхъ работахъ генерала Теннера участвовали: штабс-капитанъ Мессингъ, прапорщики Гецель, Врангель, Занденъ, Бырдинъ, Михайловъ, Ходзько, Каменскій, Кошелевъ, Нестеровъ, Чижовъ, Герасимовъ, Коровниковъ, Григорьевъ; поручики: Тюфяевъ, Войничь-Сяноженцкій, Козьминъ, и астрономы виленской обсерваторіи.

Въ XI-й части «Записокъ» находится краткое описаніе геодезической съёмки Царства Польскаго, производимой также подъ вѣдѣніемъ генерала Теннера въ 1846 году, при содѣйствіи полковника Гецеля, капитана Иванова, штабс-капитана Злобина; поручиковъ: Наперсникова и Маслова, и прапорщиковъ: Бубнова, Юденича, Тензина, Егорова 4-го, Ядрова и Бѣлинскаго. Эта съёмка опирается на основаніе, измѣренное близь Варшавы; одна часть ея треугольниковъ направлена вверхъ по Вислѣ до Замостья и соединяется съ другимъ основаніемъ при Тарно-Градѣ и съ первоклассными треугольниками австрійскими; другая часть идетъ внизъ по Вислѣ до прусской границы близь Торна; наконецъ, третья часть назначена для продолженія первоклассной сѣти отъ Пулавы до Кракова. Точность всѣхъ этихъ измѣреній обнаружилась сравненіемъ величинъ варшавскаго основанія, одной вычисленной, а другой непосредственно измѣренной: первая = 2710,5531 саж., вторая = 2710,5448, то-есть разность между ними = $^7/_{10}$ долямъ дюйма.

Въ томъ же году генералъ Теннеръ завѣдывалъ полевыми геодезическими работами въ губерніи Кіевской и въ Бессарабіи, изъ которыхъ бессарабскія служатъ продолженіемъ русскаго меридіана и производились подполковникомъ барономъ Икскюлемъ фон-Гильдебандомъ, поручикомъ Ротштейномъ, прапорщиками Мухаренко и Шульгинымъ, четырьмя топографами и второю половиною военно-рабочей № 26 роты инженернаго вѣдомства.

Наконецъ въ XII части «Записокъ» помѣщено подробное описаніе тригонометрической съемки губерній Волынской и Подольской, произведенной также подъ начальствомъ генерала Теннера. Оно состоитъ изъ двухъ отдѣленій: въ первомъ содержится исторія треангуляціи съ 1836 по 1841 г., описаніе геодезическихъ и астрономическихъ инструментовъ, вычисленіе длины староконстантиновскаго основанія, вычисленіе первоклассныхъ треугольниковъ, вычисленіе высотъ тригонометрическихъ точекъ надъ Балтійскимъ Моремъ, вычисленія хода часовъ, географическія широты и долготы вершинъ первоклассныхъ треугольниковъ и

вычисленіе координатъ; во второмъ же — измѣреніе повѣрительнаго основанія близь Староконстантинова, измѣреніе угловъ, астрономическія наблюденія въ Кременцѣ, Погорѣлой, Супрунковицахъ и Балтѣ.

С. *Труды генерала Вронченко.*

Отъ 1828 до 1832 г., генералъ (тогда еще поручикъ) Вронченко одинъ успѣлъ опредѣлить географическое положеніе *пяти* мѣстъ въ Молдавіи, *одиннадцати* въ Валахіи, *шестнадцати* въ Булгаріи, *четырнадцати* въ Румиліи и *одного* въ Сербіи, употребляя для широтъ астрономическій теодолитъ, для долготъ же — сравненіе хронометровъ, пороховые сигналы, прохожденіе луны чрезъ миридіанъ и закрытіе звѣздъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ занимался наблюденіями надъ склоненіемъ магнитной стрѣлки.

Въ 1834 и 1835 г. г. Вронченко, уже въ чинѣ полковника, сдѣлалъ астрономическое путешествіе по Анатоліи и составилъ полное и превосходное описаніе этой малоизвѣстной страны. Оно помѣщено въ III и V частяхъ «Записокъ».

Первая часть этого описанія, кромѣ «Предисловія» содержитъ въ себѣ четыре отдѣленія: 1) Мѣстность, 2) Произведенія края, 3) Города и мѣстечки, и 4) Гражданское устройство. Во второй части три отдѣленія: 1) Области, города и мѣстечки, 2) Взаимныя отношенія и бытъ малоазійцевъ, и 3) Земледѣліе, промышленость и торговля.

Характеръ своего превосходнаго и, къ-сожалѣнію, малоизвѣстнаго труда г. Вронченко означаетъ въ «Предисловіи» съ математическою точностью. Онъ пишетъ:

«При составленіи *Обозрѣнія Малой Азіи въ нынѣшнемъ ея со-* «*стояніи* приняты были слѣдующія правила: 1) Руководствоваться «только свѣдѣніями, которыя могъ пріобрѣсть путешественникъ лично «или разспросами, не занимая ничего изъ книгъ, писанныхъ о Малой «Азіи, ни древнихъ, ни новыхъ; разспросы же повѣрять, сколько воз-«можно, одни другими. 2) На наружный видъ земли — горы, равнины «и воды, и также на произведенія края, какого бы рода они ни были, «смотрѣть только въ отношеніи географическомъ и статистическомъ, не «входя ни въ какія сужденія по части физики и естественной исторіи. «3) О народахъ, населяющихъ Малую Азію, ихъ жилищахъ, домаш-«немъ бытѣ, взаимныхъ отношеніяхъ, занятіяхъ и торговлѣ, а также «и объ управленіи говорить единственно то, что существуетъ въ на-«стоящемъ времени; такимъ-образомъ, объ остаткахъ древнихъ зданій «упоминается только при случаѣ, въ мѣстахъ очень немногихъ. Архео-«логическихъ и историческихъ изслѣдованій не помѣщается въ *Обо-* «*зрѣніи* вовсе, не излагается также и государственныхъ законовъ, кромѣ «нѣкоторыхъ основныхъ, необходимыхъ для поясненія фактовъ».

Кажется, авторъ для своей картины назначилъ тѣсныя рамки; но примите трудъ посмотрѣть на нее, и вы удивитесь разнообразію ея лю-

бэпытнѣйшихъ предметовъ. Отдѣленіе «Мѣстность» — полная физическая географія Анатоліи, начинающаяся «общимъ взглядомъ», за которымъ слѣдуютъ подробности не компилируемыя, какъ у кабинетныхъ географовъ, но наблюдаемыя самовидцемъ. Въ этихъ подробностяхъ описаны горы, большія равнины, рѣки, впадающія въ Черное Море, въ Мраморное, въ Архипелагъ и Средиземное Море, озера, неимѣющія видимаго стока, минеральныя воды, морскіе берега, свинцово-серебряные рудники, соль земляная, озерная и приморская, селитра, квасцы, мраморъ, пѣнка, лѣса и другія растенія, домашнія и дикія животныя, птицы и насѣкомыя, климатъ и его дѣйствіе на здоровье жителей. Относительно климата, всю Малую Азію авторъ раздѣляетъ на четыре части: *южный берегъ, западный берегъ, сѣверный берегъ и средняя высокая полоса.* Равнины, прилежащія къ Средиземному Морю, составляютъ самую жаркую часть полуострова. Здѣсь зимою весьма-немногія деревья теряютъ листья, вмѣсто которыхъ тотчасъ выростаютъ новые; цвѣты не переводятся, особенно въ мѣстахъ, закрытыхъ отъ сѣвера и обращенныхъ къ полудню; конецъ февраля и мартъ составляютъ весну; температура въ ясные дни доходитъ до 20°, и рѣдко бываетъ ниже 10 Р. Въ апрѣлѣ, въ 8 часовъ утра, термометръ показываетъ 20° въ тѣни, и въ 3-мъ часу пополудни жаръ возрастаетъ до 30° также въ тѣни, на солнцѣ же — до 40° и 45°. Съ долинъ и прибрежныхъ лощинъ жители удаляются въ горы, во избѣжаніе желчныхъ и перемежающихся лихорадокъ, къ которымъ въ иныхъ мѣстахъ присоединяется глазная болѣзнь, происходящая отъ обычая спать лѣтомъ подъ открытымъ небомъ. Въ ноябрѣ поспѣваетъ вторая жатва, зрѣютъ апельсины и лимоны; гранаты же и сладкіе стручки, извѣстные въ Россіи подъ именемъ *астраханскихъ*, и фиги созрѣваютъ въ сентябрѣ. Зима сопровождается громами и дождями. Климатъ западнаго берега считается наилучшимъ во всей Малой Азіи. Съ апрѣля начинается лѣто, и домашнія животныя пользуются недѣли три подножнымъ кормомъ. Въ маѣ и іюнѣ трава высыхаетъ; нивы орошаются искусственно; знойные мѣсяцы, іюль и августъ, въ которые термометръ восходитъ до 25° въ тѣни, прохлаждаются морскимъ вѣтромъ *имбатомъ;* апельсины зрѣютъ въ декабрѣ, но всегда и вездѣ невкусные. На сѣверномъ берегу бываетъ снѣгъ и въ январѣ морозы достигаютъ 10 и 12°; природа мертвѣетъ, какъ на Сѣверѣ. Такая суровая зима продолжается иногда до конца февраля, и деревья безъ зелени стоятъ до конца марта и далѣе. Лѣтніе жары начинаются въ маѣ. Въ средней высокой полосѣ, простирающейся къ западу отъ Токата до Олимпа, зима начинается съ половины ноября съ морозами днемъ до 2 и 5°, а ночью отъ 5 до 10°; снѣгъ лежитъ толстыми слоями около трехъ мѣсяцевъ; нѣкоторыя рѣки замерзаютъ во всю свою ширину; лѣто начинается съ конца мая безъ дождей и тумановъ.

Въ «ходѣ общественныхъ дѣлъ» описаны налоги, судопроизводство,

полиція, почты и сословія людей частныхъ, раздѣляющихся на владѣльцевъ земель, духовенство, купечество, ремесленниковъ, земледѣльцевъ, слугъ и невольниковъ. Нынѣ весьма-любопытно прочитать свѣдѣнія о налогахъ. «Трудно (пишетъ г. Врочснко) исчислить всѣ налоги съ разъ«ныхъ сословій; хотя каждый изъ нихъ отдѣльно не великъ, но въ «сложности они составятъ изрядную сумму, которая была бы неотя«готительна, еслибъ къ ней не дѣлалось множества прибавокъ, назы«ваемыхъ единовременными, но повторяющихся безпрестанно, даже бо«лѣе одного раза въ годъ. Съ такого-то дома означено въ годъ 400 «піастровъ, а этотъ домъ платитъ ежегодно до трехъ тысячъ. Прави«тель знаетъ, сколько получено налоговъ съ города, или округа, въ «предъидущемъ году, и, смотря по обстоятельствамъ, онъ прибавляетъ «къ тому сотню-другую тысячъ піастровъ; онъ знаетъ также, въ ка«кой соразмѣрности разлагалась вся сумма на разныя сословія, и при«держивается прежней пропорціи въ главномъ, измѣняя ее въ под«робностяхъ. Напримѣръ: въ такомъ-то городѣ башмачники плати«ли въ прошломъ году 20 тысячъ, а въ нынѣшнемъ могутъ запла«тить 22 тысячи, хотя по закону должны были бы заплатить только «8 тысячъ. Потомъ старшины сословія или цеха, разлагаютъ на чле«новъ его не 22, а 26 тысячъ, потому-что надобно же жить всякому «своимъ трудомъ. Притомъ говорятъ: мусульманъ-сапожниковъ трид«цать, а христіанинъ двадцать; мусульмане заплатятъ тридцать, а «христіане также тридцать, потому-что христіане богаче мусульманъ. «Тутъ пойдутъ уплаты и займы у банкира, и проценты, и тюремное «за долги заключенье, а между-тѣмъ правитель объявляетъ старши«намъ, что съ него требуютъ присылки въ столицу экстренной суммы, «или лошадей, скота, и пр., за что по разсчету, съ башмачниковъ «надобно взыскать 4 тысячи піастровъ. Раздѣлъ пойдетъ опять, и хо«рошо, если башмачники отдѣлаются 40 тысячами!

«Поголовная подать (харачь), платимая всѣми взрослыми (свыше се«ми лѣтъ) иновѣрцами-мужчинами, тягостна для нихъ, не какъ боль«шой налогъ, но какъ налогъ постыдный, какъ плата за позволеніе но«сить на плечахъ голову въ теченіе года. По новѣйшему установле«нію (при султанѣ Махмудѣ), харачь составляетъ 60, 40 и 20 піа«стровъ съ головы иновѣрца, смотря по его состоянію. И такъ, самый «большой харачь, съ прибавками къ нему бакшиша сборщикамъ, не со«ставляетъ суммы значительной въ сравненіи съ тѣмъ, что семей«ство платитъ подъ разными другими предлогами.

«Въ разныхъ областяхъ сумма налоговъ соразмѣрна съ доходами «частныхъ лицъ, съ цѣнностью произведеній, вырабатываемыхъ произво«дительнымъ сословіемъ. Но это зависитъ отъ многихъ обстоятельствъ: «отъ личности правителя и его отношеній къ лицамъ государственнымъ; «отъ большаго или меньшаго покровительства, которымъ пользуются об«щины и ихъ старшины у константинопольскихъ вельможъ и банкировъ;

«отъ личности банкировъ частныхъ и ихъ сношеній съ правителями; «наконецъ, отъ характера народа, болѣе или менѣе послушнаго. Говоря вообще, въ Малой Азіи рабочій классъ платитъ въ немногихъ «мѣстахъ 40, въ очень-многихъ 60, и въ нѣкоторыхъ даже до 70 «процентовъ съ того, что онъ выработываетъ и что ему доставляетъ «земля. Только необычайная ограниченность нуждъ и привычка къ самой суровой жизни могутъ сдѣлать возможнымъ перенесеніе такихъ «налоговъ; но не на долгое время, пока не истощатся старые запасы.»

О судопроизводствѣ и полиціи говорить нечего: все зависитъ отъ количества взятокъ, которыя можно сорвать съ подсудимаго. Прежде за подлогъ въ добротѣ товара и за обвѣсъ приколачивали торговца гвоздемъ за ухо къ дверямъ лавки; нынѣ заставляютъ его расплачиваться. «Многіе правители оставляютъ долго безъ вниманія доносы на «подлогъ товаровъ, и потомъ принимаются за виновнаго разомъ. Въ «Айданѣ на откупѣ право жечь и толочь кофій; всѣ содержатели ко-«феенъ обязаны покупать у монополиста, богатаго армянина кофей уже «въ порошкѣ. Паша, однажды, призвалъ армянина и сказалъ ему: ты «мошенникъ, ты въ кофей мѣшалъ четвертую часть жженаго ячменю; «у тебя продажа въ рукахъ ужь около пяти лѣтъ; ежегодно ты про-«даешь кофею столько-то, слѣдовательно крадешь столько-то: всего же «ты укралъ 80 тысячъ піастровъ, которые ты мнѣ и заплатишь сего-«дня — ступай! Армянинъ поцаловалъ у паши полу платья, вышелъ, «и чрезъ два часа принесъ пашѣ 80 тысячъ піастровъ. Послѣ того, «началъ онъ примѣшивать въ кофей еще болѣе ячменю, нежели прежде».

Не имѣя ни права, ни мѣста для большихъ выписокъ, хотя мы могли бы собрать много весьма-любопытнаго изъ описанія древнихъ и новыхъ городовъ, какъ, напримѣръ, Коніи, Кесареи, Бруссы, Смирны, Никомидіи, Синопа, ограничиваемся только извлеченіемъ изъ описанія домашней жизни турокъ и состоянія грековъ:

«Вотъ, напримѣръ, хозяйство человѣка знатнаго, владѣльца земли, «получающаго значительные доходы. Хозяинъ среднихъ лѣтъ и не от-«личается никакой особенностью. Домъ просторенъ; къ задней части «его, къ женскимъ комнатамъ, примыкаетъ садъ, обнесенный высокою «стѣною. У хозяина двѣ жены; одна — дочь стариннаго пріятеля его «отца; другая—бывшая жена зажиточнаго купца. У первой жены двое «дѣтей — дочь одиннадцати лѣтъ, и сынъ пятилѣтній; у второй еще «нѣтъ дѣтей. Каждая жена живетъ въ особомъ отдѣленіи дома. При «первой женѣ живетъ старушка, мать хозяина, которая очень любитъ «свою невѣстку; при второй живетъ ея мать. Невольницъ въ первомъ «гаремѣ четыре черныхъ и одна бѣлая, очень-молодая и хорошенькая; «новая жена смотритъ на нее не очень благосклонно. Въ мужской ча-«сти дома живетъ въ однихъ комнатахъ съ хозяиномъ братъ его, лѣтъ «шестнадцати. Хозяинъ встаетъ съ восхожденіемъ солнца, выходитъ «изъ гарема одѣтый, принимаетъ ожидающихъ уже его людей: изъ чиф-

«лика его пришелъ пѣшеходъ съ извѣстіемъ о всемъ, что тамъ дѣ-
«лается; поселенный невольникъ принесъ жалобу на сосѣда, попортив-
«шаго каналъ для орошенія поля; садовникъ принесъ плодовъ. Немно-
«го позже явился христіанскій старшина съ предложеніемъ о покупкѣ
«у него сезама и пшеницы. Старшину принимаетъ хозяинъ, сидя на
«софѣ; другіе стоятъ у дверей, а старшина приглашается сѣсть на
«ковромъ покрытомъ полу, немного поодаль отъ хозяина; ему подаютъ
«кофей, но не трубку, хотя онъ не одинъ уже годъ добивается этой
«чести. Утро проходитъ въ принятіи посѣщеній. Предметомъ разгово-
«ровъ между гостемъ и хозяиномъ бываютъ дѣла экономическія, отно-
«шенія разныхъ лицъ, новыя требованія налоговъ, продѣлки правите-
«лей, преобразованія, милиція, надежды на полученіе должности. О се-
«мейныхъ дѣлахъ говорится рѣдко, и то только между короткими прія-
«телями. Настаетъ полдень, время завтрака.

«Въ гаремѣ утро прошло еще спокойнѣе. Первая жена хозяина спа-
«ла въ одной комнатѣ съ его матерью и своими дѣтьми. Съ восходомъ
«солнца всѣ встали; невольницы прибрали тюфяки и одѣяла съ полу,
«уложили въ стѣнной шкафъ, подушки размѣстили по софамъ у стѣнъ.
«Умылись, помолились, выпили по чашкѣ кофею, мать выкурила двѣ
«трубки, пошла одѣваться. Жена сурмитъ свои брови и рѣсницы, за-
«плетаетъ свои и подвязываетъ подложныя косы, краситъ ногти, при-
«крѣпляетъ къ вискамъ нитку золотыхъ монетъ, надѣваетъ коралловое
«ожерелье; шелковые шальвары ея розоваго цвѣта, кофточка шалевая,
«рубашка сырцовая, прозрачная какъ паутина, съ длиннымъ разрѣзомъ
«на груди; голову убираетъ она шелковымъ платочкомъ съ вязаной
«бахрамой; на пальцы надѣваетъ кольца, къ ушамъ привѣшиваетъ серьги.

«Вторая жена, простившись съ хозяиномъ — онъ ночевалъ въ ея
«комнатѣ — одѣвается еще щеголеватѣе первой, при помощи невольни-
«цы и матери своей, которая ухаживаетъ за ней очень-старательно,
«журитъ ее за нерадѣніе о нарядахъ, совѣтуетъ ей быть лукавѣе съ
«мужемъ; досадуетъ, что дочь еще не беременна — ей хочется имѣть
«внука, сына человѣка знатнаго, котораго сынъ отъ первой жены мо-
«жетъ умереть, и внукъ сдѣлаться единственнымъ наслѣдникомъ от-
«цовскаго имѣнья. До завтрака хозяйка успѣла побывать въ саду, при-
«казавъ напередъ выйдти оттуда двумъ работникамъ; третій, старикъ,
«оставленъ въ покоѣ; онъ съ розою на истасканной чалмѣ, босой и
«запачканный, чиститъ что-то около мраморнаго бассейна. Мать хозяй-
«ки женщина набожная; она молится три раза въ день и столько же
«разъ дѣлаетъ омовенія. Въ чемъ состоятъ омовенія, неизвѣстно: она
«беретъ кувшинчикъ съ водою, выходитъ куда-то и, возвратившись чрезъ
«пять минутъ, начинаетъ молитву.

«Обыкновенное время обѣда — захожденіе солнца, лѣтомъ; сумерки
«весною и осенью; зимою совершенное наступленіе ночи. Вотъ обѣдъ:
«на табуретѣ ставятъ родъ мѣднаго бѣленаго круглаго подноса съ ар-

«шинъ въ поперечникѣ; вокругъ его кайма изъ ломтей свѣжаго пшеничнаго хлѣба, домашняго печенія; на подносѣ соль и перецъ въ золоченыхъ чашечкахъ; ложки изъ кокосоваго орѣха съ рукоятками изъ слоновой кости и коралловъ. Недалеко отъ блюда стоитъ на табуретѣ серебряная курильница, въ которой жжется что-то издающее тяжелый и не очень пріятный запахъ. Обѣдающіе садятся вокругъ табурета, поджавъ ноги, на разостланной по ковру тонкой холстинѣ. Невольницы покрываютъ грудь каждой особы салфеткой и на колѣни кладутъ другую салфетку для утиранія пальцевъ. Каждый, сидя, умываетъ руки и вытираетъ особою третьею салфеткою. Кушанье, въ маленькихъ металлическихъ или фаянсовыхъ блюдахъ съ крышками, поваръ передаетъ у двери гарема невольницамъ. Хозяинъ беретъ изъ блюда первый, пальцами, если то мясо, ложкою, если жидкость или пилавъ. Въ знакъ благорасположенія, хозяинъ подаетъ кусокъ мяса матери, женѣ; дочери онъ хочетъ показать любовь свою еще сильнѣе — мнетъ пальцами правой руки на ладони лѣвой щепотку пилаву, скатываетъ изъ нея шарикъ и кладетъ въ ротъ дѣвушкѣ, которая принимаетъ этотъ знакъ нѣжности съ почтительнымъ прижатіемъ къ груди обѣихъ рукъ. Всѣхъ блюдъ наберется десятка два и болѣе: въ десяти видахъ жареная и вареная баранина, каймакъ, похлебка кислая и сладкая, обѣ предъ концемъ обѣда, два пилава, одинъ съ начала, другой въ концѣ. Нѣкоторыя блюда заѣдаютъ лежащими на столѣ въ крошечныхъ тарелочкахъ икрой, пастромой (вяленой говядиной), двумя или тремя родами сыра; на закуску плоды. Обѣдъ длится минутъ двадцать или полчаса; потомъ каждый умываетъ руки и ротъ, пьетъ чашку кофея; хозяинъ куритъ трубку, а если онъ не пренебрегаетъ хмѣльнымъ, то еще до трубки заключаетъ обѣдъ порядочнымъ глоткомъ водки или рома.

«Сынъ знатнаго человѣка живетъ въ гаремѣ съ матерью своею лѣтъ до девяти или десяти; потомъ празднуется его обрѣзаніе и переводится въ мужскую половину, гдѣ и живетъ подъ надзоромъ дядьки. Такой *коджи* учитъ мальчика грамотѣ, если знаетъ ее, а если нѣтъ, то въ учители берется одна изъ духовныхъ особъ. Подъ именемъ грамоты разумѣется арабскій языкъ, т. е. чтеніе и письмо на немъ; разумѣть же языкъ хорошо—дѣло трудное: оно предоставляется улемамъ, которые и сами не всегда бываютъ въ томъ очень сильны. Мальчикъ учится потомъ наукѣ считать, занимается съ учителемъ разбираніемъ Корана и, можетъ быть, одной или двухъ какихъ нибудь книгъ, предпочтительно историческихъ; между тѣмъ онъ дѣлается хорошимъ ѣздокомъ, строгимъ взыскателемъ съ слугъ малѣйшей неисправности, волочится изподтишка—и воспитаніе его кончено.

Картина состоянія грековъ темна, какъ слѣдствіе порабощенія; но и въ ней есть свѣтлыя точки, доказывающія силу святой вѣры и необыкновенныя способности несчастнаго народа.

«Греческія церкви въ Анатоліи очень низки въ слѣдствіе мусуль-«манскаго закона, запрещающаго иновѣрцамъ строить дома и тѣмъ паче «храмы — выше домовъ мусульманскихъ. Чтобъ придать внутренности «церкви лучшій видъ, полы ея опускаются аршина на полтора въ зем-«лю. Большая часть церквей бѣдны и постройкой и украшеніемъ: дур-«но сложенная каменная или деревянно-каменная стѣна съ плоскою «или едва примѣтно возвышающеюся кровлею, низкая дверь, очень уз-«кія окна съ цвѣтными стеклами, а иногда и безъ стеколъ, галлерей-«ка при входѣ, около котораго на стѣнѣ намалеванъ страшный судъ «самымъ уродливымъ образомъ; иконостасъ изъ досокъ, или рѣзной съ «почернѣвшей позолотою; сосуды и утвари въ жалкомъ состояніи. Свѣ-«чи для иконъ дѣлаются изъ сала и воска: свѣтильню обмакиваютъ въ «сало черное, вонючее, а потомъ разъ или два въ желтый или крас-«ный воскъ. Монастырей греческихъ собственно въ Анатоліи нѣтъ; но «въ городахъ, гдѣ есть епископы, при домахъ ихъ, построенныхъ близъ «церквей и довольно большихъ, помѣщаются монахи, которыхъ число «незначительно. Въ Смирнѣ при церкви св. Фотиніи большой митропо-«личій домъ съ пристройками, а монаховъ немного.

«Жилища деревенскихъ Грековъ довольно-хороши сравнительно съ «турецкими по всему западному берегу полуострова: они тамъ деревян-«ныя съ кирпичемъ или глиною. Въ деревняхъ сѣвернѣе озера Апол-«лоніи домы велики и построены особеннымъ образомъ: подъ общею «черепичною кровлею двѣ отдѣльныя половины, состоящія каждая изъ «одной комнаты съ возвышеннымъ аршина на полтора поломъ, раздѣ-«ленныя промежуткомъ, въ видѣ сѣней, безъ передней стѣны; въ ком-«натахъ, гдѣ живутъ только зимою, а лѣтомъ складываютъ вся-«кую всячину, почти темно и неопрятность страшная; сѣни немного по-«чище. Около дома довольно много пристроекъ для скота, дворъ обне-«сенъ плетнемъ изъ терновника, а позади садъ изъ плодовитыхъ и шел-«ковичныхъ деревьевъ, винограду и овощей. Какъ греческіе, такъ и «турецкіе домы означены снаружи, подъ кровлею, надписями года и чи-«сла постройки, и съ именемъ хозяина.

«Греческое духовенство разсѣяно по всѣмъ селеніямъ, и даже по «деревнямъ, гдѣ нѣтъ церквей, кромѣ самыхъ бѣдныхъ и малочислен-«ныхъ. Въ Смирнѣ находится митрополитъ, подчиненный константино-«польскому патріарху; въ нѣкоторыхъ другихъ городахъ епископы, въ «остальныхъ иногда игумены безъ монастырей, но по большой части «протопопы и священники. Они, какъ старшіе въ городѣ, участвуютъ «въ совѣтахъ старшинъ, получаютъ съ народа подать, въ видѣ складки, «на свое содержанье, и сверхъ того плату за исправленіе требъ духов-«ныхъ. Старшіе, принадлежащіе къ числу правителей, довольно зажи-«точны; ихъ не всегда уважаютъ, но всегда болѣе или менѣе боятся, «по вліянію ихъ на дѣла общественныя, и по дружбѣ съ областными «правителями; нисшихъ, особенно простыхъ монаховъ и священниковъ, об-

«щее мнѣніе причисляетъ къ черно-рабочему классу. У анатолійскихъ «грековъ духовное званіе не наслѣдственное; сынъ священника есть такой «же гражданинъ или селянинъ, какъ сынъ ремесленника и земледѣль- «ца. Желающій поступить въ священники учится кое-какъ служить «обѣдню, читать на разные случаи молитвы по книгѣ, иногда же толь- «ко наизустъ; потомъ его поставляетъ епископъ, хотя и знаетъ его «невѣжество; но что дѣлать, — гдѣ взять лучшаго? Это относится до «простыхъ священниковъ и церковниковъ; епископы же, архимандри- «ты, игумны, присылаемые изъ Константинополя, грамотны, умѣютъ «читать погречески.

«Ново-греческій языкъ употребляется по западнымъ берегамъ Ма- «лой Азіи, и только въ прибрежныхъ селеніяхъ: въ Айданѣ уже его «знаютъ немногіе. Далѣе къ сѣверу говорятъ, хотя очень-дурно, по- «гречески въ деревняхъ, что при озерѣ Аполлоніи, въ Бруссѣ, по «деревнямъ около Никомидійскаго залива и Босфора; также въ прибреж- «ныхъ селеніяхъ Чернаго Моря до Самсуна и, можетъ-быть, далѣе; «впрочемъ, отъ самаго Синопа его знаютъ уже не всѣ. Во внутренно- «сти края только въ деревняхъ по окрестностямъ Кесареи Греки зна- «ютъ свой языкъ, или лучше сказать какое-то очень-странное и едва «понятное его нарѣчіе, въ самой же Кесареѣ, и во всѣхъ мѣстахъ, «кромѣ означенныхъ, турецкій языкъ есть единственный, извѣстный «взрослымъ жителямъ. Низшее духовенство служитъ обѣдню по-турец- «ки. Въ Смирнѣ есть школы для дѣтей Грековъ, какъ при церквахъ, «такъ и отдѣльныя, содержимыя частными людьми, но учатся въ нихъ «по самой грубой методѣ, дурно и медленно. Въ Маниссѣ, Никомидіи «и еще, кажется, гдѣ то въ двухъ мѣстахъ заведены недавно ланкастер- «скія школы греческаго языка, ариѳметики и географіи; дѣти выучи- «ваются языку плохо, не имѣя случая говорить на немъ нигдѣ и ни «съ кѣмъ, кромѣ учителя, но и учители говорятъ охотнѣе по-турецки. «Въ остальныхъ городахъ священники обучаютъ дѣтей турецкой грамо- «тѣ, писанной греческими буквами; турецкія же буквы знаютъ немно- «гіе, даже священники, совершающіе богослуженіе по-турецки, читаютъ «книги, печатныя или писанныя греческими буквами.

«Состояніе греческой общины значительно зависитъ отъ старшинъ: «если они люди извѣстные, имѣющіе связь съ константинопольскими «богатыми Греками, то правители щадятъ общину, опасаясь жалобъ, «которыя могли бы подать поводъ къ большимъ непріятностямъ; такіе «сильные старшины находятся не во многихъ мѣстахъ. Если старши- «ны не имѣютъ опоры въ Константинополѣ, то они стараются пріоб- «рѣсть благорасположеніе правителей, что не выгодно для народа, ко- «торый, когда правитель и старшина за-одно, лишенъ всякой опоры, «долженъ отдаться безотвѣтно на произволъ своихъ притѣснителей. «Частные люди обыкновенно не любятъ старшинъ, гнушаются ими, какъ «измѣнниками своихъ соотечественниковъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и боят-

«ся ихъ. Впрочемъ, каждый, залучивъ въ руки власть, забываетъ «прежнія свои нареканія на другихъ, дѣлается не лучше, если не ху- «же своихъ предмѣстниковъ.

«Греки опасаются надѣвать, выходя изъ дома, лучшее свое платье, «стараются выказывать небывалую бѣдность, не только укрывая до- «статокъ свой отъ правителей, но и зная, что, одѣвшись богато, они «подвергнутся на улицѣ поруганію, даже побоямъ отъ народа. За то «въ другихъ мѣстахъ, гдѣ правители оказываютъ болѣе снисходитель- «ности къ не-магометанамъ, Греки дѣлаются нахальными, при малѣй- «шей возможности обижаютъ Турокъ дѣломъ и гордымъ съ ними обра- «щеніемъ, ругаются надъ ихъ обрядами вѣры. Въ подобныхъ случаяхъ «Турки терпятъ долго, жалуясь только на правителей, позволяющихъ «за деньги обижать народъ; но вышедши изъ терпѣнья, они мстятъ «жестоко.

«Турки презираютъ Грековъ, не вѣрятъ имъ ни въ чемъ, почитаютъ «ихъ низкими обманщиками; но прибѣгаютъ къ нимъ безпрестанно; «Греки, съ своей стороны, хотя не боятся и ненавидятъ Турокъ, хотя «гнушаются ими, какъ невѣрными, но видятъ, что они могутъ около нихъ «поживиться, льнутъ къ нимъ, сколько возможно. Кромѣ одной вѣры, «нѣтъ ничего въ свѣтѣ, чѣмъ бы анатолійскій Грекъ не пожертвовалъ «своей выгодѣ; нѣтъ человѣка, котораго бы онъ не обманулъ охотно, «тѣмъ болѣе Турка, своего владыку-притѣснителя, своего врага- «согражданина. Греки впились во всѣ части турецкаго общества, опу- «тали его сѣтями своихъ ухищреній, и угождая, уступая, прельщая, «унижаясь предъ каждымъ, наживаются отъ каждаго; они богаче Ту- «рокъ почти вездѣ, хотя съ нихъ берутъ болѣе, нежели съ Турокъ. «Грекъ уменъ, дѣятеленъ, предпріимчивъ, смѣтливъ — только на лег- «кій промыселъ; въ работѣ же онъ едва ли не лѣнивѣе Турка. До- «казательствомъ тому служитъ бѣдность Грековъ-земледѣльцевъ; бо- «гаты только торгаши, промышленники разнаго рода, изъ которыхъ «иные не могутъ назвать ремесла своего по имени, если они не утра- «тили наконецъ чувства стыда и приличія.

«Домашній бытъ Грековъ въ Анатоліи весьма различенъ въ разныхъ «мѣстахъ. Въ Смирнѣ и по селеніямъ приморскимъ онъ значительно «уклоняется отъ турецкаго: женщины ходятъ вездѣ съ открытымъ ли- «цомъ, не прячутся отъ постороннихъ, собираются вмѣстѣ съ мужчи- «нами, даже съ Турками, въ одни общества. Во внутренности края «дѣло иное: тамъ покрывала, дикость, нелюдимость совершенно на ту- «рецкій ладъ. Семейныя отношенія Грековъ почти вездѣ одинаковы: «жена есть служанка, если не рабыня, мужа; она не смѣетъ сѣсть «за одинъ столъ съ нимъ, не имѣетъ голоса въ дѣлахъ хозяйствен- «ныхъ. Дѣти тоже на ряду со слугами. Гречанки, въ отношеніи мѣст- «ности и нравственности, стоятъ гораздо выше отцевъ и мужей сво- «ихъ, хотя въ иныхъ городахъ Малой Азіи поведеніе ихъ не отличает-

«ся строгостью. Смирна составляетъ особенность: тамъ распутство сдѣ-«лало большіе успѣхи во всѣхъ сословіяхъ, а у Грековъ особенно. «Брусса немногимъ отстала отъ Смирны, къ чему способствовало и «то обстоятельство, что Бруса есть мѣсто изгнанія изъ Константино-«поля не только нѣкоторыхъ исключаемыхъ изъ службы сановниковъ, «но и женщинъ двусмысленнаго поведенія.»

Астрономическія наблюденія, для опредѣленія широтъ и долготъ, г. Вронченко производилъ призматическимъ кругомъ Штейнгеля, тремя хронометрами и отражательной бусолью. Онъ ѣздилъ всегда верхомъ, хронометры держалъ въ поясѣ, а кругъ въ чемоданѣ, на вьючной лошади. Путешествіе по Малой Азіи началъ онъ съ 20 мая 1834 г. изъ Смирны въ Синопъ, отсюда въ Кесарею, изъ Кесареи въ Байвадъ. Потомъ былъ онъ въ Никомидіи, въ Никеѣ, Эскишегрѣ, въ Кютайю, Коніи, въ пристани Календери, изъ которой проѣхалъ чрезъ Атолію, Макри и Кюджасъ. Болѣзнь въ городѣ Муглѣ прекратила его путешествіе и наблюденія въ 1834 г. Въ слѣдующемъ 1835 г. путешествіе его состояло изъ трехъ поѣздокъ. Въ первую, онъ посѣтилъ, Кушу-Адассы, Муглу, Айданъ, и пр.; во вторую — плавалъ изъ Смирны въ Константинополь; въ третью — былъ въ Пергамѣ, Бруссѣ и пр. Онъ опредѣлилъ географическое положеніе *ста* мѣстъ, изъ которыхъ только одна Смирна находится къ росписи географическихъ положеній въ «Connaissance des temps», такъ-что наблюденія г. Вронченко — единственныя основанія для составленія вѣрной карты Малой Азіи, которой сѣть приложена къ V части «Записокъ».

Д. *Труды полковника Ходзько.*

Труды полковника Ходзько относятся къ Кавказскому и Закавказскому Краю, гдѣ и прежде его занимались съёмками полковникъ Фон-дер-Ховенъ съ 1835 по 1838 г., генералъ Мендъ съ 1838 по 1841 г., полковникъ Ивановъ съ 1841 по 1843 г., и полковникъ Герасимовъ съ 1843 по 1846 годъ. Этими работами снято 216880 квадратныхъ верстъ. Масштабъ былъ принятъ $^1/_{42000}$, или $^1/_{84000}$, и бо̀льшая часть Закавказскаго Края была снята *полуинструментально*, то-есть по значительнымъ дорогамъ и рѣкамъ пройдено мензулою, а пространство между ними назначено глазомѣрно; въ нѣкоторыхъ неприступныхъ и лѣсистыхъ мѣстахъ, а также въ землѣ непріязненныхъ горцевъ снято все на глазъ; въ немногихъ только мѣстахъ Кавказскаго Края сдѣлана сплошная инструментальная съёмка. И такъ по этимъ работамъ нельзя было составить строгой карты Кавказа и Закавказья и получить о нихъ удовлетворительныхъ физико-географическихъ свѣдѣній. Для достиженія этой важной цѣли, собственно геодезическія работы начались здѣсь съ 1846 г., въ который, въ Ставропольскомъ Уѣздѣ, на правомъ берегу рѣки Кубани, было осмотрѣно (рекогносцировано) 11394 квадратныя версты, а между Кубанью и Лабой 5755

квадратныхъ верстъ. Въ 1847 г., подъ вѣдѣніемъ полковника Ходзько, капитаномъ Обергомъ 2, поручикомъ Александровымъ 2, прапорщикомъ Смирновымъ 2, подпоручикомъ Павленко и 11 топографами съ 4-мя переводчиками, нестроевою ротою при одномъ офицерѣ и конвойною командою донскихъ казаковъ произведены слѣдующія работы: 1) Избрано удобное мѣстоположеніе для измѣренія основанія между Шамхорскимъ постомъ и деревней Давлеръ; послѣ всѣхъ необходимыхъ распоряженій для уравненія мѣстности, построенія мостовъ и каменныхъ пирамидъ на концахъ основанія, онъ былъ измѣренъ въ 4296,4 сажени. 2) Составлено 20 первоклассныхъ треугольниковъ, и измѣрены всѣ ихъ углы и зенитныя разстоянія. 3) Поручикъ Александровъ опредѣлилъ широты и азимуты 9 пунктовъ: въ Нухѣ, Кубѣ, Ахтѣ, Хозры, Курахѣ, Чирахѣ, Кумухѣ, Ходжалѣ, Махѣ и на горѣ Турчадахъ. Въ 1848 г. сѣть треугольниковъ продолжалась отъ берега Каспійскаго Моря и отъ Кубы къ Шемахѣ, Нухѣ, по Лезгинской Линіи чрезъ Шушу до соединенія съ треангуляціею 1847 г., близь городовъ Нухи и Эривани. Сверхъ-того, были сдѣланы астрономическія наблюденія въ Дагестанѣ и по Кавказской Линіи по Тереку отъ Кубы до Владикавказа; всего опредѣлено астрономически 26 точекъ.

Въ XIV части «Записокъ», въ отчетѣ Военно-топографическаго Депо за 1850 годъ, находимъ, что полковникъ Ходзько трудился въ южной части Закавказскаго Края: 1) отъ сигнала Ах-Даго и Гюзельдара продолжена сѣть первоклассныхъ треугольниковъ до крайней точки юго-западной оконечности границы имперіи съ Турціею. 2) Между Ленкораномъ и сигналомъ Кульмъ, у города Ордубата, измѣрены два первоклассные треугольника. 3) Изъ вычисленныхъ зенитныхъ разстояній опредѣлялся коэффиціентъ земной рефракціи, начиная отъ уровня моря и постепенно до высоты 13,000 футовъ. Для дополненія этого труда поднимались еще выше, на Большой Араратъ (16,000 фут. надъ моремъ), причемъ измѣрено 136 зенитныхъ разстояній главныхъ первоклассныхъ пунктовъ. Независимо отъ геодезическихъ работъ, на вершинѣ Арарата сдѣланы барометрическія наблюденія, впродолженіе четырехъ сутокъ, чрезъ каждый часъ днемъ и ночью. 4) Связь первоклассной сѣти около Нухи съ первоклассными треугольниками возлѣ Шуши оказалась неисполнимою, по причинѣ лѣсовъ и камышей. Поэтому намѣстникъ кавказскій сносился съ персидскимъ правительствомъ о дозволеніи построить въ Персіи, на правомъ берегу Аракса-Зили, четыре сигнала. Согласіе персидскаго правительства получено въ началѣ сентября, а въ послѣднихъ числахъ этого мѣсяца прибыли въ Ордубатъ персидскіе чиновники. Хотя немедленно приступлено было къ осмотру мѣстности, однако трудность сообщенія, медленность персіянъ, считавшихъ 25 верстъ большимъ переходомъ, и дурная погода замедлили успѣхъ работъ, и впродолженіе октября едва выбрали и построили три сигнала. Въ настоящее время начинаются измѣренія угловъ этихъ

треугольниковъ и продолжаются работы въ Малышинскомъ Уѣздѣ. 5) Астрономическія наблюденія производились въ Тифлисѣ и на сигналѣ Кульмъ, гдѣ опредѣлены широта и азимуты.

Наконецъ, въ отчетѣ Военно-топографическаго Депо за 1851 годъ (часть XV «Записокъ») сказано: «Преодолѣвъ всѣ трудности при переходѣ съ инструментами чрезъ ледники Кавказскаго Хребта, взбираясь на отвѣсныя скалы, сдѣлана связь, начиная отъ сѣти, продолженной въ прошедшихъ годахъ на вершины центральнаго хребта, между «горами Эльбрусомъ и Казбекомъ, и оттуда спустились на плоскость «до Владикавказа. Въ южной части Закавказскаго Края сдѣлана связь «близь Ордубата. Въ восточной части составлена связь для продолженія сѣти до Дербента. Успѣху работъ много препятствовали сильнѣйшіе жары, особенно въ іюлѣ, на долинѣ Куры, гдѣ всѣ офицеры, «топографы и нижніе чины перенесли изнурительныя лихорадки и трое «изъ послѣднихъ умерли. Астрономическія занятія въ этомъ году состояли въ наблюденіи солнечнаго затмѣнія и въ опредѣленіи времени, «широты и азимута на сигналѣ Карамон-Дагъ и на горѣ Галавдурѣ «въ Осетіи. Кромѣ того, сдѣланы предварительныя исчисленія наблюденій въ горской Осетіи и абсолютныхъ ихъ высотъ, какъ для новой «карты Кавказскаго Края, такъ и для составленія рельефнаго изображенія того же края».

Этимъ оканчиваются извѣстія о трудахъ полковника Ходзько въ «Запискахъ Военно-топографическаго Депо». Съ нетерпѣніемъ ожидаемъ ихъ продолженія съ послѣдними выводами; а между-тѣмъ дополнимъ ихъ изъ «Кавказскаго Календаря» на 1854 годъ, гдѣ помѣщены двѣ таблицы: 1) высотъ надъ поверхностью моря 892 пунктовъ Кавказскаго и Закавказскаго Края и въ Персіи, и 2) высотъ надъ уровнемъ Чернаго Моря 61-го мѣста на урочищѣ Коджоры. Изъ первой таблицы видно, что однимъ г. Ходзько опредѣлены высоты 195 пунктовъ, изъ которыхъ нѣкоторые лежатъ ниже моря; именно: равнина Сагантъ на 56 англійскихъ футовъ, Божій Промыслъ — на 60, Баку — на 53, Ленкорань — на 65, Дербентъ — на 15, и уровень Каспійскаго Моря — на 85 футовъ.

Описаніе работъ топографическихъ, которыми наполняются геодезическія сѣти положеніями ближайшихъ между собой предметовъ, предоставляемъ пересмотрѣть самимъ читателямъ: иначе наше обозрѣніе выйдетъ изъ предѣловъ журнальной статьи.

Кромѣ описаній обширныхъ геодезическихъ и топографическихъ работъ, въ «Запискахъ» помѣщены многочисленныя астрономическія наблюденія подполковника Лемма въ Землѣ Донскихъ Казаковъ и въ Персіи, о соединеніи русскихъ сѣтей съ прусскими и австрійскими, извѣстія о хронометрическихъ экспедиціяхъ между Пулково, Москвой, Казанью и Варшавой; но о всѣхъ этихъ трудахъ читатели «Отечествен-

ныхъ Записокъ» были увѣдомлены въ свое время, и потому нѣтъ надобности повторять о нихъ.

Между приложеніями къ «Запискамъ» читатели, безъ-сомнѣнія, съ удовольствіемъ пересмотрятъ «Матеріалы для исторіи русскаго оружія» между которыми чрезвычайно-любопытна выписка изъ журнала походовъ Петра-Великаго къ крѣпостямъ Выборгу, Ревелю и Ригѣ въ 1710 году, помѣщенная въ XIII части, къ которой приложена еще обширнѣйшая таблица: «Списокъ точекъ Россіи, географическое по-«ложеніе которыхъ извѣстно, расположенный по губерніямъ, губерніи «же слѣдуютъ по альфавиту». Всѣхъ областей и губерній помѣщено здѣсь 66, а всѣхъ мѣстъ 7197, съ объясненіемъ, откуда заимствованы матеріалы.

Но мы остановимся на «Топографическомъ описаніи Сѣвернаго Урала, осмотрѣнномъ въ 1847 и 1848 годахъ» и на «Извлеченіи изъ днев-«ника, веденнаго въ южномъ отрядѣ уральской экспедиціи 1848 года, «заключающемъ очеркъ мѣстности между Уральскимъ Хребтомъ и Обью, «и подробное описаніе хода язвы, свирѣпствовавшей въ 1848 году на «Уралѣ, бывшей причиной бѣдственной неудачи экспедиціи». Эти три прекрасныя статьи составляютъ необходимое дополненіе къ книгѣ, изданной Русскимъ Географическимъ Обществомъ подъ названіемъ «Уралъ», составленной астрономомъ Ковальскимъ и на которую рецензія помѣщена была въ свое время въ «Отечественныхъ Запискахъ».

Упомянутыя статьи написаны г. прапорщикомъ топографовъ Юрьевымъ, и можно рѣшительно сказать, что едва-ли найдется гдѣ-нибудь топографическое описаніе страны, столь ясное, столь *рельефное*, какъ описаніе сѣверной части Урала, начиная отъ Чердыни, составленное г-мъ Юрьевымъ: читая его, мы какъ-будто путешествовали съ авторомъ, и все, что онъ описываетъ, какъ-будто видѣли собственными глазами. Еслибъ, въ доказательство этого, мы захотѣли сдѣлать нѣсколько выписокъ, то весьма затруднились бы въ выборѣ; пусть любители географіи запасутся XIV-ой частью «Записокъ» и сами прочтутъ два первыя отдѣленія труда г. Юрьева: мы увѣрены, что они вполнѣ согласятся съ нашимъ мнѣніемъ; читателей же негеографовъ мы познакомимъ съ его дневникомъ, для всѣхъ любопытнымъ.

1848 года 29 іюня, подъ сѣв. широтою 66°, при рѣкѣ Кòполѣ, экспедиція раздѣлилась на два отряда, на сѣверный и южный; изъ нихъ послѣдній, въ которомъ находился г. Юрьевъ, поступилъ подъ начальство г. майора Стражевскаго и отъ мѣста раздѣленія перешелъ въ тотъ же день на гору Тỳмболова, гдѣ г. Юрьевъ измѣрилъ основаніе для мензульной треангуляціи, предположенной продолжать непрерывно по Уралу до горы Квосмъ-Нёръ. Но и безъ затруднительной треангуляціи мензулою отрядъ не могъ продолжать пути отъ безпрерывныхъ дождей, повременамъ съ грозою, и отъ тумана, препятствовавшаго видѣть окружающіе предметы; съ 1-го по 9-е іюля про-

стоялъ онъ на одномъ мѣстѣ, при рѣкѣ Неяде-Іоганъ. Іюля 10-го, гг. Стражевскій и Юрьевъ ѣздили на высокую гору Тумболова-Тей-Кеу для опредѣленія направленія водораздѣла, но по дурной погодѣ потеряли и трудъ и время и измучили своихъ оленей, которые отъ комаровъ и оводовъ падали, рвали упряжь и кружились. До 14-го іюля отрядъ, хотя и медленно, но все еще подвигался впередъ на измученныхъ оленяхъ и дошелъ до вершины рѣки Псиди-Іоганъ, гдѣ, въ стадѣ, палъ одинъ олень : это было началомъ язвы, усиливавшейся ежедневно, такъ-что 19-го іюля пало вдругъ 37 оленей, годныхъ въ упряжь, а утромъ слѣдующаго дня, на вопросъ г. Стражевскаго о состояніи стада, толмачъ отвѣчалъ, что «остяки потеряли счетъ падали и перестали даже шкуры сдирать». Чтобъ отдѣлить здоровыхъ оленей отъ упавшихъ, г. Стражевскій приказалъ перегонять ихъ стадо съ мѣста на мѣсто; но и это не помогло : лишь перегонятъ его, какъ чрезъ часъ отдыха, пять или шесть оленей оставались на мѣстѣ. Въ первые дни падежа, проводники, остяки и самоѣды, снимали шкуры и даже съ жадностью ѣли мясо умершихъ оленей. Г. Стражевскій запретилъ и то и другое; но дикари нарушали запрещеніе ночью, разсуждая : «гдѣ это слыхано, чтобъ отъ оленьей болѣзни умиралъ человѣкъ».

Подрядчикъ и хозяинъ оленей, березовскій уроженецъ, Василій Усковъ, видя быстрое уничтоженіе бѣдныхъ животныхъ, составлявшихъ все его имущество, выпросилъ у начальника отряда кусокъ восковой свѣчи и пошелъ въ свой чумъ. Чрезъ полчаса горный мастеровой, находившійся въ услуженіи отряда, сказалъ, что «Василій Василичъ ка-«кую-то божественную книгу читаетъ вслухъ : можетъ, Богъ дастъ, «къ утру проведрится, и олени перестанутъ падать. Дай-то Господи, «истинный Христосъ!» Остяки же говорили свое : «это вѣрно ужь «такое мѣсто пропащее ; тутъ, на этомъ самомъ мѣстѣ, вѣрно чумъ «когда-нибудь стоялъ. Старики сказывали, если чумъ поставится на «старое мѣсто, то ужь не миновать бѣды. Это вѣрно! Нужно непре-«мѣнно заколоть бѣлаго здороваго оленя въ жертву и потомъ его шер-«стью окурить стадо». Отрядъ ждалъ перемѣны погоды, чтобъ сойдти съ этого *пропащаго* мѣста; но дождь лилъ во всю ночь, и утромъ пастухи донесли, что «ужь мало осталось живыхъ оленей : если не вѣрите, посмотрите сами». И дѣйствительно, ночью былъ страшный валежъ животныхъ.

Язва подвигалась къ сѣверу и трудности переѣздовъ часъ-отъ-часу увеличивались, потому-что къ югу, на всемъ протяженіи Урала, не осталось ни одного живаго оленя; сами остяки въ чумахъ почти на половину померли, или были жестоко больны. Впрочемъ, язва не простиралась сѣвернѣе рѣки Войкара, почему сѣверный отрядъ экспедиціи благополучно достигъ до Ледовитаго Моря ; на югѣ же опустошеніе и между людьми и между оленями было ужасное. Г. Стражевскій, при

всѣхъ своихъ усиліяхъ, долженъ былъ убѣдиться, что не осталось никакихъ средствъ продолжать путешествіе; онъ принужденъ былъ заботиться о спасеніи ввѣреннаго ему отряда, потому-что одинъ изъ служителей, горный мастеровой заболѣлъ заразою, которая начиналась болячкою на лицѣ, потомъ лицо начинало опухать; кому суждено было умереть, у того пухла вся голова до такой степени, что не видно было мѣста глазъ, носа и проч.; опухоль переходила къ горлу, и человѣкъ умиралъ отъ удушья.

Іюля 27-го г. Стражевскій объявилъ, что, убѣдившись въ невозможности дальнѣйшаго путешествія по Уралу, онъ закрываетъ экспедицію. Вслѣдствіе того онъ потребовалъ, чтобъ г. Юрьевъ показалъ ему всѣ свои вещи и инструменты, не исключая мелочныхъ, для осмотра и для назначенія, какіе изъ нихъ взять и какіе оставить, потому-что кладь надобно было уменьшить до самой крайности. Покуда была возможность доставать небольшое число оленей, до-тѣхъ-поръ отрядъ, оставивъ многія вещи, понемногу подвигался по направленію къ селу Мужи, лежащему на Оби и на такой возвышенности, что окружающія его мѣста назывались *материкомъ*. Іюля 28-го заболѣлъ горный мастеровой, Павелъ Вакиновъ. Для больнаго назначили особенную нарту и сдѣлали на ней постель, которую вмѣстѣ съ больнымъ привязали къ нартѣ; но страданія его увеличивались; онъ едва могъ говорить и предъ смертью просилъ о помощи его женѣ и пятерымъ дѣтямъ. Похоронивъ несчастнаго, отрядъ успѣлъ еще пройдти верстъ двадцать къ востоку отъ Урала. Къ-вечеру 2-го августа захворали вдругъ оба проводника, остякъ Павелъ и самоѣдъ Юкхоръ. Августа 4-го отрядъ лишился всѣхъ оленей, и потому оставалась надежда только на собственныя силы. Около полудня 5-го августа, г. Стражевскій, Юрьевъ, одинъ горный мастеровой, толмачъ и подрядчикъ сдѣлали котомки, положили въ нихъ необходимое платье, сухари, журналы, черные планы и другія записки, важныя для экспедиціи; каждому досталось по пуду ноши. Прочія вещи, минералы, инструменты и проч., увязавъ, оставили на тундрѣ, надѣясь, что ихъ доставятъ зимой. Отобравъ отъ больныхъ проводниковъ несовсѣмъ-точныя показанія о дорогѣ и подѣлившись съ ними сухарями, странники отправились въ путь, руководствуясь буссолью.

На пути, для сбереженія сухарей, питались грибами и ягодами. Августа 7-го г. Стражевскій собралъ всѣ сухари и раздѣлилъ ихъ поровну, фунта по два на человѣка; но ихъ достало только до 12-го августа; питаться надобно было только морошкою и грибами, которые собирали на каждомъ привалѣ, несмотря на усталость отъ труднаго пути по тундрамъ и болотамъ; чрезъ нѣкоторыя изъ нихъ пробирались почти ползкомъ. Августа 13-го на одномъ озерѣ среди тундры путешественники увидали двухъ дикихъ гусей съ гусенкомъ; но у нихъ не было ружья, и потому всячески старались добыть только гусенка

палками; послѣ двухчасовой работы, гусенокъ сдѣлался ихъ добычею и г. Стражевскій раздѣлилъ его на шесть частей, на три обѣда и на три ужина для четверыхъ. Варя въ двухъ чайникахъ грибы, половину каждой шестой доли гусенка опускали въ нихъ, и такой супъ казался весьма-вкуснымъ и питательнымъ. Хлебали супъ поочереди двумя ложками и наблюдали, чтобъ никто не проглотилъ лишней ложки. Послѣ супа, г. Стражевскій дѣлилъ и кусочекъ гусенка поровну.

Августа 17-го, послѣ двѣнадцатидневнаго странствованія, отрядъ нашелъ много грибовъ, называемыхъ *сыроѣжками;* каждый наполнилъ ими свою котомку и употреблялъ сухіе не только вмѣсто хлѣба, но и вмѣсто сахара, закусывая ими чай, котораго выпивали стакана по четыре на привалахъ. Августа 22-го теплое и ясное утро обогрѣло и оживило путешественниковъ. Въ этотъ торжественный день коронованія Ихъ Императорскихъ Величествъ, г. Стражевскій захотѣлъ сдѣлать роскошный обѣдъ: онъ высыпалъ въ грибную похлебку послѣднюю щепотку соли, которую сберегалъ какъ лекарство.

Августа 25-го путешественники вышли на хорошую дорогу, переправились чрезъ рѣчку и начали подниматься на горные хребты. На другой день дорога раздѣлилась на двѣ; но обѣ вели къ селенію Мужи, потому-что подрядчикъ узналъ ихъ и увѣрялъ, что по одной изъ нихъ не разъ ѣздилъ зимою, но не ручался за ея проходимость лѣтомъ: заливы рѣки могли затруднить переправы безъ лодки. Другая, зырянская дорога, шедшая на юговостокъ, была еще лучше; но подрядчикъ говорилъ, что она дѣлаетъ большой крюкъ; поэтому онъ отдѣлился отъ отряда и пошелъ по зимней дорогѣ.

Августа 27-го, г. Стражевскій совѣтовалъ своимъ товарищамъ собрать послѣднія силы и идти, не останавливаясь, въ надеждѣ достигнуть села Мужи въ одинъ день; но, несмотря на такое радостное извѣстіе, ноги не слушались и руки отнялись отъ слабости и отъ тяжести котомокъ. Къ-вечеру пришли къ густому и мокрому лѣсу, при опушкѣ котораго влѣво увидали Обь. При крикахъ: Обь! Обь! всѣ сняли шапки и поблагодарили Бога за вѣрную надежду на спасеніе послѣ двадцатидвух-дневнаго странствованія подъ дождемъ и безъ пищи. Тутъ всѣ забыли даже голодъ и думали только, что на другой день будутъ въ теплой избѣ и увидятъ людей. И дѣйствительно, пройдя утромъ версты полторы, странники услышали лай чужой собаки. Г. Юрьевъ пошелъ въ ту сторону; но товарищи воротили его сигнальными окликами; возвращаясь, онъ увидалъ людей, шедшихъ на встрѣчу: это были зырянинъ Филимонъ Рочевъ съ двумя своими работниками-остяками. Радушный и гостепріимный зырянинъ, услыхавъ отъ подрядчика, что онъ оставилъ отрядъ верстахъ въ тридцати на раздѣленіи дорогъ, тотчасъ послалъ трехъ остяковъ по зырянской дорогѣ, а самъ ночью сдѣлалъ переходъ по зимней. «Этотъ радостный день (пишетъ г. Юрьевъ) никто не забудетъ изъ нашихъ спутниковъ. При-

«несенные хлѣбъ, рыба, молоко, сахаръ, чай и нѣсколько вина обрадовали насъ невыразимо. Маіоръ строго запретилъ, чтобъ никто не «смѣлъ съѣсть куска безъ его позволенія, и самъ раздавалъ пищу по «усмотрѣнію».

Ужь смерклось, когда отрядъ пришелъ въ Мужи; но, не снимая котомокъ, всѣ прямо отправились въ церковь принести благодарность Богу за спасеніе и прекращеніе невыносимыхъ трудовъ и опасностей.

Послѣдніе шестнадцать верстъ отрядъ сдѣлалъ въ $2^1/_2$ часа; на пути пересѣкли двѣ рѣчки, а къ самому селенію, около версты, плыли въ лодкѣ по Сору (заливъ Оби). Еслибъ не встрѣтилъ ихъ Рочевъ, то имъ пришлось бы мучиться около залива и искать обхода за нѣсколько верстъ. Подрядчикъ вышелъ верстами четырьмя ниже селенія и, связавъ плотъ изъ двухъ лѣсинъ, переплылъ на немъ узкое мѣсто залива и добрался до селенія.

Послѣ трехнедѣльнаго изнурительнаго и почти безнадежнаго странствованія, путешественники провели первую ночь безпокойно: отвычка отъ комнатнаго тепла и радость были причиною безсонницы. Засыпавшіе на-минуту пробуждались страшными грезами, вскакивали и старались увѣриться, что они ужь не въ тундрахъ, не на голой, мокрой землѣ, подлѣ огня, который сжигалъ ихъ оборванное платье. Несмотря на постепенный и осторожный переходъ отъ грибовъ и голода къ хлѣбу, г. Стражевскій сдѣлался боленъ лихорадкою, продолжавшеюся десять дней. Всѣ прочіе походили также болѣе на тѣни, нежели на людей; цвѣтъ кожи былъ видѣнъ только между пальцами обожженныхъ и опухшихъ рукъ; съ ногъ начали спадать ногти; самъ дюжій и привыкшій къ климату подрядчикъ бредилъ два дня, какъ въ горячкѣ. Замѣчательно, что, несмотря на голодъ, отрядъ, или, лучше, его твердый начальникъ сберегъ собаку, на которую часто посматривали служители. Г. Стражевскій часто говорилъ имъ, что еще рано бить собаку, которая не требовала корма, питаясь полевыми мышами; надобно беречь ее до самой крайности, и особенно длятого, кто по болѣзни принужденъ будетъ остаться въ пустынѣ, въ ожиданіи помощи.

На другой день послѣ перваго ночлега у Рочева, собрались въ его избу всѣ остяки селенія и, смотря на пришлецовъ, какъ на дикихъ звѣрей, пересказывали другъ другу ихъ похожденія и чрезвычайно удивлялись, что они питались *поганою травою*, то-есть грибами. Также удивлялись и пеняли своимъ соотечественникамъ-оленоводамъ, оставшимся на Уралѣ: «какъ не могли они найдти въ стадѣ бѣлыхъ, «красивыхъ оленей для принесенія въ жертву и чрезъ то отвратить «заразу, которой подобную не видывали и не слыхивали ихъ старики».

Слухи о неожиданномъ прибытіи отряда на Обь въ село Мужи скоро дошли до Березова, откуда немедленно пріѣхали березовскій исправникъ г. Булыгинъ и обдорскій засѣдатель г. Бекрѣевъ, для полученія подробныхъ свѣдѣній о несчастныхъ и объ инородцахъ, остав-

шихся безъ помощи на Уралѣ. Г. Стражевскій обо всемъ увѣдомилъ ихъ офиціально, и г. Бекрѣевъ отправился на мѣста, опустошенныя язвою; но, поплывъ на лодкахъ по рѣкѣ Синвѣ, не достигъ до своей цѣли за мелководіемъ по каменному дну; только въ октябрѣ, по зимнему пути, поднялся онъ изъ Обдорска на Уросъ, и съ фершеломъ и казаками объѣхалъ все его протяженіе, почти до верховья Сыгны; по дорогѣ онъ раздавалъ заводныхъ оленей и съѣстные припасы бѣдствующимъ инородцамъ.

По выздоровленіи г. Стражевскаго, отрядъ 4-го сентября поплылъ въ Березовъ и прибылъ туда чрезъ шесть дней. Г. Юрьевъ оканчиваетъ свой дневникъ благодарностью начальнику отряда: «Долгомъ «вмѣняю себѣ принести истинную благодарность г. маіору (нынѣ под-«полковнику) Н. И. Стражевскому, отъ имени всѣхъ бывшихъ въ от-«рядѣ, которые обязаны ему своимъ спасеніемъ. Благоразумными рас-«поряженіями, попеченіемъ о каждомъ изъ насъ и хладнокровнымъ «перенесеніемъ тяжкихъ лишеній и трудовъ, онъ ободрялъ насъ, за-«ставляя съ твердостью и надеждою слѣдовать его прекрасному, рѣдко-«му, по обстоятельствамъ, примѣру».

Къ статьямъ г. Юрьева приложены карта Урала, на которой изображенъ путь южнаго отряда, и планъ города Березова, о достопримѣчательностяхъ котораго г. Юрьевъ пишетъ слѣдующее:

«По восточной сторонѣ Воскресенскаго собора, внѣ ограды церков-«ной, едва примѣтный дерновой холмъ съ деревяннымъ крестомъ и «палисадомъ означаетъ убогую могилу князя А. Д. Меншикова, со-«сланнаго въ 1727 году, умершаго въ 1729 году и будто-бы по-«хороненнаго подлѣ дочери его, княжны Маріи, невѣсты императора «Петра II-го. Отъ жилища К. Меншикова не осталось никакихъ слѣ-«довъ; только въ сѣверной части города, на песчаной возвышенности «горнаго берега, осѣненнаго вѣковыми лиственицами, у такъ-называе-«мой заручейной церкви (во имя Рождества Богородицы) показываютъ «мѣсто, гдѣ былъ домъ знаменитаго изгнанника; деревянная же цер-«ковь, имъ выстроенная, сгорѣла въ 1808 году.

«Тутъ же, у церкви Рождества Богородицы, саженяхъ въ двадцати «на сѣверо-западъ, отдѣльно отъ городскаго кладбища, находится мо-«гила графа А. И. Остермана, бывшая долго въ неизвѣстности и слу-«чайно открытая полковникомъ Гофманомъ весною 1848 года. Чтобъ «узнать, до какой глубины проникаетъ дѣйствіе мороза въ разныхъ «почвахъ, г. Гофманъ велѣлъ бить шурфы. Когда взрыли гору «близь церкви и проникли глубины до десяти футовъ, то уперлись «въ истлѣвшій гробъ, въ которомъ находились остатки другаго гроба «съ уцѣлѣвшими позументами и лоскутьями шелковой матеріи, и чере-«помъ, покрытымъ прахомъ и землею. Г. Гофманъ тотчасъ приказалъ «засыпать гробъ и, заключивъ по золотому позументу, что тутъ была «могила какого-нибудь знатнаго человѣка, обратился за справками къ

«члену-корреспонденту Р. Г. О., смотрителю училищъ, г. Абрамову, «который, по собраннымъ свѣдѣніямъ, рѣшилъ, что тутъ покоится «прахъ графа А. И. Остермана. Тогда г. Гофманъ покрылъ могилу «свѣжимъ дерномъ и поставилъ черный большой крестъ, къ которому «была прибита мѣдная дощечка съ изображеніемъ графской короны «и съ латинскими буквами: А. О.; могилу обнесли простою оградою «и отслужили на ней панихиду. Послѣ буквы А. О. были перемѣне-«ны на H. O. (Heinrich Osterman).

«Могила князя Ѳедора Долгорукова и понынѣ достовѣрно неизвѣстна. «Впрочемъ, преданіе указываетъ мѣсто близь могилы княжны Маріи «Меншиковой, что̀ подтверждается слѣдующимъ памятникомъ: г. Абрамовъ, «съ дозволенія тобольскаго преосвященнаго и гражданскаго губернатора, «разыскивая рукописныя и другія рѣдкости Березова, сообщилъ, между-«прочимъ, объ одной, долго въ тайнѣ хранившейся въ Воскресенскомъ «соборѣ — о золотомѣ медальонѣ, въ которомъ заключается свитая въ «кольцо прядь свѣтлорусыхъ волосъ. Описывая этотъ медальонъ, г. «Абрамовъ прибавляетъ свѣдѣнія, переданныя въ потомство церковными «старостами, престарѣлыми жителями Березова, знавшими о существо-«ваніи медальона. Онъ поступилъ въ Спасскую церковь (нынѣ Вос-«кресенскій соборъ), по смерти князя Ѳ. Долгорукова, вмѣстѣ съ «иконою, у которой онъ висѣлъ на вѣнчикѣ изображенія святаго; вложенные «въ него волосы будто-бы взяты отъ умершей его супруги Марьи «Александровны, съ которою былъ тайно обвѣнчанъ старымъ священ-«никомъ, за что̀ подаренъ ему барсовый плащъ, долго хранившійся въ «его потомствѣ. Ѳедоръ и Марья въ лѣтнее время прогуливались по «городу, причемъ на ней было всегда черное платье, чаще бархатное, «съ окладкою изъ серебрянаго позумента. Марья Александровна, а «потомъ вскорѣ супругъ ея были похоронены близь деревянной Спас-«ской церкви, на южной сторонѣ (на востокѣ отъ нынѣшней каменной), «и на могилахъ ихъ были деревянные памятники, то-есть простые «срубы въ два толстыхъ бревна. Медальонъ, особенно въ 1739 году, «когда постигла казнь нѣкоторыхъ изъ Долгорукихъ, былъ скрываемъ «въ церкви какъ секретный прикладъ Долгорукихъ, о которомъ духов-«ныя лица не смѣли никому говорить. Кромѣ медальона, въ березов-«скихъ церквахъ показываютъ нѣкоторыя старыя утвари, облаченія «священниковъ и церковнослужителей, принесенныя въ даръ Менши-«ковымъ и другими извѣстными лицами. Въ Воскресенскомъ соборѣ, «на церковныхъ книгахъ, по которымъ и теперь служатъ, сдѣлана «надпись княжною Еленою Долгорукою: *на поминовеніе родителей.* «Книги эти присланы въ Березовъ, по ея возвращеніи въ С. Петербургъ».

Наконецъ въ той же XIV части «Записокъ» находятся два топографическія описанія части Сѣвернаго Урала отъ $64^1/_2$ до 66° сѣверной широты, изслѣдованной въ 1850 году, и рѣки Печоры съ ея

притоками Уньи, Илыга, Подсерема, Щугура и Уссы, составленныя подпоручикомъ Брагинымъ.

Изъ нашего по необходимости краткаго обозрѣнія читатели могутъ усмотрѣть, что «Записки Военно-топографическаго Депо» содержатъ въ себѣ множество драгоцѣнныхъ матеріаловъ для русской географіи и топографіи, и что послѣ ихъ изданія нельзя ужь жаловаться на недостатокъ хорошихъ картъ и другихъ пособій для изученія Россіи въ географическомъ и топографическомъ отношеніи. Благодаря нашему щедрому правительству, подобныя жалобы нынѣ непростительны и доказываютъ только незнаніе самыхъ чистыхъ источниковъ.

НОВЫЯ КНИГИ.

Стихотворенія Ѳ. Тютчева. *Санктпетербургъ. 1854. Въ тип. Э. Праца. Въ 12-ю д. л. 139 стр.*

Наконецъ, послѣ долгаго молчанія, въ литературѣ нашей снова послышались поэтическіе звуки и чувствуется вдохновительное присутствіе музы. Тому ужь много лѣтъ, какъ мы перестали слышать ея голосъ и думали, что тѣ наслажденія, которыми она, какъ цвѣтами, убрала нашу молодость, давно прошли для насъ и не возвратятся вновь. Разъ пустивъ корни въ землю, искусство не умираетъ; но пышный цвѣтъ бываетъ на немъ только однажды. Намъ казалось, что мы ужь оставили его позади себя, что отъ прекрасной весны нашего искусства сохранились лишь немногія преданія, какъ вдругъ откуда-то послышался прежній гармоническій строй и чей-то звучный голосъ снова напѣваетъ слуху давно-знакомую ему мелодію... Пріятно забыться хоть на часъ въ бесѣдѣ съ музою и вспомнить то время, когда она была постоянною гостьей въ нашей литературѣ.

«Среди громовъ, среди огней,
Среди клокочущихъ зыбей,
Въ стихійномъ, пламенномъ раздорѣ,
Она съ небесъ слетаетъ къ намъ —
Небесная — къ земнымъ сынамъ,
Съ лазурной ясностью во взорѣ,
И на бунтующее море
Льетъ примирительный елей». (Стр. 78).

Да̀, это она... И кто бы не узналъ ея по этой «лазурной ясности» въ очахъ и «примирительной» улыбкѣ, съ которою она сходитъ къ намъ «среди громовъ, среди огней», «среди клокочущихъ зыбей»? Такова она всегда — среди мира и тишины, во время военныхъ бурь и непогодъ. Что̀ бъ ни совершалось вокругъ, какія бы тучи ни ходили по горизонту, природа ея остается неизмѣнна. Вѣчно-ясная, вѣчно-прекрасная, она живетъ на недоступной высотѣ, откуда все представляется ей въ свѣтломъ сіяніи. Съ улыбкою смотритъ она на міръ Божій, и никакая гроза не смутитъ ея покоя. Самое смятеніе природы видитъ

она не иначе, какъ въ яркихъ, радужныхъ цвѣтахъ. Изъ прозрачныхъ облаковъ и изъ молніеносныхъ тучъ равно беретъ она свои краски, которыми пишетъ великолѣпныя картины. Радости жизни становятся ярче подъ ея оживленною кистью, и самыя тревоги жизненныя какъ-бы смягчаются и получаютъ болѣе-нѣжный колоритъ отъ одного прикосновенія волшебной руки ея. Какъ сама она полна гармоніи, такъ все, даже самыя горькія жалобы сердца, разрѣшаются на языкѣ ея въ удивительную гармонію. Какъ не узнать поэзіи, хотя бы даже по нѣсколькимъ оторваннымъ звукамъ!

Душа поэта, говоря его же словами, «элизіумъ тѣней...

«Душа моя — элизіумъ тѣней —
Тѣней, безмолвныхъ, свѣтлыхъ и прекрасныхъ,
. . . .
Ни радостямъ, ни горю не причастныхъ.
Душа моя — элизіумъ тѣней!
Что общаго межь жизнью и тобою,
Межь вами, призраки минувшихъ лучшихъ дней,
И сей безчувственной толпою?» (Стр. 26).

Хотите вы, можетъ-быть, знать, что творится иногда въ этомъ маленькомъ мірѣ — душѣ поэта? Послушайте еще разъ его самого:

«И море и буря качали нашъ челнъ;
Я, сонный, былъ преданъ всей прихоти волнъ.
И двѣ безпредѣльности были во мнѣ —
И мной своевольно играли онѣ.
Кругомъ, какъ кимвалы, звучали скалы
И вѣтры свистѣли, и пѣли валы.
Я въ хаосѣ звуковъ леталъ оглушенъ;
Надъ хаосомъ звуковъ носился мой сонъ...
Болѣзненно-яркій, волшебно-нѣмой,
Онъ вѣялъ легко надъ гремящею тьмой,
Въ лучахъ огневицы развилъ онъ свой міръ.
Земля зеленѣла, свѣтился эѳиръ...
Сады, лабиринты, чертоги, столпы...
И чудился шорохъ несметной толпы.
Я много узналъ мнѣ невѣдомыхъ лицъ:
Зрѣлъ тварей волшебныхъ, таинственныхъ птицъ —
По высямъ творенья я гордо шагалъ,
И міръ подо мною недвижно сіялъ...
Сквозь грёзы, какъ дикій волшебника вой,
Лишь слышался грохотъ пучины морской,
И въ тихую область видѣній и сновъ
Врывалася пѣна ревущихъ валовъ». (Стр. 48).

Узнаёте ли поэта? видите ли, что онъ живетъ двойною жизнью— одною, которая у него общая со всѣми нами, и другою, таинственною, которая принадлежитъ ему одному? Послушайте его, поговорите съ

нимъ, и вы опять повѣрите волшебной силѣ поэтическихъ сновъ и видѣній.

И видится ему часто въ Божіемъ мірѣ совсѣмъ не то̀, что̀ видимъ мы въ немъ нашими простыми глазами, и часто чуется ему въ немъ нѣчто такое, о чемъ мы и не подозрѣваемъ. Вотъ сошла на землю темная ночь: для васъ все скрылось, все исчезло; но въ безмолвіи ночи, въ ея неразгаданномъ мракѣ, душа поэта чуетъ нѣчто родное, знакомое ей по отдаленнымъ воспоминаніямъ:

«Святая ночь на небосклонъ взошла
И день отрадный, день любезный,
Какъ золотой коверъ она свила —
Коверъ, накинутый надъ бездной.
И, какъ видѣнье, внѣшній міръ ушелъ...
И человѣкъ, какъ сирота бездомный —
Стоитъ теперь и немощенъ и голъ,
Лицомъ къ лицу предъ этой бездной темной...
И чудится давно-минувшимъ сномъ
Теперь ему все свѣтлое, живое,
И въ чуждомъ, неразгаданномъ ночномъ
Онъ узнаетъ наслѣдье родовое». (Стр, 100).

Кто изъ насъ не пережилъ прекраснаго дня и не видѣлъ потомъ тихонисходящей ночи? Но кто изъ насъ видѣлъ этотъ «золотой коверъ», раскинутый надъ бездной, или кто подмѣтилъ, ка̀къ ночь *всходила* надъ землею, и ка̀къ она свивала его, между-тѣмъ, какъ внѣшній міръ *уходилъ* прочь, подобно видѣнію? Или кто уловилъ это неразгаданное, но родное, что̀ слышится каждому въ безмолвномъ мракѣ ночи, хотя и не находитъ себѣ выраженія на обыкновенномъ языкѣ?

Не удивляйтесь же, что рѣчи поэта иногда отзываются таинственностью. Надъ міромъ, который видимъ всѣмъ намъ, у него распростирается еще свой міръ, доступный лишь поэтическому глазу; душа его полна видѣній и сновъ, которыхъ никто не можетъ намъ разсказать, кромѣ его самого. Кто хочетъ войдти въ смыслъ его видѣній, тотъ пусть внимательно прислушивается къ его рѣчамъ и не теряетъ изъ нихъ ни одной черты. Иное можетъ показаться вовсе-неимѣющимъ образа, что̀ въ сущности лишь не уловляется имъ сполна. Невниманіе, конечно, легче; но нѣкоторые образы и не могутъ быть иначе уловлены, какъ при усиленномъ вниманіи. Напримѣръ, этотъ образъ жизни, который мы находимъ у того же поэта:

«Какъ океанъ объемлетъ шаръ земной,
Земная жизнь кругомъ объята снами;
Настанетъ ночь, и звучными волнами
Стихія бьетъ о берегъ свой.
То гласъ ея: онъ нудитъ насъ и проситъ,
Ужь въ пристани волшебный ожилъ челнъ...

Приливъ растетъ и быстро насъ уноситъ
Въ неизмѣримость темныхъ волнъ.
Небесный сводъ, горящій славой звѣздной,
Таинственно глядитъ изъ глубины,
И мы плывемъ, пылающею бездной
Со всѣхъ сторонъ окружены». (Стр. 12).

Какое великолѣпное представленіе того, что въ жизни есть таинственнаго, неуловимаго, неразгаданнаго, того, что владѣетъ нами и чѣмъ мы владѣть никогда не въ-состояніи! И кто, однако, поручится, что многіе не пропустятъ этого произведенія оттого только, что не привыкли останавливаться надъ стихомъ мыслью и думаютъ усвоить себѣ всякую поэтическую идею, не давая себѣ ни малѣйшаго труда. Намъ, кажется, напротивъ, что, даря чатателя прекраснымъ образомъ, поэтъ въ-правѣ потребовать и съ его стороны нѣкотораго труда, нѣкотораго вниманія къ себѣ. Неудачнымъ можно считать тотъ только образъ, который не покоряется даже и усиленному вниманію.

Мы не могли потомъ не узнать поэзіи по другому, можетъ-быть, болѣе-общему, но неменѣе-вѣрному признаку. Помните ли то время, когда у насъ процвѣтала цѣлая школа поэтическаго искусства, когда почти каждая новая луна приносила намъ и новый роскошный цвѣтъ его? Тогда мы знали поэзію не по слуху; тогда она была нѣчто живое, въ-очью совершавшееся. Всякій, у кого только было ухо, могъ легко узнать ея строй и изучить въ живыхъ примѣрахъ ея мелодію. Чтобъ почувствовать прелесть художественности, ненужно было прибѣгать къ теоріямъ, или обращаться къ давно-оставленнымъ книгамъ и отъискивать ихъ подъ пылью на полкахъ библіотеки: художественные образы лежали въ свѣжихъ спискахъ на столѣ, или, даже еще проще, у всѣхъ были въ свѣжей памяти: ихъ знали наизустъ, ими любовались наединѣ, ихъ читали и перечитывали другъ другу. Кто прошелъ черезъ эту школу, или хотя только пережилъ ея время, тому поэзія всегда отзовется какъ нѣчто-родное, давно-знакомое.

Тогда не знали точныхъ опредѣленій и означали этотъ неуловимый эѳиръ, которымъ вѣетъ отъ всего поэтическаго, словомъ: «невыразимое». Послѣ того много опредѣлилось въ поэзіи, подвергнутый анализу поэтическій процесъ сталъ яснѣе для чистой мысли и художественность сдѣлалась высшимъ опредѣленіемъ поэтическаго достоинства. Но и сверхъ всѣхъ найденныхъ опредѣленій осталось еще нѣчто неуловимое въ поэтической прелести, что до-сихъ-поръ не покоряется никакому анализу и не выражается никакимъ точнымъ словомъ. Эта поэтическая квинтессенція дается лучше-всего по сравненіи съ готовыми образцами, съ тѣми особенно, которые сами-собою остаются въ памяти и, какъ музыкальные звуки, легко пробуждаются въ ней при малѣйшемъ напоминаніи. Для привыкшаго къ нимъ слуха достаточно двухъ или трехъ вѣрныхъ тоновъ, чтобъ распознать истинно-поэтическое отъ поддѣльнаго.

Послушайте, напримѣръ, эти звуки: не знакомые ли они вамъ?

«Надъ виноградными холмами
Плывутъ златыя облака,
Внизу зелеными волнами
Шумитъ померкшая рѣка:
Взоръ постепенно изъ долины,
Подъемлясь, всходитъ къ высотамъ
И видитъ на краю вершины
Круглообразный, свѣтлый храмъ.
Тамъ, въ горнемъ неземномъ жилищѣ,
Гдѣ смертной жизни мѣста нѣтъ,
И легче и пустынно-чище
Струя воздушная течетъ.
Туда взлетая, звукъ нѣмѣетъ —
Лишь жизнь природы тамъ слышна,
И нѣчто праздничное вѣетъ,
Какъ дней воскресныхъ тишина». (Стр. 41).

Мотивъ не новый, но онъ именно потому и дорогъ намъ, что мы знакомы съ нимъ давно, что помнимъ его еще со времени лучшаго изъ нашихъ поэтовъ. Между-тѣмъ вы не скажете, конечно, чтобъ это было подражаніе: вы найдете лишь одинаковое чувство, вызванное одинаковымъ положеніемъ.

Это было тогда какое-то общее гармоническое настроеніе въ литературѣ, отъ котораго доносятся до насъ развѣ изъ стараго времени нѣкоторые затерявшіеся звуки, въ родѣ слѣдующихъ:

Востокъ бѣлѣлъ... ладья катилась,
Вѣтрило весело звучало!
Какъ опрокинотое небо
Подъ нами море трепетало.
Востокъ алѣлъ.... она молилась,
Съ кудрей откинувъ покрывало,
Дышала на устахъ молитва,
Во взорахъ небо ликовало...
Востокъ вспылалъ... она склонилась,
Блестящая поникла выя,
И по младенческимъ ланитамъ
Струились капли огневыя»... (Стр. 36).

Потревожьте немного память своего слуха, и вы почувствуете, что поэтъ возобновляетъ вамъ даже знакомые образы и соединенную съ ними прелесть. Какъ тамъ видѣли вы взоръ, подъемлющійся съ долины и постепенно восходящій къ высотамъ до горняго жилища, гдѣ слышна лишь жизнь природы, такъ здѣсь встрѣчаете вы, можетъ-быть, еще болѣе-знакомое вамъ «вѣтрило», откинутое съ кудрей «покрывало», «алѣющій востокъ», «ликующее небо», и еще многое за ними, что песо-

всѣмъ—легко сказывается словомъ, но что лучше узнается памятью чувства.

Такъ-какъ у насъ пошло на поэтическія воспоминанія, то мы не можемъ удержаться, чтобъ съ помощью нашего поэта не возобновить въ памяти читателей еще одного задушевнаго мотива изъ добраго стараго времени:

«Итакъ, опять увидѣлся я съ вами,
Мѣста печальныя, хоть и родныя,
Гдѣ мыслилъ я и чувствовалъ впервые.
И гдѣ теперь туманными очами,
При свѣтѣ вечерѣющаго дня,
Мой дѣтскій возрастъ смотритъ на меня.
О, бѣдный призракъ, немощный и смутный
Забытаго, загадочнаго счастья!..
О, какъ теперь безъ вѣры и участья
Смотрю я на тебя, мой гость минутный!
Куда какъ чуждъ ты сталъ въ моихъ глазахъ,
Какъ братъ меньшой, умершій въ пеленахъ! (Стр. 51).

Надобно быть очень-юнымъ, чтобъ не узнать этого «бѣднаго призрака» перваго дѣтства и его забытаго, загадачнаго счастья; надобно быть большимъ новичкомъ въ литературѣ, чтобъ не обрадоваться этимъ «печальнымъ, хотя и роднымъ мѣстамъ», гдѣ вы мыслили и чувствовали впервые, какъ давнишнимъ милымъ знакомцамъ. Мотивъ такъ свѣжъ, что никто не сочтетъ его заимствованнымъ, и послѣдній оборотъ его такъ своеобразенъ, что никому и въ голову не прійдетъ искать въ немъ подражанія. Тайна этого поразительнаго согласія и почти созвучія между старымъ и новымъ опять заключается не столько въ сходствѣ отдѣльныхъ звуковъ, сколько въ общемъ настроеніи, которое принадлежало только одному времени, одной минувшей эпохѣ въ литературѣ, и которое составляло какъ-бы исключительную собственность только извѣстнаго поколѣнія.

Рѣшительно можно сказать, что никто такъ вѣрно не усвоилъ себѣ и никто такъ хорошо не сохранилъ лучшихъ поэтическихъ мотивовъ пушкинскаго періода литературы, какъ г. Тютчевъ. Своею мелодіей, своими образами и еще тою «невыразимою» прелестью, которая остается въ поэзіи послѣ звучнаго стиха и яркаго образа, онъ прямо переноситъ насъ въ тотъ золотой вѣкъ. Онъ непремѣнно самъ былъ въ той мастерской, гдѣ работали лишь истинные художники; онъ видѣлъ тайну красоты своими собственными глазами и навсегда запечатлѣлъ образъ ея въ душѣ своей. Иначе мы, право, не умѣемъ понять, какъ, напримѣръ, въ «іюлѣ 1850 года» могло быть написано слѣдующее стихотвореніе:

«Пошли Господь свою отраду
Тому, кто въ лѣтній жаръ и зной.

Какъ бѣдный нищій, мимо саду
Бредетъ по жаркой мостовой;
Кто смотритъ вскользь черезъ ограду
На тѣнь деревьевъ, злакъ долинъ,
На недоступную прохладу
Роскошныхъ, свѣтлыхъ луговинъ.
Не для него гостепріимной
Деревья сѣнью разрослись,
Не для него, какъ облакъ дымной,
Фонтанъ на воздухѣ повисъ.
Лазурный гротъ какъ изъ тумана
Напрасно взоръ его манитъ,
И пыль роспстая фонтана
Главы его не освѣжитъ.
Пошли Господь свою отраду, и т. д.» (Стр. 68).

Тутъ нѣтъ ни одной черты, которая бы исключительно принадлежала пушкинскому періоду. И этотъ нищій, который бредетъ въ лѣтній жаръ и зной, и эта дорога, идущая мимо сада и лишенная его прохладной тѣни — все это неотъемлемая собственность самого поэта, равно какъ и самая мысль стихотворенія, граціозно-спрятавшаяся за ними, какъ, говоря словами другаго поэта, «прячется въ саду малиновая слива подъ тѣнью сладостной зеленаго куста». Но какого времени, какъ не пушкинскаго, этотъ художественный строй, эта удивительная гармонія всѣхъ красокъ, наконецъ это рѣдкое умѣнье провести всю мысль въ одномъ образѣ, ни разу не разоблачивъ ея до наготы?

Самая мысль о смерти не возмущаетъ ясности взгляда и разрѣшаетъ гармонію. У нашего поэта:

«И гробъ опущенъ ужъ въ могилу,
И все столпилося вокругъ.
Толкутся, дышатъ черезъ силу..
Спираетъ грудь тлетворный духъ.
И надъ могилою раскрытой,
Въ возглавіи, гдѣ гробъ стоитъ.
Ученый пастырь сановитый
Рѣчь погребальную гласитъ.
Вѣщаетъ бренность человѣчью,
Грѣхопаденье, кровь Христа —
И умною, пристойной рѣчью
Толпа различно занята.
А небо такъ нетлѣнно-чисто,
Такъ безпредѣльно надъ землей,
И птицы рѣютъ голосисто
Въ воздушной безднѣ голубой». (Стр. 18).

Распознавъ разъ поэзію, всегда стоитъ труда всмотрѣться пристальнѣе въ ея физіономію. Пріятно, вопервыхъ, отъискать въ ней общія,

родовыя черты, находимыя большею-частью по сравненію; еще пріятнѣе отличить въ ней индивидуальное и какъ-бы личное, открывающееся глазу при болѣе-отчетливомъ наблюденіи. Мы согласились на первыя въ доказательство того, что имѣемъ дѣло съ истинною поэзіею; теперь можемъ полюбоваться нѣкоторыми изъ нихъ въ стихотвореніяхъ г. Тютчева безъ всякой затаенной мысли. Подъ какимъ бы небомъ ни родилась поэзія, однимъ изъ самыхъ неизмѣнныхъ свойствъ ея было всегда— возвращать человѣка къ природѣ. Жизнь городовъ, при всѣхъ ея выгодахъ, имѣетъ то важное неудобство, что не только разлучаетъ насъ съ природою, но нерѣдко подавляетъ въ насъ самое чувство красоты ея. Между нашихъ каменныхъ стѣнъ, среди нашего искусственнаго быта, мы становимся невнимательны и равнодушны къ тысячеобразной жизни естества, глухи и слѣпы къ ея свободнымъ проявленіямъ; мы съ каждымъ днемъ все больше-и-больше отчуждаемся отъ природы и нерѣдко оканчиваемъ тѣмъ, что бѣжимъ ея, какъ чего-то враждебнаго намъ. Это значитъ почти то же, что̀ потерять одинъ изъ главныхъ о̀рлановъ для наслажденія жизнью. Поэзія возвращаетъ намъ это драгоцѣнное чувство. Сама любимая дочь природы, питающаяся самыми ароматными ея испареніями, она ставитъ человѣка лицомъ къ лицу передъ нею и снова пробуждаетъ въ немъ заснувшую любовь къ общей матери. Перенесенный въ ея лоно поэзіею, житель города смягчается и снова становится полонъ сочувствія природѣ и доступенъ наслажденію ея красотами.

Мы давно ужь не встрѣчали столько чувства природы и столько мастерства въ ея изображеніи, какъ у г. Тютчева. Взоръ его постоянно обращенъ къ ней; что̀ бы онъ ни говорилъ, о чемъ бы ни помышлялъ, природа вѣчно передъ нимъ съ своею нетлѣнною красотою. Между ними какъ-будто существуетъ самое тѣсное связующее ихъ родство; на всякій звукъ ея есть у него свой отзывъ; для всякаго ея явленія есть у него соотвѣтствующія краски. Кроткая, или грозная, въ пышномъ весеннемъ нарядѣ, или въ печальномъ осеннемъ убранствѣ, природа, кажется, одинаково-хороша въ его поэтическихъ изображеніяхъ. И яркій полдень, и золотистый вечеръ, и темная бездна ночи — все дышитъ истиною подъ его одушевленной кистью.

«Лѣниво дышетъ полдень мглистый,
Лѣниво катится рѣка,
И въ тверди пламенной и чистой
Лѣниво таютъ облака.
И всю природу, какъ туманъ,
Дремота жаркая объемлетъ,
И самъ теперь великій Панъ
Въ пещерѣ нимфъ спокойно дремлетъ». (Стр. 3).

Красокъ немного, но ка̀къ всѣ онѣ истинны, ка̀къ вѣрно подмѣчены у самой природы! Автору, очевидно, знакома тайна рисовать немногими,

но подлинными чертами красоту ея явлений. Но вотъ сошелъ полдневный зной, и тихая ночь покрыла землю своими крылами: у поэта готовы ужь новыя краски, и нѣсколько штриховъ даютъ почувствовать прелесть новой картины:

«Тихой ночью, позднимъ лѣтомъ,
Ка̀къ на небѣ звѣзды рдѣютъ,
Ка̀къ подъ сумрачнымъ ихъ свѣтомъ
Нивы дремлющія зрѣютъ!..
Усыпительно-безмолвны,
Ка̀къ блестятъ въ тиши ночной
Золотистыя ихъ волны,
Убѣленныя луной»! (Стр. 66)

Намъ нравится выразительная краткость поэта: она свидѣтельствуетъ о неподдѣльности чувства. Ка̀къ оно сказалось въ немъ, та̀къ и выразилось. Если чувство мимолетно, и самый образъ его недолго задержитъ вниманіе читателя. При-всемъ-томъ въ каждомъ мотивѣ есть своя полнота; иногда же въ своихъ картинахъ природы авторъ достигаетъ удивительной оконченности. Кто, напримѣръ, не любовался ею въ этомъ теперь ужь всѣми заученномъ изображеніи «весенней грозы»:

«Люблю грозу въ началѣ мая,
Когда весенній, первый громъ,
Какъ-бы рѣзвяся и играя,
Грохочетъ въ небѣ голубомъ.
Гремятъ раскаты молодые.
Вотъ дождикъ брызнулъ, пыль летитъ,
Повисли перлы дождевые,
И солнце нити золотитъ.
Съ горы бѣжитъ потокъ проворный,
Въ лѣсу не молкнетъ птичій гамъ,
И гамъ лѣсной, и шумъ нагорный —
Все вторитъ весело громамъ.
Ты скажешь: вѣтренная Геба,
Кормя зевесова орла,
Громокипящій кубокъ съ неба,
Смѣясь, на землю пролила». (Стр. 47).

Какой несравненный художникъ! Восклицаніе это невольно вырывается у читателя, перечитывающаго въ десятый разъ это маленькое произведеніе совершеннѣйшаго стиля. И мы повторимъ вслѣдъ за нимъ, что рѣдко въ немногихъ стихахъ удается соединить столько поэтической красоты. Всего больше плѣняетъ въ картинѣ, конечно, послѣдній образъ изящнѣйшаго вкуса и выдержанный въ каждой своей чертѣ. Подобные о̀бразы нечасто попадаются въ литературѣ. Но, любуясь художественнымъ окончаніемъ поэтическаго о̀браза, ненадобно терять изъ виду цѣлое его изображеніе: оно также исполнено прелести, въ немъ тоже

нѣтъ ни одной фальшивой черты и, сверхъ того, оно все, отъ начала до конца, дышитъ такимъ свѣтлымъ чувствомъ, что вмѣстѣ съ нимъ какъ-будто переживаешь вновь лучшія минуты жизни. На нашей памяти немного стихотвореній, которыя бы такъ живо и такъ ярко передавали впечатлѣнія, полученныя отъ природы въ одинъ изъ самыхъ неуловимыхъ ея моментовъ.

Впрочемъ, много поэзіи и въ «лѣтней грозѣ», какъ рисуетъ ее искусная рука того же мастера:

«Неохотно и несмѣло
Солнце смотритъ на поля...
Чу! за тучей прогремѣло,
Принахмурилась земля.

Вѣтра теплаго порывы,
Дальній громъ и дождь порой.
Зеленѣющія нивы
Зеленѣе подъ грозой.

Вотъ пробилась изъ-за тучи
Синей молніи струя;
Пламень бѣлый и летучій
Окаймилъ ея края.

Чаще капли дождевыя,
Вихремъ пыль летитъ съ полей.
И раскаты громовые
Все сердитѣй и смѣлѣй.

Солнце разъ еще взглянуло
Исподлобья на поля —
И въ сіяньи потонула
Вся смятенная земля». (Стр. 67.)

Тутъ нѣтъ ни «вѣтреной Гебы», ни ея «громокипящаго кубка», пролитаго на землю среди веселаго смѣха; но за-то есть своя чарующая прелесть въ этой «смятенной землѣ, которая потонула въ сіяніи лучей солнца», проглянувшаго изъ-за тучъ. Это значитъ изображать одною чертою то, что̀ въ другомъ искусствѣ потребовало бы множество красокъ. Замѣтимъ опять тотъ же вѣрный глазъ, умѣнье подмѣчать въ явленіи самые тонкіе оттѣнки и находить имъ соотвѣтствующіе звуки въ рѣчи (указываемъ въ-особенности на третій куплетъ)... Все это опять напоминаетъ ту эпоху творчества въ языкѣ, когда каждое явленіе въ природѣ такъ легко покорялось художественному слову.

Но подъ этою волшебною кистью возбуждаетъ участіе къ себѣ даже и грустная осень; подъ лучомъ поэтическаго чувства и она зажигается какимъ-то теплымъ, хоть и умирающимъ огнемъ:

«Обвѣянъ вѣщею дремотой,
Полураздѣтый лѣсъ грустить;
Изъ лѣтнихъ листьевъ развѣ сотый,
Блестя осенней позолотой,
Еще на вѣткѣ шелеститъ.
Гляжу съ участьемъ умиленнымъ,
Когда, пробившись изъ-за тучъ,
Вдругъ по деревьямъ испещреннымъ
Молніевидный брызнетъ лучъ.
Ка̀къ увядающее мило,
Какая прелесть въ немъ для насъ,
Когда, что̀ такъ цвѣло и жило,
Теперь такъ немощно и хило,
Въ послѣдній улыбнется разъ!..» (Стр. 80).

Только одна зима, холодная, мертвящая зима, не возбуждаетъ въ нашемъ поэтѣ никакого участія. Онъ отвращается, бѣжитъ отъ нея; при одномъ взглядѣ на ея ледяную ткань, въ немъ стынетъ поэтическое чувство. Подъ инымъ небомъ расцвѣлъ праздникъ его молодости; такъ мудрено ли, что холодъ ничего не говоритъ ни его сердцу, ни его воображенію? что душа его тѣмъ пламеннѣе рвется на югъ, чѣмъ больше леденитъ кровь его суровое дыханіе сѣвера? Чѣмъ ни окружите поэтическую натуру, она все будетъ искать родной себѣ природы и вѣчно будетъ томиться тоскою по ней. Послушайте, ка̀къ много этого Sehnsucht въ слѣдующемъ стихотвореніи:

«Давно ль, давно ль, о югъ блаженный,
Я зрѣлъ тебя лицомъ къ лицу,
И какъ Эдемъ ты растворенный
Доступенъ былъ мнѣ, пришлецу?
Давно ль — хотя безъ восхищенья,
Но новыхъ чувствъ не даромъ полнъ —
Я тамъ заслушивался пѣнья
Великихъ, средиземныхъ волнъ!
И пѣснь ихъ, какъ во время о̀но,
Полна гармоніи была,
Когда изъ ихъ роднаго лона
Киприда свѣтлая всплыла...
Онѣ все тѣ же и понынѣ,
Все такъ же блещутъ и звучатъ —
По ихъ лазоревой равнинѣ
Родные призраки скользятъ,
Но я... я съ вами распростился.
Я вновь на сѣверъ увлеченъ;
Вновь надо мною опустился
Его свинцовый небосклонъ.
Здѣсь воздухъ колетъ; снѣгъ обильный
На высотахъ и въ глубинѣ, —

И холодъ, чародѣй всесильный,
Одинъ господствуетъ вполнѣ.
Но тамъ, за этимъ царствомъ вьюги,
Тамъ, тамъ, на рубежѣ земли,
На золотомъ, на свѣтломъ югѣ,
Еще я вижу васъ вдали:
Вы блещете еще прекраснѣй,
Еще лазурнѣй и свѣжѣй,
И говоръ вашъ еще согласнѣй
Доходитъ до души моей». (Стр. 10).

Между поэтомъ и югомъ, какъ видно, образовалась та тѣсная связь, которая переходитъ въ самую кровь. Ихъ не разлучишь: они всегда останутся свои другъ другу. Это чувствуется по всему, всего же болѣе по задушевности мотива въ обращеніи поэта къ дорогому для него югу, задушевности, какую мы запомнимъ только у Пушкина. Какъ-будто югъ звучалъ для нихъ одною музыкою: въ ихъ воспоминаніяхъ о немъ слышатся тѣ же самые тоны. Поэтъ ищетъ жизни въ природѣ, и на его призывный голосъ она отзывается какъ истинно-живой организмъ, полный смысла и чувства. Этому представленію природы поэтъ посвятилъ цѣлое стихотвореніе, замѣчательное особенно по своей оригинальной формѣ. Съ перваго взгляда подумаешь, что онъ говоритъ не о томъ, что̀ такъ сильно занимаетъ его самого, а о томъ, что̀ вовсе не занимаетъ другихъ...

«Не то̀, что̀ мните вы, природа —
Не слѣпокъ, не бездушный ликъ:
. . . .
Въ ней есть любовь, въ ней есть языкъ.

Вы зрите листъ и цвѣтъ на древѣ:
Иль ихъ садовникъ приклеилъ?
Иль зрѣетъ плодъ въ родимомъ чревѣ
Игрою внѣшнихъ, чуждыхъ силъ?

Они не видятъ и не слышатъ,
Живутъ въ семъ мірѣ, какъ въ потьмахъ;
Для нихъ и солнца знать не дышатъ
И жизни нѣтъ въ морскихъ волнахъ.

Лучи къ нимъ въ душу не сходили,
Весна въ груди ихъ не цвѣла,
При нихъ лѣса не говорили
И ночь въ звѣздахъ нѣма была,

И, языками неземными,
Волнуя рѣки и лѣса,
Въ ночи не совѣщалась съ ними,
Въ бесѣдѣ дружеской, гроза.

Не ихъ вина: пойми коль можетъ,
Органа жизнь глухо-нѣмой!
Увы, души въ немъ не встревожитъ
И голосъ матери самой! (Стр. 15).

Кромѣ втораго куплета, несовсѣмъ-поэтическаго, который мы отсылаемъ назадъ къ автору для необходимаго пересмотра, остальные стихи, всѣ до единаго, навсегда удержатся въ литературѣ наравнѣ со многими другими выраженіями оригинальнаго поэтическаго чувства. Этотъ немного-жосткій, повидимому, упрекъ поэта непоэтическимъ душамъ въ-сущности исполненъ такой любви къ природѣ и къ людямъ! Кàкъ хотѣлось бы автору раздѣлить наполняющее его чувство съ другими, которые своею невнимательностью лишаютъ себя одного изъ самыхъ чистыхъ наслажденій!..

Мы устали выписывать; самъ авторъ можетъ посѣтовать на насъ за то, что мы беремъ у него слишкомъ-много. Но отъ хорошаго отстать трудно; истинно-поэтическое владѣетъ этимъ родомъ очарованія въ высшей степени. На этомъ самомъ пунктѣ, прежде чѣмъ кончить о томъ, кàкъ отражается природа въ поэтическомъ зеркалѣ г. Тютчева, мы не можемъ избѣжать еще одной выписки. Иногда въ воображеніи нашего поэта природа отражается такъ оригинально, что это стòитъ особаго наблюденія. Пусть читатель пробѣжитъ вмѣстѣ съ нами слѣдующую фантазію—авторъ называетъ ее «День и Ночь»:

«На міръ таинственный духовъ
Надъ этой бездной безъимянной
Покровъ наброшенъ златотканный
Высокой волею боговъ.
День — сей блистательный покровъ —
День, земнородныхъ оживленье,
Души болящей исцѣленье,
Другъ человѣковъ и боговъ!
Но меркнетъ день, настала ночь,
Пришла и, съ міра роковаго (?)
Ткань благодатную покрова
Сорвавъ, отбрасываетъ прочь.
И бездна намъ обнажена
Съ своими страхами и мглами,
И нѣтъ преградъ межь ей и нами:
Вотъ отчего намъ ночь страшна». (Стр. 45).

Не правда ли, мы привыкли (насъ пріучили къ тому другіе поэты) представлять себѣ ночь — покровомъ, скрывающимъ отъ насъ землю, а день противоположнымъ явленіемъ, которое снова разоблачаетъ міръ передъ нами? Если съ той же точки зрѣнія вы взглянули и на выписанное нами стихотвореніе, то неудивительно, что вы въ немъ ничего не поняли. Въ немъ все наоборотъ: поэтъ нашелъ новый уголъ зрѣ-

нія, откуда міръ представляется ему совсѣмъ въ иномъ видѣ. Не ночь покровъ, а день, но покровъ «блистательный», «златотканный», отрадный для смертнаго взора, потому-что онъ скрываетъ за собою темную бездну ночи, исполненную мрака и тайныхъ ужасовъ. Вотъ отчего, когда снятъ этотъ блистательный покровъ, передъ нимъ открывается бездна, и вотъ отчего намъ ночь страшна! Между многими удивительными свойствами поэтической фантазіи есть всегда одно, особенное: она творитъ новый міръ надъ старымъ, или такъ мѣняетъ точку зрѣнія, что даже старое, давно-знакомое глазу, поражаетъ взоръ какою-то небывалою новизною. Но это также черта, свидѣтельствующая объ оригинальности поэта.

Отъ природы обратимся опять къ искусству, къ цивилизаціи. Тамъ, гдѣ дѣло идетъ о поэзіи, необходимо предположеніе объ искусствѣ, а искусство обнимаетъ все — жизнь человѣка, какъ и жизнь природы. Никто, конечно, не потребуетъ отъ поэта нашего времени, чтобъ онъ исключительно ограничился одною природою. Бѣденъ тотъ писатель, который черпаетъ свое вдохновеніе только изъ одного источника. Поэтъ нашего времени (предполагается) долженъ быть писатель образованный, которому болѣе или менѣе доступны всѣ стороны жизни, все разнообразіе ея явленій. Одно изъ самыхъ видныхъ отличій новой поэзіи отъ древней состоитъ въ томъ, что матеріалъ для нея лежитъ во всемъ, съ чѣмъ только соприкасается поэтъ своею жизнью, или своею мыслью. Въ поэзіи нашихъ дней сходятся и примиряются элементы самые разнородные.

Въ дѣлѣ поэтическаго искусства всѣ мы немного ученики Гёте. Намъ какъ-то странно представить, чтобъ поэтъ писалъ лишь картины природы и не мыслилъ. Мысль, конечно, не составляетъ исключительной собственности поэзіи: для мысли есть другая, болѣе-обширная область, въ которой она составляетъ главное содержаніе; но, съ другой стороны, участіе мысли необходимо въ наше время во всемъ, что̀ только предъявляетъ право на вниманіе образованныхъ читателей, слѣдовательно и въ поэзіи. Слѣпое, немыслящее искусство стало уже анахронизмомъ. Муза, которая не прошла одной съ нами школы образованія и лишена умственнаго развитія, можетъ-быть, плѣнитъ на-время наше воображеніе, но едва-ли сохранитъ надолго свое очарованіе надъ нами. Образованный читатель всегда поинтересуется узнать новое явленіе въ литературѣ; но иное дѣло возбудить къ себѣ вниманіе, и иное надолго привязать его къ себѣ. Послѣднее дается лишь тѣмъ писателямъ, которые, относительно общаго образованія, стоятъ по-крайней-мѣрѣ на одномъ уровнѣ съ образованною публикою своего времени, если не выше, то и не ниже. Пріятно слышать безъискусственный дѣтскій лепетъ; но ка̀къ бы онъ ни казался занимателенъ, онъ скоро можетъ наскучить своимъ однообразіемъ. Намъ случалось встрѣчать дѣйствительные таланты въ литературѣ, которымъ для полнаго успѣха не доставало только этого

условія — и что жь? теряя съ каждымъ днемъ все больше-и-больше участіе образованной публики, они, чтобъ не остаться вовсе безъ почитателей, начали льстить грубому вкусу людей, знакомыхъ только съ балаганнымъ искусствомъ, и, унижая себя, низводили вмѣстѣ съ собой литературу до самаго нецеремоннаго скоморошества.

Правда, сочетаніе чистой мысли съ поэтическимъ образомъ — дѣло величайшей трудности. Какимъ образомъ соединить ихъ такъ, чтобъ мысль сохранила всю свою прозрачность, а поэтическій образъ нисколько не потерялъ своей тѣлесности и свойственной ей пластичности? Мы не знаемъ этой тайны и не беремся объяснять ее другимъ; но дѣло въ томъ, что такова искони была задача истиннаго искусства, и такъ или иначе, оно, впрочемъ, достигало своей цѣли. Поэтическая фантазія родитъ поэтическую идею — плоть и душу вмѣстѣ. мы не знаемъ, какимъ процесомъ это дѣлается, но знаемъ, что, облекшись въ форму поэтическаго произведенія, идея разлагается *потомъ*, какъ въ призмѣ, въ умѣ читателя на мысль и пластическое ея изображеніе. Искусство поэта состоитъ главнымъ образомъ въ томъ, чтобъ прежде всего дать почувствовать красоту ббраза; но, полюбовавшись имъ, пріятно бываетъ ощутить за нимъ и присутствіе мысли-невидимки. Такое удовлетвореніе — безспорно, самое полное въ искусствѣ; и тотъ вполнѣ достигаетъ поэтической цѣли, кто, говоря воображенію, говоритъ въ то же время и тѣмъ же самымъ способомъ мысли читателя.

Мы почти готовы еще разъ возвратиться къ стихотворенію «Пошли Господь свою отраду» и перечитать его снова, чтобъ привести еще ближе къ сознанію читателя поэтическое искусство. Но нашъ авторъ такъ богатъ мыслью, что мы можемъ показать это на многихъ другихъ примѣрахъ и не имѣемъ необходимости повторять ужь извѣстное. Мы боимся, напротивъ, что, начавъ выписывать, опять не будемъ умѣть скоро остановиться... Посмотрите, напримѣръ, ка̀къ уравновѣшивается у нашего поэта мысль съ своимъ образомъ въ этомъ стихотвореніи:

«Потокъ сгустился и тускнѣетъ
И прячется подъ твердымъ льдомъ.
И гаснетъ цвѣтъ, и звукъ нѣмѣетъ
Въ оцѣпенѣньи ледяномъ.
Лишь жизнь безсмертную ключа
Сковать всесильный хладъ не можетъ:
Она все льется и, журча,
Молчанье мертвое тревожитъ.
 Такъ и въ груди осиротѣлой
Убитой хладомъ бытія,
Не льется юности веселой,
Не блещетъ рѣзвая струя.
Но подо льдистою корой
Еще есть жизнь, еще есть ропотъ.

И внятно слышится порой
Ключа таинственнаго шопотъ». (Стр. 37).

Мысль идетъ здѣсь вровень съ образомъ: иной сказалъ бы, что это лишь простое сравненіе. Въ-самомъ-дѣлѣ, поэтическое произведеніе иногда не йдетъ дальше того, что̀ называется «сравненіемъ». Но всмотритесь въ его построеніе, и вы увидите, что мысль не совлекается совершенно своего покрова даже тамъ, гдѣ хочетъ прямо говорить вашему уму: «и внятно слышится порой *ключа таинственнаго шопотъ*». Въ этомъ состоитъ тайна поэтической прелести. То же самое найдете вы въ искрометномъ «Фонтанѣ»:

«Смотри, какъ облакомъ живымъ
Фонтанъ сіяющій клубится,
Ка̀къ пламенѣетъ, ка̀къ дробится
Его на солнцѣ влажный дымъ
Лучомъ поднявшись къ небу, онъ
Коснулся высоты завѣтной —
И снова пылью огнецвѣтной
Низпасть на землю осужденъ.
О, смертной мысли водометъ,
О, водометъ неистощимый!
Какой законъ непостижимый
Тебя стремитъ, тебя мятетъ?
Ка̀къ жадно къ небу рвешься ты!
Но длань незримо-роковая,
Твой лучъ упорный преломляя,
Свергаетъ въ брызгахъ съ высоты...» (Стр. 34).

Здѣсь образъ еще ярче и еще больше богатства въ краскахъ, но мысль сильнѣе пробивается сквозь ихъ разноцвѣтный покровъ, нося, впрочемъ, на себѣ яркіе слѣды той среды, черезъ которую прошла въ поэтическомъ процесѣ. Воображайте себѣ, если угодно, судьбу человѣческой мысли, которая, какъ ни рвется въ высоту, все падаетъ внизъ, достигая лишь извѣстнаго предѣла — она все будетъ представляться вамъ въ видѣ неистощимаго водомета, который поднимается лучомъ къ небу и снова падаетъ на землю огнецвѣтной пылью.

Иногда, впрочемъ, и мысль и образъ бѣгутъ отъ глазъ читателя подобно тѣнямъ; но и это бываетъ не безъ особеннаго поэтическаго намѣренія, потому-что такова самая природа нѣкоторыхъ мыслей...

«Ка̀къ дымный столбъ свѣтлѣетъ въ вышинѣ!
Ка̀къ тѣнь внизу скользитъ неуловимо!
Вотъ наша жизнь — промолвила ты мнѣ —
Не свѣтлый дымъ, блестящій при лунѣ,
А эта тѣнь, бѣгущая отъ дыма!» (Стр. 57).

Г. Тютчевъ — поэтъ вполнѣ современный намъ, хотя и кажется запоздалымъ гостемъ въ литературѣ. Между занимающими его мыслями

есть много такихъ, которыя могутъ прійдти въ голову только современному человѣку. Надобно много жить и думать, чтобъ сознать необходимость убѣжденія въ нихъ. Не для всѣхъ покажутся подобныя мысли новы, но едва-ли кто изъ читателей не согласится, что у нашего автора онѣ впервые нашли себѣ поэтическое выраженіе. Въ слѣдующемъ стихотвореніи это выраженіе такъ мѣтко и, сверхъ-того, такъ оригинально, что мы не затрудняемся привести его вполнѣ: читатели лучше увидятъ, ка̀къ сильна и глубока у автора поэтическая струя. Стихотвореніе не носитъ никакого особеннаго заглавія

«Какъ птичка раннею зарей,
Міръ, пробудившись, встрепенулся...
Ахъ, лишь одной главы моей
Сонъ благодатный не коснулся!
Хоть свѣжесть утренняя вѣетъ
Въ моихъ всклокоченныхъ власахъ,
На мнѣ, я чую, тяготѣетъ
Вчерашній зной, вчерашній прахъ!
О, какъ пронзительны и дики,
Какъ ненавистны для меня
Сей шумъ, движенье, говоръ, клики
Младаго, пламеннаго дня!
О, ка̀къ лучи его багровы,
Ка̀къ жгутъ они мои глаза!
Ночь, ночь! о, гдѣ твои покровы,
Твой тихій сумракъ и роса!...
  Обломки старыхъ поколѣній,
Вы, пережившіе свой вѣкъ,
Какъ вашихъ жалобъ, вашихъ пѣней
Неправый праведенъ упрекъ!
Ка̀къ грустно полусонной тѣнью,
Съ изнеможеніемъ въ кости,
На встрѣчу солнцу и движенью
За новымъ племенемъ брести!» (Стр. 22).

Мы подчеркиваемъ нѣкоторые стихи совершенно въ обратномъ смыслѣ противъ существующаго обычая отмѣчать курсивомъ стихи дурные, неудавшіеся: мы отличаемъ среди хорошаго то̀, что̀ какъ-бы прямо отрывается отъ сердца, или въ чемъ всего слышнѣе звучитъ поэтическая струна, попавшая на истинный тонъ. Такъ въ самой удачной музыкальной партіи, которая нравится вамъ вся, вы отличите еще нѣкоторые мотивы отъ другихъ, какъ особенно-счастливые. Не знаемъ, ка̀къ кому, но для насъ это слово «идти на встрѣчу солнцу и движенью съ изнеможеніемъ въ кости» принадлежитъ къ числу самыхъ мѣткихъ словъ, какія когда-либо говорила наша поэзія: оно не умретъ въ ней, пока сохранится любовь къ изящному и истинный вкусъ.

Нѣчто подобное слышится въ стихотвореніяхъ «Черезъ ливонскія я

проѣзжалъ поля», «Смотря какъ на рѣчномъ просторѣ», всего же больше въ пьесѣ «Мужайтесь, други, боритесь прилежно», полной грустно-мужественнаго созерцанія. Вотъ еще одинъ изъ вѣрныхъ признаковъ поэтической натуры: поэтъ не боится встрѣчи ни съ какою мыслью, античное созерцаніе такъ же доступно ему, какъ и новое, если, однимъ словомъ, онъ не запирается въ тѣсномъ кругу условныхъ воззрѣній. Ему ничто не чуждо, что̀ когда-либо выработано было человѣческою мыслью; время и мѣсто не дѣлаютъ для него разницы. Для него нѣтъ одной исключительной точки зрѣнія: не будучи ни грекомъ, ни римляниномъ, онъ будетъ смотрѣть на міръ то греческими, то римскими глазами, сообразно съ тѣмъ, что̀ больше идетъ къ его собственному настроенію, и между-тѣмъ ни на минуту не перестанетъ быть человѣкомъ своего времени.

Міръ историческій также нечуждъ г. Тютчеву, какъ и міръ мысли: поэтъ не менѣе исполненъ сочувствія къ великимъ судьбамъ человѣчества, какъ легко усвоиваетъ себѣ возвышенное воззрѣніе на міръ, какому бы вѣку оно ни принадлежало. Здѣсь и тамъ душа поэта равно отзывается на всякое великое явленіе. Мысль легко и скоро всходитъ у него надъ всемірнымъ событіемъ и, воплощенная въ поэтическій образъ, служитъ ему путеводною звѣздою при оцѣнкѣ цѣлаго ряда явленій. Читатель лучше повѣритъ намъ, прочитавъ «Цицерона»: (Стр. 33).

Та же зрѣлость мысли, чувствительной ко всѣмъ великимъ явленіямъ всемірной жизни, прозрѣніе поражаетъ насъ въ «Колумбѣ» (стр. 79), напоминающемъ стихотвореніе Шиллера подъ тѣмъ же названіемъ:

Но лучше всего «Венеція» (стр. 60.), одно изъ самыхъ счастливыхъ вдохновеній поэтической музы г. Тютчева подъ вліяніемъ неумирающихъ историческихъ воспоминаній—все равно, какой бы географической широтѣ они ни принадлежали.

Намъ бы оставалось пожелать, чтобъ каждое стихотвореніе г. Тютчева было такъ выдержанно и оконченно въ своемъ родѣ, какъ «Венеція». Недовольно изобрѣсти поэтическій образъ: надобно еще, чтобъ онъ былъ въ ростъ и мѣру своей идеѣ. Иначе, должно произойдти раздвоеніе, и поэтическая цѣль не будетъ достигнута. Поэтическое очарованіе держится лишь до-тѣхъ-поръ, пока красота о̀браза наполняетъ воображеніе: какъ-скоро идея выступаетъ изъ него, она ужь перестаетъ быть изящною и начинаетъ подлежать критикѣ, наравнѣ со всякою прозаическою мыслью. Поэзія исчезаетъ, и мѣсто ея заступаетъ обыкновенная мѣрная рѣчь, которая, удовлетворяя музыкальному чувству читателя, ничего впрочемъ не говоритъ его воображенію.

Мы не упрекнемъ автора въ томъ, чтобъ поэтическая форма служила ему лишь проводникомъ для тѣхъ или другихъ мыслей, или чтобъ онъ пользовался ею только, какъ орудіемъ для достиженія дру-

гихъ цѣлей, лежащихъ внѣ поэзіи. Въ наше время, когда истинная поэзія такъ выродилась, не рѣдкость встрѣтить наружныя формы ея, приспособленныя къ несвойственному ей содержанію. Выработавъ разъ хорошую форму, человѣкъ готовъ приспособить ее даже къ своей домашней утвари. Этого нѣтъ вовсе у г. Тютчева. Напротивъ, поэтическая натура его именно отличается тѣмъ преимуществомъ, что идея не иначе зарождается у него, какъ въ образѣ, съ которымъ связана органически, или что каждое его произведеніе выростаетъ изъ одного цѣльнаго зерна. Но нельзя не замѣтить, что образъ не всегда удается ему, а вмѣстѣ съ тѣмъ и самая мысль много теряетъ въ ясности. Оттого ли, что поэту иногда измѣняетъ фантазія, или что онъ берется за кисть прежде, чѣмъ поэтическій образъ вполнѣ выяснился для него самого, только не всѣ его произведенія одинаково выдержаны, и нѣкоторыя даже положительно страдаютъ неопредѣленностью ȍбраза. То чувствуется нетвердость руки, то какъ-будто слышится несовсѣмъ-вѣрный тонъ, то, наконецъ, авторъ какъ-будто чего-то не договариваетъ намъ. Иногда видишь передъ собою прекрасный очеркъ, начатый смѣлою и искусною рукою, какъ вдругъ откуда-то набѣжала тѣнь—и образъ уходитъ отъ насъ, заслоненный ею, прежде чѣмъ рисунокъ доведенъ до послѣдней черты! Передъ вами точно прошло прекрасное «Видѣніе», но вы не умѣете отдать въ немъ никакого себѣ отчета...

«Есть нѣкій часъ всемірнаго молчанья,
И въ оный часъ явленій и чудесъ
Живая колесница мірозданья
Открыто катится въ святилищѣ небесъ!
Тогда густѣетъ ночь, какъ хаосъ на водахъ...
Безпамятство, какъ Атласъ, давитъ сушу:
Лишь музы дѣвственную душу
Въ пророческихъ тревожатъ боги снахъ! (Стр. 49).

Едва вы постигли мыслью «живую колесницу мірозданія», катящуюся въ святилищѣ небесъ, какъ ужь другіе, болѣе-неопредѣленные образы тѣснятъ ее въ вашемъ воображеніи. Откуда здѣсь безпамятство, которое давитъ сушу (?), и какимъ образомъ оно можетъ давить ее *какъ Атласъ?* Всего этого не можетъ ни вмѣстить наша мысль, ни связать съ первымъ образомъ, и онъ ускользаетъ отъ насъ недоконченный... Намъ очень-жаль, что здѣсь же приходится поставить одно изъ самыхъ благоуханныхъ произведеній нашего поэта, страдающее тѣмъ же недостаткомъ; это его «Италіянская вилла»:

И распростясь съ тревогою житейской,
И кипарисной рощей заслонясь,
Блаженной тѣнью, — тѣнью элисейской,
Она заснула въ добрый часъ.
И вотъ тому ужь вѣка два, иль болѣ,
Волшебною мечтой ограждена,

Въ своей цвѣтущей опочивъ юдолѣ,
На волю неба предалась она.
Но небо здѣсь къ землѣ такъ благосклонно:
И много лѣтъ и теплыхъ южныхъ зимъ
Провѣяло надъ нею полусонной,
Не тронувши ея крыломъ своимъ.
Попрежнему фонтанъ въ углу лепечетъ,
Подъ потолкомъ гуляетъ вѣтерокъ,
И ласточка слетаетъ и щебечетъ...
И спитъ она, и сонъ ея глубокъ.
И мы вошли: все было такъ покойно,
Такъ все отъ вѣка мирно и темно!
Фонтанъ журчалъ; недвижимо и стройно
Сосѣдній кипарисъ глядѣлъ въ окно.
Вдругъ все смутилось: судорожный трепетъ
По вѣтвямъ кипариснымъ пробѣжалъ;
Фонтанъ замолкъ, и нѣкій чудный лепетъ
Какъ бы сквозь сонъ невнятно прошепталъ:
Что это, другъ! иль злая жизнь не даромъ, —
Та жизнь — увы! — что̀ въ насъ тогда текла, —
Та злая жизнь съ ея мятежнымъ жаромъ,
Черезъ порогъ завѣтный перешла?» (Стр. 19).

«Какая прелесть!» невольно вырвется у каждаго читателя подъ очарованіемъ этой несравненной фантазіи. И въ-самомъ-дѣлѣ, она уноситъ васъ такъ далеко, она окружаетъ васъ такими чарами, и небо и земля въ ней такъ хороши, такъ дружны между собою, что нѣтъ силъ противиться ея обаянію. Но пусть попробуетъ читатель дать себѣ отчетъ въ ея заключеніи, пусть отъищетъ ключъ къ объясненію послѣдней загадки. Кому, вопервыхъ, принадлежитъ этотъ «чудный лепетъ», и что̀ за таинственный смыслъ его? Далѣе, что̀ это за «злая жизнь» съ ея мятежнымъ жаромъ? кого и ка̀къ могла возмутить она? Если подъ нею разумѣть прошедшую жизнь виллы, то почему жь она злая? и т. п. Не сомнѣваемся, что самъ авторъ знаетъ свою мысль, но не видимъ, чтобъ онъ нашелъ соотвѣтствующій ей образъ. Или онъ несовсѣмъ овладѣлъ ея выраженіемъ, или не досказалъ намъ чего-то: во всякомъ случаѣ, здѣсь чего-то недостаетъ для полнаго удовлетворенія. Какъ объяснить это въ поэтѣ, которому удаются такіе высокохудожественные образы, какъ цѣпь венеціянскихъ колецъ, какъ бѣдный нищій, идущій мимо сада, какъ вѣтреная Геба, проливающая кубокъ на землю, и который достигаетъ такой прозрачности мысли, какъ въ «Фонтанѣ», въ «Колумбѣ», въ «Утрѣ послѣ безсонницы» и во многихъ другихъ стихотвореніяхъ? Или рѣзецъ художника иногда скользитъ у него же подъ рукою?...

Изрѣдка лишь повстрѣчается въ стихотвореніяхъ г. Тютчева неточное слово, попадется нѣсколько-прозаическій стихъ, рознящій съ другими, какъ, напримѣръ, въ «Осеннемъ Вечерѣ». (Стр. 6).

«Порывистый холодный вѣтръ порою,
Ущербъ, изнеможенье, и на всемъ
Та кроткая улыбка увяданья, и пр.»

Но мы предоставляемъ другимъ подбирать эти непоэтическія крохи Ихъ совсѣмъ не такъ много, чтобъ онѣ могли повредить общему хорошему впечатлѣнію, а служить примѣромъ неправильностей или ошибокъ онѣ не могутъ, потому-что слишкомъ-незначительны.

Лучше перебрать на память тѣ достоинства стихотвореній г. Тютчева, которыя намъ удалось схватить въ нашемъ бѣгломъ обзорѣ. Ихъ довольно: истинно-поэтическое настроеніе, живость и непосредственность впечатлѣній, задушевность многихъ мотивовъ, ясность и прозрачность образа (кромѣ весьма-немногихъ исключеній), тонкое чувство красоты, широкая образованная мысль, ея многосторонняя воспріимчивость, нерѣдко оригинальность колорита. . ихъ даже много, если взять еще во вниманіе достоинство самого стиха, гармоническаго, звучнаго, гибкаго, живописнаго и часто необыкновенно-выразительнаго — все это вмѣстѣ составляетъ чрезвычайно-благоуханный поэтическій букетъ. Мы назвали г. Тютчева запоздалымъ гостемъ въ нашей литературѣ потому именно, что подобнаго строя давно не слыхать было въ ней; за то мы были и рады его поэзіи, какъ свѣтлой дождевой каплѣ, упавшей къ намъ послѣ долговременной засухи. По тому же самому, взявъ ужь многое изъ собранія стихотвореній г. Тютчева, мы готовы были бы еще разъ возвратиться къ нему и выписать сюда еще нѣсколько пьесъ. Если, разбирая нашего поэта, намъ и удалось схватить нѣкоторыя черты его, то мы далеки еще до того, чтобъ исчерпать до конца родникъ его поэзіи и осмотрѣть ее со всѣхъ сторонъ.

XVI новыхъ поученій *протоіерея* Родіона Путятина. ***Москва.*** *1854. Въ 8-ю д. л. 96 стран.*

«Краткія поученія» протоіерея Путятина пріобрѣли себѣ обширный кругъ читателей простотою и близостью своего содержанія къ потребностямъ слушателей; много содѣйствовала успѣху самая «краткость» ихъ — качество, драгоцѣнное въ наставленіяхъ людямъ, непривыкшимъ къ многомудрствованію. «Новыя поученія» отличаются всѣми достоинствами прежнихъ. Ограничимся только указаніями на то, что авторъ, попрежнему, прекрасно сообразуется въ выборѣ предметовъ для своихъ поученій не столько съ тѣмъ, много ли блестящихъ сторонъ для ораторскаго развитія представляютъ эти тэмы, сколько съ дѣйствительными нуждами поучаемыхъ. Такъ второе его поученіе объясняетъ пользу добрыхъ дѣлъ не только для тѣхъ, кому мы дѣлаемъ добро, но и для нашей собственной души; третье говоритъ о необходимости молиться, садясь за столъ; четвертое о безполезности пересудовъ и вредѣ злословія для самого злословящаго, и т. д. Изданіе прекрасно.

Вражда Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ съ Англіею *въ настоящее время и военныя силы обоихъ государствъ. С. Петербургъ. 1854 г. Въ 12 д. л. 76 стран.*

Объ англо-французской политикѣ *въ восточномъ вопросѣ. Перевелъ съ французскаго* Н. К—нъ. *Тверь. Въ тип. Губернскаго Правленія. 1854. Въ 8 д. л. 95 стран.*

Объ англо-французской политикѣ *въ восточномъ вопросѣ. Сочиненіе отставнаго дипломата, переводъ* М. М. Михайлова. *С. Петербургъ, 1854. Въ 8 д. л. 93 стран.*

Тайны англо-французской политики *въ восточномъ вопросѣ. Соч. отставнаго дипломата. Переводъ съ французскаго. Москва. 1854. Въ 8 д. л. 55 стран.*

Письмо въ Парижъ *о нынѣшнемъ состояніи Турціи и о политическомъ кризисѣ на Востокѣ. Переводъ съ французскаго. Издано въ пользу раненныхъ на войнѣ съ турками. С. Петербургъ. 1854. Въ 12 д. л. 115 стран.*

Всѣ эти брошюры написаны хорошо и изобилуютъ интересными фактами, бо̀льшею-частью извѣстными нашей публикѣ изъ газетъ. Одна изъ этихъ брошюръ («Вражда Американскихъ Штатовъ съ Англіею») кажется, произведеніемъ до нѣкоторой степени оригинальнымъ ; другая (Объ англо-французской политикѣ) явилась почти въ одно время въ трехъ переводахъ : петербургскомъ, московскомъ и тверскомъ, и должно сказать: была достойна такого вниманія со стороны переводчиковъ.

Вѣрою въ Бога грозна и покорностью къ Царю сильна земля Русская. *С. Петербургъ. 1854. Въ 8-ю д. л. 26 стран.*

Авторъ, скрывшій свое имя подъ буквами Ц...й Л...къ, выставленными въ концѣ брошюры, разсказываетъ свои патріотическія чувства по поводу настоящей войны простонароднымъ слогомъ. Нѣкоторыя страницы онъ пишетъ повеликорусски, другія помалорусски. Намѣреніе автора безспорно-хорошо, какъ безспорна и та истина, которая взята въ заглавіе его брошюры.

Съ нами Богъ! Впередъ!.. Ура!.. *Собраніе стихотвореній на нынѣшнюю войну, изданное* В. Дементьевымъ. *Москва. 1854. Въ 8-ю д. л. 182 стр.*

Отрадно видѣть, ка̀къ единодушно откликнулись наши поэты на призывъ отечества къ брани; ка̀къ дружно соединились маститые ветераны нашей поэзіи съ юными своими преемниками въ одномъ чувствѣ, въ

одной мысли; въ какомъ прекрасномъ и согласномъ хорѣ раздались патріотическіе голоса достопочтеннаго г. Ѳ. Глинки и г. Жемчужникова, г. Раича и г. А. Майкова... И сколько поэтовъ, давно-замолкшихъ, ударило опять въ струны своихъ лиръ и возращено нашей поэзіи! сколько юныхъ талантовъ, порожденныхъ могучею силою того же чувства, выступило на поле битвы и поэзіи! Гг. князь Вяземскій, Стаховичъ, Ознобишинъ, Иванъ Ваненко, Красовъ, Шевыревъ — и за ними: гг. Поѣдугинъ, Орестъ-Миллеръ, Ропчевскій, Тройницкій, Левашовъ, г-жа Колюпанова, и пр. и пр. Бо̀льшая часть стихотвореній, собранныхъ г. Дементьевымъ, отличается неподдѣльными поэтическими красотами. Не выписываемъ лучшихъ, потому-что они всѣ лучшія, по крайней-мѣрѣ по своему содержанію. Да и кто изъ русскихъ читателей не знаетъ наизусть «Клермонтскаго Собора», «Вотъ въ воинственномъ азартѣ», «Пушкинъ, встань, проснись изъ гробу».. и пр. и пр.?

О ходѣ законовѣдѣнія въ Россіи и о результатахъ современнаго его направленія (,) *съ присовокупленіемъ систематическаго указателя сочиненій юридическаго содержанія, изданныхъ въ Россіи съ 1830 по 1852 г. включительно*, А. Станиславскаго. *Санктпетербургъ. Въ тип. Императорской Академіи Наукъ. 1853. Въ 8-ю д. л. 110 стр.*

Это — рѣчь, произнесенная въ торжественномъ собраніи Казанскаго Университета, потомъ напечатанная въ «Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія» (Ч. LXXX) и наконецъ, теперь отдѣльно-изданная. 67 страницъ занимаетъ рѣчь г. Станиславскаго «О ходѣ законовѣдѣнія»; остальныя страницы заняты перечнемъ сочиненій юридическаго содержанія, вышедшихъ съ 1830 по 1852 годъ.

При разсмотрѣніи хода законовѣдѣнія отъ Петра-Великаго до нашего времени, г. Станиславскій ограничивается больше внѣшнею стороною, правовѣдѣнія, нежели внутреннею, т. е. онъ упоминаетъ кто о чемъ писалъ, и когда явилось то или другое сочиненіе. Намъ казалось бы лучше, не останавливаясь на томъ, въ какомъ году вышло какое-нибудь сочиненіе, обратить свое вниманіе на тѣ вопросы, которымъ посвящены были юридическія изслѣдованія, и показать на сколько подвинулось впередъ ихъ рѣшеніе и что̀ остается нерѣшеннымъ и неизслѣдованнымъ: тогда и успѣхи нашего законовѣдѣнія были бы виднѣе для каждаго, а такъ же и то, что̀ еще остается сдѣлать нашимъ юристамъ.

Дополненіе къ Алтайской Флорѣ. С. Щеглеева. *Москва. 1854. Въ 8-ю д. л. 119 стр.*

Сочиненіе это, написанное для полученія степени магистра ботаники, состоитъ изъ трехъ главъ: 1) Краткій очеркъ исторіи алтайской флоры, 2) Общій взглядъ на алтайскую флору и отношенія ея къ

другимъ флорамъ, съ численными отношеніями главнѣйшихъ семействъ къ общему числу растеній алтайской флоры, и 3) Вычисленіе растеній, найденныхъ въ алтайскихъ странахъ и зюнгорскихъ степяхъ въ 1842, 43 и 44 годахъ г. Карелинымъ. Первыя двѣ главы писаны порусски и составляютъ весьма-удачную выборку изъ разныхъ сочиненій объ Алтаѣ и алтайской флорѣ, а послѣдняя писана полатинѣ и составленъ результатъ разбора травника, собраннаго г. Карелинымъ въ названные годы. Вмѣстѣ съ тѣмъ она составляетъ дополненіе къ изданному уже г. Карелинымъ каталогу алтайскихъ растеній. При сравненіи труда г. Щеглеева съ прежнимъ трудомъ г. Карелина, видно, что г. Щеглеевъ исправилъ нѣкоторыя ошибки въ опредѣленіяхъ у г. Карелина и, сверхъ того, нашелъ нѣсколько новыхъ видовъ, которые описалъ подробно въ изданномъ имъ дополненіи.

Высушенныя растенія Воронежской Флоры. *Изданіе* Н. Тарачкова. *Сотня II-я. Воронежъ. 1854.*

Высушенныя растенія Орловской Флоры. *Изданіе* А. Тарачкова. *Сотня IV-я. Орелъ. 1854.*

Гг. А. и Н. Тарачковы продолжаютъ съ величайшимъ успѣхомъ начатые ими труды и ежегодно дарятъ отечественную публуку выпускомъ издаваемыхъ ими растеній: г. Н. Тарачковъ — Воронежской Губерніи, а г. А. Тарачковъ — Орловской Губерніи. Полезное предпріятіе всегда оставляетъ по себѣ добрые слѣды: такъ и гг. Тарачковы нашли себѣ послѣдователей въ лицѣ гг. Пабо и Чоловскаго, приступившихъ въ прошломъ году къ изданію могилевской флоры, г. Поганки, предпріявшаго отдѣльно отъ г. А. Тарачкова изданіе орловской флоры, и другихъ особъ, приготовляющихъ къ изданію флоры двухъ сѣверныхъ губерній.

Мы ужь неоднократно имѣли случай говорить о необходимости, пользѣ и важности изданія сухихъ растеній, дающихъ возможность каждому изучить почти безошибочно и, главное, безъ большаго труда изданныя растенія. Повторять сказанное было бы излишне, тѣмъ болѣе, что убѣжденіе въ необходимости изучать естественную исторію сдѣлалось ненужнымъ, и потому перейдемъ прямо къ краткому очерку двухъ вышедшихъ сотенъ. Обѣ онѣ изданы по одному и тому же плану и имѣютъ между собою много сходнаго. Такимъ-образомъ, оба выпуска заключаютъ въ себѣ по сту растеній дикорастущихъ — одинъ въ Воронежской, а другой въ Орловской губерніяхъ и расположенныхъ по естественной системѣ Декандоля. Къ обоимъ выпускамъ приложены печатные каталоги in 8-о, въ которыхъ подъ нумерами, соотвѣтствующими нумерамъ, наклееннымъ при растеніяхъ, заключается латинское названіе растенія съ ссылкою на извѣстное сочиненіе Ледебура «Flora rossica» и съ указаніемъ семейства, къ которому относится это рас-

теніе; далѣе русское названіе этого растенія и его мѣстное прозваніе, если такое названіе существуетъ; потомъ мѣстообитаніе, мѣсторожденіе (statio), почва, время цвѣтенія и мѣстное употребленіе, или свойство растенія. Въ концѣ каталоговъ приложены алфавитные указатели растеній, находящихся въ изданной сотнѣ. У г. Н. Тарачкова, въ «Воронежской Флорѣ», кромѣ того, указывается на степень обилія, въ какой встрѣчается данное растеніе, и помѣщено подробное объясненіе выраженій, принятыхъ для обозначенія мѣсторожденія. Экземпляры растеній собраны какъ у того, такъ и у другаго съ знаніемъ дѣла, высушены весьма-тщательно и разложены очень-красиво. Опредѣленія точны, за исключеніемъ №№ 330 Geum strictum и 373 Amarantus retroflexus, которыя въ нашемъ экземплярѣ суть Geum urbanum и Amarantus paniculatus; а мѣстныя русскія названія, особенно въ «Воронежской Флорѣ», весьма-многочисленны и любопытны.

Руководство къ Практической Навигаціи и Мореходной Астрономіи, съ таблицами. *Составилъ* князь Евгеній Голицынъ, *флота капитанъ-лейтенантъ. С. Петербургъ. Въ типографіи Императорской Академіи Наукъ. 1854. Въ большую 8-ю д. л. 455 стр.*

Эта вполнѣ-полезная книга напечатанная по Высочайшему повелѣнію и посвященная авторомъ русскому флоту, прежде всего обращаетъ на себя вниманіе необыкновенно-красивою своею наружностью, доказывающею, до какого совершенства доведена типографія нашей Академіи Наукъ; особенно многочисленныя и обширныя таблицы, удивительны своею ясностью и вмѣстительностью. Она содержитъ въ себѣ пять отдѣленій: 1) навигація, 2) мореходная астрономія, 3) объясненіе таблицъ, 4) самыя таблицы, числомъ 68, и 5) прибавленіе, въ которомъ собраны формулы, относящіяся къ навигаціи, астрономіи и плоской и сферической тригонометріи.

Навигація состоитъ изъ пяти главъ: 1) Введеніе, въ которомъ *восемь* параграфовъ, дающихъ понятіе о предметахъ навигаціи и мореходной астрономіи; 2) О компасѣ и лагѣ; 3) О морскихъ картахъ и ихъ употребленіи; 4) О различныхъ курсахъ и счисленіи корабельнаго пути, и 5) О теченіи моря.

Мореходная астрономія также начинается введеніемъ, описывающимъ круги, воображаемые астрономами на шарообразной земной поверхности и на шарообразномъ небесномъ сводѣ; затѣмъ слѣдуютъ шесть главъ, въ которыхъ показаны рѣшенія вопросовъ о географическихъ широтахъ и долготахъ; о повѣркѣ хронометра, или объ опредѣленіи времени съ надлежащею точностью, необходимою для безопасности плаванія; объ опредѣленіи склоненія компаса, измѣняющагося отъ причинъ естественныхъ и отъ дѣйствія окружающаго его желѣза, и о временахъ полноводія при отливахъ и приливахъ моря.

Русскіе мореходцы должны остаться особенно-благодарны за богатое собраніе таблицъ; между ними очень-много новыхъ, которыхъ нельзя найдти въ подобныхъ сборникахъ на иностранныхъ языкахъ, и которыя необходимы для мореплаванія. Въ этомъ отношеніи опытный и трудолюбивый авторъ предупредилъ всѣ потребности своихъ сослуживцевъ.

При книгѣ находится предисловіе, въ которомъ читаемъ слѣдующее желаніе скромнаго автора: «всякій человѣческій трудъ весьма далекъ «отъ совершенства, и имѣя въ виду быть полезнымъ нашимъ моря- «камъ, я съ признательностью приму всѣ замѣчанія, которыя будутъ «сдѣланы, для того, «чтобы при второмъ изданіи пополнить сочиненіе «и исправить недостатки». Вслѣдствіе этого осмѣливаемся подать нашъ голосъ съ весьма немногими замѣчаніями о мореходной астрономіи.

Второе изданіе такой полезной и прекрасной книги, безъ-сомнѣнія, послѣдуетъ въ непродолжительномъ времени, потому-что она должна быть ручною у всякаго моряка. Итакъ, почему бы, предъ рѣшеніями каждаго вопроса изъ мореходной астрономіи, не помѣстить формулъ, по которымъ производятся эти рѣшенія? Намъ кажется, что словесное или описательное ихъ рѣшеніе очень-обременительно для памяти, для которой формулы будутъ сильнымъ вспомогательнымъ средствомъ и послужатъ оправданіемъ самого рѣшенія. Возьмемъ, для примѣра, *первый способъ* опредѣленія географической широты посредствомъ полярной звѣзды; въ немъ сказано: «Къ логариому секанса часоваго угла придаютъ «пропорціональный логариомъ полярнаго разстоянія; сумма безъ десятковъ «въ характеристикѣ будетъ пропорціональный логариомъ *первой поправ- «ки*.—Берутъ логариомъ косеканса часоваго угла и пропорціональный ло- «гариомъ полярнаго разстоянія (,) сумму умножаютъ на 2, къ этому произ- «веденію придаютъ постоянный логариомъ 1.5821 и логариомъ котанген- «са высоты, (:) сумма безъ десятковъ въ характеристикѣ будетъ про- «порціональный логариомъ *второй поправки*. Если часовый уголъ (со- «держится) между 6 и 18 час., то первую поправку придаютъ къ «высотѣ, (;) если же онъ больше 18 час. или меньше 6 час. (,) то «вычитаютъ; вторую поправку всегда придаютъ. Результатъ по- «кажетъ широту». Прочитавъ это правило, мы остановились, *вопервыхъ*, надъ словомъ *пропорціональный логариомъ*, котораго смыслъ слѣдовало бы объяснить съ бóльшею подробностью, нежели какъ то сдѣлано при описаніи таблицы 52; *вовторыхъ*, только *двѣ поправки* показали намъ, что формула, соотвѣтствующая предложенному правилу, должна быть выражена *рядомъ*, изъ котораго взято только два члена. Извѣстно, что эта весьма-удобная для вычисленія формула въ первый разъ была предложена покойнымъ астрономомъ Литровымъ и вновь доказана въ «Основаніяхъ Астрономіи» профессора Перевощикова, изданныхъ въ 1842 г. Чтобъ повѣрить нашу догадку, мы передѣлали по ней примѣръ, предложенный авторомъ на 64 стр. его книги, и весьма удивились, когда для широты получили $63° 15' 28''_2$, а не $63° 54' 40''$,

какъ показано въ книгѣ князя Голицына. Думая, что мы не угадали формулы, разрѣшили тотъ же вопросъ по строгой общей формулѣ, по которой вычисляются широты по склоненію свѣтила и часовому углу; но опять получили 63° 15′ 29″. Наконецъ, для рѣшенія того же вопроса, мы употребили первый членъ извѣстной деламбровой формулы для свѣтилъ, наблюдаемыхъ близь меридіана, находящейся въ «Прибавленіи къ Руководству» и пр.—въ результатѣ получили также 63° 15′ 27″. Эти терпѣливо-сдѣланныя нами вычисленія доказали, что примѣръ разрѣшенъ ошибочно: для открытія ошибки, мы начали первое наше вычисленіе подробно сравнивать съ рѣшеніемъ князя Голицына и нашли, что обѣ наши поправки совершенно-одинаковы съ поправками князя Голицына, именно: первая = 19′ 35″, 6, вторая = 2, 14″,8. Гдѣ же ошибка? Князь Голицынъ обѣ поправки придалъ къ высотѣ полярной звѣзды, забывъ, что въ его правилѣ было сказано: «первую поправку вычитаютъ, если часовой уголъ меньше 6 час , а въ его примѣрѣ этотъ уголъ = 5 ч. 9 м. 37 сек. Вотъ какъ можно забывать правила, не имѣя предъ глазами формулы! Тотъ же примѣръ князь Голицынъ разрѣшилъ по *второму способу*, и также ошибся: въ немъ поправка зенитнаго разстоянія, по первому члену деламбровой формулы, будетъ не + 1° 8′ 2″, но 1° 12′ 19″.

Нашедши ошибки въ одномъ примѣрѣ, мы не полѣнились передѣлать еще нѣсколько вопросовъ; именно: для опредѣленія широты по наблюденіямъ надъ солнцемъ близь меридіана, и по двумъ его высотамъ по обѣимъ сторонамъ меридіана (стр. 67 и 74). Для перваго изъ этихъ примѣровъ получили широту = 45° 52′ 41″, для втораго же 33° 3′ 52″. Князь Голицынъ нашелъ 45° 52′ 38″ и 33° 3′ 53″. Но эти небольшія разности происходятъ, кажется, оттого, что мы употребляли логариѳмы съ семью десятичными, а князь Голицынъ только съ шестью. Притомъ, для втораго примѣра авторъ пользовался формулою, предложенною имъ на стр. 450, въ которую входятъ *пять* вспомогательныхъ дугъ, мы же — формулою только съ *тремя* вспомогательными дугами. Эту формулу также можно найдти въ «Основаніяхъ Астрономіи» г. Перевощикова.

Касательно усовершенствованія прекрасной книги князя Голицына, второе наше желаніе состоитъ въ томъ, чтобъ, при объясненіи содержащихся въ ней таблицъ, были показаны и формулы для ихъ составленія. Также не безполезный будетъ трудъ, если включатся бо̀льшія подробности о трехъ временахъ, звѣздномъ, среднемъ и солнечномъ, и разрѣшится поболѣе вопросовъ о переходѣ одного изъ нихъ къ другому.

Наконецъ, не мѣшаетъ обратить вниманіе на знаки препинанія, изъ которыхъ *запятыя* разставлены весьма-небрежно. Мы увѣрены, что многія посмѣются надъ этимъ замѣчаніемъ— но чтожь дѣлать? Мы привыкли къ грамматической правильности, которой не чуждаются и великіе писатели русскіе и иностранные. Также мы не употребили бы

слова *исправа* вмѣсто *поправка, исполненіе* вмѣсто *дополненіе*, и пр. Еще одно и послѣднее замѣчаніе: въ опредѣленіи ученыхъ словъ слѣдуетъ соблюдать строжайшую точность. Такъ, напримѣръ, есть неточность въ опредѣленіи параллакса. Авторъ пишетъ (стр. 47): «Параллаксъ «свѣтила есть уголъ, коего вершина есть центръ свѣтила (,) а сто-«роны идутъ: одна къ центру земли (,) а другая къ глазу наблюда-«теля». *Откуда жь* идутъ? Далѣе: «параллаксъ происходитъ отъ то-«го, что лучъ (,) проходящій отъ глаза наблюдателя чрезъ свѣтило «до встрѣчи съ небесной сферой или съ звѣзднымъ небомъ, показы-«ваетъ свѣтило ниже, чѣмъ когда оно было бы видимо изъ центра «земли». По нашему мнѣнію, и это, въ-сущности вѣрное описаніе дѣйствія параллакса можетъ быть выражено яснѣе. Впрочемъ, эти мелочныя замѣчанія можно почесть пустыми привязками; но почему не сообщить прекрасному труду полнаго совершенства?

Указатель *практическихъ наблюденій по русскому сельскому хозяйству. Составилъ и издалъ* А. Ивановъ. *Санктпетербургъ. 1854. Въ 16-ю д. л. 153 стр.*

Предлагая эту книжку сельскимъ хозяевамъ и грамотнымъ земледѣльцамъ, преимущественно въ сѣверныхъ и среднихъ губерніяхъ, авторъ позволяетъ себѣ надѣяться, что они найдутъ въ ней не безполезныя для себя практическія указанія на разныя случайности въ деревенскомъ быту, отъ которыхъ нерѣдко можетъ зависѣть или выгода, или убытокъ для сельскаго хозяина. Случайностями этими авторъ называетъ тѣ народныя повѣрья и замѣчанія, которыя соединены съ воспоминаніями о святыхъ и различныя примѣты на-счетъ времени производства сельскихъ хозяйственныхъ работъ и на-счетъ перемѣнъ погоды. Такимъ-образомъ авторъ собралъ множество пословицъ, поговорокъ, замѣтокъ, повѣрій, преданій и примѣтъ, относящихся къ сельскому хозяйству, и помѣстилъ ихъ въ изданной книжкѣ, сперва подъ названіемъ народнаго дневника — по мѣсяцамъ и числамъ, и потомъ по отношенію ихъ къ различнымъ работамъ, какъ-то: пахатѣ, посѣву, удобренію, сѣнокосу и наконецъ въ-отношеніи къ предузнанію перемѣнъ погоды. Послѣ каждаго мѣсяца помѣщенъ маленькій хозяйственный календарь, или наставленіе, какими работами преимущественно въ этотъ мѣсяцъ должно заниматься. Въ концѣ книги приложено нѣсколько таблицъ сельско-хозяйственныхъ разсчетовъ, какъ-то: расчисленіе урожая хлѣбовъ и другихъ растеній на одну казенную десятину, прибыль отъ скота и домашнихъ птицъ, разсчетъ корма, удобреніе, расчисленіе работъ, мѣры и вѣсы. При составленіи этой книжки авторъ руководствовался нѣкоторыми хозяйственными журналами послѣднихъ годовъ, сочиненіемъ г. Снегирева «Русскіе въ своихъ пословицахъ», сочиненіемъ г. Крейсига «Вспомогательная книга для помѣщиковъ и сельскихъ хозяевъ», «Основаніемъ сельскаго хозяйства

для сѣверной полосы Россіи», изданнымъ Департаментомъ Сельскаго Хозяйства, сочиненіемъ Вонлярлярскаго «Руководство къ управленію имѣніями» и другими — что̀ достаточно указываетъ на полноту собранія, имѣющаго дѣйствительно интересъ не для однихъ сельскихъ хозяевъ.

Наставленіе къ разведенію гусей. *Составлено корреспондентомъ Императорскаго Вольнаго Экономическаго Общества* В. Циммерманомъ. *С. Петербургъ. 1854. Въ типографіи Королева и комп. Въ 12-ю д. л. 51 стр.*

Наставленіе къ разведенію индѣекъ, *составилъ по разнымъ источникамъ корреспондентъ Императорскаго Вольнаго Экономическаго Общества* В. Циммерманъ. *С. Петербургъ. 1854. Въ 12-ю д. л. 72 стр.*

Наставленіе къ разведенію козъ. *Составилъ корреспондентъ Императорскаго Вольнаго Экономическаго Общества* В. Циммерманъ. *Въ 12-ю д. л. 58 стр.*

Трудно, конечно, требовать отъ автора, чтобъ онъ собственнымъ опытомъ добылъ всѣ факты, которые сообщаетъ, или даже самъ провѣрилъ ихъ; поэтому мы не ставимъ г. Циммерману въ упрекъ, что составленныя имъ книжки—компиляціи; компиляціи эти, за недостаткомъ другихъ, болѣе-полныхъ сочиненій, могутъ служить довольно-хорошими руководителями. Напрасно только авторъ въ предисловіяхъ даетъ обѣщанія, которыхъ впослѣдствіи не выполняетъ. Онъ обѣщаетъ, напримѣръ, сельскому хозяину разъяснить всѣ стороны хозяйства по избраннымъ отраслямъ. Но положимъ, что хозяинъ, купивъ книжку о гусяхъ, захочетъ узнать изъ нея: ка̀къ содержать гусей? На стр. 10 онъ прочтетъ, что выгодно оставлять гусей между прочей домашней скотиной, а немного ниже, на той же страницѣ, что лучше отдѣлить ихъ совсѣмъ. Желаетъ ли хозяинъ узнать, съ большаго или малаго основнаго капитала онъ долженъ начать — на стр. 67 (въ книжкѣ объ индѣйкахъ) сказано: «чтобы разведеніе индѣекъ было вполнѣ выгоднымъ дѣломъ, должно пожертвовать основной капиталъ *только* для покупки одного пѣтуха и одной индѣйки», а между-тѣмъ въ статьяхъ о содержаніи этихъ вкусныхъ птицъ говорится объ особомъ дворѣ, да еще съ раздѣленіями. Для чего ограничивать обзаведеніе одной парой? Бѣда какая можетъ случиться, первый приплодъ вымретъ—какъ быть тогда хозяину? Въ этомъ виновата поспѣшность, съ которою писалъ авторъ— въ этомъ и во многомъ другомъ: напримѣръ, индѣйка для несенія яицъ должна имѣть отъ 2 до 3 лѣтъ (стр. 12), а для высиживанія нужно брать однолетку (стр. 20); о возрастѣ пѣтуха ни слова, а это далеко не все-равно; пѣтуховъ старѣе 3 лѣтъ не слѣдуетъ держать: они злы и даютъ уже плохое, жосткое мясо; ранѣе двухъ лѣтъ ихъ тоже въ плодъ пускать не должно. Подобныхъ недосмотровъ и неточностей много. От-

чего, напримѣръ, авторъ не говоритъ объ употребленіи маковаго масла при выращиваніи печени у гусей? отчего говоритъ онъ только объ одномъ способѣ приготовлять перья для письма? отчего называетъ зубцы на клювѣ гусей острыми? отчего ограничиваетъ 15-ю число несомыхъ гусынею яицъ и пр. и пр.? Не удовлетворятъ, полагаемъ, хозяевъ и сметы автора на содержаніе гусей и индѣекъ, по той простой причинѣ, что онъ не означаетъ количества корма; а при стадѣ въ 500 штукъ нельзя сказать, чтобъ кормъ для него ничего не стоилъ, какъ говоритъ авторъ въ книжкѣ о козахъ (стр. 4) тоже, конечно, совершенно произвольно. Въ этой книжкѣ особенно замѣтна легкость, съ которою авторъ смотрѣлъ на свой предметъ; а вѣдь здѣсь дѣло идетъ ужь не о курахъ, которыя, хотя и изъ Индіи родомъ, а все же не птицы; стадо козъ—не дешево. Опять повторяемъ, что не ставимъ автору въ упрекъ его неопытности въ хозяйствѣ; но какъ же совѣтовать другимъ разводить нѣжныхъ азіатскихъ козъ на сѣверозападѣ Россіи? какъ утверждать, что это такъ легко и выгодно, особенно когда самъ же авторъ приводитъ неудачныя попытки въ Виртембергѣ и на югѣ Россіи (стр. 9 и 55)? Г. Абрамовъ пріобрѣлъ значительное число (сколько именно, авторъ не говоритъ) кашмирскихъ козъ въ 1827 году, получилъ отъ казны 500 десятинъ земли (около Таганрога), не щадилъ ни трудовъ, ни издержекъ; но, надѣясь ужь къ 1837 году имѣть 500 штукъ, только къ 1851 году развелъ стадо въ 550 штукъ. Автору легко сказать, что кашмирскія овцы, сравнительно съ другими, требуютъ бо́льшихъ попеченій и проч.; но развѣ и ангорскія козы легко разводятся? Г. Панкову, при огромныхъ средствахъ, удалось получить въ-теченіе почти сорока лѣтъ стадо въ 300 головъ отъ одного козла и трехъ козъ, что̀ очень-мало; ко всему этому нужно еще прибавить, что самый переводъ козъ съ мѣста на мѣсто затруднителенъ. Извѣстно, что г. Терно изъ 1289 головъ успѣлъ перевезти во Францію только 400. Жаль, очень-жаль, что авторъ обработалъ этотъ предметъ такъ поверхностно!

Элементарная книга *для обученія чтенію и письму русскому и нѣмецкому. Составилъ* Эдуардъ Ренгартенъ. *Москва. Въ типографіи В. Готье. 1854. Въ 8-ю д., л., 54 стр.*

Просмотрѣвъ книгу г. Ренгартена съ должнымъ вниманіемъ, мы убѣдились какъ въ добромъ намѣреніи его облегчить изученіе тѣхъ предметовъ, которые въ элементарномъ преподаваніи сопряжены съ значительными трудностями, такъ и въ томъ, что онъ владѣетъ и учительскимъ тактомъ и многолѣтнею опытностью усерднаго, добросовѣстнаго преподавателя. Оба эти качества — и врожденное (тактъ) и пріобрѣтенное (опытность) — показали ему годность однихъ и негодность другихъ способовъ преподаванія и открыли нѣкоторые полезные пріемы въ элементарномъ обученіи. Въ этомъ отношеніи авторъ заслуживаетъ полную признательность.

Но что касается до самаго содержанія предлагаемой книги, то мы во многомъ расходимся съ авторомъ. Предисловіе его указываетъ на препятствія, затрудняющія въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ усвоеніе хорошаго, правильнаго произношенія нѣмецкихъ словъ. Этихъ препятствій три: одно главное, два второстепенныя. Главное заключается въ большомъ различіи между русскимъ и нѣмецкимъ языкомъ относительно произношенія гласныхъ буквъ и ударенія: въ русскомъ языкѣ нѣтъ ни одного слова, въ которомъ гласная произносилась бы протяжно, тогда-какъ въ бо̀льшей половинѣ нѣмецкихъ словъ находятся долгія гласныя; во многихъ сложныхъ словахъ русскихъ только одинъ слогъ имѣетъ удареніе, тогда-какъ въ нѣмецкомъ языкѣ, изобилующемъ сложными словами, бо̀льшая часть этихъ словъ имѣетъ два слога, которые слѣдуетъ произносить съ повышеніемъ голоса. Изъ второстепенныхъ препятствій одно состоитъ въ томъ, что довольно-значительная часть мальчиковъ, поступающихъ въ низшій классъ среднихъ учебныхъ заведеній, выучилась читать по навыку, не различая сознательно отдѣльныхъ звуковъ въ словѣ и не зная, поэтому, ка̀къ себѣ помочь, когда въ незнакомомъ словѣ встрѣчается нѣсколько согласныхъ буквъ, соединенныхъ въ одномъ слогѣ; другое второстепенное препятствіе состоитъ въ томъ, что иногда и бо̀льшая часть дѣтей, поступающихъ въ низшій классъ, не получаетъ надлежащей выправки, нужной для того, чтобъ съ успѣхомъ учиться въ многочисленномъ классѣ.

Какъ же помочь ученику и учителю вмѣстѣ въ этомъ трудномъ дѣлѣ? Какими способами отстранить препятствія къ усвоенію чистаго, правильнаго нѣмецкаго произношенія? — вотъ въ чемъ существенный вопросъ.

Г. Ренгартенъ полагаетъ, что онъ нашелъ это средство. Въ заглавіи VII-ой страницы мы читаемъ: «*Вѣрный* способъ, по которому, обучая русской грамотѣ, можно положить прочное основаніе правильному произношенію въ нѣмецкомъ языкѣ». Но для насъ эти строки кажутся совмѣщеніемъ несовмѣстимыхъ предметовъ. Если русскій языкъ существенно отличается отъ нѣмецкаго по произношенію, то какимъ же образомъ правильный выговоръ русскихъ словъ можетъ положить основаніе правильному выговору словъ нѣмецкихъ? Въ русскихъ словахъ гласныя не произносятся протяжно, какъ въ бо̀льшей части словъ нѣмецкихъ; слѣдовательно, произнося, какъ должно, слова русскія, мы въ то же время произносимъ нѣмецкія неправильно, и наоборотъ. Беремъ, для доказательства, собственные примѣры автора. Онъ говоритъ, что «непріятно для нѣмецкаго уха слышать: *ротъ* вмѣсто *Roth*, *бродъ* вмѣсто *Brod*». Но слова *ротъ* и *бродъ* существуютъ тоже въ русскомъ языкѣ: каково же русскому уху слышать: *роотъ* вмѣсто *ротъ*, *броодъ* вмѣсто *бродъ*?

Намъ кажется, что авторъ желаетъ невозможнаго.

Дѣло въ томъ, что иностранному языку надобно учиться такъ же,

какъ мы учимся языку отечественному, если хотимъ говорить на немъ свободно, произносить чисто и правильно. Здѣсь одна метода — практика, навыкъ; а практиковаться надобно начинать съ самыхъ малыхъ лѣтъ. Кто выучился произносить и говорить, не зная, ка̀къ онъ выучился, не помня трудовъ, для того употребленныхъ, тотъ, повѣрьте, произноситъ и говоритъ очень-хорошо; но кому произношеніе стоило сильнаго ломанья языка, кому разговоръ обошелся дорого̀ю цѣною правилъ и правилъ, кто, однимъ словомъ, принялся за иностранный языкъ въ то время, когда уже знаніе роднаго языка положило тому многія преграды, тотъ въ разговорѣ будетъ составлять фразы, припоминая даже правила, по которымъ онъ ихъ составляетъ; у того въ выговорѣ всегда будетъ слышаться отечественный акцентъ. Разговоръ логически-правильный и разговоръ безсознательно-вѣрный духу языка — большая разница. По первому я узнаю иностранца, выучившагося русскому языку въ зрѣлыхъ лѣтахъ по правиламъ; по второму — моего соотечественника, кореннаго русскаго. Я даже увѣренъ, что невозможно знать нѣсколько языковъ одинаково-хорошо, хотя очень-легко знать десятки языковъ одинаково-дурно.

Книга *для постепеннаго упражненія въ чтеніи и переводахъ, при начальномъ изученіи французскаго языка. Составлена* Эр. Гэ. *Москва. Въ университетской типографіи. 1854. Въ 8-ю д. 130 и 21 стр.*

Это — небольшая французская хрестоматія. Составитель ея, г-нъ Гэ, имѣлъ цѣлью собрать образцовыя сочиненія, или отрывки изъ сочиненій, легкихъ для перевода и представляющихъ пріятное и полезное чтеніе. Цѣль эта — надобно отдать справедливость составителю — достигнута: выборъ образцовъ показываетъ съ одной стороны хорошій вкусъ, а съ другой — опытность наставника, знакомаго съ тѣмъ, что̀ нужно ученику при постепенныхъ упражненіяхъ его и въ переводѣ съ французскаго языка на русскій, и въ ученіи наизустъ, и въ чтеніи. Статьи изъ космографіи и натуральной исторіи принесутъ учащимся еще ту пользу, что познакомятъ ихъ съ нѣкоторыми, наиболѣе-важными предметами этихъ наукъ и съ значительнымъ числомъ техническихъ, научныхъ словъ. Г. Гэ раздѣлилъ свою хрестоматію на четыре части: первая заключаетъ въ себѣ основныя свѣдѣнія изъ космографіи и естественной исторіи, вторая — статьи нравственныя или аллегорическія, для перевода и устнаго разсказа; третья — описанія животныхъ, заимствованныя изъ лучшихъ натуралистовъ, четвертая — стихотворенія, для ученія наизустъ и произнесенія. Къ хрестоматіи приложенъ тщательно-составленный словарь.

Руководство *къ практическому изученію нѣмецкаго языка. Въ двухъ частяхъ. Составлено* Л. фонъ деръ Эльснитцомъ. *Москва.*

Въ типографіи В. Готье. 1854. Въ 8-ю д. Въ 1-ой части — 36, во 2-ой — 63 стр.

Первая часть этого руководства содержитъ въ себѣ практическую этимологію, вторая — книгу для чтенія и перевода.

Этимологія названа «практическою», потому-что цѣль ея — ознакомить учащагося съ формами языка путемъ практики. Какъ опытный преподаватель, коротко-знакомый съ литературою нѣмецкою и съ трудами ученыхъ по части грамматики, г. Эльснитцъ имѣетъ вѣрный взглядъ и на цѣль и на средство преподаванія. Онъ совершенно-справедливо говоритъ, что въ преподаваніи новыхъ языковъ изученіе грамматики есть только средство къ цѣли, а практическій способъ — вѣрнѣйшій и кратчайшій путь къ достиженію этой цѣли; что для русскаго юношества главная цѣль изученія новыхъ языковъ должна состоять въ томъ, чтобъ знаніе языка служило средствомъ къ раскрытію сокровищъ литературы, а второстепенная въ томъ, чтобъ говорить на этомъ языкѣ. Если это такъ, то практическій способъ тогда только можетъ вести къ удовлетворительному результату, когда теорія полагается въ основаніе практическихъ упражненій: ибо, при маломъ числѣ уроковъ, назначаемыхъ въ бо̀льшей части учебныхъ заведеній для преподаванія новыхъ языковъ, всякій иной способъ, назовемъ ли его упражненіями въ языкѣ, или именемъ какой-либо многообѣщающей методы, не можетъ вести къ основательному познанію языка. Вотъ слова человѣка, неспособнаго поддаться педантизму и увлечься какимъ-нибудь химерическимъ способомъ въ нѣсколько уроковъ выучить иностранному языку. Выборъ статей во второй части очень-хорошъ, равно какъ и словарь для обѣихъ частей. Рекомендуемъ книгу г. Эльсннтца.

Графиня де Маденъ. *Романъ. Сочиненіе* Е. П. *Двѣ части. Москва. Въ типографіи Вѣдомостей Московской Городской Полиціи. Въ 16-ю д. л. Въ 1-й ч. 95, во 2-й 109 стр.*

Хотя на заглавномъ листѣ не сказано, что этотъ романъ переводный, но мы смѣло относимъ его къ переводнымъ, а не къ оригинальнымъ русскимъ сочиненіямъ. Какая причина заставила переводчика умолчать о томъ — не знаемъ. Переводъ недуренъ.

Стихотворенія Вячеслава Лихачева. *Двѣ части. Москва. Въ типографіи Н. Эрнста. 1854. Въ 16-ю д. л. Въ 1-й части 438, во 2-й 457 стр.*

Удивительное, неслыханное явленіе въ наше время: два тома стихотвореній, написанныхъ однимъ и тѣмъ же лицомъ! Въ одномъ томѣ двѣсти девять пьесъ, въ другомъ сто-тридцать-двѣ, и того триста-сорокъ-одна пьеса. Положите, среднимъ числомъ, на каждую по сороку стиховъ (у г. Лихачева есть предлинныя пьесы), вы получите тринадцать тысячъ шесть-сотъ-сорокъ стиховъ — и какихъ стиховъ!.. Фактъ

замѣчательный, для объясненія котораго необходимы многія психологическія данныя, которыхъ мы не имѣемъ.

Какъ это г. Лихачевъ умудрился написать такую бездну стиховъ и для чего онъ написалъ ихъ — мы не знаемъ, и онъ самъ не знаетъ этого. «Я пишу стихи вовсе безъ отчету, покорствуя тайному велѣнью», говоритъ онъ въ посланіи къ N. N. N.

«Но что же именно внушаетъ ту охоту,
И что причиною невольнаго труда —
Я, право самъ ни-чуть не понимаю,
И чувствъ своихъ не въ силахъ передать;
Но только, истинно, одно я вѣрно знаю,
Что не всегда могу стихи писать...»

Еще бы! Природа такъ мудро устроена, что, на ряду съ болѣзнью, даетъ и лекарство. Еслибъ авторъ могъ *всегда* писать стихи, то онъ *никогда* не пересталъ бы писать ихъ: мы увидѣли бы въ немъ мученика невольнаго труда. Пословица говоритъ: охота пуще неволи; можно представить, что̀ вышло бы при неволѣ безъ охоты! Когда же авторъ лишается возможности творить стихи?

«Бываютъ дни, бываютъ и недѣли,
Когда душа спокойна и пуста;
Тогда мнѣ кажется, стихи мнѣ надоѣли
И спитъ моя игривая мечта.
Тогда стихи я вовсе забываю,
Умъ положительнымъ, какъ-будто бы занятъ;
Тогда невольно я себя самъ осуждаю,
И надъ ребячествомъ своимъ смѣяться радъ.»

Когда же стихотворческая дѣятельность возобновляется?

«Но только лишь восторгъ мой непонятный
Опять въ душѣ тревожно закипитъ,
И міръ фантазіи — роскошный, необъятный,
Опять въ душѣ моей мечта вдругъ воскреситъ —
Опять является во мнѣ къ стихамъ охота,
Опять я нехотя стихи свои пишу...
И самъ себѣ не въ силахъ дать отчета,
И вамъ того никакъ не разскажу.»

И плодомъ такой настроенности вышло нѣсколько сотъ безотчетныхъ стихотвореній. Всѣ они одинаково-хороши въ своемъ родѣ, то-есть безотчетномъ, и всѣ, неизвѣстно почему, выражаютъ грустныя чувства. То̀ грусть тревожная: она тѣснится невольно въ умъ —

И плачутъ жолчію, безъ слезъ, его глаза...

Не смѣемъ поднимать завѣсы съ тайнъ, какъ собственности автора; но намъ кажется, что виною всего, и стиховъ и грусти — *она*. Это

предположеніе основывается на стихотвореніи *Три Поры*. Авторъ описываетъ третью пору:

«Пришелъ въ свой край — и васъ увидѣлъ снова:
Вы были *женщиной*, старушкой зрѣлыхъ лѣтъ,
Съ лицомъ изношеннымъ, съ наружностью суровой —
Но все въ ней былъ красы минувшей слѣдъ.
  Какъ много вы, какъ грустно измѣнились!
Гдѣ дѣлись прелести, гдѣ дѣлась красота?
Ужь вы не бѣгали, какъ прежде — не рѣзвились,
И хилой старостью смѣнилась быстрота...
  Вы были веселы, какъ прежде говорили,
Но ваши рѣчи были ужь не тѣ...
Вы опустились — и больше не парили
Нѣмой красавицей предъ всѣми въ высотѣ...
  Мы съ вами встрѣтились — другъ друга не узнали...
Вы крѣпко спорили за карточнымъ столомъ;
Я къ вамъ *подшелъ* — вы карту мнѣ подали,
И живо партію составили втроемъ...
  Я къ вамъ подсѣлъ, *придвинулъ ближе шею*,
Сталъ говорить о счастьи прежнихъ дней;
Вы понесли такую ахинею —
Что я разсѐрдился — и тягу далъ скорѣй.»

Въ-самомъ-дѣлѣ, какая жалость: молодая дѣвушка лѣтъ черезъ сорокъ сдѣлалась старухой! Какъ послѣ этого не крушиться и не плакать? Для чего это старухи не превращаются въ молодыхъ дѣвушекъ?

ЖУРНАЛИСТИКА.

Что такое «**Искренность въ Критикѣ?**» («Современникъ» № 7). — *Что такое рѣзкость литературныхъ приговоровъ. — Что такое журнальная послѣдовательность и отчего рождаются толки о простыхъ и обыкновенныхъ понятіяхъ?* — «**Замѣтки**» *Новаго Поэта и его новое поэтическое произведеніе* «**Апронія**». — **Мелочи изъ запаса моей памяти** г. М. Дмитріева («Москвит. № 13). — *Разборъ сочиненія г. Булича о Сумароковѣ* въ «Современникѣ». — Статьи въ №№

9, 10, 11 и 12 «Москвит.»: **Изслѣдованія о балтійскихъ славянахъ,** г. Гильфердинга, **Картина аханнаго рыболовства при устьѣ Урала,** г. Желѣзнова; **Кизильскіе татары; Европейская Турція въ нынѣшнюю войну; Торговый флотъ въ Англіи; Переходъ Александра Великаго черезъ Гидаспъ; Письма Петра Великаго къ Шафирову; Лудовикъ XVII; Письма о ботаникѣ,** Шлендена; **Письма Либиха о химіи; Грёзъ; Консульство и Имперія,** дю-Карнё; **Смѣсь изъ Московскихъ Вѣдомостей 1795 года.** — Статьи №№ 6 и 7 «Библіотеки для Чтенія»: **Обозрѣніе Вологодскихъ Губернскихъ Вѣдомостей; Донизетти; Путешествіе въ Лурустанъ и въ Аравистанъ; Сейденгэмскій Дворецъ,** и пр. — Статьи въ 6-й кн. «Пантеона»: **Костяныя копи; Бѣлоруссія,** г. Шпилевскаго; **Письма изъ-за границы,** г. Мундта и пр. — **Нѣсколько словъ г-ну П. Иванову,** объ изданномъ имъ **Алфавитномъ Указателѣ къ Боярскимъ Книгамъ.**

Кто бы могъ подумать? кто бы ожидалъ?.. Нѣтъ, мы не вѣримъ воимъ глазамъ, не хотимъ вѣрить и никогда не повѣримъ. Скажите, не-уже-ли можно было думать послѣ всего, что̀ мы прочли въ «Замѣткахъ» Новаго Поэта «Современника», въ «Письмахъ» Иногороднаго Подписчика, въ Библіографіи и въ «Литературномъ Ералашѣ» этого журнала—не-уже-ли можно было думать, что «Современникъ» такъ строго, непреклонно, неуступчиво и *серьёзно* понимаетъ назначеніе русской критики? Какъ! «Современникъ», который находилъ каждую рецензію другаго журнала скучною и слишкомъ-строгою, если она не имѣла вида «Литературнаго Ералаша», если она не была «Литературнымъ Кошмаромъ», если въ этой рецензіи не было рѣчи о лошадяхъ, груммахъ и тому подобномъ — «Современникъ» въ-сущности думаетъ совершенно-иначе и понимаетъ литературную критику такъ высоко, что передъ этимъ взглядомъ остается преклониться и... молчать? Невѣроятно! Новый Поэтъ въ своихъ «Замѣткахъ» всегда требовалъ снисходительности къ мнѣніямъ другихъ и хорошаго тона, соотвѣтствующаго бесѣдѣ порядочнаго общества; Иногородный Подписчикъ всегда и во всемъ старался отъискать что-нибудь хорошее, предполагая, что критика скорѣе достигаетъ своей цѣли похвалой, нежели жосткимъ и нецеремоннымъ осужденіемъ; въ Библіографіи «Современника» недавно еще, въ нынѣшнемъ году, старались защищать всѣхъ поэтовъ, подающихъ, подававшихъ надежды и даже никогда неподававшихъ надеждъ, и... вдругъ этотъ «Современникъ», въ седьмомъ своемъ нумерѣ нынѣшняго года, требуетъ *рѣзкости* отзывовъ, строгости приговоровъ, неуклончивости и мильйона другихъ качествъ, составлявшихъ въ XVIII столѣтіи принадлежность критикъ Сумарокова, Тредьяковскаго, Ломоносова, когда

критика значила одно и то же, что и сатира, или даже эпиграмма! *Будемъ рѣзко говорить истину; будемъ послѣдовательны въ своихъ отзывахъ*, и *перестанемъ толковать объ элементарныхъ, о первыхъ, всѣмъ извѣстныхъ истинахъ въ литературѣ* — вотъ новый девизъ «Современника», такъ прямо провозглашенный въ № 7-мъ этого журнала, въ статьѣ *Объ искренности въ Критикѣ*.

Но почему и зачѣмъ написана эта длинная, сбивчивая и странная статья? Двадцать-четыре страницы заняты толками... о чемъ?

Вотъ о чемъ. Въ іюньской книжкѣ «Отечественныхъ Записокъ», мы мимоходомъ обратили свое вниманіе на нѣкоторыя странности «Современника». Напримѣръ, мы указали, на черезчуръ-жосткіе отзывы этого журнала въ *нынѣшнемъ году* о трехъ нашихъ писателяхъ: г-жѣ Евгеніи Туръ и гг. Островскомъ и Авдѣевѣ. Никто не прочь отъ строгости отзывовъ, когда они будутъ доказаны; но отзывы «Современника» были такъ неожиданно-строги и ни на чемъ неосновaны, что мы позволили себѣ сдѣлать вопросъ: гдѣ жь основаніе этой строгости?

А потомъ, зная, что, годъ или два назадъ, «Современникъ» превозносилъ тѣ же произведенія, которыя теперь считаетъ *фальшивыми* и стоящими ниже критики, мы невольно задали себѣ вопросъ: не-уже-ли критика игрушка, а критикамъ дано право унижать лучшихъ писателей и въ то же время ставить журналъ, въ которомъ они пишутъ, въ чрезвычайно-щекотливое положеніе: заставлять его сегодня говорить *да*, о чемъ завтра онъ будетъ говорить *нѣтъ?*

Въ доказательство этихъ двухъ возможно-скромныхъ вопросовъ, мы привели выписки изъ «Современника» — и больше ничего. Но, должно-быть, выписки эти такъ много говорили сами за себя, что вызвали отвѣтъ на двадцати-четырехъ страницахъ, цѣлую статью въ отдѣлѣ Критики 7-го № «Современника», подъ названіемъ: «Объ Искренности въ Критикѣ». Статья написана не безъ раздраженія; къ-тому же темна и сбивчива — значитъ оправдаться было трудно; наконецъ статья скучна — значитъ «Современникъ» не на шутку хочетъ сдѣлаться *серьёзнымъ*.

Отвѣчать на двадцать-четыре страницы «Искренности», отвѣчать такъ же плодовито, какъ «Современникъ» отвѣчалъ на наши четыре страницы, мы считаемъ совершенно-излишнимъ, потому-что ни одного слова, сказаннаго нами въ іюньской книжкѣ «Отечественныхъ Записокъ» не беремъ назадъ. Всѣ они, несмотря на двадцать-четыре страницы «Искренности», остались въ прежней силѣ и говорятъ за себя такъ же хорошо теперь, какъ говорили въ іюнѣ... Но вовсе ничего не сказать о статьѣ «Современника», значило бы обидѣть «Искренность»; а мы не хотимъ быть невѣжливыми, несмотря на позволеніе «Современника» говорить о писателяхъ рѣзко и нецеремонно. Дà и какъ ничего не сказать объ «Искренности»? Это даже будетъ весело для читателя, нисколько незамѣшаннаго въ литературный споръ, очень и очень-скучный для постороннихъ. Но на этотъ разъ задача ыб-

ла хороша. Мы, напримѣръ, указали «Современнику» его же два отзыва. Въ одномъ было сказано, что комедія г. Островскаго «Не въ свои сани не садись» — *фальшивая*, а въ другомъ, что она — «превосходное произведеніе, вѣрное дѣйствительности и имѣвшее заслуженный успѣхъ на сценахъ петербургской и московской?». «Искренность» взяла на себя трудъ доказать, что *фальшивый* именно значитъ «превосходное произведеніе, вѣрное дѣйствительности», но значитъ только въ 1854 году, а въ 1853 г. слово «фальшивый» имѣло совсѣмъ-другое значеніе! Вы не вѣрите, вы думаете, что мы шутимъ? Совсѣмъ нѣтъ. Если не вѣрите, значитъ — извините — вы не имѣете ни малѣйшаго понятія о томъ, что̀ такое журнальная *послѣдовательность* литературныхъ мнѣній. О, эта послѣдовательность великое дѣло! Это философскій камень алхимиковъ, это — perpetuum mobile, это — жизненный эликсиръ; откройте его — и вы будете богаты, счастливы, долговѣчны и довольны собой и своею критикой... Послѣдовательность вотъ что̀ такое: *да* и *нѣтъ*, если только ихъ говорятъ не въ одинъ день, напримѣръ, не вдругъ, не въ понедѣльникъ, а въ понедѣльникъ и вторникъ — значатъ то же, что *да* и *да*, *нѣтъ* и *нѣтъ*. «Говори, что̀ «надобно сказать теперь, а не то, что̀ надобно было говорить прежде; «и если твои приговоры будутъ *основаны на однихъ началахъ, ты «будешь послѣдователенъ, хотя бы сначала пришлось сказать «тебѣ «да», а черезъ годъ «нѣтъ»*. Въ этомъ убѣждаетъ насъ «Искренность» на 10-й страницѣ своей послѣдовательности. На основаніи этого рецепта, или начала, слово «фальшивая», примѣненное къ комедіи г. Островскаго въ 1854 году, ни сколько не противорѣчитъ слову «превосходнаго», сказанному въ 1853 г., потому-что и то и другое слово вырвалось у рецензента на основаніи однихъ и тѣхъ же *началъ*... Но позвольте, ка̀къ же это? На основаніи таблицы умноженія сегодня $2 \times 2 = 4$, а завтра, на основаніи той же таблицы, $2 \times 2 = 5$, и изъ этого выходитъ, что 4 и 5 одно и то же?.. Нѣтъ, воля ваша, это что-то очень-темное начало... Позвольте дѣло разобрать какъ слѣдуетъ... Мы ужь обѣщали не отвѣчать на всѣ двадцать-четыре страницы, и потому обратимъ вниманіе на точнѣйшее опредѣленіе только трехъ словъ: 1) что̀ такое «рѣзкость» отзывовъ, 2) что̀ такое «послѣдовательность», 3) что̀ такое «толки» о первыхъ, элементарныхъ понятіяхъ въ литературной критикѣ.

Что̀ такое рѣзкость отзывовъ? Отчего съ словомъ «рѣзкость» мы невольно соединяемъ другое: «несправедливость»? Не оттого ли, что съ давняго ужь времени начали называть литературу выраженіемъ общества, а въ обществѣ новые Чацкіе невозможны? Ка̀къ хорошъ былъ бы какой-нибудь господинъ, нарядившійся въ Критическую Искренность, и съ самоувѣренною угловатостью начавшій надѣлять собесѣдниковъ фразами: «вы, просто, глупы», «а съ вами говорить не стоитъ»; «вы ничего не знаете», «а вы, просто, вздоръ несете»...

Но вѣдь самое элементарное начало всякой литературы то, что она есть выраженіе общества. Слѣдовательно, вы, требующіе рѣзкости отзывовъ, передѣлайте прежде общество, допустите въ немъ всевозможныя рѣзкости, отбросьте то, что̀ оно приняло, всѣ его условія, преимущественно ту любезность, которую такъ хорошо описалъ Альфонсъ Карръ и которую Новый Поэтъ рекомендовалъ всѣмъ писателямъ (слѣдовательно, и критикамъ «Современника»?) (¹). Отбросьте все это, и тогда вы будете вправѣ сказать, какъ говорили у насъ еще въ XVIII столѣтіи (не думайте, что вы говорите новыя истины):

«Русская критика не должна быть похожа на щепетильную, тонкую, уклончивую и пустую критику французскихъ фёльетонистовъ; эта уклончивость и мелочность *не во вкусѣ русской публики*, не йдетъ къ живости и яснымъ убѣжденіямъ, которыхъ требуетъ совершенно справедливо отъ критики наша *публика*» (стр. 16).

Но не говорите этого въ «Современникѣ», особенно въ іюльской книжкѣ нынѣшняго года, гдѣ напечатана «Апронія» и гдѣ, по поводу драмы г. Мея, разсказана Новымъ Поэтомъ жизнь какого-то пустаго литератора, разсказана съ отмѣнно-тонкими и темными намеками, потому-что, по вашимъ словамъ:

«Критика вообще должна сколько возможно избѣгать всякихъ недомолвокъ, оговорокъ, тонкихъ и темныхъ намековъ и всѣхъ тому подобныхъ околичностей, только мѣшающихъ прямотѣ и ясности дѣла».

Не говорите въ «Современникѣ» о томъ, что русская критика не должна быть похожа на тонкую, щепетильную, уклончивую и пустую

(¹) Вотъ что̀ рекомендовалъ Новый Поэтъ русскимъ писателямъ въ своемъ фёльетонѣ 1852 г. (Соврем. № IX. 1852 года. Смѣсь., стр. 96):

«Я полагаю, что и въ литературѣ вѣжливость *не лишнее*. Если человѣкъ въ обществѣ заботится о приличіи и вѣжливости, изъ уваженія къ самому себѣ и къ тому обществу, въ которомъ онъ находится, то *литераторъ долженъ быть еще осторожнѣе*, потому-что его аудиторія не одинъ салонъ, а вся образованная публика, весь читающій классъ.

«Если *бы*, напримѣръ, какой нибудь сочинитель, упоминая о сочиненіи другаго сочинителя, вздумалъ *бы* объясняться такимъ языкомъ:

— «Это сочиненіе изъ рукъ вонъ плохо, пошло, глупо. Оно не имѣетъ смысла. Оно написано для сапожниковъ.

«А авторъ этого сочиненія сказалъ бы ему на это такъ:

— «Вы невѣжа, и на такого рода замѣчанія отвѣчаютъ... но не литературнымъ, а другимъ образомъ...

«Что̀ подумала бы публика, передъ лицомъ которой господа литераторы говорятъ другъ другу такого рода любезности? *Во что̀ бъ, наконецъ, превратилась литература?*

«Къ счастью, все это — *если бы* и *быть* никогда *не можетъ*»...

А «Искренность въ Критикѣ» что̀ говоритъ? спросимъ мы.

критику французскихъ фёльетонистовъ, потому-что вамъ прійдется вступить въ борьбу съ Новымъ Поэтомъ «Современника», который нѣсколько лѣтъ сряду защищалъ критику французскихъ фёльетонистовъ, старался ей подражать во всѣхъ своихъ «Замѣткахъ» и, вмѣстѣ съ Иногороднымъ Подписчикомъ, провозгласилъ: «Да здравствуетъ фёльетонъ и новая фёльетонная литература на Руси; да погибнетъ всякая строгая и серьезная критика!» (2) «Современникъ» провозглашалъ фёльетонъ, «Современникъ защищалъ его, «Современникъ» старался сдѣлать всю русскую литературу однимъ безконечнымъ фёльетономъ, и теперь — о ужасъ! называетъ этотъ фёльетонъ, эту критику пустою, уклончивою, щепетильною, именно тѣмъ, чѣмъ ее всегда называли «Отечественныя Записки»! Но сознаться въ пустотѣ фёльетонной критики, сознаться предъ всѣми читателями, которымъ нѣсколько лѣтъ старались доказывать, вопреки «Отечественнымъ Запискамъ», что фёльетонъ — альфа и омега литературы нашего столѣтія, сознаться въ этомъ прямо не захотѣлъ «Современникъ». Онъ употребилъ другое средство: онъ сказалъ, что «Отечественныя Записки» отличаются фёльетонною критикою, а «Современникъ» — серьёзною, дѣльною, рѣзкою, неуклончивою!.. Манёвръ былъ бы очень хорошъ, еслибъ не былъ слишкомъ-рѣзокъ. Притомъ же онъ и не первый разъ вводится въ журнальное сраженіе. Онъ былъ примѣненъ къ дѣлу въ нынѣшнемъ году, когда вопросъ зашелъ о защитѣ маленькихъ поэтовъ и о покровительствѣ слабымъ стихамъ. Тогда «Современникъ» впервые хотѣлъ выпутаться изъ затруднительнаго положенія тѣмъ же самымъ способомъ. Этотъ журналъ, сочинявшій и печатавшій пародіи на всѣхъ поэтовъ, на Лермонтова, на Бенедиктова, на Фета, на Огарева, на Майкова, вдругъ быстро перемѣнилъ тонъ и объявилъ, что всѣхъ вообще поэтовъ гонятъ «Отечественныя Записки» и всѣхъ ихъ защищаетъ «Современникъ»... Поворотъ въ другую сторону былъ такъ крутъ, что всѣ замѣтили его и никто ему не повѣрилъ. И дѣйствительно, читатели убѣдились, что теоріи «Современника» нисколько не прилагаются къ практикѣ, потому-что, вслѣдъ за статьей о покровительствѣ всѣмъ поэтамъ безъ исключенія, была напечатана пародія на одно изъ стихотвореній г. Фета, только-что превознесеннаго теоріею «Современника». Точно то же и въ настоящемъ случаѣ. Въ томъ же нумерѣ, гдѣ говорится о ничтожествѣ французскихъ фёльетонистовъ, о пустотѣ той критики, которая употребляетъ тонкіе и темные намеки, въ томъ же нумерѣ, Новый Поэтъ помѣстилъ свой фёльетонъ à la Jules Janin, фёльетонъ, наполненный самыми тонкими и самыми темными намеками на какого-то молодаго литератора... Есть ли остроуміе, или нѣтъ

(2) По обыкновенію, мы хотѣли указать на нумеръ «Современника», гдѣ это говорится, но по справкѣ оказалось необходимымъ сдѣлать ссылку на *всѣ* нумера этого журнала, гдѣ именно говорилось то же, что̀ мы сейчасъ сказали.

въ этомъ фёльетонѣ — предоставляемъ рѣшить другимъ; но, конечно, не найдется ни одного читателя, который бы не замѣтилъ въ фёльетонистѣ желанія быть остроумнымъ, вопреки критической статьѣ того же нумера «Современника» и всей «Искренности въ Критикѣ», которая говоритъ:

«Критика, достойная своего имени, пишется не для того, чтобъ господинъ критикъ щеголялъ остроуміемъ, не для того, чтобы доставить критику славу водевильнаго куплетиста, возвеселяющаго публику своими каламбурами. Остроуміе, ѣдкость, жолчь, если ими владѣетъ критикъ, должны служить ему орудіемъ для достиженія серьезной цѣли критики — развитія и очищенія вкуса въ большинствѣ его читателей, должны только давать ему средство соотвѣтственнымъ образомъ выражать *мнѣнія лучшей части общества.*»

Скажите, какое это мнѣніе лучшей части общества высказали вы, г. Новый Поэтъ, въ вашемъ фёльетонѣ, наполненномъ тонкими, темными и, по-вашему, остроумными намеками? А «Аиронія»..? развѣ критикъ долженъ искать славы водевильнаго куплетиста?

Но такимъ сближеніямъ не будетъ конца, и между тѣмъ, что̀ должно дѣлать, и тѣмъ, что̀ дѣлаетъ «Современникъ» откроется такая широкая бездна, которая поглотитъ всѣ умствованія, самыя искреннія, если мы ограничимся однимъ только іюльскимъ (7-мъ) нумеромъ этого журнала.

Хорошо давать наставленія, но недурно также и приводить ихъ въ исполненіе. Вы продолжаете такъ разсуждать о *рѣзкости отзывовъ*:

«Позволительна ли *не подслащенная прямота осужденія*, когда дѣло идетъ о произведеніи «извѣстнаго» писателя? — Неужели вы хотите, чтобъ позволялось «нападать развѣ уже на самаго круглаго и беззащитнаго сироту?» Развѣ во всеоружіи бранномъ, съ калеными стрѣлами сарказма, идти на бой противъ *какого-нибудь Макара*, на *котораго всѣ шишки валятся?* (дендизмъ «Современника» долженъ содрогнуться при этомъ выраженіи)... Если хотите, изощряйте и надъ нимъ свое остроуміе, но помните, что вы занимаетесь въ такомъ случаѣ «журнальнымъ пересыпаньемъ изъ пустаго въ порожнее», а не критикою.» (NB. напр. изощреніе остроумія надъ Овчинниковымъ, разными альманахами, въ которыхъ помѣщаются стихи слишкомъ легкіе для критики, и тому подобными азбуками стихотворнаго искусства?) «*Но строгимъ осужденіемъ можетъ огорчиться авторъ*» — это другое дѣло; если вы человѣкъ, нелюбящій огорчать ближняго, то не нападайте уже ни на кого, потому-что и малоизвѣстнаго автора столько же, сколько самаго знаменитаго, огорчитъ указаніе недостатковъ его литературнаго дѣтища.»

Слѣдовательно, вы идете на брань смѣлую съ писателями извѣстными; ужь не Овчинникову, а г. Островскому, г-жѣ Евгеніи Туръ, г. Авдѣеву, вы намѣрены говорить правду безъ всякихъ оговорокъ, потому-что рѣзкій приговоръ доказываетъ прямоту и благородство сердца, доказываетъ способность «проникаться энтузіазмомъ и

сильнымъ негодованіемъ» (ваши слова на стр. 17). Прекрасно! мы привѣтствуемъ такую критику, гдѣ бы ни нашли ее, и будемъ очень-рады, если вы всѣмъ литературнымъ извѣстностямъ будете подносить «неподслащенныя пилюли», въ случаѣ надобности. Да и кто не преклонится передъ такою критикою! Наклоняемся къ «Современнику» — и находимъ въ апрѣльской его книжкѣ (№ 4) «Весенній Бредъ» г. Майкова. Имя г. Майкова, кажется, извѣстно въ нашей литературѣ, и мы не разъ отдавали полную справедливость его прекраснымъ стихотвореніямъ. Но «Вессенній Бредъ» намъ не понравился, какъ не понравился онъ и другимъ журналамъ; мы высказали о немъ свое посильное мнѣніе. Правы мы, или нѣтъ — объ этомъ пусть судятъ другіе, но наше мнѣніе было высказано откровенно передъ поэтомъ, котораго мы уважаемъ и стихи котораго всегда съ удовольствіемъ печатали на страницахъ нашего журнала. Что̀ жь дѣлаетъ «Современникъ»? Въ апрѣлѣ онъ одобряетъ это стихотвореніе, потому-что печатаетъ его (другаго заключенія сдѣлать нельзя); въ маѣ, тотъ же самый «Современникъ» печатаетъ *пародію* на стихотвореніе Майкова!.. Въ этой пародіи ясно сказано, что стихотвореніе г. Майкова ровно никуда не годится, потому-что такіе стихи, адресованные къ г. Майкову, нельзя же счесть за похвалу:

«А, книга новая! и въ ней «Весеній Бредъ»...
И чистъ и громокъ стихъ, картинно выраженье.
Но — будь же поскромнѣй! — къ чему такой задоръ?
Вѣдь самъ же говоришь, *вы съ кѣмъ-то толковали*,
Искали истины и безпощадно врали;
Какъ не подумалъ ты: чай нынче тоже вздоръ
Мнѣ лѣзетъ въ голову? и какъ рѣшилъ все разомъ?
Бѣда не въ томъ, что слабъ у человѣка разумъ,
Что заблужденій въ немъ и недосмотровъ тьма;
Бѣда — заносчивость кичливаго ума,
Бѣда — къ умамъ другихъ неправое презрѣнье.
Не понимаешь ты? скажи: не понялъ я,
А не кричи тотчасъ: безумье, заблужденье!
Вся крохотная мысль искажена твоя» и пр.

Слѣдовательно, «Современникъ» не одобряетъ въ іюнѣ того стихотворенія, которое самъ напечаталъ въ апрѣлѣ?.. Напротивъ, въ той же іюньской книжкѣ «Современника» сказано:

«*Замѣчательное* стихотвореніе г. Майкова «Весенній Бредъ» породило въ литературныхъ кругахъ, въ журналахъ, въ самой публикѣ, разнорѣчивые и жаркіе толки; и, наконецъ, нѣкто г. Н. С. написалъ въ отвѣтъ г. Майкову стихотвореніе, которое хотя и *опровергаетъ мысль поэта*, но, *въ своемъ родѣ* (??) можетъ назваться *торжествомъ* г. Майкова, какъ доказательство, что поэтъ тронулъ живую мысль.»

Слѣдовательно, «Современникъ» одобряетъ мысль стихотворенія г.

Майкова?.. Нѣтъ; но онъ говоритъ, что эта пародія на «Весенній Бредъ» есть *въ своемъ родѣ торжество*...

Что́ жь значатъ послѣ этого громкія слова «о неподслащенной прямотѣ осужденія», о «круглыхъ и беззащитныхъ сиротахъ», о «бѣдныхъ Макарахъ» и о «журнальномъ пересыпаньѣ изъ пустаго въ порожнее», которыя мы привели выше, и которыя не намѣрены здѣсь повторять?.. «Современникъ», съ такой «неподслащенной прямотой осужденія» напавшій на г. Островскаго, г-жу Евгенію Туръ и г. Авдѣева, находитъ нужнымъ перемѣнить рецептъ своей критики для г. Майкова и дѣлаетъ осужденіе «подслащеннымъ»! И стоило ли послѣ этого принимать на себя роль стародума и угрюмо повторять слова нашего журнала: «въ нашей «критикѣ замѣтно владычество общихъ мѣстъ» и пр.?

Но довольно о *рѣзкости* приговоровъ. Вы, можетъ-быть, спросите, почему зашла рѣчь о строгой и нестрогой критикѣ, о рѣзкихъ отзывахъ и тому подобномъ... обо всемъ, о чемъ мы только-что говорили? Но въ отвѣтѣ нашемъ будетъ заключаться и рѣшеніе всего вопроса. Здѣсь-то и ключъ, которымъ можно отпереть этотъ ларчикъ, наполненный журнальными противорѣчіями.

Въ Журналистикѣ 6-го № нашего журнала, мы указали на противорѣчіе «Современника» въ отзывахъ его о трехъ писателяхъ. Чтобъ согласить эти несогласимыя противорѣчія, «Современникъ» и началъ длинное разсужденіе о рѣзкости тона критики, о томъ, что такой тонъ необходимо было примѣнить къ гг. Островскому, Авдѣеву и г-жѣ Евгеніи Туръ... Прекрасно; но какимъ же образомъ согласить противорѣчіе кроткихъ и рѣзкихъ отзывовъ? Посредствомъ теоріи послѣдовательности, увѣряемъ васъ, не будетъ никакого противорѣчія, если вы поймете теорію литературной, или, лучше, журнальной *послѣдовательности*.

Что такое *послѣдовательность?* вотъ второй вопросъ, о которомъ мы хотѣли говорить. По мнѣнію «Современника», которое мы привели въ немногихъ словахъ выше, выходитъ что *да* и *нѣтъ*, «фальшивое произведеніе» и «превосходное произведеніе»—не противорѣчія, а мнѣнія однозначащія, если только они произносятся не за одинъ разъ, а въ двухъ, напримѣръ, нумерахъ одного и того же журнала, черезъ мѣсяцъ или черезъ годъ... Послѣдовательность — великое дѣло! послѣдовательность придумана длятого, чтобъ не существовала непослѣдовательность, или по-крайней-мѣрѣ, чтобъ оба эти понятія значили одно и то же... Но въ этомъ мѣстѣ позвольте намъ сдѣлать очень-интересную выписку изъ «Искренности въ Критикѣ»:

«Современникъ» надѣется, что ему не поставятъ въ вину равнымъ образомъ и того, если *послѣдовательность понимаетъ онъ какъ вѣрность своимъ эстетическимъ требованіямъ*, а не какъ слѣпую привязанность къ стереотипнымъ повтореніямъ однѣхъ и тѣхъ же фразъ о писателѣ, отъ самаго его литературнаго отрочества до самой его литера-

турной дряхлости. Чтò же дѣлать, если писатель «подававшій надежды», заслуживавшій симпатіи лучшей части публики и ободрительныхъ похвалъ критики, не «оправдалъ» надеждъ, потерялъ право на симпатію и похвалы?» «*Говори, что надобно сказать теперь, а не то, что надобно было говорить прежде», и если твои приговоры будутъ основаны на однихъ началахъ* (??), *ты будешь послѣдователенъ, хотя бы сначала пришлось тебѣ сказать «да», а черезъ годъ «нѣтъ»* (??). Совершенно другое дѣло, если приговоръ однажды произнесенъ *на основаніи однихъ началъ,* а въ другой разъ *на основаніи другихъ* — тогда мы будемъ *не послѣдовательны,* хотя бы въ оба раза сказали *одно и тоже»* (на основаніи разныхъ началъ сказать одно и то же?!).

Кàкъ вы понимаете эту философію послѣдовательности? Чтò такое: говорить одно и тоже на основаніи разныхъ началъ, и говорить то *да*, то *нѣтъ*, на основаніи однихъ и тѣхъ же началъ? — Пока вы будете рѣшать эти вопросы, мы приведемъ вамъ результатъ такой теоріи послѣдовательности, и тогда теорія объяснится сама собою.

Противорѣчій въ отзывахъ «Современника» о комедіи г. Островскаго нѣтъ никакихъ; противорѣчій въ отзывахъ «Современника» о талантѣ г-жи Евгеніи Туръ нѣтъ никакихъ; противорѣчій въ отзывахъ «Современника» о произведеніяхъ г. Авдѣева нѣтъ никакихъ. Вотъ эта-то теорія, которая, сглаживая всѣ противорѣчія, «да» превращаетъ въ «нѣтъ», и называется теоріею послѣдовательности. Но позвольте вамъ замѣтить, что доказать такую небывалую теорію можетъ только великій софистъ или тончайшій діалектикъ — недостатокъ, котораго къ счастію мы не нашли въ рецензентѣ «Современника». Онъ попадаетъ въ явные промахи и противорѣчія съ самимъ собою. Въ-самомъ-дѣлѣ, если рецензентъ призналъ за истину, что *послѣдовательность есть вѣрность своимъ эстетическимъ правиламъ,* зачѣмъ же тогда и доказывать, что одинъ отзывъ, сдѣланный годъ назадъ, не противорѣчитъ другому, сдѣланному годъ послѣ? Говорите просто: тогда мы назвали комедію прекрасною, потому-что наши прошлогоднія эстетическія начала говорили намъ: «она прекрасна»; теперь мы называемъ ее фальшивою, потому-что наши естетическія начала нынѣшняго года убѣждаютъ насъ въ фальшивости этой теоріи — и вы будете совершенно-послѣдовательны. Ваши начала остались одни и тѣ же, но вы «говорите то, чтò надобно сказать теперь, а не то, чтò надобно было говорить прежде». Прежде надобно было говорить, что произведенія гг. Островскаго, Авдѣева и г-жи Евгеніи Туръ прекрасны; теперь нужно говорить, что они дурны... Вы все это говорите, слѣдовательно вы послѣдовательны, и ваши эстетическія начала нисколько отъ этого не страдаютъ... Нужно полагать, что они даже укрѣпляются.

Но въ такомъ случаѣ, зачѣмъ же вы посвятили цѣлую статью на доказательство того, чтò вы и прежде говорили, будто произведенія гг. Островскаго и Авдѣева и г-жи Евгеніи Туръ дурны, или фальшивы,

или экзальтированы? Вы сами не вѣрите своей теоріи послѣдовательности! Это дурно, потому-что всякое противорѣчіе убиваетъ теорію.

Но истинно жаль, что вы не объяснили, кàкъ можно говорить *на основаніи однихъ и тѣхъ же началъ: да и нѣтъ,* не впадая хоть въ непослѣдовательность, если не въ противорѣчіе. Намъ, да и всей читающей публикѣ, интересно было бы узнать изъ «Современника», кàкъ, напр., классикъ можетъ хвалить произведенія романтической школы и въ то же время отвергать ихъ, оставаясь все-таки классикомъ, кàкъ романтикъ можетъ хвалить и отрицатъ прелести классицизма, оставаясь классикомъ; намъ интересно было бы знать, кàкъ могъ бы, напримѣръ, Марлинскій восторгаться и въ то же время порицать Гоголя, оставаясь по убѣжденіямъ Марлинскимъ.

«Говори, что надобно сказать теперь, а не то, что надобно было «говорить прежде, *и если твои приговоры будутъ основаны на «однихъ началахъ,* ты будешь послѣдователенъ, хотя бы сначала «пришлось тебѣ сказать «да», а черезъ годъ «нѣтъ».

Прелесть-чтò за аксіома! Мы не можемъ ею налюбоваться и привели ее на этотъ разъ истинно изъ одного удовольствія! И начала не страждутъ, и говори чтò хочешь, и все вдобавокъ послѣдовательно... Нѣтъ, давно мы не читывали ничего болѣе-успокоительнаго.

Особенно «Современникъ» заботится о сохраненіи своихъ литературныхъ началъ и боится, кàкъ бы они не измѣнились... Ну, тогда ужь будетъ рѣшительная непослѣдовательность, тогда не будетъ никакого развитія... Измѣнить литературныя начала, значитъ уже рѣшительно быть непослѣдовательнымъ, хотя бы вы никогда не говорили объ одной вещи и «да» и «нѣтъ», подъ вліяніемъ этого измѣненія литературныхъ началъ... А намъ кажется, нѣтъ ни одного великаго писателя, литературныя мнѣнія котораго, или начала, какъ вы говорите, не измѣнялись бы. Да и какъ въ-самомъ-дѣлѣ жить, наблюдать, учиться, слѣдить за ходомъ науки и литературы — и оставаться тѣмъ же, чѣмъ былъ назадъ тому десятки лѣтъ? Нужно быть деревомъ, или камнемъ, чтобы подойти подъ это условіе вѣчной неподвижности. Бывали примѣры измѣненія литературныхъ началъ; но тогда писатели объясняли ихъ передъ публикою и начинали новый путь. Мы понимаемъ эту кажущуюся непослѣдовательность, какъ понимаемъ жизнь ума, общества и науки. Но не понимаемъ вашей послѣдовательности, которая вѣрна одному литературному началу (спрашивается еще: какому?) и подъ вліяніемъ этой вѣрности позволяетъ себѣ быть невѣрною, говорить сегодня одно, завтра другое, послѣзавтра третье, т. е. «говори, что надобно сказать теперь... и т. д.»

Вы хотите спастись слѣдующею оговоркою, но она не йдетъ къ дѣлу:

«Что жь дѣлать, если писатель, «подававшій надежды» заслужившій симпатіи(ю) лучшей части публики и ободрительных*ъ*(я) похвал*ъ*(ы) критики, не оправдалъ надеждъ(,) потерялъ право на симпатію и похвалы».

Да какимъ же образомъ, почему, за какую вину потеряли право на вашу симпатію г. Авдѣевъ и г-жа Евгенія Туръ?.. Измѣнились ихъ литературныя начала и стали наперекоръ вашимъ?—ничего не бывало. Хвалили вы ихъ первыя произведенія, которыя подавали надежды, а порицаете вторыя, отъ которыхъ рушились ваши надежды?—также ничего подобнаго не бывало. Всѣ сочиненія г. Авдѣева были извѣстны прежде; бо̀льшая часть ихъ даже напечатана въ «Современникѣ», и потомъ они изданы отдѣльно. Точно то же было съ первыми повѣстями и первыми романами г-жи Евгеніи Туръ. Слѣдовательно, вы лучше чѣмъ кто-нибудь должны были знать ихъ литературное достоинство; вы хвалили ихъ прежде, но теперь, не измѣняя своихъ началъ, находите ихъ ниже посредственности, неподающими надеждъ...

«Говори, что надобно сказать теперь, а не то...» (и т. д.).

Пусть направленіе таланта г. Островскаго и его образъ мыслей яснѣе высказался въ послѣдней комедіи: «Бѣдность не порокъ»; но этотъ образъ мыслей былъ уже совершенно-ясенъ и въ предъидущемъ его произведеніи «Не въ свои сани не садись».—Или вы его тогда не поняли? Или не была найдена фраза: «не говори, что надобно...»? Слѣдовательно обмана надеждъ при чтеніи «Бѣдность не порокъ» быть не могло.

Вотъ каковы оправданія «Современника» въ тѣхъ противорѣчіяхъ, которыя мы замѣтили въ немъ. Длятого, чтобъ согласить противорѣчія, онъ рѣшился быть *строгимъ, рѣзкимъ*, неуклончивымъ критикомъ и, вдобавокъ, *послѣдовательнымъ*. Объяснившись такимъ образомъ передъ публикою, онъ извиняется, что занялъ ее такимъ сухимъ предметомъ, какъ журнальная полемика, и въ извиненіе прибавляетъ:

«Все это толки о простыхъ и обыкновенныхъ понятіяхъ, о какихъ «уже не толкуютъ ни въ одной литературѣ; все это показываетъ, «до какой степени нынѣшняя критика позабываетъ иногда о самыхъ «элементарныхъ началахъ всякой критики.»

Это правда: все это толки о самыхъ простыхъ и обыкновенныхъ понятіяхъ, которыя «Современникъ» извращаетъ по-своему и которымъ даетъ неслыханное объясненіе. Можно надѣяться, что толкамъ этимъ не будетъ конца, если «Современникъ» станетъ попрежнему часто противорѣчить себѣ, если критическая искренность будетъ возставать противъ фёльетонной литературы и фёльетоннаго остроумія, а «Замѣтки» будутъ прилагать къ дѣлу это остроуміе, если одинъ отдѣлъ журнала будетъ воевать противъ другаго... Тогда, можетъ-быть, прійдется объяснять ужь еще болѣе-простыя и еще болѣе-обыкновенныя истины...

Дѣйствительно, наша журнальная критика до-сихъ-поръ только и говоритъ, что объ истинахъ, всѣмъ извѣстныхъ — о томъ, что̀ такое мысль въ литературномъ произведеніи, что̀ такое форма, что̀ такое вѣрность характеровъ, интересъ завязки, и т. под. Бываетъ иногда еще хуже: она

и объ этомъ не толкуетъ, а ограничивается мелкими грамматическими придирками, длинными разборами дюжинныхъ стиховъ и повѣстей, пародіями на то, чего и безъ пародій никто не знаетъ... Чего же можно ожидать отъ такой критики?

Не оттого пуста наша критика, что она рѣзка или мягка; не оттого грустно читать журнальныя перебранки, что онѣ рѣзки или вѣжливы, а оттого, что въ нихъ смыслъ слишкомъ-поверхностенъ. Критикъ, въ своей перебранкѣ, думаетъ объ одномъ: ка̀къ бы сохранить свою литературную репутацію человѣка мыслящаго и слѣдящаго за литературой. Онъ забываетъ, что въ спорахъ лицо стоитъ на второмъ планѣ, а мысль на первомъ. Ни въ одномъ спорѣ, мы не видали желанія уяснить какой-нибудь вопросъ, спорный пунктъ, какое-либо разногласіе. А разногласій бездна! Сличите журнальные отзывы о какомъ-нибудь произведеніи—и вамъ невольно представится множество вопросовъ, чисто-литературныхъ, на которые каждый смотритъ по-своему. Что жь, вы думаете это въ комъ-нибудь возбудитъ желаніе объяснить противорѣчіе?—ничего не бывало! Каждый равнодушно смотритъ на противорѣчіе другаго и продолжаетъ самъ говорить, что̀ ему прійдетъ въ голову.

Отчего жь такое уклоненіе отъ серьёзныхъ споровъ и такая падкость къ журнальнымъ перебранкамъ? Скажемъ просто: отъ отсутствія учености, начитанности, серьёзнаго и добросовѣстнаго пониманія того труда, за который берется критикъ. Посмотримъ—въ настоящее время, когда подъ словомъ литература разумѣютъ такъ много предметовъ: разумѣютъ и то, что̀ прежде называли изящною словесностью, и исторію, и другія науки; когда литераторъ образуется не на одномъ чтеніи повѣстей и романовъ, когда требованія отъ искусства сдѣлались такъ широки: что̀ дѣлаютъ—чего ищутъ для своихъ рецензій критики? Легкой повѣсти съ грамматическими и разными другими ошибками, дюжиннаго романа съ небывалыми лицами и характерами, плохаго стихотворенія... чтобъ положить все это на зубокъ и поднять изъ этого цѣлую смѣхотворную исторію. Задача легкая и, можетъ-быть, смѣшная, но нисколько не утѣшительная для того, кто захотѣлъ бы настоящей критики, а не толковъ о «простыхъ и обыкновенныхъ понятіяхъ», «о самыхъ элементарныхъ началахъ всякой критики»... Статья серьёзная, дѣльная, относится ли она къ литературѣ, къ исторіи, къ быту общественному, увѣряемъ васъ, будетъ пройдена молчаніемъ, или безукоризненнымъ названіемъ статьи «очень занимательной», «интересной», «прекрасной»... Наши критики, какъ барышни, читаютъ только повѣсти и романы!.. Когда понятія критика такъ односторонни, онъ и въ литературѣ видитъ немногое, или только то, къ чему нагляднымъ образомъ привыкъ въ обществѣ. Понятно, что съ такимъ взглядомъ немудрено опустить изъ виду, можетъ-быть, и глубокую мысль какого-нибудь талантливаго писателя, которую онъ обдумывалъ долго и строго. Критикъ смотритъ на нее легко, беззаботно, са-

моувѣренно, какъ на перваго встрѣчнаго на улицѣ, когда выходитъ прогуляться. Отсутствіе теперь въ нашей литературѣ историческихъ романовъ избавляетъ нашихъ критиковъ даже отъ знанія отечественной исторіи...

Вотъ отсюда-то и идутъ эти безплодные толки «о томъ, о сёмъ, а больше ни о чемъ», о томъ,

.....Что водевиль
Есть вещь, а прочее все гиль.

Возьмите послѣдній нумеръ «Современника»: въ немъ *двадцать-четыре страницы* заняты толками о рѣзкости критики, и о ея послѣдовательности; *шестнадцать* страницъ «Замѣтокъ Новаго Поэта», толками о какомъ-то молодомъ человѣкѣ, палимомъ лучами идеала; *двѣ* страницы разборомъ романа г. Крестовскаго «Испытаніе», и одна строчка посвящена трудамъ *гг. Соловьева, Забѣлина, Дружинина, Галахова и Грановскаго,* гдѣ Новый Поэтъ произноситъ стереотипную фразу: «*Укажу на прекрасныя статьи въ Отечес. Запискахъ, за май и іюнь: гг. Соловьева, Забѣлина, Дружинина, Галахова и Грановскаго*». Даже не поименованы статьи!

Скромнѣе быть нельзя въ-отношеніи учености и начитанности! Между-тѣмъ о статьяхъ этихъ, право, стоило бы больше поговорить, нежели о какомъ-то вымышленномъ молодомъ человѣкѣ, палимомъ лучами идеала. Статья г. Соловьева говоритъ о *Карамзинѣ,* статья г. Забѣлина — *о домашнемъ бытѣ прежняго времени*, статья г. Галахова — о *Сумароковѣ,* статья г. Грановскаго — о *Сидѣ*... Кажется, всѣ эти предметы близко касаются и русской литературы и русскаго образованнаго общества... Отчего же о нихъ скромно молчитъ строгая и рѣзкая критика «Современника», которая жалуется на то, что она принуждена толковать объ однихъ «простыхъ и обыкновенныхъ понятіяхъ»? О Карамзинѣ, о Сумароковѣ, о старинномъ нашемъ бытѣ, право, можно потолковать занимательнѣе, нежели о какихъ-то невѣдомыхъ молодыхъ людяхъ, палимыхъ лучами идеала — тѣмъ больше можно потолковать, что сами авторы невольно наводятъ на эти разсужденія. Текстъ статьи г. Забѣлина состоитъ изъ документовъ, еще нигдѣ ненапечатанныхъ; отзывы г. Соловьева о Карамзинѣ заключаютъ въ себѣ много новаго; статья г. Грановскаго объясняетъ личность Сида совершенно иначе нежели какъ мы понимали ее по романсамъ о Сидѣ, переведеннымъ Пушкинымъ; статья г. Галахова и преимущественно статья г. Кудрявцова (о которомъ Новый Поэтъ даже не упомянулъ) о новыхъ изслѣдованіяхъ по части римской исторіи, невольно обращаетъ на себя вниманіе... Но обо всемъ этотъ «Современикъ» не произноситъ ни слова, какъ-будто между жизнью, исторіею, наукою и литературою такая бездна, которую нельзя никакъ перейдти. Если не говорить о такихъ предметахъ, если понимать литературу такъ узко,

то, конечно, немудрено, что прійдется вѣкъ толковать о «простыхъ» и «обыкновенныхъ» понятіяхъ, о которыхъ никто ужь не толкуетъ. Дѣло дойдетъ когда-нибудь до–того, что критики серьёзно будутъ разбирать *рѣзко* и неуклончиво мадригалы, тріолеты и рондо, и имъ посвятятъ критическіе разборы на 24 или 16 страницахъ!

Вотъ все, что мы хотѣли отвѣчать искренности «Современника». Запомнимъ же главныя положенія этого журнала, или начала, какъ онъ выражается: они могутъ намъ пригодиться на будущее время, потому-что будутъ имѣть часто приложеніе къ дѣлу:

1) Критика вообще должна сколько возможно избѣгать всякихъ недомолвокъ, оговорокъ, тонкихъ и темныхъ намековъ и всѣхъ тому-подобныхъ околичностей, только мѣшающихъ прямотѣ и ясности дѣла. Русская критика не должна быть похожа *на щепетильную, тонкую, уклончивую и пустую критику французскихъ фёльетоновъ;* эта уклончивость и мелочность не во вкусѣ русской публики, нейдетъ живымъ и яснымъ убѣжденіямъ, которыхъ требуетъ совершенно-справедливо отъ критики наша публика («Соврем». стр. 16).

Надѣемся, что правиломъ этимъ впередъ воспользуется преимущественно Новый Поэтъ, сочиняющій «Апроніи», «Литературныхъ Гномовъ», «Хлыщей», «Литературные Маскарады» и «Кошмары».

2) Говори, что надобно (извините, не можемъ отказать себѣ въ удовольствіи еще разъ повторить это правило) сказать теперь, а не то, что надобно было говорить прежде, и *если твои приговоры будутъ основаны на однихъ началахъ,* ты будешь послѣдователенъ, хотя бы спера пришлось тебѣ сказать «да», а черезъ годъ «нѣтъ» («Соврем.». стр. 10).

Это правило ручается за то, что мы еще разъ когда-нибудь встрѣтимъ въ «Современникѣ» доказательства, что слова «фальшивая» и «превосходная» комедія — одно и то же, что одинъ критикъ будетъ говорить въ «Современникѣ» одно, а другой—другое; но такъ-какъ всѣ критики «Современника» будутъ руководствоваться однимъ началомъ, то они и будутъ говорить одно и тоже.

И наконецъ 3) у насъ еще надо толковать о такихъ простыхъ и обыкновенныхъ понятіяхъ, о которыхъ ужь не толкуютъ ни въ одной литературѣ («Современникъ» стр. 6).

То–есть, что литературную критику никакъ нельзя ограничивать разборомъ дюжинныхъ повѣстей и романовъ, что эта критика должна обнимать всѣ отрасли литературы, не проходить скромнымъ молчаніемъ статей ученыхъ и интересныхъ для большенства публики, если не для критики, и не останавливаться на однѣхъ пародіяхъ; иначе простыя и обыкновенныя понятія сдѣлаются мудреными и необыкновенными. Тогда исторія и другія отрасли наукъ будутъ чѣмъ-то въ родѣ средневѣковыхъ таинствъ алхимиковъ, а литература, сдѣлавшись до крайности изящною,

перестанетъ быть выраженіемъ общества и перейдетъ въ область забавъ и дѣтскихъ игрушекъ...

Но обратимся къ другимъ журнальнымъ статьямъ.

Въ 12-мъ нумерѣ «Москвитянина» продолжаются *Мелочи изъ запаса моей памяти* г. М. Дмитріева. Статья 12-го № отличается тѣми же достоинствами и недостатками, какіе замѣчены были и въ первыхъ статьяхъ того же сочиненія. Интересны воспоминанія автора о писателяхъ, которыхъ онъ зналъ; большею частію ошибочны и пристрастны его сужденія о литературномъ значеніи тѣхъ же писателей. Вообще, какъ только г. М. Дмитріевъ оставляетъ роль простаго разскащика того, что̀ извѣстно ему изъ литературной нашей старины, и переходитъ къ оцѣнкѣ какого-нибудь литературнаго явленія, онъ впадаетъ въ самыя странныя ошибки. Въ статьѣ 12-го № онъ говоритъ, между-прочимъ: «Переводъ «Аббадоны» Жуковскаго предшествовалъ гекзаметрамъ Гнѣдича» (стр. 161). Этимъ авторъ хочетъ доказать, что Гнѣдичь не былъ первымъ вводителемъ у насъ гекзаметра. Но «Аббадона» напечатанъ въ 1815 («Сынъ Отеч.» № 22) въ первый разъ, а отрывки изъ гнѣдичева перевода «Иліады» гексаметрами появлялись въ журналахъ гораздо-ранѣе перевода «Аббадоны», а первый опытъ переложенія «Иліады» гекзаметрами (пѣсни 6-й) напечатанъ былъ Гнѣдичемъ еще въ 13-й книжкѣ «Чтенія въ Бесѣдѣ Любителей Русскаго Слова». Мы очень-благодарны г. М. Дмитріеву за сообщеніе многихъ замѣчательныхъ подробностей о нашихъ старыхъ писателяхъ, но не можемъ не замѣтить, что авторъ ужь слишкомъ-много цѣны придаетъ преданію. Онъ говоритъ:

«Очень похвально, что мы обратились нынче къ изслѣдованіямъ жизни и характера нашихъ знаменитыхъ поэтовъ. Но я боюсь, чтобъ этими изслѣдованіями, или à priori, или по немногимъ признакамъ и примѣтамъ не ввели въ заблужденіе нашихъ потомковъ. По большей части эти изслѣдованія, встрѣчающіяся въ журналахъ, бываютъ похожи на разборъ іероглифовъ, или стрѣльчатаго письма, которымъ изслѣдователь начинаетъ учиться изъ самаго разбора. Повторяю сказанное и прежде мною: все это отъ того, что пресѣклась наслѣдственная нить преданій; что между Жуковскаго, Пушкина и нынѣшнимъ временемъ былъ промежутокъ, въ который литература наша отторглась отъ памяти прежняго.» (Стр. 178—179).

Не знаемъ, дѣйствительно ли между «Жуковск*аго*, Пушки*на* и нынѣшн*имъ* времен*емъ*» былъ такой промежутокъ; но сильно сомнѣваемся въ могуществѣ преданія, которое такъ высоко ставитъ г. М. Дмитріевъ. Память можетъ часто измѣнять. Авторъ «Мелочей», повѣствуя о Мерзляковѣ, замѣчаетъ: «Мерзляковъ читалъ и «публичныя лекціи: въ домѣ Ѳ. Ѳ. Кокошкина въ 1804 году и въ «домѣ князя Б. В. Голицына въ 1811 году» (стр. 155). Публичныя лекціи въ домѣ князя Голицына Мерзляковъ читалъ не въ 1811, а со второй недѣли поста 1812, о чемъ авторъ можетъ найдти подроб-

ное извѣстіе въ «Вѣстникѣ Европы» 1812 (№ 7, стр. 228); лекціи же у Кокошкина были позже. По словамъ г. М. Дмитріева, первые опыты Жуковскаго въ поэзіи помѣщались въ «Утренней Зарѣ» (стр. 172); а между-тѣмъ первыя произведенія Жуковскаго появились еще въ 1797 г., а «Утренняя Заря» начала издаваться съ 1800 года. Наконецъ въ статьѣ г. М. Дмитріева встрѣтили мы слѣдующее непонятное для насъ замѣчаніе:

«Жуковскій, это извѣстно, былъ не богатъ; въ это время онъ долженъ былъ трудиться и изъ денегъ. Здѣсь перевелъ онъ (1802) поэму Флоріана: *Вильгельмъ Тель*, съ присовокупленіемъ его же Сицилійской повѣсти *Розальба*» (стр. 175).

Въ первый разъ слышимъ мы, что Жуковскій изъ-за денегъ перевелъ повѣсть Флоріана *Вильгельмъ Тель*. Странно... Но позвольте, мы разгадаемъ этого «Вильгельма Теля», переведеннаго Жуковскимъ, и средствомъ къ тому послужитъ намъ не наслѣдственная нить преданій, а небольшія сопоставленія. Жуковскій перевелъ повѣсть *изъ-за денегъ* въ 1802 г. Въ годѣ г. М. Дмитріевъ, должно-быть, ошибся, потому-что въ 1802 г. Жуковскій напечаталъ только одно «Сельское Кладбище»; стало-быть, нужно взять время, близкое къ 1802 году. Дѣйствительно, въ 1801 г. Жуковскій перевелъ повѣсть Флоріана, а не Коцебу: «Мальчикъ у ручья». Объ этомъ переводѣ онъ писалъ впослѣдствіи: «Нѣкогда въ Москвѣ обанкрутившійся Зеленниковъ трак-«товалъ меня преобидно. Для него я перевелъ за 75 рублей «Маль-«чика у ручья». Эту сумму онъ выплачивалъ мнѣ по 5 р., по 7 р. «съ полтиною и т. д. («Живописн. Сборн.» III, 363). Итакъ вотъ повѣсть, переведенная Жуковскимъ изъ-за денегъ! Какимъ же образомъ превратилась она у г. М. Дмитріева въ *Вильгельма Теля?*.. Можетъ-быть, потому, что начинается словами: «*Вильгельмъ* сидѣлъ у ручья подъ березою» и пр?..

Оставляемъ пока другія невѣрности, замѣченныя нами въ послѣдней статьѣ «Мелочей»: когда сочиненіе это будетъ кончено, мы разсмотримъ его подробно, какъ матеріалъ для исторіи нашей словесности. Желаемъ, чтобъ г. М Дмитріевъ не смотрѣлъ непріязненно на тѣхъ изслѣдователей исторіи нашей литературы, которыя, по словамъ его, не принадлежатъ «къ непрерывной лѣтописи преданій нашей литературы». Это не ихъ вина. Автору повидимому кажется, что безъ этихъ преданій нельзя и писать о нашей литературѣ.

«Съ тѣхъ поръ, какъ принялись наши журналы (то-есть со времени смирдинскихъ изданій русскихъ авторовъ) дѣлать открытія въ русской литературѣ за минувшія десятилѣтія нынѣшняго вѣка; съ тѣхъ поръ такъ много вошло въ исторію нашей литературы неосновательныхъ извѣстій, утверждающихся на догадкахъ и слухахъ»... (стр. 176).

Не говоря уже о томъ, что г. Дмитріеву трудно было бы доказать истину этихъ словъ, замѣтимъ только, что подобный взглядъ на

вліяніе смирдинскаго изданія кажется намъ невѣрнымъ. Каковы бы ни были недостатки этого изданія, нельзя не сознаться, что оно много содѣйствовало ближайшему знакомству читателей съ отечественной литературой и обращенію къ изученію ея прошедшаго. Положимъ, что въ статьяхъ о русской литературѣ, въ послѣднее время появлявшихся, очень-много недостатковъ; но неужели эти попытки по предмету столь мало обработанному (исторіи нашей словесности) заслуживаютъ одно только безстрастное осужденіе?

Мы, впрочемъ, отчасти понимаемъ, почему г. М. Дмитріевъ недоволенъ разборами смирдинскихъ изданій. Не далѣе какъ въ 10 книжкѣ «Москвитянина» появилась рецензія на сочиненія графа Растопчина, изданныя Смирдинымъ. Замѣтить надобно, что «Москвитянинъ», постоянно провозглашающій своимъ читателямъ о горячей любви своей къ старой русской литературѣ и очень-сильно негодующій на петербургскіе журналы за то, что о русскихъ писателяхъ они пишутъ совсѣмъ не то, что̀ слѣдуетъ, «Москвитянинъ» не представлялъ до-сихъ-поръ *ни одной статьи* о смирдинскихъ изданіяхъ, о дорогихъ ему («Москвитянину») русскихъ писателяхъ. И вотъ передъ нами первая статья «Москвитянина» о смирдинскомъ изданіи. Узнаёмъ мы изъ нея впрочемъ немногое, а именно, что Растопчинъ «одна изъ самыхъ яркихъ личностей въ исторіи русской жизни», что «стыдно не имѣть его полной біографіи»; узнаёмъ далѣе, какія сочиненія Растопчина вошли въ изданіе Смирдина; но, главное, узнаёмъ, что автору рецензіи очень-плохо извѣстна исторія нашей литературы и еще менѣе извѣстны сочиненія Растопчина. Иначе онъ не приписалъ бы ему *Мыслей не вслухъ у деревяннаго дворца Петра Великаго*. Эти «Мысли» писаны не имъ и помѣщены издателемъ въ приложеніяхъ, какъ произведеніе вызванное *Мыслями вслухъ на красномъ крыльцѣ* и обращенное къ Богатыреву, герою произведеній Растопчина.

Мы упомянули объ этой рецензіи не потому, чтобъ онъ стоила вниманія читателей, но чтобъ указать, въ какіе промахи легко вдаваться, взявшись писать о предметѣ, мало-извѣстномъ пишущему. Самую статью относимъ мы къ разряду тѣхъ, которыя редакторъ «Москвитянина» называетъ «козлогласованіями». Названіе это очень идетъ къ статьямъ, разсуждающимъ о предметѣ, мало или даже вовсе незнакомомъ авторамъ ихъ. Впрочемъ, въ послѣднее время «ученые», страдающіе этимъ недугомъ, изобрѣли средство искусно скрывать его отъ постороннихъ глазъ и вообще отъ всѣхъ, кому о томъ вѣдать не надлежитъ. Средство это весьма-новое, и честь изобрѣтенія его принадлежитъ одному изъ сотрудниковъ «Современника». Въ Англіи когда-то хлопотали объ устройствѣ машины, которая могла бы писать латинскіе гекзаметры правильно и изящно, и, говорятъ, достигли цѣли. Теперь изобрѣтено средство писать разборы какой вамъ угодно книги, хотя бы она разсуждала объ арабской литературѣ. Вотъ въ чемъ состоитъ секретъ изобрѣ-

тателя: книга, подлежащая суду критика, должна оставаться безъ разбора на нѣкоторое (всего лучше, продолжительное) время; потомъ, когда журналы и газеты выскажутъ о ней свои сужденія, нужно эти сужденія принять къ свѣдѣнію и изъ всѣхъ журнальныхъ и газетныхъ статей объ этой книгѣ сдѣлать хорошій экстрактъ, который и печатать по благоусмотрѣнію въ отдѣлѣ критики, или библіографіи журнала. Вы не вѣрите, чтобъ подобныя *очень-критическія* статьи могли появляться въ наше время, когда почти всѣ пишущіе по исторіи русской литературы начинаютъ свои разборы возгласами объ успѣхахъ, сдѣланныхъ этою наукою. Но вотъ взгляните въ седьмой книжкѣ «Современника» на разборъ сочиненія г. Булича «*Сумароковъ и современная ему критика*».

Сначала авторъ рецензіи говоритъ, какимъ противорѣчащимъ сужденіямъ подвергалась личность Сумарокова. Это приступъ къ дѣлу; онъ взятъ изъ первой статьи г. Бестужева о книгѣ г. Булича («Москов. Вѣдом.» 1854, № 40), съ небольшими прибавленіями. Затѣмъ авторъ рецензіи изъ трехъ частей, на которыя раздѣляется монографія г. Булича, останавливается только на первой — на біографіи Сумарокова. Вотъ какъ производится разборъ ея: «Нѣкоторыми извѣстными фактами авторъ (г. Буличъ) не воспользовался. Такимъ образомъ о родѣ Сумароковыхъ *сказано* слишкомъ мало, о матери Сумарокова, урожденной Приклонской, даже вовсе не упомянуто, о женахъ его также не находимъ подробностей» («Соврем». іюль, Отд. IV, стр. 4). Но это замѣчаніе мы читали еще въ майской книжкѣ «Библіотеки для Чтенія» въ слѣдующемъ видѣ:

«Мы должны, къ сожалѣнію, замѣтить, что г. Буличъ воспользовался и этими немногими (извѣстными) свѣдѣніями далеко не въ той мѣрѣ, въ какой должно было того ожидать... О родѣ Сумароковыхъ *говорится* слишкомъ мало... мы не встрѣчаемъ въ монографіи ни полслова о матери Сумарокова, хотя напримѣръ даже просто сказать, что она была урожденная Приклонская, важнѣе, чѣмъ сообщать свѣдѣнія о Никитѣ Ивановѣ» (Библ. для Чт. май, отд. VI, стр. 15, 17).

Читатель въ-правѣ спросить: зачѣмъ въ іюлѣ повторяютъ въ одномъ журналѣ, то, что̀ въ маѣ было уже сказано въ другомъ, измѣняя только слегка слогъ, напр. употребляя настоящее время вмѣсто прошедшаго? — Не знаемъ; можетъ-быть, рецензентъ считаетъ это полезнымъ. Будемъ, однако, слѣдовать за нимъ. Рецензентъ недоволенъ тѣмъ, что у г. Булича мало сказано о французской труппѣ Сериньи.

«Это обстоятельство (говоритъ онъ) весьма важно какъ по своему вліянію на русскій театръ вообще, такъ и на Сумарокова въ-особенности. На этомъ театрѣ играли два раза въ недѣлю комедіи и трагедіи, имѣвшія необыкновенный успѣхъ: придворные учили наизусть лучшія мѣста трагедій, *и съ тѣхъ поръ французы сдѣлались образцами для нашихъ писателей*. Здѣсь-то, восхищаясь превосходною игрою трагическихъ актеровъ, Сумароковъ *въ первые* познакомился съ произведеніями Корнеля,

Расина и Вольтера, здѣсь онъ увлекался произведеніями французскихъ трагиковъ, здѣсь началась его трагедія» (стр. 4).

Все это ипотезы рецензента, ни на чемъ неоснованныя. Можно ли ничтожной французской труппѣ приписывать такое громадное вліяніе на русскую литературу? Можно ли говорить, что «съ-тѣхъ-поръ французы сдѣлались образцами для нашихъ писателей»? Откуда узналъ рецензентъ, что здѣсь Сумароковъ *впервые* познакомился съ произведеніями Корнеля, Расина, что здѣсь началась его трагедія?.. Забавны эти уловки рецензента сдѣлать изъ мухи слона, чтобъ имѣть право упрекнуть разбираемую книгу въ недостаткѣ, котораго въ ней нѣтъ! Фантазія, конечно, легко можетъ придать произвольное величіе всякому ничтожному обстоятельству, но жалка критика, прибѣгающая къ подобнымъ средствамъ...

«О первыхъ представленіяхъ трагедій Сумарокова, положившихъ основаніе русскаго театра, также нѣтъ подробностей въ сочиненіи г. Булича (говоритъ рецензентъ). Эти подробности сохранены Штелинымъ, переведены на русскій языкъ и повторены ужь въ нѣсколькихъ изданіяхъ.».

Слѣдуетъ разсказъ о представленіи «Хорева», цѣликомъ взятый изъ извѣстной книжки Карабанова «Основаніе русскаго театра» (стр. 13—16). А между-тѣмъ, авторъ говоритъ, что эти *подробности* сохранены Штелинымъ. Смѣемъ увѣрить его, что у Штелина объ этомъ только упомянуто; подробности же переданы П. М. Сумароковымъ, въ статьѣ «*О россійскомъ театрѣ отъ начала оного до конца царствованія Екатерины II* (*), изъ этой статьи перепечатаны Карабановымъ, а изъ брошюрки Карабанова перешли въ рецензію «Современника». Но г. Буличу извѣстна книга Карабанова; онъ ссылается на нее не разъ: значитъ, онъ имѣлъ основаніе не вносить въ свою монографію безцвѣтнаго извѣстія о первомъ представленіи «Хорева». Но автору рецензіи оно кажется любопытнымъ, и онъ перепечатываетъ его... Мало того: ему вздумалось въ книгѣ о Сумараковѣ искать полной біографіи Дмитревскаго; онъ не нашелъ ея тамъ, и вотъ въ рецензіи по «Энциклопедическому Лексикону» (!!) разсказывается эта біографія, извѣстная всякому ученику гимназіи... Конечно, есть люди, которые хлопочутъ о какой-то странной полнотѣ изслѣдованія, такъ-что, разбирая произведенія какого-нибудь поэта пушкинскаго періода, заведутъ рѣчь объ авторѣ «Дѣяній Петра Великаго»; но зачѣмъ же подобныя понятія о полнотѣ изслѣдованія навязывать ученому, который приступаетъ къ своему дѣлу съ вѣрнымъ взглядомъ на предметъ и цѣль своего труда? Мы думаемъ, что такая полнота, какой желаетъ рецензентъ — ложная и фальшивая; мало того: эта полнота часто служитъ мишурной драпировкой пустѣйшему содержанію... И какіе же выводы сдѣлалъ ре-

---

(*) «Отеч. Записки», 1822, ч. XII, № 32.

цензентъ, повторивъ страдательно три странички изъ книги Карабанова и статью «Энциклопедическаго Лексикона»? Никакихъ... Рецензентъ продолжаетъ:

«Многочисленныя непріятности, огорчавшія Сумарокова въ послѣдніе годы его жизни, изложены г. Буличемъ не довольно подробно. Такъ, напримѣръ: упоминая вскользь о жалобахъ Сумарокова императрицѣ Екатеринѣ II на Салтыкова, авторъ говоритъ, что «Екатерина прислала отвѣтъ Сумарокову, доказывающій вполнѣ прекрасный умъ ея» (стр. 47) и ограничивается только указаніемъ, что этотъ отвѣтъ во французскомъ подлинникѣ и переводѣ напечатанъ въ сочиненіи С. Глинки» (стр. 7 «Современ.»).

Этотъ упрекъ взятъ изъ рецензіи «Библіотеки для Чтенія»; тамъ текстъ древнѣе и читается такимъ образомъ:

«Одинъ изъ любопытнѣйшихъ эпизодовъ жизни россійскаго Расина, жалоба его императрицѣ Екатеринѣ II, на претерпѣнныя имъ обвиненія и гоненія, и отвѣтъ государыни, разсказанъ такъ коротко, что его и понять нельзя. Можно ли въ подробной монографіи ограничиться словами: «Екатерина прислала отвѣтъ Сумарокову, доказывающій вполнѣ прекрасный умъ ея» и не привести самаго ея отвѣта, который былъ ужь напечатанъ?» (Б. д. Чт. стр. 18).

Сдѣлаемъ еще сличеніе одного мѣста рецензіи съ источникомъ ея, и потомъ уже ограничимся указаніемъ, откуда подобнымъ же образомъ взята и остальная часть ея.

Современникъ, *іюль*,
Отд. IV, стр. 7 — 8.

Г. Буличъ говоритъ: «Мы *не знаемъ* содержанія жалобъ Сумарокова императрицѣ, но, судя по строгому отвѣту ея, можемъ догадаться въ чемъ онѣ состояли. До насъ дошли *отрывки* изъ прошенія его, поданнаго государынѣ» (стр. 47). Прошеніе это, напечатанное въ отрывкахъ въ 1827 году въ альманахѣ г. Б. Ф(Ѳ)едорова «Памятникъ отечественныхъ музъ», напечатано вполнѣ въ «Москвитянинѣ» 1842 г. (№ 3) съ современной копіи, доставленной А. Ѳ. Малиновскимъ... Оно представляетъ весьма любопытный и важный матеріалъ для біографіи Сумарокова.

Биб. д. Чтен., *май*
Отд. VI, стр. 18.

Странно слышать отъ біографа слова: «Мы не знаемъ содержанія жалобъ Сумарокова императрицѣ, но, судя по строгому отвѣту ея, можемъ догадаться, въ чемъ онѣ состояли. До насъ дошли *отрывки* изъ прошенія его, поданнаго государынѣ». Г. Буличъ говоритъ объ отрывкахъ, помѣщенныхъ въ альманахѣ на 1827 г. «Памятникъ отечественныхъ музъ»; но ему не извѣстно, что прошеніе было цѣликомъ напечатано съ современной копіи, доставленной А. Ѳ. Малиновскимъ, въ Москвитянинѣ 1842 (№ 3). Прошеніе это есть одинъ изъ главнѣйшихъ матеріаловъ для біографіи Сумарокова».

Анекдотомъ и небольшимъ замѣчаніемъ объ отношеніяхъ Тредьяковскаго къ Сумарокову оканчивается 8-я стр. рецензіи «Современника». Страница 9-я заимствована изъ «Моск. Вѣдомостей» (№ 47, стр. 193 и № 40, стр. 156); страницы 10-я и часть 11-й вполнѣ принадлежатъ

автору рецензіи. Но видѣть въ комедіи «О время!» намеки на Сумарокова и жену его — странно и произвольно. Послѣдняя половина 11-й страницы и 12-я взяты изъ «С. Петербургскихъ Вѣдомостей» 1854, (№ 83, стр. 405, столбцы 2 и 3). Рецензія оканчивается выпискою словъ г. Булича объ отношеніи французской трагедіи къ греческой — мѣста, которое понравилось г-ну Бестужеву, разбиравшему книгу г. Булича въ «Москов. Вѣдомостяхъ».

Рецензентъ говоритъ, что цѣлью его статьи было «дополненіе свѣдѣній, сообщаемыхъ г. Буличемъ» (стр. 12); но, прочитавъ его рецензію, мы только могли говорить, какъ Русаковъ г. Островскаго говоритъ Маломальскому: *да слышалъ ужъ!* Въ-самомъ-дѣлѣ, почти все, сказанное рецензентомъ «Современника», мы слышали отъ рецензентовъ «С. Петербургскихъ» и «Московскихъ Вѣдомостей» и «Библіотеки для Чтенія». Съ своей стороны рецензентъ «Современника» указываетъ на слѣдующій, незамѣченный г. Буличемъ, анекдотъ:

«Тредьяковскій пришелъ однажды жаловаться Шувалову на Сумарокова. «Ваше Высокопревосходительство, меня Александръ Петровичъ такъ ударилъ въ правую щеку, что она до-сихъ-поръ у меня болитъ». — «Какъ же, братецъ? — отвѣчалъ ему Шуваловъ — у тебя болитъ правая щека, а ты держишься за лѣвую». — «Ахъ, Ваше Высокопревосходительство, вы имѣете резонъ», отвѣчалъ Тредьяковскій и перенесъ руку на другую сторону.»

Рецензентъ прибавляетъ, что «статья, изъ которой заимствованъ этотъ «анекдотъ, напечатанная безъ подписи, принадлежитъ Пушкину и про-«пущена въ собраніи его сочиненій». Указаніе весьма-полезное для изучающихъ пушкинскій періодъ; но не-уже-ли рецензентъ вѣритъ возможности этого анекдота? Мы не понимаемъ, съ какою цѣлью даже приведенъ онъ. Г. Буличъ и безъ того очень-легко взглянулъ на положеніе Тредьяковскаго въ русскомъ обществѣ XVIII вѣка, и безъ того слишкомъ-жостко отозвался о нравственныхъ свойствахъ этого человѣка, котораго, по преданію, безотчетно преслѣдуютъ насмѣшками, какъ бездарнаго труженика. Осудивъ Тредьяковскаго, какъ писателя, многіе (въ томъ числѣ и г. Буличъ) не уважили въ немъ даже и человѣка и хладнокровно упрекали Тредьяковскаго въ какой-то душевной низости и намѣренномъ шутовствѣ. Всего страннѣе было намъ найдти этотъ взглядъ у г. Булича, который такъ хорошо понялъ положеніе Тредьяковскаго въ обществѣ прошлаго столѣтія Рецензентъ «Современника» не обратилъ вниманія на эту непослѣдовательность г. Булича и къ чему-то привелъ странный анекдотъ, перепечатанный «Пантеономъ», весьма-основательно, въ томъ отдѣлѣ этого журнала (нынѣ несуществующемъ), который назывался *Балагуромъ*.

Мы потому такъ долго занялись рецензіею «Современника», что подобныя произведенія должны быть указываемы для пользы ученой литературы. Будущій составитель словаря литературныхъ заимствованій

не оставитъ безъ вниманія этой рецензіи. Мы, съ своей стороны, желали своими замѣчаніями указать на фактъ, которому давно уже не было примѣра въ нашей литературѣ. Да остерегаются впредь рецензенты «Современника» отъ подобныхъ статей, въ увѣренности, что такая манера писать рецензіи всегда будетъ указываема, если ужь не останавливаетъ ихъ ни уваженіе къ самому предмету ихъ занятій. Вышеприведенное безподобное правило «Современника»: «говори «что надобно сказать теперь, а не то, что надобно было говорить «прежде», можно бы перемѣнить теперь на слѣдующее: «не говори того, что̀ сказали уже другіе журналы, и если самъ не можешь сказать ничего о предметѣ ученомъ, то, пожалуй, бери готовыя сужденія изъ другихъ журналовъ, но всегда указывай, откуда именно они заимствованы». Это будетъ лучше и послѣдовательнѣе...

«*Изслъдованія о балтійскихъ славянахъ*» г. Гильфердинга («Москвитянинъ» № 10) должны назваться не столько самостоятельными изслѣдованіями, сколько сводомъ результатовъ разъисканій другихъ славянскихъ историковъ; это, впрочемъ, выгоднымъ образомъ отличаетъ новое произведеніе молодаго писателя отъ его прежнихъ брошюръ, въ которыхъ онъ достигалъ новизны и оригинальности положеній во вредъ основательности. Прежняя любовь къ смѣлымъ ипотезамъ, неопирающимся на факты, проглядываетъ только въ немногихъ мѣстахъ, напримѣръ, въ мысли, что Аттила не затѣмъ шелъ на юго-западъ изъ своихъ степей, чтобъ разграбить заманчивыя для дикарей богатствомъ и внутреннею слабостью римскія области, а затѣмъ, чтобъ истребить нѣмецкія дружины и очистить отъ нихъ Восточную Европу; г. Гильфердингъ даже вѣритъ, что и въ Галлію Аттила пошелъ только затѣмъ, чтобъ отъискать тамъ бѣжавшихъ отъ него готовъ, что если бы франкскіе князья выдали ему готовъ, то онъ оставилъ бы въ покоѣ ихъ богатые города. Это все-равно, что думать, будто-бы чингисхановы орды прошли Русь съ огнемъ и мечомъ не изъ желанія покорить и ограбить ее, а въ-самомъ-дѣлѣ изъ отмщенія русскимъ за то, что они укрыли бѣжавшихъ отъ татарскаго отряда половцевъ. Романтизмъ въ V вѣкѣ не входилъ еще въ моду ни у готовъ, ни у аваръ, ни у гунновъ, какъ неизвѣстенъ былъ и батыевымъ ордамъ въ XIII столѣтіи. Также бездоказательно предполагаетъ г. Гильфердингъ и въ славянахъ сочувствіе къ Аттилѣ. Что славянъ въ его державѣ и войскѣ было множество — это фактъ; почти несомнѣнно, что они составляли главную массу его войска; но они сдѣлались воинами Аттилы конечно только по той же причинѣ, какъ и нѣмцы: они были побѣждены и принуждены повиноваться побѣдителю. Что славяне не питали никакого сочувствія къ гунской державѣ, свидѣтельствуетъ (кромѣ естественной нелюбви къ свирѣпымъ иноплеменнымъ грабителямъ) ужь то, что по смерти Аттилы государство его тотчасъ распалось по той причинѣ, какъ мы положительно знаемъ, что всѣ покоренныя племена,

нѣмецкія и славянскія, совершенно одинаково воспользовались первымъ замѣшательствомъ свирѣпыхъ пришельцевъ, чтобъ сбросить съ себя ненавистное иго. Точно также и нѣмцы во время великаго переселенія народовъ очистили страны между Вислою и Эльбою главнымъ образомъ потому, что тянулись вслѣдъ за своими передовыми одноплеменниками на римскія области, на богатыя юговосточныя земли, а не по какой-нибудь другой причинѣ. Слишкомъ-упорной борьбы между славянами и нѣмцами въ VI — VIII вѣкахъ на сѣверѣ Европы мы не въ правѣ предполагать. И если намъ не осталось положительныхъ свидѣтельствъ о томъ, какъ совершилось занятіе славянами прибалтійскихъ областей, то Козьма-Пражскій сохранилъ намъ достовѣрныя народныя преданія, что занятіе Богеміи чехами совершилось мирно, или почти-мирно; что Чехи заняли эту землю потому, что она была пуста, покинута прежними жителями, ушедшими на югъ. Напрасно также г. Гильфердингъ полагаетъ, что готы были «малочисленная дружина»: мы знаемъ, что это былъ очень-многочисленный народъ; одно только остготское племя, пошедшее въ Италію съ Теодорихомъ, состояло изъ нѣсколькихъ сотъ тысячъ душъ. Еслибъ готы были малочисленны, конечно имъ не удалось бы покорить всѣхъ восточныхъ славянъ, духъ которыхъ прекрасно высказался въ словахъ Лавретаса: «не покорялись мы никому, и не покоримся, пока будутъ у насъ мечи». Г. Гильфердингъ основываетъ свое мнѣніе о малочисленности готовъ и другихъ нѣмецкихъ племенъ въ Восточной Европѣ на сказкѣ, что готы пріѣхали въ Германію изъ Скандинавіи на трехъ судахъ; эта сказка давно признана чистою выдумкою. Готы пришли въ Восточную Европу не съ сѣверо-запада, а съ юговостока, если не прямо съ юга, какъ думаетъ Гриммъ, несовершенно-бездоказательно признающій готовъ въ гетахъ. За мнѣніе Гримма сильно стоятъ діоскоридовы списки дакскихъ названій лекарственныхъ травъ и очевидное отношеніе нѣмецкаго ablaut и lautverschiebung, въ которомъ стоятъ имена Getae и Gothi. Не соглашаясь съ г. Гильфердингомъ во всѣхъ его ипотезахъ, мы, однакожь, радуемся тому шагу впередъ, который онъ сдѣлалъ: въ новомъ его изслѣдованіи произвольныя мнѣнія стоятъ на второмъ планѣ, а не составляютъ сущности труда, какъ это бывало прежде. Еще болѣе будемъ рады, когда онъ сдѣлаетъ второй шагъ впередъ къ непредубѣжденому взгляду на славянскія древности и совершенно откажется отъ пристрастія къ Аттилѣ, гуннамъ и другимъ ихъ соревнователямъ: тогда, при его трудолюбіи, славянская наука пріобрѣтетъ въ немъ полезнаго дѣятеля.

«*Картина аханнаго рыболовства при устьѣ Урала*, г. И. Желѣзнова («Москвитянинъ» №№ 9 и 10)—довольно-живой разсказъ о тѣхъ страшныхъ опасностяхъ, которымъ уральцы подвергаются во время своего аханнаго рыболовства, о той неимовѣрной смѣлости и находчивости, съ какою борются они противъ страшныхъ морскихъ невзгодъ. Въ Уралѣ, который прежде называли «золотымъ дномъ, нынѣ ловится

рыбы гораздо-меньше, и уральцы должны теперь искать себѣ добычи уже въ морѣ. Тамъ, на хиломъ льду, ставятъ они свои «аханы» (сѣти); чѣмъ далѣе отъ берега, чѣмъ на бо̀льшей глубинѣ поставишь «аханы», тѣмъ богаче будетъ уловъ; поэтому смѣльчаки уѣзжаютъ очень-далеко въ море. Но вотъ поднялся вѣтеръ, и ледъ взволновался: рыболовы спѣшатъ къ берегу, бросая часто и пойманную рыбу, и сѣти, и всѣ свои пожитки. Хорошо еще, если имъ удастся перебраться на крѣпкій ледъ, пока щель или полынья неслишкомъ-широка; а что̀ будетъ съ ними, если теченье быстро, и льдину, на которой расположились они, въ нѣсколько минутъ унесло далеко отъ крѣпкаго береговаго льда? Ихъ жизнь на волоскѣ; они носятся по открытому морю; однакожь они не думаютъ унывать: авось льдину опять принесетъ къ твердому льду прежде, нежели она успѣетъ растаять; но не всегда это бываетъ; часто льдина носится по морю, не прибиваясь къ берегамъ, пока растаетъ; бываютъ и другія опасности, кромѣ весенняго тепла: пловучія льдины безпрестанно сталкиваются и ломаются въ мелкіе куски. Что̀ дѣлать? ка̀къ спастись, когда льдина разбивается или растаеваетъ? И тутъ смѣльчаки не унываютъ: они рѣжутъ своихъ лошадей (на которыхъ отвозится пойманная рыба и перевозятся сѣти), дѣлаютъ изъ кожъ «бурдюки», надутые воздухомъ, привязываютъ ихъ по три и по четыре къ санямъ, берутъ уцѣлѣвшіе съѣстные припасы и носятся на этихъ импровизированныхъ миньятюрныхъ плотахъ по морю. Отчаяваться еще нѐчего: не нынѣ, завтра наѣдутъ на эти мѣста астраханскіе промышленики и выручатъ изъ бѣды; а если не встрѣтятся и астраханцы, дѣло все еще непогибшее: подуетъ южный вѣтеръ и прибьетъ плоты къ берегу. Да и какъ не прибить? вѣдь пловцы помогаютъ случаю: неутомимо гребутъ они веслами, столь же импровизированными, какъ и плоты; эти «весла» — широкія лопаточныя кожи убитыхъ лошадей... «Многострадавшему» отъ волнъ Одиссею не приходилось испытывать и десятой части этихъ опасностей; и удивительнѣе самой твердости духа погибающихъ то, что большею-частью имъ удается спастись Г. Желѣзновъ очень-недурно рисуетъ всѣ эти интересныя сцены и, кромѣ-того, успѣваетъ передать довольно-много подробностей о бытѣ и правахъ уральцевъ. Кого не остановитъ нѣкоторая цвѣтистость первыхъ страницъ его разсказа, тотъ не пожалѣетъ, что продолжалъ читать статью, и навѣрно прочтетъ ее съ возрастающимъ интересомъ до самаго конца.

Не такъ замѣчательна другая этнографическая статья «Москвитянина» (№ 11) *Кизильскіе татары*, слишкомъ-краткая и краснорѣчивая. Но въ «Пантеонѣ» (№ 6) есть разсказъ неизвѣстнаго автора *Костяныя копи*, почти столь же картинный и живой, какъ и любопытная статья г. Желѣзнова. Якутскій удалой промышленикъ Иванъ Ивановичъ, слыхивалъ отъ знакомаго камчадала, старика Сакалара, что въ Новой Сибири есть богатыя копи мамонтовой кости, никѣмъ не-

посѣщаемыя, и подговариваетъ старика ѣхать туда забрать богатство. Опасности пути въ Новую Сибирь и оттуда, разсказаны очень-недурно. Всѣ эти подробности слегка приправлены поэтическою интригою: Иванъ Ивановичъ рѣшился разбогатѣть, чтобъ жениться на богатой вдовѣ-красавицѣ, которая не пошла бы за бѣдняка; но впродолженіе двухъ лѣтъ страшнаго путешествія онъ привязывается къ дочери своего провожатаго, изъ любви къ отцу и еще больше къ смѣльчаку-промышленнику рѣшившейся раздѣлять съ ними всѣ опасности. Доѣхавъ до Колымска, Иванъ Ивановичъ женится на ней — и хорошо дѣлаетъ, потому-что прежняя красавица, не дождавшись его, вышла замужъ за новаго жениха. Странно, что въ разсказѣ неизвѣстнаго автора разстоянія считаются не верстами, а англійскими милями. Это наводитъ насъ на мысль, не переведенъ ли разсказъ съ англійскаго? Не даромъ не выставлено имени автора... Если такъ, то совершенно объясняется странное противорѣчіе между высокимъ слогомъ нѣкоторыхъ фразъ дѣйствующихъ лицъ и простотою и естественностью всего разсказа. Надутость выраженій были бы просто виною переводчика. Если же наша догадка ошибочна, то мы посовѣтуемъ автору замѣтить въ своихъ «Костяныхъ копяхъ» этотъ недостатокъ и впередъ остерегаться его: тогда его разсказы будутъ всѣмъ нравиться.

«Москвитянинъ» довольно-часто помѣщаетъ въ извлеченіи статьи иностранныхъ журналовъ, болѣе или менѣе касающіяся настоящей войны; не всегда выборъ или исполненіе бываютъ удачны; но въ этомъ нельзя упрекнуть небольшую статью *Европейская Турція въ нынѣшнюю войну* («Москв.» № 9), извлеченную изъ Revue Britannique. Ничего новаго въ ней нѣтъ, но вездѣ видно знакомство автора съ дѣломъ.

Болѣе односторонности въ статьѣ *Торговый флотъ въ Англіи* («Москвитянинъ» № 9). Morning Chronicle, изъ котораго извлечены эти свѣдѣнія, не пользуется особеннымъ довѣріемъ и въ самой Англіи по чрезвычайной эксцентричности своихъ мнѣній. Что американскія торговыя суда лучше англійскихъ, что матросы на торговыхъ американскихъ судахъ получаютъ больше жалованья и содержатся лучше, нежели на англійскихъ, что, поэтому, часто случаются побѣги матросовъ съ англійскихъ судовъ на американскія — все это факты; но съ 1850 или 1848 года, къ которому относятся свѣдѣнія Morning Chronicle, многое измѣнилось; теперь странно говорить, какъ увѣрялъ Нэпиръ, нѣсколько лѣтъ назадъ, что французскій пароходный флотъ сильнѣе англійскаго. Самъ Нэпиръ говорилъ это только длятого, чтобъ англичане не переставали заботиться о средствахъ къ защитѣ противъ угрожавшей имъ тогда французской высадки, и преднамѣренно описывалъ силу французскаго флота слишкомъ-яркими красками. Французскій флотъ не такъ хорошъ и силенъ, какъ кричали въ испугѣ англійскія газеты: не совсѣмъ такъ теперь и очень многое, выставляемое впередъ статьею, переведенною «Москвитяниномъ».

Странна маленькая статейка г. Я. Д., помѣщенная въ томъ же нумерѣ «Москвитянина»: *Переходъ Александра-Великаго чрезъ Гидаспъ*. Авторъ думаетъ, что описаніе этого событія у Квинта-Курція представляетъ очень-точную картину перехода русскихъ войскъ через Дунай. Сходства между тою и другою переправою нѣтъ никакого: и мѣстность и обстоятельства совершенно-различны. Не говоримъ о мелкихъ историческихъ промахахъ г-на Я Д., называющаго, напримѣръ, Пора, одного изъ множества индійскихъ раджей, обладателемъ всей Индіи (!!). Хотя Квинтъ-Курцій на той же страницѣ говоритъ, что и въ Пенджабѣ у Пора были сосѣди, неменѣе его сильные. Уже это одно обстоятельство, еслибъ авторъ захотѣлъ вспомнить о немъ, могло бы навесть его на мысль, что между иррегулярною арміею князька, сражавшагося отчаянно, и регулярными войсками султана нѣтъ ни малѣйшаго сходства. И какое право мы имѣемъ удивившую самого Александра геройскую рѣшимость Пора, бившагося до послѣдней капли крови, не отступая ни на шагъ, унижать сравненіемъ его съ турецкими полководцами, которые отступили передъ побѣдоносными русскими войсками?

Въ «Историческихъ Матеріалахъ» № 9 «Москвитянина» помѣщено *Письмо Петра-Великаго къ Шафирову*, бывшему посломъ въ Турціи, о несообразности требованія турецкаго правительства, чтобъ русскія войска, на возвратномъ пути изъ Помераніи, не касались польскихъ владѣній, потому-что другаго пути изъ Помераніи въ Россію нѣтъ. Письмо, по обыкновенію, очень кратко и сильно. Вотъ его сущность: «А что вы говорили... черезъ Дацкую землю (иттить войску) «то развѣ вы разума отбыли? землю передѣлать нельзя; а еслибъ и «крылья имѣли, то чрезъ оную жъ землю (Польшу) летѣть, и для от«дохновенія на оной же бъ садитца».

Кромѣ-того, въ 9 — 12 книжкахъ «Москвитянина» замѣтимъ: *Лудовикъ XVII* (окончаніе въ 9 книжкѣ, начало въ 8-ой)—переводъ очень-интереснаго разсказа о судьбѣ царственнаго дитяти, личность котораго, энергичная и пробуждающая полное сочувствіе, была такъ мало извѣстна. *Послѣдній судебный поединокъ во Франціи*, статья, незаслуживавшая чести перевода, одна изъ сотенъ тѣхъ статеекъ, которыя пишутся для Moniteur de la Mode, l'Artiste и другихъ журналовъ того же разбора; это прикрашенное прелестями фантазіи и сантиментальности распространеніе ничтожнаго анекдота, нехарактеризующаго ни эпохи, ни людей.

Въ № 11 «Москвитянина» продолжаются *Письма о Ботаникѣ* Шлейдена, о которыхъ мы ужь говорили. Шлейденъ извѣстный ботаникъ и знаменитый въ Германіи популярный писатель; но часто ему приходитъ фантазія, для бо̀льшей живости и разнообразія въ популярныхъ сочиненіяхъ, прикидываться причудливымъ и преднамѣренно стараться, чтобъ его разсказы были безсвязны, метаться повсюду, заговаривать обо всемъ, ничего не успѣвая досказать, начинать съ середины, съ конца

и выдѣлывать тысячи фокус-покусовъ; отъ этого онъ часто пишетъ такъ, что сбиваетъ съ толку читателя. Послѣдняго достигаютъ нерѣдко и его «Письма о ботаникѣ».

Несравненно-выше достоинство *Двухъ писемъ Либиха о Химіи* («Москвит.» № 12); они чрезвычайно-популярны и легко написаны, и между-тѣмъ въ нихъ нѣтъ ни одного слова пустаго, почти ни одного слова, которое не имѣло бы высокой цѣны и для спеціальныхъ ученыхъ; не говоримъ ужь о томъ, что геніальныхъ и свѣтлыхъ взглядовъ и въ этихъ «Письмахъ» также много, какъ и во всемъ, что̀ написалъ Либихъ. За переводъ ихъ читатели будутъ благодарны «Москвитянину».

Статья Шарля Блана *Грёзъ* («Москвит.» № 11) также очень-недурна. Отъ обыкновенныхъ статей о живописи и живописцахъ, которыя такъ утомительно и безполезно читать, она отличается тѣмъ, что на-самомъ-дѣлѣ понятно и въ связи съ эстетическимъ движеніемъ современной Грёзу эпохи объясняетъ значеніе картинъ этого живописца. О Грёзѣ всѣмъ извѣстно, что онъ писалъ чрезрычайно-граціозныя и наивныя головки молоденькихъ дѣвушекъ. Прочитавъ статью Шарля Блана, отличнаго знатока живописи, мы увидимъ, что это была только одна сторона грёзова таланта; общее значеніе этого живописца въ исторіи французскаго искусства то, что онъ въ холодную и прикрашенную живопись XVIII вѣка ввелъ естественность, простоту, стремленіе писать сцены, близкія сердцу каждому изъ насъ, а не какой-нибудь парисовъ судъ, аллегорически изображающій легкомысленныхъ красавицъ, или Ахиллеса, влачащаго вокругъ стѣнъ Трои трупъ Гектора.

Статья дю-Карне *Консульство и Имперія* (тамъ же) не заслуживала перевода. Дю-Карне одинъ изъ нынѣшнихъ французскихъ разглагольствователей о политическихъ вопросахъ, подобно другимъ своимъ сподвижникамъ, очень небогатый ни мыслями, ни знаніями. Онъ повторяетъ Тьера и воображаетъ, что «показалъ истинное значеніе 18 брюмера, котораго доселѣ не могли понять» и т. п. Кромѣ этого, статья Дю-Карне заключаетъ въ себѣ только выписки изъ общеизвѣстныхъ книгъ, нисколько неинтересныя.

Нѣтъ надобности прибавлять, что въ «Москвитянинѣ» продолжается перепечатка *Смѣси изъ Московскихъ Вѣдомостей 1795 года*, редижированныхъ Карамзинымъ. За одинъ годъ «Смѣсь» перепечатать возможно, хотя и трудно, какъ это видно изъ опыта «Москвитянина», ужь давно начатаго и все еще непришедшаго къ желанному концу. Но что̀ было бы дѣлать, еслибъ Карамзинъ издавалъ «Московскія Вѣдомости» въ-теченіе сорока лѣтъ? Не-уже-ли надобно было бы перепечатывать въ «Москвитянинѣ» Смѣсь всѣхъ сорока годовъ? Гегель когда-то издавалъ два или три года газету; но ученики, собравшіе до послѣдней строчки сочиненія своего наставника, не сочли же нужнымъ помѣщать въ число ихъ статейки о томъ, что «Изъ Барселоны пишутъ, будто бы герцогъ Веллингтонъ одержалъ новую побѣду

надъ французами»; очень можно было бы не перепечатывать и статеекъ изъ «Смѣси Московскихъ Вѣдомостей» о томъ, что, «по словамъ испанцевъ, красавица должна имѣть три вещи черныя : глаза, брови и волоса; три вещи бѣлыя : лицо, зубы и руки ; три вещи розовыя : губы, щеки и ногти ;» и т. д.; можно найдти и въ «Письмовникѣ Курганова» такіе разсказы и анекдоты; личности Карамзина, какъ писателя, они вовсе не характеризуютъ.

Въ «Библіотекѣ для Чтенія» бываютъ иногда очень-оригинальныя статьи, какія въ другихъ журналахъ попадаются только на оберткѣ, представляющей, какъ извѣстно, оглавленія книжекъ. Вотъ, напримѣръ («Библ. для Чт.» № 7) «*Обозрѣніе Вологодскихъ Губернскихъ Вѣдомостей*» за 16 лѣтъ (1838 — 1853). Это болѣе ничего, какъ голый списокъ заглавій всѣхъ статей, помѣщенныхъ въ «Вологодскихъ Вѣдомостяхъ». Но въ оглавленіяхъ отмѣчается на какой страницѣ книжки помѣщены статьи, въ этихъ цифрахъ и весь смыслъ оглавленій; оглавленіе, помѣщенное въ «Библіотекѣ для Чтенія» не указываетъ, гдѣ, въ какомъ году и въ какомъ нумерѣ Вѣдомостей находится статья, и потому не можетъ имѣть никакой цѣли. Читатели не повѣрили бы намъ, если бы мы не представили для образца нѣсколькихъ строкъ. Вотъ примѣръ : «Матеріалы для археологіи немногочисленны. Они за-«ключаются въ шести статьяхъ. Г. Мельниковъ составилъ двѣ статьи: «о цѣнахъ въ Устьсысольскѣ въ XVII столѣтіи и въ настоящее время, «и сравненіе старыхъ цѣнъ на мѣха пушныхъ звѣрей въ устьсысоль-«скомъ уѣздѣ съ нынѣшними. Г. Муромцевъ описалъ состояніе Вологды «въ 80 годахъ XVIII столѣтія; гг. Сорокинъ и Левитскій написали «статьи»... и т. д. Скажите же, гдѣ и кàкъ отыскать эти статьи въ 16 томахъ и 840 нумерахъ «Вологодскихъ Вѣдомостей» за 1838—1853 годы? Нельзя не сказать при этомъ, что матеріалы для curiosités littéraires въ «Библіотекѣ для Чтенія» многочисленны : г. Василій Ардашевъ помѣстилъ «Обозрѣніе Вологодскихъ Губернскихъ Вѣдомостей», непосредственно въ слѣдъ за нимъ сама редакція помѣстила статью «Доницетти» представляющую на нѣсколькихъ страницахъ опять *голый списокъ* заглавій всей сотни мелкихъ и крупныхъ, замѣчательныхъ и ничтожныхъ произведеній этого композитора. Посовѣтуемъ «Библіотекѣ для Чтенія» помѣстить еще статьи «Черни» и «Герцъ»—списки ихъ произведеній гораздо-удобнѣе для наполненія журнала легкимъ чтеніемъ; они займутъ по нѣскольку печатныхъ листовъ. На дняхъ, думая дочитывать *Мечты и дѣйствительность* , мы прочитали нѣсколько страницъ «Музыкальнаго каталога» подвернувшагося подъ-руку вмѣсто іюльской книжки «Библіотеки для Чтенія», не замѣчая, что это не «Мечты и дѣйствительность»; тамъ увидѣли мы Czerny, Variations brillantes sur le pianaforte, Op. 593; Henri Hertz, Variations brillantes, Op. 948. И такъ эти композиторы могутъ быть предметомъ статей по объёму достойныхъ ужь не «Смѣси», а «Наукъ и Художествъ»,

какъ знаменитая статья «Библіотеки для Чтенія» — «Музыкальная коллекція аббата Спонтини», представлявшая въ цѣлыхъ двухъ нумерахъ журнала полную опись всей музыкальной библіотеки Спонтини.

Путешествіе въ Луристанъ и въ Аравистанъ (статья первая и вторая, «Библ. для Чт». №№ 6 и 7) не дурны; но почему не говоритъ «Библ. для Чтенія», переводныя онѣ, или оригинальныя? Сначала намъ показалось, что авторъ англичанинъ: онъ безпрестанно цитуетъ стихи Мура; потомъ подумали мы, что онъ французъ: онъ такъ подробно говоритъ о характерѣ какой-то французской старухи, вздумавшей поселиться въ Персіи, что статья показалась намъ писанною для французской публики; наконецъ мы прочли фразу «персидская степь похожа на сибирскую тундру — это писалъ не иностранецъ; кто же авторъ? переводъ или оригинальное сочиненіе «Путешествіе въ Луристанъ»?

Сейденгэмскій Дворецъ, статья первая, представляетъ переводъ первыхъ изъ ряда писемъ, помѣщавшихся въ англійскомъ «Атенеѣ» объ историко-архитектурныхъ палатахъ Кристальнаго Дворца; переводъ (г. Ушинскаго), несовсѣмъ-полонъ, но хорошъ; письма очень занимательны. Но дурно предисловіе къ ихъ переводу, говорящее, что «Сейденгэмскій Музей — ящикъ фигляра, изъ котораго вылѣзаетъ все, «что угодно, по волѣ зрителя», что «шарлатанство съ одной стороны «и невѣжество съ другой будутъ играть значительную роль въ этомъ «осьмомъ чудѣ свѣта».

Въ № VII «Библ. для Чтенія» замѣтимъ статью г. Сенковскаго о волосахъ, по поводу русскаго перевода книжки Дебэ *Полная гигіэна волосъ*. Въ этой статьѣ немного парадоксовъ, за-то, къ-сожалѣнію, въ этой книжкѣ «Библіотеки» нѣтъ вовсе Литературной Лѣтописи, какъ-будто въ іюнѣ не вышло ни одной новой русской книги.

Третья статья *Записокъ о Киргизахъ*, купца Жаркова, говоритъ иногда и о киргизахъ — это довольно-пріятная новость послѣ второй статьи, неговорившей о киргизахъ ни слова.

Въ іюньской 6-й книжкѣ «Пантеона» помѣщено нѣсколько недурныхъ статей серьёзнаго содержанія. Мы уже упоминали о разсказѣ *Костяныя копи;* скажемъ еще, что продолженіе большой статьи г. Шпилевскаго *Бѣлоруссія въ характеристическихъ описаніяхъ и фантастическихъ повѣрьяхъ* представляетъ въ іюньской книжкѣ интересные и легко-читающіеся отрывки о бѣлорусскихъ игрищахъ, о чарахъ, заговариваньяхъ и предразсудкахъ, въ числѣ которыхъ записано г. Шпилевскимъ довольно-много народныхъ повѣрій, интересныхъ и для ученаго изслѣдователя народности. Такъ, напримѣръ, мы не помнимъ, чтобъ гдѣ-нибудь были уже обнародованы подробности бѣлорусскихъ повѣрій о вѣдьмахъ. По бѣлорусскимъ сказаніямъ, вѣдьмы дѣлаются невидимыми, обвиваясь съ ногъ до головы одною ниткою, выпряденною изъ кудели. Есть и для простаго человѣка средство сдѣлаться невидимымъ: надобно найдти гнѣз-

до съ воронятами и привязать ихъ къ дереву проволокою. Чтобъ спасти птенцовъ, старая ворона приноситъ на другой день черный камешекъ, имѣющій силу дѣлать своего обладателя невидимымъ. Между этимъ средствомъ и извѣстнымъ великорусскимъ — косточкою изъ черной кошки, только одна точка сходства, цвѣтъ: и ворона чернаго цвѣта, и камешекъ черный, и кошка должна быть черная; котъ, впрочемъ, и самъ-по-себѣ, и безъ таинственнаго чернаго цвѣта, по сказаніямъ бѣлоруссовъ, одаренъ волшебной силою. Интересны и средства добывать деньги. Для этого надобно поймать летучую мышь и запереть ее въ ящикъ съ мелкими дырочками: черезъ тринадцать дней, вмѣсто мыши, въ ящикѣ будутъ деньги. Нетопыря и въ великорусскихъ повѣрьяхъ считаютъ чѣмъ-то волшебнымъ, приписывая ему силу вылечивать лихорадку. Кладъ можно добыть очень-просто: надобно только, когда всѣ змѣи собираются вмѣстѣ, подстеречь, какъ будетъ ползти самъ главный змѣй, и разостлать передъ нимъ бѣлый платокъ; въ благодарность за такую честь, онъ обтираетъ свои золотыя ножки о платокъ, съ которымъ потомъ отыщешь всѣ клады.

Письма изъ-за границы (изъ Германіи и Венеціи) г. Мундта (въ томъ же № «Пантеона») читаются очень-легко. Въ *Парижскихъ письмахъ* Бонавентуры разсказывается много интересныхъ новостей. Это — прекрасный фёльетонъ. Очень-недурна и первая статья о *Проперціи*, взятая изъ Westminster Rewiew.

Въ заключеніе считаемъ нелишнимъ сказать нѣсколько словъ г. Иванову, помѣстившему въ 124-мъ № «Сѣверной Пчелы» отзывъ на статью нашу объ изданномъ имъ *Алфавитномъ Указателѣ къ боярскимъ книгамъ*. Читатели давно уже могли замѣтить постоянную заботливость нашу слѣдить за *всѣми* сочиненіями и изданіями, относящимися къ отечественной исторіи и древностямъ, представляя о нихъ своевременно возможно-полные отчеты. Русская исторія — одинъ изъ самыхъ живыхъ вопросовъ русской современной науки. Просвѣщенное правительство наше не щадитъ издержекъ на изданія, на раскрытіе источниковъ и разнаго рода матеріаловъ. Поощряемая этими благотворными дѣйствіями правительства, частная дѣятельность, дѣятельность ученыхъ разыскателей и любителей старины, съ каждымъ годомъ становится обширнѣе и значительнѣе, такъ-что русскому журналу представляется пріятная обязанность время отъ времени давать отчетъ о ходѣ работъ по этому интересному предмету, сводить итоги изслѣдованій, указывать важное значеніе изданныхъ памятниковъ. Слѣдя за всѣмъ, что̀ дѣлается въ этой области, мы не пропускаемъ въ своихъ обзорахъ *ни одного* сколько-нибудь замѣчательнаго явленія.... Такимъ-образомъ *по обязанности* мы должны были встрѣтиться и съ *Алфавитнымъ указателемъ къ боярскимъ книгамъ* г. П. Иванова. Обзоръ этой книги мы представили въ XI книжкѣ нашего журнала за прошлый годъ. Обзоръ состоялъ въ краткой оцѣнкѣ труда;

всѣ замѣчанія наши, смѣемъ думать, утверждались на неоспоримыхъ данныхъ. Но г. П. Ивановъ, «при всемъ нерасположеніи къ «*словопреніямъ*, вынужденнымъ нашелся сказать (въ «Сѣв. Пчелѣ») «нѣсколько словъ (правильнѣе: нѣсколько столбцовъ) не столько въ «опровержевіе погрѣшностей, будтобы находящихся въ Указателѣ, сколько «въ защиту цѣли своихъ изданій».... Вамъ извѣстно, читатель, что цѣль съ которою пишутся *отвѣты*, бываетъ двоякая: вопервыхъ, раскрыть истину, затемненную или недоразумѣніемъ рецензента, или, что̀ также случается, пристрастнымъ осужденіемъ; вовторыхъ, пустить, какъ говорится, пыль въ глаза, т. е. ясную, простую и вѣрную оцѣнку труда замѣшать, перепутать возраженіями, некасающимися дѣла, и такимъ образомъ свалить свою вину на другаго. Это нерѣдко и удается, особенно предъ читателемъ, мало-знакомымъ съ дѣломъ, или мало интересующимся разбираемымъ предметомъ. По этой послѣдней методѣ написанъ и *отвѣтъ* г. П. Иванова. Онъ началъ, какъ и слѣдовало, съ предмета совершенно-посторонняго, началъ защищать цѣль своихъ изданій! Да кто же нападалъ на васъ съ этой стороны, г. П. Ивановъ? Найдите хоть букву въ нашемъ обзорѣ, которая хоть сколько-нибудь выражала бы нападеніе *на цѣль* вашихъ изданій. Мы отдали должную справедливость вашимъ изданіямъ: мы сказали, что изданія ваши полезны, но лишены ученой обработки, которая въ настоящее время требуется даже отъ простого алфавита-указателя. Требованіе это — не прихоть рецензента: оно вызывается сущностью самаго дѣла. Васъ, можетъ-быть, испугало слово *ученая* обработка? Этимъ словомъ обозначаютъ, какъ извѣстно, полное, всестороннее знакомство съ тѣмъ предметомъ, который взялись обработать; слѣдовательно, сказанное требованіе не только справедливо, но и совершенно-необходимо, и вы напрасно не имѣли *претензіи*, какъ выражаетесь, на *такую* ученую обработку. Составителю алфавитнаго указателя къ извѣстной книгѣ, или книгамъ, необходимо близкое знакомство съ этими книгами. Изъ «Алфавитнаго Указателя къ боярскимъ книгамъ» и несравненно-болѣе изъ «Отвѣта», очевидно, что знакомство съ боярскими книгами г. П. Иванова утверждалось на довольно-шаткомъ основаніи. Постараемся раскрыть истину, и чтобъ было яснѣе для читателя, замѣтимъ, что боярская книга — нѣчто въ родѣ адрес-календаря, полная роспись служебныхъ лицъ за извѣстный годъ. Но составлялись боярскія книги не каждый годъ. Г. П. Ивановъ говоритъ, что «между составленіемъ каждой изъ нихъ проходило нѣ-«сколько лѣтъ; перемѣны же, которыя происходили въ кругу служеб-«ныхъ лицъ въ этотъ промежутокъ времени, или *вписывались въ са-«мый текстъ составленной уже книги (иногда подъ строками «и на поляхъ)*, или прилагались къ ней особыми статьями.» (Введ. II). Ясно, что эти отмѣтки, которыя вписывались въ текстъ подъ строками и на поляхъ, также важны, какъ и самый текстъ; онѣ обозначали перемѣны по службѣ за позднѣйшіе годы, и такимъ образомъ устраня-

ли необходимость составлять, т. е. собственно переписывать боярскую книгу каждогодно. Далѣе, говоря, что въ настоящее время боярскихъ книгъ сохранилось 12 и относятся онѣ къ разнымъ годамъ, 1627 — 1692, г. П. Ивановъ заключаетъ: «*впрочемъ, всѣ эти книги со-*«*держатъ въ себѣ отмѣтки о служебной дѣятельности лицъ* «*и за промежуточные года....*» (Введ. III.) Далѣе, стр. V, «осо-«бенно представлялись затрудненія при размѣщеніи отмѣтокъ: *требо-*«*валось безпрерывныхъ справокъ и соображеній* для удостовѣренія, «дѣйствительно ли то лицо, противъ котораго дѣлается отмѣтка, нахо-«дится въ слѣдующемъ спискѣ.» Очевидно, что г. П. Ивановъ признавалъ важность упомянутыхъ приписокъ и отмѣтокъ и пользовался ими, употребляя на это безпрерывныя справки и соображенія. Въ рецензіи мы доказали фактами свое сомнѣніе объ этихъ безпрерывныхъ справкахъ и соображеніяхъ, и объяснили даже механизмъ работы, который могъ повредить дѣлу или и повредилъ дѣйствительно. Мы сличили изданную г. П. Ивановымъ же въ «Описаніи разряднаго архива» *Выписку* изъ боярской книги 7137 года съ «Алфавитнымъ Указателемъ»: вышла разница, даже по этой одной, и притомъ сокращенной выпискѣ; а источникъ для того и другаго изданія былъ одинъ!.... Здѣсь эту разницу мы раскроемъ словами самого же г. П. Иванова, который такимъ образомъ окончательно и съ необыкновенною полнотою подтвердилъ наше общее заключеніе о его трудѣ. Вотъ что̀ онъ говоритъ, между прочимъ:

«Послѣдуемъ за рецензентомъ, который, взявъ *Выписку изъ боярскихъ книгъ къ изданному мною Описанію Разряднаго Архива* (?) продолжаетъ:

«Въ выпискѣ значится, что въ 143 году Государь пожаловалъ въ бояря князя Петра Александровича Репнина. Кажется ясно? Въ алфавитѣ же отмѣчено, что онъ былъ въ 7137 году московскимъ дворяниномъ, а съ того же года бояриномъ, а 7144 года стряпчимъ и потомъ 7148 года снова бояриномъ. Какъ сообразить эти показанія»? восклицаетъ онъ. *Очень просто, отвѣчаю я: подлинникомъ боярскихъ книгъ* (авторъ начинаетъ соображать «подлинникомъ» и пр.). Вотъ что въ нихъ заключается: во 2 боярской книгѣ 7137 года на 184 листѣ, въ спискѣ дворянъ московскихъ значится слѣдующее: «князь Петръ княжъ Александровъ сынъ Репнинъ, въ списку стольниковъ 130 году, помѣстный ему окладъ 600 чети; денегъ 50 рублевъ»; правда, вверху этой статьи другими чернилами и другою рукою приписано: *143 г. бояринъ.* Той же книги 7137 года, на листѣ 4, въ спискѣ бояръ этого года значится Репнинъ 19 бояриномъ съ слѣдующею отмѣткою: «*въ нынѣшнемъ 143 году Государь пожаловалъ въ бояря князя Петра Александровича Репнина, денежной окладъ учиненъ ему въ томъ же году 400 рублевъ*». Въ книгѣ 3, 7144 году, на листѣ 101, въ статьѣ стряпчихъ, сказано: «князь Петръ княжъ Александровъ сынъ Репнинъ, помѣстный окладъ 600 чети, денегъ 50 рублевъ». На верху (опять!) другой рукой и весьма блѣдными

выцнявшими чернилами отмѣчено *143 г. бояринъ*. Книга 4, 7148 года, на 4 листѣ, въ статьѣ бояръ, сказано: «князь Петръ Александровичъ Репнинъ; во 143 году учиненъ ему денежной окладъ 400 рублевъ». *Изъ этого кажется ясно* (восклицаетъ въ свою очередь г. П. Ивановъ), *что алфавитъ вѣренъ съ боярскими книгами*».

Боярскія книги, какъ видно изъ приведенныхъ здѣсь г. П. Ивановымъ выписокъ, утверждаютъ неоднократно, что Репнинъ пожалованъ въ бояре въ 143 году. (Даже самъ г. Ивановъ хотѣлъ что-то сказать объ этомъ и сказалъ только: *правда, вверху отмѣчено* и пр.) «Алфавитъ» же составленный г. П. Ивановымъ, утверждаетъ, что Репнинъ бояриномъ съ 7137 года, вовсе не упоминая о 7143 годѣ, то-есть о годѣ дѣйствительнаго пожалованія. Ясно, что *Алфавитъ вѣренъ съ боярскими книгами!!* Но послѣдуемъ далѣе за доказательствами этой вѣрности:

«Въ выпискѣ означено, (говоритъ г. Ивановъ) «146 года мая 15, Юрій Андреевичъ Сицкой (то-есть пожалованъ въ бояре), а въ алфавитѣ значится съ 7137 года». Въ боярской 2 книгѣ 7137 года, въ статьѣ бояръ, листъ 4, Сицкой внесенъ бояриномъ слѣдующимъ образомъ: «*146 года мая въ 15 день князь Юрій Андреевичъ Сицкой*, — и 146 года мая въ 18 день по помѣтѣ по (на) выпискѣ Думнаго дьяка Ивана Гавренева: «денежный окладъ учиненъ ему 400 рублевъ. Память дана въ устюжскую четь». *И здѣсь ничего не сказано о годѣ пожалованья, какъ говорится въ другихъ мѣстахъ*».

Помилуйте! да развѣ вамъ недостаточно, что Сицкой внесенъ въ статьѣ бояръ *съ годомъ и числомъ?* развѣ эта приписка не означаетъ, что именно въ этомъ году онъ пожалованъ въ бояре? Самое поверхностное знакомство съ такими памятниками, какъ боярскія книги, укажетъ вамъ значеніе и характеръ подобныхъ приписокъ и отмѣтокъ. Наконецъ, вы говорите, что здѣсь *ничего не сказано о пожалованьи;* но вѣдь сейчасъ вы же говорили о Репнинѣ, при имени котораго въ книгахъ отмѣчено, что онъ бояринъ съ 143 г.; слѣдовательно, говорится прямо и точно о пожалованьи. Воспользовались ли вы этимъ указаніемъ въ своемъ алфавитѣ? — нѣтъ; вы поставили передъ этимъ пожалованіемъ не 143, а 137 годъ, то-есть годъ книги. Основываясь на такихъ данныхъ, мы сдѣлали въ своей рецензіи выводъ, что составитель «не останавливалъ своего вниманія на этихъ отмѣткахъ, а вносилъ въ алфавитъ имена и обозначалъ ихъ чины не годами дѣйствительнаго производства, какъ отмѣчалась *вверху, другою рукою*, а годомъ книги, напримѣръ 7137, вовсе не обращая вниманія на то, что въ эту же книгу вписывались производства и другихъ годовъ. Приведенныя нами доказательства, вѣроятно, были такъ сильны, что г. П. Ивановъ, при всемъ своемъ нерасположеніи къ словопреніямъ, въ восьмомъ столбцѣ этихъ словопреній вынужденнымъ нашелся уклониться отъ очевидной справедливости представленныхъ фактовъ.

«Надобно видѣть приписки въ боярскихъ книгахъ (говоритъ онъ), чтобъ обвинять. *Эти приписки обо всѣхъ вообще перемѣнахъ не вошли въ алфавитъ* (!!) по той причинѣ, что нѣкоторыя изъ нихъ, и большею частію, сдѣланы на поляхъ, въ видѣ отмѣтокъ, вверху строкъ, другими руками, небрежнымъ почеркомъ, съ помарками, вылинявшими чернилами, *такъ, что принятіе ихъ въ основный текстъ подлежало особенному сомнѣнію.* Вотъ почему и пользовавись ими при составленіи алфавита весьма осторожно; въ противномъ же случаѣ выставлялся *годъ книги, какъ неподлежащій сомнѣнію.*»

Ниже :

«Объ отмѣткахъ въ книгахъ я тоже самое здѣсь повторяю, что и выше сказалъ, то-есть что ихъ принимать въ основное положеніе весьма сомнительно. Кѣмъ они сдѣланы? Когда? Въ особенности, если ихъ едва можно разобрать, какъ отъ дурнаго почерка отмѣтокъ, такъ иногда и отъ погнившихъ листовъ.»

Читая все это, мы совершенно теперь ужь недоумѣваемъ, почему, напримѣръ, годъ пожалованія, въ бояре Репнина, 143, *подлежалъ особенному сомнѣнію*, когда онъ не одинъ разъ отмѣченъ въ книгахъ, съ яснымъ обозначеніемъ пожалованья, и почему *не подлежалъ особенному сомнѣнію въ этомъ случаѣ* годъ книги, 7137, въ которомъ Репнинъ означенъ только дворяниномъ? Въ введеніи къ «Алфавиту», какъ мы видѣли, авторъ указалъ важность отмѣтокъ; а когда доказали ему, что онъ ими мало пользовался, онъ тотчасъ же подвергъ ихъ какому-то *особенному* сомнѣнію, такъ точно, какъ подвергъ сомнѣнію дворцовые разряды, говоря, что, несмотря на пользу ихъ изданія, они документы неофиціальные. Слѣдственно, что же? сообщаемые ими факты невѣрны? Но это нужно доказать. Списки этихъ разрядовъ дѣйствительно неофиціальные, однакожь всѣ факты, то-есть всѣ правительственныя распоряженія, записанныя въ нихъ, офиціальны, вѣрны, какъ офиціальный документъ.

Подвергнувъ такимъ образомъ, въ оправданіе себѣ, сомнѣнію отмѣтки въ боярскихъ книгахъ, авторъ вынужденнымъ нашелся сказать, что-нибудь и о самыхъ книгахъ; и мы узнали, что книги эти «находились «нѣсколько недѣль на открытомъ воздухѣ, подъ дождемъ и снѣгомъ, «такъ-что въ нѣкоторыхъ изъ нихъ листы погнили и чернила поблекли, «и что это (какое?) затрудненіе болѣе относится до церковныхъ цифръ, «при неясности коихъ можно одну букву принять за другую». Читатели видѣли, что мы доказательства свои почерпали не изъ погнившихъ листовъ... Но этого мало. Авторъ постепенно усиливаетъ оправдательные аргументы.

«Въ заключеніе я долженъ присовокупить (говоритъ онъ), что при такой обширной работѣ, какъ составленіе означенаго алфавита изъ *ветхихъ книгъ*, въ который вошло однихъ лицъ слишкомъ пятнадцать тысячъ и вдвое болѣе къ нимъ отмѣтокъ, естественно иногда *могли вкрасться*

корректурныя ошибки въ цифрахъ, но это не мало не уменьшаетъ *достоинства и пользы труда.* Ужели рецензентъ, при разборѣ его, не нашелъ ничего полезнѣе указанія нѣсколькихъ ошибокъ, еслибъ онѣ и дѣйствительно были»?

Дѣйствительно, рецензентъ при разборѣ этого алфавита, сказавъ, «что подобныя изданія полезны», не могъ найдти затѣмъ ничего полезнѣе, какъ только указать ошибки, потому-что, по его мнѣнію, *красоты* какого бы то ни было алфавита, должны заключаться единственно въ точности, вѣрности, *безошибочности* сообщаемыхъ данныхъ. Не найдя такихъ *красотъ* въ «Алфавитѣ» г. Иванова, что̀ жь долженъ былъ еще искать въ немъ рецензентъ?

Но это еще не конецъ; самый сильный аргументъ всегда помѣщается въ заключеніи:

«Къ этому нелишнимъ считаю присовокупить слѣдующее (заключаетъ авторъ): рецензентъ вездѣ *нападки* обращаетъ на меня, относя составленіе алфавита ко мнѣ. *Кажется*, объ этомъ нигдѣ въ немъ не сказано.»

Въ введеніи (стр. 18) именно сказано, «*Г. Ивановъ приступилъ* къ «составленію Алфавитнаго Указателя къ боярскимъ книгамъ, въ которомъ «по возможности *старался выразить въ краткомъ, но ясномъ видѣ* «служебную дѣятельность и постепенное прохожденіе чиновъ всѣхъ лицъ, «въ сихъ книгахъ поименованныхъ, такъ, чтобъ Алфавитъ этотъ, служа «вѣрнымъ указателемъ къ скорѣйшему исполненію справокъ, *могъ вмѣ*-«*стѣ съ тѣмъ удовлетворять и любознательности изслѣдовате*-«*лей источниковъ отечественной исторіи*». Вотъ на этомъ-то послѣднемъ основаніи мы, безъ-сомнѣнія, имѣли полное право и, вдобавокъ, обязанность представить читателямъ, любителямъ и изслѣдователямъ старины добросовѣстное, основанное на положительныхъ, неоспоримыхъ фактахъ, обозрѣніе вышесказаннаго «Алфавитнаго Указателя». Мы, надѣемся, доказали, что этотъ «Указатель», служа руководствомъ для справокъ, *не можетъ* вмѣстѣ съ тѣмъ удовлетворять любознательности изслѣдователей источниковъ отечественной исторіи, ибо не согласуется и самъ съ собою, а слѣдственно и съ другими достовѣрными источниками, съ которыми изслѣдователи имѣютъ полное и отчетливое знакомство.

КЕЛЬТІЙСКАЯ ПОЭЗІЯ БРИТАНСКИХЪ БАРДОВЪ ШЕСТАГО ВѢКА.

Овенъ и валлійскія стихотворенія. — Языкъ бардовъ. — Кимврійскій словарь. — Переводы Шарлотты Гуэстъ и Вильмарке. — Лейварч-Генъ. — Гододинъ. — Сраженіе при Кальпраэтѣ. — Тальезинъ. — Сраженіе Аргоэда Авуфейна. — Мабиноджіоны. — Чудесное въ поэмахъ. — Различіе свойствъ кельтійской и германской поэзіи. — Кильвшъ и Ольвена. — Одинъ изъ подвиговъ Кильвша. — Преданія о королѣ Артурѣ. — Круглый столъ. — Роль женщинъ въ кельтійскихъ легендахъ и вліяніе этихъ легендъ на поэмы среднихъ вѣковъ.

Пятьдесятъ лѣтъ назадъ, Овенъ Джонсъ Мивиръ (Myvyr) изъ Графства Денбигъ, воспламененный воспоминаніями о бардахъ своего отечества, употребилъ все свое состояніе на то, чтобъ издать древніе манускрипты, заключающіе въ себѣ ихъ произведенія. Съ 1801 по 1807 годъ напечаталъ онъ, подъ названіемъ *Archaiology of Wales*, три тома валлійскихъ стихотвореній разныхъ временъ, историческихъ хроникъ, текстовъ законовъ, легендъ, разныхъ афоризмовъ и народныхъ пословицъ.

Первый томъ долженъ былъ возбудить любопытство ученыхъ, потому-что въ немъ заключались поэмы, приписываемыя преданіями бардамъ VI-го вѣка, имена которыхъ дошли до насъ: Таліезину, Анерину, Лейварч-Гену, Мирдину и др. Но ученые мало занимались Валлисомъ и все, что относилось къ первобытнымъ памятникамъ кельтійскаго племени въ Англіи, Шотландіи и Ирландіи, считалось недостойнымъ вниманія и даже поддѣльнымъ. Національные предразсудки поставили непреодолимую преграду между саксонцами и кельтами. Англичане воображаютъ, что жители Валлиса не могутъ имѣть народной поэзіи и что всѣ ихъ историческія преданія дотого неестественны и смѣшны, что не могутъ быть признаны

серьёзными. Разумѣется, что и потомки первобытнаго племени сохранили это несправедливое презрѣніе къ своимъ сосѣдямъ и притомъ увеличивали черезчуръ важность и достоинство своихъ собственныхъ историческихъ преданій. Только одинъ ученый историкъ, Шаронъ Тюрнеръ, можетъ почесться исключеніемъ изъ всѣхъ своихъ собратовъ, потому-что въ 1803 году онъ доказалъ самыми неоспоримыми свидѣтельствами достовѣрность поэмъ бардовъ VI-го вѣка.

Главное препятствіе къ изученію и оцѣнкѣ этихъ поэмъ былъ языкъ, на которомъ онѣ написаны. Въ книгѣ Овенъ Джонса *Archaiology of Wales* приведенъ оригинальный текстъ безъ перевода и комментарій. Гдѣ же найдти было ключъ древняго языка бардовъ, отдаленныхъ отъ насъ двѣнадцатью вѣками? Правда, что языкъ валлійскій еще существуетъ, и вѣтвь кельтійскаго нарѣчія сохранилась въ Арморикѣ, Ирландіи и Шотландіи; но стоитъ вспомнить, сколько перемѣнъ произошло, напримѣръ, въ германскихъ нарѣчіяхъ со времени готическаго языка Ульфилы, самаго древняго англо-саксонскаго и верхне-германскаго нарѣчія, на которомъ сохранились рукописи; поэтому ясно, что современный валлійскій языкъ будетъ очень-слабою помощью для разбора древняго текста. Однакожь все-таки это единственное средство для узнанія содержанія поэмъ, и потому надобно основательно изучить настоящій валлійскій языкъ со всѣми его тонкостями и измѣненіями, и отъ него, уже перебирая постепенные историческіе документы, добраться до языка бардовъ VI-го вѣка

Для этой трудной работы есть много матеріаловъ, которыми могутъ всѣ пользоваться. Современный валлійскій языкъ доступенъ даже иностранцамъ, потому-что на немъ напечатанъ превосходный переводъ Библіи, изданъ англо-валлійскій словарь Вальтерса въ 1794 году, не говоря ужь о трудахъ Люйда и другихъ лексикографовъ и грамматиковъ. Позже, въ X-мъ и XII-мъ вѣкахъ, валлійскій языкъ сохранился въ многочисленныхъ стихахъ бардовъ той эпохи, въ законахъ Гауэля-Добраго, въ хроникахъ и народныхъ сказкахъ, извѣстныхъ подъ названіемъ *Mabinogion* и изданныхъ недавно Шарлоттою Гуэстъ. Эту эпоху необходимо изучить со всевозможнымъ стараніемъ, потому-что это нужнѣе всего для разбора древнѣйшихъ документовъ. Но ученые не могли, или не хотѣли посвятить нѣсколько лѣтъ жизни на продолжительный, методическій трудъ.

Вмѣстѣ съ книгою *Archaiology of Wales* вышелъ другой трудъ жителя Валлиса, Овена Пега (Pughe), большой кимврійскій словарь, замѣчательный во многихъ отношеніяхъ, но составленный по ошибочной системѣ. Овенъ, какъ настоящій кельтоманъ, прежде всего увѣряетъ, что валлійскій языкъ не только первобытный, но и первый на землѣ, перешедшій во всей чистотѣ къ валлійцамъ, сохранившимъ его впродолженіе нѣсколькихъ столѣтій, и этимъ-то языкомъ писали кимврійскіе барды. Вотъ на чемъ основана его этимологическая система, которую смѣло можно назвать воображаемою. Овенъ составляетъ самъ корни словъ и производитъ отъ нихъ цѣлый языкъ со всѣми грамматическими формами. Онъ не сравниваетъ его съ другими языка-

ми, какъ-будто ихъ и не было, и смѣло развиваетъ свою воображаемую систему.

Для примѣра возьмемъ слово *ci*, которое на валлійскомъ языкѣ означаетъ *собаку*. Это слово точно также, какъ ирландское *cu*, происходитъ отъ уменьшительнаго *çva*, или полнаго слова *çvan*. Латинское слово *canis*, греческое *κύνος*, ирландское *coin* и множественное число *cwn* (произноси *coun*) могли бы доказать Овену, что слово *ci* никакъ не можетъ быть первобытною формою. Однако онъ подтверждаетъ свое мнѣніе и объясняетъ его производными словами *ci-b*—чаша *ci-g*—мясо и проч.

Вообще этимомологія Овена не только неправдоподобна, но даже смѣшна. Въ словарѣ его находится слово *simne*—каминъ, взятое съ англійскаго *chimney* и съ латинскаго *caminus*; но Овенъ раздѣляетъ это слово на *sim-ne*; *sim*—легкое, находящееся въ движеніи, и *ne*—переходное мѣсто; стало-быть каминъ—это переходное мѣсто, полное движенія. Отъ *sim* происходитъ, по мнѣнію Овена, *simoch* обезьяна и, вѣроятно, даже латинское слово *simia*.

Сравнивая богатые языки, можно найдти сходство въ созвучіяхъ; но это будутъ только однѣ случайности. Умный этимологъ не увлечется этими мелочами и не станетъ доискиваться въ нихъ историческихъ заключеній. Всѣмъ извѣстно, однакожь, до какой степени кельтоманы употребляютъ во зло эти случайности; Овенъ пошелъ дальше ихъ всѣхъ, помѣстя въ своемъ словарѣ множество словъ даже съ воображаемыми созвучіями. На валлійскомъ языкѣ *pyth* или *byth* означаетъ міръ, вселенную, а *agori* — открывать. Изъ этихъ двухъ словъ Овенъ дѣлаетъ глаголъ *pythagori*—объяснять вселенную, *pythagoras*—космогонія: не слѣдуетъ ли изъ этого, что философъ Пиѳагоръ былъ кимврійскаго происхожденія? Это напоминаетъ шутку Свидота, который, смѣясь надъ этимологами своего времени, говоритъ, что настоящее имя Александра Македонскаго *Alexander the great* было: *all eggs unter the grate*—всѣ яица на жаровнѣ! Изъ чего слѣдуетъ, что въ Македоніи говорили поанглійски и что великій завоеватель любилъ очень яица и отъ нихъ получилъ свое названіе.

Составитель словаря не заботился даже объ историческихъ эпохахъ этого языка. Онъ собралъ вмѣстѣ древнія и новыя слова отъ VI-го вѣка до нашихъ временъ и придалъ имъ всѣмъ одинаковую орѳографію.

Что̀ жь случилось, когда Овенъ съ помощью своей этимологіи вздумалъ переводить древнихъ бардовъ своего отечества? Онъ очутился въ совершенномъ мракѣ. Разумѣется, нельзя предполагать, чтобъ онъ, какъ природный житель Валлиса, не зналъ своего языка; однако въ своемъ словарѣ онъ часто приводитъ древнія цитаты и переводитъ ихъ невсегда одинаково.

Прежде изданія словаря, Овенъ издалъ ужь въ 1792 году, съ текстомъ, поэмы Лейварч-Гена, одного изъ древнихъ бардовъ, въ которомъ очень-много необъясненнаго и неяснаго. Съ-тѣхъ-поръ многіе писатели занимались съ бо̀льшимъ или меньшимъ успѣхомъ толкованіемъ Гододина, Анерина и нѣкоторыми отрывками Тальезина.

Наконецъ де-ла-Вильмарке въ 1852 году перевелъ на французскій языкъ британскія поэмы VI-го столѣтія, совершенно-неизвѣстныя нигдѣ, кромѣ Англіи. Еще ранѣе, нѣсколько лѣтъ назадъ, де-ла-Вильмарке издалъ собраніе народныхъ пѣсенъ Арморики, очень-важное какъ для исторіи поэзіи, такъ и для исторіи кельтійскаго племени. Этотъ трудъ привелъ его, естественно, къ валлійской поэзіи, которая очень-богата и сохранена не въ изустныхъ преданіяхъ, а въ прочныхъ памятникахъ, и потому могла объяснить многое въ арморикансксмъ нарѣчіи. Оба языка имѣютъ дѣйствительно большое сходство. Вильмарке рѣшился приступить къ изученію валлійскихъ бардовъ. Онъ поѣхалъ въ Англію собирать и сличать рукописи, объяснять неточности, разузнавать всѣ подробности съ тѣмъ, чтобъ представить читателямъ добросовѣстный трудъ и понятный переводъ всѣхъ, иногда загадочныхъ текстовъ. Остается разсмотрѣть: успѣлъ ли онъ въ своемъ предпріятіи.

Прежде всего обратимъ вниманіе на орѳографическую систему, принятую авторомъ для валлійскаго текста. Орѳографія этого языка точно также, какъ и другихъ нарѣчій, нѣсколько разъ измѣнялась въ-теченіе вѣковъ; это доказывается всѣми древними рукописями. Но такъ-какъ эти манускрипты не восходятъ дальше тысячи лѣтъ, то мы и не можемъ знать, какая орѳографія существовала прежде этого времени; слѣдовательно первая форма поэмъ VI-го столѣтія остается для насъ неизвѣстною. Думаютъ, что онѣ вначалѣ были писаны съ помощью буквъ римской азбуки. Это сомнительно, потому-что римская азбука слишкомъ-бѣдна, чтобъ выразить всю фоническую систему богатаго и цвѣтистаго валлійскаго языка. Притомъ же, вѣроятно, барды имѣли собственную азбуку съ сорока-тремя знаками, изображавшими превосходно всѣ тонкости кимврійской вокализаціи.

Этимъ-то остаткамъ кельтійской музы Вильмарке вздумалъ составить совершенно-новую орѳографію, принадлежащую бретонскому нарѣчію, которое нисколько не походитъ на валлійское. Надобно признаться, что это очень-неудачная мысль. Въ примѣръ этой орѳографической натянутости приведемъ только одинъ примѣръ: бретонская гласная буква *e* замѣняетъ въ валлійскихъ словахъ не только *e*, *w*, *y* но даже двугласныя *ei*, *ai*, *ae* и *wy*, а согласная *z* употребляется вмѣсто *d*, *dd*, *th* и *s*.

Въ сравненіяхъ же бретонскаго языка съ гаэльскими нарѣчіями Вильмарке замѣняетъ ирландскую орѳографію также бретонской и вводитъ въ ирландскую азбуку букву *z*, которой тамъ никогда не было.

Что же касается до перевода, онъ простъ, ясенъ; въ немъ даже много поэзіи и нѣтъ никакихъ академическихъ претензій. Въ этомъ отношеніи онъ гораздо-выше всѣхъ англійскихъ переводовъ, предшествовавшихъ ему. Вѣрности въ немъ тоже гораздо-больше, хотя все-таки остается много мѣстъ темныхъ и необъяснимыхъ. Главныя причины неясности перевода заключаются въ томъ, что древній текстъ объясняютъ различнымъ образомъ и читатель не знаетъ, которому переводу вѣрить. Это происходитъ оттого, что древнія слова впродолженіе столькихъ вѣковъ потеряли уже первоначальное свое значе-

ніе; къ этому надобно еще прибавить, что у бардовъ были свои условныя правила, употреблявшіяся только въ стихахъ и зависѣвшія отъ рифмъ и гармоніи.

При этой неясности древнихъ поэмъ, составители системъ и кельтоманы могли дать полную волю своему воображенію и увѣрять читателей въ чемъ имъ угодно. Притомъ же очень-удобно было измѣнить настоящій текстъ и представить его въ другомъ смыслѣ, потому-что въ валлійскомъ языкѣ, больше чѣмъ во всякомъ другомъ, есть множество односложныхъ словъ, различающихся между собою одною только буквою, но смыслъ которыхъ иногда совершенно-противоположенъ. Недостатокъ грамматическихъ правилъ въ звучномъ и твердомъ стихѣ бардовъ бываетъ часто причиною того, что одно и то же слово можно принять за существительное, прилагательное, за глаголъ, за единственное или множественное число.

Вильмарке старается, сколько можно, не увлекаться прежними переводами и придерживаться древняго текста. Онъ первый привелъ въ нѣкоторую ясность не только миѳологію, но собственныя имена, названія мѣстъ и историческія происшествія, совершенно-перепутанныя его предшественниками. Вообще вся эта древняя поэзія такъ оригинальна, что скорѣе удивляетъ, чѣмъ нравится. Въ ней много любопытныхъ подробностей, высокихъ мыслей, сравненій то энергическихъ, то наивныхъ и нѣжныхъ, но вообще муза бардовъ угрюма, грустна, плачетъ надъ развалинами и описываетъ только сцены ужаса и смерти. Лирическій элементъ пламенный, энергическій, темный, встрѣчается гораздо-чаще, чѣмъ простой разсказъ, или описаніе. Отъ этого происходитъ монотонность, еще болѣе утомительная, потому-что одни и тѣ же сравненія повторяются нѣсколько разъ, такъ-что наконецъ даже надоѣдаютъ. Здѣсь вы не найдете наивной прелести и простоты бретонской народной поэзіи, переданныхъ намъ Вильмарке въ его собраніи пѣсенъ древней Арморики.

Глубокая задумчивость видна особенно въ произведеніяхъ Лейварч-Гена, этого барда, удрученнаго годами, который пережилъ двадцать-четырехъ своихъ сыновей, бывшихъ «великодушными людьми, начальниками войскъ, съ золотыми ожерельями». Шесть его поэмъ, переведенныхъ Вильмарке, составляютъ долгую жалобу и воспоминанія о прошедшей славѣ.

Нравоучительные стихи того же автора имѣютъ совершенно-другой характеръ и представляютъ для насъ любопытный образецъ формы, въ которой барды передавали народу правила нравственности и мудрости. Они состоятъ изъ строфъ въ три стиха, изъ которыхъ два первые составляютъ родъ припѣва съ варьяціями на одну тэму и безъ малѣйшаго отношенія къ третьему стиху, заключающему въ себѣ аксіому, правило или пословицу. Эта искусная мнемоника производитъ то, что съ помощью рифмы и размѣра главная мысль скорѣе утвердится въ памяти. Многія изъ этихъ правилъ превосходны, нѣкоторыя немного-странны, другія очень-похожи на современныя народныя поговорки. Вотъ нѣкоторыя изъ нихъ:

Кромѣ Бога, нѣтъ ничего божественнаго.
Счастіе и доброта всегда одпихъ лѣтъ.
Упадшій листъ всегда старъ, хотя родился въ томъ же году.
Печаль въ сердцѣ сильнѣе ста человѣкъ.
Самый блестящій свѣтъ — разсудокъ человѣка.
Женщина должна усыплять боль.
Лицо не можетъ скрыть волненія сердца.
Кто видитъ любимый предметъ, тотъ счастливъ.

За поэмами Лейварча слѣдуетъ *Гододинъ* Анерина, довольно-обширное произведеніе, но въ которомъ нѣтъ нисколько эпическаго характера. Это лирическіе стихи, перемѣшанные съ небольшими разсказами, въ которыхъ описывается большое пораженіе кимвровъ во время войны ихъ съ сѣверными народами, логріенами, берниками, пиктами и саксонцами. Мѣсто сраженія названо *Кальтраэтъ*, и Вильмарке, собравъ всѣ достовѣрныя преданія, означаетъ его на Клейдѣ близь Донбартона, а эпоху сраженія приблизительно назначаетъ между 572 и 580 годами.

Въ-отношеніи къ поэзіи, Гододинъ, безъ-сомнѣнія, гораздо-выше элегическаго Лейварч-Гена. Нигдѣ воинственная муза не имѣла такихъ энергическихъ возгласовъ, никто не описывалъ сраженія съ такимъ жаромъ и увлеченіемъ. Жаль только, что это сочиненіе, единственное въ своемъ родѣ и въ которомъ заключаются всѣ формы версификаціи бардовъ, не дошло до насъ въ лучшемъ видѣ. Многія неясности, недостатки стиховъ и цѣлыхъ частей доказываютъ, что это произведеніе дошло до насъ далеко не въ цѣлости; даже текстъ во многихъ мѣстахъ измѣненъ и требуетъ многихъ поправокъ.

Приведемъ отрывки, чтобъ дать понятіе объ этой замѣчательной, энергической поэзіи.

«Воины отправились въ Кальтраэтъ вмѣстѣ съ зарею и вскорѣ должны были прикрыться щитами; они искали крови прежде морскаго отлива, въ битвѣ, гдѣ, какъ громъ, раздавались ихъ удары. Легкій воинъ, робкій воинъ и храбрый дрались между-собою и находили достойныхъ соперниковъ. Въ общемъ шумѣ желѣзо встрѣчалось съ сталью, начальники съ предводителями, и вдругъ море начало подвигаться по берегу и заставило отодвинуться оба войска.

«Когда будутъ говорить о битвѣ Кальтраэта, народы будутъ плакать, будутъ долго сожалѣть о государствѣ безъ правителя, о несчастіяхъ отечества и о сынахъ Годе-Баука, храбрыхъ и великодушныхъ воинахъ, которыхъ свезли въ могилы большія погребальныя колесницы... Первый увидѣлъ это съ крѣпости Тодвольчь и съ своими воинами пошелъ по зеленой дорогѣ, первый, бросился какъ разъяренный волъ на волнующійся берегъ и первый, покрытый золотомъ и пурпуромъ, онъ прославился; кони, вскормленные имъ, не допустили его до стыда. Онъ заслужилъ громкую славу...

«Въ часъ, когда взошелъ первый лучъ солнца и явился этотъ царь вселенной со всѣмъ своимъ великолѣпіемъ надъ островомъ Британіи, онъ увидѣлъ страшную битву изъ-за богатой добычи.

«Главный воинъ стоялъ подъ портикомъ Эдина и грознымъ голосомъ спросилъ крѣпкаго меду. Онъ выпилъ прозрачный напитокъ и бросился въ средину битвы, вызывая противниковъ. Въ оврагѣ завязался страшный бой, бой отчаянный, блестящій, пламенный, летучій...

«Начальникъ враговъ несъ на плечѣ щитъ, украшенный разными красками. Онъ оживлялъ собою битву — это былъ огонь; копье его было очаровано — это было солнце. И чтожь? онъ сдѣлался добычею вòроновъ; воины покинули того, который былъ могуществененъ, какъ гордый орелъ. Онъ былъ пораженъ въ грудь. Барды всегда отдадутъ справедливость храбрымъ врагамъ.

«Тогда явился передъ нами человѣкъ, съ сѣдыми волосами, мудрый совѣтникъ, на пылкой лошади. Это былъ одинъ изъ враговъ съ золотымъ ожерельемъ, храбрый какъ вепрь; онъ предложилъ намъ прекратить битву между сражающимися. На это отвѣчали ему благороднымъ отказомъ: «Небо поможетъ намъ: оно покровительствуетъ намъ и спасетъ насъ! Пускай копья покроютъ все поле сраженія, но воины знаменитой Альхлуды не отступятъ, покуда всѣ не лягутъ на землю!»

«Съ какой силою, искусствомъ и успѣхомъ воины окружили валъ! Волоса ихъ развѣваются по вѣтру и они бросаются вмѣстѣ съ орломъ Гведіена. Наука спасаетъ того, кто ее уважаетъ; наука защищаетъ и скрываетъ своего любимца. Пускай же она сохранитъ Моріена и его священную музу; пускай спасетъ его отъ погибели и копья непріятельскаго; пусть онъ будетъ первый на полѣ сраженія по храбрости и силѣ!

«Не долгъ ли нашъ воспѣвать славу, шумъ, огонь, громъ, бурю, восхвалять храбрость воина въ битвѣ и кровавую его жатву? Воинъ этотъ обезглавилъ много враговъ и о немъ говорили въ дальнихъ странахъ. Съ щитомъ на плечѣ, онъ проливалъ кровь какъ вино, которое разливаютъ въ золотые и серебряные кубки въ день пиршества.

«Кровь Эйдоля охолодѣла; лицо его блѣдно. Рѣшеніе Буна разорило страну этого начальника, который былъ такъ богатъ конями, черными вооруженіями и блестящими щитами. Онъ идетъ съ воинами однихъ лѣтъ въ атаку; онъ поднимается, опускается; онъ одушевляетъ битву—этотъ пламенный царь войны, любившій свое отечество и свой кланъ. Этотъ храбрый воинъ поливаетъ кровью траву; онъ идетъ по оружію, по лошадямъ. Но товарищи его ужь всѣ поблѣднѣли; смерть близка къ несчастнымъ, потому-что копья ихъ охладѣли въ рукахъ, дѣйствуя съ начала сраженія. Битва дѣлается самая-блистательная; она заняла всю долину и завладѣла жилищемъ, гдѣ недавно пили крѣпкій и сладкій медъ. Все погибло въ пламени, зажженномъ съ зарею войскомъ логріенскимъ—строгое наказаніе, за которымъ слѣдовало раскаяніе».

Поэма кончается жалобами барда:

«Какъ я несчастливъ что пережилъ сражающихся, что буду страдать и умирать не такъ, какъ они! Какъ мнѣ тяжело было видѣть какъ пали наши воины, отъ перваго до послѣдняго! Какъ я плакалъ

долго о судьбѣ храбрыхъ моихъ соотечественниковъ, твердыхъ и смѣлыхъ, умершихъ такъ рано! Надѣюсь, что души ихъ будутъ приняты въ небесное царство, въ обитель вѣчнаго покоя.

«Будемъ же горько плакать о погибели лучшихъ душъ; будемъ вспоминать о силѣ ихъ коней и воиновъ, предназначенныхъ къ печальной судьбѣ. Теперь всѣ сожалѣютъ о нихъ, и я присоединяюсь къ общему отчаянію, хотя теперь наша прекрасная конфедерація непобѣдима, но это будетъ годовщина горькихъ слезъ.

«Я плачу со всѣми, потому-что вмѣстѣ со всѣми любилъ этихъ героевъ, воиновъ Аргоэда, привыкшихъ сражаться».

Эти отрывки вполнѣ выказываютъ всѣ качества и недостатки музы бардовъ. Ненадобно забывать, что переводъ въ прозѣ, хотя и вѣрный, лишаетъ поэзію музыкальности и богатства формъ и оставляетъ одинъ только скелетъ поэмы. Въ подлинникѣ слова безъ гибкости соединены между собою грамматически и гармонируютъ, рифмуются между собою частыми рифмами, падая, какъ камни циклопической постройки. И вся эта музыкальность исчезаетъ совершенно въ самомъ лучшемъ переводѣ.

Послѣ Гододина, Вильмарке перевелъ еще шесть историческихъ пѣсенъ знаменитаго барда Тальезина *съ блистающимъ челомъ*. Отчего онъ выбралъ такъ мало изъ семидесяти-шести разнообразныхъ сочиненій его, заключающихся въ *Archaiology of Wales?* Оттого, что онъ почитаетъ бо̀льшую часть этихъ поэмъ передѣланными и даже поддѣльными, хотя нельзя доказать этого положительно, потому-что изученіе англійскихъ древностей недалеко подвинулось впередъ; притомъ же эти сочиненія наполнены элементами миѳологическими, мистическими, друидическими; въ нихъ поминутно встрѣчаются неизвѣстныя имена и идеи, несообразныя съ современными понятіями. Шаронъ Тюрнеръ совершенно-правъ, говоря, что ни Ликофронъ, ни Сивиллы, ни древніе оракулы не были до такой степени темны и непонятны. Однакожь гдѣ-нибудь долженъ быть ключъ къ этой загадкѣ, и наука, открывшая уже столько другихъ загадочныхъ вещей, должна постараться освѣтить этотъ мракъ и разобрать хаосъ. Очень жаль, что Вильмарке не взялся за этотъ любопытный трудъ, который могъ бы окончить удовлетворительно, потому-что онъ превосходно знаетъ всѣ кимврическія и бретонскія преданія.

Когда Тальезинъ дѣлается удобопонятнымъ, онъ отличается отъ другихъ бардовъ лучшимъ слогомъ и концепціею, подходящею болѣе къ нашимъ идеямъ объ искусствѣ, но сохраняющею, несмотря на это, характеристическія черты музы бардовъ. Изъ слѣдующихъ двухъ отрывковъ можно судить объ этихъ поэмахъ, переведенныхъ Вильмарке.

Сраженіе Аргоэда Авуфейна.

Въ субботу утромъ была большая битва отъ солнечнаго восхода и до заката. Фламдвинъ бросился съ четырьмя полками противъ Годе и Регеда.

Они разсыпались отъ лѣса до горъ, но жили только одинъ день.

Начальникъ громко кричалъ: «скоро ли они сдадутся, мы готовы принять ихъ».

Овенъ отвѣчалъ вынимая мечъ: «они не сдадутся; они не готовы и никогда не будутъ готовы».

Ценау, сынъ Коеля, настоящій левъ, скорѣе согласится погибнуть чѣмъ сдаться.

Тогда Уріенъ, начальникъ обработанной долины, вскричалъ: «родные мои и члены семейства, соединимся всѣ и поднимемъ наше знамя на горѣ.

«И пойдемъ противъ этихъ пришлецовъ, обратя къ нимъ наши копья!

«И отыщемъ посреди воиновъ Фламдвина, и убьемъ его вмѣстѣ съ его союзниками!

И въ битвѣ Аргоэдъ Авуфейна было много труповъ.

Въ кровавыхъ потокахъ купались вороны.

Скоро разнесся слухъ объ этой битвѣ, и я буду праздновать этотъ день до моей смерти.

Да̀, хотя я буду слабъ и старъ, хотя смерть будетъ приближаться ко мнѣ, но я не улыбнусь ей, прежде чѣмъ воспою Уріена!

Битва при Минавѣ.

Въ этомъ году одинъ начальникъ, щедрый на вино, на золотыя монеты и на медъ, храбрый, но безъ варварства, перешелъ черезъ границы.

И сопутствуемый множествомъ копій союзниковъ и блистательныхъ дворянъ, онъ вступилъ въ бой.

Верхомъ на своей лошади онъ выигралъ сраженіе при Минавѣ и воспламенилъ музу бардовъ.

Какая богатая добыча для его воиновъ! восемь разъ двадцать животныхъ одного цвѣта, телятъ и коровъ!

Быки и коровы и множество другихъ богатствъ! Ахъ! я бы не радовался такъ, если бы Уріенъ погибъ.

Начальникъ другаго племени былъ изрубленъ. Дрожащій саксонецъ омочилъ сѣдые волосы своею собственною кровью. Его унесли на носилкахъ, окровавленнаго, и даже свои воины не защищали его съ жаромъ.

Этотъ храбрый, но дерзкій воинъ, сдѣлалъ свою жену вдовою.

. . . .

Начальникъ далъ мнѣ своего вина. Онъ часто даетъ мнѣ вина и онъ же одушевляетъ меня, поддерживаетъ, показываетъ путь. Никто не сравнится съ нимъ въ величіи.

Но непріятели опять дерутся. Послушай воинъ, что̀ это такое?

Что это за шумъ! отчего дрожитъ земля? Не море ли поднимается изъ своихъ предѣловъ и хочетъ добѣжать до людей?

. . . .

Если въ долинѣ послышатся стоны — это Уріенъ поражаетъ враговъ.

Если на горѣ слышны крики — это Уріенъ побѣждаетъ.

Если на берегу раздаются вопли — это Уріенъ убиваетъ.

Если въ укрѣпленномъ мѣстѣ плачутъ — Уріенъ причиною этому

Стоны на дорогѣ, въ долинѣ, со всѣхъ сторонъ!

И кто можетъ прекратить ихъ, кто спасется отъ него?

Тѣ не знаютъ голода, которые съ нимъ идутъ на добычу.

Когда онъ вступаетъ въ бой въ своемъ блестящемъ лазурномъ вооруженіи, копье его предвѣщаетъ всякому смерть и производитъ ужасъ въ толпѣ непріятелей.

Ахъ! покуда я не ослабѣлъ, не состарѣлся, пока смерть не посѣтила меня, я не улыбнусь до-тѣхъ-поръ, пока не воспою Уріена.»

Вильмарке оканчиваетъ свое предисловіе поэтическимъ разсказомъ, въ которомъ говоритъ о своихъ надеждахъ на будущіе плоды отъ своего труда:

«Разсказываютъ (говоритъ онъ), что пустынники, защищавшіе лѣса и кустарники Арморики, были въ большомъ затрудненіи послѣ первыхъ работъ, потому-что у нихъ не было хлѣбныхъ зеренъ для посѣва. Въ то время, когда они не знали, что̀ имъ дѣлать, прилетѣла маленькая птичка, держа въ носикѣ зернышко пшеницы, и сѣла на кустъ Пустынники, обрадованные этимъ счастливымъ случаемъ, послѣдовали туда, куда полетѣла птичка, и пришли въ лѣсъ, въ такое мѣсто, гдѣ выросла богатая жатва, покинутая съ давнихъ лѣтъ.

«Я хотѣлъ бы, какъ эта птичка, показать только дорогу ученымъ, ведущую посреди кустарниковъ Бретани къ полю, воздѣланному когда-то бардами.»

Кельтійская литература раздѣляется на три совершенно-различныя части: на литературу бардовъ, или лирическую, процвѣтавшую въ VI вѣкѣ, въ произведеніяхъ Тальезина, Анерина, Лейварч-Гена, и продолжалась въ подражаніяхъ до настоящаго времени; *Мабиноджіоны*, или романическія стихотворенія XII вѣка, воспѣвающія отдаленныя времена и подвиги кельтійскаго народа; и наконецъ литературу легендную, имѣющую совершенно-особенный отпечатокъ таинственности и сверхъестественнаго. Эти три рода литературы существовали въ одно время, но не имѣли между собою никакихъ отношеній. Барды гордились своей торжественной реторикой, но оказывали пренебреженіе къ народнымъ сказкамъ, которыя, по ихъ мнѣнію, были написаны нестарательно. Въ *Мабиноджіонахъ* собственно заключается настоящее выраженіе кельтійскаго духа. Странно только, что литература, чрезвычайно-любопытная и отъ которой происходятъ почти всѣ романическія произведенія Европы, оставалась до-сихъ-поръ мало-извѣстною. Леди Шарлотта Гуэстъ издала *Мабиноджіоны* по оксфордской рукописи. Въ тонѣ этого произведенія нѣтъ ничего эпическаго. Жизнь представлена просто и безъ натяжекъ; но люди изображены какъ полубоги, имѣющіе сверхъестественный даръ, заключающійся въ какой-нибудь драгоцѣнной вещи, принадлежащей герою. Вокругъ главнаго лица группируется простой народъ, раз-

умѣется, неодаренный никакими необыкновенными качествами, но трудящійся и занимающійся ремеслами. За-то произведенія этихъ работниковъ, попадая къ героямъ, пріобрѣтаютъ волшебныя свойства. Корабль, копье, щитъ Артура производятъ чудеса; шахматы Гвендолена передвигались сами; въ рогѣ Бран-Галеда находили всегда желаемый напитокъ; колесница Моргана сама направлялась къ тому мѣсту, куда надобно было ѣхать герою; въ бассейнѣ Тирнога варилось мясо для всѣхъ, кромѣ трусовъ; камень Тудваля точилъ только мечи храбрыхъ; платье Падарна было впору всѣмъ благороднымъ людямъ; плащъ Тегана могли надѣть только добродѣтельныя женщины. Животныя играютъ тоже важную роль въ народныхъ преданіяхъ и одарены сверхъестественнымъ могуществомъ. Сказка ***Кильвшъ и Ольвена*** самая необыкновенная въ Мабиноджіонѣ. Въ ней Артуръ борется съ царемъ вепрей, который съ семью своими дѣтёнышами защищается противъ всѣхъ рыцарей круглаго стола. ***Сонъ Ронабви*** описываетъ приключенія трехсотъ керверrенскихъ воронов ъ.

Болѣе всего поражаетъ въ кельтійскихъ произведеніяхъ простота и кротость нравовъ, которой нельзя встрѣтить въ германскихъ преданіяхъ. У кельтовъ нѣтъ нигдѣ страшной мести, какъ въ ***Эддѣ*** и ***Нибеллунгахъ.*** Какое сравненіе между германскими и кельтійскими героями! У первыхъ всѣ ужасы крововаго варварства, грабежи, убійства безъ всякаго достаточнаго предлога; у вторыхъ прежде всего правосудіе, преданность, соединенные съ справедливою гордостью. Первобытный житель Германіи употребляетъ всѣ свои способности, чтобъ дѣлать зло и угнетать ближнихъ, тогда-какъ кимврійскій герой всегда одушевленъ состраданіемъ къ слабымъ, и посреди блистательныхъ подвиговъ великодушно помогаетъ тѣмъ, которые не могутъ защищаться.

Мабиноджіоны раздѣляются на двѣ части: одна относится исключительно къ Валлійскому Полуострову и къ Корнваллису и занимается однимъ героемъ Артуромъ. Другая обнимаетъ не только кимврійскія страны Англіи, но всю Великобританію и напоминаетъ о происшествіяхъ и людяхъ, жившихъ во времена римскаго владычества. Вторая часть древнѣе первой по плану и отличается миѳологическимъ характеромъ, смѣлостью изложенія и легкимъ слогомъ, наполненнымъ шутками. Сказка ***Кильвшъ*** и ***Ольвена,*** въ которой вепрь играетъ главную роль, олицетворяетъ первобытный характеръ кельтійской миѳологіи, когда еще въ нее не входили другіе элементы, за-то въ ней есть слова и выраженія, смыслъ которыхъ совершенно-потерянъ. Несмотря на это, разсказъ, хотя и сверхъестественный, чрезвычайно-оригиналенъ.

Кильвшъ, сынъ правителя Келиддона Килидда, слышалъ разсказы о красотѣ Ольвены, дочери Испаддадена Пенкавра и влюбился въ нее заочно. Онъ идетъ къ Артуру и проситъ его помощи, чтобъ завладѣть молодой дѣвушкой, что очень-трудно, потому-что онъ даже не знаетъ, гдѣ живетъ красавица, а знаетъ только, что отецъ ея страшный тиранъ, который никого не выпускаетъ живымъ изъ своего зам-

ка и смерть котораго назначена судьбою въ день свадьбы его дочери. Артуръ даетъ Кильвшу нѣсколько храбрыхъ товарищей и, послѣ необычайныхъ приключеній, рыцари доходятъ до зáмка Испаддадена и встрѣчаютъ молодую дѣвушку, въ которую влюбился Кильвшъ. Три дня дожидаются они отвѣта отца Ольвены, и наконецъ онъ соглашается отдать свою дочь только съ условіями, почти невозможными. Исполненіе этихъ условій составляетъ длинную цѣпь подвиговъ, настоящую романическую эпопею, которая, къ-несчастью, дошла до насъ неполною. Изъ тридцати-восьми подвиговъ Кильвша въ рукописи, переведенной г-жею Шарлоттою Гуэстъ, сохранились только семь или восемь. Приведемъ одинъ изъ этихъ разсказовъ, чтобъ дать понятіе о поэмѣ. Дѣло идетъ объ отъисканіи Мабона, сына Модрона, котораго похитили у матери черезъ три дня послѣ его рожденія, и котораго, по условію, долженъ найдти Кильвшъ.

«Товарищи Артура сказали ему: государь, воротись домой, такіе легкіе подвиги не стоятъ присутствія твоего и твоихъ храбрыхъ товарищей». Тогда Артуръ отвѣчалъ: «Не худо бы, чтобъ ты Гврпръ Гвальставдъ Іейтоддъ взялся за эти розыски, потому-что ты знаешь говорить на всѣхъ языкахъ и понимаешь всѣ крики звѣрей и птицъ. Кончайте же это дѣло безъ меня.

«И рыцари пошли впередъ и увидѣли кильгврійскаго дрозда. Гврпръ сказалъ ему: «Заклинаю тебя небомъ, скажи мнѣ, не знаешь ли ты чего о Мабонѣ, сынѣ Модрона, котораго похитили у матери, когда ему было только три ночи». Дроздъ отвѣчалъ: «Когда я прилетѣлъ сюда, то былъ еще молодою птицею и нашелъ на этомъ мѣстѣ наковальню кузнеца. Съ-тѣхъ-поръ я одинъ ударяю моимъ носомъ по наковальнѣ и отъ нея остался кусочекъ величиною въ орѣхъ. Во все продолженіе этого времени я никогда не слышалъ имени человѣка, о которомъ вы говорите; но, по справедливости и изъ уваженія къ товарищамъ Артура, я покажу вамъ породу звѣрей, созданныхъ до меня, и у нихъ вы можете спросить о томъ, кого ищете.

«Они пошли туда, гдѣ живетъ олень Рединвръ. «Олень Рединвръ, сказали они, мы посланы къ тебѣ Артуромъ, какъ къ самому старшему изъ всѣхъ животныхъ. Скажи намъ, не знаешь ли ты чего о Мабонѣ, сынѣ Модрона, котораго похитили у матери, когда ему было три ночи». Олень отвѣчалъ: «Когда я пришелъ сюда въ первый разъ, вокругъ меня было поле и на немъ росъ молодой дубъ. Дерево это сдѣлалось теперь огромнымъ дубомъ — о ста вѣтвяхъ, потомъ засохло и отъ него остался одинъ сухой пень. Во все это время я жилъ на одномъ мѣстѣ и никогда не слыхалъ о человѣкѣ, котораго вы ищете. Но вы посланники Артура и я сведу васъ къ животному, созданному прежде меня.

«И онъ привелъ ихъ къ совѣ Кум-Кавльвида: «Сова, Кум-Кавльвида — вотъ посланники Артура, не знаешь ли ты чего о Мабонѣ, сынѣ Модрона, котораго похитили у матери, когда ему было три ночи?» — «Еслибъ я знала, то сказала бы вамъ. Когда я поселилась здѣсь, то долина эта была покрыта лѣсомъ. Потомъ пришли люди и вырубили лѣсъ. Порода людей этихъ исчезла и послѣ нихъ выросъ

другой лѣсъ, тоже истребленный; теперь выросъ ужъ третій. Крылья мои ужь отпали и я не могу летать. Но во все продолженіе этого времени я ни разу не слышала, чтобъ говорили о человѣкѣ, котораго вы ищете. Однако, я хочу проводить посольство Артура къ самому-старому животному, которое много путешествовало. Это орелъ Гвернъ Абви.

«Гвриръ сказалъ : «Орелъ Гвернъ Абви, къ тебѣ пришло посольство Артура, спросить, не слыхалъ ли ты чего о Мабонѣ, сынѣ Модрона, котораго унесли у матери, когда ему было три ночи». Орелъ отвѣчалъ : «Я живу здѣсь очень-давно. Когда я прилетѣлъ сюда въ первый разъ, на этомъ мѣстѣ была большая каменная гора, о которую я чистилъ носъ каждый вечеръ при блескѣ звѣздъ. Теперь отъ горы остался небольшой камешекъ. Во все время я не улеталъ никуда и не знаю человѣка, о которомъ вы говорите. Только разъ я отправился въ Лин-Ливъ, чтобъ поискать пищи. Когда я подошелъ къ рѣкѣ, то увидѣлъ огромнаго лосося и схватилъ его въ когти, надѣясь, что его станетъ мнѣ надолго, но рыба была сильнѣе и чуть не стащила меня на дно пропасти. Я собралъ всѣхъ моихъ родныхъ, чтобъ побѣдить лосося, но онъ прислалъ мнѣ посланниковъ и мы помирились. Съ-тѣхъ-поръ я друженъ съ этой рыбой и вынулъ изъ ея спины пятьдесятъ гарпуновъ. Если она не можетъ вамъ сказать, гдѣ человѣкъ, котораго вы ищете, то не знаю больше никого старше меня.

«Рыцари пошли къ Лин-Ливу и орелъ сказалъ: «Лосось Лин-Лива, я пришелъ къ тебѣ съ посольствомъ Артура, чтобъ спросить, не знаешь ли ты чего о Мабонѣ, сынѣ Модрона, котораго украли у матери, когда ему было только три ночи?» — «Я скажу тебѣ все, что̀ знаю. Съ каждымъ приливомъ я плыву по теченію и доплываю до Глочестера. Тамъ я слышу страшные стоны и вижу ужасныя мученія. Если кто хочетъ удостовѣриться въ этомъ, то пусть сядетъ мнѣ на спину и я донесу его до печальнаго мѣста». Каи и Гвриръ Гвальставдъ Іейтоддъ сѣли на лосося и приплыли къ стѣнамъ тюрьмы. Тамъ они услышали жалобные стоны и рыданія. Гвриръ сказалъ: «Кто стонетъ въ этой каменной тюрьмѣ?» — «Тотъ, кто очень-несчастливъ, Мабонъ сынъ Модрона, запертый здѣсь съ давнихъ лѣтъ. Мое заключеніе самое жестокое». — «Ка̀къ можно освободить тебя, золотомъ, серебромъ, подарками, или битвой?» — «Меня можно спасти только силой...»

Окончаніе происшествія можно предвидѣть и потому мы не будемъ дальше слѣдовать за кимврійскимъ героемъ.

Изъ всѣхъ героевъ кельтійскихъ поэмъ, Артуръ самый загадочный. Гильдасъ и Анеринъ, современники его, даже не упоминаютъ о немъ; Беда не знаетъ даже его имени; Тальезинъ и Лейварч-Генъ упоминаютъ о немъ вскользь. У Неніуса, жившаго въ 850 году, легенда объ Артурѣ ужь сформировалась. Онъ вполнѣ представленъ истребителемъ саксонцевъ и настоящимъ героемъ. Наконецъ Жофруа Монмоутъ довершилъ эпическое это созданіе. Онъ изобразилъ Артура обладателемъ всего свѣта, покорителемъ Ирландіи, Норвегіи, Гасконіи,

Франціи, которую онъ отнялъ у трибуна Флотто, Рима, покореннаго при Луціи Тиберіи и несмотря на сопротивленіе сенатора Порсены, Артуръ даетъ въ Карлеонѣ турниръ, на которомъ присутствуютъ всѣ короли вселенной. На этомъ турнирѣ Артуръ надѣваетъ на свою голову тридцать коронъ и его признаютъ владѣтелемъ міра. Вѣроятно ли, чтобъ маленькій правитель VI вѣка, почти незамѣченный современниками, принялъ въ потомствѣ такіе колоссальные размѣры? Многіе писатели увѣряли даже, что Артуръ легендъ и неизвѣстный правитель, носящій то же имя, не имѣютъ между собою ничего общаго и что сынъ Утера Пендрагона и богини Серидвенъ просто идеальный герой, принадлежащій къ древней кимврійской миѳологіи. Въ-самомъ-дѣлѣ, въ ученіи друидизма, продолжавшемся до среднихъ вѣковъ, является опять Артуръ и играетъ совершенно миѳологическую роль.

Въ Мабиноджіонѣ характеръ Артура не представляетъ ничего патріотическаго и воинственнаго. Онъ занимается только собраніемъ рыцарей вокругъ круглаго стола, заботится о дворцовомъ управленіи и о законахъ рыцарства. Онъ такъ могуществененъ, что никто не подумаетъ напасть на него. — Это Карлъ-Великій карловингскихъ романовъ. Свѣтъ не обратилъ бы вниманія на маленькій полуостровъ и незамѣтныя его войны. Но его поразилъ идеальный дворъ подъ предсѣдательствомъ Гвенивары (Женьевры), гдѣ вокругъ монарха толпятся герои, гдѣ дамы, прекрасныя и добродѣтельныя, любятъ по законамъ рыцарства, гдѣ время проходитъ въ томъ, что слушаютъ сказки и учатся рыцарской вѣжливости. Вотъ въ чемъ состоитъ все очарованіе круглаго стола, вокругъ котораго средніе вѣка группировали свои идеи о героизмѣ, красотѣ, добродѣтели и любви. Общество, образованное и великодушное, хотя и въ отдаленной странѣ, имѣло большое вліяніе на варварскій міръ и заставя его восхищаться своими героями, произвело перемѣну въ нравахъ, безпримѣрную въ лѣтописяхъ исторіи.

Созданіе женскаго характера и введеніе его въ поэзію, прежде грубую и суровую, болѣе всего послужило къ удивительной метаморфозѣ. Это была электрическая искра. Въ нѣсколько лѣтъ вкусъ въ Европѣ перемѣнился и Кимврійскій элементъ произвелъ всеобщій переворотъ. Всѣ извѣстные типы женщинъ, воспѣтые въ среднихъ вѣкахъ: Женьевра, Изальда, Энида, принадлежатъ двору Артура. Въ карловингскихъ поэмахъ женщина играетъ ничтожную роль; она безъ характера и воли. Любовь въ этихъ поэмахъ груба какъ въ *Ферабрасѣ*, или едва означена, какъ въ пѣснѣ Роланда. Въ Мабиноджіонѣ, напротивъ, главную роль играютъ женщины, и рыцари считаютъ долгомъ и честью служить женщинѣ, пріобрѣсть ея уваженіе и любовь, а главное, они всегда готовы защищать слабыхъ, или мстить за нихъ, и эта черта осталась у бретонскихъ племенъ. Обязанности женщинъ тоже очень-многочисленны въ Мабиноджіонѣ. Онѣ встрѣчаютъ и принимаютъ рыцарей, снимаютъ ихъ оружіе, подаютъ воду, сѣдлаютъ лошадей, залечиваютъ раны и усыпляютъ ихъ пѣснями. Въ законахъ Гоэльдда сказано, что при дворѣ была должность молодой дѣвушки, обязанной согрѣвать на груди своей ноги

короля, когда онъ сидѣлъ. И при всемъ этомъ обращеніе мужчинъ оставалось самымъ почтительнымъ, и никогда женщины не были обижены не только грубымъ, но даже легкомысленнымъ словомъ.

Бретонскіе романы ввели также въ европейскую литературу особенный родъ чудесъ и волшебства. У кимвровъ сверхъестественное происходитъ отъ самой природы, которая принимаетъ участіе въ дѣйствіяхъ людей и помогаетъ имъ. Даже обыкновенныя событія происходятъ часто отъ соединенныхъ усилій нѣсколькихъ существъ, какъ у Шекспира и Аріоста. Любопытно было бы изучить черты кельтійскаго характера у англійскаго поэта. Что же касается до пѣвца «Бѣшенаго Орланда», онъ въ полномъ смыслѣ бретонскій поэтъ: у него тотъ же слогъ, тѣ же эффекты, тѣ же оттѣнки чувствъ, а главное, типы женщинъ и приключенія, какъ въ кельтійскихъ романахъ.

Огромное вліяніе на умственное развитіе имѣетъ это небольшое племя, которое создало Артура, Женьевру, Лансело, Персеваля, Мерлена, Брандана, Патрикія и почти весь поэтическій циклъ поэмъ среднихъ вѣковъ. Первое открытіе бретонскихъ сказокъ явилось въ латинской хроникѣ Жофруа Монмоута въ 1140 году, подъ покровительствомъ Роберта Глочестера, побочнаго сына Генриха I-го. Генриху II-му, тоже понравились эти разсказы, и по его просьбѣ, Робертъ Весъ написалъ пофранцузски, около 1160 года, первую исторію Артура и открылъ широкій путь, по которому пошла толпа подражателей провансальскихъ, французскихъ, итальянскихъ, испанскихъ, англійскихъ, скандинавскихъ и греческихъ.

(*Bibliothèque de Génève* и *Revue des Deux Mondes*).

ВЗГЛЯДЪ НА ИСТОРІЮ МЕДИЦИНЫ ОТЪ ПЕРВЫХЪ ВѢКОВЪ ДО XIX СТОЛѢТІЯ.

Первобытныя времена. — Начало хирургіи и терапіи. — Медицина у жрецовъ. — Гиппократъ и его ученіе. — Асклепіады и другіе предшественники его. — Герофилъ и Эразистратъ. — Продикъ и эмпирическая медицина. — Борьба съ догматическою медициною. — Портретъ римскихъ врачей, написанный Плиніемъ. — Эклектики. — Цельзій. — Плиній-младшій. — Галенъ. — Медицина въ средніе вѣка. — Арабскіе врачи. — Парацельсъ. — Итальянскіе медики. — Эпоха возрожденія. — Везалій. — Ван-Гельмонтъ. — Боэргавъ. — XVIII столѣтіе.

Медицина, или искусство ходить за больнымъ и облегчать его страданія, началась съ того дня, въ который человѣкъ въ первый разъ почувствовалъ себя нездоровымъ; этотъ день былъ однимъ изъ первыхъ дней въ исторіи всѣхъ народовъ. Животныя инстинктомъ находятъ медицинскія средства противъ своихъ болѣзней; человѣкъ въ дикомъ состояніи обладаетъ вполнѣ этимъ инстинктомъ.

Медицина, въ смыслѣ искусства извлекать пользу изъ наблюденія за больнымъ, начинается со дня, въ который случай доставилъ больному средство найдти растеніе, облегчившее его болѣзнь. Съ этого дня, когда въ рукахъ у него было секретное средство, онъ старался извлечь изъ него пользу, обративъ его въ товаръ; но какъ-скоро примѣтилъ онъ, что найденное имъ растеніе не во всѣхъ болѣзняхъ дѣйствуетъ одинаково, онъ началъ пріискивать другія травы. Итакъ, съ одной стороны, изъ стремленія къ открытіямъ, съ другой, изъ страсти къ пріобрѣтенію, должны были мало-по-малу образоваться лавки продавцовъ лекарствъ, то-есть тѣ же аптеки, гдѣ въ первое время получались также врачебные совѣты за деньги; человѣкъ установилъ что-то въ родѣ науки о причинахъ болѣзней и средствахъ къ избавленію отъ нихъ; еслибъ бо̀льшая часть изъ этихъ памятниковъ открытій первобытнаго человѣка могла дойдти до насъ, то мы нашли бы ихъ, можетъ-быть, довольно-остроумными—такъ по-крайней-мѣрѣ думаетъ Гиппократъ.

Въ тѣ первобытныя времена все выражалось самымъ простымъ способомъ; ученіе схоластическое было еще неизвѣстно. Продавецъ лекарствъ былъ ни что иное, какъ торгашъ, а не докторъ, или профессоръ; можно было сколько угодно опровергать его теоріи, уничтожать ихъ, или замѣнять другими; онъ требовалъ только денегъ.

У первобытныхъ народовъ, любившихъ сраженія, опасности, славу, почиталось за стыдъ захворать какою-нибудь болѣзнью, и напротивъ, считалось за особенную доблесть получать въ бояхъ опасныя и большія раны. Хиронъ былъ хирургомъ Геркулеса; Подалирій и Махаонъ знаменитыми хирургами греческаго войска во время осады Трои; они съ удивительною ловкостью перевязывали раны, нанесенныя рукою человѣка, и оставались съ сложенными руками предъ больными съ внутренними болѣзнями; они искусно вынимали стрѣлы, соединяли края ранъ; но когда распространялась въ войскѣ какая-нибудь заразительная болѣзнь, они оставались скромными наблюдателями и готовы были сказать, что̀ нѣсколько вѣковъ спустя, говорилъ Амвросій Паре, врачъ Франциска II: *я тебя перевязалъ, пусть Богъ тебя вылечитъ.* Взгляните, съ какою отчетливостью Гомеръ описываетъ рану и какъ умалчиваетъ о характерѣ болѣзней, о свойствѣ и о причинахъ развитія ихъ. Это доказываетъ, что хирургія предшествовала терапіи.

Евреи прославились знаніемъ характера и свойствъ всѣхъ растеній, начиная отъ иссопа до кедра ливанскаго; больные могли выбирать изъ всѣхъ извѣстныхъ растеній какое имъ было угодно; но кажется, что выборъ былъ очень-труденъ, потому-что и послѣ того времени болѣзни лечились не лучше прежняго. Начали прибѣгать къ богамъ для облегченія страданій; жрецы сдѣлались вмѣстѣ съ тѣмъ и медиками. Они перевязывали раны, прописывали лекарства, подавали совѣты. Если больной умиралъ, отвѣтственность не падала на медика-жреца и никто не имѣлъ права обвинить его въ смерти больнаго. То была воля судебъ. Но когда больной выздоравливалъ, справедли-

вость требовала, чтобъ были признательны къ богамъ, принося въ нихъ храмъ жертву, которая доставалась жрецамъ. Потомство отдаетъ должную почесть Гиппократу, рожденному на островѣ Коссѣ. Онъ спасъ всѣ разсѣянные предшествовавшіе факты и ежедневныя наблюденія надъ болѣзнями отъ пламени, истребившаго храмъ Эскулапа на островѣ Коссѣ, и собравъ ихъ въ одно цѣлое для передачи потомству. Такъ по-крайней-мѣрѣ пишутъ Плиній и Варронъ. Эти два писателя утверждаютъ также, что, послѣ этого пожара храма, Гиппократъ сталъ принимать больныхъ у себя, или посѣщалъ ихъ въ собственныхъ жилищахъ; такимъ-образомъ ему приписываютъ основаніе *клинической медицины*, хотя другіе считаютъ начало ея гораздо-раньше, именно съ самого Эскулапа. Гиппократъ родился въ цвѣтущій вѣкъ Аѳинъ и Греціи; онъ жилъ въ самое лучшее время аттической литературы, слогъ и чистота которой отражаются въ его сочиненіяхъ. Онъ отдѣлилъ медицину отъ философіи и занялся преимущественно этимъ важнымъ и благороднымъ отдѣломъ всемірной науки. Учителями его были: глубокомысленный медикъ Геродикъ, скептикъ Демокритъ и филантропъ Гераклитъ, а подражателями: Платонъ, великій Аристотель, глубоко-изучившій душевныя способности человѣка. Признательная философія сохранила намъ подробную генеалогію Гиппократа — честь, которой удостоивались немногіе. Существовали и до него медики, но онъ первый возвелъ медицину на степень науки. Какъ-скоро замѣчалъ онъ сходство въ своихъ частныхъ наблюденіяхъ, то приводилъ ихъ къ общему результату; на способъ леченія, которымъ въ нѣсколькихъ случаяхъ удавалось ему излечивать больныхъ, онъ обращалъ особенное вниманіе; изъ того же, что̀ считалъ положительно-вѣрнымъ, онъ составлялъ афоризмы — родъ общихъ правилъ, выраженныхъ простымъ и яснымъ образомъ. Сочиненія, носящія его имя, не всѣ принадлежатъ ему; были люди, посвященные въ таинства этой науки, которые рѣшались пренебречь даже собственною извѣстностью и славою, издавая свои сочиненія подъ именемъ великаго Гиппократа, съ тою цѣлью, чтобъ передать произведенія свои потомству. Подобные случаи не всегда, однакожь, вѣнчались успѣхомъ, котораго бы должно было ожидать. Эти малоизвѣстныя сочиненія ни въ мысляхъ, ни въ слогѣ не носятъ на себѣ отпечатка великаго учителя, который думалъ такъ глубоко, предвидѣлъ такъ далеко и говорилъ такъ краснорѣчиво. Гиппократъ умѣлъ въ-особенности смягчать сухость описаній конструкціею фразъ и тѣмъ счастливымъ употребленіемъ греческихъ частицъ рѣчи, посредствомъ которыхъ такъ удобно дѣлать переходъ отъ одного умствованія къ другому.

Но все это еще очень-далеко отъ системы, или науки, и схоластическое ученіе, сдѣлавшее изъ книгъ Гиппократа непреложный законъ и вѣрившее въ нихъ безусловно, показываетъ, что медицина со временъ Гиппократа немного подвинулась впередъ. Этотъ великій человѣкъ оставилъ намъ любопытный памятникъ знаній, пріобрѣтенныхъ въ его время, но не создалъ науки такою, какъ она должна быть Онъ описываетъ болѣзни и указываетъ на лекарства, которыя ему кажутся

приличными; кромѣ этого, вы ничего не найдете въ его сочиненіяхъ. Философія Гиппократа туманна; въ ней даже нѣтъ смѣлости Демокрита. Міръ, по Гиппократу, состоитъ изъ четырехъ элементовъ: воды, воздуха, земли и огня; его физіологія подведена подъ четыре первоначальные элемента: *тепло, холодъ, сухость* и *влага; перепонки* и *покровы* состоятъ изъ смѣшенія четырехъ элементовъ; въ срединѣ этихъ покрововъ вещества разгорячаются и переходятъ въ броженіе, образуя такимъ образомъ *кости* изъ соединенія жира съ влагою; *нервы, сухія жилы* и *связки* чрезъ соединеніе клея и холода, *вены* изъ соединенія самаго клейкаго съ самымъ холоднымъ; *влаги* не заключаютъ въ себѣ ни холоднаго, ни клейкаго; *черныя ткани* образуются изъ преизобилованія желчи, и проч. Во множествѣ такого рода странныхъ ипотезъ, мелькаютъ иногда замѣчательныя идеи, напоминающія Демокрита.

Анатомію Гиппократъ довелъ до такой степени, какую ему показали нѣкоторыя изъ его хирургическихъ операцій. Въ этомъ отношеніи Гомеръ еще болѣе анатомистъ, нежели Гиппократъ, тѣмъ болѣе, что Гомеръ описываетъ только то, что̀ онъ видѣлъ, а Гиппократъ все предполагаетъ. По его мнѣнію, вены идутъ изъ печени, артеріи изъ сердца; мочевые каналы и нервы приняты имъ за сосуды; мускулы имѣютъ въ срединѣ полости; почки — собраніе желѣзъ; все остальное въ такомъ же родѣ. Впрочемъ, нынѣ нѣтъ нужды доказывать, что анатомическія секціи начинаются съ Эразистрата и Герофила, столѣтіемъ послѣ Гиппократа.

Что касается собственно до медицины, должно сознаться, что Гиппократъ оставилъ намъ одинъ изъ самыхъ-богатыхъ памятниковъ практическихъ знаній, пріобрѣтенныхъ имъ отъ предшественниковъ, или собственнымъ опытомъ; это — прекрасное собраніе фактовъ и наблюденій, но не система, или методическая классификація. Ничто здѣсь не представляетъ связи, и единство заглавія каждой книги отнюдь не показываетъ однородности заключающихся въ ней матеріаловъ. Нигдѣ нѣтъ анатомическихъ демонстрацій; почти вездѣ однообразное описаніе, заключенное афоризмами.

Книги афоризмовъ Гиппократа наполнены нравоученіями, которымъ можно придавать различный смыслъ. Эти нравоученія такъ мало имѣютъ между собою связи, что ихъ можно выбрасывать и опять вставлять, и читатель не замѣтитъ этого. Его книги о *воздухѣ, водѣ и землѣ*, не болѣе, какъ мѣстная метеорологія; но по составу имѣютъ видъ общей метеорологіи; и въ этомъ отношеніи многое въ нихъ ложно. Словомъ: это не руководство, а скорѣе собраніе метеорологическихъ замѣчаній, относительно мѣста, въ которомъ авторъ находился, и можетъ-быть, даже относительно климата и топографическаго положенія одного острова Косса. Не все ложно въ этихъ книгахъ, но и не все истинно. Чтобъ отдѣлить ложное отъ истиннаго, необходимо прибѣгнуть къ новѣйшимъ свѣдѣніямъ. Почти во всѣхъ теоріяхъ Гиппократа не достаетъ основанія и по-временамъ ясности.

Мнѣніе наше покажется смѣлымъ, но оно сдѣлано съ книгою въ рукѣ. Если кто-нибудь возьметъ на себя трудъ повѣрить при кровати больнаго какое-нибудь изъ лучшихъ описаній Гиппократа, то от-

дастъ намъ полную справедливость въ томъ, что мы ничего не преувеличили. Не будемъ простирать наше удивленіе къ памятникамъ и генію древнихъ до-того, чтобъ имъ приписывать открытія, сдѣланныя въ послѣдующихъ вѣкахъ. Когда въ книгѣ находятся ошибки и несовершенства, не будемъ вѣрить въ нее слѣпо, какъ въ символъ, или законъ.

Правда, Гиппократъ много наблюдалъ, много собралъ свѣдѣній, много писалъ и тѣмъ заставилъ науку сдѣлать шагъ впередъ. Тѣмъ же, которые носологическія описанія Гиппократа считаютъ за образецъ совершенства, мы напомнимъ, что описаніе язвы въ Аѳинахъ Ѳукидида и эпизодическихъ болѣзней у Виргилія превосходятъ, въ-отношеніи методы, возвышенности мыслей и вѣрности взглядовъ, многія изъ сочиненій Гиппократа.

Не ограничиваясь этимъ, замѣтимъ, что Гиппократъ много выигралъ пріобрѣтеніемъ безъименныхъ сочиненій.

Книги *De Morbis* (περι παθων), непринадлежащія ему, безъ-сомнѣнія, написаны не такъ изящно, какъ истинныя произведенія Гиппократа, но онѣ превосходятъ послѣднія въ-отношеніи ясности изложенія, вѣрности описаній и таланта наблюдательности.

Какъ бы то ни было, оканчивая нашу критическую оцѣнку, мы отдаемъ полное почтеніе праху Гиппократа, какъ и Аристотелю, и вообще всякому основателю какой-либо вѣтви человѣческихъ знаній. Надобно цѣнить людей по ихъ благородному стремленію, а не по тому, достигли ли они результата или нѣтъ. Охужденіе наше падаетъ не на труды греческаго медика, но на двѣ тысячи лѣтъ бездѣйствія, послѣдовавшія за эпохою, въ которой жилъ Гиппократъ. Зерно, посѣянное геніемъ въ надеждѣ плода, заглушено было тысячами рабскихъ подражаній и безчисленными коментаріями; только въ недавнее время наука приняла истинное направленіе. Локъ, Декартъ, Мальбраншъ, Кондильякъ не думали, что послѣ Платона нельзя ничего создать, также, какъ Турнефоръ, Линней, Бюффонъ послѣ Аристотеля. Медицина, по примѣру метафизики и натуральной исторіи, также въ послѣднее время сбросила съ себя оковы вѣковыхъ предразсудковъ и уничтожила много нелѣпыхъ теорій, укоренившихся въ ней съ давнихъ временъ.

Есть люди, извѣстность которыхъ дѣйствуетъ наподобіе магнита; она притягиваетъ и сосредоточиваетъ въ себѣ произведенія другихъ людей, идущихъ по тому же пути. Можно сказать, что Гиппократъ поглотилъ въ себѣ всѣ сочиненія тогдашняго времени, которыя могли бы стать наравнѣ съ его произведеніями. Все, что сдѣлали до него Асклепіады, перешло въ его собственность. Мы потеряли изъ виду, какъ медиковъ: Ѳалеса, Пиѳагора, распространителя гигіеническаго ученія, Эмпедокла, у котораго Гиппократъ заимствовалъ знанія о происхожденіи органовъ и ученіе, основанное на четырехъ элементахъ; Гераклита, этого вѣчно-плачущаго филантропа, который, занимался также и медициною; Демокрита, этого весельчака-филантропа, который написалъ много медицинскихъ книгъ, но отъ нихъ сохранились только одни заглавія: *О природѣ человѣка или о тѣлѣ*,

о заразѣ и заразительныхъ болѣзняхъ и проч. Деликурта, столько же превосходнаго химика, какъ и искуснаго медика, *умѣвшаго размягчать слоновую кость*, что мы изобрѣли уже гораздо—позже него, *дѣлать изумруды изъ мелкихъ камней* и составлять *искусственные алмазы* за двѣ тысячи лѣтъ до насъ; Акрона Агригентскаго, главу эмпириковъ, основывавшихъ свои дѣйствія только на опытѣ; Геродика, изобрѣтателя гимнастическихъ упражненій, какъ средства для сохраненія здоровья, а не какъ искусства улучшать красоту тѣла; Ика, который соединилъ практику съ теоріею Геродика, былъ медикъ и вмѣстѣ атлетъ, жилъ въ самой строгой воздержности, чтобъ сохранять свои силы и побѣждать другихъ при раздачѣ наградъ; его воздержность вошла даже въ пословицу, такъ-что гастрономамъ тогдашняго времени въ насмѣшку желали *обѣда Ика*. Въ медицинѣ все это принадлежитъ Гиппократу, потому-что ему отдавались добровольно чужіе труды; такъ получилъ Гомеръ, по словамъ нѣкоторыхъ писателей, всѣ пѣсни древнихъ рапсодовъ, а Оссіанъ — гимны бардовъ шотландскихъ.

Вѣкъ, слѣдующій за Гиппократомъ, ничего не сдѣлалъ для медицины; наука превратилась въ ремесло, ремесло — въ обманъ.

Сто лѣтъ спустя, появился Эразистратъ, который ввелъ въ медицину еще бо̀льшее, нежели самъ Гиппократъ. Онъ думалъ, что для того, чтобъ лечить о́рганы, нужно знать хорошо устройство этихъ органовъ, и слѣдственно, чтобъ приносить пользу живымъ людямъ, должно заняться разсѣченіемъ труповъ. Эразистратъ былъ основателемъ патологической анатоміи; его даже обвиняютъ въ разсѣченіи живыхъ людей, осужденныхъ на смерть; это возможно, потому-что даже въ XVI-мъ вѣкѣ считалось обыкновенною вещью испытывать надъ преступниками различные яды (правда, имъ обѣщали прощеніе, если они останутся живыми).

Герофилъ былъ соперникомъ Эразистрата въ этомъ нововведеніи, если только не опередилъ его. Бо̀льшую часть анатомическихъ терминовъ мы получили отъ него; такъ *duodenum* — переводъ приписываемаго ему слова *dodacadaclulon*. Лёгочную артерію онъ назвалъ *vena arterialis*, а лёгочную вену—*arteria venosa*. *Retina*, *arachnoidea*, *prostata* и проч. также остатки анатомической номенклатуры Герофила.

Открытія этихъ людей были важны для изученія теоріи леченія; но въ практической медицинѣ они принесли мало плода. Причины болѣзней оставались неизвѣстными; сущность ихъ попрежнему проистекала изъ мокротъ, желчи, холода, тепла, сухости и влажности.

Одинъ изъ учениковъ отдалился нѣсколько отъ пути, проложеннаго своими учителями: это былъ Продикъ, который далъ такое обширное значеніе употребленію втираній различными мазями, что̀ получилъ названіе изобрѣтателя, такъ-называемой, *ятролептической медицины*, то-есть, въ которой болѣзни лечатся втираніемъ въ кожу различныхъ бальзамовъ, маслъ, мазей и проч.

Со времени Эразистрата и Герофила, за сто лѣтъ до Рождества Христова, хирургія отдѣлилась отъ медицины; фармація также сдѣ-

лалась отдѣльною вѣтвью при леченіи; медицина, собственно такъ-называемая, получила наименованіе *діэтетики*. Это раздѣленіе на три главныя вѣтви имѣло различныя подраздѣленія: образовались костоправы, медики язвъ и ранъ; фармацевты, *pharmaceutæ*, совершенно-отличные отъ *pharmacopes*, *pharmacoles* — странствующіе продавцы лекарствъ, которыхъ они сами не приготовляли: это были шарлатаны и обманщики *(circulatores, circuitores, circumforanei, agyrtae, sellularii medici)*; продавцы лекарствъ въ магазинахъ *(seplasarii, pigmentarii, catholici, pentapola*; гербористы (*herbarii, rizotomi, botanologi*, или *botanici*, но не *botanistæ*, что значило полольщики), которые имѣли нарочно для этого устроенныя лавки (apothecæ); продавцы духовъ, мазей и бальзамовъ или парфюмёры *(myrepsi, myropoli pimentarii, pigmentarii)*; *поденщики (demiourgoi)*, которые пускали кровь, дѣлали втиранія, прикладывали припарки, ставили клистиры, родъ нашихъ цирюльниковъ.

Такимъ-образомъ больной дѣлался добычею множества разнаго рода лицъ; изъ этого видно, сколько тогда было различныхъ профессій, которыя существовали только страданіями человѣка, и сколько находилось желающихъ, чтобъ было больше хворыхъ, нежели здоровыхъ.

Эмпирическая медицина въ этомъ вѣкѣ приняла бо̀льшее развитіе; въ противоположность ей появились *медики-догматики*, начались споры и противорѣчія. *Эмпирики* обвиняли *догматиковъ*, что они не руководствуются опытомъ; *догматики* упрекали *эмпириковъ* въ пренебреженіи аналогіи и раціональности. Одни клеветали на другихъ; больные не могли понять, чтобъ опытъ дѣйствовалъ безъ теоріи, и теорія не основывалась на опытѣ.

Эти обѣ секты долгое время раздѣляли медицину на двѣ противоположныя стороны; борьба произвела много полемическихъ сочиненій, служащихъ доказательствомъ упадка науки, затемнившихъ настоящую цѣль медицины и измѣнившихъ путь, по которому она должна идти. Люди благоразумные, умы положительные отвратились отъ изученія науки, которая болѣе-и-болѣе дѣлалась непонятною и въ которой pro и contra поддерживалось одинаковымъ числомъ противниковъ. Эта мелочность греческихъ ученыхъ внушила римлянамъ совершенное презрѣніе къ медицинѣ. Маркъ Катонъ писалъ къ своему сыну: «Я тебѣ скажу, мой сынъ, что̀ ты долженъ привезть изъ Аѳинъ. Ихъ литературу можно пробѣжать, но не изучать, потому-что страна эта научитъ насъ вкусу, но вмѣстѣ съ тѣмъ и развратитъ насъ. Что̀ будетъ, если она пришлетъ къ намъ своихъ медиковъ?! Они поклялись мстить варварамъ своимъ леченіемъ и, принося намъ зло, еще потребуютъ за это платы!..»

Однакожь кончилось тѣмъ, что медики водворились въ Римѣ; но медицина, даже во времена Плинія, была единственною наукою, изученіемъ которой римляне не хотѣли заняться, боясь этимъ унизить все свое достоинство. Они заставляли изучать ее своихъ рабовъ, заслуги которыхъ вознаграждали отпускомъ на волю. Такъ Антоній Муза былъ отпущенъ Августомъ на волю и получилъ даже привилегію патриціевъ: носить золотое кольцо на пальцѣ, а Сенатъ велѣлъ

соорудить ему памятникъ за то, что онъ спасъ жизнь Августу, предписавъ ему купаться въ *холодной водѣ;* памятникъ этотъ былъ сдѣланъ изъ мѣди и находился возлѣ статуи Эскулапа.

Портретъ медиковъ, практиковавшихъ въ Римѣ, написанный Плиніемъ, правда, не очень-лестенъ для ихъ самолюбія, но нельзя поручиться, чтобъ онъ былъ совершенно невѣренъ.

«Медикъ (говоритъ онъ) единственный человѣкъ, которому вѣрятъ на-слово; на него сейчасъ положились, какъ только онъ назвался медикомъ; и между-тѣмъ нѣтъ занятія, въ которомъ бы обманъ имѣлъ пагубнѣйшія послѣдствія. Но мы о немъ не думаемъ — такъ увлекательна надежда возстановить потерянное здоровье. Мы не имѣемъ никакого право наказать невѣжество врача, причиняющее намъ смерть; въ законахъ нѣтъ наказанія за его безразсудную отважность. Медикъ воспитывается на наше иждивеніе; онъ практикуется, причиняя смерть; только онъ одинъ можетъ убивать безъ всякаго наказанія. Что̀ говорю я? онъ же самъ обвиняетъ, вмѣсто того, чтобъ быть обвиненнымъ; свою неудачу онъ сваливаетъ на невоздержность больнаго; самъ больной виноватъ всегда въ своей смерти. Мы ходимъ по ихъ предписанію, смотримъ ихъ глазами, думаемъ ихъ головою, словомъ: живемъ какъ они намъ приказываютъ... И однакожь, какое занятіе было причиною бо̀льшаго числа отправленій для завладѣнія наслѣдствами? Говорить ли объ ихъ алчныхъ требованіяхъ, объ этихъ тяжелыхъ условіяхъ, предлагаемыхъ во время агоніи, тѣхъ задаткахъ, которые они просятъ, чтобъ избавить отъ смерти, о ихъ секретныхъ лекарствахъ, продаваемыхъ больному за такую дорогую сумму... объ этомъ теріакѣ, составленномъ для удовлетворенія роскоши, или о митридатовскомъ противоядіи, безтолковомъ сборникѣ пятидесяти-четырехъ средствъ? Только длятого, чтобъ продавать дороже свои снадобья, они придаютъ такую важность и таинственность наукѣ, въ которой не знаютъ часто самыхъ первыхъ началъ. Я увѣренъ, что въ своихъ формулахъ они нерѣдко названіе одного вещества принимаютъ за другое, совершенно-противоположное... Вотъ что̀ предвидѣлъ Катонъ въ своемъ гнѣвѣ, и что̀ заставило Сенатъ впродолженіе долгаго времени гнать такую пагубную профессію, въ которой честный медикъ служитъ прикрытіемъ шарлатанамъ, пользующимся заблужденіемъ нѣкоторыхъ больныхъ, полагающихъ, будто то̀ только и можетъ спасти жизнь, что̀ очень-дорого».

За сто лѣтъ до Рождества Христова, мы находимъ въ Римѣ Асклепіада, прославившагося основаніемъ медицинской школы; онъ не былъ, однакожь, изъ фамиліи прежнихъ Асклепіадовъ. Вооружась противъ слабительныхъ и рвотныхъ, онъ употреблялъ лекарства легкія и противовоспалительныя, предписывалъ прогулки пѣшкомъ и въ экипажахъ, втиранія и вино, холодную воду и холодныя ванны противъ разстройства желудка, соленую воду противъ желтухи, кровопусканія и рожкѝ, и даже операцію сѣченія горла (ларинготоміи) въ жабѣ; противъ водяной болѣзни употреблялъ парацентезисъ. Такъ-какъ Асклепіадъ говорилъ громко̀ и съ эффектомъ, то его аудиторія была

всегда наполнена слушателями и его ученики были фанатиками своего учителя.

Болѣе-извѣстный между ними былъ Темисонъ, глава секты *методистовъ*. Онъ подвелъ всѣ болѣзни подъ три состоянія: *сжатія*, *разслабленія* и *смѣшаннаго* состоянія, которыя онъ лечилъ лекарствами *разслабляющими*, *сжимающими* и *смѣшанными*. Ѳессалій, ученикъ Темисона, еще болѣе распространилъ методическое ученіе и не побоялся назвать себя *побѣдителемъ медиковъ* (iatronice). Неронъ никогда не заставлялъ называть себя побѣдителемъ всѣхъ играющихъ на флейтѣ.

Послѣ Ѳессалія, болѣе-извѣстный между учениками Темисона, былъ Сораній; Целій Авреліанъ нумидянинъ, собралъ его разбросанныя сочиненія. Целій Авреліанъ обагатилъ медицинскую номенклатуру многими словами, какъ, напримѣръ, *ascitis*, *timpanitis*, *elephantiasis*, *satyriasis* и проч.

Методисты не лучше другихъ объясняли причины болѣзней; они отличались только тѣмъ, что чаще другихъ употребляли слово метода, *methodus sanandi*. Идея, самая благоразумная, выраженная ими, заключается въ слѣдующихъ изреченіяхъ: «лекарства простыя должны быть предпочитаемы сложнымъ и вошедшимъ въ моду «(Coelius Aurelianus, Tard., lib. 2, cap. 13)».—«Еслибъ медициною занимались люди простые и менѣе образованные нежели мы, люди наученные больше природою нежели философскою школою, болѣзни наши были бъ не такъ жестоки и лекарства проще и легче; но мы отдалились отъ настоящаго пути, полагая нашу славу въ умствованіи и ораторствѣ» (Theodorus Priscianus).

Эклектики были послѣдователями и догматиковъ и эмпириковъ вмѣстѣ; это была секта смѣшанная, занимавшаяся собираніемъ повсюду лучшаго и точнаго, секта робкая и непредпріимчивая, которая предпочитала наслажденіе знать ужь извѣстное славѣ новыхъ открытій; она судила только другихъ, не отдавая никогда себя на судъ. Колыбель эклектиковъ была Александрія; глава этой секты —философъ Потамонъ; а въ Римѣ, въ царствованіе Траяна, Архигенъ. Эклектики не любили борьбы, они предпочитали каѳедру аренѣ; это были медики образованные, свѣтскіе люди тогдашняго времени.

Была еще секта, менѣе замѣчательная: *спиритуалистовъ* или *пневматиковъ*, у которыхъ болѣзни имѣли причиною особеннаго рода духъ (spiritus), смѣшиваемый Аретіемъ иногда съ дыханіемъ (pneuma).

Около этого времени, то-есть въ эпоху между царствованіями Августа и Траяна, писалъ Цельзъ, медикъ-писатель, но не медикъ по профессіи, писатель пріятный и положительный, который, принявъ на себя трудъ уничтожить все ложное и основанное на нелѣпыхъ теоріяхъ и введя въ искусство леченія начала, основанныя на практикѣ, казалось, хотѣлъ составить руководство медицины и хирургіи болѣе популярное, нежели научное. Собственно говоря, Цельзъ не изобрѣтатель, но и не эклектикъ; у него есть собственныя идеи и мысли, идеи раціональныя и безпристрастныя. Лучшимъ доказа-

тельствомъ тому, что Цельзъ не занимался леченіемъ больныхъ, служатъ его слова, *что хорошій медикъ ни въ какомъ случаѣ не долженъ оставлять своего больнаго, чего не могутъ дѣлать, занимающіеся медициною только изъ-за денегъ,.. Лучшее леченіе,* говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ — *пища, употребленная кстати.* Остальное у Цельза заимствовано отъ Гиппократа и Асклепіада. Послѣ Цельза, еще одинъ изъ римскихъ авторовъ писалъ о медицинѣ— Кай Плиній-Второй, жившій въ царствованіе Веспасіана, въ первомъ вѣкѣ нашей эры; онъ коснулся впрочемъ этой отрасли человѣческихъ знаній только какъ предмета, входящаго въ составъ его *Натуральной исторіи* — этого энциклопедическаго памятника знаній тогдашняго времени, въ которомъ не знаемъ чему удивляться: красотѣ слога, величію мыслей, или неисчерпаемымъ познаніямъ автора.

Въ этомъ обширномъ собраніи свѣдѣній Плиній касается всего, исключая наукъ медицинскихъ и умствованій софистовъ. Онъ говоритъ о лекарствахъ, о свойствѣ растеній, но нигдѣ не касается причинъ болѣзней; все, что̀ знали въ тогдашнее время объ этомъ предметѣ, было или темно, или нелѣпо, такъ-что не стоило описанія. Что̀ могъ сдѣлать Плиній изъ науки, которой сами занимавшіеся ею не знали? *Ac nequidem illiam novere?* Вмѣсто того, чтобъ описывать ее, онъ начинаетъ свою двадцать-девятую книгу портретомъ медиковъ, который мы привели выше въ извлеченіи, и на медицину смотритъ какъ на науку, созданную природою, всегда одинаковую и независящую отъ прихотей искусства. «Матеріалы медицины (говоритъ онъ, начиная двадцать-четвертую книгу) безчисленны, оттого-то она такъ и запутана. Природа назначила лекарства простыя, легконаходимыя, которыя достаются безъ большихъ издержекъ и которыя при случаѣ служатъ для насъ и пищею. Обманъ и шарлатанство изобрѣли лавки, гдѣ каждому обѣщаютъ возвратить жизнь цѣною денегъ и гдѣ сейчасъ же прописываютъ микстуру, или какой-нибудь составъ, хвалятъ лекарства, привезенныя съ большими издержками изъ Индіи и Аравіи; утверждаютъ, что только Красное Море можетъ доставлять намъ средства къ излеченію болѣзней, даже самыхъ ничтожныхъ, а между-тѣмъ бѣдные люди, какъ мы видимъ, исцѣляются простыми діэтетическими средствами. И развѣ медицина отъ этого унизится, если будетъ употреблять противъ болѣзней растенія и травы, собранныя въ нашихъ садахъ? Отъ этого-то и произошло, что величіе римское потеряло свою силу; побѣдители подчинились побѣжденнымъ, римлянинъ — варварамъ, и наука ихъ распространила власть даже на нашихъ правителей».

Но гордость больнаго менѣе всего имѣетъ эгоизма. Тотъ, кто страдаетъ и опасается погибнуть, готовъ ухватиться за послѣднюю соломенку; и больной римлянинъ не менѣе того прибѣгалъ къ греческому доктору, котораго онъ не уважалъ и презиралъ, какъ скоро выздоравливалъ.

Возгласы Плинія не препятствовали *извѣстностямъ* тогдашняго времени обогащаться, обвиняя и науку и больныхъ; они дѣлались бо-

гатыми и извѣстными впродолженіе своей жизни; теперь и именъ ихъ даже не осталось, и надобно дойдти до Галена, чтобъ встрѣтить литературный талантъ въ исторіи медицины.

Галенъ (Galenos), родившійся въ Пергамѣ, на тридцать–восьмомъ году своей жизни, былъ вызванъ Маркомъ Авреліемъ и Луціемъ Веромъ, находившимися тогда въ Аквилеяхъ, и прибылъ съ ними въ Римъ. Его извѣстность считается съ 170 года нашей эры. Шесть огромныхъ томовъ in-folio, оставшихся послѣ него, не что иное, какъ коментаріи на сочиненія Гиппократа, умноженные собственными наблюденіями и анатомическими замѣтками, которыхъ не находится въ гиппократовыхъ книгахъ. По примѣру Эразистрата и Герофила, Галенъ занимался трупоразъятіемъ и хотѣлъ, еслибъ прожилъ долѣе, составить сравнительную анатомію. Термины *epidermis*, *peritoneum*, *epiploon*, *pylorus*, *ventriculum*, *jejunum*, *ileum*, *coecum*, *colon*, *rectum*, *sphincter*, *venae meseraicae*, *chorion*, *amnios*, *urachus*, *pericardium*, *plexus choroideus*, *glandula pinealis*, *nutes*, *testes*, *os sphenoidale et ethmoidale*, *nervi*, *humor vitreus*, *lens cristallina*, *uvea*, и почти всѣ греческія слова медицинской номенклатуры, исключая словъ, введенныхъ Герофиломъ, принадлежатъ Галену. Онъ впрочемъ въ иныхъ мѣстахъ пустословитъ о какомъ–нибудь предметѣ, или разжижаетъ его до–нельзя, а въ другихъ повторяетъ одно и то же нѣсколько разъ. Еслибъ каждая фраза Галена заключала аксіому, или истину, то нужно было бы употребить всю жизнь человѣческую, чтобъ изучить его твореніе. Но, читая его сочиненія, видишь, что скорѣе разучишься, нежели пріобрѣтешь что-нибудь изъ нихъ; и мы не знаемъ медика, который бы имѣлъ терпѣніе прочесть его до конца Если выбрать эти шесть огромныхъ воломовъ in-folio, то изъ Галена останется Гиппократъ съ своими четырьмя влагами: *кровью*, *мокротою*, *жолтою жолчью* и *черною жолчью;* потомъ: болѣзни *острыя*, *хроническія*, *доброкачественныя* и *злокачественныя*, *эпидемическія*, *эндемическія*, *спорадическія* и проч.; далѣе, *темпераменты*, основанные на связи и господствѣ какой–нибудь изъ четырехъ влагъ. Только по-временамъ встрѣчаешь разсѣянные факты, свидѣтельствующіе о вѣрности его взгляда и о талантѣ наблюдательности; но чего будетъ стоить отрыть ихъ въ этой массѣ исписанной бумаги! скорѣе пріобрѣтешь ихъ наблюдая природу, нежели перелистывая такое огромное сочиненіе. Медицина, основывавшаяся на Галенѣ, также, какъ Галенъ основывался на Гиппократѣ, между-тѣмъ нисколько не подвигалась впередъ; и этотъ застой продолжался около шестисотъ лѣтъ, впродолженіе которыхъ писанія Гиппократа и Галена считались сводомъ всѣхъ медицинскихъ познаній, пандектами, *кораномъ*, кодексомъ для медиковъ, *палладіумомъ* ихъ привилегій и щитомъ противъ ошибокъ въ практикѣ. До Галена были главы школъ и сектъ, воевавшихъ безпрерывно другъ съ другомъ. Галенъ своимъ появленіемъ уничтожилъ всѣ эти секты; онъ былъ законодателемъ медицины. Школы и потомъ факультеты провозгласили себя наслѣдниками его ученія; его изучали какъ Гиппократа; читали лекціи, чтобъ научиться понимать его, но не длятого чтобъ превзойти, или, еще болѣе, от-

вергнуть его ученіе. Благоговѣли передъ Галеномъ даже и тогда, когда открыли въ наукахъ несравненно-высшую цѣль.

Съ-тѣхъ-поръ, какъ христіанство распространило свои высокія начала до троновъ цезарей, всѣ постановленія человѣческія приняли другое направленіе, очищенное любовью къ ближнему и подчиненное правиламъ организаціи общественной. Еще Нерону пришла идея возвести своего медика Андромаха въ званіе архіатера. Съ этой эпохи медики перестали быть рабами. Такъ архіатеры или медики двора, избираемые императоромъ, должны были безденежно лечить придворныхъ и рабовъ. Съ того времени, какъ архіатеръ, находившійся въ главѣ, показалъ такой примѣръ, другіе архіатеры стали поступать такъ же; вскорѣ мода сдѣлалась закономъ и сословіе медиковъ организовалось въ іерархію; появился медицинскій факультетъ (*schola medicorum*, *consistorium medicorum*), въ который принимали только по экзамену. *Храмомъ* этого факультета была академія; *гимназіи*, или *частныя аудиторіи*, служили помощью факультету; *архіатеры придворные* лечили при дворѣ императоровъ; *архіатеры общественные* пользовали насчетъ государства народъ въ Римѣ и Константинополѣ; государство платило имъ за службу и вознаграждало за отличіе; платило деньгами (даже до 25,000 руб. сер. въ годъ); награждало титулами графовъ, князей и викаріевъ (*).

Медицина, наука предоставленная рабамъ, сдѣлалась съ-тѣхъ-поръ благородною и свободною. Религія, облегчающая страданія, не могла оставлять безъ вниманія науку, которая имѣла цѣль помогать страждущимъ. Надлежало быть столько же честнымъ, сколько и ученымъ, набожнымъ, сколько и великодушнымъ, чтобы занять почетное мѣсто въ сословіи медиковъ.

Нашествіе варваровъ прервало это счастливое стремленіе къ нововведенію; но это зло было выкуплено тѣмъ, что оно уничтожило въ то же время безтолковость схоластической медицины. Сѣверные воины, подобно героямъ гомеровскимъ, мало обращали вниманія на клинику; имъ нужны были только ветеринары и *костоправы*.

Послѣдователи Галена перебрались тогда со всѣмъ своимъ имуществомъ къ арабамъ, наслѣдовавшимъ науки и искусства грековъ и храбрость Римлянъ.

Самый древній изъ арабскихъ авторовъ, писавшихъ о медицинѣ, былъ *Исаакъ Израелитъ*, усыновленный аравійскимъ калифомъ и жившій въ VII–мъ вѣкѣ. Серапіонъ писалъ въ VIII–мъ вѣкѣ. Далѣе Разесъ, а съ нимъ Авиценна, написавшій *Canon Medicinæ;* Авероэсъ, великій спорщикъ; Аль–Буказисъ — честь арабской хирургіи, и множество другихъ писателей, менѣе-извѣстныхъ, принесены были во Францію и Европу крестоносцами, пришедшими изъ Палестины.

Переводы этихъ сочиненій въ средніе вѣка служили канвою для лекцій профессоровъ, которые не знали греческаго языка и не могли читать Гиппократа и Галена въ подлинникѣ. Этимъ двумъ авторамъ

(*) См. законы Ѳеодосія и Юстиніана.

и вообще греческой медицинѣ было отдано должное уваженіе только во время возрожденія, когда изобрѣтеніе книгопечатанія указало сокровища, скрытыя до-того въ библіотекахъ монаховъ, и сдѣлало извѣстными ихъ всему свѣту. Перестали наконецъ пользоваться латинскими переводами арабскихъ авторовъ, которые большею-частью только переводили Гиппократа и Галена; начался вѣкъ преобразованій и нововведеній, провозгласившій независимость мышленія въ наукахъ.

Въ XVI-мъ вѣкѣ появился Парацельзъ — голова смѣлая, изобрѣтательная, парадоксальная, изъ числа тѣхъ, которые образуютъ школу, какъ-скоро начинаютъ ораторствовать, и которые дѣлаются прямо учителями, не бывъ никогда учениками. Главные предметы его нападеній, это Аристотель — и въ-особенности Галенъ. Парацельзъ медикъ, столь темный въ своихъ выраженіяхъ, дѣлается краснорѣчивымъ, когда цитируетъ двухъ уже несуществующихъ противниковъ; онъ остроуменъ и ѣдокъ въ своей критикѣ; жестокъ въ своихъ обвиненіяхъ; безпощаденъ, когда нападаетъ и когда видитъ чужой недостатокъ. Нужно прочесть его твореніе отъ начала до конца, чтобъ составить себѣ идею о неисчерпаемомъ краснорѣчіи его, внушенномъ четырьмя влагами Галена; онъ побѣждаетъ, уничтожаетъ, душитъ своего безмолвнаго противника и, кажется, вызываетъ усопшаго на судъ съ собою, чтобъ тотъ отдалъ ему отчетъ въ своихъ поступкахъ. Но когда побѣдитель самъ вступаетъ на арену, чтобъ насладиться тріумфомъ, то тѣнь Галена, кажется, схватываетъ его за горло и напитываетъ своимъ ученіемъ. Парацельзъ тогда теряется въ объясненіяхъ, которыми хочетъ замѣнить теоріи галеновскія, и которыя въ свою очередь такъ странны, темны, непонятны, какъ по содержанію такъ и формѣ, что невольно пожалѣешь объ ученіи Галена, на которое такъ жестоко нападали. Собственно въ парацельзовскихъ изложеніяхъ такая фантастичность, туманность, несвязность, что не знаемъ откуда отсутствіе идей могло набрать къ своимъ услугамъ столько словъ и различныхъ фразъ. Онъ только умѣетъ владѣть разрушительною силою, но какъ скоро изъ разрушеннаго начинаетъ строить зданіе, то дѣлается самъ смѣшнымъ.

Вотъ какъ, напримѣръ, Парацельзъ въ своемъ сочиненіи излагаетъ причину болѣзней: «Находится» говоритъ онъ «(de Entibus morborum, num. VIII, prol. 4) пять сущностей, которыя производятъ всѣ болѣзни. Эти сущности означаютъ пять началъ; обратите на нихъ вниманіе. Находится пять началъ, или причинъ, изъ которыхъ одной причины достаточно, чтобъ произвести всѣ болѣзни, которыя когда-либо существовали, существуютъ теперь и будутъ существовать. На эти-то сущности, о медики! должно было обращать вниманіе, если вы не хотѣли вѣрить, что всѣ болѣзни проистекаютъ изъ одной сущности и одного начала... Вы это поймете изъ примѣра; возьмемъ какую-нибудь изъ болѣзней—заразу; спрашивается: отчего она происходитъ? Вы отвѣчаете: отъ разложенія природы. Вы говорите, какъ физикъ. Астрономъ развѣ говоритъ, что движеніе и теченіе звѣздъ—причина небесныхъ явленій? Который изъ двухъ справедливъ? Я заключаю, что тотъ и другой справедливы; только одно дѣйствіе и одна при-

чина происходятъ отъ природы, одна изъ звѣздъ, кромѣ того, изъ этихъ двухъ, или изъ трехъ другихъ; потому-что природа есть сущность, звѣзда есть другая сущность. Вы должны знать, что есть пять заразъ, не въ-отношеніи рода, существа, формы и вида, но въ-отношеніи начала, откуда онѣ происходятъ. Скажемъ же, что наше тѣло подчинено пяти сущностямъ, что одна сущность заключаетъ въ себѣ всѣ болѣзни и съ ними нѣкоторое вліяніе на наше тѣло, потому-что есть пять родовъ водяныхъ болѣзней, столько же желтухъ, столько же лихорадокъ, столько же раковыхъ болѣзней; и это справедливо во всѣхъ другихъ болѣзняхъ... Вліяніе звѣздъ — сущность звѣздъ; второе вліяніе — сущность яда; третье, которое ослабляетъ наше тѣло, разрушаетъ его худою комплекціею — сущность натуры; четвертое — сущность духовъ сверхъестественныхъ, имѣющихъ вліяніе на наше тѣло; пятая сущность — Богъ.»

Въ другомъ мѣстѣ онъ пускается въ аналогію и пишетъ, что «міръ — утроба всего, что̀ въ немъ находится; точно съ такой же точки нужно смотрѣть на утробу женщины. Въ твореніи вода — утроба; утроба не что иное, какъ міръ, запертый со всѣхъ сторонъ, и который не имѣетъ съ другими тѣлами никакого сближенія, и однакожь, есть настоящій міръ, потому-что міръ былъ первымъ созданіемъ; другой міръ — человѣкъ, третій — женщина. Первый, самый большой, мужчина средній, женщина самый меньшой и послѣдній по порядку. Міръ имѣетъ свою философію и науку, мужчина свои, а женщина свои.»

Эти два отрывка достаточны для того, чтобъ показать манеру писанія этого ученаго: все остальное у него въ такомъ же родѣ и такъ же ясно. Однакожь слава Парацельза громко гремѣла въ Германіи и Швейцаріи. Ученики, удрученные игомъ факультетовъ, толпами сбѣгались къ каѳедрѣ Парацельза; знаменитые и ученые люди тогдашняго времени издалека совѣтовались съ нимъ о своихъ болѣзняхъ; самъ Эразмъ, извѣстный ученый и скептикъ, не побоялся компрометировать свою репутацію, изложивъ свою болѣзнь и спрашивая у Парацельза совѣта, отъ котораго, правду сказать, ему не было лучше.

Среди своихъ туманныхъ теорій Парацельзъ могъ быть по-крайней-мѣрѣ отличнымъ практикомъ; но въ своей практикѣ Парацельзъ былъ только изобрѣтателемъ; онъ изобрѣлъ многія лекарства и способы леченія; съ упрямствомъ предписывалъ ихъ, какъ непреложныя истины, и потомство утвердило многія изъ его изобрѣтеній. Говорятъ, что свои лекарства онъ собралъ во время долгихъ странствованій по Европѣ. Но что̀ до того, гдѣ взялъ онъ ихъ? развѣ они не всѣ находятся въ природѣ? Чтобъ ихъ выбрать, нужно было только испытывать. Развѣ другимъ способомъ открыто прививаніе оспы? Парацельзъ ввелъ въ большое употребленіе лекарства минеральныя, которыя онъ называлъ химическими, преимущественно ртуть и мышьякъ; и такъ-какъ въ его время не смотрѣли на послѣдствія, а на минутное облегченіе болѣзни, то онъ отлично успѣвалъ въ своемъ леченіи. Онъ былъ теменъ и непонятенъ въ теоріяхъ, но смѣлъ и

скоръ въ ихъ приложеніи. Онъ или вылечивалъ или убивалъ скоро; отчего и происходило, что о его успѣхахъ говорили много, о неудачахъ — мало; выздоровѣвшій дѣлался его приверженцемъ; что касается до умершаго, то небольшая горсть земли навсегда скрывала несчастный случай; такимъ-образомъ все дѣлалось въ пользу репутаціи этого медика. Онъ зналъ для операцій и перевязокъ нѣкоторыя методы, къ которымъ и теперь хирургія прибѣгаетъ съ пользою. Его бальзамы и мази ручались за успѣхъ выздоровленія, и онъ не щадилъ ихъ въ этомъ случаѣ.

Университеты, само-собою разумѣется, не раздѣляли увлеченія последователей Парацельза, но и не нападали на него открыто, а дѣлали противъ Парацельза то, что іезуиты противъ Жан-Жака Руссо, причиняли Парацельзу неудовольствія и окружали его людьми, которымъ поручено было по возможности дѣлать его смѣшнымъ. Къ числу такихъ людей принадлежалъ его секретарь. Онъ описываетъ своего господина съ точки зрѣнія камердинеровъ, въ глазахъ которыхъ не существуетъ геніевъ — какъ скоро они имъ служатъ, и видятъ ихъ въ домашней жизни. Человѣкъ, о которомъ мы говоримъ, былъ Іоаннъ Опоринъ, авторъ сочиненія *Жизнь и творенія Парацельза*. Опоринъ описываетъ его какъ человѣка любящаго попить на германскій манеръ, а не какъ медика, перевернувшаго нозологическія идеи тогдашняго времени. Парацельзъ, родившійся въ Баденѣ, былъ головою и сердцемъ нѣмецъ, за что и обвиняла его Главная Коллегія Богословскаго Факультета въ Парижѣ, какъ колдуна, человѣка, предавшагося магіи, вовлекшей его въ сношенія съ злыми духами. Но между-тѣмъ какъ французскій ультрамонтанизмъ пускалъ свои безсильныя молніи противъ ученака доктора, которому Рейнъ служилъ щитомъ, Парацельзъ окончилъ свою жизнь, кратковременную, но бурную; одинъ бѣдный священникъ соорудилъ ему скромный памятникъ въ церкви св. Себастіана, въ Зальцбургѣ, въ Австріи, отмстивъ такимъ образомъ, послѣ смерти, за всѣ обвиненія въ колдовствѣ, преслѣдовавшія Парацельза во время его тріумфовъ.

Но между-тѣмъ, какъ Парацельзъ поражалъ университеты въ лицѣ четырехъ галеновскихъ влагъ, анатомисты вели войну съ медицинскими факультетами болѣе-положительную. Везалій, брюссельскій медикъ, занялся анатоміею съ скальпелемъ въ рукѣ, и вѣрность его описаній упрочилась анатомическими рисунками на деревѣ Тиціана, который почерпалъ въ этихъ сухихъ и подробныхъ изученіяхъ тайны чистоты рисунка и вѣрности колорита; онъ изучалъ искусство живописи, анатомируя трупы. Фаллопій, въ Италіи, продолжалъ начатое Везаліемъ, своимъ учителемъ. Евстахій въ Римѣ пріобрѣлъ названіе князя *анатомиковъ*. Далѣе слѣдуютъ Албиній, Фабрицій Аквапендентскій, Сильвій, Инграссій, Варолій, давшій названіе *Вароліеву мосту*, Спигелій и другіе; все не французы и не англичане, то-есть не изъ тѣхъ странъ, въ которыхъ университеты отставали отъ усовершенствованій и открытій въ наукѣ, и строго хранили старыя постановленія, не обращая вниманія, были ли они ложны, или нѣтъ,

Во Франціи, какъ и въ Англіи, на поприщѣ открытій только меньшее число идетъ впередъ, подавляемое тяжестью большинства.

Въ эту эпоху во Франціи Амброзій Паре преобразовывалъ хирургію смѣло, дѣятельно, несмотря на свое названіе цирюльника, которымъ гнушались университеты, потому-что университетскій докторъ учился по Гиппократу и Галену, по которымъ прописывалъ свои рецепты и призывалъ цирюльника для операцій; и бѣдный цирюльникъ очень-часто тихонько подсмѣивался надъ учеными докторами, въ надеждѣ на будущее, которое всегда оцѣняетъ геніевъ. Мольеръ смѣялся надъ докторами своего времени, которые еще были старыми медиками въ вѣкъ возрожденія; но онъ никогда не насмѣхался надъ цирюльниками, надъ людьми со смысломъ, со вкусомъ, надъ людьми умными, каковъ онъ былъ самъ.

Въ это время явился другой поборникъ галеническаго школьнаго ученія въ отечествѣ Везалія, въ Бельгіи. Человѣкъ, о которомъ мы говоримъ, былъ Ван-Гельмонтъ; онъ усомнился въ медицинѣ, посѣщая медиковъ и совѣтуясь съ ними. Ван-Гельмонтъ былъ богатъ и ему было нетрудно сдѣлаться ученымъ независимымъ; онъ былъ великодушенъ и ему легко было показать примѣръ безкорыстія. Онъ упрекалъ медиковъ тогдашняго времени, что они продавали болтовню свою немножко-дорого и доказывалъ, что вся наука ихъ не что иное какъ пустословіе. Искусный химикъ, умъ изобрѣтательный, онъ господствовалъ надъ медициною своимъ превосходствомъ, которое пріобрѣлъ положительнымъ изученіемъ вспомогательной науки — химіи. Его сочиненіе о химическомъ анализѣ мочеваго камня лучшее произведеніе тогдашняго времени и заключаетъ въ себѣ наблюденія и факты, которыми не погнушалась бы и наша эпоха.

Писатель, отличающійся большою чистотою слога, вкусомъ въ выборѣ выраженій и мыслей, Ван-Гельмонтъ не обвиняетъ прямо, но указываетъ на недостатки, какъ Сократъ, ироніею и умною насмѣшкою; въ способѣ изложенія у него вездѣ виденъ тонкій вкусъ. Онъ пишетъ отрывисто; всякая мысль начинается съ новой строки наподобіе афоризма, чтобъ избѣжать пустыхъ развитій и отступленій. Онъ заимствуетъ у номенклатуры Парацельза многія слова, напр: *iliadus*, *alkohest*, общее растворяющее средство *azoth*, панацея меркуріальная и проч. Онъ также самъ ввелъ нѣкоторыя слова, изъ которыхъ замѣчательныя: *архея* всеобщее начало здоровья и болѣзни, которое производитъ и поддерживаетъ все, и о которомъ Ван-Гельмонтъ безпрестанно упоминаетъ, не объясняя его подробно ни въ какомъ мѣстѣ; *blas*, которое составляетъ причину, приводящую въ дѣйствіе его *архею*; *gaz* — слово, оставшееся послѣ него въ химіи, для означенія вещества, подобнаго пару, но невидимому.

«Съ Гиппократа до насъ (говоритъ онъ) медицина не сдѣлала ни одного шага; даже Галенъ нисколько не подвинулъ ее, обращаясь постоянно въ ложномъ кругу, отчего и въ нашихъ школахъ произошло головокруженіе. Философствованіе Галена, какъ пѣніе кукушки,

ограничивается одною нотою... Я прочиталъ его сочиненія два раза съ большимъ вниманіемъ и увидѣлъ, что онъ очень-бѣденъ; у него только то хорошо, что̀ заимствовано у предшественниковъ; собственнаго же очень-мало. Его книги не что иное, какъ смѣсь писаній Гиппократа и Платона».

Ван-Гельмонтъ, получившій образованіе въ Лувенскомъ Университетѣ, на который съ 1580 года начали дѣлать нашествія іезуиты, усвоилъ себѣ духъ этого общества. Онъ коснулся всѣхъ наукъ и увидѣлъ пустоту во всемъ, въ-особенности въ тогдашней медицинѣ, привязавшейся къ старымъ схоластическимъ понятіямъ и нехотѣвшей ни за что̀ измѣнить ихъ. На эту-то науку преимущественно онъ и нападаетъ. Нѣкоторыя изъ заглавій его сочиненій носятъ на себѣ отпечатокъ колкой насмѣшки. Такъ одна книга называется: ***О коростахъ и язвахъ школъ;*** другая: ***Бездѣйственность и невѣжество гумористическихъ школъ;*** и здѣсь, разумѣется, онъ жестоко нападаетъ на медиковъ. Одному изъ своихъ сочиненій онъ даетъ названіе: ***Могила моровой язвы*** и посвящаетъ его выдуманному принцу, которому обѣщаетъ, если онъ будетъ продолжать слушать медиковъ, посвятить слѣдующую эпитафію:

.....Jacet hic dux optimus, in quem
Nil potuit Mars, dum corpore sanguiserat.
Quod Mars non potuit, medici potuêre secando;
Sic Marso ipso fit minor Hippocrate,

то-есть: «Здѣсь покоится доблестный мужъ, котораго при жизни самъ Марсъ не могъ сразить, изнуряя ранами; что̀ не могъ сдѣлать онъ, то сдѣлали медики, пуская кровь. Итакъ самъ Марсъ безсильнѣе Гиппократа».

Въ этомъ сочиненіи Ван-Гельмонъ имѣлъ цѣлью доказать, что начало моровой язвы находится преимущественно въ воображеніи больнаго; идею эту возобновляли и послѣ Ван-Гельмонта.

Но въ-замѣнъ того, на что̀ были сдѣланы такія странныя нападенія, что̀ же могъ представить самъ Ван-Гельмонтъ? Должно сознаться, что и онъ, въ качествѣ преобразователя медицины, почти столько же успѣлъ, какъ Парацельзъ.

Такимъ-образомъ, послѣ его смерти, медицинскіе предразсудки взобрались снова на свои каѳедры съ торжествомъ, бо̀льшимъ прежняго. Ван-Гельмонтъ не имѣлъ послѣдователей, потому-что въ-замѣнъ галеновскаго x не могъ поставить другаго знака для выраженія неизвѣстнаго; и знакъ этотъ, существовавшій такъ долго, остался попрежнему выраженіемъ неизвѣстнаго.

Около этого времени діоптрика принесла въ даръ изученію физики и естественной исторіи инструментъ, предназначенный расширить поле нашего зрѣнія гораздо-болѣе предѣловъ, назначенныхъ природою,

и такимъ образомъ коснуться всѣхъ наукъ съ различныхъ точекъ зрѣнія. Мы говоримъ о микроскопѣ, употребленіе котораго получило съ половины XVII-го столѣтія большое развитіе. Въ то же время, какъ телескопъ сдѣлалъ доступнымъ зрѣнію нашему отдаленнѣйшіе предметы, микроскопъ — этотъ телескопъ атомовъ, представилъ глазамъ нашимъ въ гигантскихъ размѣрахъ предметы, существованіе которыхъ не могъ подозрѣвать даже зоркій глазъ рыси. Когда же, при помощи этого шестаго чувства, наблюдатель замѣтилъ въ органическихъ жидкостяхъ, подверженныхъ вліянію воздуха и свѣта, движущихся животныхъ, открылъ въ человѣческихъ влагахъ и тканяхъ одушевленныя существа, весьма-сложныя по своему составу и до-того малыя, что острее скалпеля покрывало ихъ совершенно — ему пришла идея: не это ли начало болѣзней? Вотъ что̀ думали нѣкоторые изъ медиковъ: эта неизвѣстная причина всѣхъ недуговъ, заставлявшая школы строить множество нелѣпыхъ теорій, вредившая столько человѣчеству, не находится ли она въ этихъ одушевленныхъ существахъ, населяющихъ насъ, таящихся въ тканяхъ нашихъ при жизни, находимыхъ послѣ смерти, появляющихся во всемъ, чѣмъ мы существуемъ, въ питьѣ, въ пищѣ, въ воздухѣ, которымъ дышимъ? Не скрывается ли причина болѣзней въ этихъ паразитахъ, каковы и мы сами въ-отношеніи ко всей природѣ? Эта идея укоренилась между наблюдателями—и ее распространили ужъ слишкомъ-далеко, такъ-что медицинскій свѣтъ усомнился въ ней и продолжалъ прибѣгать попрежнему къ положеніямъ галеновскимъ. Медики тогдашняго времени, порывшись четыре года въ вспомогательныхъ медицинскихъ наукахъ и получивъ докторское званіе, обращались совершенно къ практикѣ, не имѣя времени заняться изслѣдованіями. Только духовныя лица и люди, приверженные къ наукамъ и искусствамъ, наконецъ всѣ тѣ, которымъ ихъ общественное положеніе доставляло нѣкоторую независимость, которые имѣли состояніе, люди свободные и умомъ и тѣломъ, наблюдали природу и изслѣдовали науку, съ микроскопомъ въ рукѣ. Ихъ открытія проскользали одно за другимъ въ науку медицины и помѣщались, какъ попало, посреди ученій Галена, влаги котораго уступили нѣсколько мѣстечка и для микроскопическихъ открытій съ условіемъ, занять мѣсто на послѣднемъ планѣ вмѣстѣ съ средствами цирюльниковъ и баньщиковъ. Впрочемъ, надобно сказать правду, что наблюдатели эти не старались соединять результаты наблюденій микроскопическихъ съ наблюденіями другихъ родовъ; они бо̀льшею-частью имѣли только одну идею, которою хотѣли объяснить все; а въ приложеніи представлялось множество случаевъ, не только необъясняемыхъ этою идеею, но даже уничтожавшихъ ее совершенно. Когда они видѣли, что такая-то болѣзнь могла быть слѣдствіемъ такой-то причины, видимой подъ микроскопомъ, то заключали то же и о всѣхъ болѣзняхъ; ложность заключеній была причиною, что терялась довѣренность къ справедливости даже самыхъ положительныхъ наблюденій.

Тогда нѣмецкая медицина свергла иго непреложности галеновскаго ученія, между-тѣмъ, какъ во Франціи все еще медики были связаны

парижскимъ факультетомъ, подкрѣпляемымъ Теологическою Коллегіею.

Въ это время анатомію мозга и нервовъ разработывали Вилизій, Вьёсенъ, Шнейдеръ, показавшій зависимость органа зрѣнія отъ ретины, дѣлавшій наблюденія надъ пересѣченіемъ лучей свѣта въ глазномъ яблокѣ, и многія другія; трудами Декарта и Ньютона теорія зрѣнія была очищена и исправлена. Рюйшъ открылъ *tunicam choroideam* и ея сосудистое строеніе, а Левенгукъ, фиброзное строеніе *чечевицы* (lens crystallina).

Кассерій, Перрольти, Дюверни занимались объясненіемъ органа слуха, описали мускулы и косточки слуховыя и прохожденіе *слуховаго нерва* (nervus auditorius) по каналамъ лабиринта. Гарвей писалъ о сердцѣ, сосудахъ, движеніи крови и изучалъ процесъз арожденія плода). Въ эту эпоху появился на поприщѣ медицины врачъ, прославившійся какъ теоретикъ и практикъ; это былъ Сиденгамъ, писавшій почти по всѣмъ отраслямъ медицинскихъ наукъ и преимущественно по части фармакологіи; онъ ввелъ въ медицину многіе лекарственные составы; нѣкоторые изъ нихъ сохранились до нашихъ временъ. Въ это же время акушерство начало принимать видъ самостоятельной науки трудами Генриха Девентера, а судебная медицина — трудами Захіаса и Вельтмана.

Къ медицинскимъ извѣстностямъ этой эпохи принадлежатъ также: Боэргавъ, объяснявшій болѣзни механическими началами; въ теоріи у него было все хорошо, но въ приложеніяхъ онъ впадаетъ снова въ прежнюю медицину и въ прежнюю номенклатуру. Гофманъ, бывшій распространителемъ ученій Боэргава, изобрѣлъ многіе эликсиры и составы, получившіе его имя. Сталь отличался преимущественно на поприщѣ химическомъ. Галлеръ воевавалъ съ физіологами.

Англичанинъ нововводитель–Броунъ хотѣлъ словомъ *excitabilitas* (раздражительность) объяснить причины болѣзней; по его мнѣнію, всѣ болѣзни зависѣли отъ уменьшенія или увеличенія въ организмѣ excitabilitatis, отъ *stheniae* или *astheniae* органовъ. Теорія эта имѣла послѣдователемъ Разори, распространившаго это ученіе въ Италіи.

Въ концѣ XVIII–го столѣтія, вѣнскій врачъ Месмеръ диссертаціею своею: *De vi planetarum in corpus humanum* положилъ начало теоріи животнаго магнитизма—предмета, надѣлавшаго тогда много шуму, но который и до–сихъ–поръ не разработанъ.

Парижскій медицинскій факультетъ во все время этихъ преобразованій и открытій оставался спокойнымъ наблюдателемъ; только конецъ XVIII-го столѣтія пробудилъ его дѣятельность. Съ окончаніемъ XVIII–го столѣтія начинается новая эра для медицины; наука эта, принявъ другое направленіе, начала быстро подвигаться впередъ. Съ нынѣшняго вѣка медицина приняла такое направленіе, результаты котораго еще зрѣютъ въ будущемъ...

(*Edinburgh Review*).

ЛЕОПОЛЬДЪ РАНКЕ.

Недостатокъ историковъ въ Германіи. — Историки въ среднихъ вѣкахъ и въ эпоху Возрожденія. — XVIII вѣкъ. — Гердеръ и археологическая школа. — Друманъ. — Жизнь и труды Ранке. — *Исторія германскихъ и римскихъ племенъ.* — Стремленіе этихъ племенъ къ одной цѣли. — *Критическій обзоръ сочиненій новѣйшихъ историковъ.* — Гвиччардини. — *Исторія владѣтелей и народовъ Южной Европы въ XVII и XVIII вѣкахъ.* —Возвышеніе и паденіе Испаніи и Турціи. — *Исторія папъ послѣ Лютера.*—*Изслѣдованіе итальянской поэзіи.* — Reali di Francia. — *Исторія Сербіи.* — *Исторія Германіи со временъ реформы.* — Девять книгъ исторіи Пруссіи. — Исторія Франціи отъ Франциска I до Лудовика XIV. — Историческое училище Ранке.—Вліяніе его на Германію и Италію.

Германскій умъ побѣждаетъ всегда терпѣливостью въ изученіи, но въ этомъ умѣ мало строгой критики, твердой точности и великаго искусства писать исторію. Цѣлые вѣка германской литературы не представляютъ ни одного знаменитаго историка, достойнаго этого имени. Франція, Италія и Испанія имѣли ужь въ среднихъ вѣкахъ оригинальныхъ писателей, прекрасно изобразившихъ событія своего времени и передавшихъ слѣдующимъ лѣтописцамъ драгоцѣнныя свѣдѣнія. Германія пишетъ въ то же время однѣ латинскія хроники, или лѣтописи ученыхъ монаховъ, которые, безъ слога и одушевленія, трудолюбиво записывали факты своего времени. Конечно, и незначущія произведенія прошедшихъ временъ могутъ доставить драгоцѣнныя свѣдѣнія. Нельзя пренебрегать, напримѣръ, хроникою Перца (*Monumenta Germaniae historica)*; но съ VI-го и до XII-го вѣка кто въ Германіи можетъ сравниться съ Григоріемъ Турскимъ, съ Виллльардуеномъ и Жуанвилемъ? Въ XIV-вѣкѣ, въ эпоху, когда новѣйшіе языки сбросили съ себя оковы латинскаго, когда Виллани съ живостью и наивною гордостью описывалъ Флоренцію ; когда Фруассаръ весело разсказывалъ о послѣднихъ подвигахъ умирающаго рыцарства и въ описаніи несчастій своего отечества возвышался до благороднаго слога исторіи; когда испанскій лѣтописецъ Айала такъ вѣрно и драматически описывалъ борьбу Петра-Жестокаго и Генриха Транстамарскаго, въ Германіи вовсе не было историковъ. Можно уважать оставшіяся хроники, писанныя на нѣмецкомъ языкѣ, какъ драгоцѣнность для антикварія, но въ европейской литературѣ имъ нѣтъ мѣста.

Эпоха *возрожденія* была такъ же безплодна для Германіи, какъ и средніе вѣка. Не требуйте отъ нея въ XV-мъ вѣкѣ Коммина, ни Лану или Монлюка, а еще менѣе Макіавеля. Страна, въ которой родился протестантизмъ, не умѣла писать исторіи. Въ этомъ періодѣ были у нея Чуди, Канцовъ, Турмейеръ, и хотя слогъ ихъ уже лучше и чище, но это еще только собиратели историческихъ матеріаловъ, неумѣющіе пользоваться ими. Прежде нежели Дюканжъ перевелъ Виллльардуена и составилъ комментаріи на Жуанвилля, прежде нежели Андре Дюшенъ вздумалъ собирать свою ***Historiae Francorum scriptores***, Мокардъ Фрехеръ указалъ ужь къ этому путь.

Христофоръ Гевольдъ, Гервартъ, оба Мейбома продолжали эти трудолюбивыя изысканія, и самъ Лейбницъ участвовалъ въ нихъ. Въ эту эпоху появились первые опыты всеобщей исторіи литературы. ***Prodromus*** Ламбека, ***Polyhistor*** Даніила Маргафа обнаруживаютъ преждевременное стремленіе науки. Ужь видны попытки умственной дѣятельности человѣчества, обширныя и подробныя изысканія, которыя въ слѣдующемъ столѣтіи заняли всю жизнь Бруккера, Эйхгорна, Бутервекка, Герена и Вахлера. Списокъ былъ бы длиненъ, если приводить всѣ имена неутомимыхъ тружениковъ; но все это не историки. ***Война гусситовъ*** Теобальда, ***Взятіе Магдебурга*** — Фризіуса, ***Исторія германцевъ*** — Якова Маскова, ***Исторія Имперіи и императоровъ Германіи*** — Генриха Бунау изслѣдованія Шиллера, Маргафа, Эккардта — все это однѣ попытки написать настоящую, серьёзную исторію.

Знаменитый періодъ Лессинга и Клопштока не богаче историками. Средніе вѣка въ Германіи были описаны лѣтописцами; XVI и XVII столѣтія были торжествомъ ученыхъ. При наступленіи блистательной эпохи германской литературы, подвинулась ли исторія? На это служатъ отвѣтомъ слова журнала: *Гамбургская драматургія*. «Германія хочетъ имѣть національный театръ, а она еще не составляетъ націи». Самъ Лессингъ говоритъ, что Германія хочетъ имѣть историковъ; она хочетъ разсказывать національную жизнь своихъ народовъ, а у нея именно недостаетъ чувства этой національной жизни. Писатели ея прекрасно знаютъ міръ науки, но имъ неизвѣстенъ театръ, на которомъ борятся страсти и интересы людей. Они составляютъ сборники фактовъ, собираютъ документы въ тиши кабинета, но никогда сами не участвовали въ разсказываемыхъ ими событіяхъ. Откуда взять имъ жаръ для своихъ разсказовъ и картинъ?

Въ XVIII-мъ вѣкѣ исторія носитъ на себѣ печать тогдашней эпохи, то-есть мелочной ненависти и смѣшнаго пристрастія. Замѣчательнѣйшіе умы Англіи и Франціи не избѣжали этого вліянія, и часто ученѣйшіе люди, какъ Мейнерсъ, или Шлёцеръ, служатъ печальнымъ доказательствомъ преобладанія духа партій; нигдѣ не видно свѣтлаго вдохновенія, оживляющаго прошедшіе вѣка.

Наконецъ явился знаменитый писатель съ душою Лессинга и Клопштока, ставшій выше всѣхъ сухихъ историковъ XVIII-го вѣка. Гердеръ первый представилъ въ стройной картинѣ жизнь всего человѣческаго рода.

Замѣчательно, что первая исторія, которою Германія могла гордиться, написана была не историкомъ, а теологомъ–философомъ, и книга эта была не настоящая исторія, а философія исторіи. Въ эпоху Гердера и Лессинга Германія не умѣла еще писать настоящей исторіи, исторіи страстей и выгодъ въ борьбѣ между собою въ данную эпоху. Философіею исторіи Германія начала XIX-й вѣкъ; одною изъ величайшихъ литературныхъ заслугъ XIX-го вѣка было возстановленіе историческихъ наукъ. Огюстенъ Тьери, Минье, Гизо въ политической исторіи, Вилльменъ и Кузенъ въ литературной составляютъ замѣчательное явленіе нашего вѣка. Съ другой стороны въ Англіи Макоулей и послѣдователь его Мекинтошъ, Галламъ, Ализонъ, Карлейль съ честью трудились на этомъ поприщѣ. Въ одной Германіи не было еще настоящаго историка.

Послѣдователями Гердера были: Іоганнъ Мюллеръ, Шиллеръ, Архенгольцъ, Гормайеръ, Вилькенъ. Эта блистательная школа вскорѣ была остановлена чрезвычайнымъ развитіемъ критики. Возникла другая школа, которая стала проникать въ самые таинственные періоды исторіи. Если отъ какого-нибудь народа остались только разбросанные обломки и слова, которыхъ смыслъ былъ потерянъ, на эти остатки новая школа обращала всѣ свои усилія; изъ этихъ обломковъ зданій и отрывковъ рѣчей создавала она цѣлые языки и народы. Она какъ–бы хотѣла сказать своими разъисканіями: Германіи не дано великое искусство драматически разсказывать исторію, за–то будетъ у насъ по-крайней-мѣрѣ ученая исторія, философская, отыскивающая прошедшее въ развалинахъ вѣковъ, какъ новѣйшая геологія открываетъ жизнь первобытнаго міра въ слояхъ, исчезнувшихъ подъ землею. Но и для этой цѣли нуженъ былъ великій художникъ, долго-неявлявшійся. Нибуръ, Крейцеръ, Яковъ Гриммъ, конечно, великія имена, но на другомъ поприщѣ. Для исторіи нуженъ былъ бы такой же геній, какимъ для физическихъ наукъ былъ Александръ Гумбольдтъ.

Сверхъ–того, сколько мелочныхъ вещей въ археологіи, незнающей границъ! Сколько странныхъ догадокъ и смѣшныхъ парадоксовъ въ философіи исторіи, которая хочетъ быть всемірнымъ комментаріемъ. Возьмемъ, напримѣръ, ученаго Друмана: онъ лучше всѣхъ въ свѣтѣ знаетъ исторію классической образованности и могъ бы составить самую любопытную и поучительную книгу; но онъ лучше захотѣлъ доискаться генеалогіи всѣхъ латинскихъ фамилій, и въ этомъ геркулесовскомъ подвигѣ истощилъ всѣ свои познанія, которыя бы могъ съ такою пользою употребить на полезныя изслѣдованія. Когда, нѣсколько лѣтъ назадъ, явилась въ Лондонѣ прекрасная *Исторія Греціи* — Грота, въ одной остроумной лейпцигской газетѣ, вспоминая обо всемъ, что̀ германская ученость сдѣлала для изслѣдованія греческой древности, съ прискорбіемъ говорили: «не намъ ли принадлежала честь написать исторію греческой образованности? Но нѣтъ, намъ было нѐкогда. Намъ сперва надобно было изслѣдовать глубочайшую древность и доказать, что Елена была богиня луны, а Ахиллъ Гомера — рѣка».

Утѣшить Германію въ учености, неруководимой искусствомъ и въ философіи, обольщенной мнимымъ глубокомысліемъ, можетъ только историкъ, о трудахъ котораго мы хотитъ теперь поговорить: Леопольдъ Ранке. Конечно, Шлёссеръ, Дальманъ, Лео, Луденъ и даже Раумеръ принадлежатъ къ славнымъ именамъ Германіи XIX-го вѣка. Но это второстепенные историки; и при всемъ частномъ достоинствѣ ихъ сочиненій, въ цѣломъ они представляютъ много несовершенства и ошибокъ. Ранке принадлежитъ совсѣмъ къ другой категоріи: онъ истинный историкъ. Леопольдъ Ранке родился въ городѣ Вигѣ *(Wiehe)*, въ Тюрингенѣ 28-го декабря 1795 года. Вся жизнь его посвящена была ученію: изученіе исторіи и ученыя путешествія занимаютъ всѣ дни его. Драгоцѣнныя открытія и первоклассныя сочиненія занимаютъ всѣ страницы его біографіи. Окончивъ курсъ наукъ въ Шульпфартѣ, принялся онъ въ 1813 году за преподаваніе. Двадцати-трехъ лѣтъ, онъ былъ ужь учителемъ исторіи въ высшемъ классѣ гимназіи во Франкфуртѣ-на-Одерѣ.

Здѣсь онъ написалъ первую свою книгу: ***Исторія Германскихъ и Римскихъ племенъ.*** Это блистательное мастерское начало обратило на него вниманіе всей Германіи. Книга явилась въ 1824-мъ году; черезъ годъ открылось мѣсто въ Берлинскомъ Университетѣ: онъ приглашенъ былъ къ занятію каѳедры исторіи.

Здѣсь Ранке оказалъ еще болѣе усердія — и годъ-отъ-году болѣе шелъ впередъ на прекрасно-начатомъ поприщѣ. Система преподаванія его была вполнѣ-основательною, и безъ всякихъ педантическихъ требованій была ужь преобразованіемъ. Ранке былъ не ораторъ, и въ словахъ его нѣтъ той ясности, которою отличаются его сочиненія; однакожь, важность изысканій его, вѣрность взгляда, искусство въ изложеніи фактовъ и идей привлекали къ нему толпы слушателей.

Въ это время основалъ онъ историческую школу, гдѣ, подъ руководствомъ его, молодые таланты пріучались разбирать источники лѣтописей. Эта школа принесла важные плоды. Изъ нея вышли люди, занявшіе мѣсто въ исторической литературѣ XIX вѣка.

Современная эпоха болѣе всего занимала Ранке. Извѣстно, что малѣйшее событіе въ Германіи раждаетъ тысячи комментаріевъ. Изъ событій каждаго года можно составить цѣлыя библіотеки. Величайшее самолюбіе германскаго историка состоитъ въ томъ, что онъ все читалъ.

Ранке переписывался съ Меттернихомъ и пользовался его расположеніемъ. Въ 1827 году отправился онъ въ Австрію и Италію, посѣтилъ Вѣну, Венецію, Флоренцію, Римъ, Неаполь, вездѣ рылся въ библіотекахъ, государственныхъ архивахъ, министерскихъ депешахъ, посольскихъ донесеніяхъ, чтобъ вполнѣ ознакомиться съ политикою.

Въ сочиненіяхъ Ранке заключается вся его біографія. Профессоръ Берлинскаго Университета, онъ преподавалъ науку, изслѣдованіемъ которой занимался. При разсматриваніи его сочиненій, мы увидимъ,

что каждое обнаруживаетъ труды изслѣдователя и ярко обрисовываетъ его дарованіе. Переѣзжая изъ Берлина въ Лондонъ, изъ Лондона въ Парижъ, онъ вездѣ собиралъ новые источники свѣдѣній.

Замѣчательнѣе всего у Ранке единство цѣли во всѣхъ его произведеніяхъ. Онъ написалъ шесть большихъ сочиненій и четыре второстепенныя, составляющія комментаріи, или драматическіе эпизоды исторіи, и однакожь, всѣ эти книги образуютъ одно цѣлое, а именно: исторію современнаго міра. Изображаетъ ли Ранке Эскуріалъ, или ведетъ въ совѣтъ султана, изучаетъ ли онъ Игнатія Лойолу, разсказываетъ ли исторію Пруссіи или Французской Монархіи XVII вѣка — вездѣ можно замѣтить единство мысли и плана.

Первою его книгою была «Исторія Германскихъ и Римскихъ племенъ съ 1494 по 1535 годъ». Обыкновенно историки видятъ въ событіяхъ той эпохи вражду этихъ племенъ и явную борьбу двухъ вѣроисповѣданій. Разсматривая германскія и новолатинскія племена, Ранке, напротивъ, нашелъ, что оба элемента шли къ одной цѣли и сдѣлалъ изъ этого основную точку новѣйшей исторіи. «Во время первыхъ нашествій германцевъ на Римъ (говоритъ Ранке) Визиготѳъ Атаульфъ хотѣлъ сдѣлать изъ Рима готѳскую провинцію и быть ея цезаремъ. Это была великая мысль. Всѣ народы, сдѣлавшіеся давно посреди римскаго просвѣщенія *одною* націею, хотѣлъ онъ слить съ сѣверными племенами и составить новый міръ. Планъ Атаульфа не удался, но цѣль была ясно указана, и нѣсколько столѣтій спустя, не одни Визиготы, а все семейство германскихъ племенъ осуществило эту мысль Атаульфа».

Ранке нашелъ это же самое стремленіе въ событіяхъ отъ Карла Мартела до Христофора Колумба. Это было не поглощеніе одного племени другимъ, какъ въ-древности: два совершенно-различныя и могущественныя племени, раздѣленныя вѣковою борьбою, стремились къ одной и той же цѣли. Спросите у искусства, у языковъ, у законовъ среднихъ вѣковъ: посреди всѣхъ кажущихся различій, обманывающихъ невнимательнаго зрителя, ими управляетъ одно вдохновеніе, одна цѣль.

Крестовые походы не составляютъ ли единодушнаго порыва германскихъ и латинскихъ племенъ? А когда Христофоръ Колумбъ совершилъ свое чудное открытіе, кто далъ общественную жизнь Новому Свѣту? Колоніи германскаго и римскаго племени; Англо-Саксы въ Сѣверной Америкѣ, Испанцы и Португальцы въ Южной.

Въ какомъ положеніи были эти народы въ концѣ XV вѣка? Средніе вѣка кончились; начался новый періодъ. Вышедъ изъ младенчества, чѣмъ германскія и римскія племена ознаменовали свой зрѣлый возрастъ? Вотъ предметъ всѣхъ сочиненій Ранке. До-тѣхъ-поръ всѣ самыя продолжительныя войны были только поединками Италіи и Германіи, Англіи и Франціи. Въ концѣ XV вѣка поданъ былъ сигналъ къ великимъ европейскимъ войнамъ. Съ того времени всѣ племена вступили въ исполинскую борьбу. Языкъ, литература, религіозныя мнѣ-

нія — все начало болѣе-и-болѣе отдѣлять сѣверъ отъ юга. Ранке и тутъ не потерялъ изъ виду своей основной мысли. Тамъ, гдѣ другіе видѣли только возрастающую борьбу и уничтоженіе обществъ среднихъ вѣковъ, онъ видитъ Германію въ самой борьбѣ, еще яснѣе-указывающую на побужденія, общія всей Европѣ. Эти бурныя столкновенія, гдѣ столько народовъ сходятся, не означаютъ ли стремленія къ европейскому равновѣсію, то-есть къ единству событій, неразрушающему жизни народовъ, а дозволяющему свободное развитіе всѣхъ разноплеменностей; эта практическая идея составляетъ философію исторіи Ранке и обнаруживается съ перваго его сочиненія. При ясности такого основнаго правила безпристрастіе легко для историка. Сколько народовъ участвуютъ въ этой вѣковой борьбѣ, начатой походами Карла VIII въ Италію! Ранке разсказываетъ эти походы чрезвычайно-ясно. Видно, что авторъ вполнѣ изучилъ частную жизнь Франціи при Карлѣ VIII, Германіи при Максимиліанѣ, Италіи при Сфорцѣ и Савонаролѣ, Испаніи при Фердинандѣ и Изабеллѣ; онъ съ особеннымъ искусствомъ выбираетъ общія черты каждаго событія, и черты эти кажутся новыми. Не самыя историческія изслѣдованія, а болѣе всего результаты занимаютъ Ранке. Италія составляетъ средоточіе его сочиненій. Каждая республика, каждый городъ ясно и рельефно очерчены. Римъ и Александръ VI Неаполь и Аррагонцы, Флоренція и Сфорца, могущественная Венеція XVI вѣка, Падуа, Болонья, Пиза — всѣ средоточія пылкихъ страстей и разнообразныхъ выгодъ оживаютъ у него на каждой страницѣ. За этой добычей, о которой споритъ Европа, кто ведетъ въ бой германскія и римскія племена? Карлъ VIII и Лудовикъ XII, Максимиліанъ и Фердинандъ. Авторъ не рисуетъ портретовъ, но герои его дѣйствуютъ, и отличительная сторона этихъ дѣйствій остается въ памяти. Въ-особенности хорошо изображенъ Максимиліанъ. Всѣ германскія хроники XVI вѣка описывали супруга Маріи Бургундской, но между всѣми этими портретами нѣтъ двухъ одинакихъ — до-того измѣнчива эта историческая физіономія.

Любопытная картина Ранке кончается на эпохѣ, когда внукъ Максимиліана и Маріи Бургундской принимаетъ имя Карла V. Ранке обѣщалъ довести разсказъ до 1535, но до-сихъ-поръ вышелъ еще первый томъ, оканчивающійся 1514-мъ годомъ.

Годъ спустя послѣ этого замѣчательнаго сочиненія, Ранке издалъ дополненіе къ нему; а именно: «Критическій обзоръ сочиненій новѣйшихъ историковъ». Эта книга раздѣлена на двѣ части. Первая посвящена историкамъ XVI вѣка, писавшимъ германскую и римскую исторію; вторая — спеціальнымъ историкамъ, хроникамъ, біографіямъ.

Въ первой части помѣщенъ обзоръ шести писателей. Вопервыхъ, представленъ Гвичардини, котораго можно назвать отцомъ новѣйшей исторіи; потомъ мецскій епископъ Бокеръ, въ *Commentarii rerum gallicarum*, сообщившій драгоцѣнныя свѣдѣнія о XV вѣкѣ и передавшій Сисмонди многіе очерки для его картинъ итальянскихъ республикъ;

испанскій историкъ Маріана помѣщенъ въ этой галереѣ; за ними слѣдуютъ: Фуагеръ, Слейданъ и Павелъ Іовій. Изученіе этихъ писателей образцовое. Оно можетъ равняться съ разсказами изъ временъ меровингскихъ Огюстена Тьерри. Ранке объяснилъ какимъ образомъ Гвичардини написалъ свою книгу, какъ записывалъ ежедневно происшествія, не заботясь о ихъ причинахъ и послѣдствіяхъ. Ранке указываетъ при этомъ на мѣста, гдѣ свидѣтельство этого историка достовѣрно и гдѣ не должно довѣрять ему. Книга Гвичардини имѣла въ свое время огромный успѣхъ. Въ Италіи было десять изданій ея; она переведена на англійскій, нѣмецкій, голландскій, французскій и три раза на испанскій языкъ.

Прочихъ писателей Ранке разбираетъ не такъ подробно, и однакожь судитъ о нихъ съ большою проницательностью. Вторая часть его книги не такъ полна; въ ней исчислены всѣ частные историки Германіи, Франціи, Италіи и Испаніи, сообщившіе подробности объ отдѣльныхъ событіяхъ и лицахъ.

Исторія владѣтелей и народовъ Южной Европы въ XVII и XVIII вѣкѣ состоитъ изъ двухъ отдѣльныхъ сочиненій подъ однимъ названіемъ. Въ первомъ изображена картина Оттоманской Имперіи и Испаніи въ XVI вѣкѣ; второе содержитъ въ себѣ исторію папъ со временъ Лютера. Обозрѣвъ первое столѣтіе новѣйшей исторіи, Ранке пораженъ былъ двумя событіями, совершившимися въ Южной Европѣ. Два государства, которыя за пятьдесятъ лѣтъ предъ тѣмъ пріобрѣли чрезвычайное могущество и имѣли сильный перевѣсъ въ европейской политикѣ, въ-теченіе одного столѣтія потеряли всякое вліяніе на Европу, и напротивъ того, церковное владѣніе, потерявшее почти половину духовной своей паствы, потрясенное на короткое время, снова возстаетъ и употребляетъ новыя усилія съ новою энергіею. Преждевременный упадокъ Турціи и Испаніи съ одной стороны и неожиданное сохраненіе могущества папъ, съ другой—вотъ содержаніе этого сочиненія Ранке.

Можно удивиться, встрѣтивъ въ одномъ томѣ исторію Турціи и Испаніи. Но при всей своей странности, это соединеніе легко объясняется, если мы вспомнимъ, что всѣ сочиненія Ранке составляютъ одно цѣлое съ разными обширными эпизодами. Разсматривая совокупность этой картины, видна странная аналогія между испанскою монархіею и имперію оттомановъ. Сто лѣтъ назадъ, Монтескьё говоритъ по поводу коммерческихъ державъ Европы: «Какъ онѣ счастливы, что на свѣтѣ существуютъ Турція и Испанія, жители которыхъ безо всякой пользы владѣютъ самыми плодородными странами».

Не знаемъ, помнилъ ли Ранке эти любопытныя слова, но книга его представляетъ на нихъ цѣлый комментарій. Въ концѣ XV и въ началѣ XVI вѣка Турки угрожаютъ всему Западу. При Фердинандѣ-Католикѣ Испанія только-что возвратила себѣ независимость, а при Карлѣ V-мъ она ужь владѣла половиною Европы и Америкою. Отчего же черезъ пятьдесятъ лѣтъ положеніе этихъ державъ такъ измѣнилось?

Отчего распространилось молчаніе тамъ, гдѣ было такъ много шума и блеска? Этимъ вопросомъ объясняется планъ автора и единство книги. При этомъ сходствѣ двухъ народовъ есть между ними и противорѣчія, тоже сближающія ихъ. Ранке не забываетъ ихъ. Въ глагахъ историка могущество испанскаго и австрійскаго дома оправдывается тѣмъ, что посредствомъ власти, сосредоточенной въ однихъ рукахъ, Карлъ V-й могъ остановить вторженіе исламизма въ Европу. Въ Африкѣ, въ Италіи, даже на границахъ Турціи, испанско-австрійская монархія остановила завоеванія султановъ.

Ранке съ точностью исчисляетъ силу и слабость оттомановъ. Основанная войною, имперія оттомановъ поддерживала себя только одною войною, и въ тотъ день, какъ она остановилась на поприщѣ завоеваній, она начала упадать; съ той минуты, какъ Турція сдѣлалась не лагеремъ, а государствомъ, началось ея разрушеніе. Ранке для своего сочиненія пользовался учеными трудами германскихъ оріенталистовъ, въ-особенности глубокими изслѣдованіями Гаммера, хотя въ нихъ и мало ясности. Ранке извлекъ оттуда всѣ главныя черты своей книги и озарилъ мракъ, окружавшій турецкую исторію. Ярко и вѣрно описываетъ онъ султановъ. Солиманъ, Селимъ, Амуратъ IV оживаютъ подъ его перомъ. Онъ не только изображаетъ весь характеръ этихъ лицъ, но и указываетъ на неизбѣжныя причины невольнаго паденія и разрушенія этой монархіи, неимѣющей народа.

«Въ ней нѣтъ народа (говоритъ онъ). Она совершенно-справедливо называется по имени перваго своего основателя Отмана. Исторія ея представляетъ только орду дикихъ воиновъ и предводителя ихъ властителя, и невольниковъ. Если что̀ поддержало ее, несмотря на всѣ причины, которыя вели къ разрушенію, это, съ одной стороны, историческое обстоятельство, что никакой новый народъ не продолжалъ въ то время вторженій изъ Азіи въ Европу, а съ другой, что новѣйшая политика Европы составлялась въ то самое время, какъ имперія султановъ составила государство».

Въ половинѣ XVII вѣка испанско-австрійская монархія имѣла почти такую же участь, какъ Турція. Сила Карла V-го нужна была для отраженія мусульманъ. Какъ-скоро опасность прошла, имперія разрушилась.

Лучшее сочиненіе Ранке: *Исторія Папъ послѣ Лютера*. Вѣрность взгляда и проницательность — главныя его качества. Безпорядки управленія въ концѣ XV вѣка описаны широкою кистью. Между замѣчательными лицами превосходно изображены у него Юлій II и Левъ X. Исторія эта переведена и на русскій языкъ.

Ранке указываетъ минуту, когда папы и протестанство согласны были на обоюдныя уступки. Германія не хотѣла лишиться церковной іерархіи, а Италія желала преобразованій. Но этою минутою не воспользовались, и съ-тѣхъ-поръ раздѣленіе становилось все глубже-и-глубже. Кальвинъ ужь гораздо-далѣе отъ католицизма, нежели Лю-

теръ. Когда же явились iезуиты — всякое примиренiе было невозможно.

Первый томъ *Исторiи владѣтелей и народовъ Южной Европы* вышелъ въ 1827 году. Прочiе три составляютъ специальную исторiю папъ въ XV и XVII вѣкѣ; они явились въ 1836 году. Въ эти девять лѣтъ Ранке нѣсколько разъ посѣщалъ Италiю, гдѣ перерылъ всѣ венецiанскiе архивы, и въ донесенiяхъ посланниковъ нашелъ драгоцѣнные документы для новѣйшей исторiи. Благодаря этимъ документамъ, объяснилъ онъ эпоху XVI и XVII вѣковъ. А какъ они не могли быть помѣщены въ его исторiи, то онъ составилъ изъ нихъ двѣ отдѣльныя книги.

Подлѣ этихъ двухъ книгъ заслуживаетъ почетное мѣсто весьма-любопытное *Изслѣдованiе Итальянской поэзiи.* Изучая въ самомъ источникѣ судьбы Южной Европы съ XVI вѣка, Ранке сдѣлалъ драгоцѣнныя открытiя. Книга объ итальянской поэзiи была напечатана въ 1837 году и составляетъ прекрасную главу въ исторiи литературы. Въ Италiи среднихъ вѣковъ былъ знаменитый сборникъ *Reali di Francia*—длинный разсказъ въ прозѣ и въ эпической формѣ. Тутъ была помѣщена и пѣснь Роланда, и хроника ложнаго Тюрпена, и исторiя четырехъ сыновей Эймона, и главные эпизоды карловингской эпохи. Преданiя славянскiя смѣшаны съ германскими. До-сихъ-поръ еще венецiанскiе импровизаторы, собирая вокругъ себя слушателей на словакской набережной, разсказываютъ послѣ сыновей Эймона исторiю Карла XII. До изслѣдованiй Ранке была извѣстна только половина этой книги; онъ нашелъ въ Римѣ остальную половину, и соединилъ въ одну книгу эту странную Илiаду.

Ранке писалъ и о славянскихъ племенахъ. Сербскiе горцы занимаютъ незначительное мѣсто на картѣ Европы, но событiя, совершавшiяся въ-теченiе полувѣка въ имперiи Баязетовъ и Селимовъ, тѣсно связаны съ исторiею этого славянскаго племени. Онъ написалъ *Исторiю Сербiи*, и это одно изъ лучшихъ его сочиненiй. Драматическiй интересъ хроники соединяется съ важностью исторiи. Въ ней даже много поэзiи. Въ этой книгѣ не одна исторiя Сербiи, но описанiе всѣхъ переворотовъ, волновавшихъ Турцiю отъ конца XVIII вѣка до нашихъ временъ.

Въ 1839 году Ранке напечаталъ *Исторiю Германiи со времени реформы.* Онъ довелъ ужь ее до 1630 года, какъ вдругъ остановился и пустился опять путешествовать для отысканiя новыхъ документовъ. Не прежде, какъ черезъ четыре года издалъ онъ послѣднiе томы этой книги. Къ-несчастiю, въ ней слишкомъ много эпизодовъ; мѣстами авторъ слишкомъ-ученъ и недовольно-одушевленъ: онъ забываетъ иногда, что исторiя тоже искусство. По всему видно, что планъ его былъ превосходенъ, но что, увлеченный обширностью размѣровъ своихъ картинъ, онъ пустился въ излишнiя ученыя подробности. Однимъ словомъ: его *Исторiя Германiи* ниже *Исторiи Папъ.*

Ранке былъ въ это время назначенъ исторіографомъ Фридриха-Вильгельма IV, и ему оффиціально поручено написать исторію Пруссіи. Онъ посвятилъ на это всѣ свои знанія, способности и усердіе. Сочиненіе его названо: ***Девять Книгъ Исторіи Пруссіи***, и въ нихъ болѣе всего заключается изученіе жизни Фридриха II. Двѣ книги о Фридрихѣ-Вильгельмѣ I представляютъ много любопытнаго. Но исторія Фридриха II возбудила многія критики. Самого изображенія короля не видно въ ней.

Послѣ этого сочиненія, въ которомъ онъ обнаружилъ большія познанія въ политикѣ, Ранке возвратился къ XVI и XVII вѣку, составляющимъ любимую его эпоху. Онъ изслѣдовалъ потому исторію Франціи отъ Франциска I до Лудовика XIV. Ранке указываетъ на главную черту этой эпохи: учрежденіе монархіи, какая неизвѣстна была до-тѣхъ-поръ у германскихъ и римскихъ племенъ. Франція дала сперва феодальной системѣ самую блистательную организацію. Она со славою участвовала въ крестовыхъ походахъ. Потомъ эта же Франція нанесла первые удары феодализму; первая ниспровергла политическую власть духовенства; первая осмѣлилась соединиться съ Турціею. Послѣднимъ представителемъ *древней* Французской монархіи былъ Лудовикъ XII, монархъ важный, простодушный, ѣздившій въ парламентъ верхомъ на мулѣ. Все это вдругъ измѣнилось. Въ 1516 году Францискъ I, уступивъ Льву X нѣкоторыя права, въ которыхъ отказывали папамъ предмѣстники его, увеличилъ королевскую власть внутри и ослабилъ вліяніе духовенства на гражданскія дѣла. Борьба католиковъ и протестантовъ произвела потомъ важныя послѣдствія. Итальянка, вдова Генриха II, сдѣлавшись королевою Франціи, употребляла, для прославленія дѣтей своихъ, всѣ хитрости. Между побѣдителемъ при Мариньйянѣ и побѣдителемъ при Иври, то-есть между началомъ и развязкою драмы является кровавый эпизодъ религіозныхъ войнъ, въ которыхъ господствуетъ мрачный портретъ Екатерины Медичи. Впрочемъ, и это сочиненіе Ранке не доведено до конца. Ему еще остается описать Лудовика XIV.

Вотъ труды, доставившіе Леопольду Ранке первое мѣсто между германскими историками.

Другая заслуга Ранке состоитъ въ томъ, что онъ основалъ ***Историческое Училище***, гдѣ молодые умы пріучались, подъ руководствомъ его, заниматься историческими изслѣдованіями. Съ 1837 до 1839 г. издалъ онъ труды этихъ питомцевъ подъ общимъ названіемъ: ***Лѣтописи Германіи подъ управленіемъ династіи саксонскаго дома***, а именно: царствованіе Генриха-Птицелова и первыхъ трехъ Оттоновъ. Теперь ужь вышли три тома: въ первыхъ двухъ—текстъ лѣтописей, въ третьемъ—критическій разборъ источниковъ.

Трудолюбивые ученики Ранке употребили на этотъ періодъ германской исторіи, извѣстный менѣе другихъ, самыя точныя изысканія и политическую сметливость, переданныя имъ учителемъ ихъ. Ученики эти были: Георгъ Вайтцъ, Капке, Вильгельмъ Дённигеръ, Гизебрехтъ, Вильмансъ и Гиршъ.

Сочиненіе Ранке имѣло вліяніе и на Италію. Тамъ въ послѣднія пятнадцать лѣтъ, а особливо во Флоренціи, стали заниматься исторіею съ большою добросовѣстностью и искусствомъ. Тамошніе писатели воспользовались источниками Ранке, и въ 1839 году явилась книга: *Relazioni degli ambasciatori Veneti al senato raccolte, annotate ed edite da Eugenie Atteri*, въ которой видна школа германскаго историка. Вышло ужь семь томовъ, имѣвшихъ большой успѣхъ.

Другая книга въ этомъ же родѣ: *Archivo Storico* появилась въ 1842 году. Въ числѣ итальянскихъ учениковъ Ранке можно назвать Альфреда де-Ремона. Въ книгѣ: *Beiträge zur Italienischen Geschichte* (Берлинъ, 1853 г.) Ремонъ говоритъ въ посвященіи своему учителю: «вы открыли намъ большія дороги; я могъ только проложить проселочныя».

Ученый германскій литераторъ Гервинусъ въ книгѣ своей: *Введеніе въ исторію XIX-го вѣка*, съ большою гордостью говоритъ, что германскіе историки гораздо-выше французскихъ и отказываетъ послѣднимъ въ дарованіи. Подобныя сужденія еще болѣе возвышаютъ Ранке, который всегда былъ скроменъ и сознавалъ всѣ чужія заслуги. Онъ смѣло, какъ Саллустій, можетъ сказать: «общество больше выиграетъ отъ моихъ слабыхъ трудовъ, нежели отъ вашего хвастовства».

(Revue des Deux Mondes).

ОБОЗРѢНІЕ

СОВРЕМЕННАГО ДВИЖЕНІЯ РУССКАГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА И РАСПОРЯЖЕНІЙ ПРАВИТЕЛЬСТВА ПО ГОСУДАРСТВЕННОМУ УПРАВЛЕНІЮ ЗА ІЮНЬ 1854 ГОДА.

I. Государственныя учрежденія (Измѣненіе и дополненіе состава и правъ ихъ).

— Высочайше повелѣно: 1) Главное Медицинское Управленіе Морскаго Вѣдомства переименовать въ Медицинскій Департаментъ Морскаго Министерства; 2) Департаменту сему быть подъ начальствомъ директора, которому, вмѣсто нынѣ полагаемаго помощника, имѣть для помощи двухъ генерал–штаб–докторовъ: одного для балтійскаго флота, другаго для черноморскаго флота; 3) Главнаго доктора черноморскаго флота переименовать въ генерал–штаб–доктора сего флота; 4) Генерал–штаб–доктору балтійскаго флота производить то самое содержаніе, какое положено по штату упраздняемой должности помощника флота генерал–штаб–доктора; 5) Предоставить управляющему Морскимъ Министерствомъ, по соображеніи въ Адмиралтействъ–Совѣтѣ, войдти съ особымъ докладомъ о перемѣнахъ, которыя, вслѣдствіе сего, потребуются въ устройствѣ и дѣлопроизводствѣ бывшаго Главнаго Медицинскаго Управленія; 6) Ему же предоставить начертаніе инструкцій генерал–штаб–докторамъ флота.

— По случаю присоединенія, согласно Монаршей волѣ, состоявшихъ въ завѣдываніи покойнаго статс-секретаря Лонгинова учрежденій къ вѣдомству IV-го Отдѣленія Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи, повелѣно: 1) Въ замѣнъ упраздненной Канцеляріи Государыни Императрицы по управленію учебными и благотворительными заведеніями, состоящими подъ Высочайшимъ Ея Императорскаго Величества покровительствомъ, учредить при IV Отдѣленіи еще одну (пятую) Экспедицію изъ трехъ чиновниковъ: старшаго, помощника его и младшаго. 2) Для усиленія I–й Экспедиціи сего Отдѣленія прибавить къ настоящему оной, Высочайше утвержденному въ 1-й день января 1845 г. штату, помощника старшаго чиновника и младшаго чиновника, и 3) Къ положенному въ томъ От-

деленіи числу 8 писарей прибавить еще трехъ, съ переименованіемъ всѣхъ ихъ въ канцелярскіе чиновники.

II. Губернскія учрежденія (Измѣненіе и дополненіе состава и правъ ихъ).

— По обширности Киргизской Степи Сибирскаго Вѣдомства, согласно представленію генерал-губернатора Западной Сибири и положенію Сибирскаго Комитета, послѣдовало Высочайшее повелѣніе: 1) Изъ частей, находящихся на лѣвомъ флангѣ Киргизской Степи, именно: Кокбектинскаго и Аягузскаго внѣшнихъ округовъ и Семирѣчинскаго Края, городовъ: Семипалатинска, Усть-Каменогорска, и Бухтарминскаго Укрѣпленія и земель, занимаемыхъ нынѣ киргизами, кочующими на внутренней сторонѣ сибирской линіи по правую сторону рѣки Иртыша, образовать особую область, подъ наименованіемъ Семипалатинской. Управленіе сей новой области учредить на основаніи Высочайше-утвержденныхъ положенія и временнаго штата; и 2) съ отдѣленіемъ лѣваго фланга степи, правый флангъ оной, состоящій изъ остальныхъ пяти округовъ, оставить подъ нынѣшнимъ управленіемъ, переименовавъ оный въ Область Сибирскихъ Киргизовъ. Затѣмъ пограничнаго начальника сибирскихъ киргизовъ именовать впредь военнымъ губернаторомъ Области Сибирскихъ Киргизовъ, а Пограничное Управленіе—Областнымъ Управленіемъ Сибирскихъ Киргизовъ.

III. Законы о службѣ гражданской.

— Высочайше повелѣно: должность старшаго учителя и смотрителя Николаевской Школы, состоящей при Домѣ Призрѣнія Престарѣлыхъ и Увѣчныхъ Граждан въ Санктпетербургѣ, по общему расписанію отнести къ X классу.

— Повелѣно: 1) Право на награжденіе орденомъ, по силѣ статьи 1257 (по VI Прод.) за девятилѣтнюю службу въ должности окружныхъ начальниковъ и земскихъ исправниковъ въ Сибири, предоставленное лишь пріѣзжимъ туда чиновникамъ, распространить и на мѣстныхъ уроженцевъ; 2) равнымъ образомъ распространить на нихъ право помѣщать дѣтей своихъ на казенный счетъ въ гимназіи и университеты, въ число назначенныхъ при сихъ заведеніяхъ для сибирской службы стипендіатовъ; 3) для привлеченія на службу въ Сибирь молодыхъ людей, окончившихъ воспитаніе въ университетахъ, предоставить кандидатамъ и дѣйствительнымъ студентамъ, нигдѣ еще неслужившимъ, выдавать при назначеніи ихъ въ Сибирь, сверхъ двойныхъ прогоновъ, не въ зачетъ окладъ жалованья, по сравненію съ воинскими окладами.

— Въ разрѣшеніе возникшаго вопроса о размѣрѣ пособія вдовамъ писцовъ изъ кантонистовъ, находившихся въ закавказскихъ присутственныхъ мѣстахъ, умершихъ на службѣ и незаслужившихъ пен-

сіи, послѣдовало, согласно представленію намѣстника кавказскаго и положенію Кавказскаго Комитета, Высочайшее повелѣніе: 1) Вдовамъ 40 лѣтъ и моложе вышепомянутыхъ писцовъ, занимавшихъ классныя должности, выдавать единовременное пособіе по 33 р. 50 к. сереб.; вдовамъ же незанимавшихъ классныя должности писцовъ: 1-го разряда 33 р. 60 к.; 2-го разряда 25 р. 35 к.; 3-го разряда 21 р. 15 к.; 2) выдачу симъ вдовамъ въ единовременное пособіе годоваго жалованья по означеннымъ выше окладамъ производить тогда только, когда мужья ихъ состояли на службѣ отъ 10 до 25 лѣтъ и болѣе; но если служба ихъ составляла менѣе 10 лѣтъ, въ такомъ случаѣ выдавать имъ полугодовое жалованье тѣхъ же окладовъ; и 3) на этомъ основаніи назначать имъ единовременное пособіе по тѣмъ же окладамъ при такомъ еще условіи, когда оклады жалованья, производившагося мужьямъ ихъ, превышали опредѣленные въ п. 1-мъ оклады; въ противномъ же случаѣ, то-есть когда собственно жалованье мужей ихъ было менѣе сихъ окладовъ, опредѣлять имъ пособіе изъ этого меньшаго жалованья.

IV. Законы относительно казеннаго управленія.

— По вопросу: слѣдуетъ ли облагать подымною податью бухарцевъ, какъ занимающихся земледѣліемъ на земляхъ частныхъ владѣльцевъ, такъ и тѣхъ, кои, не занимаясь земледѣліемъ, производятъ торговлю, или снискиваютъ пропитаніе разными ремеслами и наймами въ частныя услуги, для разъясненія и въ дополненіе 793 ст. уст. о подат. (Св. Зак. Т. V) и 412 ст. Уст. Торг. (Св. Зак. Т. XI), постановлено: 1) что платежу подымной, замѣняющей подушную, подати, независимо отъ вноса денежныхъ и исправленія натуральныхъ земскихъ повинностей, подлежатъ всѣ вообще бухарцы, не исключая неимѣющихъ ни собственныхъ, ни казенныхъ земель, но занимающихся земледѣліемъ на земляхъ частныхъ владѣльцевъ, а также тѣхъ, которые занимаются не земледѣліемъ, а ремеслами, или находятся въ частныхъ услугахъ, или, наконецъ, будучи приписаны къ разнымъ селеніямъ, юртамъ и городамъ въ Западной Сибири, производятъ торговлю по свидѣтельствамъ 3-хъ родовъ, или же безъ свидѣтельствъ мелочную, не состоя притомъ въ гильдіяхъ; и во 2) что отъ платежа оброчной, взыскиваемой съ дома же подати, изъяты не только производящіе земледѣліе на собственныхъ земляхъ, но и всѣ, которые, не бывъ надѣлены казенною землею, занимаются земледѣліемъ на частныхъ владѣльческихъ земляхъ, или ремеслами:

— Независимо отъ ст. 419 Устава о податяхъ (Св. Зак. Т. V), заключающей въ себѣ правило, относящееся собственно до лицъ податныхъ состояній, постановлено, что дворяне, разночинцы, лица духовнаго званія и другіе сторонніе люди, въ селеніяхъ государственныхъ крестьянъ на ихъ земляхъ жительствующіе, обязаны заключать съ мірскими обществами на содержаніе участковъ общественной земли условія, съ платою наемныхъ денегъ.

— Высочайше повелѣно: ст. 2432 и 2443 Устава Горнаго дополнить слѣдующими примѣчаніями: а) (къ ст. 2432) киргизскіе султаны и другіе, имѣющіе чины почетные киргизы, могутъ производить золотой промыселъ въ Киргизской Степи, за исключеніемъ только тѣхъ округовъ, въ которыхъ лица эти состоятъ на службѣ, и б) къ ст. 2443) киргизскіе султаны и другіе, имѣющіе чины почетные киргизы, могутъ производить рудный промыселъ въ Киргизской Степи, за исключеніемъ только тѣхъ округовъ, въ которыхъ лица эти состоятъ на службѣ.

— *Въ дополненіе Св. Зак. Т. VIII Уст. оброч. ст. 17, 18, 27, 33, 55, 56, 86 и 89* постановлено: 1) утвержденіе торговъ на сдачу казенныхъ оброчныхъ статей Западной Сибири въ содержаніе, во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, гдѣ 55 и 56 ст. VIII Т. Св. Зак. Уст. Оброч. нужно согласіе министра государственныхъ имуществъ, а также введеніе новыхъ статей въ окладъ (ст. 33) и исключеніе изъ онаго (ст. 89) предоставляется генерал-губернатору тамошняго края, на усмотрѣніе и разрѣшеніе котораго поступаютъ также предположенія о мѣрахъ улучшенія статей, на основаніи ст. 27 и 33 того же Устава. Сообразно съ симъ и отчетность по казеннымъ оброчнымъ статьямъ, какъ-то: о перемѣнахъ по онымъ въ теченіе года (ст. 18), о доходахъ, ожидаемыхъ къ поступленію въ слѣдующемъ году (ст. 17), о суммахъ, слѣдовавшихъ съ содержателей, дѣйствительно поступившихъ и оставшихся въ недоимкѣ (ст. 86), представляется Казенными Палатами генерал-губернатору, который съ своей стороны доставляетъ министру государственныхъ имуществъ, по истеченіи каждаго года, одну общую отчетную вѣдомость о состояніи казенныхъ оброчныхъ статей. *Примѣчаніе.* Казенныя Палаты Западной Сибири, независимо отъ представленія генерал-губернатору окладнаго расписанія, о количествѣ ожидаемаго на каждый слѣдующій годъ дохода съ оброчныхъ статей, представляютъ таковое же расписаніе въ Первый Департаментъ Государственныхъ Имуществъ въ тотъ срокъ и по той формѣ, какіе указаны въ 17 ст., Т. VIII Уст. Оброч. (VI Продол.) *Въ дополненіе того же тома и Устава ст. 45.* 2) Въ обезпеченіе исправнаго вноса оброка, кромѣ денегъ и недвижимыхъ имуществъ, въ Западной Сибири принимаются въ залогъ: а) поручительства, при снятіи статей купцами, на основаніи Св. Воен. Постан. книги 1-й IV части ст. 556, и б) каменные домы въ уѣздныхъ городахъ, на основаніяхъ, въ ст. 1338—1364 Св. Зак. Граж. Т. X изложенныхъ. *Въ дополненіе того же тома и Устава ст. 50.* 3) Торги на сдачу въ оброчное содержаніе казенныхъ статей Западной Сибири производятся; а) въ округахъ, гдѣ находятся губернскіе города, въ Казенныхъ Палатахъ и б) въ прочихъ округахъ, въ мѣстныхъ Окружныхъ Управленіяхъ. Но еслибъ торги въ Окружномъ Управленіи оказались невыгодными, то вторичные торги назначаются въ Казенныхъ Палатахъ. *Въ дополненіе къ примѣчанію къ ст. 40 тома VIII (по 1 прод,) и ст. 62 того же тома (по XV Прод,)* 4) за содѣйствіе къ извлеченію большихъ выгодъ съ оброчныхъ статей и за открытіе новыхъ отчислять въ распоряженіе генерал-губернатора, для раз-

дачи въ награду чиновникамъ, содѣйствовавшимъ успѣху дѣла: а) со статей, доходъ съ которыхъ по торгамъ возвысился на 50% и со статей вновь-открытыхъ 20% единовременно изъ суммы годичной платы, и б) со статей, бывшихъ въ хозяйственномъ управленіи, когда прежній доходъ возвысился также на 50%, единовременно 10% изъ годовой выручки. Распредѣленіе этихъ денегъ между чиновниками предоставляется генерал-губернатору.

V. Законы о состояніяхъ.

— Въ дополненіе ст. 1455 свода о состояніяхъ (Св. Зак. т. IX) постановлено, что разсылка установленныхъ этою статьею метрическихъ книгъ, изъ Оренбургскаго Магометанскаго Духовнаго Собранія къ духовнымъ чинамъ Башкиро-Мещерякскаго Войска, и возвращеніе одного экземпляра оныхъ, вмѣстѣ съ взносимыми за эти книги деньгами, въ Духовное Собраніе, производятся чрезъ посредство командующаго и кантонныхъ начальниковъ помянутаго войска; 2) предписать мѣстному начальству, чтобъ деньги, взимаемыя, на основаніи Высочайше утвержденнаго 21 августа 1834 г. положенія Комитета Министровъ, съ совершаемыхъ между магометанами браковъ, для составленія капитала на построеніе въ г. Уфѣ дома Магометанскаго Духовнаго Собранія, были доставляемы въ это Собраніе отъ духовныхъ чиновъ Башкиро-Мещерякскаго Войска, чрезъ посредство тѣхъ же начальствующихъ надъ симъ войскомъ лицъ.

VI. Законы гражданскіе.

— Ст. 3477 Св. Зак. граж. т. X (изд. 1842 г.) жителямъ, исповѣдывающимъ магометанскую религію, предоставляется право во всѣхъ между ними спорахъ и тяжбахъ въ дѣлахъ семейныхъ по раздѣлу имѣній, по несогласію родителей съ дѣтьми и между супругами, искать удовлетворенія и разбираться въ Духовномъ Судѣ Шаро или Шаріатѣ. Нынѣ, въ разрѣшеніе возникшаго вопроса относительно производства и рѣшенія дѣлъ о раздѣлѣ имѣній между жителями Закавказскаго Края магометанскаго исповѣданія, согласно положенію Кавказскаго Комитета, Высочайше повелѣно, въ дополненіе къ означенной выше статьѣ, постановить слѣдующія правила: 1) Всякое рѣшеніе Шаріата должно-быть явлено при прошеніи вмѣстѣ съ переводомъ къ засвидѣтельствованію въ судѣ первой степени, а гдѣ онаго нѣтъ, у полицейскаго начальства, съ отмѣткою удовольствія или неудовольствія прежде истеченія мѣсяца со дня воспослѣдованія означеннаго рѣшенія. 2) По объявленіи тяжущимися на рѣшеніе Шаріата удовольствія, это рѣшеніе остается ненарушимымъ, пересмотру не подлежитъ и исполняется на томъ же основаніи, какъ и рѣшенія третейскихъ судовъ, съ соблюденіемъ порядка, для этихъ судовъ предписаннаго. 3) Въ случаѣ изъявленія въ мѣсячный срокъ со дня объявленія рѣшенія Шаріата на оное неудовольствія, предоставляется тяжу-

щимся въ четырехмѣсячный срокъ со дня объявленія этого рѣшенія, начать дѣло въ надлежащемъ судебномъ мѣстѣ. Это прошеніе не считается переносомъ дѣла на ревизію суда, или апелляціею, но подачею онаго просителю дается токмо право, предъявивъ споръ, начать дѣло въ обыкновенныхъ судахъ. 4) Судебныя мѣста рѣшатъ эти дѣла на основаніи законовъ магометанскихъ, наблюдая только въ порядкѣ производства оныхъ общія правила, установленныя для судебнаго производства въ Закавказскомъ Краѣ. Въ случаѣ, если судебныя мѣста встрѣтятъ надобность имѣть полный текстъ закона, на который тяжущимися сдѣлана ссылка, то входятъ съ представленіями о семъ непосредственно къ начальнику гражданскаго управленія, который, по истребованіи точной выписки этого закона отъ муштехида, или муфтія, смотря потому, къ которому изъ двухъ сектъ принадлежатъ тяжущіеся, препровождаетъ оную въ судъ, и 5) Прошенія, при которыхъ представляются рѣшенія Шаріата къ засвидѣтельствованію, а равно самыя рѣшенія и переводы съ нихъ принимаются на простой бумагѣ.

— По положенію Кавказскаго Комитета Высочайше повелѣно: въ дополненіе къ ст. 1347 Св. Зак. Граж. т. X, (изд. 1842 г.): находящіяся въ Моздокѣ каменныя зданія принимать въ залогъ по казеннымъ подрядамъ и поставкамъ на мѣстныя надобности Ставропольской Губерніи и Кавказской Линіи.

— Высочайше дозволено учредить Общество заводской обработки животныхъ продуктовъ, на основаніи проекта Устава, удостоеннаго Высочайшаго разсмотрѣнія 30 апрѣля.

— По положенію Комитета гг. Министровъ, Высочайше утвержденъ 7-го мая сего года проектъ Устава для учрежденія акціонерной компаніи пароходства по рѣкамъ Камѣ, Волгѣ и Окѣ, подъ названіемъ Камско-Волжскаго Пароходнаго Общества.

— На основаніи Высочайше утвержденнаго 7-го іюля 1852 года мнѣнія Государственнаго Совѣта введено съ 1-го января 1853 г., въ видѣ опыта, на три года взаимное застрахованіе строеній въ казенныхъ селеніяхъ отъ пожаровъ, которое обязательно было лишь для домохозяевъ изъ государственныхъ крестьянъ всѣхъ наименованій; но какъ оно установлено въ замѣнъ существовавшаго прежде на пособія въ пожарныхъ случаяхъ сбора по 4 коп. съ души, въ платежѣ котораго не участвовали водворенные на казенныхъ земляхъ евреи-земледѣльцы, то и самое застрахованіе на нихъ распространено не было. Нынѣ въ 7-й день іюня высочайше повелѣно: для преподанія евреямъ-земледѣльцамъ возможности получать необходимыя въ пожарныхъ случаяхъ пособія, распространить Высочайше утвержденныя правила о взаимномъ застрахованіи строеній въ казенныхъ селеніяхъ отъ пожаровъ и на селенія евреевъ-земледѣльцевъ, съ тѣмъ, чтобъ страховые платежи, вносимые тѣми евреями, для упрощенія счетоводства, причисляемы были къ страховому капиталу государственныхъ крестьянъ и чтобъ самое страхованіе было обязательно для

всѣхъ безъизъятiя евреевъ–земледѣльцевъ, также, какъ оно обязательно для всѣхъ государственныхъ крестьянъ. А какъ водворенные въ новороссiйскихъ губернiяхъ евреи–земледѣльцы, не состоя въ вѣдомствѣ Палатъ Государственныхъ Имуществъ, завѣдываются Попечительнымъ Комитетомъ объ иностранныхъ поселенцахъ южнаго края и зависящими отъ онаго особыми попечителями, то, соображаясь съ положенiемъ о порядкѣ водворенiя евреевъ–земледѣльцевъ на казенныхъ земляхъ, въ–отношенiи сихъ евреевъ, въ правилахъ положенiя о застрахованiи строенiй въ казенныхъ селенiяхъ сдѣлать слѣдующiя измѣненiя: 1) Всѣ обязанности, возложенныя положенiемъ на Палаты и Окружныя Управленiя Государственныхъ Имуществъ, отнести къ Попечительному Комитету иностранныхъ поселенцевъ южнаго края Россiи и къ мѣстнымъ попечительствамъ. 2) Общественныя строенiя въ селенiяхъ евреевъ–земледѣльцевъ, при неимѣнiи, или недостаткѣ процентовъ съ мiрскихъ капиталовъ, въ такомъ только случаѣ застраховывать на счетъ мiрскаго сбора, когда не будетъ для того свободныхъ общественныхъ доходовъ, и 3) двухсемейные домы, устроеваемые для новыхъ поселенцевъ о двухъ половинахъ на два семейства, принимать за два двора, доколѣ не сдѣлаются собственностью одного хозяина.

VII. Законы государственнаго благоустройства

— По положенiю Кавказскаго Комитета Высочайше повелѣно: лицъ, владѣющихъ лавками въ городахъ сѣверовосточнаго берега Чернаго Моря: Анапѣ, Новороссiйскѣ и Сухум–Кале, незаписанныхъ въ мѣщанство, или въ гильдiю, или въ одинъ изъ торговыхъ разрядовъ, или неимѣющихъ по закону права вступать въ гильдiи, освободить отъ вноса въ казну опредѣленной ст. 310 т. XI Св. Уст. Торг. (прод. VI) платы за право владѣнiя лавками, взыскивая съ нихъ только 10% съ этой платы въ доходъ города и не изъемля ихъ отъ всѣхъ прочихъ сборовъ, которые установлены, или впредь будутъ установлены съ недвижимыхъ имуществъ, находящихся въ означенныхъ городахъ. Льготу сiю допустить, въ видѣ временной мѣры, дотѣхъ–поръ, пока будутъ дѣйствовать на сѣверовосточномъ берегу Чернаго Моря разныя льготы и преимущества, жителямъ учрежденныхъ тамъ городовъ присвоенныя.

— Послѣдовало высочайшее повелѣнiе: 1) Существующiй въ Москвѣ Комитетъ снабженiя войскъ суконами закрыть и въ слѣдствiе того ст. 252—262 Уст. Промышл. (Св. Зак. Т. XI) отмѣнить. 2) Всѣ обязанности Комитета по снабженiю армiи и флота сукнами, подробно изложенныя въ правилахъ о поставкѣ суконъ и каразеи для армiи и флота (прилож. къ ст. 263 Св. Зак. Т. XI Уст. Промышл. по IX Продол.), возложить на Департаментъ Мануфактуръ и Внутренней Торговли, и для сего усилить Департаментъ по дополнительному штату. 3) Назначенные вновь по сему штату 7708 руб. 17 коп., сверхъ отпускаемыхъ уже нынѣ по штату Департамента 514 р.

60 коп. на жалованье и 214 р. 43 к. на столовыя секретарю, который переименовывается въ правителя канцеляріи, производить изъ суммъ Государственнаго Казначейства. 4) Съ возложеніемъ обязанностей означеннаго Комитета на Департаментъ Мануфактуръ и Внутренней Торговли, установить въ семъ Департаментѣ, въ замѣнъ ст. 406, 407 и 413 Учр. Минис. Св. Зак. Т I слѣдующее распредѣленіе дѣлъ: первый столъ Мануфактурнаго Отдѣленія 1) ведетъ подробныя вѣдомости о числѣ всѣхъ состоящихъ въ вѣдомствѣ Министерства Финансовъ частныхъ фабрикъ, мануфактуръ и заводовъ, и находящихся при нихъ рабочихъ людей; о количествѣ употребляемыхъ на оныхъ машинъ, инструментовъ и матеріаловъ, выработываемыхъ издѣлій и сбытѣ оныхъ внутри и внѣ государства; 2) производитъ дѣла: по прошеніямъ объ учрежденіи вновь фабрикъ и мануфактурныхъ заведеній; объ утвержденіи клеймъ, о льготахъ и пособіяхъ фабрикантамъ; о поощреніяхъ фабрикантовъ; объ учрежденныхъ на особыхъ правахъ или такъ–называемыхъ посессіонныхъ фабрикахъ, а также по прошеніямъ и жалобамъ поссессіонныхъ фабрикантовъ на крестьянъ и сихъ послѣднихъ на владѣльцевъ; о доставляемыхъ изъ Департамента Внѣшней Торговли иностранныхъ товарахъ для освидѣтельствованія качества ихъ и для примѣненія къ соотвѣтственнымъ статьямъ дѣйствующаго тарифа, дабы опредѣлить надлежащую пошлину; по указамъ Сената по предмету подобныхъ же дѣлъ, присылаемыхъ на заключеніе министра финансовъ; объ учрежденіи выставокъ; по завѣдыванію Санктпетербургскимъ Технологическимъ Институтомъ и учрежденными въ Санктпетербургѣ и Москвѣ Рисовальными Школами; по сношеніямъ съ Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія о публичныхъ техническихъ лекціяхъ и реальныхъ отдѣленіяхъ; о губернскихъ механикахъ; по сношенію съ мѣстными начальствами о тельминской (близь Иркутска) казенной суконной фабрикѣ. Предметы втораго стола Мануфактурнаго Отдѣленія: 1) Производство дѣлъ по сношеніямъ съ агентами и корреспондентами нашими въ чужихъ краяхъ по мануфактурной части, а также съ миссіями и консулами; объ учрежденіи обществъ и компаній для водворенія и усовершенствованія въ Россіи разныхъ отраслей промышлености; 2) завѣдываніе изданіемъ Журнала Мануфактуръ и Торговли и другихъ сего рода сочиненій; 3) составленіе проектовъ разныхъ общихъ постановленій, клонящихся къ споспѣшествованію и огражденію мануфактурной промышлености; 4) переписка всѣхъ бумагъ и производство дѣлъ учрежденнаго при Департаментѣ, для содѣйствія оному, Мануфактурнаго Совѣта, въ томъ числѣ производство по выдачѣ привилегій. Третій столъ Мануфактурнаго Отдѣленія имѣетъ предметомъ дѣла по заготовленію для арміи и флота суконъ, составленіе предварительныхъ по сей операціи сметъ и всѣ по оной сношенія. При Департаментѣ состоятъ Канцелярія и Архивъ на общемъ основаніи; 5) въ правилахъ о поставкѣ суконъ и каразеи для арміи и флота (прилож. къ ст. 263 Св. Зак. т. XI Уст. Промышл. по IX продол.) сдѣлать слѣдующія измѣненія: а) въ пунктахъ 7, 8, 11, 14, 15, 17, 19, 20, 22, 23, 24, 34 и 43 названіе Коми-

тета замѣнить названіемъ Департамента Мануфактуръ; б) къ пункту 14-му, въ замѣнъ содержащагося въ ст. 263 Уст. Промышл. т. XI узаконенія, по которому въ Комитетѣ снабженія войскъ сукнами присутствуетъ при торгахъ управляющій Московскою Коммиссаріатскою Коммиссіею, сказать: «при торгахъ въ Департаментѣ Мануфактуръ присутствуетъ также командируемый со стороны Военнаго Министерства, по назначенію министра, особый чиновникъ, который подписываетъ и составляемые по сему предмету журналы», и в) пунктъ 21-й изложить такъ: «по утвержденіи сей вѣдомости министромъ финансовъ, Департаментъ о раскладкѣ окончательно извѣщаетъ поставщиковъ чрезъ вѣдомости обѣихъ столицъ и губернскія, и приглашаетъ ихъ къ заключенію контрактовъ». 6) Слѣдующую на содержаніе Комитета по штату онаго сумму производить по 1-е сентября 1854 года, а по дополнительному штату Департамента Мануфактуръ со дня утвержденія онаго. 7) Согласно съ Высочайшимъ повелѣніемъ, послѣдовавшимъ 12-го ноября 1851 года, по случаю сокращенія штатовъ по разнымъ вѣдомствамъ, предоставить министру финансовъ, имѣющихъ остаться за штатомъ чиновниковъ Комитета, размѣстить преимущественно предъ другими на соотвѣтственныя ваканціи, а до опредѣленія ихъ къ новымъ должностямъ, производить имъ въ-теченіе двухъ лѣтъ, считая съ 1-го сентября 1854 года, если они не поступятъ на штатныя мѣста прежде, изъ казны пособіе, соразмѣрное половинѣ оклада жалованья, производившагося имъ по послѣдней должности. 8) Вслѣдствіе упраздненія Комитета измѣнить нѣкоторыя статьи Учреж. Минист. Св. Зак. т. I, относящіяся до состоящаго при ономъ Московскаго Отдѣленія Мануфактурнаго Совѣта, именно: въ ст. 416 исключить слова: «при Комитетѣ снабженія войскъ сукнами». Въ ст. 417 начало замѣнить слѣдующими словами: «Предсѣдатель Московскаго Отдѣленія Мануфактурнаго Совѣта назначается особыми Высочайшими повелѣніями по представленіямъ министра финансовъ». Ст. 418, 424 и 425 изложить такимъ образомъ: ст. 418. Дѣлами Мануфактурнаго Совѣта управляетъ начальникъ I-го Отдѣленія Департамента Мануфактуръ и Внутренней Торговли, а въ Московскомъ Отдѣленіи секретарь онаго. Ст. 424. Переписка Совѣта и Московскаго Отдѣленія отправляется наравнѣ съ казенною, первая чрезъ Департаментъ Мануфактуръ, а вторая отъ Отдѣленія. Ст. 425. Совѣтъ и Отдѣленіе его собираются ежемѣсячно по два раза, а въ случаѣ нужды и чаще, въ комнатахъ Департамента и въ помѣщеніи, какое будетъ отведено для Отдѣленія.

— Въ дополненіе постановленій о благоустройствѣ въ казенныхъ селеніяхъ (Св. Зак. т. XII) повелѣно изложить въ примѣчаніяхъ къ ст. 90 и 102 слѣдующія правила: ***Примѣчаніе къ ст. 90:*** 1) отставнымъ нижнимъ чинамъ, поступившимъ на службу изъ имѣній, купленныхъ въ казну, обращенныхъ въ казенное вѣдомство за долги и обязанныхъ платежами разнымъ учрежденіямъ, или другимъ вѣдомствамъ, хотя бы сіи чины поступили на службу до передачи тѣхъ имѣній въ завѣдываніе Министерства Государственныхъ Имуществъ, дозволяется водворяться въ ихъ селеніяхъ особыми усадьбами, или

въ прежнихъ семействахъ, на основаніи положенія объ устройствѣ военныхъ нижнихъ чиновъ въ казенныхъ селеніяхъ, съ изъятіемъ изъ онаго только въ-отношеніи надѣленія участками для хлѣбопашества, которыми, если бы при селеніяхъ этихъ состояло и болѣе восьмидесятинной пропорціи, отставные нижніе чины могутъ пользоваться не иначе, какъ по условію или съ обществомъ, если вся земля предоставлена оному, или съ управленіемъ, если послѣднее сохранило въ распоряженіи своемъ часть земли для извлеченія особеннаго дохода, каковое ограниченіе остается однако же въ дѣйствіи только до времени исполненія состоящихъ на этихъ имѣніяхъ долговъ и окончательнаго сравненія крестьянъ въ правахъ и обязанностяхъ съ государственными крестьянами, и 2) отставнымъ нижнимъ чинамъ, поступившимъ на службу изъ селеній, крестьяне которыхъ уволены въ государственные крестьяне, водворенные на собственныхъ земляхъ, не исключая отданныхъ въ рекруты прежде сего увольненія, дозволяется водворяться въ прежнихъ селеніяхъ особыми усадьбами не иначе, какъ съ согласія общества, а въ прежнихъ семействахъ безпрепятственно, съ выдачею имъ, какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ, установленнаго означеннымъ положеніемъ вспомоществованія изъ вспомогательнаго капитала. *Примѣчаніе къ ст. 102.* Крестьяне всѣхъ имѣній, состоящихъ въ управленіи Министерства Государственныхъ Имуществъ на особомъ положеніи, не исключая и тѣхъ водворенныхъ на собственныхъ земляхъ, которые не исполнили обязанностей своихъ къ уволившимъ ихъ помѣщикамъ, обязаны участвовать наравнѣ съ крестьянами, живущими на казенныхъ земляхъ, въ составленіи вспомогательнаго капитала, кромѣ установленнаго однакожь вноса денежныхъ платежей при переходѣ въ другое податное состояніе, который имъ не дозволяется до уплаты долговъ, или исполненія принятыхъ ими обязанностей.

— Высочайше повелѣно; 1) содержать въ Кіевской Фельдшерской Школѣ, сверхъ находящихся въ оной тридцати, еще пять воспитанниковъ, на-счетъ суммъ Кіевскаго Приказа Общественнаго Призрѣнія; и 2) на будущее время опредѣленіе числа воспитанниковъ, какъ въ кіевской, такъ и въ другихъ фельдшерскихъ школахъ, содержимыхъ на счетъ суммъ приказовъ, по мѣрѣ открывающейся надобности въ опытныхъ фельдшерахъ и сообразно съ средствами Приказовъ, предоставить Министерству Внутреннихъ Дѣлъ, согласно Высочайше утвержденному мнѣнію Государственнаго Совѣта 1 ноября 1832 года.

— Повелѣно: установленныя въ пунктахъ 1 и 3 примѣчанія къ ст. 1082 т. XIV уст. о сод. подъ стражею, продолж. XVI, дополнительныя правила о переселеніи въ Сибирь за дурное поведеніе лицъ податнаго состоянія, по которымъ, въ случаѣ обоюднаго согласія мужа и жены на временную по семейнымъ обстоятельствамъ разлуку, оставляется на мѣстѣ жительства тотъ изъ супруговъ, который не приговоренъ къ ссылкѣ въ Сибирь — распространить на удѣльныхъ крестьянъ и ихъ женъ.

VIII. Законы уголовные.

— По вопросу о порядкѣ свидѣтельствованія въ лѣтахъ подсудимыхъ лицъ купеческаго и мѣщанскаго сословій въ С. Петербургѣ повелѣно ст. 1160 Зак. Уголов. (Св. Зак. Т. XV по продол. VI) дополнить слѣдующимъ примѣчаніемъ: въ С. Петербургѣ къ сему свидѣтельству, вмѣсто Городскаго Головы, приглашаются старшины тѣхъ городскихъ сословій, къ которымъ принадлежатъ подсудимые.

События въ отечествѣ.

— *Пожертвованія гражданъ Ростова въ память совершившагося столѣтія обрѣтенію мощей св. Димитрія митрополита ростовскаго.* Въ память совершившагося 21 сентября 1852 года, столѣтія обрѣтенію мощей святителя Димитрія, Ростовское Городское Общество опредѣлило: 1) учредить въ Ростовѣ Домъ для призрѣнія 10 престарѣлыхъ и увѣчныхъ мѣстныхъ гражданъ и отставныхъ нижнихъ чиновъ, преимущественно изъ тамошнихъ же уроженцевъ, по равному числу тѣхъ и другихъ, съ присвоеніемъ этому заведенію наименованія, въ честь угодника Божія: «Ростовскаго Дома св. Димитрія для призрѣнія престарѣлыхъ и увѣчныхъ гражданъ». 2) Въ теченіе 10 лѣтъ взимать на устройство заведенія сборъ съ мѣстныхъ купцовъ: (1-й гильдіи по 15 р., 2-й по 10 р. и 3-ей по 1 р. 50 к. въ годъ съ каждаго капитала; съ мѣщанъ по 10 к. сер., съ ревизской души, по общественной раскладкѣ, а почетнымъ гражданамъ, въ гильдію незаписаннымъ, предоставить самимъ избирать, для платежа означеннаго сбора, разрядъ той или другой гильдіи, по произволенію. 3) Завести, за печатью Думы, книгу для принятія добровольныхъ приношеній въ пользу заведенія, дабы увеличить основный капиталъ на содержаніе его; и когда капиталъ будетъ достаточенъ на удовлетвореніе всѣхъ расходовъ, тогда открыть сказанное заведеніе. 4) Для помѣщенія его предоставить принадлежащій обществу каменный одноэтажный домъ. Независимо отъ сего, для устройства заведенія, составлена была гражданами добровольная подписка на 3131 р. 40 к., а нѣкоторые почетные граждане, кромѣ сдѣланнаго ими пожертвованія по подпискѣ, приняли на свой счетъ отстройку, назначеннаго по приговору общества, каменнаго одноэтажнаго дома, безъ увеличенія его въ пространствѣ, но со всѣми удобствами для помѣщенія въ немъ заведенія на 10 человѣкъ, первоначальное устройство постелей, одежды,

обуви, бѣлья, посуды и прочаго, что̀ нужно, по примѣру подобныхъ заведеній, содержимыхъ на счетъ Приказа Общественнаго Призрѣнія.—Святѣйшей Синодъ не встрѣтилъ препятствія къ ознаменованію гражданами Ростова вѣковаго юбилея обрѣтенія мощей св. Димитрія дѣломъ благотворенія, соотвѣтствующимъ памяти Святителя и чувству христіанскаго милосердія, а Министерство Внутреннихъ Дѣлъ, съ своей стороны, разрѣшивъ принятіе означенныхъ пожертвованій и приведеніе въ дѣйствіе означенныхъ приговоровъ ростовскаго Общества, дало знать губернскому начальству, что учрежденіе въ Ростовѣ Дома Призрѣнія Престарѣлыхъ и Увѣчныхъ, за недостаткомъ въ настоящее время средствъ, слѣдуетъ, согласно съ мнѣніемъ общества, отложить до того времени, пока составится нужный для того капиталъ и городское общество изыщетъ способы къ обезпеченію прочнаго существованія этого заведенія (Ж. М. В. Д).

— *Благотворительное пожертвованіе*. — Тотемскій купецъ Платонъ Ѳирсовъ духовнымъ завѣщаніемъ предоставилъ, между-прочимъ, изъ оставшагося послѣ смерти его наличнаго капитала третью часть раздѣлить на 200 равныхъ долей и изъ нихъ выдать: 1) Тотемскому Городскому Обществу 20 долей, съ тѣмъ, чтобъ проценты съ 10 изъ нихъ употребляемы были на платежъ податей за бѣднѣйшихъ мѣщанъ, а съ 10 другихъ долей — на содержаніе находящихся въ богадѣльнѣ, больницѣ, тюрьмѣ и на воспитаніе незаконнорожденныхъ дѣтей, или подкидышей, поровну (то-есть по $2^1/_2$ доли) на каждый предметъ. 2) Крестьянамъ пригородныхъ деревень Тотемскаго Округа 10 долей, и проценты съ нихъ употреблять, по мірскому приговору, на вспомоществованіе неимущимъ и бѣднѣйшимъ крестьянамъ. 3) Четыре доли на содержаніе лицъ, находящихся въ больницѣ и богадѣльнѣ Кяхты. 4) Положить на вѣчныя времена въ казенныя заведенія 78 долей, и проценты съ оныхъ выдавать въ назначенныя завѣщателемъ церкви и монастыри въ городахъ: Тотьмѣ, Иркутскѣ и Кяхтѣ. По смерти купца Фирсова, при засвидѣтельствованіи завѣщанія, объявленъ былъ принадлежащій ему капиталъ на сумму 150,730 руб. $36^3/_4$ коп. сер. (Ж. М. В. Д.).

— *Торговля*. — Отпускная торговля въ Ростовѣ на Дону находится въ совершенномъ застоѣ; оборотовъ, кромѣ отправляемыхъ за границу нѣсколькихъ грузовъ льнянаго сѣмени и свѣчнаго сала, изъ прошлогоднихъ запасовъ, никакихъ не происходитъ. На русскую шерсть до-сихъ-поръ не состоялось ни одной сдѣлки, почему и цѣны на этотъ товаръ опредѣлить правильно невозможно; пшеница въ самыхъ низкихъ цѣнахъ: большія партіи остаются безъ покупателей. При одесскомъ портѣ отпускная торговля также почти совершенно прекратилась: въ-теченіе мая вся цѣнность отпуска за границу простиралась только до 64,930 руб. сер., въ томъ числѣ льнянаго сѣмени вывезено 2083 четв. и шерсти 3590 пуд. Судоходство равнымъ образомъ почти прекратилось; прибыло въ маѣ изъ за границы всего 14, а отошло за границу 16 судовъ; всего же по одесскому порту въ приходѣ по 1-е іюня 314, а въ отходѣ 546 судовъ. Нѣсколько иностранныхъ

нейтральныхъ судовъ отправились изъ Одессы въ устье Днѣпра и въ Азовское Море для принятія тамъ грузовъ, преимущественно льняного сѣмени. Въ Бердянскѣ торговля идетъ понемногу и наиболѣе отправляется льняного сѣмени, а также сало скотское, кожи и шерсть-сырецъ. Иностранныхъ кораблей въ приходѣ было 20, а кромѣ того, нѣкоторые грузятся отсюда въ Керчи, черезъ карантинъ; ожидаютъ еще нѣсколько кораблей, для которыхъ ужь заготовляются грузы. (Спб. В.).

— *Буря*. — 21 мая, около $^1/_2$ 3-го часа пополудни, пронеслась надъ Ярославлемъ съ сѣверозапада большая туча съ проливнымъ дождемъ и бурей, которая въ-теченіе минутъ двадцати немало надѣлала вреда, а еще болѣе перепугала. На многихъ домахъ вихремъ подняло желѣзные листы съ кровель, а на другихъ вовсе сорвало мѣстами крыши и далеко унесло ихъ со стропилами, выхватило оконныя рамы, перебило стекла, повалило заборы и садовыя рѣшетки, въ садахъ повырвало деревья. Еще не приведенъ въ извѣстность весь вредъ, причиненный въ этотъ день бурею, а предполагается зла немало, особенно за городомъ на открытыхъ мѣстахъ. Туча, съ которою пронеслась эта буря, шла сперва съ югозапада по направленію къ сѣверу, подъ южнымъ вѣтромъ, и имѣла цвѣтъ синеватый; но, подойдя до половины западнаго небосклона, какъ-будто остановилась и боролась съ какою-то противодѣйствующею силою: слои облаковъ не двигались ни взадъ, ни впередъ, а только клубились и пѣнились на мѣстѣ, потомъ ужь вся масса двинулась къ востоку, на городъ, и вскорѣ понеслась съ необыкновенною быстротою; синеватость тучи измѣнилась въ бѣлый цвѣтъ, вѣтеръ ринулся съ сѣверо-запада, полился сильный дождь и отчасти градъ, но непродолжительный. Замѣчательна обстановка этой тучи: наканунѣ, въ два часа пополудни, была гроза, около полуночи другая, 21-го числа около 10-ти часовъ утра еще гроза, потомъ гроза въ полдень; во второмъ часу, съ югозапада же, пронеслась бѣловатая туча съ проливнымъ дождемъ и сильнымъ вѣтромъ, незадолго до бури, послѣ которой термометръ Реомюра показывалъ $+ 11^0$. Въ шесть часовъ вечера изъ-за югозападнаго горизонта показалась новая туча, которая скоро очутилась подъ самымъ городомъ, съ громомъ, молніей и такимъ ливнемъ, что въ четверть часа затопило улицы и площади. Послѣ этой грозы ртуть въ термометрѣ поднялась еще на одинъ градусъ. (Я. Г. В.).

— ***Наводненія*** — Оренбургской Губерніи, въ Стерлитамакѣ, въ ночи на 22-е апрѣля, разлившеюся рѣкою Стерлею затопило всю нижнюю городскую часть и Татарскую Слободу, такъ-что жители едва могли спастись, оставивъ въ домахъ скотъ и все имущество, водою сломало городской мостъ и снесло два соляные магазина, въ которыхъ хранились провіантъ инвалидной команды и вино. Столь же гибельны были разливы рѣкъ Уя и Увальки, протекающихъ у Троицка и вскрывшихся 15 апрѣля; разливомъ первой изъ нихъ затопило строенія, принадлежащія Оренбургскому Линейному № 6 батальйону, 20 домовъ частныхъ владѣльцевъ и снесло двѣ торговыя бани, а 23-

го числа еще болѣе поднявшаяся вода залила въ нижнемъ форштатѣ нѣсколько салотопенныхъ, кожевенныхъ и маслобойныхъ заводовъ. Количество убытковъ, понесенныхъ жителями отъ этого наводненія, въ-точности еще не извѣстно. Въ Тобольской Губерніи, по случаю весенней прибыли водъ въ рѣкахъ Иртышѣ, Ваагѣ, Турѣ и Тоболѣ, произошли наводненія въ городахъ: Тобольскѣ, Тюменѣ, Курганѣ и Ялотуровскѣ, причемъ въ Тобольскѣ затопило до 500, въ Тюменѣ — до 800, въ Курганѣ до 250 домовъ и въ Ялотуровскѣ всю ближайшую къ рѣкѣ Тоболу улицу; кромѣ того, въ округахъ значительно испорчены по дорогамъ гати и снесены мосты. (Ж. М. В. Д.).

— *Пожары.* — Офиціальныя донесенія представляютъ за послѣднее время свѣдѣнія о 88-ми пожарныхъ случаяхъ, причинившихъ бо̀льшею-частью огромныя потери; изъ нихъ 16 произошли въ городахъ и 72 въ селеніяхъ, а по времени 4 относятся къ марту, 64 были въ апрѣлѣ и 20-ть въ маѣ, умышленнымъ поджогомъ приписывается 5 пожаровъ, 3 произошли отъ молніи, а остальные 80-ть отъ разнаго рода неосторожностей съ огнемъ. Въ пламени погибли: двое мужчинъ, девять женщинъ и дѣвять дѣтей обоего пола, да отъ обжога умеръ одинъ мужчина и одна женщина осталась въ безнадежномъ положеніи. Замѣчательнѣйшіе пожары по убыткамъ произошли въ Нижнемъ Новгородѣ, гдѣ сгорѣло 132 дома, въ томъ числѣ 10 каменныхъ, въ заштатномъ городѣ Бѣловодскѣ, Харьковской Губерніи, въ Чистополѣ, Казанской Губерніи, гдѣ жертвою пламени сдѣлалось до 300 домовъ, въ Канскѣ, Енисейской Губерніи, въ селѣ Ишѣевкѣ, Симбирскаго Уѣзда и въ селѣ Греблештахъ, Ораньскаго Уѣзда, Бессарабской Области. (Ж. М. В. Д.).

Но всѣхъ опустошительнѣе былъ пожаръ въ Самарѣ. Не прошло еще четырехъ лѣтъ послѣ большаго пожара, претерпѣннаго Самарою въ іюнѣ 1850 года, какъ въ маѣ настоящаго года снова Богъ послалъ на этотъ городъ тяжкое и разорительное несчастіе. 12-го числа въ 7 часовъ утра загорѣлся домъ мѣщанина Кукарина на Преображенской Улицѣ, недалеко отъ Волги. Какъ-скоро началась тревога, то полиція тотчасъ прибыла на мѣсто пожара, но огонь ужь быстро и сильно успѣлъ разлиться по надворнымъ строеніямъ, тѣснымъ и почти сплошнымъ, при сильномъ и порывистомъ вѣтрѣ, имѣвшемъ направленіе вдоль Волги, отъ сѣвера на югъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ тысячи народа стеклись на пожаръ, но ужь было поздно: огненный потокъ пожиралъ зданія по направленію вѣтра. Подъ вѣтромъ до конца квартала оставались 4 дома каменныхъ и 1 деревянный, но и тѣ отъ тѣсноты надворныхъ при нихъ строеній не могли быть спасены. Тщетны были усилія полиціи и народа спасать зданія въ прямой линіи по направленію огня и на улицахъ Преображенской и Набережной; потому начали отстаивать другую лѣвую сторону Преображенской Улицы, чтобъ пересѣчь путь огню во внутрь города. Междутѣмъ огонь по направленію вѣтра уже близился къ концу квартала, гдѣ пытались остановить разрушительную силу его, но напрасны были всѣ усилія: пламя перешло на другой кварталъ, застроенный тоже

лучшими въ городѣ и все двуэтажными домами. Очевидно было, что и этотъ кварталъ скоро сдѣлается жертвою огня; оставалось опять спасать лѣвую сторону улицы, и хотя отъ чрезвычайнаго жара на ней загорались домы, но ихъ съ большимъ усиліемъ спасли. Въ концѣ горѣвшаго квартала стоялъ завѣтный для Самары храмъ Успенія Божіей Матери, съ придѣломъ во имя святителя митрополита Алексія, нѣкогда предсказавшаго блистательную участь Самары и особенно–чтимаго самарцами. Употреблены были всѣ усилія спасти храмъ Божій, но не могли спасти; успѣли только вынести все изъ храма и даже снять заблаговременно малые колокола; изъ трехъ же большихъ, два, поліельный и будничный повисли на желѣзныхъ полосахъ, а самый большой, пробивъ два деревянные пола верхнихъ ярусовъ, а въ нижнемъ каменный сводъ, упалъ, невредимый, на мусоръ. Когда погибалъ второй кварталъ, полиція съ народомъ опять хотѣла отстоять слѣдующій; но, къ–несчастью, въ одномъ домѣ, обреченномъ въ жертву огня, были 4 бочки смолы, которыя усилили огонь и онъ перелетѣлъ за линію защиты, въ 3 кварталъ; загорѣлись новые домы, выстроенные послѣ пожара 1850 г. Не болѣе, какъ въ часъ, не стало третьяго квартала; четвертый почти было отстояли; но вдругъ за лицевою линіею его вспыхнулъ сѣновалъ и огонь, при усилившемся вѣтрѣ, снова разыгрался, бѣжа по зданіямъ. Тутъ же не могли отстоять и параллельнаго съ нимъ квартала, и загорѣлись вдругъ два квартала, составлявшіе красу города. Изъ пламени летѣли по вѣтру горящія головни, доски, лубья и рогожи и, перелетая черезъ хлѣбную Казанскую Площадь, зажгли за рѣкою Самарою облитую полою водой слободку. Тотчасъ посланы были туда лодки и досчаники спасать людей. Окончаніе пожара представляло ужасно–поразительную картину: вѣтеръ кружился вихрями; изъ оконъ и дверей домовъ исходили длинныя струи пламени и змѣились въ разныя стороны; на площади кипѣли столбы пыли, летали горящія головни, кули и рогожи. Народъ ринулся бѣжать съ площади и спасался, кто гдѣ могъ; но тутъ суждено было кончиться ярости огня. Никто не думалъ, чтобъ церкви Казанская и Спаса Преображенія, за первой кварталъ домовъ и амбары хлѣбные на берегу Самары и Волги, могли уцѣлѣть; сверхъ всякаго чаянія, онѣ остались невредимы, тѣмъ болѣе, что къ спасенію всѣхъ этихъ зданій уже не было употреблено большихъ усилій; потому–что народъ и пожарная команда выбились изъ силъ, сражаясь съ огнемъ почти цѣлый день безъ отдыха и пищи. Съ окончаніемъ дальнѣйшаго движенія огня вѣтеръ сталъ дуть слабѣе; постигнутые пожаромъ домы и строенія догорали и дымились болѣе сутокъ. Пожарная команда гасила огонь изъ трубъ; въ помощь ей наряжены были городскіе обыватели; 14 мая исчезли признаки огня; только во всемъ городѣ долго былъ чувствителенъ сильный запахъ отъ сгорѣвшихъ зданій, хлѣба и другихъ веществъ. 15 числа пожарище пяти лучшихъ погибшихъ кварталовъ представило изъ себя самую печальную и горестную картину: тамъ, гдѣ за три дня высились красивыя зданія, стояли обгорѣвшія стѣны, или однѣ печи съ трубами, или чистыя подернутыя пепломъ площади, и среди ихъ толпились уны-

лыя лица граждан, собиравших остатки обгорѣвших строительных материалов, товаров и разных вещей. В настоящій пожар в городѣ сгорѣло каменных домов 55, полукаменных 15, деревянных 80, за рѣкою Самарою 9 деревянных и 4 завода салотопенных. Из них застрахованы были: в 1 Страховом от огня Обществѣ 18 домов, на сумму около 48 т. р. сер., и во 2 Обществѣ 20, на сумму около 70 т. р. сер. (С. Г. В.)

ОБЪЯСНЕНІЕ ПЛАНА КРИСТАЛЬНАГО ДВОРЦА ВЪ СЕЙДЕНГЭМѢ.

1, 1. Входы.

2, 2. Комнаты для мужчинъ
3, 3. Комнаты для дамъ
4, 4. Комнаты для умыванія рукъ
} Здѣсь, какъ и въ NN 23 постоянно находится прислуга, надзиратели и надзирательницы за нею и лица для исполненія требованій посѣтителей.

5, 5, 5, 5, 5,..... Лѣстницы, ведущія на верхнія галереи.

Южная половина.

6. Отдѣленіе естественной исторіи Новаго Свѣта.
Входы и передніе фасы этого и всѣхъ другихъ отдѣленій и палатъ уставлены растеніями, цвѣтами, деревьями и статуями. Группы этихъ украшеній означены точками на планѣ, когда занимаютъ широкое пространство, напр. передъ NN 11, 12, 13, 31 и проч. Ряды маленькихъ точекъ, идущіе по всему зданію — чугунныя колонны, поддерживающія кровлю и галереи.
7. Отдѣленіе естественной исторіи Стараго Свѣта.
8, 8. Лѣстницы, ведущія къ станціи желѣзной дороги.
9, 9, 9, 9..... Открытые коридоры, или наружныя галереи, выходящія на садовую террасу.
10. Помпейскій домъ.
NB. Между №№ 5, 5, 1, 9, 10 и 18 трансептъ южной половины дворца.
NB. NB. Продолговатыя очертанія, идущія по срединѣ обоихъ боковыхъ трансептовъ и занимающія средину оконечностей дворца между №№ 5, 7, 10, 18 на южной половинѣ и №№ 36, 43, 43, 43, 38, и 42 на сѣверной половинѣ — фонтаны, окруженные группами статуй, деревьевъ и т. п.
11. Шеффильдская палата.
12. Бирмингэмская палата.
13. Палата писчей бумаги и письменныхъ принадлежностей.
14 и 15. Отдѣленіе минеральныхъ издѣлій.
16. и 17. Палата мёбели.
18. Палата музыкальныхъ инструментовъ.

19. Манчестерская палата бумажныхъ и другихъ мануфактурныхъ издѣлій.
20. Вторая палата мануфактурныхъ издѣлій.
21. Палата иностранныхъ издѣлій.
22. Портретная галерея.

Средній трансептъ.

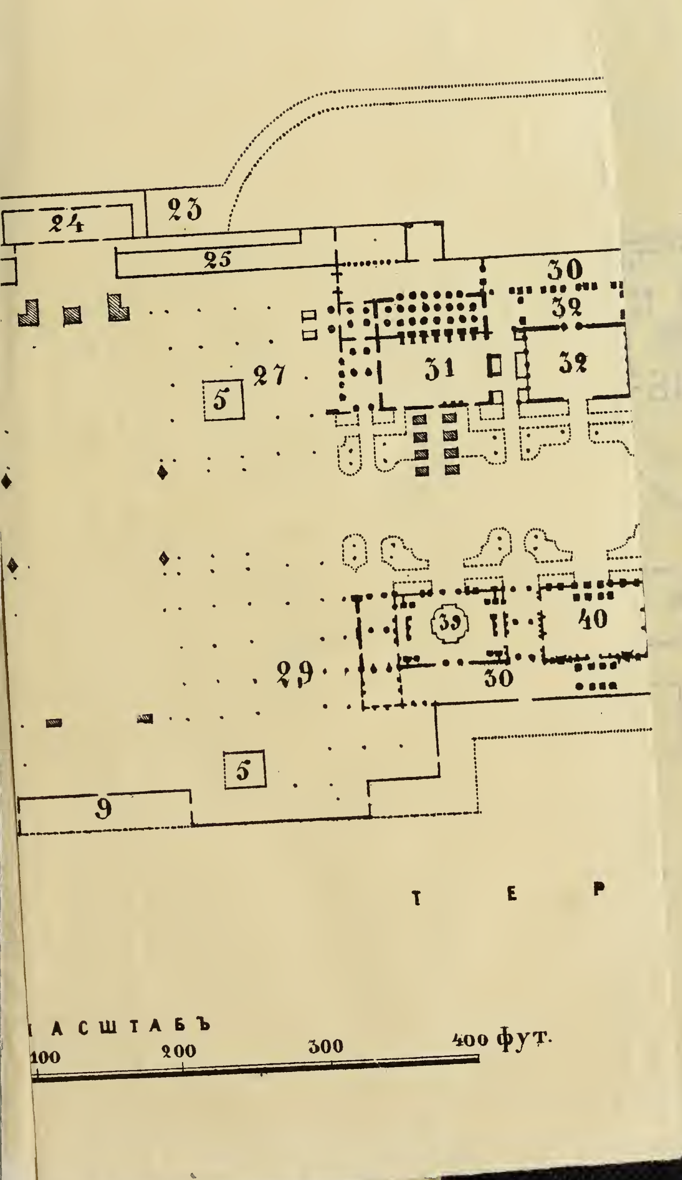
23, 23. Комнаты для прислуги.
24. Главный входъ.
25, 25. Бюро дворцоваго управленія.
26. Отдѣленіе англійской и германской скульптуры.
27. Отдѣленіе греческой и римской скульптуры.
28. Отдѣленіе французской и итальянской скульптуры.
29. Отдѣленіе скульптуры среднихъ вѣковъ и эпохи возрожденія.
Четыре большія точки, образующія квадратъ въ самой срединѣ площади главнаго трансепта — четыре колоссальныя статуи: группа Фарнезскаго Геркулеса, статуи Рубенса, адмирала Дюкена и Роберта Пиля.

Сѣверная половина.

30, 30. Галерея, ведущая къ палатамъ.
31. Египетская палата.
32, 32. Греческія палаты.
33, 33. Римскія палаты.
34. Альгамбрскія палаты. 35, 35, 35. Зала правосудія. 36, 36 Львиная палата.
37. Ниневійская палата. 38, 38. Быки, стоящіе передъ нею
39. Итальянская палата.
40. Палата эпохи возрожденія.
41. Палата среднихъ вѣковъ.
42. Византійская палата.
43, 43, 43, 43. Сфинксы.
44, 44, 44. Королевскія апартаменты. 45. Покои королевы.

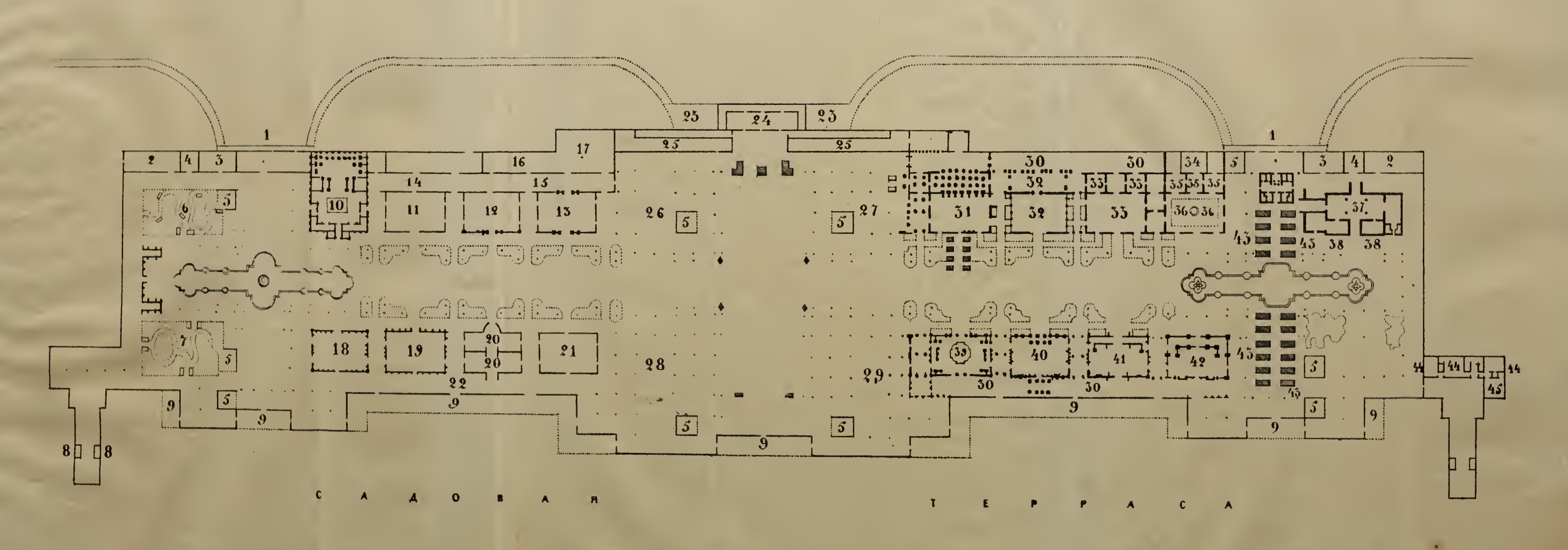
1

ворца и садовъ въ Сейденгэм

Къ № 8 Отечествен. Записокъ 1854 г.

Планъ Кристальнаго Дворца и садовъ въ Сейденгэмѣ.

МАСШТАБЪ

100 75 50 25 0 100 200 300 400 фут.

НОВОСТИ

ЛИТЕРАТУРЫ, ИСКУССТВЪ, НАУКЪ И ПРОМЫШЛЕНОСТИ (*).

Прилагая къ этой книжкѣ «Отечественныхъ Записокъ» ***Планъ Кристальнаго Дворца и садовъ въ Сейденгэмѣ***, мы обязываемся тѣмъ самымъ представить читателямъ по возможности полное обозрѣніе замѣчательнаго зданія, о которомъ не можетъ безъ увлеченія говорить ни одинъ изъ десятковъ тысячъ людей, присутствовавшихъ при торжествѣ его открытія, и сотенъ тысячъ посѣтившихъ его въ-теченіе нѣсколькихъ слѣдующихъ недѣль. Въ «Отечественныхъ Запискахъ» не разъ ужь говорилось о происхожденіи, планѣ и назначеніи Сейденгэмскаго Кристальнаго Дворца. Напомнимъ кратко эти прежнія извѣстія.

Всеобщій восторгъ, возбужденный Кристальнымъ Дворцомъ лондонской всемірной выставки, возбудилъ въ его основателяхъ надежду, что правительство, которое отвело для нея мѣсто въ Гайд-Паркѣ только съ условіемъ, что зданіе будетъ временное и будетъ сломано по закрытіи выставки, согласится измѣнить свое рѣшеніе и позволитъ оставить навсегда Кристальный Дворецъ на прежнемъ мѣстѣ. Вмѣстѣ съ основателями почти вся англійская публика надѣялась этого. Уже составлены были предположенія обратить Кристальный Дворецъ въ садъ; но парламентъ не могъ согласиться на просьбу директоровъ и желаніе общества: рѣшено было сломать дворецъ, сохраненіе котораго отняло бы у лондонскихъ жителей ихъ лучшее гулянье. Сожалѣніе о погибели, предстоящей чудному зданію, было всеобщее; оно доходило до забавной жолчности: ревностные поклонники дворца громко осуждали парламентъ; газеты наполнялись статьями, убѣждавшими англійскій народъ «спасти отечество отъ позора, кото«рымъ покроетъ его разрушеніе Кристальнаго Дворца, служащаго «воспоминаніемъ о столь великомъ событіи, какъ всемірная выставка». Пользуясь расположеніемъ умовъ, Пакстонъ, знаменитый строитель дворца, предложилъ нѣсколькимъ капиталистамъ купить зданіе у преж-

(*) Составлено по журналамъ: Revue des Deux Mondes, Revue de Paris, Revue Britannique, Revue Contemporaine, Edinburgh Review, Bibliothèque de Génève, Illustration, Illustrated London News, Illustrirte Zeitung, Magazin für die Litteratur des Auslandes, Das Ausland, Erheiterungen, Athenaeum, Novellen-Zeitung, Institut, Indépendance Belge, Journal des Débats.

нихъ владѣльцевъ и перенести его куда-нибудь въ окрестности Лондона (въ городѣ не нашлось бы мѣста для такой огромной постройки). Онъ совѣтовалъ имъ обратить перестроенный дворецъ въ музей искусствъ, естественныхъ наукъ и исторіи; по его соображеніямъ, предлагаемая имъ громадная спекуляція должна была найдти достаточную поддержку въ публикѣ; онъ успѣлъ убѣдить и капиталистовъ. 17-го мая 1852 года составилась «Компанія Кристальнаго Дворца», подъ предсѣдательствомъ президента брайтонской желѣзной дороги, Семюэля Лэнга (Laing), и въ нѣсколько дней былъ собранъ нужный по сметѣ капиталъ въ 1,000,000 фунтовъ стерлинговъ (около 6,000,000 руб. сер.). Подробный проектъ задуманнаго Пакстономъ предпріятія, обработанный адвокатомъ Личемъ (Leech) и потомъ просмотрѣнный Фоллеромъ (Fuller), нынѣшнимъ директоромъ Сейденгэмскаго Дворца, былъ утвержденъ компаніею; дворецъ купили за 75,000 фунт. стерлинговъ (450,000 руб. сер.). Пакстонъ отъискалъ для новаго учрежденія удобное мѣсто по брайтонской дорогѣ, верстахъ въ десяти на югъ отъ Лондона, близь сейденгэмской станціи. 5-го августа 1852 года происходила закладка зданія, и менѣе нежели въ два года работы были окончены на столько, что 10-го іюня 1854 года новый дворецъ былъ открытъ королевою при стеченіи 40,000 зрителей.

Сейденгэмскій Музей признаетъ себя сыномъ всемірной выставки 1851 года; и дѣйствительно, даже въ порядкѣ работъ было нѣчто напоминающее всемірную выстарку: строителями руководило убѣжденіе, что пересозидаемый дворецъ долженъ сохранить свой первобытный характеръ—служить соединеніемъ всего, что только можетъ быть найдено превосходнѣйшаго въ искусствѣ всѣхъ народовъ, и что этого можно достигнуть только при равной помощи англійскихъ и иностранныхъ артистовъ. Отпечатокъ этой мысли былъ видѣнъ и на матеріальной сторонѣ труда: французскіе, итальянскіе, нѣмецкіе художники и отличнѣйшіе мастеровые работали вмѣстѣ съ англійскими надъ построеніемъ и украшеніемъ новаго музея; иностранныхъ рабочихъ было даже болѣе, нежели англійскихъ; на подмосткахъ и лѣстницахъ равно раздавались французская chanson, итальянская арія, нѣмецкая пѣсня, англійская пѣсня. Даже грубая исполнительная часть труда должна была, по убѣжденію директоровъ, соотвѣтствовать эстетическому назначенію дворца: не щадя издержекъ, они только искуснымъ мастерамъ поручали исполненіе тѣхъ декоративныхъ работъ, раскрашиванья и рѣзьбы, которыя обыкновенно исполняются простыми малярами и плотниками. И дѣйствительно, перестроенный дворецъ вышелъ чудомъ искусства, красоты и великолѣпія; онъ на столько же изящнѣе, роскошнѣе прежняго Гайд-паркскаго Дворца, на сколько Гайд-паркскій Дворецъ былъ выше самыхъ восторженныхъ ожиданій. Говоря это, мы повторяемъ похвалы не однѣхъ только англійскихъ газетъ: ихъ восхищеніе вполнѣ раздѣляли французскія газеты; нѣмецкія газеты говорятъ о «чудномъ дворцѣ» тономъ еще болѣе увлекающимся, нежели даже англійскія. И съ какою недовѣрчивостью ни начали бы мы читать эти сотни восторженныхъ статей, невольно прій-

демъ къ убѣжденію, что всеобщее увлеченіе чистосердечно и основательно. Чѣмъ болѣе читаешь о новомъ дворцѣ, тѣмъ болѣе убѣждаешься въ этомъ: и единодушіе восторга, и тысячи подробностей, и виды разныхъ частей дворца, наполняющіе теперь иллюстрированные журналы—все показываетъ, что новый Кристальный Дворецъ въ Сейденгэмѣ—нѣчто необыкновенно-великолѣпное, изящное, ослѣпительное.

За удачное исполненіе ручались директорамъ и публикѣ имена людей, которымъ компанія поручила управленіе работами: большею частью это были люди, уже удостоившіеся всеобщихъ похвалъ за построеніе прежняго Кристальнаго Дворца въ Гайд-Паркѣ. Сэръ Джозефъ Пакстонъ, архитекторъ прежняго дворца, управляетъ въ Сейденгэмѣ работами по саду, парку, оранжереямъ и всему растительному отдѣленію, завѣдуя также общимъ построеніемъ самаго зданія; подрядчикамъ, выстроившимъ прежній дворецъ, Фоксу, Гендерсону и К° поручена была и перестройка дворца въ Сейденгэмѣ; устройство художественныхъ отдѣленій и вся эстетическая сторона постройки поручена также ученымъ архитекторамъ, завѣдывавшимъ этою частью на всемірной выставкѣ — Ону Джонсу (Owen Jones), Дигби Уйэтту (Digby Wyatt) и Чарльзу Уильду: первые два поровну раздѣлили между собою историко-артистическія «палаты» дворца, послѣдній управляетъ инженерными работами. Юридическія дѣла и всѣ формальности были подъ надзоромъ того адвокатскаго дома, одинъ изъ членовъ котораго, Личъ, написалъ подробный проектъ новаго дворца. Директоромъ дворца по пріему публики, хозяйству, завѣдыванію прислугою, послѣ открытія музея, назначенъ Фоллеръ, окончательно просматривавшій проектъ Лича.

Перенесенный въ Сейденгэмъ Кристальный Дворецъ стоитъ на хребтѣ ряда высокихъ холмовъ, идущихъ съ сѣвера на югъ параллельно брайтонской желѣзной дорогѣ; теперь къ дорогѣ выходитъ одно изъ крыльевъ зданія; скоро будетъ проведена другая особенная дорога прямо въ садъ, на который выходитъ главный фасъ дворца. Сообразно мѣстности, и зданіе дворца своею длиною стоитъ съ юга на сѣверъ. Отлогость возвышенія довольно-крута; поэтому съ одного изъ двухъ длинныхъ фасовъ, обращеннаго подъ-гору, понадобилось сдѣлать высокій каменный фундаментъ, образуемый рядомъ колоннъ. Фундаментомъ воспользовались длятого, чтобъ сдѣлать въ немъ очень-высокій подвальный этажъ, называющійся теперь «Пакстоновымъ Тоннелемъ»; онъ идетъ во всю длину зданія, и въ немъ помѣщается громадный паровой аппаратъ для нагрѣванія всего зданія въ холодное время. Объ огромности снаряда можно судить изъ того, что длина всѣхъ теплопроводныхъ трубъ въ-сложности составляетъ 50 миль (75 верстъ); кромѣ-того, чрезвычайно-обширное помѣщеніе осталось въ тоннелѣ для выставки разнаго рода тяжелыхъ машинъ, которыя должны представляться публикѣ постоянно въ полномъ дѣйствіи. Поставить ихъ вверху, значило бы слишкомъ обременить полъ зданія; кромѣ-того, ихъ шумъ безпокоилъ бы посѣтителей. Тутъ же стоятъ усовершенствованныя земледѣльческія орудія всѣхъ родовъ.

*

Отъ оконечностей главнаго зданія идутъ перпендикулярно ему два узкія крыла, охватывающія лежащую передъ дворцомъ садовую террасу. Каждое крыло длиною въ 576 футовъ (82 сажени) и оканчивается башнею въ 230 футовъ (33 сажени) высоты; наверху каждой башни устроенъ громадный водоемъ, содержащій около 2,000 бочекъ; изъ этихъ резервуаровъ вода, въ случаѣ надобности, можетъ быть мгновенно устремлена во всякій данный пунктъ зданія; съ верхней галереи башенъ видѣнъ весь Лондонъ и цвѣтущіе сады, поля и луга живописно-взволнованныхъ возвышеніями, усѣянныхъ деревнями и дачами окрестностей на пятнадцать, или двадцать верстъ. Сѣверное крыло предназначено для частныхъ выставокъ и, кромѣ-того, въ немъ находятся аппартаменты королевы; южное крыло—крытая галерея, ведущая отъ желѣзной дороги во дворецъ. Переходимъ теперь къ описанію дворца.

Планъ его нѣсколько измѣненъ при перенесеніи. Во дворцѣ всемірной выставки былъ замѣченъ одинъ архитектурный недостатокъ: онъ былъ непропорціально-низокъ сравнительно съ своею длиною. Теперь эта несоразмѣрность исчезла: длина зданія уменьшена при перестройкѣ на 240 футовъ, высота увеличена 44-мя футами, такъ-что главный центральный трансептъ Гайд-паркскаго Дворца сдѣланъ въ Сейденгэмскомъ только однимъ изъ двухъ трансептовъ, совершенно-подавляемыхъ новымъ главнымъ трансептомъ. Общій видъ новаго зданія гораздо-стройнѣе, нежели видъ прежняго; кромѣ-того, измѣненіе назначенія дворца повлекло за собою измѣненіе стиля его постройки. Гайд-Паркскій Дворецъ, сообразно своему зданіе разсчетливому назначенію — служить пантеономъ всемірной промышлености, былъ построенъ въ суровомъ дорическомъ стилѣ, чуждающемся всякихъ украшеній; Сейденгэмскій Дворецъ, служа музеемъ искусствъ, построенъ въ стилѣ роскошнаго коринѳскаго ордена и покрытъ изящными орнаментами. Возвышенное мѣстоположеніе дворца также производитъ чрезвычайно-выгодный эффектъ; особенно поразителенъ его видъ издали: синеватый оттѣнокъ стекла сливается съ цвѣтомъ неба и дворецъ представляется волшебнымъ полувоздушнымъ замкомъ. Длина дворца 1608 футовъ (230 саженъ); въ среднемъ трансептѣ (трансептами называются части зданія, гдѣ кровля возвышается идущею поперегъ зданія аркою и, сообразно тому, расширяется выходящими съ обѣихъ сторонъ уступами) широта зданія 384 фута (55 саженъ), въ другихъ частяхъ нѣсколько менѣе, отъ 40 до 50 саженъ. Дворецъ въ 40 разъ больше величайшей въ Англіи залы, Вестминстерской Залы; въ четыре раза болѣе громаднѣйшаго зданія въ Англіи, лондонскаго храма Св. Павла. Чтобъ дать понятіе о громадности новаго Кристальнаго Дворца петербургскимъ жителямъ, сравнимъ его съ Пассажемъ. Ширина Сейденгэмскаго Дворца почти равняется длинѣ нашего Пассажа; длина соразмѣрна этой страшной широтѣ. Тридцать или сорокъ пассажей едва равнялись бы Кристальному Дворцу. Онъ, вмѣстѣ съ крыльями, занимаетъ своимъ фундаментомъ площадь въ 600,000 квадр. футовъ (болѣе 5 десятинъ; зданіе, приготовляемое для парижской всемірной выставки, занимаетъ

вдвое меньшее пространство); стекломъ, употребленнымъ на стѣны и кровлю его, можно было бы устлать пространство въ 25 экровъ (около 10 десятинъ); еслибъ всѣ эти стекла положить въ одинъ рядъ, они составили бы линію въ 375 верстъ. Общая высота зданія, (не считая фундамента, 110 футовъ (16 саженъ); въ трансептахъ она увеличивается), и вершина арки средняго трансепта 176 футовъ (25 саженъ) отъ полу и 200 футовъ ($28^1/_2$ саженъ) отъ земли. Поперечникъ арки средняго трансепта 120 футовъ (17 саженъ), то-есть тремя саженями болѣе діаметра купола храма Св. Петра въ Римѣ.

Весь объемъ зданія, по увеличеніи высоты его, кажется гораздо-громаднѣе Гайд-Паркскаго Дворца, такъ-что описывающіе его французы, съ наивною своею наклонностью къ преувеличенію, восклицаютъ: Гайд-Паркскій Дворецъ былъ маленькій домикъ въ-сравненіи съ новымъ зданіемъ! Дѣйствительно, впрочемъ, фасадъ перестроеннаго дворца сталъ почти наполовину болѣе прежняго.

Вдоль стѣнъ идутъ вокругъ всего зданія двѣ галереи; нижняя шириною въ 24 фунта ($3^1/_2$ сажени), верхняя въ 8 футовъ (слишкомъ саженъ). Въ боковыхъ и среднемъ трансептахъ идетъ надъ ними третья галерея, ширины одинаковой со второю. Въ центральномъ трансептѣ идутъ выше этой галереи еще двѣ, такъ-что въ этомъ мѣстѣ дворецъ опоясывается *пятью* идущими одна надъ другой галереями; самая верхняя идетъ въ 130 футахъ ($18^1/_2$ саженяхъ) отъ полу, и длинныя стороны продолговатаго четырехугольника, ею опоясываемаго, сообщаются одна съ другою двумя висячими мостами.

Дворецъ открытъ, но еще не всѣ его отдѣленія получили свой окончательный видъ. Такъ залы южнаго конца, предназначенныя для постоянной выставки мануфактурныхъ произведеній, не всѣ еще заняты товарами; группировка статуй подвергнется новымъ преобразованіямъ; машины, которыя должны стоять въ тоннелѣ, еще не привезены; зоологическія коллекціи еще не всѣ готовы; сады вполнѣ распланированы и насажены, но деревья еще слишкомъ-молоды, такъ-что полнаго великолѣпія достигнутъ они только черезъ нѣсколько лѣтъ. Но главное совершенно готово — само великолѣпное зданіе, которое мы описали, историко-архитектурныя палаты, великолѣпныя коллекціи статуй и тропическихъ деревьевъ, группами которыхъ усѣяно все зданіе; и новый Кристальный Дворецъ, если будетъ еще во многихъ частяхъ пополненъ, то въ цѣломъ ужь представляется публикѣ тѣмъ, чѣмъ долженъ быть по мысли основателей. Скажемъ же нѣсколько словъ о томъ, что̀ именно хотѣли — и успѣли — сдѣлать изъ него Пакстонъ и общество капиталистовъ и художниковъ, приведшихъ въ исполненіе проектъ изобрѣтателя; и потомъ постараемся какъ возможно короче, чтобъ не написать, вмѣсто нѣсколькихъ страницъ, нѣсколькихъ десятковъ листовъ, разсказать, чѣмъ теперь привлекаетъ и восхищаетъ Кристальный Дворецъ десятки тысячъ своихъ ежедневныхъ посѣтителей.

Изученіе нагляднымъ образомъ чрезвычайно-успѣшно, легко и съ тѣмъ вмѣстѣ привлекательно — вотъ основная мысль, породившая дворецъ. Среднее сословіе въ Англіи далеко не имѣетъ такого образова-

нія, чтобъ любить и понимать науку въ какихъ-нибудь монографіяхъ, со всѣми ихъ подробностями. Насколько зрѣлище самаго предмета поучительнѣе и интереснѣе, нежели его описаніе, насколько природа и произведенія искусства прекраснѣе и увлекательнѣе руководствъ и блѣдныхъ разсказовъ, на столько музей, который нагляднымъ образомъ будетъ знакомить съ исторіею, естественными науками, произведеніями древняго и новаго искусства, нравами и образомъ жизни древнихъ и отдаленныхъ народовъ, будетъ для огромнаго большинства привлекательнѣе всѣхъ книгъ объ искусствѣ, исторіи, этнографіи, ботаникѣ, зоологіи. Какъ бы ни были громадны издержки, необходимыя для такого музея, стеченіе публики поддержитъ это предпріятіе, вознаградитъ съ избыткомъ за всѣ расходы, лишь-бы только совершенство исполненія удовлетворяло требованіямъ любопытства и доставляло удовольствіе посѣтителямъ. Таковы были коммерческіе разсчеты, которыми Пакстонъ, при помощи Лича, убѣдилъ капиталистовъ затратить огромныя суммы для осуществленія его прекрасной мысли, и, какъ мы увидимъ ниже, разсчеты не обманули капиталистовъ. Но въ предпріятіи, задуманномъ Пакстономъ, есть, кромѣ коммерческой, и другая сторона.

Сейденгэмскій Кристальный Дворецъ долженъ знакомить посѣтителей своихъ съ исторіею, искусствами и образомъ жизни древнихъ народовъ и европейской старины своими историко-архитектурными копіями древнихъ и старинныхъ зданій, со всѣми ихъ украшеніями, свидѣтельствующими о нравахъ и характерѣ образованности людей, воздвигнувшихъ эти зданія; онъ долженъ своими портретами и бюстами представить посѣтителямъ замѣчательныя историческія лица; онъ долженъ представить имъ копіи со всѣхъ великихъ произведеній скульптуры, и на сколько то возможно, живописи; знакомить ихъ съ образомъ жизни и нравами отдаленныхъ народовъ этнографическими коллекціями, въ которыхъ всѣ племена являлись бы въ характеристическихъ сценахъ своей жизни; знакомить съ промышленостью и произведеніями новѣйшей образованности постоянными выставками и огромными магазинами; знакомить съ приложеніями науки къ жизни коллекціею машинъ всѣхъ родовъ; съ зоологіею — коллекціями животныхъ, представленныхъ въ характеристическихъ группахъ; съ ботаникою — живыми растеніями южныхъ странъ и Новаго Свѣта; возстановить допотопныхъ животныхъ и представить геологическія коллекціи такъ, чтобъ посѣтители нагляднымъ образомъ узнали исторію земнаго шара; наконецъ, своими фонтанами, оранжереями, статуями, своимъ архитектурнымъ великолѣпіемъ и разнообразіемъ содержанія, своими садами онъ долженъ быть для всѣхъ лучшимъ, привлекательнѣйшимъ мѣстомъ отдыха и развлеченія.

Не все это готово, какъ мы сказали, но все будетъ готово черезъ нѣсколько недѣль, мѣсяцовъ; черезъ два, три года разрастутся и великолѣпные сады. Взглянемъ на то, что́ ужь совершенно-готово и приняло свой окончательный видъ.

Сейденгэмскій дворецъ раздѣляется на три главныя части: огромный четырехугольникъ центральнаго трансепта — главное средоточіе

коллекцій скульптуры; онѣ размѣщаются по четыремъ угламъ; средина трансепта оставлена свободною для прогулокъ и длятого, чтобъ однимъ взглядомъ можно было посѣтителю окинуть все зданіе; на южной половинѣ — палаты произведеній промышлености и искусствъ, портретная галерея, и, на концѣ крыла, помпейскій домъ, и коллекціи естественной исторіи Стараго и Новаго Свѣта; сѣверная половина вся занята знаменитыми архитектурными дворцами, залами или палатами (Courts). И на южной и на сѣверной половинѣ различныя отдѣленія дворца идутъ въ два ряда вдоль стѣнъ, оставляя средину свободною, такъ-что она представляетъ по ту и другую сторону главнаго трансепта непрерывныя галереи почти въ 100 саженъ длины, установленныя роскошными группами цвѣтовъ и деревьевъ; въ концѣ той и другой галереи фонтаны, съ огромными мраморными бассейнами овальной формы; въ бассейнахъ разстилаютъ свои огромныя листья водныя растенія; вокругъ бассейновъ, какъ и повсюду, группы деревьевъ и куртины цвѣтовъ.

Начинаемъ свое обозрѣніе сѣверною половиною. По лѣвой сторонѣ ея отъ главнаго трансепта идетъ рядъ египетскихъ, греческихъ, римскихъ, мавританскихъ палатъ; въ концѣ галерея сфинксовъ, за нею ассирійская или ниневійская палата. Весь этотъ рядъ построенъ Оуэномъ Джонсомъ. По правой рукѣ отъ средняго трансепта идетъ рядъ византійскихъ и средневѣковыхъ палатъ, палаты эпохи возрожденія и итальянская палата. Этотъ рядъ построенъ Дигби Уйэттомъ.

Идемъ сначала по лѣвому ряду палатъ, начиная отъ ближайшей къ среднему трансепту, египетской.

Египетская палата состоитъ изъ нѣсколькихъ отдѣльныхъ частей, какъ и многія другія палаты; это было слѣдствіемъ желанія представить образцы всѣхъ главныхъ стилей, чрезъ которые прошло египетское искусство; выборъ былъ сдѣланъ такъ удачно, что люди, путешествовавшіе по Египту, остаются имъ совершенно-довольны; нѣкоторые даже восклицаютъ, что, проѣздивъ годъ по разнымъ частямъ страны фараоновъ, едва-ли составишь себѣ такое отчетливое понятіе о различныхъ періодахъ египетскаго искусства, какое даетъ одинъ взглядъ на египетскія палаты Сейденгэмскаго Дворца. Гипербола эта становится правдоподобною, когда подумаемъ, что памятники различныхъ періодовъ египетскаго искусства, раздѣленные недѣлями плаванія по Нилу, здѣсь соединены въ одно, и противоположность ихъ ярче выставляетъ на видъ характеристическія особенности каждаго стиля.

Вдоль одной стѣны главнаго отдѣленія этихъ палатъ поставлены восемь колоссальныхъ статуй египетскихъ царей. Они стоятъ въ конусообразныхъ шлемахъ съ золотою діадемою. У каждаго въ рукахъ, сложенныхъ на груди, пастушій посохъ и тройной бичъ; уста ихъ спокойно улыбаются. Противоположная стѣна покрыта золотыми и пламенно-багряными солнцами, парящими на черныхъ ястребиныхъ крыльяхъ. Между ними идутъ полосы ярко-голубаго, зеленаго и краснаго цвѣтовъ. Стержни колоннъ, вырѣзанные въ видѣ стволовъ папируса, какъ-бы связываютя-синими перевязями, между которыми квадраты покрыты высѣченные

ми гіероглифами; капители колоннъ—то простые четыреугольники, покрытые пятиконечными звѣздами, то имѣютъ видъ пальмовыхъ или лотусовыхъ листьевъ. Это періодъ древне-египетскаго искусства. Второе отдѣленіе — искусство птолемеевскаго періода; стиль архитектуры легче, изящнѣе. Колонны вырѣзаны въ видѣ восьми связанныхъ въ одинъ пукъ папирусовыхъ стволовъ; потолокъ темно-синій, усѣянный звѣздами. Тутъ лазурный Озирисъ, которому поклоняются красные люди. Внѣшнія панели палаты покрыты рисунками, изображающими подвиги Сезостриса. Третье отдѣленіе палатъ — «Абу-симбельская (Ипсамбульская) гробница» — нубійское видоизмѣненіе египетскаго искусства. Это отдѣленіе находится подлѣ ниневійской палаты, за Альгамброю (между №№ 37 и 35 нашего плана); къ нему ведутъ громадные сфинксы (№ 43). Здѣсь двѣ статуи Рамзеса-Великаго (Сезостриса); внутренность зданія наполнена статуями боговъ и царей; посрединѣ мраморный бассейнъ, въ которомъ плаваютъ лотусы. Въ одной изъ комнатъ знаменитый розеттскій камень, котораго надпись послужила ключомъ къ чтенію гіероглифовъ. Египетскія палаты украшены пальмами; на стѣнахъ повсюду высѣчены гіероглифы. Характеръ египетскаго отдѣленія — какое-то таинственное, загадочное, величественное спокойствіе и неподвижность.

За египетскими палатами — греческія. Не будемъ подробно описывать ихъ, потому-что характеръ этого стиля всѣмъ извѣстенъ. Здѣсь собраны копіи съ лучшихъ произведеній греческой скульптуры: залы наполнены статуями и бюстами; стѣны покрыты парѳенонскими фресками, и эта часть греческихъ палатъ породила жаркую полемику: строитель, Онъ Джонсъ, держась мнѣнія нѣкоторыхъ ученыхъ, что греки раскрашивали свои фрески, рѣшился сдѣлать опытъ и выкрасилъ копіи своего дворца. Очень-многіе знатоки нашли попытку неудачною, мнѣніе ошибочнымъ; время и общій голосъ посѣтителей рѣшитъ, ошибся ли смѣлый художникъ; если ошибся, его ошибка легко можетъ быть исправлена въ нѣсколько часовъ. Не будемъ распространяться и о римскихъ палатахъ, также наполненныхъ сотнями статуй римскаго періода искусства. Въ этихъ двухъ отдѣленіяхъ Аполлонъ Бельведерскій, Венера Медицейская, Венера Милосская, Лаокоонъ, Умирающій Гладіаторъ, сотни другихъ знаменитыхъ статуй и бюстовъ боговъ, богинь и историческихъ лицъ. Здѣсь же копіи съ эгинскихъ мраморовъ, этихъ интересныхъ произведеній младенчествующаго греческаго искусства, въ которыхъ мы видимъ нѣсколько ступеней развитія ваянія отъ египетскихъ неподвижныхъ статуй до произведеній Фидія.

Альгамбрскія палаты — одно изъ удачнѣйшихъ воспроизведеній Сейденгэмскаго Дворца; онѣ — вѣрная копія прекраснаго подлинника; но въ гранадской Альгамбрѣ фрески осыпались, краски поблѣднѣли, позолота потускла; въ Сейденгэмѣ все блещетъ свѣжестью и яркостью колорита; это часть Альгамбры XV вѣка, отъ которой уцѣлѣла въ Гранадѣ только поблекшая тѣнь. Въ альгамбрскихъ залахъ нѣтъ статуй и бюстовъ, на фрескахъ нѣтъ ни одного живаго существа; но ослѣпительная гармонія, математически-правильная причуд-

ливость пестрыхъ арабесковъ, чудный архитектурный стиль, мраморъ и золото едва-ли не вознаграждаютъ съ избыткомъ отсутствіе произведеній скульптуры: красоты зданія достигали Мавры другими средствами, но достигали въ такомъ же совершенствѣ, какъ и греки. «Львиная палата» прекрасно воспроизведена съ знаменитымъ мраморнымъ фонтаномъ, чашу котораго поддерживаютъ львы. Другое отдѣленіе—копія знаменитой «Залы Правосудія». Стѣны раскрашены синими, красными и жолтыми арабесками и покрыты золотыми надписями изъ Корана.

Ассирійская палата — не копія, а гармоническое воспроизведеніе различныхъ развалинъ и древностей, найденныхъ въ Ниневіи и Персеполѣ. Главная зала поддерживается четырьмя колоннами, имѣющими около семи саженъ высоты; онѣ скопированы съ персепольскихъ; украшенія капителей спускаются до половины колоннъ; самые стержни колоннъ вырѣзаны желобчатыми полосами; основанія у нихъ шарообразныя, какъ въ индійской архитектурѣ; у другихъ колоннъ, поддерживающихъ широкій карнизъ стѣнъ, капители состоятъ изъ двухъ быковъ. Плоскій потолокъ расписанъ быками, антилопами, гранатовыми яблоками, еловыми шишками. Господствующія краски: красная, голубая и желтая. На барельефахъ передъ нами живыя картины ассирійскихъ нравовъ. Вотъ царь, въ тіарѣ, осыпанной драгоцѣнными камнями; вокругъ него евнухи и воины; онъ скачетъ на битву въ своей колесницѣ съ балдахиномъ; подлѣ него лукъ и стрѣлы. Вотъ ассирійцы штурмуютъ крѣпость; вотъ данники приводятъ царю слоновъ, верблюдовъ, приносятъ золотой песокъ и слоновую кость. Вся внутренность палаты — воспроизведеніе хорсабадскаго дворца. У входа стоятъ колоссальные быки съ крыльями и съ человѣческими головами — это копіи съ хранящихся въ Луврѣ.

Мы обозрѣли одну сторону сѣверной половины Сейденгэмскаго Дворца, занятой архитектурно-историческими палатами; этотъ рядъ палатъ (египетскія, греческія, римскія, мавританскія, ниневійскія) сооруженъ Ономъ Джонсомъ; теперь переходимъ къ другому ряду, построенному Дигби Уйэттомъ. Между оконечностями обоихъ рядовъ фонтанъ, проектированный и построенный Рафаэлемъ Монти; его огромный продолговатый бассейнъ назначенъ для водныхъ растеній. Посрединѣ сѣвернаго трансепта, поперегъ разсѣкаемаго этимъ бассейномъ, идетъ почти чрезъ всю ширину дворца галерея громадныхъ сфинксовъ, стоящихъ въ два ряда. Она пересѣкается бассейномъ и примыкаетъ къ нубійскому отдѣленію египетскихъ палатъ. Прошедъ западный (лѣвый, смотря изъ средняго трансепта) рядъ палатъ по направленію отъ трансепта къ оконечности дворца, мы будемъ обозрѣвать восточный (правый) рядъ ихъ, начиная съ оконечности и постепенно приближаясь опять къ центральному трансепту, такъ требуетъ ихъ историческая послѣдовательность: архитекторъ соображался въ историческомъ расположеніи этихъ палатъ съ порядкомъ, въ какомъ будутъ обозрѣвать дворецъ бо̀льшая часть посѣтителей.

Первая въ восточномъ ряду отъ сѣвернаго конца — византійская

палата; она не такъ огромна, какъ ниневійская, не такъ блестяща, какъ альгамбрскія, но очень-интересна, потому-что она памятникъ перехода отъ греко-римскаго искусства къ средневѣковому; притомъ же она украшена копіями съ картинъ Джіотто и Чимабуэ. Образцы византійскаго стиля для Кристальнаго Дворца выбраны изъ его западно-европейскихъ произведеній; гигантскія зданія константинопольскія не могли быть перенесены сюда въ достойномъ видѣ: въ уменьшенныхъ размѣрахъ они потеряли бы свое оригинальное величіе. Въ византійской палатѣ скопированы: монастырь Іоанна Латеранскаго, съ фресками Джіотто; двери кильпекской церкви; аугсбургскія и гильдерсгеймскія бронзовыя врата, покрытыя барельефами изъ ветхозавѣтной исторіи; кромѣ того, нѣсколько образцовыхъ частей изъ другихъ зданій того же стиля въ Германіи, Ирландіи и Англіи. Нестройность архитектурныхъ формъ этихъ зданій отчасти выкупается ихъ мозаиками, живописью и разноцвѣтными мраморными колоннами.

Построеніе средневѣковой (готической) палаты представляло очень-большія затрудненія; трудна была задача совмѣстить въ небольшомъ пространствѣ разнообразныя формы огромныхъ зданій, стиль которыхъ выказываетъ свою легкость и красоту только подъ условіемъ громадности размѣровъ. Архитекторъ сдѣлалъ все, что̀ могъ; онъ собралъ лучшее въ готическихъ зданіяхъ Англіи, Франціи и Германіи. Среднее отдѣленіе занято фронтонами, памятниками и т. д. изъ Вестминстера и другихъ англійскихъ готическихъ зданій; въ германскомъ отдѣленіи замѣчательны рѣзныя группы мюнхенскаго ратгауза и другіе рельефы. Раскраска стѣнъ воспроизведена во всей оригинальности.

Разнообразіе зданій эпохи возрожденія представляло архитектору столько же трудностей; но онъ успѣлъ счастливо побѣдить ихъ и привести въ одно гармоническое цѣлое флорентинскія врата, венеціанскія статуи, перуджіанскій плафонъ, нюрнбергскіе фонтаны. Въ одномъ изъ отдѣленій этихъ палатъ стоитъ копія знаменитыхъ рѣзныхъ воротъ, чеканенныхъ Гиберти, которыя Микель Анджело считалъ лучшимъ произведеніемъ въ этомъ родѣ, и надъ которыми Гиберти работалъ двадцать лѣтъ. На каждой половинѣ ихъ по десяти барельефовъ изъ священной исторіи; по краямъ гирлянды лилій и колосьевъ. Множество другихъ подобныхъ произведеній оспориваютъ у нихъ первенство по совершенству отдѣлки. Тутъ же, посрединѣ залы, два фонтана, одинъ съ нюрнбергскаго рынка, другой изъ Château de Gailloi; тутъ же два надгробные памятника герцоговъ Висконти. Всѣ эти произведенія, всѣ стѣны самой палаты покрыты рѣзьбою, усѣяны сатирами, купидонами, граціями, птичками клюющими плоды, медальйонами; отдѣлка повсюду такъ чиста и мелка, что кажется скорѣе гравюрою, нежели скульптурою; и если эпоха возрожденія была слишкомъ-расточительна на орнаменты, то каждый орнаментъ ея прекрасенъ. Палаты этого стиля въ Сейденгэмскомъ Дворцѣ — зданіе, все составленное изъ галантерейныхъ вещей удивительной отдѣлки. Въ этихъ палатахъ есть особенное отдѣленіе королевы Елисаветы — ко-

нія съ ея Голлэнд-Гоузскаго Дворца, украшенная фонтанами и статуями.

Не будемъ распространяться о послѣдней и изящнѣйшей въ этомъ ряду палатъ — итальянской палатѣ: это роскошная зала — палаццо Фарнезе въ Римѣ, стѣны которой покрыты копіями съ лучшихъ картинъ и фресковъ великихъ живописцевъ XVI вѣка; архитектурный стиль и живопись Микель Анджело и его современниковъ такъ извѣстны, что ими надобно только восхищаться, но излишне было бы здѣсь описывать ихъ.

Мы обозрѣли историко-архитектурныя палаты, занимающія всю сѣверную часть дворца, и намъ остается только сказать нѣсколько словъ о граціозномъ прибавленіи къ этой величественной галереѣ — о «Помпейскомъ Домѣ», устроенномъ на другой, южной, половинѣ дворца, среди кабинетовъ естественной исторіи Новаго Свѣта и палаты шеффильдскихъ товаровъ. Наружность его не обѣщаетъ многаго; но внутренность очаровательна изяществомъ отдѣлки и прекрасною живописью. Помпейскій Домъ вмѣстѣ съ Альгамброю — самыя любимыя публикою отдѣленія дворца.

Въ главномъ трансептѣ сосредоточены произведенія скульптуры, невошедшія въ число украшеній греческой, римской и итальянской палатъ. Ихъ безчисленное множество. Много есть въ Сейденгэмскомъ Дворцѣ и оригинальныхъ статуй; но понятно, что никакіе мильйоны не могли доставить того, что ужь хранится, какъ драгоцѣнность, въ музеяхъ — съ Лаокоона, Аполлона Бельведерскаго можно имѣть только копіи. Коллекція копій въ Сейденгэмѣ прекрасна и чрезвычайно-полна, потому-что компанія Сейденгэмскаго Дворца, не щадя издержекъ для пріобрѣтенія, если возможно, самыхъ оригиналовъ, не щадила издержекъ и для пріобрѣтенія копій: художники ея ѣздили повсюду и, говорятъ, едва-ли есть хоть одна знаменитая статуя, съ которой не было бы копіи въ Сейденгэмѣ. Кромѣ нѣсколькихъ сотъ статуй и біостовъ, разсѣянныхъ по всему дворцу, въ среднемъ трансептѣ помѣщаются четыре коллекціи произведеній: 1) греческаго и римскаго ваянія; 2) скульптуры среднихъ вѣковъ и эпохи возрожденія; 3) французской и итальянской и 4) англійской и германской скульптуры. Было бы излишне, утомительно и невозможно хотѣть представить сколько-нибудь полный списокъ лучшихъ изъ этихъ оригинальныхъ произведеній и копій, потому-что и лучшія считаются здѣсь не десятками, а сотнями. Но назовемъ нѣсколько знаменитыхъ художниковъ, которыхъ имена особенно выставляются на видъ многочисленностью и достоинствомъ находящихся во дворцѣ оригинальныхъ произведеній; къ этому числу принадлежатъ изъ англійскихъ ваятелей: Джибсонъ, Уэстмэкоттъ, Мэршэль, Тидъ (Theed), Бэлль, Мэкдональдъ, Лагру (Lagrew), Спенсъ, Бэконъ, Робильякъ; изъ германскихъ (и датскихъ)—Торвальдсенъ, Раухъ, Шванталеръ, Даннекеръ, Ричель, Майеръ; изъ итальянскихъ — Ринальди, Бриджіа, Санджіорго, Маньи, Бартолини, Страцца; особенно богато итальянское отдѣленіе произведеніями Кановы: въ Сейденгэмскомъ Дворцѣ есть его Танцов-

щица, Нимфа и Купидонъ, Три Граціи, Марсъ и Венера, Парисъ, Венера и Адонисъ, Геба, Магдалина и нѣсколько другихъ статуй; изъ французскихъ ваятелей прислали свои произведенія Клодѐ, Дюре, Бозіо, Жюльенъ, Лекенъ, Нантёйль, Дебэ, Гильомъ. Изъ всѣхъ этихъ безчисленныхъ группъ и статуй, замѣтимъ только колоссальныя статуи Дюкена, Рубенса и Роберта Пиля (работы Марокетти) и группу фарнезскаго Геркулеса. Онѣ стоятъ отдѣльно отъ прочихъ, образуя квадратъ по срединѣ площади главнаго трансепта; къ числу украшеній этой площади принадлежатъ также двѣ прекрасныя норфолькъ-айлэндскія сосны, достигающія самой кровли зданія. Въ центрѣ южнаго трансепта возвышается надъ окружающими ее деревьями статуя Карла I.

Изъ средняго трансепта переходимъ на южную половину Кристальнаго Дворца. Бо̀льшая часть ея занята отдѣленіями промышленной выставки; они построены въ разнообразныхъ стиляхъ: одни въ стилѣ временъ возрожденія, другіе готической архитектуры; фасады украшены арабесками, рельефами и медальйонами. Особенно хвалятъ изящество архитектуры манчестерскаго отдѣленія. Не будемъ подробно осматривать ихъ, потому-что они еще не всѣ заняты товарами, хотя, безъ-сомнѣнія, скоро будутъ предметомъ упорной борьбы между фабрикантами, потому-что выставленныя вещи продаются чрезвычайно-быстро; такъ, напримѣръ, выставка мёбелей была два раза раскуплена вся до послѣдней вещи въ-теченіе первой недѣли по открытіи дворца; очень-удачно идутъ дѣла и всѣхъ другихъ промышленныхъ отдѣленій.

Кабинеты естественной исторіи, которые должны помѣщаться на самомъ южномъ концѣ дворца, еще не были совершенно-готовы ко дню открытія Дворца, хотя ужь очень-многое было поставлено на свои мѣста. Животныя, сдѣланныя въ натуральную величину изъ papier-maché, представлены здѣсь въ характеристическихъ сценахъ: ягуаръ, терзающій антилопу; караванъ верблюдовъ, идущій по пустынѣ и т. д. Но, вѣроятно, мы будемъ еще имѣть случай говорить объ этихъ коллекціяхъ, и потому спѣшимъ теперь перейдти къ портретной галереѣ, протягивающейся отъ центральнаго трансепта на нѣсколько десятковъ саженъ между восточною (правою отъ центральнаго трансепта) стѣною южной половины дворца и палатами иностранныхъ издѣлій.

Мы не могли при обозрѣніи архитектурныхъ палатъ останавливаться надъ описаніями впечатлѣній, которыя навѣваются на зрителя египетскимъ или ассирійскимъ дворцомъ, Парѳенономъ или Альгамброю, не могли пускаться въ подробную характеристику искусства различныхъ народовъ и эпохъ: это заняло бы цѣлые десятки страницъ, и притомъ наши размышленія не заключали бы въ себѣ много новаго; впечатлѣнія легко можетъ вообразить себѣ каждый читатель, припомнивъ извѣстныя всякому въ общихъ чертахъ характеристическія особенности искусства и жизни народовъ въ различные историческіе періоды; но, говоря о исторической портретной галереѣ Сейденгэмска-

го Дворца, мы выпишемъ нѣсколько словъ изъ статьи англійскаго «Атенея»: здѣсь болѣе новости въ впечатлѣніяхъ, болѣе интересности въ выводахъ.

«Особенное чувство овладѣваетъ нами, когда взойдемъ хоть на нѣсколько минутъ въ длинныя аллеи историческаго пантеона. Это чувство, подобное тому, какое должно было овладѣвать душою римскаго патриція въ залѣ, установленной восковыми изображеніями его предковъ, которые, кажется ему, благосклонною улыбкою ободряютъ его добродѣтели, или грозными взглядами укоряютъ его за пороки. Мы понимаемъ здѣсь чувства, съ которыми египтянинъ смотрѣлъ на мумін своихъ предковъ. Слабымъ и малымъ чувствуешь себя среди этого множества избранныхъ дѣтей природы, этихъ людей, давно-умершихъ, но еще говорящихъ намъ изъ гробовъ своихъ. Въ портретной галереѣ окружаютъ насъ живописцы прошедшихъ вѣковъ, отъ набожныхъ Джіотто и Фра Анджелико до прекраснѣйшаго изъ людей — Рафаэля, и Рубенса, гордо-привѣтливаго, какъ вельможи, съ которыми онъ водилъ дружбу; поэты прошлыхъ вѣковъ, отъ мрачнаго и восторженнаго Данте до любезнаго и веселаго Аріосто; композиторы прошедшихъ вѣковъ, отъ грустнаго Палестрины до Моцарта, живаго, какъ вѣнскіе слушатели его; насъ окружаютъ короли и полководцы, отъ благочестиваго Лудовика IX до блистательнаго Лудовика XIV, отъ героя Баяра до храбреца Мюрата. Одинъ взглядъ — и сколько возникаетъ картинъ въ нашей памяти! Этотъ Галилей ужь не боится инквизиціи; онъ смотритъ гордо: кто скажетъ теперь, что земля не вертится? Потомство заплатило Корреджіо за неблагодарность современниковъ; Мильтонъ оцѣненъ позднѣйшими вѣками: онъ ужь не нищій отверженецъ. Да̀, отрадно видѣть, что время вознаграждаетъ всѣ несправедливости, и слѣдующій вѣкъ заглаживаетъ вины предъидущихъ. Вотъ гордый Торреджіано, разбившій въ-дребезги свою статую, когда гидальго, ее заказавшій, не хотѣлъ дать условленной цѣны: онъ умеръ, забытый современниками, а теперь его вѣнчали славой; вотъ еще болѣе-гордый Микель-Анджело, который, однакожь, былъ въ молодости принужденъ лѣпить статую изъ снѣга, чтобъ сильный врагъ могъ издѣваться, глядя въ окно на его шутовскую работу. Интересно сравнивать бюсты разныхъ эпохъ. Нравственно-испорченныя женщины временъ Римской Имперіи, какъ напримѣръ Фаустина, Агриппина, отличаются кривымъ круглымъ лбомъ и маленькимъ мягкимъ подбородкомъ, какіе были отличительными чертами лицъ вѣка Лудовика XV-го и повторяются на портретахъ изнѣженныхъ и чувственныхъ красавицъ Кнеллера и Лели. Да̀, нельзя не видѣть, что каждый вѣкъ напечатлѣвалъ свои пороки и добродѣтели на лицахъ дѣтей своихъ. Въ XV вѣкѣ господствуетъ лобъ угловатый, въ XVII — круглый, въ XIII — плоскій и широкій, въ XVIII — выдавшійся впередъ, нависшій на глаза. Намъ кажется, что въ нашъ вѣкъ начинаетъ господствовать лучшая физіономія: лицо становится овальнѣе, лобъ развитѣе и выше, губы опредѣленнѣе, носъ благороднѣе, прямѣе. Байронъ, Шелли, Соути, Вордсвортъ, Китсъ были прекрасны лицомъ. Многіе

изъ нынѣшнихъ авторовъ имѣютъ въ лицѣ нѣчто напоминающее вѣкъ королевы Елисаветы».

Довольно-много между знаменитыми людьми неуступающихъ въ безобразіи Сократу, который говорилъ, что его грубая физіономія свидѣтельствуетъ, однакожь, въ пользу физіономики, потому-что отъ природы онъ дѣйствительно получилъ грубыя страсти и облагородилъ свой характеръ и умъ только силою воли. Но есть въ портретной галереѣ Сейденгэмскаго Дворца много и прекрасныхъ лицъ, которыя красотою и величіемъ выше греческихъ идеаловъ и рѣзецъ, ихъ воспроизведшій, произвелъ нѣчто совершеннѣйшее, нежели самыя статуи Фидія. Общее впечатлѣніе исторической галереи въ Сейденгэмскомъ Дворцѣ—задумчивое, но чрезвычайно-отрадное убѣжденіе въ высокой красотѣ и благородствѣ человѣческаго лица.

Мы обозрѣли дворецъ и выходимъ на одинъ изъ открытыхъ коридоровъ того фаса, который обращенъ къ парку.

Всѣ отдаютъ справедливость изящному вкусу и соображенію Она Джонса, Дигби Уйэтта и другихъ строителей разныхъ отдѣленій Кристальнаго Дворца; но ихъ имена блѣднѣютъ передъ именемъ человѣка, задумавшаго и построившаго самый Кристальный Дворецъ; еще болѣе Пакстонъ заставитъ забывать въ Сейденгэмѣ о всѣхъ другихъ именахъ, когда его произведеніе восполнится до совершенно-гармоническаго единства окончаніемъ и развитіемъ садовъ и парка. Спеціальность, которой посвящалъ свою жизнь Пакстонъ до всемірной выставки, было устройство садовъ и оранжерей; самая идея Кристальнаго Дворца возникла у него въ связи съ прежнимъ его изобрѣтеніемъ огромной стеклянной теплицы для бассейна, въ которомъ цвѣла гигантская Victoria-Regia, эта гвіанская водяная роза, у которой цвѣтокъ имѣетъ аршинъ въ поперечникѣ, а листы—сажень. По одному этому можно ужь было ожидать, что Сейденгэмскій Паркъ и садъ, при устройствѣ которыхъ Пакстонъ долженъ былъ заботиться только о всевозможномъ величіи и красотѣ, не стѣсняясь никакими расходами, будетъ нѣчто удивительное. Разнообразіе мѣстности, обильной каскадами и состоящей изъ безпрестанно-смѣняющихся холмовъ и долинъ, какъ-нельзя-лучше благопріятствовало планамъ строителя, и сейденгэмскіе сады, занимающіе нѣсколько верстъ, должны быть, по отзывамъ знатоковъ, чѣмъ-то невиданно-величественнымъ и прекраснымъ. Ненужно и говорить, что они наполнены гротами, каскадами, фонтанами, озерами, статуями и т. д. Скажемъ пока нѣсколько словъ о коллекціи допотопныхъ животныхъ, помѣщающейся въ садахъ. Фигуры этихъ гигантовъ сдѣланы въ естественную величину Хокинсомъ (Hawkins), подъ руководствомъ одного изъ первоклассныхъ англійскихъ геологовъ, и почетнаго члена нашей Академіи Наукъ, Она (Owen), по рисункамъ Кювье и Мэнтеля, возстановившихъ по скелетамъ формы чудовищъ древняго міра. Животныя поставлены среди обстановки, воспроизводящей ту природу, среди которой они жили. Чтобъ дать понятіе о страшной массивности этихъ громадъ, скажемъ, что многія модели имѣютъ болѣе 2,000 пудовъ вѣсу и что туловище игуанодонта поддерживается образующими кости его четырехъ ногъ чугунными

столбами въ четверть аршина толщиною. А есть много чудовищъ превосходящихъ игуанодонта своею огромностью. Въ Сейденгэмскомъ Паркѣ стоятъ ихтіосавръ — рыбоподобная ящерица, совмѣщавшая въ себѣ формы пресмыкающагося, птицы, млекопитающаго и рыбы, лабиринтодонтъ, мастодонтъ, десятки другихъ допотопныхъ исполиновъ и огромнѣйшій изъ всѣхъ своихъ современниковъ—мегалосавръ, передъ которымъ нынѣшній слонъ то же, что̀ овца передъ крокодиломъ.

Нѣтъ сомнѣнія, что великолѣпное зданіе, вмѣщающее въ себѣ столько сокровищъ науки и искусства, столько поучительнаго и истинно-прекраснаго, не только огромная спекуляція, но и учрежденіе, дѣйствительно имѣющее цѣль серьёзную и полезную. Въ этомъ убѣждены всѣ въ Англіи, странѣ неслишкомъ-довѣрчивой, и всѣ англичане, народъ совсѣмъ не мягкосердечный и восторженный, увлеклись своимъ новымъ Кристальнымъ Дворцомъ до восторга, до несоблюденія этикета, требуемаго высшимъ обществомъ: въ первые три дня недѣли, назначенные для простолюдиновъ, были въ Кристальномъ Дворцѣ тысячи посѣтителей изъ высшаго общества: какое же бо̀льшее доказательство нетерпѣливости можетъ представить чопорный Домби, или мистеры Градгриндъ и Бондерби? мистеръ Бондерби былъ въ Кристальномъ Дворцѣ вмѣстѣ съ отцомъ Сисси Джюпъ! Онъ не вытерпѣлъ, не дождался фешёнэбльнаго дня субботы, и не побо̀ялся въ понедѣльникъ и среду ходить въ толпѣ рядомъ съ отцомъ Сисси Джюпъ!— это «фактъ», изумительный «фактъ», по выраженію мистера Градгринда. Да̀, положительный фактъ, что до-сихъ-поръ Кристальный Дворецъ въ Сейденгэмѣ не имѣлъ еще ни одного порицателя. Многіе находятъ много недостатковъ въ отдѣльныхъ частяхъ его; такъ, напримѣръ, раскрашенные фрески Парѳенона вызвали противъ Она Джонса сотни нападеній; такъ, напримѣръ, англичане справедливо удивляются, что въ ряду архитектурныхъ палатъ нѣтъ индійской палаты; можно найдти и находятъ много другихъ недостатковъ и опущеній въ частностяхъ; но не было еще ни одного голоса, который поднялся бы противъ самаго дворца, противъ его мысли и исполненія. Потому его открытіе было весьма торжественно и было почтено присутствіемъ королевы, которая сама провозгласила открытіе новаго Дворца.

Присутствовать при торжествѣ открытія были допускаемы всѣ особы, взявшія годовой билетъ; число ихъ простиралось до 35,000; къ участью въ церемоніи были приглашены особенными билетами члены Палаты Лордовъ и Палаты Общинъ, высшія правительственныя лица, лорды-меры и шерифы Лондона, Йорка, Эдинбурга, Дублина и другихъ городовъ, придворные сановники, дипломатическій корпусъ, иностранные и королевскіе коммиссары лондонской, нью-йоркской, дублинской и парижской выставокъ, президенты ученыхъ обществъ Великобританскаго Королевства и другія замѣчательныя или почетныя лица съ семействами. Эти приглашенные были вводимы черезъ главный входъ, и мѣста для нихъ были приготовлены въ центральномъ трансептѣ, отгороженномъ балюстрадою отъ другихъ частей зданія, предоставленныхъ для остальной публики, которая

была принимаема черезъ боковые ходы южной и сѣверной половинъ зданія. Среди площади главнаго трансепта на высокой платформѣ былъ поставленъ королевскій тронъ подъ балдахиномъ. Мѣста для представителей выставокъ и ученыхъ обществъ, для лордъ-меровъ, шерифовъ и ихъ семействъ были назначены на платформѣ противъ королевскаго трона; мѣста для лордовъ—на главной галереѣ, противъ трона, по правую руку; для членовъ Нижняго Парламента на той же галереѣ, противъ трона, по лѣвую руку. По обѣимъ сторонамъ королевской платформы были мѣста дипломатическаго корпуса. Сзади трона почти вся западная (ближайщая къ входу) половина площади средняго трансепта была занята громаднымъ амфитеатромъ для 1,800 музыкантовъ и пѣвцовъ; на нижнихъ скамьяхъ амфитеатра были мѣста для пѣвцовъ и пѣвицъ лондонскихъ итальянской и нѣмецкой оперныхъ труппъ; немного выше, для примадонны—соло, Клары Новелло. Оркестромъ и хоромъ дерижировалъ извѣстный капельмейстеръ оперы, Коста. У главнаго входа директоры и чиновники дворца принимали своихъ гостей. Въ два часа весь дворецъ былъ наполненъ десятками тысячъ посѣтителей; другіе десятки тысячъ толпились въ садахъ и на террасахъ, дожидаясь прибытія королевы, назначеннаго въ три часа. Ровно въ три часа громкіе клики привѣтствовали ее; честь принятія королевы была предоставлена Лэнгу, президенту компаніи, и Пакстону, основателю дворца. Дворецъ потрясся отъ грома музыки и заглушавшихъ его радостныхъ кликовъ, неумолкавшихъ до той минуты, когда королева заняла свое мѣсто подъ балдахиномъ. Свита королевы была одѣта великолѣпно, но королева была одѣта совершенно-просто: на ней было шолковое голубое платье гласѐ и бѣлый кружевной чепецъ съ розовыми лентами и розами.

Когда королева стала на своемъ мѣстѣ, крики замолкли, и музыка начала «God save the Queen»; партіи соло исполняла Клара Новелло; акустическое устройство дворца такъ хорошо, что сильный голосъ пѣвицы долеталъ во всей чистотѣ до самыхъ отдаленныхъ концовъ огромнаго зданія. По окончаніи народнаго гимна директоръ компаніи, Лэнгъ, взошелъ на ступени трона и прочелъ королевѣ адресъ, излагающій исторію происхожденія и цѣль новооткрытаго зданія. Вотъ заключеніе этого адреса:

«Ваше величество слышали изложеніе побужденій, изъ которыхъ возникло это предпріятіе, и правилъ, руководившихъ его исполненіемъ: ваше величество должны рѣшить, оправдываются ли обѣщанія исполненіемъ и можетъ ли дворецъ, со всѣмъ, въ немъ заключающимся, назваться — что̀ сочли бы высочайшею для себя наградою директоры, органомъ которыхъ я служу—достойнымъ сыномъ великой выставки 1851 года и достойнымъ осуществленіемъ одной изъ благороднѣйшихъ идей новѣйшей цивилизаціи».

Королева отвѣчала:

«Принимаю съ большимъ удовольствіемъ вѣрноподданническій адресъ, представляемый мнѣ вами въ настоящемъ случаѣ.

«Для меня и принца, моего супруга, чрезвычайно-пріятно видѣть, что великая выставка 1851 года, столь счастливо открывшаяся подъ

нашимъ покровительствомъ, подала идею этого величественнаго предпріятія, создавшаго столь благородный памятникъ генія, познаній и предпріимчивости моихъ подданныхъ.

«Я твердо желаю и надѣюсь, что, при благословеніи Провидѣнія, прекрасныя предположенія ваши о его предназначеніи вполнѣ осуществятся, и что это удивительное зданіе и сокровища искусства и науки, въ немъ собранныя, долго будутъ служить на возвышеніе и образованіе, на удовольствіе и развлеченіе всѣмъ классамъ моего народа».

Потомъ Лэнгъ представилъ королевѣ Пакстона, и вслѣдъ за нимъ, другихъ строителей дворца, поднесшихъ королевѣ «Руководителей» по отстроеннымъ ими частямъ зданія. Многіе изъ представляемыхъ конфузились и совершенно терялись до–того, что публика, несмотря на все торжественное настроеніе своего духа, не могла не смѣяться. Но когда на ступеняхъ, ведущихъ къ трону, появился Пакстонъ, у зрителей вырвались единодушные клики благодарности основателю дворца.

Послѣ этого королева отправилась, въ–сопровожденіи Пакстона и другихъ строителей и директоровъ, обозрѣвать дворецъ; она обошла все зданіе, начавъ съ южной половины и окончивъ обозрѣніе архитектурными палатами. По возвращеніи процесіи, хоръ и оркестръ превосходно, по общему отзыву, исполнили псаломъ 100–й; архіепископъ кентереберійскій, примасъ Англіи, прочиталъ освятительную молитву; хоръ и оркестръ исполнили генделево «Hallelujah». Королева громко произнесла: «Кристальный Дворецъ открытъ», оркестръ и хоръ снова грянули God save the Queen, но восторженные клики зрителей, какъ и прежде, покрывали музыку, впродолженіе которой королева удалилась. Черезъ нѣсколько дней директоры и строители Кристальнаго Дворца получили слѣдующую бумагу отъ министра внутреннихъ дѣлъ:

«Милостивые государи! съ истиннымъ удовольствіемъ увѣдомляю васъ, что я получилъ повелѣніе отъ королевы выразить вамъ, что ея величество и его королевское высочество принцъ Альбертъ вполнѣ довольны удивительнымъ устройствомъ и порядкомъ всего при церемоніи открытія Кристальнаго Дворца въ Сейнденгэмѣ. Королевѣ пріятно выразить особенное удовольствіе, которое доставила ей превосходно–исполненная музыка, и ея величеству благоугодно было высказать мнѣніе, что музыкальный эффектъ былъ прекраснѣйшимъ изъ всѣхъ, когда–либо слышанныхъ ея величествомъ».

Послѣ этого королева и другіе члены королевской фамиліи нѣсколько разъ посѣщали Кристальный Дворецъ.

Однако, какъ бы ни было прекрасно частное предпріятіе, оно не можетъ устоять, если будетъ въ убытокъ предпринимателямъ. Такимъ–образомъ коммерческая сторона играетъ очень–важную роль и при вопросахъ о Сейденгэмскомъ Кристальномъ Дворцѣ. Капиталисты, его построившіе, конечно, прежде всего желаютъ себѣ не убытковъ, а выгодъ, потому–что ужь и не имѣть выгодъ въ Англіи значитъ терпѣть убытки. Лэнгъ и компанія вовсе не скрываютъ этого желанія и разсчета; они хотятъ только, чтобъ ихъ выгодное пред-

пріятіе было вмѣстѣ и предпріятіемъ общеполезнымъ, для достиженія чего они не щадили и не щадятъ расходовъ. Всѣ въ Англіи желаютъ имъ, по видимому, вознагражденія за услугу и съ сочувствіемъ слѣдятъ за вопросомъ: принесетъ ли Кристальный Дворецъ выгоды своимъ строителямъ? По первымъ двумъ или тремъ недѣлямъ, отчеты о которыхъ напечатаны въ журналахъ, конечно, трудно судить навѣрное о будущихъ постоянныхъ доходахъ Кристальнаго Дворца. Но представляемъ цифры и думаемъ, что онѣ во всякомъ случаѣ обѣщаютъ дворцу хорошую будущность.

Плата за билетъ для входа въ Сейденгэмскій Дворецъ въ первые четыре дня 1 шиллингъ (около 30 коп. сер.); съ проѣздомъ въ оба конца отъ Лондона и въ Лондонъ $1\frac{1}{2}$ шиллинга (около 50 коп. сер.); по пятницамъ (съ проѣздомъ туда и обратно) $2\frac{1}{2}$ шиллинга (75 коп. сер.); по субботамъ (также съ проѣздомъ) 5 шиллинговъ (1 р. 50 коп. сер.). По воскресеньямъ дворецъ закрытъ, какъ и всѣ общественныя увеселенія въ Англіи. Это послѣднее распоряженіе вызываетъ ѣдкіе нападки въ нѣмецкихъ, французскихъ и отчасти даже англійскихъ журналахъ, потому-что именно воскресенье было бы самымъ удобнымъ днемъ для простолюдиновъ. Если дѣйствительно англійскіе нравы не допускаютъ открытія дворца по воскресеньямъ, нѣчего и толковать объ этомъ; если же распоряженіе директоровъ не соотвѣтствуетъ въ этомъ случаѣ мнѣнію самихъ англичанъ, то распоряженіе скоро будетъ отмѣнено и Кристальный Дворецъ откроется по воскресеньямъ. Кромѣ-того, есть годовые билеты (именные, такъ-что передача ихъ не допускается); они стòятъ 2 гинеи (около 13 р. сер.).

Взглянемъ же на доходы дворца въ первое время. Годовыхъ билетовъ было до 10 іюня взято болѣе 35,000, такъ-что сборъ за день открытія простирался до 80,000 фунтовъ (около 500,000 р. сер.).

Потомъ въ первые три дня по открытіи число посѣтителей по билетамъ въ 1 шиллингъ было въ понедѣльникъ болѣе 10,000; во вторникъ — около 13,000; въ среду — около 15,000; всего въ первые три дня было собрано до 2,000 фунтовъ (12,000 р. сер.); пропорція сбора въ пятницу и субботу была почти такова же, какъ и въ дни, когда плата за входъ шиллингъ. На основаніи первыхъ трехъ недѣль разсчитываютъ, что недѣльный доходъ за билеты будетъ 3,000 фунтовъ; слѣдовательно въ годъ 150,000 фунтовъ; кромѣ-того, за годовые билеты получено 80,000 фунтовъ; отъ торговцовъ, выставляющихъ свои товары—30,000 фунтовъ; кромѣ-того, большіе доходы приносятъ буфетъ и кухня. Всего разсчитываютъ въ годъ на 250,000 фунтовъ (1,500,000 р. сер.); годовые расходы должны простираться до 50,000 фунтовъ. Чистый доходъ 200,000 фунтовъ (1,200,000 р. сер). Какъ же великъ капиталъ, затраченный на дворецъ? Теперь ужъ 1,000,000 ф. ст.; но для окончательной отдѣлки всѣхъ частей дворца и парка потребуется еще 500,000 фунтовъ, всего 1,500,000 фунтовъ, или болѣе 9,000,000 р. сер. Если предположимъ, что годовые доходы будутъ менѣе предполагаемыхъ, а расходы болѣе, такъ-что вмѣсто 200,000 получится чистаго дохода только 150,000 фунтовъ, то и это составитъ 10 процентовъ — доходъ, котораго не даютъ въ

Англіи ни желѣзныя дороги, ни бо̀льшая часть другихъ спекуляцій. Итакъ Сейденгэмскій Дворецъ, по всей вѣроятности, будетъ предпріятіе столько же удачное въ коммерческомъ отношеніи, сколько полезное въ умственномъ и нравственномъ, и прекрасное въ артистическомъ отношеніи.

Говоря о Сейденгэмскомъ Музеѣ и предшественницѣ его, всемірной выставкѣ, нельзя не вспомнить о Лондонскомъ «Обществѣ Искусствъ, Мануфактуръ и Торговли» (Society of Arts, Manufactures and Commerce), въ нѣдрахъ котораго зародилась первая мысль о всемірной выставкѣ, которое было ея устроителемъ; и столѣтній юбилей общества пришелся очень-кстати черезъ нѣсколько дней по открытіи Сейденгэмскаго Дворца. Общество собралось на юбилейное торжество (по англійскому обычаю—обѣдъ) въ это учрежденіе, котораго родоначальникомъ было общество. Предсѣдательствовалъ графъ Грэнвиль; обѣдающихъ было до 800 чел. Основаніе всемірной выставки далеко не единственное право Общества Искусствъ на почетное мѣсто въ англійской исторіи; Общество завѣдываетъ почти половиною первоначальныхъ школъ въ Англіи; въ іюлѣ открыта по его проекту «Воспитательная Выставка», о которой мы скажемъ въ будущемъ обозрѣніи новостей, если она будетъ заслуживать вниманія; вообще Общество Искусствъ теперь очень-много хлопочетъ о первоначальномъ воспитаніи. Мы еще будемъ имѣть случай упоминать о двухъ или трехъ обыкновенныхъ засѣданіяхъ Общества Искусствъ по поводу произнесенныхъ его членами замѣчательныхъ рѣчей о простонародныхъ болѣзняхъ и средствахъ къ ихъ отвращенію; а теперь, чтобъ за одинъ разъ раздѣлаться на мѣсяцъ съ извѣстіями о болѣе или менѣе кристальныхъ дворцахъ, болѣе или менѣе всемірныхъ выставкахъ, возникшихъ въ подражаніе Гайд-Паркскому Дворцу и великой выставкѣ (какъ называютъ ее англичане), скажемъ, что ближайшая дочь ея, парижская всемірная выставка, возбуждаетъ въ Англіи и нѣкоторыхъ другихъ государствахъ сильное сочувствіе, и, кажется, будетъ (если только будетъ) довольно-полна, по отношенію къ произведеніямъ нѣкоторыхъ странъ даже полнѣе лондонской. Лондонскіе фабриканты по всѣмъ почти важнѣйшимъ отраслямъ промышлености уже собирались для рѣшенія вопроса объ участіи въ ней. Во всѣхъ собраніяхъ было одинаково рѣшаемо принять въ выставкѣ самое полное участіе; почти во всѣхъ важнѣйшихъ промышленныхъ городахъ Британской Имперіи составились комитеты для завѣдыванія дѣлами относительно этого участія; то же дѣлаютъ различныя общества, напримѣръ Земледѣльческое. Ливерпуль отправитъ на выставку модели своихъ судовъ; въ Лондонѣ образовались комитеты по всѣмъ важнѣйшимъ ремесламъ и отраслямъ промышлености;—такъ-что англійская промышленость будетъ представлена Франціи чрезвычайно-полно и въ обширныхъ размѣрахъ. Будутъ участвовать въ общей выставкѣ и изящныя искусства: ужь назначены въ Лондонѣ комитеты живописцевъ, архитекторовъ и ваятелей. Ка̀къ сильно разлито во всѣхъ классахъ англійскаго общества желаніе посѣтить эту выставку, можно судить по тому факту, что всѣ норвичскіе фабричные рабочіе откла-

*

дываютъ ужь нѣсколько мѣсяцевъ по нѣскольку пенни еженедѣльно, чтобъ такимъ-образомъ составить общій капиталъ для поѣздки въ Парижъ en masse. Остиндская Компанія, принимавшая очень-слабое участіе въ лондонской выставкѣ, ассигновала 50,000 ф. ст. (310,000 р. сер.) на издержки провоза остиндскихъ произведеній на парижскую выставку. Австралійскія англійскія колоніи также ассигновали для провоза своихъ произведеній въ Парижъ 2,000 ф. ст. (12,000 р. сер.). Англійскій министръ колоній послалъ ко всѣмъ колоніямъ циркуляръ, предлагающій имъ позаботится о наивозможно-полнѣйшемъ участіи. Съ 1-го іюля открыта въ парижскомъ Hôtel de Ville книга для записыванія лицъ, желающихъ прислать свои товары на нее.

Любовь къ кристальнымъ дворцамъ такъ распространяется, что неаполитанское правительство разрѣшило одной частной компаніи построеніе кристальнаго дворца въ Неаполѣ. Онъ предназначается для зимняго сада; а пока устроится онъ, въ Мюнхенѣ ужь открыта обще-германская промышленная выставка, также въ кристальномъ дворцѣ. Послѣ первой обще-германской промышленной выставки, бывшей въ 1844 году въ Берлинѣ, баварское правительство изъявило намѣреніе открыть вторую такую же выставку въ Мюнхенѣ; различныя обстоятельства нѣсколько лѣтъ препятствовали приведенію въ исполненіе этой мысли; наконецъ всѣ затрудненія миновались; торговый трактатъ, недавно-заключенный германскимъ таможеннымъ союзомъ съ Австріею, почти вдвое увеличивъ число участвующихъ въ выставкѣ, одушевилъ новою ревностью баварское правительство, и оно назначило для выставки три мѣсяца, съ 15-го іюля до 15-го октября нынѣшняго года. Между-тѣмъ, кристальные дворцы лондонскій и нью-йоркскій доказали превосходство подобнаго рода зданій для огромныхъ выставокъ, и баварское правительство тѣмъ скорѣе рѣшилось построить кристальный дворецъ, что въ Мюнхенѣ не было зданія, котораго пространство было бы достаточно. Король выразилъ желаніе, чтобъ зданіе было сохранено и по закрытіи выставки и было обращено въ садъ для тропическихъ растеній. Эта мысль рѣшила и выборъ мѣстности для зданія: его построили среди мюнхенскаго ботаническаго сада. Ближайшія сосѣднія зданія— домъ и лабораторія знаменитаго Либиха, которому такъ много обязана технологія: совпаденіе очень-оригинальное и счастливое. Съ обыкновенною скоростью подобныхъ работъ, постройка была кончена въ семь мѣсяцовъ. Новый кристальный дворецъ, далеко уступая колоссальностью Гайд-Паркскому, или Сейденгэмскому, почти одинаковыхъ размѣровъ съ Нью-Йоркскимъ; длина его 800 баварскихъ футовъ (около 110 саженъ), ширина 160 фут. (около 22 саженъ); площадь, занимаемая дворцомъ 134,400 квадр. футовъ (около 2,500 кв. саженъ).

Что касается до нью-йоркской всемірной промышленной выставки, то она обращена, какъ извѣстно, въ постоянное учрежденіе; и кристальный дворецъ ея, закрывавшійся на нѣкоторое время для необходимыхъ передѣлокъ, снова открытъ въ маѣ нынѣшняго года, при стеченіи 20,000 зрителей. Однимъ изъ главныхъ дѣйствую-

щихъ лицъ при этомъ торжествѣ былъ ораторъ мирныхъ конгрессовъ, Элигу Борритъ (Elihu Burritt). Президентъ постоянной выставки объявилъ, что это учрежденіе назначаетъ золотую медаль въ 1,000 долларовъ (1,300 р. с.) за полезнѣйшее изобрѣтеніе, которое будетъ сдѣлано въ-теченіе 1854 года, съ тѣмъ условіемъ, чтобъ его модель была представлена въ кристальный дворецъ; пять другихъ медалей въ сто долларовъ каждая, подъ тѣмъ же условіемъ, за другія изобрѣтенія и еще пять медалей, также по сту долларовъ, за пять лучшихъ артистическихъ произведеній текущаго года.

Отъ выставокъ перейдемъ къ всемірной торговлѣ и главнымъ ея двигателямъ — морскимъ судамъ, желѣзнымъ дорогамъ и путямъ сообщенія. Шарль Дюпенъ читалъ въ Парижской Академіи отчетъ о сочиненіи капитана Бургуа (Bourgois) «О коммерческомъ пароходствѣ Англіи». Записка Дюпена представляетъ довольно-подробное и очень-интересное обозрѣніе усовершенствованій, введенныхъ въ послѣдніе годы въ устройствѣ почтовыхъ и торговыхъ пароходовъ, и здравыя, если не особенно-блестящія соображенія о разныхъ вопросахъ, касающихся этого предмета. Первое почтовое сообщеніе посредствомъ пароходовъ между отдаленными странами было устроено между Англіею и Антильскими Островами въ 1839 г. До того времени почта отправлялась на парусныхъ судахъ и по этой линіи, какъ по всѣмъ другимъ путямъ черезъ океанъ. Въ этомъ году новосоставившаяся «Компанія Вестиндскаго Почтоваго Пароходства» заключила съ англійскимъ правительствомъ условіе, по которому обязывалась, при пособіи отъ правительства въ 1,500,000 р. сер., содержать правильное почтовое сообщеніе между Англіею и Антильскими Островами на пароходахъ въ 400 силъ. По числу рейсовъ, которые обязывалась она сдѣлать, ей приходилось получать пособія около 2 р. 25 к. сер. за каждую версту, сдѣланную пароходомъ. Условія были выгодны для англійскаго правительства, потому-что прежде ему стоило болѣе милліона рублей сер. содержать это сообщеніе на парусныхъ судахъ; расходуя сумму только наполовину большую, оно получало средство пересылать почту гораздо-быстрѣе и правильнѣе. Пароходы компаніи были деревянные и не могли ходить быстрѣе 13 или 14 верстъ въ часъ. Заатлантическое путешествіе было еще такъ трудно и опасно для лучшихъ тогдашнихъ пароходовъ, что компанія потеряла въ-теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ шесть пароходовъ; и вообще спекуляція сначала была для нея убыточна. Но торговля между Англіею и Америкою быстро развивалась, увеличивалось вмѣстѣ съ этимъ число пассажировъ и количество товаровъ, перевозимыхъ компаніею, и мало-по-малу дѣла компаніи пошли очень-хорошо. Погибшіе пароходы были замѣнены сильнѣйшими и лучше-устроенными, такъ-что съ 1852 года компанія имѣла ужь пять пароходовъ, каждый въ 800 силъ и 2,250 тоннъ (около 140,000 пуд. клади). Пароходы были деревянные, потому-что англійское адмиралтейство включило это условіе въ контрактъ длятого, чтобъ обратить ихъ, въ случаѣ войны, въ военныя суда,—предположеніе, оказавшееся нынѣ совершенно-неосуществимымъ, по негодности почтовыхъ

пароходовъ выдерживать битву,—ихъ стѣны слишкомъ-тонки для этого. Потомъ Кюнердъ основалъ другую, болѣе сильную компанію, обязавшуюся содержать почтовое пароходство сначала только между Ливерпулемъ и Галифаксомъ (въ Канадѣ), а съ 1846 года также между этими городами, Бостономъ и Нью-Йоркомъ. Кюнердъ обязался отправлять въ три зимніе мѣсяца пароходы черезъ двѣ недѣли, въ остальное время года еженедѣльно (всего 44 рейса). Пароходы по условію должны были имѣть 400 силъ, но Кюнердъ нашелъ выгоднѣе дѣлать ихъ не менѣе 650 силъ; для достиженія большей быстроты онъ началъ дѣлать пароходы длиннѣе прежнихъ, такъ-что у него длина пароходовъ была болѣе ширины въ 5, 6, 6½, разъ и даже болѣе. Наконецъ онъ сталъ употреблять въ своихъ машинахъ сильнѣйшее давленіе паровъ, нежели какое допускалось прежними машинами, и такимъ-образомъ его пароходы достигли скорости 17 и 19 верстъ въ часъ. Несмотря на большій размѣръ своихъ пароходовъ, онъ нашелъ возможность довольствоваться пособіемъ меньшимъ того, какое получали антильскіе пароходы; ему приходилось получать отъ англійскаго адмиралтейства только 2 руб. сер. за каждую версту, пройденную пароходомъ. Съ 1850 года вступаетъ въ соперничество съ нимъ сѣверо-американецъ Коллинсъ (Collins), устроивающій новое почтовое пароходное сообщеніе между Нью-Йоркомъ и Ливерпулемъ. Новая компанія построила пороходы больше и сильнѣе кюнердовыхъ и тѣмъ принудила самого Кюнерда увеличивать размѣръ своихъ пароходовъ, такъ-что наконецъ онъ построилъ (въ Англіи) пароходы «Аравія» и «Персія», имѣющіе 960 силъ и 2,400 тоннъ (150,000 пудовъ груза). Они имѣютъ длину въ семь разъ болѣе ширины, чего прежде еще не бывало. Вмѣстѣ съ этимъ ихъ машины допускаютъ давленіе паровъ въ 14 фунтовъ на квадратный дюймъ, вмѣсто 4 фунтовъ, которыми довольствовались въ 1845 году. При этихъ усовершенствованіяхъ «Аравія» ходитъ изъ Нью-Йорка въ Ливерпуль (противъ морскаго теченія) 19 верстъ, изъ Ливерпуля въ Нью-Йоркъ (по теченію) 22 версты въ часъ. Коллинсовы пароходы не достигаютъ быстроты «Аравіи»; но вообще ходятъ быстрѣе кюнердовыхъ пароходовъ: средняя скорость по сложности за три года была у англійскихъ (кюнердовыхъ) пароходовъ; 20,222 километровъ (19 верстъ), у американскихъ (коллинсовыхъ) пароходовъ 21,7 (20 верстъ) въ часъ. Коллинсова компанія получаетъ отъ сѣвероамериканскаго правительства очень большую плату за перевозку почты, пропорціонально почти вдвое болѣе, нежели кюнердова компанія отъ англійскаго.

Но эта чрезмѣрная быстрота, которой достигаютъ почтовые пароходы соперничествующихъ компаній, давая имъ средство совершать путь между Нью-Йоркомъ и Ливерпулемъ въ 12, 11, даже 10 сутокъ, вмѣсто прежнихъ 14 или 15, стоитъ огромныхъ пожертвованій. Извѣстно, что сопротивленіе воды возрастаетъ по кубамъ скоростей, такъ-что для двойной скорости надобно увеличивать движущую силу въ 8 разъ, для тройной—въ 27 разъ. И длятого, чтобъ проходить 20 верстъ въ часъ, пароходы должны тратить втрое болѣе силы, нежели достаточно было бы имъ для скорости 14 верстъ въ часъ.

На этомъ разсчетѣ была основана возможность новой компаніи, не получая никакого пособія отъ правительства, вступить въ соперничество съ пароходами Кюнерда и Коллинса, получающими ежегодно миллыйоны изъ англійскаго или американскаго государственнаго казначейства. Эта компанія составилась въ Шотландіи, отечествѣ Уатта, на берегахъ Клайда, гдѣ строится нынѣ ежегодно больше пароходовъ, нежели во всей остальной Англіи и Ирландіи. Причина развитія постройки пароходовъ на берегахъ Клайда—близость желѣзныхъ рудниковъ и каменноугольныхъ копей. Новая компанія довольствуется машиною въ 300 силъ для парохода въ 1,600 тоннъ (98,000 пудовъ груза) и скоростью 8 узловъ (14 верстъ) въ часъ, вмѣсто 20 и 21 версты въ часъ кюнердовыхъ и коллинсовыхъ пароходовъ. Такимъобразомъ издержки проѣзда сокращаются и шотландская компанія, перевозя пассажировъ и товары гораздо дешевле, нежели почтовыя компаніи, все-таки получаетъ выгоду, не нуждаясь въ пособіяхъ.

Но какъ ни быстры и огромны пароходы Кюнерда и Коллинса, они еще далеко не послѣдняя достижимая для нынѣшнихъ строителей степень быстроты и огромности. Когда болѣе разовьется торговля Европы и Америки съ Китаемъ и Японіею, мы увидимъ суда гораздо-огромнѣйшія и быстрѣйшія. Ужь и теперь сдѣлано много шаговъ впередъ съ 1851 года—времени постройки коллинсовыхъ пароходовъ. Дюпенъ указываетъ одинъ примѣръ: пароходъ, который строится на Темзѣ Брюнелемъ (французомъ по происхожденію, сыномъ знаменитаго Брюнеля, построившаго тоннель подъ Темзою). Этотъ пароходъ будетъ втрое длиннѣе 120 пушечнаго корабля (то-есть около 100 саженъ длины) и подводная часть его будетъ вытѣснять въ восемь разъ бо́льшую массу воды. Онъ весь будетъ построенъ изъ желѣза. Одинъ только запасъ каменнаго угля, который онъ будетъ брать для своихъ поѣздовъ, будетъ по вѣсу равняться всей тяжести двухъ линейныхъ кораблей. Этотъ колоссальный корабль будетъ имѣть четыре мачты, не считая бугшприта, и будетъ ходить на парусахъ и силою паровъ вмѣстѣ. Паровыя машины будутъ у него устроены и съ колесами и съ винтомъ. Этотъ же самый корабль, прибавимъ мы, описывается гораздо-точнѣе, нежели у Дюпена, въ статьѣ L'Indépendance Belge. Постройка его будетъ окончена черезъ два года. Длина его будетъ $213^1/_3$ метровъ (100 саженъ и $1^1/_4$ аршинъ), ширина $25^1/_3$ метровъ (11 саженъ 2 аршина); вмѣстимость его будетъ 22,000 тоннъ (1,375,000 пудовъ), то-есть въ 7 или 8 разъ болѣе величайшихъ кюнердовыхъ пароходовъ. Устройство его не менѣе замѣчательно, нежели огромность. Стѣны будутъ состоять изъ двойной желѣзной одежды, облекающей извнутри и снаружи желѣзный скелетъ или каркасъ, шириною въ аршинъ. Внутренность раздѣлена по длинѣ тринадцатью, а по ширинѣ двумя сплошными желѣзными перегородками, въ томъ родѣ, какъ большіе домы раздѣляются на нѣсколько отдѣленій капитальными стѣнами, такъ-что корабль будетъ раздѣленъ на 42 части, или ящика. Эта система построенія имѣетъ двѣ цѣли: во-первыхъ, придать большую стойкость всему кораблю, во вторыхъ, совершенно обезопасить его судьбу отъ всякихъ пробоинъ и поврежде-

ній. Въ-самомъ-дѣлѣ, еслибъ корабль былъ пробитъ подводною скалою, то вода затопила бы только одно изъ его 42 отдѣленій, и корабль отъ этого поврежденія не только не сѣлъ бы на дно, но даже не потерпѣлъ бы существеннаго вреда. Гигантскій корабль при хорошемъ вѣтрѣ будетъ ходить и на парусахъ; но главнымъ и постояннымъ его двигателемъ будетъ паровая машина въ 2,600 силъ, которая въ одно время будетъ дѣйствовать и колесами и винтомъ. Соединеніе въ кораблѣ винтоваго и колесоваго механизмовъ имѣетъ цѣлью раздѣленіе напора страшной паровой силы на стѣны корабля, а еще болѣе—соединеніе выгодъ винтоваго и колесоваго устройства, потому-что именно въ тѣхъ обстоятельствахъ, когда винтъ дѣйствуетъ невыгодно, колеса дѣйствуютъ самымъ выгоднымъ образомъ, и наоборотъ. Компанія, строящая этотъ колоссальный корабль, который обойдется болѣе нежели въ 2,250,000 р. сер., надѣется имѣть возможность перевозить на немъ товары и пассажировъ по низшимъ цѣнамъ, нежели обыкновенныя пароходныя таксы. Въ-самомъ-дѣлѣ, вмѣстимость корабля возрастаетъ по кубамъ, когда его перпендикулярный разрѣзъ и сопротивленіе воды возрастаютъ по квадратамъ, или гораздо-менѣе, такъ-что, напримѣръ, корабль, вдвое больше другаго длиною, шириною и осадкою въ водѣ, будетъ поднимать въ восемь разъ болѣе груза, между-тѣмъ, какъ его разрѣзъ будетъ только въ четыре раза болѣе; и, поднимая груза въ восемь разъ болѣе, онъ будетъ требовать только въ четыре раза бо́льшей силы, то-есть будетъ расходовать на каждую тысячу пудовъ груза вдвое менѣе силы; взявъ вмѣсто двойнаго тройное увеличеніе длины, ширины и осадки, мы получимъ и втрое меньшіе расходы на перевозку каждой тысячи пудовъ груза. Разсчетъ простой и вѣрный, и на немъ основано стремленіе къ баснословному увеличенію кораблей. Кромѣ-того, чѣмъ длиннѣе и массивнѣе корабль, тѣмъ быстрѣе пойдетъ онъ при одинаковой пропорціи движущей силы на каждую тысячу пудовъ груза. Это также математически-вѣрный законъ. Основываясь на всемъ этомъ, компанія разсчитываетъ, что ея корабль, при 500 пудовъ груза на одну силу паровой машины, пойдетъ также быстро, какъ лучшіе кюнердо-коллинсовскіе пароходы, берущіе только 200 пудовъ на одну силу машины. Такимъ-образомъ гигантскій корабль будетъ, по разсчету, брать 10,000 тоннъ каменнаго угля, 5,000 тоннъ (320,000 пудовъ) товаровъ и имѣть 500 каютъ 1-го класса, кромѣ соотвѣтственнаго числа пассажирскихъ мѣстъ низшихъ классовъ. Съ запасомъ 10,000 тоннъ угля онъ можетъ идти на полныхъ парахъ 38 сутокъ, то-есть сходить въ Америку изъ Англіи и воротиться, не задерживаясь нагрузкою новаго угля, и еще привезетъ огромный остатокъ прежняго запаса. Строители даже разсчитываютъ, что, при помощи парусовъ, онъ съ однимъ запасомъ угля будетъ совершать рейсы изъ Англіи въ Австралію и обратно, не запасаясь углемъ не только на пути, но и въ Австраліи.

Замѣтимъ кстати, что цифры, приведенныя Дюпеномъ о скорости пароходовъ — среднія цифры по трехлѣтней сложности, и что теперь почтовые пароходы ходятъ ужь болѣе 20 верстъ въ часъ. Такъ «Атрато», пришелъ изъ Саутемптона на островъ Св. Ѳомы (въ Вест-

индіи; длина рейса 3,622 англ. миль, около 5,500 верстъ) въ 11 сутокъ и $8^1/_2$ часовъ, что даетъ среднюю скорость слишкомъ 23 версты въ часъ, или болѣе 500 верстъ въ сутки — быстрота сообщенія, почти равная быстротѣ сообщенія по желѣзнымъ дорогамъ во Франціи и Россіи, бо̀льшая, нежели скорость ѣзды по желѣзнымъ дорогамъ въ Германіи. И по величинѣ есть пароходы гораздо-болѣе кюнердовскихъ «Аравіи» и «Персіи». Такъ «Гималая» имѣетъ 1,600 силъ и беретъ 4,200 тоннъ (болѣе 250,000 пудовъ) груза; этотъ едва-ли не громаднѣйшій изъ нынѣшнихъ пароходовъ, ходитъ еще быстрѣе «Атрато»: по 14 узловъ (около 25 вертъ) въ часъ, или около 600 верстъ въ сутки!

Но пароходы, несмотря на всѣ свои усовершенствованія, вовсе не вытѣсняютъ еще парусныхъ судовъ изъ морской торговли: на сторонѣ пароходовъ быстрота и точность, на сторонѣ парусныхъ судовъ дешевизна доставки. Поэтому въ 1851 году только одна пятнадцатая часть товаровъ была перевезена во всесвѣтной торговлѣ на пароходахъ; остальныя четырнадцать пятьнадцатыхъ были перевезены парусными судами. Съ того времени пропорція въ пользу пароходовъ должна была увеличиться. 1 января 1854 года Англія имѣла, по отчету, представленному въ Палату Депутатовъ, 1,375 пароходовъ, общая вмѣстимость, которыхъ была 248,623 тоннъ или около 15,000,000 пудовъ. Это болѣе нежели въ 1851 году; но все еще ничтожно для количества товаровъ всесвѣтной торговли. Этимъ пароходамъ было бы надобно сдѣлать семь рейсовъ, чтобъ удовлетверить требованіямъ одной нашей волжской торговли, провозящей 100,000,000 пудовъ товаровъ вверхъ и 80,000,000 пудовъ внизъ по Волгѣ. Въ одинъ разъ не могли бы они поднять товаровъ, отправляемыхъ изъ одного Рыбинска. Изъ 1735 пароходовъ 395 желѣзныхъ (155 винтовыхъ, 240 съ колесами) и 980 деревянныхъ.

Но возвратимся къ запискѣ Дюпена. Между паровымъ и парусным механизмомъ вмѣсто соперничества начинаетъ водворяться нѣкоторое единство, и наибольшихъ успѣховъ надобно ожидать судоходству именно отъ этого соединенія различныхъ силъ. Паруса будутъ при попутномъ вѣтрѣ избавляться отъ расходовъ на пары, пары будутъ двигать судно при недостаткѣ вѣтра, и такимъ образомъ экономія, аккуратность и быстрота доставки соединятся. Этотъ принципъ ужь начинаютъ принимать строители пароходовъ. Теперь только нѣкоторые рѣчные пароходы движутся исключительно силою паровъ. На всѣхъ морскихъ торговыхъ пароходахъ есть и паруса; но парусность ихъ слишкомъ мала, по мнѣнію Дюпена, и должна быть увеличена. На нѣкоторыхъ пароходахъ объемъ парусовъ еще только въ 12 разъ болѣе разрѣза судна въ самомъ широкомъ и глубокомъ мѣстѣ. На другихъ пароходахъ парусность достигаетъ ужь величины 20 разрѣзовъ, а на пароходно-парусномъ кораблѣ «Наполеонъ», чрезвычайно-быстромъ ходокѣ, получившемъ премію «за наисовершеннѣйшее примѣненіе пароваго устройства къ военнымъ кораблямъ», объемъ парусовъ равняется 28 поперечнымъ разрѣзамъ корабля въ самомъ широкомъ мѣстѣ. Здѣсь, какъ и во всей почти своей запискѣ, Дюпенъ развиваетъ мнѣнія, высказываемыя Бургуа, опытнымъ и ученымъ

морякомъ; потому его слова должны быть не пустыми теоріями человѣка, незнакомаго съ дѣломъ спеціально; но тяжесть мачтъ и значительное сопротивленіе, представляемое воздуху оснасткою паруснаго судна, едва-ли дозволятъ пароходамъ, которые должны ходить въ затишье и противъ вѣтра, слишкомъ значительно увеличивать свою парусность. Что касается до издержекъ на парусное устройство, онѣ не могутъ служить ни малѣйшимъ препятствіемъ прибавленія парусности къ пароходу, едва равняясь одной сороковой части цѣны пароваго механизма.

Но и чисто-парусныя суда стремятся, наравнѣ съ параходами, увеличивать свою скорость. Общее средство къ этому — устроеніе ихъ по формѣ пароходовъ, главнымъ образомъ увеличеніе длины при прежней или уменьшенной ширинѣ и осадкѣ въ водѣ. Съ другой стороны годъ-отъ-году лучше знакомятся съ теоріею вѣтровъ и распредѣленіемъ морскихъ теченій, такъ-что годъ-отъ-году парусныя суда будутъ вѣрнѣе разсчитывать удобнѣйшее время и лучшій путь для плаванія.

Замѣтимъ здѣсь кстати, что почитателямъ памяти Уатта, изобрѣтателя паровыхъ машинъ, предлагаютъ присылать въ Гринокъ, мѣсто его рожденія, по одному камню съ надписью своего имени. Изъ этихъ камней будетъ воздвигнутъ памятникъ Уатту на высокой скалѣ близь Гринока. Подобный же памятникъ воздвигаютъ Вашингтону. Не только въ Англіи, но и въ Канадѣ нашлось уже множество желающихъ участвовать въ исполненіи этой истинно-поэтической мысли.

О новооткрытыхъ участкахъ желѣзныхъ дорогъ и нынѣ какъ всегда, множество извѣстій. Скажемъ только нѣсколько словъ о гигантскомъ предпріятіи, которое давно ужь кружитъ головы сѣвероамериканцамъ—желѣзной дорогѣ изъ внутреннихъ областей въ Сан-Франциско. Она нужна не только для прямыхъ сношеній съ Калифорніею, но еще болѣе для-того, чтобъ сѣвероамериканцамъ получить возможность ѣздить въ Японію и Китай прямымъ путемъ, не огибая Южной Америки: эта дорога сократила бы путь изъ Нью-Йорка въ Японію и Китай слишкомъ вдвое, и американскіе товары доставлялись бы туда въ 25 дней. Наилучшій, повидимому, проектъ этой дороги, составленный Нотомъ (Not), таковъ: дорога пойдетъ изъ Джефферсона, стоящаго на Миссури на западъ отъ Сен-Луи, почти прямо на западъ, къ бриджерскому проходу чрезъ Скалистыя Горы, оттуда пойдетъ на западо-сѣверо-западъ, къ озеру и лежащему на немъ городу Утахъ (Utah), чрезъ мормонскія поселенія, и потомъ на западо-юго-западъ чрезъ Сьерру-Неваду (Снѣговыя Горы) къ Сан-Франциско. Уклоненія отъ прямой линіи были бы очень незначительны, если принять этотъ проектъ, и притомъ была бы та выгода, что дорога пошла бы въ тепломъ климатѣ, между 30° и 40° сѣверной широты; почва пустынныхъ нынѣ государственныхъ земель, лежащихъ по этому пути, чрезвычайно-плодородна, и выгода отъ ихъ продажи и обработки скоро покрыла бы съ избыткомъ всѣ издержки дороги. Приблизительная длина дороги будетъ: отъ Джефферсона до Скалистыхъ Горъ около 1,600 верстъ; отъ Скалистыхъ Горъ до города Утахъ около 374 верстъ; отъ города Утахъ

до Сан-Франциско около 1,750 верстъ; всего около 3,725 верстъ — разстояніе почти равное разстоянію отъ С. Петербурга до Парижа. Невозможнаго тутъ еще нѣтъ.

А Калифорнія сама-по-себѣ стоитъ желѣзной дороги въ 40 или 50 мильйоновъ долларовъ. Всего добыто золота въ ней, со времени открытія рудниковъ до конца прошедшаго года, на сумму 44,000,000 фунтовъ стерлинговъ (болѣе 270,000,000 р. сер., или около 18,000 пудовъ). Вотъ еще нѣсколько вновь обнародованныхъ цифръ, свидѣтельствующихъ о быстромъ возрастаніи благосостоянія и могущества Соединенныхъ Штатовъ.

Изъ недавно-изданныхъ отчетовъ видно, что въ 1851 году въ Соединенные Штаты привезено было товаровъ на сумму 45,000,000 ф. ст. (280,000,000 р. сер.) и почти на такую же сумму (45,400,000 ф. ст.) вывезено.

Доходы Сѣвероамериканскихъ Соединенныхъ Штатовъ простирались въ прошедшемъ финансовомъ году (считающемся съ 1-го іюля) до 74,760,264 доллара (около 99,000,000 р. сер.); доходы прошедшаго года (съ 1-го іюля 1852 по 1-е іюля 1853 г.) простирались только до 61,000,000 долларовъ; увеличеніе въ одинъ годъ равняется почти 13,800,000 долларовъ (около 18,000,000 р. сер.); излишекъ доходовъ передъ расходами былъ 30,000,000 долларовъ (около 40,000,000 р. сер.); изъ нихъ 20 мильйоновъ употреблены на уплату государственнаго долга, а 10 мильйоновъ еще остаются въ запасѣ. Въ число доходовъ налоги и пошлины принесли 68 миллйоновъ долларовъ, а 7,700,000 доставила продажа государственныхъ земель въ западныхъ краяхъ.

Но возвратимся къ новостямъ, свидѣтельствующимъ объ усовершенствованіяхъ въ приложеніи науки къ промышленной дѣятельности.

Въ сентябрѣ 1851 года первый подводный телеграфъ былъ проложенъ между Дувромъ и Кале. Послѣ того устроены подводные телеграфы между Дувромъ и Остенде, между Форт-Патрикомъ и Донади (между Ирландіей и Великобританіей). Но длиннѣйшій и важнѣйшій изъ всѣхъ нынѣ существующихъ подводныхъ телеграфовъ устроивается для соединенія Европы съ Африкою, чрезъ Корсику и Сардинію. Подводный канатъ телеграфа будетъ состоять изъ трехъ частей. Первая (около 90 миль, 140 верст.) будетъ положена въ Средиземное Море между Спецціею (въ Италіи) и мысомъ Корсо (самою сѣверною оконечностью Корсики); потомъ пойдетъ телеграфъ по землѣ, чрезъ всю длину Корсики, до южнаго ея конца; работы на материкѣ Корсики уже начаты; Корсика соединится съ Сардиніею вторымъ отдѣленіемъ подводнаго телеграфа, длиною около 15 верстъ; по Сардиніи опять пойдетъ обыкновенный электрическій телеграфъ; третья и самая длинная часть подводнаго каната проложится между южною оконечностью Сардиніи (мысомъ Кальяри) и африканскимъ берегомъ, близь Туниса, гдѣ соединится съ французско-алжирскимъ электрическимъ телеграфомъ, который будетъ готовъ къ январю. Длина подводнаго каната между Сардиніею и Африкою будетъ не менѣе 150 англ. миль (230 верстъ); эта послѣдняя часть каната будетъ вѣсить около 75,000 пудовъ; и когда мы подумаемъ, что

глубина моря, въ которое долженъ быть погруженъ канатъ, доходитъ до 350 саженъ, то невозможно не удивляться успѣхамъ науки и промышленности. Весь канатъ дѣлается въ Англіи; первая часть его (150 верстъ) ужь готова и скоро будетъ отправлена для погруженія. Приготовляется онъ слѣдующимъ образомъ. На пеньковый канатъ, пропитанный смѣсью изъ масла, сала, дегтя и смолы, навиваются шесть мѣдныхъ проволокъ, собственно составляющихъ «телеграфъ»; онѣ покрыты гутта-перчевой одеждой, которая изолируетъ ихъ и предохраняетъ отъ ржавчины; онѣ не касаются одна другой; для этого и для сохраненія совершенно-правильной круглой формы, въ промежуткахъ навиваются вмѣстѣ съ ними толстые пеньковые шнуры, ихъ раздѣляющіе. Все это покрывается слоемъ лучшей пеньки, приготовленной такъ же, какъ и центральный канатъ; слой этотъ сплетается въ видѣ сплошной непроницаемой сѣтки. Потомъ все это обвивается двѣнадцатью толстыми желѣзными проволаками. Сплошная наружная спираль ихъ идетъ такъ плотно и вѣрно, что имѣетъ очень красивый и математически правильный видъ. Англійская миля каната вѣситъ около 8 тоннъ (500 пудовъ), или каждая сажень около 25 фунтовъ; весь подводный канатъ, длиною около 250 миль (375 верстъ), будетъ вѣсить 2,000 тоннъ (125,000 пудовъ), и будетъ совершенно готовъ къ августу. Ка̀къ быстро идетъ дѣло, можно заключать изъ того, что еще 16-го января было поле тамъ, гдѣ нынѣ фабрика, выстроенная для приготовленія каната. Телеграфъ устраиваетъ частная компанія, «Компанія Телеграфа чрезъ Средиземное Море»; ея директоръ Джонъ Бреттъ, телеграфическій инженеръ. Объ огромности расходовъ говоритъ уже то, что наемъ парохода для отвозки готовыхъ 100 миль каната и его нагрузка обошлись болѣе нежели въ 60,000 р. сер. Отправка происходила въ присутствіи множества ученыхъ и другихъ почетныхъ лицъ, приглашенныхъ на это торжество промышленности и науки. 30-го іюня этотъ пароходъ (Persian), съ своимъ канатомъ между Италіею, Корсикою и Сардиніею, пришелъ въ Геную и теперь канатъ вѣроятно уже погруженъ и половина дѣла сдѣлана. Остается положить самую длинную часть, между Сардиніей и Африкой.

Вотъ обыденныя извѣстія того же рода: Швейцарское правительство строитъ электрической телеграфъ между Риги и Люцерномъ. Открытъ электрическій телеграфъ между Бомбеемъ и Калькуттою.

Въ Лондонскомъ Обществѣ заграничныхъ ученыхъ была недавно читана записка о томъ, ка̀къ необходимо для Индіи улучшеніе путей сообщенія, проложеніе желѣзныхъ дорогъ, проведеніе каналовъ; ка̀къ необходимо правительству позаботиться о развитіи въ этой странѣ земледѣлія и т. д. Въ-самомъ-дѣлѣ, доказательства представлены очень-ясныя: всего изъ Индіи вывозится товаровъ на сумму только отъ 10 до 20 мильйоновъ фунтовъ стерлинговъ, при народонаселеніи въ 150 мильйоновъ; сравните эти цифры съ цифрами доходовъ и торговли Соединенныхъ Штатовъ, имѣющихъ въ *шесть* разъ менѣе населенія, и вы скажете, что Индія дѣйствительно находится въ жалкомъ положеніи. Есть за нынѣшній мѣсяцъ и другія извѣстія объ

электро-магнетизмѣ, постоянно расширяющемъ кругъ своихъ полезныхъ приложеній.

Въ Готѣ (въ Саксоніи) изобрѣтена Вильямомъ Ганзеномъ электро-магнитная гравировальная машина. Доведена ли она до совершенства изобрѣтателемъ, или будетъ еще нуждаться въ улучшеніяхъ, чтобъ достигать своей цѣли—объ этомъ можно будетъ судить только увидѣвъ гравюры, исполненныя при ея помощи; но что способъ, на которомъ она основана, совершенно удобопримѣнимъ, это можно сказать ужь и теперь. Не ошибемся мы, если предскажемъ и то, что примѣненіе электромагнитизма къ гравированію должно произвести переворотъ въ этомъ искусствѣ, довести его до чрезвычайной степени совершенства, и съ тѣмъ вмѣстѣ сдѣлать гравюры на стали гораздо болѣе дешевыми. Не входя въ техническія подробности, разскажемъ сущность дѣла. Рѣзецъ, утвержденный въ станкѣ, приводится въ сообщеніе съ проволокою электро-магнитной машины. Смотря по тому, идетъ ли черезъ проволоку, или перерывается электро-магнитный токъ, рѣзецъ то приподнимается, то опускается. Подъ рѣзцомъ гравируемая доска, которая медленно движется механизмомъ, подобнымъ часовому. Опустившись, рѣзецъ дѣлаетъ на ней точки или черты, смотря по тому, мгновенно поднятъ онъ опять вверхъ силою электро-магнита, или остается нѣсколько времени прижатъ къ доскѣ. Когда мы припомнимъ быстроту и точность, съ какою можетъ нажимать и поднимать рѣзецъ электро-магнитная машина, то убѣдимся, что гравюра можетъ быть исполнена такимъ образомъ необыкновенно-чистая, точная, превосходная, и что процесъ гравированія можетъ идти значительно-быстрѣе, нежели нынѣ.

Вотъ и другое приготовляемое наукою для промышлености приложеніе электро-магнитизма. Извѣстный французскій физикъ Бекрель (Becquerel) читалъ въ Парижской Академіи Наукъ записку о своихъ опытахъ извлеченія драгоцѣнныхъ металловъ не промываніемъ, или ртутнымъ процесомъ, какъ это дѣлается теперь, а электро-химическимъ путемъ. Онъ занимается этими опытами ужь около двадцати лѣтъ и производилъ ихъ надъ довольно большимъ количествомъ (около 1,000 пудовъ) руды, доставленной ему изъ Мехики, Коломбіи, Перу и Алтая. Онъ подвергаетъ руду разнымъ химическимъ операціямъ, и такимъ образомъ превращаетъ ее въ химическую смѣсь, растворяющуюся въ водѣ. Растворивъ эту смѣсь водою, онъ подвергаетъ ее дѣйствію электричества, которое разлагаетъ ее, отдѣляетъ металлы и осаждаетъ ихъ. Вмѣстѣ съ краткою запискою онъ представилъ Академіи сочиненіе, трактующее объ этомъ вопросѣ во всѣхъ подробностяхъ и объявилъ, что скоро начнетъ его печатать.

Изъ другихъ еще болѣе прямыхъ приложеній науки къ жизни, скажемъ, вопервыхъ, о размноженіи числа породъ полезныхъ домашнихъ животныхъ. Но прежде выпишемъ нѣсколько словъ изъ вышедшаго на-дняхъ новаго изданія лучшей книги объ этомъ предметѣ (Domestication et naturalisation des animaux utiles, par Isidore Geoffroi Saint-Hilaire) «Пріученіе полезныхъ животныхъ къ тому, чтобъ они дѣлались домашними (аклиматизировались).» Изъ древнихъ народовъ,

Римляне старательнѣе и успѣшнѣе всѣхъ занимались обращенiемъ животныхъ, живущихъ на волѣ, въ домашнихъ. Но вниманiе ихъ было обращено преимущественно на дрессированье страшныхъ звѣрей, владѣть которыми было лестно для тщеславiя знатныхъ покупщиковъ; извѣстно, что у нихъ были ручные львы, тигры, пантеры, которыхъ можно было запрягать въ экипажи. И теперь умѣютъ достигать этого: въ одномъ изъ парижскихъ цирковъ «укротитель» ѣздилъ, подобно Гелiогабалу, въ колесницѣ, запряженной двумя львами. Теперь въ звѣринцахъ фокусниковъ есть слоны, умѣющiе становиться, къ неописанному восторгу толпы, на переднiя ноги, внизъ головою, вверхъ задними ногами. Римскiе дрессировщики достигали еще бòльшаго успѣха: у нихъ были танцующiе слоны, какъ теперь есть пляшущiя собаки; и этого мало: во время трiумфальныхъ торжествъ въ честь Германика, римлянамъ показывали слоновъ, пляшущихъ на канатѣ. Но все это были пустыя штуки, изъ которыхъ не могло произойдти никакой пользы. Также искусно умѣли римляне откармливать разныхъ животныхъ для своихъ гастрономическихъ столовъ; умѣли откармливать даже улитокъ, составлявшихъ у нихъ лакомое блюдо; но и здѣсь искусство служило только роскоши, прихоти, а не пользѣ. Гораздо-большаго вниманiя заслуживаетъ искусственное разведенiе не только рѣчныхъ, но и морскихъ рыбъ, хотя и оно имѣло цѣлью удовлетворенiе причудливому вкусу гастрономовъ, а не общей пользѣ. Такъ римляне переселили любимую гастрономами рыбу scarus изъ Греческаго Моря въ Тосканское, и акклиматизировали ее тамъ. Намъ еще далеко до такого искусства. Наконецъ Варронъ говоритъ, что римлянамъ было извѣстно искусственное оплодотворенiе рыбьей икры—дѣло, столько занимающее нынѣ естествоиспытателей и возбуждающее столько споровъ.

Относительно искусственнаго размноженiя рыбъ можемъ сообщить интересные опыты, которые дѣлалъ Лами въ пруду Ментенонскаго Парка съ искусственными прiютами для метанiя икры; эти удачные опыты могутъ до извѣстной степени вести къ той же цѣли, какой стараются достичь искусственнымъ оплодотворенiемъ икры. Извѣстно, что рыба ищетъ для метанiя икры мѣстъ, поросшихъ водяными травами, за которыя цѣпляется икра; Лами придумалъ устроивать въ пруду подобныя искусственныя загороди, которыя, по окончанiи метанiя икры, могли бы съ прилипшею къ нимъ икрою быть передвигаемы въ особенные резервуары, гдѣ икра будетъ ужь совершенно предохранена отъ всѣхъ опасностей и гдѣ, поэтому, ни одинъ зародышъ не будетъ погибать. Онъ устроилъ пловучiе кустарники изъ привязанныхъ къ деревяннымъ рѣшеткамъ прутьевъ; они погружаются въ воду и прикрѣпляются веревками къ баласту, брошенному на дно. Когда приходитъ время метанiя икры, водяная трава въ пруду уничтожается, и такимъ образомъ вся рыба должна приходить метать икру въ этихъ кустарникахъ. Изъ рыбъ, живущихъ въ пруду Ментенонскаго Парка, первыя мечутъ икру окуни. Съ ними опытъ удался: въ резервуары передвинуто было на кустарникахъ огромное количество икры, изъ которой вышли мильйоны молодыхъ окуней,

теперь, по достиженіи достаточнаго роста выпускаемыхъ въ рѣку Эру (Eure). Когда первый отчотъ былъ посланъ, оставалось еще видѣть, въ такой ли же степени удаченъ будетъ опытъ надъ карпами и другими породами ментенонской рыбы, для которой не приходило еще тогда время метанія икры; но успѣхъ вѣроятенъ. Способъ, употребленный Лами, съ незапамятныхъ временъ употребляется китайцами, которые, во время метанія икры, на цѣлые десятки верстъ устилаютъ рѣки рогожами и потомъ перетаскиваютъ эти рогожи съ приставшей къ нимъ икрою въ мѣста, гдѣ икра безопасна отъ хищной рыбы и другихъ враговъ.

Вотъ еще извѣстіе, хотя отчасти относящееся сюда. Извѣстно, какъ часто случается больнымъ терпѣть недостатокъ въ піявкахъ. Простой поселянинъ въ департаментѣ Жиронды съ большимъ успѣхомъ разводитъ піявокъ у себя въ пруду, загоняя туда на нѣсколько времени старыхъ коровъ и лошадей, кровью которыхъ откармливаются піявки. Эта спекуляція приноситъ ему большія выгоды. Но жестокость ея ужасна.

Въ Европу привезли между-тѣмъ новаго товарища воламъ, коровамъ и лошадямъ. Гость издалека, и провозъ его стоитъ большихъ хлопотъ; но если гость привыкнетъ къ Европѣ, то всѣ хлопоты вознаградятся съ избыткомъ новыми удобствами, которыя доставитъ онъ своимъ хозяевамъ. Этотъ новопріѣзжій — *якъ* (Yack), китайскій буйволъ съ лошадинымъ хвостомъ. Польза отъ распространенія въ Европѣ этой породы скота была бы, по мнѣнію Изидора Жоффруа-Сент-Илера, неисчислима. Въ горныхъ областяхъ Тибета и Китая якъ вполнѣ замѣняетъ жителямъ лошадь, корову и овцу: на немъ они перевозятъ вьюки; его запрягаютъ въ телегу, его употребляютъ для распахиванія полей; отъ него получается и мясо и молоко, и наконецъ его очень-густая и длинная шерсть замѣняетъ овечью волну. Якъ очень-скоро размножается, неприхотливъ на пищу, не боится никакихъ холодовъ. Потому надобно думать, что его легко аклиматизировать въ Европѣ. Но до-сихъ-поръ въ Европѣ существовалъ только одинъ экземпляръ этой породы; онъ принадлежалъ звѣринцу лорда Дерби. Теперь, благодаря усиліямъ Жоффруа Сент-Илера и Парижскаго Зоологическаго Общества, было поручено французскому агенту, Монтиньи, возвращающемуся изъ Азіи въ Европу, привезти съ собою нѣсколько яковъ для разведенія ихъ во Франціи, и Монтиньи успѣлъ довезти въ цѣлости до Гавра стадо этихъ животныхъ, состоящее изъ двѣнадцати головъ отборнаго качества.

Англійскіе почитатели Либиха собрали по подпискѣ болѣе 1,000 ф. ст. (6,000 р. сер.) для поднесенія ему подарка, въ знакъ уваженія къ его заслугамъ наукѣ. На собранную сумму купленъ серебряный сервизъ. Это подаетъ намъ поводъ сказать опять нѣсколько словъ объ Англіи и Обществѣ Искуствъ.

Въ Лондонскомъ Обществѣ Искусствъ (Society of Arts) докторъ Кингъ Чельмерсъ (Chalmers) читалъ интересную записку «О промышленной патологіи или болѣзняхъ и вредныхъ послѣдстіяхъ, соединенныхъ съ нѣкоторыми занятіями».—Онъ указалъ ремесло портныхъ, которые

должны постоянно сидѣть съ поджатыми ногами, отчего разстроивается желудокъ и внутренности, страдаетъ спинной хребетъ и грудь; на сапожниковъ, которые, кромѣ всего этого, еще должны постоянно сильно надавливать колодкою верхнюю часть живота и грудь; на прачекъ, у которыхъ, отъ долгаго стоянья, страдаютъ ноги; на зеркальщиковъ, которые постоянно вдыхаютъ ртутные пары и т. д. Дѣло промышленной патологіи изслѣдовать, не можетъ ли быть устроенъ верстакъ для портныхъ такъ, чтобъ они могли сидѣть въ менѣе-вредномъ положеніи? не можетъ ли быть сапожная колодка устроена такъ, чтобъ не давить лёгкія? не можетъ ли быть изобрѣтена удобная для прачекъ скамья? Вся эта рѣчь — слѣдствіе предположенія Общества Искусствъ обратить вниманіе на эти важные вопросы, и говорена съ намѣреніемъ выставить на видъ всю ихъ важность. Вслѣдствіе этой рѣчи, основныя мысли которой, не-смотря на всю важность свою, очень-удобопримѣнимы и ни отъ кого не требуютъ никакихъ пожертвованій, Члены Общества рѣшили ежегодно устроивать выставку новоизобрѣтаемыхъ рабочихъ инструментовъ и другихъ принадлежностей работы, которыя имѣютъ цѣлью облегчить и сдѣлать менѣе-вредными для здоровья различные роды работъ. Кромѣ-того, Общество Искусствъ предположило ежегодно приготовлять подробное «разъисканіе» подобнаго рода относительно той или другой части промышленной патологіи. Въ нынѣшнемъ году назначило оно «разъисканіе о вредныхъ послѣдствіяхъ различныхъ работъ для глазъ», и въ отвѣтъ на свою тэму получило уже много дѣльныхъ записокъ.

Въ этомъ же засѣданіи Общества Искусствъ была прочитана Мэкуортомъ (Mackworth) записка «О патологіи рабочихъ въ рудникахъ и копяхъ (On the pathology of the miners)» имѣющая тѣсное родство съ Чельмерсовой. Онъ говоритъ, что въ Великобританіи изъ тысячи такихъ рабочихъ 125 бываютъ убиваемы, засыпаемы землею, убиваемы обрушивающимися кусками земли, балками и вообше кончаютъ жизнь неестественною смертью, такъ-что изъ 250,000 рабочихъ въ Англіи 30,000 должны погибнуть насильственною смертью. Въ Бельгіи пропорція эта вдвое менѣе. Но погибель отъ подобныхъ несчастныхъ случаевъ зло еще ничтожное въ-сравненіи съ непремѣннымъ сокращеніемъ естественнаго срока жизни, рановременностью смерти, общею участью всѣхъ работающихъ въ рудникахъ и копяхъ. Статистическія таблицы доказали Мэкуорту, что работа въ каменноугольныхъ копяхъ, желѣзныхъ, мѣдныхъ, оловянныхъ и свинцовыхъ рудникахъ (другихъ въ Великобританіи очень мало) сокращаетъ жизнь рабочаго пятнадцатью, или, въ самомъ счастливомъ случаѣ, двѣнадцатью годами; и вредныя условія, производящія такое страшное вліяніе, почти всѣ могли бы быть устранены съ выгодою для самихъ владѣтелей рудниковъ. Въ примѣръ этого приведемъ только очищеніе и освѣженіе воздуха въ шахтахъ, духота и нездоровость котораго одна изъ пагубнѣйшихъ сторонъ работы. Въ тѣхъ рудникахъ, гдѣ устроена хорошая вентиляція, рудокопъ работаетъ гораздо-успѣшнѣе, живѣе, сильнѣе, такъ-что въ четыре дня успѣваетъ сдѣлать столько же, сколько дѣлаетъ въ пять дней въ руд-

никахъ безъ вентиляціи. Поразительное доказательство представляютъ «соединенные рудники» корнуэльскіе. Годъ назадъ прокопать въ нихъ англійскую сажень (однимъ футомъ менѣе русской) стоило 17 ф. ст.; температура въ рудникахъ была 105° Фаренгейта (32° Реомюра— духота дѣйствительно изнурительная); рабочіе должны были смѣняться каждыя пять минутъ. По просьбѣ директора, Уильямса, г. Мэкуортъ осмотрѣлъ рудники и составилъ проектъ вентиляціи; проектъ былъ принятъ; воздухъ освѣжился, температура упала до 70° Фаренгейта (19° Реомюра — нѣсколько-жарко, но ужь очень сносно. Мэкуортъ говоритъ, что можно было бы, при лучшемъ соблюденіи плана, понизить теплоту до 17° или даже менѣе) и теперь прокопать англійскую сажень стоитъ только 5 ф. ст. (31 р. сер. вмѣсто прежнихъ 105 р. сер.—въ $3^1/_2$ раза дешевле).

Не такъ удобоприложимы, но тѣмъ не менѣе интересны наблюденія другаго англійскаго врача относительно связи между господствующими вѣтрами и болѣзнями. Записку объ этомъ читалъ докторъ Моффетъ въ Лондонскомъ Литературномъ Обществѣ. По его изслѣдованіямъ, наибо́льшее число больныхъ бываетъ при южныхъ вѣтрахъ; наименьшее число умирающихъ при вѣтрахъ сѣверныхъ. Есть болѣзни, особенно-развивающіяся при извѣстныхъ направленіяхъ вѣтра. Апоплексія, эпилепсія и другія причины такъ-называемой «скоропостижной» смерти свирѣпствуютъ преимущественно во время града и снѣга и во время сѣверозападнаго или юговосточнаго вѣтра, при которыхъ обыкновенно бываютъ эти атмосферическія явленія. Конечно, наблюденія доктора Моффета относятся только къ Лондону, и въ другихъ мѣстностяхъ выводы должны измѣниться сообразно различію въ качествахъ того или другаго вѣтра.

Нѣсколько очень-отрадныхъ подробностей объ исцѣленіи кретинизма, этой страшной язвы низменныхъ долинъ у подошвы Альповъ, обнародовано въ брошюрѣ объ абендсбергскомъ заведеніи для кретиновъ, находящемся въ Бернскомъ Кантонѣ и основанномъ докторомъ Гуггенбюлемъ (Guggenbühl). Заведеніе построено на Абендсбергѣ, въ Альпійскихъ Горахъ, на высотѣ 5,000 футовъ надъ моремъ; такое возвышенное мѣстоположеніе избрано, безъ-сомнѣнія, потому, что тяжелый воздухъ низменностей считается главною причиною кретинизма. Неутомимыя попеченія доктора о своихъ воспитанникахъ награждаются желаннымъ успѣхомъ: разслабленныя, старчески-изможденныя, слабоумныя дѣти черезъ нѣсколько мѣсяцовъ превращаются у него въ понятливыхъ и здоровыхъ; прежде они могли только мычать; въ Абендсбергѣ они пріобрѣтаютъ способность говорить. Когда онъ принимаетъ ихъ, они лишены почти совершенно не имѣютъ чувствъ обонянія и вкуса: они ѣдятъ все безъ разбора, руководясь только инстинктомъ голода; хорошая пища не пробуждаетъ въ нихъ удовольствія; въ заведеніи Гуггенбюля они становятся существами разсудительными. А еще недавно считали кретинизмъ и соединенное съ нимъ слабоуміе неисцѣлимымъ. Методъ исцѣленія и воспитанія, принятый въ Абендсбергѣ, очень простъ и разуменъ. Физическое разслабленіе кретиновъ, происходящее отъ гни-

лаго и сыраго климата ихъ родины, тамъ лечатъ свѣжимъ воздухомъ, яснымъ климатомъ, въ которомъ расположено заведеніе, здоровою пищею и гимнастическими упражненіями, укрѣпляющими силы. Укрѣпивъ тѣло, начинаютъ развивать и разсудокъ, подавленный прежнею немощью его. Главный трудъ — выучить кретиновъ говорить, пробудить въ нихъ разумную дѣятельность слуха и голоса. Для этого учатъ ихъ шевелить губами, какъ нужно это для произношенія звуковъ, говорятъ имъ черезъ слуховую трубу (такъ заснуло въ нихъ чувство слуха!) рисуя въ то же время фосфоромъ на стѣнѣ предметы. Этотъ утомительный путь доводитъ наконецъ учителя до цѣли возвращенія слабоумному кретину его человѣческаго достоинство. Успѣхъ абендсбергскаго заведенія, существующаго съ 1842 года, былъ причиною основанія другихъ подобныхъ заведеній для кретиновъ и идіотовъ въ Вюртембергѣ, Баваріи, Англіи и другихъ странахъ. Вообще результаты, въ нихъ достигаемые, такъ удовлетворительны, что число заведеній, возникающихъ по ихъ образцу, должно быстро увеличиваться.

Но вотъ и чисто-ученое, совершенно, повидимому, отвлеченное отъ приложенія открытіе за нынѣшній мѣсяцъ, чрезвычайно, однакожь, интересное по связи своей съ ужаснѣйшимъ изъ бѣдствій, поражающихъ цѣлыя страны.

Если справедливо, что твердая кора земнаго шара очень-тонка въ сравненіи съ его поперечникомъ, будучи нетолще пятидесяти верстъ, и что вся внутренняя матерія земнаго шара находится въ расплавленномъ состояніи (замѣтимъ, однакожь, что такое мнѣніе отвергается нынѣ многими учеными), то внутренняя жидкая масса должна, подобно наружной массѣ жидкости — водамъ океана, подчиняться притягательной силѣ луны, и, хотя въ меньшей степени, солнца. Какъ дѣйствіе луны производитъ приливъ и отливъ водъ океана, такъ и внутренняя жидкая масса должна стремиться приливать къ тѣмъ мѣстамъ, надъ которыми проходитъ луна. Такое же дѣйствіе, только въ меньшей степени, какъ и на воды океана, должно оказывать на нее и солнце; когда (во время новолунія и полнолунія) притягательная сила обоихъ свѣтилъ дѣйствуетъ по одному направленію, приливы жидкой внутренней массы должны быть сильнѣе; когда (какъ въ первую и третью четверть луны) притягательное дѣйствіе солнца, направляясь именно на тѣ мѣста, гдѣ отъ дѣйствія луны происходитъ отливъ, ослабляетъ вліяніе притягательной силы луны, приливы жидкой внутренней массы должны быть слабѣе, подобно тому, какъ ослабѣваютъ въ это время и приливы океана. Но, стремясь приливать къ извѣстному пункту, внутренняя жидкая масса должна встрѣчать сопротивленіе въ неподвижной твердой оболочкѣ земли, должна сильно давить на нее, производить въ ней сотрясенія, и это можетъ быть считаемо одною изъ причинъ землетрясеній. Чтобы подобная ипотеза обратилась въ положительный фактъ науки, или была отвергнута наукою, какъ неосновательное положеніе, надобно подвергнуть ее провѣркѣ фактами. Такою провѣркою занимается постоянно ужь нѣсколько лѣтъ французскій ученый Перре (Alexis

Perrey). Онъ собираетъ всѣ извѣстія о времени мѣсяца и дня, когда происходили землетрясенія, и потомъ соображаетъ ихъ время съ положеніемъ луны и солнца относительно мѣста, гдѣ происходило землетрясеніе. Трудъ его далеко еще неполонъ; и теперь онъ проситъ Парижскую Академію помочь ему въ собираніи матеріаловъ; но онъ ужь успѣлъ вычислить положеніе луны и солнца, во время нѣсколькихъ тысячъ землетрясеній; за одно только нынѣшнее столѣтіе собралъ онъ болѣе 7,000 наблюденій; особенно подробно анализирована имъ таблица 824 землетрясеній, замѣченныхъ въ Арекуипѣ (Arequipa, въ Перу). Изъ этого анализа онъ вывелъ: 1) что въ то время, когда притягательное дѣйствіе луны и солнца направлено по одной линіи, и взаимно усиливается (во время полнолуній и новолуній), землетрясенія бываютъ чаще, нежели въ другія времена; 2) что они также бываютъ чаще въ то время, когда луна стоитъ на меридіанѣ мѣста, нежели тогда, когда она далеко отходитъ отъ меридіана; 3) что они бываютъ чаще въ то время, когда луна въ ближайшемъ разстояніи отъ земли (въ перигеѣ), нежели тогда, когда она отдаляется отъ земли. Нельзя не согласиться, что этими выводами совершенно подтверждаются апріорическія соображенія о вліяніи луны на землетрясенія, подобномъ ея вліянію на приливы и отливы.

Такъ-какъ рѣчь идетъ о землетрясеніяхъ, то прибавимъ, что недавно было два землетрясенія, одно въ Америкѣ, и очень-сильное. Сан-Сальвадоръ, главный городъ области того же имени въ Центральной Америкѣ, разрушенъ имъ 14-го апрѣля; въ первые десять дней послѣ этого бѣдствія было отъискано подъ развалинами 308 труповъ; но бо̀льшая часть жителей, предостереженные легкими сотрясеніями земли, предшествовавшими страшному кризису, успѣли спастись бѣгствомъ. Другое землетрясеніе, довольно-сильное, было слышно въ концѣ іюня въ Козенцѣ, въ Неаполитанскомъ Королевствѣ.

Въ лондонской общественной жизни мы отмѣтили уже довольно-много явленій; вопервыхъ, открытіе Кристальнаго Дворца — новость, которая занимала лондонское общество уже нѣсколько мѣсяцовъ, и столько же, если не болѣе, будетъ занимать его; потомъ обѣды, слѣдовавшіе за торжествомъ открытія; юбилей Общества Искусствъ; Воспитательная Выставка; нѣсколько художественныхъ выставокъ, хотя не особенно-блестящихъ, однакожь достойныхъ занять вниманіе публики; но, кромѣ-того, въ Лондонѣ двѣ оперныя труппы, о которыхъ мы будемъ говорить ниже и изъ которыхъ одна, итальянская, отличается прекраснымъ составомъ (Лаблашъ, Маріо, Гризи, Віардо и проч.), другая, какъ увидимъ, также иногда способна возбудить интересъ новыми или забытыми операми, придающими большую занимательность ея спектаклямъ. И этого мало. У лондонцевъ теперь есть еще истинно-блестящая надежда: увидѣть наконецъ истинный блескъ солнечный, непомрачаемый, какъ прежде, каменноугольнымъ чадомъ, достойнымъ диккенсова Кокстоуна. Въ-самомъ-дѣлѣ жители Лондона надѣются, что скоро дымъ не будетъ вѣчно лежать на ихъ городѣ, какъ черный саванъ. Такая нездоровая и непріятная оригиналь-

ность Лондона легко можетъ быть уничтожена, потому-что происходитъ не столько отъ качества каменнаго угля, какъ теперь открывается, сколько отъ дурнаго устройства печей и трубъ, въ которыхъ уголь плохо перегораетъ. Давно ужь думали о средствахъ уничтожить этотъ заражающій атмосферу недостатокъ. Наконецъ придуманъ снарядъ, въ которомъ чадъ и дымъ совершенно перегораютъ, такъ-что труба перестаетъ изрыгать страшное количество смрада. Актъ Парламента теперь обязываетъ лондонскихъ домохозяевъ и заводчиковъ, которыхъ печи превышаютъ размѣръ обыкновенныхъ комнатныхъ печей, къ 1-му августа запастись этимъ снарядомъ.

Ничего этого нѣтъ у Парижанъ. У нихъ почти нѣтъ и солнца, потому-что безпрестанно идутъ дожди; фёльетонисты не могутъ изъ своей изобрѣтательной головы выжать ни одной новости и принуждены говорить о погодѣ. Они пытались-было говорить о новыхъ или старыхъ лавреатахъ, отъисканныхъ Французскою Академіею для выдачи имъ премій за прилежаніе въ сочиненіи драмъ; но выходило очень плохо. Вообще очень-многими странностями обильны дѣйствія Французской Академіи. Напримѣръ: каждогодно назначаетъ она тэмы для похвальныхъ словъ (éloge) тому или другому великому человѣку, часто выбирая при этомъ такихъ великихъ людей, которые ужь давно перестали считаться великими и которыхъ ровно не за что̀ хвалить. Неменѣе-оригинально и то, что, раздавая ежегодно преміи за лучшее стихотвореніе, за лучшее драматическое произведеніе и т. п., она имѣетъ почти на каждую награду постояннаго лавреата, который съ незапамятныхъ лѣтъ неизмѣнно получаетъ премію и неизмѣнно остается лучшимъ поэтомъ—только въ глазахъ Академіи, потому-что только одна она и читаетъ его увѣнчанное произведеніе. Такъ премію за стихотворство всегда получаетъ одна и та же мадамъ, или мадмуазель, Луиза Колле; такъ и въ нынѣшній разъ драматическую премію получилъ знаменитый послѣдователь Расина и Корнеля, Понсаръ, за свою комедію «Честь и Деньги» (l'Honneur et l'Argent). Но возвратимся къ погодѣ. Не въ одномъ Парижѣ, а почти во всей Франціи погода была до послѣдняго времени такая, что говорить о ней надобно было не болтливыми шутками фёльетониста, а грустнымъ языкомъ экономиста: проливные дожди грозили погубить всѣ хлѣба̀; но въ послѣднее время солнце опять показалось и надежды на порядочную жатву оживились. Прежде парижанамъ было всегда готово пріятное убѣжище отъ дождя—театръ; въ нынѣшній сезонъ и театры въ Парижѣ были плохи; особенно мучила парижанъ Софія Крувелли, которою они прежде такъ восхищались. Она не столько пѣла, сколько кричала, и не столько кричала, сколько размахивала руками на весь театръ. Кромѣ этого, она еще довела до удивительной крайности слабость многихъ примадоннъ искажать свою партію всевозможными измѣненіями: она рѣшительно вообразила, что должна пѣть не музыку Мейербера или Россини, а то, что̀ ей прійдетъ въ голову; такъ-что не было никакой возможности отгадывать, какую партію, изъ какой оперы она поетъ — да она и не пѣла никакой партіи, а просто фантазировала. Это вывело изъ терпѣнія парижскую публику, можетъ

быть, содѣйствовало и совершенному разстройству дѣлъ несчастной парижской оперы, которыя ужь много лѣтъ были въ самомъ жалкомъ положеніи, несмотря на всѣ пособія отъ казны. Наконецъ правительство увидѣло, что опера рѣшительно погибаетъ при нынѣшнемъ своемъ устройствѣ (она, подобно всѣмъ другимъ парижскимъ театрахъ, кромѣ Théatre-Français, была частнымъ предпріятіемъ директора, содержавшаго ее на свой счетъ) и поэтому рѣшилось принять оперу въ свое непосредственное завѣдываніе и обратить ее изъ частнаго учрежденія въ придворное, какъ это было при Наполеонѣ и при Бурбонахъ. Директоромъ отъ казны оставленъ прежній содержатель оперы (Несторъ Рокпланъ) съ жалованьемъ 24,000 франковъ. Посмотримъ, лучше ли пойдутъ дѣла на слѣдующій сезонъ, потому-что теперь опера закрыта. Кромѣ этой новости сомнительнаго характера, всѣ остальныя въ парижскомъ артистическомъ мірѣ—похоронныя. Умерла *Ребекка*, сестра Рашели, довольно-хорошая актриса. При такомъ уменьшеніи числа родныхъ очень естественно усиленіе привязанности къ тѣмъ, которые остаются въ живыхъ. Но вынуждать, какъ это, говорятъ, сдѣлала Рашель, у Французскаго Театра 12,000 франковъ жалованья своему брату, Рафаэлю Феликсу, котораго талантъ такъ хорошо извѣстенъ и нашей публикѣ, значитъ простирать свою родственную любовь слишкомъ-далеко.

Умеръ *Жюль Севестъ*, директоръ Théatre Lyrique. Всѣ хвалятъ его прекрасный характеръ и правила и искренно сожалѣютъ о немъ. Столько же жалѣютъ и молодаго композитора *Жоржа Буке* (Bousquet), очень-даровитаго и начинавшаго пріобрѣтать извѣстность. У него осталось семейство почти безъ всякихъ средствъ къ существованію. Жюль Севестъ передъ смертью приготовлялъ двѣ оперы Буке къ постановкѣ на сцену своего театра. Умеръ также *Эмиль Сувестръ*, одинъ изъ даровитѣйшихъ современныхъ французскихъ бельлетристовъ. Вотъ его краткая біографія. Эмиль Сувестръ былъ родомъ изъ Бретани, и первую извѣстность въ литературѣ пріобрѣлъ своими статьями о народной словесности, нравахъ и суевѣріяхъ Бретонцевъ; онѣ печатались въ Révue des Deux Mondes, а потомъ вышли отдѣльною книгою подъ заглавіемъ «Les derniérs Bretons»; прекрасные Recits de la Muse populaire, «разсказы простонародной музы», служатъ продолженіемъ этимъ статьямъ. Кромѣ-того, онъ писалъ повѣсти въ родѣ Тёпфера, отчасти сантиментальныя, отчасти юмористическія; одна изъ нихъ (Охота за козами) переведена въ одномъ изъ послѣднихъ нумеровъ «Москвитянина». Если Сувестръ и вдавался иногда въ сантиментальность, то еще чаще онъ чрезвычайно-наивно и мило описывалъ простонародный бытъ. Въ самой Франціи этотъ писатель не пользовался всею извѣстностью, какой заслуживалъ: онъ былъ слишкомъ безъискусственъ для французской публики.

Этимъ еще далеко не оконченъ длинный рядъ болѣе или менѣе извѣстныхъ лицъ, умершихъ въ Парижѣ: къ нимъ надобно прибавить *Лаказа*, (Las Cases) сына того Лаказа, которому Наполеонъ диктовалъ свои записки, и супругу маршала *Нея*, храбрѣйшаго изъ наполеоновыхъ маршаловъ. Если присоединить къ этому знаменита-

го французскаго археолога Рауля Рошетта, какая выйдетъ длинная процесія! Столькихъ извѣстныхъ именъ, столькихъ даровитыхъ людей лишилась въ нѣсколько недѣль Франція, уже и безъ того небогатая нынѣ знаменитостями! И Германія лишилась знаменитаго въ сценическомъ мірѣ имени.

Госпожа *Зонтагъ*, одна изъ первыхъ пѣвицъ, если не первая пѣвица нашего времени, умерла 18 іюня въ городѣ Мехико, отъ холеры, послѣ кратковременной болѣзни.

Генріэтта Зонтагъ родилась въ Кобленцѣ, 13 мая 1805 года. Отецъ ея былъ второстепенный актеръ, мать — также второстепенная актриса. Сама она вступила на сцену съ дѣтства: *шести* лѣтъ Генріэтта играла въ оперѣ «Donauweibchen» (изъ которой передѣлана наша «Русалка», столь знаменитая, лѣтъ тридцать назадъ), въ роли Salome, и, говорятъ, возбудила всеобщій восторгъ. На девятомъ году, лишившись отца, она была принята въ Пражскую Консерваторію: «въ уваженіе къ необыкновеннымъ талантамъ», для нея сдѣлали исключеніе изъ правилъ Консерваторіи, непринимавшей воспитанницъ моложе двѣнадцати лѣтъ. Въ 1821 году, шестнадцатилѣтняя дѣвушка дебютировала на пражскомъ театрѣ ролью «Принцессы Наваррской» въ оперѣ Буальдьё Jean de Paris. Ея репутація быстро возрастала, такъ-что, пріѣхавъ чрезъ два года въ Вѣну, она была избрана Веберомъ для исполненія главной роли въ его «Эвріантѣ», и Бетховеномъ для исполненія solo soprano въ его «Хоральной Симфоніи». Въ 1824 году Зонтагъ получила приглашенія въ Лейпцигъ и Берлинъ, и съ этого времени начинается ея торжество: шесть лѣтъ она повсюду возбуждала энтузіазмъ, какимъ не награждали даже Каталани. Ея безукоризненная репутація, красота, пріятность и благородство манеръ, прекрасный характеръ — все это увеличивало общее расположеніе къ ней; но прелесть ея голоса, совершенство ея методы были дѣйствительно несравненны. Потому она была ангажирована за неслыханную въ то время цѣну на парижскую сцену, которая тогда имѣла Пасту и Малибранъ, и новая пѣвица съ честью выдержала сравненіе съ этими великими примадоннами. Чрезъ два года она явилась въ Лондонѣ, и успѣхъ ея былъ также великъ на лондонской сценѣ, какъ и на парижской. По возвращеніи въ Парижъ, она получила предложеніе отъ графа Росси, состоявшаго при сардинскомъ посольствѣ въ Парижѣ. Покойный король прусскій устранилъ всѣ возраженія родственниковъ жениха, пожаловавъ дворянскій титулъ любимой берлинской пѣвицѣ, и первая половина сценической карьеры Зонтагъ окончилась; она вступила въ аристократическій кругъ, и была двадцать лѣтъ его украшеніемъ. Но въ 1848 году графъ Росси потерялъ все свое состояніе; тогда графиня благородно и мужественно рѣшилась прибѣгнуть къ своему таланту, чтобъ обезпечить положеніе мужа и будущность дѣтей. Она явилась опять на сценѣ Лондонской Королевской Оперы, ангажировавшей незабытую въ-теченіе двадцати лѣтъ пѣвицу за 7,000 фун. стер. (43,000 р. сер.). Много трудностей предстояло побѣдить мадамъ Зонтагъ. Репертуаръ совершенно измѣнился съ-тѣхъ-поръ, какъ она оставила сцену; сорока-

пятилѣтняя женщина должна была приготовлять новыя роли, неимѣвшія ничего общаго съ ея прежними партіями; ея предшественницею на лондонской сценѣ была Дженни Линдъ, возбуждавшая неслыханный, небывалый восторгъ — какъ опасно было сравнение! Многіе съ недовѣрчивостью смотрѣли на «графиню», непѣвшую на сценѣ двадцать лѣтъ; но великій талантъ благородной артистки восторжествовалъ вполнѣ и надъ репертуаромъ, и надъ публикою, и надъ пристрастіемъ къ восхитительному, свѣжему голосу «шведскаго соловья». Успѣхъ мадамъ Зонтагъ былъ полный. Въ 1849 и 1850 году она продолжала пѣть въ Лондонѣ; потомъ путешествовала по Германіи, бывшей колыбелью ея славы, и въ 1852 году отправилась въ Америку. Объѣхавъ Соединенные Штаты — и здѣсь Дженни Линдъ была ея предшественницею, неповредившею успѣхамъ ея — она отправилась въ Мехику и черезъ нѣсколько мѣсяцовъ сдѣлалась жертвою появившейся тамъ эпидеміи. Трагизмъ этого несчастія довершается страннымъ стеченіемъ случайностей: когда мать умирала, ея дѣти, остававшіяся въ Европѣ, отправились къ ней — и найдутъ теперь ея могилу. Голосъ мадамъ Зонтагъ былъ очарователенъ отъ природы; но еще болѣе была она обязана своему искусству и изящному вкусу: люди, нѣсколько лѣтъ ее слушавшіе, не запомнятъ, чтобъ она хоть однажды была не въ совершенствѣ прекрасна; но лучше всего пѣла она моцартову музыку.

Одна изъ величайшихъ примадоннъ нашего времени умерла, другая сходитъ со сцены: прощальныя представленія *Гризи* въ Лондонской Королевской Оперѣ возбуждаютъ все больше-и-больше энтузіазма въ публикѣ. Англійскіе журналы даютъ и прощальныя біографіи знаменитой пѣвицы.

Джульетта Гризи родилась въ Миланѣ, въ 1816 году; теперь ей 38 лѣтъ. Семейство, изъ котораго она происходитъ, дало много знаменитостей театру. Упомянемъ только о Джудиттѣ Гризи, сестрѣ ея, бывшей примадонною лондонской оперы. Другая сестра, Карлотта, первоклассная танцовщица. Талантъ Джульетты развился очень-рано и обратилъ на себя вниманіе Марліани, довольно-извѣстнаго въ то время композитора; онъ далъ ей полное музыкальное образованіе и скоро Джульэтта Гризи была признана достойною пѣть въ «Нормѣ» вмѣстѣ съ Пастою. Скоро вмѣстѣ съ воспитателемъ своимъ Гризи отправилась въ Парижъ, и въ 1834 году, восьмнадцати лѣтъ, дебютировала въ парижской оперѣ. На той и другой сценѣ она имѣла громадный успѣхъ, какого не имѣла ни одна дебютантка со времени Каталани. Съ того времени она была постоянно любимѣйшею примадонною парижской, лондонской и петербургской публикъ. Въ настоящее время ея прощальныя представленія въ Лондонѣ должны ужь окончиться; изъ Лондона Гризи поѣдетъ въ Соединенные Штаты и, заключивъ этимъ путешествіемъ свою блестящую карьеру, удалится въ свою виллу близь Флоренціи.

На Дрюриленскомъ Театрѣ, гдѣ играетъ нѣмецкая оперная труппа, возобновлена давно-забытая, почти совершенно неизвѣстная въ Англіи опера Моцарта *il Seraglio*. Труппа театра, состоящая почти ис-

ключительно изъ нѣмецкихъ пѣвцовъ и пѣвицъ, не въ-состояніи выполнить ее достойнымъ образомъ; въ самой музыкѣ замѣтны, по мнѣнію англійскихъ дилеттантовъ, слѣды неопытности композитора («Il Seraglio» написана, однако, немногимъ раньше «Дон-Жуана»), но геніальность великаго Моцарта слышится въ каждомъ мотивѣ, и это возобновленіе было истиннымъ праздникомъ для лондонской публики.

Santa Chiara — новая опера Эрнста, герцога саксен-кобург-готскаго, по отзывамъ знатоковъ, лучшее его произведеніе. Нѣмецкіе критики жалѣютъ только о томъ, что либретто оперы, составленное довольно-извѣстною нѣмецкою писательницею Бирхфейферъ, очень-плохо: г-жа Бирхифейферъ довольно неудачно передѣлала повѣсть Цшокке «Принцесса Вольфенбюттельская». Для постановки оперы былъ приглашенъ Листъ.

ПЕТЕРБУРГСКІЯ ЗАМѢТКИ.

Cristophe le cordier. — Le laquais d'Arthur. — Les compatriotes. — L'Homme a la tuile. — Un mari qui prend du ventre. — **Новая пьеса г. Григорьева. — Новости нѣмецкой сцены. — О подпискѣ на сооруженіе памятника В. А Жуковскому. — Электрическій телеграфъ. — Излеровскіе праздники. — Квартетъ изъ Голландіи. — Балетъ съ Адмиралтейской Площади. — Поддѣльные цыгане. — Бенефисъ Гунгля. — Лѣтній нѣмецкій клубъ и его будущность. — Безбородкинскій Садъ. — Полюстровскій ключъ. — Монплезиръ.**

Позвольте на нынѣшній разъ начать извиненіемъ. Мы въ долгу передъ читателями: мы не отдали имъ отчетъ о сценическихъ новостяхъ прошлаго и предпрошлаго мѣсяцевъ... Снова извиняемся и спѣшимъ расплатиться съ этимъ долгомъ.

Французскій театръ особенно богатъ новыми пьесами и потому съ него дѣло и начинается:

Cristophe le Cordier, комедія-водевиль въ двухъ дѣйствіяхъ, произведеніе гг. Ксавье и Мишеля Массона, весьма понравилась публикѣ, что̀ должно отнести столько же къ неотъемлемому достоинству самой пьесы, сколько и къ прекрасному исполненію ея г-жею Мила̀ и г-мъ Тетаромъ.

У мызницы Риго̀ (г-жа Лемениль) есть племянница Мадлена (г-жа Мила̀). У Мадлены, какъ и у всякой хорошенькой дѣвушки, есть обожатели. Виконтъ Шарль Д'Аннезэ(г. Леонъ) изящнѣйшій молодой человѣкъ въ военномъ мундирѣ, могъ бы, казалось, вскружить голову любой красавицѣ: онъ хорошъ, молодъ и богатъ; но Мадлена остается равнодушною къ этому блестящему джентльмену. Паторенъ (г. Федэ) употребляетъ всевозможныя усилія, чтобъ жениться на прекрасной Мадленѣ, но и его старанія совершенно-безуспѣшны. Почему жь это? Очень-просто: потому, что *сердце* скромной дѣвушки *отдано* счастливому канатчику Кристофу (г. Тетаръ). Но ка̀къ ведетъ себя Крис-

тофъ? изъ рукъ вонъ дурно! Онъ, вопервыхъ, нисколько не раздѣляетъ страсти прелестной дѣвушки, вовторыхъ, присматриваетъ за нею по порученію влюбленнаго виконта, и втретьихъ — это самое ужасное! онъ влюбленъ въ Сусанну (г-жа Пельтье). Всего этого мало: Кристофъ въ одинъ прекрасный день передаетъ Мадленѣ записку виконта, въ которой предлагается ей слѣдующее: «Виконтъ женится на Мадленѣ, женится непремѣнно, но на нѣкоторое время это должно быть тайной, и потому Мадлена *будто бы* выйдетъ замужъ за Кристофа и станетъ подъ его защитою и покровительствомъ ожидать виконта». Нѣтъ никакого сомнѣнія, что Мадлена, узнай она содержаніе записки, пришла бы въ отчаяніе и не согласилась на предложеніе виконта; вышла бы печальная исторія. Но Мадлена не умѣетъ читать и исторія вышла крайне-запутанная. Безграмотная дѣвушка вообразила, что врученная ей Кристофомъ записка заключаетъ въ себѣ его собственное признаніе въ любви. Мадлена, очень-естественно, весьма-довольна, и на вопросъ Кристофа: «согласны ли вы?» отвѣчаетъ: «Да̀, да̀! и чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше!» Далѣе, то-есть во второмъ дѣйствіи, дѣло запутывается еще больше. Кристофъ женится на Мадленѣ.

Плохо виконту, еще хужѣ Сусаннѣ. Кристофъ становится на колѣни и поетъ романсъ, который нравится и Мадленѣ и публикѣ.

Комедія въ одномъ дѣйствіи Рене́ Лордеро, подъ названіемъ: *Le Laquais d'Arthur*—пьеса весьма—стараго покроя—обязана своимъ нѣкоторымъ успѣхомъ г-жѣ Луизѣ Майеръ и г. Дешану. Дѣло въ томъ, что Артуръ (г. Мондидье) играетъ въ карты съ Генрихомъ (г. Дешанъ); фамиліи у молодыхъ людей почему-то нѣтъ. Артуръ выигрываетъ не деньги, какъ это случается обыкновенно, а право одѣть своего пріятеля на двѣнадцать часовъ въ ливрею и, въ роли слуги, взять его съ собою къ мадамъ Соси (г-жа Луиза Майеръ). Генрихъ влюбленъ (вездѣ любовь!) въ мадамъ Соси и ему весьма-непріятно предстать глазамъ любимой особы въ лакейскомъ костюмѣ; еще непріятнѣе слушать любезности своего минутнаго повелителя. Непріятное положеніе это, впрочемъ, длится невѣчно. Костюмы и роли пріятелей, въ заключеніе пьесы, перемѣняются и Генрихъ очень-радъ, что проигралъ въ карты. Rira bien qui rira le dernier!..

Les Compatriotes ou Brelan de Marseilliais, комедія-водевиль въ одномъ дѣйствіи Генриха, Монньé — нелѣпѣйшій фарсъ. Г. Невиль является въ трехъ роляхъ (!); изъ нихъ одна женская (!!). На сценѣ разбивается посуда, ломаются стулья, приготовляется ванна и т. д. Употреблено, однимъ словомъ, всевозможное стараніе разсмѣшить почтенную публику. Нѣтъ сомнѣнія, что, въ-отношеніи нѣкоторой части зрителей, усилія автора и г. Невиля увѣнчиваются желаннымъ успѣхомъ. На здоровье!

О содержаніи смѣшнаго, но ужь слишкомъ-запутаннаго фарса гг. Вюльпьяна и Тьери *l'Homme à la Tuile* — ни слова. Пусть г. Лемениль собираетъ рукоплесканія и возбуждаетъ смѣхъ въ роли Полукса—ему и книги въ руки. Если мы станемъ разсказывать о похожденіяхъ бѣднаго Макара, на котораго и черепицы валятся, то

окажется, пожалуй, что они вовсе несмѣшны, а между-тѣмъ зрители впродолженіе всей комедіи гг. Вюльпьяна и Тьери помираютъ со смѣху. Бѣдный Макаръ-Полуксъ въ концѣ пьесы женится на прелестной дѣвицѣ Габріель (г-жа Ами), и нѣтъ сомнѣнія, этимъ завершаются всѣ его неудачи.

Гг. Лабишь и Маркъ–Мишель въ своемъ комедіи–водевилѣ: *Un mari qui prend du ventre*, который служитъ какъ–бы продолженіемъ исторіи бѣднаго Макара, водевиль, доказываютъ, что и на женатаго валятся порой шишки и что вообще нѣтъ розы безъ шиповъ.

Нѣкто Пижорэ (г. Лемениль), женившись на Селестинѣ (г-жа Ами), считалъ себя совершенно-счастливымъ. Чего въ-самомъ-дѣлѣ не дала ему прихотливая судьба: молодую и хорошенькую жену, независимое состояніе и здоровье! Душевное спокойствіе и самодовольство развили въ Пижорэ аппетитъ: Пижорэ начинаетъ кушать. Кушаетъ и полнѣетъ; полнѣетъ и становится лѣнивъ и неповоротливъ. Первая шишка падаетъ на него въ видѣ кузена жены, Ашилля (г. Мошера̀). Кузенъ этотъ исполняетъ всевозможныя порученія Пижорэ и сопровождаетъ повсюду его жену. Доброму мужу ничего бы и не пришло въ голову, еслибъ не докторъ Берношъ (г. Невиль). Эта ученая особа разсказываетъ Пижорэ, что̀ такое un mari, qui prend du ventre и приводитъ его въ ужасъ. «Скажи мнѣ, говоритъ докторъ сколько въ тебѣ вѣсу и я скажу, кто ты: вѣсомъ твоего тѣла я опредѣлю мѣру твоего несчастія». О ужасъ! Пижорэ вѣситъ восемьдесятъ–девять килограммовъ (около $5^1/_2$ и высшая степень несчастія начинается съ девяносто пудовъ)!.. Прощай душевное и тѣлесное спокойствіе! Пижорэ долженъ похудѣть. Докторъ говоритъ, что для этого нужно движеніе: Пижорэ учится танцовать, рубитъ дрова, носитъ воду. Нужны нравственныя потрясенія: Пижорэ вызываетъ на поединокъ своего танцовальнаго учителя Кабуляра (г. Дюссеръ). Но каково же положеніе несчастнаго мужа, когда всѣ предпринимаемыя имъ мѣры похудѣть оказываются недѣйствительными, даже вредными, и онъ вѣситъ *девяносто-одинъ килограммъ*! Дѣло въ томъ, что онъ въ попыхахъ не замѣтилъ, какъ положилъ себѣ въ карманы четыреста франковъ, пятифранковою монетою, вѣсъ которыхъ и составилъ ровно два килограмма. Жена улаживаетъ наконецъ все: кузенъ удаленъ, деньги вынуты изъ кармановъ мужа для покупки несессера и Пижорэ съ удовольствіемъ замѣчаетъ, что онъ похудѣлъ—и водевиль конченъ!

Гг. Лабиша и Маркъ–Мишеля нельзя причислить къ разряду слишкомъ-талантливыхъ писателей, да они, должно полагать, и не имѣютъ на это притязанія. Исполнена пьеса очень-недурно. Гг. Лемениль и Дюссеръ были особенно-забавны. Публика смѣялась — этого конечно и довольно.

На Александринскомъ Театрѣ двѣ новости: одна русская, другая нѣмецкая:

За вѣру, Царя и отечество—оригинальное народное представленіе, въ трехъ картинахъ, соч. актера П. Григорьева I-го, имѣло значительный успѣхъ. Пьеса состоитъ изъ отдѣльныхъ явленій и эпизодовъ, въ которыхъ общее только то, что они всѣ, болѣе или

менѣе, свидѣтельствуютъ о патріотизмѣ и усердіи русскихъ въ настоящее время. Интересъ пьесы и ея успѣхъ основанъ главнѣйшимъ образомъ на пѣсняхъ и монологѣ въ стихахъ объ англичанахъ вообще и Нэпирѣ въ-особенности. Вотъ, напримѣръ, пѣснь *Выборнаго*, вызывающая постоянно громкія рукоплесканія :

«Наша русь любимая,
Встань со всѣхъ концовъ!
Грянь, непобѣдимая,
На своихъ враговъ!

—

Русь богохранимая,
Словно Божій громъ,
Встанетъ мать родимая
Съ батюшкой-Царемъ!!

—

Не считая много ли,
Мы враговъ уймемъ!
Чтобы Русь не трогали —
Всѣ въ огонь пойдемъ!!

—

Наберемъ охапками.
Вражескихъ головъ!
Закидаемъ шапками
Всѣхъ своихъ враговъ!

—

Неменьшій восторгъ производитъ и пѣснь отставнаго моряка *Бориса Непогоды*, въ которой говорится, между-прочимъ, о томъ, что

Англичанамъ ни на шагъ
Не уступитъ нашъ морякъ!
Мы наловимъ, ай-люли,
Красныхъ раковъ на мели!..

Вотъ небольшой отрывокъ стиховъ о Нэпирѣ, которые почему-то названы сказкою :

Что жь? смекнулъ герой пирущекъ, (то-есть Нэпиръ)
Что въ Россіи много пушекъ —
Осторожность взялъ...
Выпивъ важно чарку джину,
Сѣлъ на легкую машину —
Въ Данію подралъ!
Гдѣ-то нанялъ тамъ штульвагенъ,
И надменно въ Копенгагенъ
Ко двору предсталъ!
Какъ узрѣлъ владыка датскій
Ликъ недобрый и небратскій,
Слова не сказалъ!
Отъ холоднаго пріему
Злой Непиръ вдругъ тяпнулъ рому
Курсъ къ эскадрѣ взялъ...
На эскадрѣ сдѣлалъ стойку (?),
Послѣ сдѣлалъ всѣмъ попойку
И, схвативъ трубу,
Смотритъ... «Нѣтъ трудна побѣда...
«Такъ нельзя ль втянуть и шведа
«Съ русскими въ борьбу?

«Онъ сосѣдъ ближайшій самый,
«Шведъ не рубленый, упрямый,
«Пусть и онъ грозитъ!
«Шведъ когда-то, подъ Полтавой,
«Говорятъ, дрался со славой,
«Хоть и былъ разбитъ.
«Дàтчане не смѣютъ драться
«Насъ ругаютъ и боятся
«Въ нихъ надежды нѣтъ!
«Мы когда-то ихъ державу
«Такъ ограбили на славу,
«Что дивился свѣтъ!»

—

Въ обстоятельствахъ конфузныхъ,
Ждалъ Непирь судовъ союзныхъ
Да лавировалъ...
И гордясь турецкимъ братствомъ,
Занялся герой пиратствомъ
Бѣдныхъ грабить сталъ...
По балтійскому раздолью
Забирая барки съ солью,
Англіи дарилъ!
Иль, отважно на просторѣ,
Измѣрялъ онъ наше море
Вехи городилъ... и т. д.

Намъ остается только прибавить, что пьеса исполняется очень-удачно и дается весьма-часто. Послѣднее обстоятельство, очевидно, доказываетъ ея достоинство.

Пьеса напечатана и авторъ половину денегъ, вырученныхъ отъ продажи своего произведенія, предназначаетъ въ пользу раненныхъ воиновъ. Это конечно приноситъ ему честь и будетъ способствовать скорѣйшей продажѣ его пьесы. Желаемъ искренно успѣха.

Der Feind vor Odessa—драма г. Мейера, написана съ большими претензіями; но, чувства и намѣреніе автора заслуживаютъ, безъ-сомнѣнія, похвалу. Въ подтвержденіе нашего мнѣнія разсказываемъ въ короткихъ словахъ содержаніе самой пьесы.

Сынъ русскаго помѣщика Лаврова (г. Толлертъ) Ѳедоръ (г. Орловскій) офицеръ Томскаго Егерскаго Полка, влюбленъ въ Мери (г-жа Поллертъ-Юнке), дочь англичанина Джонсона (г. Бозаръ), богатаго купца, проживающаго въ Одессѣ. Прекрасная англичанка и ея обожатель, по праву влюбленныхъ, не признаютъ никакого различія между націями, но г. Лавровъ и сэръ Джонсонъ думаютъ иначе. Русскій помѣщикъ чисто-на-часто запрещаетъ своему сыну и думать о Мери Джонсонъ. Англичанинъ долго и горячо доказываетъ, что нація его — великая и благороднѣйшая нація. Г. Лавровъ не соглашается съ его мнѣніемъ и стоитъ на-своемъ: дочь одного изъ враговъ Россіи ни подъ какимъ видомъ не можетъ быть дочерью русскаго дворянина. Ѳедоръ, какъ и слѣдуетъ всякому влюбленному, въ сильномъ отчаяніи готовъ наложить на себя руки. Дѣло, однакожь, обходится безъ катастрофы. Слезы и ласки матери (г-жа Берендорфъ), резоны отца и, отчасти, колокольный звонъ заставляютъ пылкаго и огорченнаго Ѳедора опомниться. Между-тѣмъ появился *непріятель передъ*

Одессою. Слухъ объ этомъ быстро распространяется по цѣлому городу и доходитъ наконецъ до ушей сэра Джонсона. «Справедливъ ли слухъ?» думаетъ онъ, какъ вдругъ получаетъ второе извѣстіе: адмиралъ Дондасъ намѣревается разгромить и сжечь городъ, несмотря на то, что въ немъ живетъ сэръ Джонсонъ, который положительно не вѣритъ городскому слуху. Помилуйте, какъ можно предположить, чтобъ его благородные, образованные и человѣколюбивые соотечественники рѣшились на такой варварскій поступокъ? Сэръ Джонсонъ бѣжитъ на берегъ для разъясненія общаго недоразумѣнія, но тутъ совершается ужаснѣйшая вещь — англійская пушка поражаетъ почтеннаго защитника своей націи. Какая непростительная оплошность со стороны адмирала Дондаса и его морскихъ артиллеристовъ! За-то и досталось же имъ отъ умирающаго Джонсона. Онъ, который такъ недавно считалъ особенною честью называться англичаниномъ, умирая, отрекается отъ своего отечества и проклинаетъ его! Лавровъ позволяетъ своему сыну жиниться на Мери; такимъ-образомъ, предосудительная стратегія адмирала Дондаса отняла у Англіи одного патріота и послужила поводомъ къ несказанному счастью г. Лаврова-сына.

Этимъ и ограничиваются театральныя новости… Появился 24-го іюня дебютантъ на французской сценѣ, Г. Бондуа, который займетъ, какъ слышно, амплуа, принадлежавшее когда-то внезапно-удалившемуся Бертону; но о немъ рѣчь впереди.

Каждому изъ читателей вѣроятно ужь извѣстно о прекрасномъ намѣреніи нашихъ соотечественниковъ почтить память поэта, пользовавшагося всеобщею любовью и уваженіемъ. Нѣтъ сомнѣнія, что намѣренію этому сочувствуетъ каждый просвѣщенный русскій и никто не откажется отъ удовольствія быть, по мѣрѣ силъ и возможности, вкладчикомъ въ дѣлѣ выраженія общей празнательности такому человѣку и поэту, какъ покойный Василій Андреевичъ Жуковскій. Въ концѣ этой книги нашего журнала вы найдете подробное объявленіе о подпискѣ на памятникъ.

Нужно ли доказывать, что подобные памятники всегда составляли и составляютъ народную славу и гордость?.. Потомство съ уваженіемъ станетъ вспоминать и того, кто заслужилъ безсмертіе и признательность современниковъ, которые умѣли цѣнить заслуги и дарованія! Ктò жъ не поспѣшитъ хоть малою лептою доказать кàкъ любитъ онъ родное искусство и литературу, кàкъ чтитъ онъ счастливыхъ избранниковъ?

Общее и живое сочувствіе содѣйствуетъ скорѣйшему развитію науки и художества. Отрадное доказательство этому становится у насъ съ каждымъ днемъ яснѣе-и-яснѣе. Немного болѣе любви къ родному искусству и оно пойдетъ быстрѣе! Мы не думаемъ сказать этимъ, чтобъ у насъ не было вниманія и любознательности; но чѣмъ больше, тѣмъ лучше.

Кстати сообщаемъ здѣсь пріятную новость. Она заключается въ томъ, что давно-задуманное дѣло, которое уже приноситъ очевидную пользу почти всей Европѣ, приводится и у насъ къ концу. Возвратившись въ Петербургъ (предполагается, что вы за городомъ), вы по-

ѣдете по знакомымъ улицамъ съ сознаніемъ, что подъ этою исправленною торцовою настилкою, или подъ этимъ булыжникомъ проведена возможность сказать вашему московскому пріятелю:

— Любезный другъ, вотъ и у насъ, есть электрическій телеграфъ!

Пріятель черезъ нѣсколько минутъ отвѣтитъ вамъ:

— Да̀, честь имѣю поздравить!

Мы увѣрены, что подобная новость немало порадуетъ всякаго.

Еслибъ «Замѣтки» должны были передавать только *новости* въ строгомъ смыслѣ слова, то намъ пришлось бы на этотъ разъ ограничиться сказаннымъ. По-счастью, въ область «Замѣтокъ» входитъ вся общественная жизнь Петербурга, и потому мы спѣшимъ поговорить объ удовольствіяхъ прошлаго мѣсяца.

Кромѣ музыки, пѣсенниковъ, фонарей, акробатовъ, Франца Бауера, играющаго на мульдтгармоникѣ, мандалинѣ и цитрѣ, кромѣ всѣхъ ужь нѣкоторымъ образомъ извѣстныхъ вамъ наслажденій, раскиданныхъ излеровскою рукою по всѣмъ угламъ его сада, недавно явились еще двѣ, даже три новости.

Вопервыхъ, инструментальный квартетъ изъ Голландіи (скрипка, віолончель, флейта и гитара), состоящій изъ гг. Бауера и Ф. де Блана и гг-жъ Вентрлокъ и Бауеръ.

Вовторыхъ, балетная труппа изъ гг. Эрнеста и Августа Легатъ и Рудольфа и д-цы Аделаиды Легатъ.

Втретьихъ, хоръ *поддѣльныхъ* цыганъ.

Есть поддѣльные брильянты, поддѣльные волосы, поддѣльные зубы— почему же не быть поддѣльнымъ цыганамъ?

Балетъ перемѣстился къ Излеру изъ болѣе или менѣе-извѣстнаго вамъ, хоть по наслышкѣ, балагана Легата, который занимаетъ, въ продолженіе масляницы и святой недѣли довольно-видное мѣсто на Адмиралтейской Площади.

Голландскій квартетъ замѣчателенъ, сверхъ своей музыкальности, еще и тѣмъ, что господинъ и госпожа Бауеръ поютъ иногда solo, иногда и дуэты.

Въ Павловскомъ Воксалѣ былъ въ началѣ прошлаго мѣсяца бенефисъ Гунгля. Кромѣ оркестра, изъ ста человѣкъ, подъ управленіемъ бенефиціанта, исполнявшаго *избраннѣйшія* и *новѣйшія* пьесы, въ саду игралъ военный оркестръ. *Профессоръ* Эдуардъ Разими (изъ Ньюйорка) давалъ *мимико-воздушныя* представленія, съ которыми вы, безъ-сомнѣнія, познакомились еще зимою. Тутъ же показывалась движущаяся картина береговъ Миссиссипи, неменѣе-извѣстная вамъ съ 1852-го года. Наконецъ, въ-заключеніе праздника сожженъ былъ фейерверкъ! Все это очень-мило. Весьма-хорошъ оркестръ во сто человѣкъ, подъ управленіемъ Іосифа Гунгля исполняющій: *любовь*-вальсъ, *Bliktri*-польку, кадриль— *les Casaques*, дуэтъ изъ оперы Мейербера *L'Etoile du Nord*, *Marianca*-польку и т. п.

Фельетонистъ прежде всего долженъ быть правдивъ. Итакъ, разсказывая о лѣтнемъ нѣмецкомъ клубѣ (близь Измайловскаго Моста, въ домѣ Тарасова), онъ воздаетъ должное г. Шаферу, какъ главнѣйшему виновнику нѣкоторыхъ украшеній скромнаго гу-

лянья въ клубскомъ саду. Великолѣпныя люстры изъ разноцвѣтныхъ фонарей повѣшены въ воздухѣ. Арки и гирлянды изъ розовыхъ, голубыхъ, желтыхъ и другихъ огней освѣщаютъ аллеи. Транспарантъ надъ залою изображаетъ женщину (Фортуну!), щедро-разсыпающую (вѣроятно, на посѣтителей нѣмецкаго клуба) цвѣты и звѣзды. По угламъ сада разставлены крошечные амуры (транспаранты), съ приподнятыми ножками, лукаво-стрѣляющіе въ проходящихъ... Сколько, влѣдствіе этого, выходитъ изъ сада подстрѣленныхъ!.. Музыка подъ смычками г. Гусли наигрываетъ разнообразныя польки и вальсы и, по требованію публики, Kegelbahn — знаменитый галопъ нынѣшняго лѣтняго сезона. Въ этомъ замѣчательномъ произведеніи г. Лунда, сверхъ шумной и смѣшанной музыки, раздаются порою азартнѣйшіе крики музыкантовъ и звуки падающихъ кеглей. . какимъ образомъ катится шаръ—этого, кажется, неслышно. Гуляющихъ въ послѣднее время, благодаря иллюминаціямъ и бенгальскимъ огнямъ г. Шафера, значительно прибавилось въ нѣмецкомъ клубѣ. Гулянье, однакожь, сохранило свой первобытный семейный характеръ. Дѣти рѣзвятся, покрикиваютъ, играютъ въ лошадки и занимаются гимнастическими упражненіями. Безчисленное множество чайныхъ столиковъ раскидано по зеленымъ лужайкамъ, подъ тѣнью деревъ. Скамьи въ нѣсколько рядовъ поставлены передъ оркестромъ. Въ сторонѣ играютъ въ карты. Въ *главной* аллеѣ толпятся тѣ, которые пожаловали сюда собственно не гулять, а болѣе посмотрѣть другихъ, или себя показать — тутъ ужь семейнаго очень-мало. Какъ бы то ни было, гулянье въ нѣмецкомъ клубѣ весьма нравятся многимъ, чему конечно не мало способствуетъ удобное положеніе сада среди города. Бо́льшая часть гуляющихъ является сюда пѣшкомъ. Легко можетъ быть, что не далѣе, какъ въ будущемъ году, садъ нѣмецкаго клуба войдетъ en vogue. Весьма будетъ пріятно!

Почти такую же будущность можно предсказывать и саду графа Кушелева-Безбородко, гдѣ въ настоящее время отличаются: г. Шиндлеръ съ своимъ оркестромъ, панорама г-жи Гебгартъ и нѣсколько ею же новоизобрѣтенныхъ самострѣловъ (самострѣлы эти останутся вѣчно-новоизобрѣтенными — такъ угодно г-жѣ Гебгартъ!). Входъ въ Безбородкинскій Садъ безплатный, за исключеніемъ весьма-рѣдкихъ случаевъ, къ числу которыхъ должно отнести, напримѣръ, недавній бенефисъ г. Шиндлера. Впрочемъ, и при этой экстренной оказіи плата за входъ взималась самая умѣренная— 50 коп. сер. И, однакожь, чѣмъ было это не гулянье? Воксалъ, то-есть буфетъ, павильйонъ для музыкантовъ и даже нѣкоторыя деревья были *великолѣпно* иллюминованы; оркестръ съигралъ, между-прочимъ, тотъ же самый Kegelbahn — галопъ, который разъигривается въ нѣмецкомъ клубѣ и на Минеральныхъ Водахъ у Излера; музыканты вскрикивали съ тѣмъ же одушевленіемъ, какъ и вездѣ; паденіе кеглей изображено такъ же натурально; словомъ, повторяемъ, знаменитый галопъ вышелъ все тотъ же и публика не пожалѣла рукъ. Г. Шиндлеръ былъ даже *неоднократно* вызываемъ и, повидимому, тронутъ до глубины души знаками публичной признательности; онъ

съигралъ въ благодарность очень-чувствительную adieu-польку. То была лебединая пѣснь гулянья; фонари стали потухать, публика разошлась и разъѣхалась, унося съ собою самыя пріятныя впечатлѣнія.

Въ дни безплатнаго гулянья въ Безбородкинскомъ Саду публики бываетъ не такъ много, но, за-то она можетъ похвастать своею фешонэбльностью неменѣе павловской. По-крайней-мѣрѣ здѣсь мало попадается тѣхъ щегольскихъ нарядовъ, которые почему-то не нравятся многимъ, и особенно дамамъ. Гулянья бываютъ по вторникамъ, четверткàмъ и воскресеньямъ. Субботніе вечера посвящены баламъ на Полюстровскомъ Ключѣ. Публика, танцующая на этихъ балахъ, далеко уступаетъ своею численностью публикѣ, извнѣ ее наблюдающей. Причину этого, конечно, не должно относить къ разсчетливости полюстровскихъ обитателей; пусть лучше она заключается въ ихъ наблюдательности и склонности къ легкимъ сарказмамъ — отчего не предполагать такъ? Во всякомъ случаѣ, выходитъ, что теперь въ Безбородкинскомъ Саду очень-пріятно и очень-весело, а современемъ будетъ еще пріятнѣе и еще веселѣе. Кажется, это ясно.

На третьей верстѣ петергофской дороги, на дачѣ купца Лежоева, по четверткàмъ и воскресеньямъ поютъ цыгане и пѣсенники, гремитъ музыка и предлагаются желающимъ всевозможныя питія и яства. Всѣ эти удовольствія, вмѣстѣ взятыя, учредитель, который *не щадитъ трудовъ и издержекъ, лишь бы почтеннѣйшая публика не оставила его своимъ посѣщеніемъ*, называетъ *Монплезиромъ*. При внимательномъ изслѣдованіи этого увеселительнаго заведенія, оказывается, что только одинъ хозяинъ и можетъ называть его *своимъ удовольствіемъ*; посѣтители же совершенно-другаго мнѣнія.

МОДЫ.

Бѣлыя платья, кажется, никогда еще не были въ такой модѣ, какъ теперь. Они дѣлаются изъ кисеи, тюля, тафты и фуляра. Бѣлыя кисейныя платья очень-красивы съ вышитыми воланами. Лифъ на кисейныхъ платьяхъ не иной можетъ быть, какъ сборчатый. Рукава широкіе, тоже съ вышитыми воланами. Банты изъ цвѣтныхъ лентъ прикалываются на груди и рукавахъ платья. Шелковыя бѣлыя платья убираются также воланами, на которые нашивается соломка. Но мы лучше опишемъ платье, которое намъ случилось видѣть на-дняхъ. Оно было сдѣлано изъ самой легкой, бѣлой шелковой матеріи. Семь злановъ покрывали юбку. Соломка, сплетенная въ видѣ аграманта, была нашита на каждомъ воланѣ, лифъ съ драпри и съ однимъ воланомъ, который обхватывалъ лифъ, какъ берта. Рукава съ буфами и съ однимъ воланомъ, на которомъ такъ же, какъ и на лифѣ, нашитъ соломенный аграмантъ. Очень-красиво, когда воланы вышиваются цвѣтнымъ шелкомъ и соломкой вмѣстѣ. Соломка вообще теперь въ большой модѣ: ею вышиваются шляпки, платья и мантильи; но рюшь

также не забыть, особенно на мантильяхъ чернаго цвѣта: на нихъ ужь непремѣнно вы увидите или сверхъ кружевъ, или сверхъ волановъ рюшь изъ лентъ, то изъ самыхъ узенькихъ лентъ, то шириною пальца въ два. Мантильи–шарфъ точно въ такой же модѣ, какъ были и прошлаго года; впрочемъ, трудно что–нибудь придумать удобнѣе этихъ мантилій.

Вотъ очень–миленькая мантилья – шарфъ изъ чернаго тюля съ двумя воланами изъ черныхъ широкихъ кружевъ. Сверхъ нижняго волана нашита муаре лента шириною въ ладонь и собранная большими глубокими складками; наверху эта лента нашита въ–гладь; она можетъ быть черная и цвѣтная.

Маленькая тальма тоже въ большой модѣ; она обыкновенно дѣлается изъ легкой шелковой матеріи и сбирается рюшью изъ лентъ, кружевами и бахрамой.

Чепчики съ шековыми донышками все болѣе–и–болѣе входятъ въ употребленіе; иногда весь чепчикъ и рюшь дѣлаются изъ тафты; къ такимъ чепчикамъ прикалываются тафтяныя лопасти.

Чепчики для утренняго неглиже дѣлаются изъ тюля и узенькихъ блондъ. Самыя узенькія ленты, пяти или шести цвѣтовъ, покрываютъ почти весь чепчикъ. Завязки должны быть всегда изъ широкихъ лентъ

Шляпки такъ малы и прозрачны, что не могутъ защитить не только отъ солнца, но и отъ пыли; потому для катанья необходимъ частый вуаль. По вечерамъ для визитовъ нѣтъ ничего красивѣе нынѣшнихъ шляпокъ. Лицо дамы въ нихъ совершенно–открыто. Въ такой шляпкѣ можно пробыть цѣлый день и не замѣтить, что есть шляпка на головѣ. Если что̀ въ нихъ и можетъ женировать, такъ это завязки, которыя дѣлаются изъ самыхъ широкихъ лентъ, и очень–длинныя. Шали въ большой модѣ — и кашмировыя, и креповыя, и кружевныя.

НОВЫЕ ЭКИПАЖИ Г. НЕЛИСА.

Къ 1-му № «Отечествен. Записокъ» приложены рисунки экипажей, дѣлаемыхъ однимъ изъ лучшихъ петербургскихъ каретныхъ мастеровъ, *г. Неллисомъ*; теперь прилагаемъ доставленныя намъ тѣмъ же мастеромъ рисунки четырехъ дорожныхъ экипажей, съ означеніемъ ихъ цѣнъ. Думаемъ, что нашимъ читателямъ интересно будетъ знать новости и по этой части.

Лит. А. Двумѣстная городская карета на лежачихъ рессорахъ, весьма-удобная также для небольшихъ вояжей. Дорожный приборъ, состоящій изъ одной или двухъ важъ и одного сундука подъ козлами (какъ показано на рисункѣ подъ *лит. В*), весьма-легко снимается· Если потребуется болѣе дорожнаго прибора, то весьма-удобно помѣстить еще задній съемный сундукъ. Карета довольно-высока отъ земли, на высокихъ колесахъ, и посредствомъ двухъ шкворней устроена на весьма-короткомъ ходѣ, слѣдовательно, на ѣздѣ очень-легка.

Лит. С. Дорожная коляска, сдѣланная г. Неллисомъ съ совершенно-новымъ устройствомъ, замѣчательна по укладкѣ; она замѣняетъ–

можно сказать, два экипажа: фургонъ и коляску. Этотъ экипажъ сдѣланъ для двухъ особъ: впереди мѣсто кучеру и одному человѣку, назади мѣсто для двухъ; оно, если потребуется, можетъ быть закрыто и замѣняетъ собою одинъ ящикъ. До-сихъ-поръ не бывало еще у насъ такого легкаго и вмѣстительнаго дорожнаго экипажа. Убыкновенно имѣющіе надобность въ отдаленныхъ путешествіяхъ желаютъ имѣть коляску покойную, и главное, укладистую, легкую и притомъ такую, чтобъ въ ней можно было спать спокойно: изобрѣтенная г-мъ Неллисомъ коляска удовлетворяетъ этимъ желаніямъ. Въ ней можно спать, можно уложить въ нее весь гардеробъ, столовую и спальню; притомъ же она такъ легка, что надобно было сдѣлать къ ней два самоспускающіеся «башмака» (показанные на рисункѣ подъ *лит. С*), такъ-что, если лошади понесутъ, сидящему впереди слугѣ, или кучеру, стоитъ только снять одинъ ремень съ крючка—и въ ту же минуту заднія колеса, въ два аршина вышины, останавливаются. Одно неудобство въ этой коляскѣ: она очень-высока; но отъ этого выигрываетъ ея видъ, и притомъ сидящіе въ ней не обрызгиваются грязью, что̀ въ большихъ дорогахъ составляетъ немаловажную выгоду.

Лит. Д. Дорожная коляска послѣдняго фасона довольно-легкая и укладистая.

Лит. Е. Дорожная семейная карета весьма-удобная и укладистая.

Вотъ цѣны экипажамъ г Нелиса:

Двухмѣстная городская карета стоитъ отъ 900 р., 950 р., 1000 р., 1050 р., 1100 р. сер. и болѣе.

Двумѣстная коляска отъ 700 р., 750 р., 800 р., 900 р. и болѣе.

Четырехмѣстная коляска отъ 900 р., 950 р., 1500 р. и болѣе.

Четырехмѣстная городская карета отъ 950 р., 1000 р., 1100 р., 1150 р. и болѣе.

Дормезъ отъ 1100 р., 1200 р., 1300 р. и болѣе.

Дорожная коляска отъ 1000 р., 1200 р. и болѣе.

Линейка на стоячихъ рессорахъ отъ 300 р., 315 руб.

Линейка на лежачихъ рессорахъ 350 р., 375 р. и болѣе.

Сани 150 рублей.

За вѣрную доставку ручается г. Неллисъ и притомъ обязывается по первому требованію высылать рисунки дѣлаемыхъ имъ экипажей и объявлять крайнія цѣны, сообразно тому, какая кому угодно будетъ отдѣлка экипажа и пр.

ОПЕЧАТКИ.

Въ № 7-мъ «Отеч. Записокъ», въ статьѣ *Графъ Ѳ. В. Растопчинъ*, вкрались слѣдующія погрѣшности, которыя просимъ исправить:

Стран.	Строка.	*Напечатано:*	*Должно быть:*
16	1	снизу: состязаніе	сознаніе
43	26	сверху: 17 мая	17 января

Сверхъ-того, вездѣ, вмѣсто d'Alouville, должно быть: d'Alonville, вмѣсто д'Алувиль — д'Алонвиль.

НОВЫЯ МУЗЫКАЛЬНЫЯ СОЧИНЕНІЯ
у М. БЕРНАРДА,
на Невскомъ Проспектѣ, противъ Малой Морской, въ домѣ Паскаля, № 11.

Оперы для фортепіано въ двѣ руки.

(Полныя дешевыя изданія въ маломъ форматѣ).

	Сер. Р.	К.
Auber. — Fra Diavolo (2 р. 85 к.). Fenella	2	85
Balfe. — Les quatre fils d'Haymon	3	—
Bellini. — Beatrice di Tenda (2 р. 85 к.). I Montecchi ed i Capuletti (3 р.). Norma (3 р.). Il Pirata (3 р.) I Puritani (2 р. 85 к.). La Sonnambula (3 р.). La straniera . .	2	85
Boieldie. — La dame blanche (2 р. 85 к.). Jean de Paris .	1	70
Cimarosa. — Il matrimonio segreto	3	—
Cherubini. — Les deux journées	2	85
Donizetti. — Anna Bolena (4 р.). L'elisire d'amore (3 р.). Lucia di Lammermoor	3	—
Gretry. — Richard cœur de lion	2	85
Halevy. — Les mousquetaires (3 р. 50 к.) Le val d'Andorre	3	50
Herold. — Zampa ou la fiancée de marbre	2	85
Mercadante. — Il Giuramento (2 р. 85 к). La Vestale . .	2	85
Meyerbeer. — Le siège de Gand. Grand opéra en 5 actes . .	5	—
Mozart. — Cosi fan tutte (2 р. 85 к.). Don Juan (2 р. 85 к.) L'enlevement au serail (2 р.). Figaro (2 р. 85 к.). La jardinière (2 р. 85 к.). Idomeneo (2 р. 30 к.). Titus (2 р.). La flûte enchantée (Zauberflöte)	2	30
Rossini. — Le barbier de Seville (2 р.). Cenerentola (3 р.). La donna del lago (2 р. 85 к.) La gazza ladra (2 р. 85 к.). Zora (2 р. 85 к.). Otello (2 р. 85 к.). Le siège de Corinthe (3 р.). Tancred (2 р. 85 к.). Matilda di Shabran.	2	85
Verdi. — Ernani (3 р.). I Lombardi	3	—
Weber. — Der Freischütz (2 р. 85 к.). Oberon	2	85

Оперы для фортепіано въ четыре руки.

(Полныя дешевыя изданія въ маломъ форматѣ).

Auber. — Fenella	5	15
Bellini. — Norma (5 р. 15 к.). La Sonnambula	5	15
Boieldieu. — La dame blanche	5	15
Donizetti. — Lucia di Lammermoor	5	15
Herold. — Zampa ou la fiancée de marbre	4	30
Mozart. — Cosi fan tutte (5 р. 15 к.). Don Juan (5 р. 70 к.). L'enlevement du serail (5 р. 15). Figaro (5 р. 70 к.). La flûte enchantée (5 р. 15 к.). Titus	5	15
Rossini. — Le barbier de Seville	5	15

Пьесы для флейты

	Сер. Р.	К
Boehm. — Souvenir des alpes. Six morceaux de salon avec piano № 1 à 6 (каждый 1 р.). 24 caprices-études. op. 26.	2	60
Briccialdi. — Deux fleurs. Morceaux de salon avec piano op. 63 (2 р. 25 к.). Caprice avec piano op. 64 (1 р. 70 к.). Concerto op. 65 (2 р.). Beatrice di Tenda. Fantaisie avec piano	1	70
Canthal. — Cent recréations agréables pour la flûte seule .	3	40
Diabelli. — Productionen im häuslichen Freundschafts-Zirkel mit Piano № 84. 85 Lucrezia Borgia. Deux potpourris (каждый 1 р. 70 к.) № 86. 87. 88. Trois potpourris sur le Siège de Gand de Meyerbeer (каждый 1 р. 70 к.). № 93. 94. 95. Rigoletto de Verdi. Trois potpourris, каждый	1	15
— — Der musikalische Gesellschafter in einsamen Stunden. Periodisches Werk für eine Flöte № 81 Ernani. № 83 Lombardi. № 87 Gitana. № 88 Rigoletto, каждый . .	1	15
Dorus. — Echos de lagunes. Seize airs variées, fantaisies, mélanges sur des mélodies de Donizetti pour la flûte seule	2	80
Fürstenau. — Reminiscences de Meyerbeer. Fantaisie avec piano	1	15
Forde. — L'anima dell'opera. Cavatines et autres pièces favorites pour la flûte et piano № 1 à 90. каждый . . .	—	65
Hoffmann et *Müller.* — Six duos concertans pour flûte et violon liv. 1 à 3, каждая	1	40

Выписывающіе нотъ на сумму не менѣе *трехъ рублей серебромъ*, получаютъ *двадцать пять* процентовъ уступки, а выписывающіе на *десять руб. сер.*, пользуясь означенною уступкою, кромѣ того, ничего не прилагаютъ на пересылку. Выгодою этой пользуются только особы, которыя обратятся съ своими требованіями *непосредственно* въ магазинъ М. Бернарда. На этихъ же условіяхъ можно выписывать изъ означеннаго магазина всѣ музыкальныя сочиненія, кѣмъ бы они ни были изданы и объявлены въ какомъ-либо каталогѣ.

Въ этомъ же магазинѣ вышла 1-го іюля восьмая тетрадь музыкальнаго журнала «НУВЕЛЛИСТЪ» (годъ XV), которая содержитъ въ себѣ, между прочими: *Schulhoff*, Souvenir de Kieff, Mazurka. — *Ascher*, Le rêve de bonheur, Idylle. — *Chopin*, Feuillet d'Album, Valse posthume. — *Mayer*, Conte de fées. — *Strauss* (fils) Bouquet-Quadrille. — *Talexi*, Polka-Mazurka. — *Bonoldi*, Romance.

Музыкально-литературное прибавленіе № 8. (Годовая цѣна подписки 10 р., съ пересылкою 11 руб. 50 коп. серебромъ).

Гг. желающіе подписаться на Нувеллистъ на 1854 г. получаютъ сполна всѣ тетради, вышедшія сначала нынѣшняго года.

Печатать позволяется. 1-го іюля 1854 г. Ценсоръ *А. Фрейганг*.

ОГЛАВЛЕНІЕ

ДЕВЯНОСТО-ПЯТАГО ТОМА

ОТЕЧЕСТВЕННЫХЪ ЗАПИСОКЪ.

стр.

I. Словесность.

стр.

II. Науки и Художества.

III. Критика.

IV. Библіографическая Хроника.

НОВЫЯ СОЧИНЕНІЯ.

ПРОДОЛЖЕНІЕ НАЧАТЫХЪ ИЗДАНІЙ.

ПЕРЕВОДЫ.

НОВЫЯ ИЗДАНІЯ.

ЖУРНАЛИСТИКА.

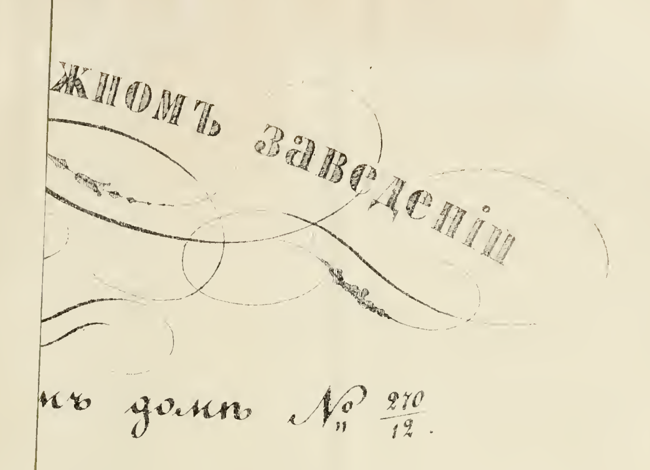
стр.

V. Иностранная Литература.

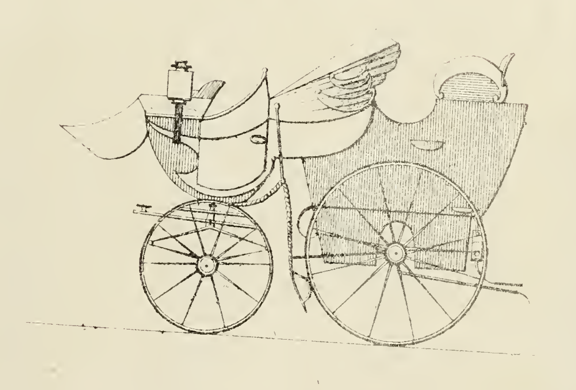
VI. Современная Хроника Россіи.

VII. Смѣсь.

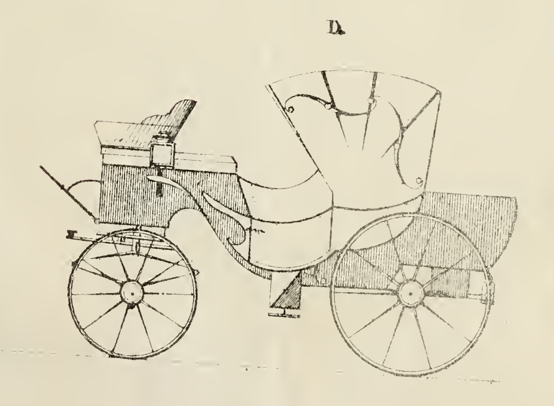
НОВОСТИ ЛИТЕРАТУРЫ, ИСКУССТВЪ, НАУКЪ И ПРОМЫШЛЕНОСТИ.

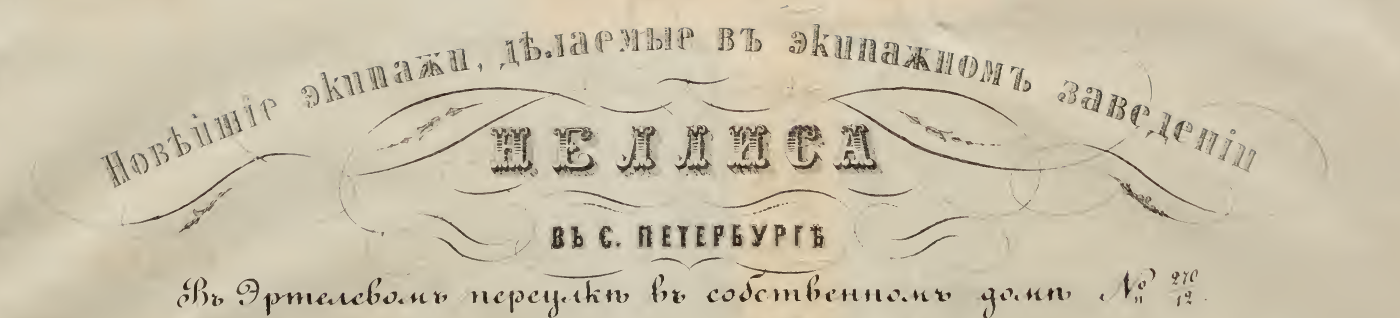

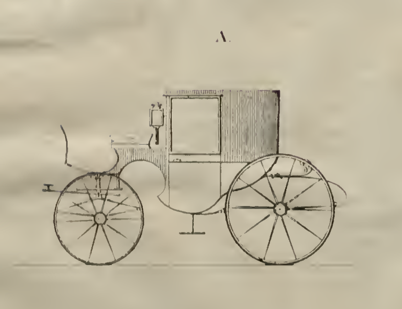
C.

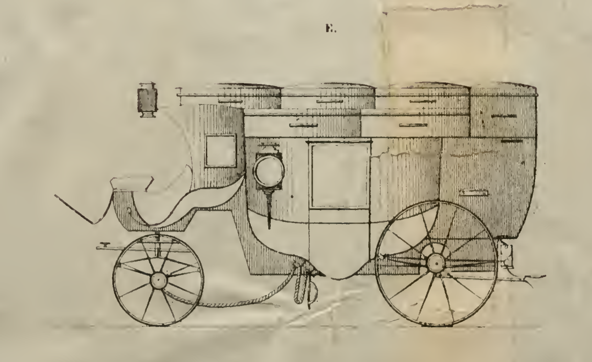

D.

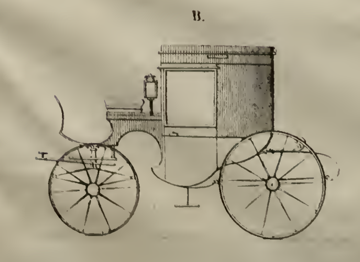

Новѣйшіе экипажи, дѣлаемые въ экипажномъ заведеніи
НЕЛЛИСА
ВЪ С. ПЕТЕРБУРГѢ
Въ Эртелевомъ переулкѣ въ собственномъ домѣ № 270/12.

A.

E.

C.

B.

D.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

I.

Съ Высочайшаго соизволенія Его Императорскаго Величества, друзья покойнаго В. А. Жуковскаго и другіе почитатели талантовъ его рѣшились, въ ознаменованіе своего и, какъ можно полагать, всеобщаго уваженія къ его памяти, открыть подписку на сооруженіе монумента надъ его гробницею въ Александро-Невской Лаврѣ. Приглашая всѣхъ участвовать въ семъ дѣлѣ, по мѣрѣ средствъ и усмотрѣнію своему, какими бы то ни было, даже и самыми малыми приношеніями, они смѣютъ думать, что такое изъявленіе чувства любви къ поэту, равно почтенному по блистательнымъ дарованіямъ и высокимъ нравственнымъ качествамъ, особенно прилично въ настоящее время, когда единодушное въ отечествѣ нашемъ движеніе умовъ и сердецъ столь живо напоминаетъ войну 1812 года, а съ тѣмъ вмѣстѣ и сражавшагося подъ ея знаменами *Пѣвца въ станѣ русскихъ воиновъ*.

Суммы, которыя будутъ предназначаемы на сей предметъ, могутъ быть доставляемы къ дѣйствительному тайному совѣтнику статс-секретарю графу Блудову въ Санктпетербургъ, на Михайловской Площади, въ домѣ Бодиско, для храненія въ кассѣ II-го Отдѣленія Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи.

II.

О ЗАДАЧѢ, ПРЕДЛАГАЕМОЙ НА КОНКУРСЪ ИМПЕРАТОРСКИМЪ РУССКИМЪ ГЕОГРАФИЧЕСКИМЪ ОБЩЕСТВОМЪ.

Императорское Русское Географическое Общество, возобновляя нынѣ, для соисканія преміи по Отдѣленію Этнографіи, прежнюю задачу, назначаетъ: 1) для представленія отвѣтовъ на оную срокъ къ 1-му іюня 1856 года, и 2) за вполнѣ-удовлетворительное разрѣшеніе задачи премію въ пятьсотъ рублей серебромъ.

I. Программа задачи.

Возстановить по такъ-называемой «Книгѣ Большаго Чертежа» древнюю географическую карту Россіи и сопредѣльныхъ съ нею странъ, для которыхъ эта книга въ свое время служила текстомъ.

Для разрѣшенія этой задачи требуется:

1) Всѣ географическія данныя, содержащіяся въ «Книгѣ Большаго Чертежа», пріурочить и нанести на карту, согласно указаніямъ самой книги.

2) Такъ-какъ «Большой Чертежъ» составленъ былъ по тогдашнимъ путямъ сообщенія внутри государства и съ сопредѣльными съ нами странами, то пути эти, какъ водные, такъ и сухопутные, означить на картѣ со всею тщательностью и съ возможною точностью, на основаніи показанныхъ въ книгѣ урочищъ и разстояній.

3) Къ составленной такимъ образомъ картѣ приложить объяснительный текстъ, въ которомъ дать подробный отчетъ какъ объ общихъ началахъ, принятыхъ для построенія карты, такъ и о причинахъ, почему нанесенныя на нея данныя пріурочены такъ, а не иначе.

4) Присовокупить систематическую роспись всѣхъ положенныхъ на карту мѣстностей въ порядкѣ, который обыкновенно употребляется въ географическихъ обозрѣніяхъ, или самый объяснительный текстъ расположить такъ, чтобъ вышелъ родъ географіи Россіи и сопредѣльныхъ съ нею странъ, современной «Большому Чертежу».

5) Сверхъ-того, желательно, чтобъ, хотя по-возможности, изслѣдовано было происхожденіе и судьба самого подлинника «Большаго Чертежа» и указано на источники, какіе могли служить для его составленія. Равнымъ образомъ полезно было бы коснуться вопроса: не былъ ли этотъ «Чертежъ» извѣстенъ иностраннымъ картографамъ XVII вѣка, и не пользовались ли они имъ при составленіи своихъ картъ Сѣверо-восточной Европы и Азіи? Въ-особенности же поручается обратить тщательное вниманіе, по-крайней-мѣрѣ, на то: въ какой степени данныя «Большаго Чертежа» согласуются или не согласуются съ картою, приписываемою царевичу Өедору Борисовичу.

II. Общія правила.

1) Сочиненія, представляемыя на конкурсъ, должны быть написаны на русскомъ, французскомъ или нѣмецкомъ языкѣ и переписаны чотко.

2) Они должны быть доставлены въ Императорское Русское Географическое Общество не позже назначеннаго выше срока, безъ подписи автора, но съ какимъ-либо девизомъ; къ рукописи долженъ быть приложенъ особый запечатанный конвертъ, съ означеніемъ на оберткѣ девиза сочиненія, а внутри имени, званія и мѣста жительства автора.

3) Сочиненія напечатанныя, также представленныя въ рукописи, но прежде гдѣ-либо напечатанныя, къ соисканію не допускаются; равнымъ образомъ не могутъ быть допущены къ соисканію сочиненія, которыя были представлены съ подобною же цѣлью куда-либо, кромѣ Географическаго Общества.

4) Всѣ поступившія сочиненія передаются по принадлежности для разсмотрѣнія ихъ въ Отдѣленіе, которое назначаетъ передъ наступленіемъ срока особую коммиссію изъ трехъ членовъ; донесеніе этой коммиссіи представляется не позже шести мѣсяцевъ по истеченіи срока и читается въ Отдѣленіи, постановленіе котораго объ этомъ предметѣ поступаетъ въ Совѣтъ. Окончательное присужденіе премій и вскрытіе пакетовъ, содержащихъ въ себѣ имена авторовъ, производятся въ Совѣтѣ.

5) За сочиненіе, вполнѣ-удовлетворяющее программѣ, выдается полная премія; если же ни одно изъ представленныхъ сочиненій не будетъ удовлетворять вполнѣ требованіямъ программы, то сочиненіямъ, наиболѣе приближающимся къ этимъ требованіямъ, могутъ быть выдаваемы половинныя преміи. Сочиненія, которыя не могутъ быть удостоены ни полной, ни половинной преміи, но въ какомъ-либо отношеніи заслуживаютъ вниманія, будутъ удостоиваемы почетныхъ отзывовъ.

6) Сочиненія, удостоенныя награды, будутъ печатаемы, по усмотрѣнію Общества, въ одномъ изъ его изданій съ предоставленіемъ ста экземпляровъ автору; причемъ послѣдній не лишается права печатать свое сочиненіе и другими изданіями въ свою пользу.

7) Сочиненія, неудостоенныя награды, будутъ храниться въ Канцеляріи Общества, безъ распечатанія приложенныхъ къ нимъ записокъ, и возвратятся авторамъ, если они того пожелаютъ, но не иначе, какъ по объявленіи избранныхъ ими девизовъ. Если, по истеченіи года со времени обнародованія результатовъ конкурса, авторъ такого сочиненія не объявитъ желанія получить оное обратно, то записка, содержащая въ себѣ означеніе его имени, будетъ сожжена, а самая рукопись поступитъ въ архивъ Общества для храненія.

8) Къ соисканію на преміи допускаются какъ члены Общества, такъ и посторонніа лица.

НОВЫЯ МУЗЫКАЛЬНЫЯ СОЧИНЕНІЯ

въ магазинѣ И. Пеца, нынѣ СТЕЛЛОВСКАГО,

въ Большой Морской, въ домѣ Лауферта № 116.

Сер. Р. К

Пьесы для фортепьяно.

Beyer. — Bouquets de mélodies des opéras: Lucia di Lammermoor, le désert, Robert le diable, Norma, Sonnambula, Les Guelphes et les Gibelins, les Puritains, le siège de Gand, каждая . . . . — 85

Burgmüller. — Fantaisie brillants sur Ernani (85 к.) Une soirée à Varsovie. Trois mazurkas 1 45

Chopin. — Quatre mazurkas. op. 33 Nouvelle édition (1 р. 30 к.) Berceuse op. 57 (60 к.) Trois valses favorites op. 64 . 1 70

Döehler. — Deux nocturnes op. 69 (60 к.) op. 70 (60 к.) Romance et cavatine de la fille du regiment transcrites (60 к.) Adieu. Mélodies de Schubert transcrite (60 к.) Afflitta. Mélodie . . . . — 40

Dreyschock.—Le vallon. Idylle (60 к.) La campanella. Impromptu — 75

Duvernoy. — Fantaisie sur i Montecchi ed i Capuletti . . . — 75

Fesca. — Souvenir à Henselt. Trois morceaux de salon . . . 1 70

Glinka. — Привѣтъ отчизнѣ. Музыкальные очерки: № 1. Souvenir d'une mazurka (75 к.) № 2. Barcarolle . . . . — 75

Goria. — La chanteuse voilée. Morceau de salon . . . . . — 85

Gottschalk. — Bananier. Chanson nègre (60 к.) Danse Ossianique. op. 12 . . . . — 75

Heller. — La truite (die Forelle) de Schubert (85 к.) Mélodie de Mendelssohn transcrite op. 67 . . . . 1 15

Henselt. — Introduction de l'opéra Euryanthe, choeur et ballet (1 р.) Ouverture Coriolan de Beethoven (1 30 к.) Chant sans paroles (60 к.) Nocturne op. 32 (60 к.) Ballade op. 31 (2 р.) L'aurore boréale. Grande valse brillant (1 р. 70 к.) Petite valse favorite (50 к.) Cadence (75 к.) Air de Balfe transcrit (1 р.) Sophie-Polka . . . . . — 60

Herz. — La Tapada. Polka caractéristique du Peron (1 р.) Lutine. Valse brillante (75 к.) Les ramiers. Morceau de salon (75 к.) Polonaise de l'opéra Linda di Chamounix. . — 75

Hünten. — Marguérite. Petite fantaisie (60 к.) Une fleur. Valse briliante (75 к.) Fantaisie sur la Sonnambula (85 к.) Rêveries mélancoliques (60 к.) Sérénade de Bellini . . . — 75

Kullak. — La coquette. Pièce caracteristique (75 к.) L'air de grace de Robert transcrit (75 к.) Paraphases: Norma (85 к.) Lucrezia Borgia (85 к.) I. Puritani . . . . — 85

Leschetitzky. — Les adieux (60 к.) Les clochettes. Impromptu — 75

Liszt. — Deux mélodies russes: № 1. Ты не повѣришь (1 15 к.) № 2. Соловей (85 к.) Le sejour. Mélodie de Schubert . — 1

Сер. Р. К.

Mayer. — Chant du gondolier (60 к.) Nocturne (60 к.) Romance italienne (60 к.) Elise-Polka. . . . . — 50

Meyer. — (L. de) Air bohêmien-russe . . . . — 85

Rosellen. — Trois rêveries. op. 103 № 1 à 3 (каждый 85 к.) Nocturne (75 к.) Fantaisie sur Beatrice di Tenda . . . 1 —

Rubinstein. — Mazurka-fantaisie (1 р.) Tarantelle 1 50

Schulhoff. — Souvenir de Kieff. Mazurka. op. 39 (75 к.) Grande marche cosaque. op. 38 (1 р. 50 к.) Trois idylles op. 36 (1 р. 50 к.) Ondine Idylle (85 к.) Menuet de Mozart. . — 50

Thalberg. — L'art du chant appliqué au piano. Douze compositions célèbres transcrites № 1 à 12 (каждый 1 р. 15 к.) Grande fantaisie sur le minuet de Don Juan (2 р.) Fantaisie sur l'opéra Zora de Rossini (1 р. 70 к.) Mimanca la voce de l'opéra Zora (60 к.) Souvenir de Beethoven. Grande fantaisie. . . . . 2 —

Voss. — Indra. Grande fantaisie (1 р. 70 к.) La faridondaine. Romance (1 р.) Les adieux du soldat. Grande marche (1 р. 15 к.) La musette. Mélodie paysanne (1 р. 15 к.) Luisa Miller. Grande fantaisie (1 р. 40 к.) Air italien (85 к.) Une fleur de bonheur. Romance 1 15

Weber. — Concertstück op. 79. Nouvelle édition (2 р.) Sonate op. 24 (2 р.) Sonate op. 39 (2 р.) Polonaise favorite op. 72 . . . . — 75

Разныя школы.

Аларъ. — Новѣйшая полная школа для скрипки, принятая для руководства въ Парижской Музыкальной Консерваторіи. На русскомъ, французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ . . 6 —

Ли. — Школа для віолончели или легчайшая метода для правильнаго изученія игры на віолончели, приспособленная къ самоученію. На русскомъ и французскомъ языкахъ . 4 —

Въ этомъ же магазинѣ можно получать всѣ музыкальныя сочиненія, гдѣ и кѣмъ бы то ни было изданныя, или объявленныя въ какомъ-либо каталогѣ на слѣдующихъ условіяхъ: выписывающіе нотъ не менѣе, какъ на *три* руб. сер., получаютъ 25 процентовъ уступки; выписывающіе же не менѣе, какъ на *десять* руб. сер., получаютъ тѣ же 25 процентовъ уступки и не платятъ ничего за пересылку; выписывающіе же болѣе чѣмъ на *двадцать* руб. сер., получаютъ гораздо больше уступки. Магазинъ И. Пеца, точнымъ и скорымъ выполненіемъ требованій пріобрѣлъ лестное расположеніе и довѣріе всей музыкальной публики, которымъ постоянно пользуется болѣе семидесяти лѣтъ. Также и на будущее время всѣ требованія гг. иногородныхъ будутъ удовлетворяемы со всевозможною точностью, аккуратностью и всегда съ первоотходящею почтою. Каталоги, какъ для пѣнія, такъ и для всѣхъ инструментовъ, а равно и прейскурантъ, разсылаются при посылкахъ безденежно.

Печатать позволяется, 2-го іюля 1854 г. Цензоръ *А. Фрейгангъ*.